КАТЫНЬ

1940–2000

ДОКУМЕНТЫ

Генеральная дирекция государственных архивов Республики Польши

Федеральная архивная служба России

Институт всеобщей истории Российской академии наук

Институт славяноведения Российской академии наук

Институт военной истории Министерства обороны Российской Федерации

Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации

Катынь

Март 1940 г. — сентябрь 2000 г.

Расстрел. Судьбы живых. Эхо Катыни

Документы

Редакционная коллегия:

Российская редколлегия:
В.П. Козлов (председатель), В.К. Волков, В.А. Золотарев,
Н.С. Лебедева (ответственный составитель),
Я.Ф. Погоний, А.О. Чубарьян

Польская редколлегия:
Д. Наленч (председатель), Б. Вощинский, Б. Лоек,
Ч. Мадайчик, В. Матерский, А. Пшевожник,
С. Снежко, М. Тарчинский, Е. Тухольский.

Составители:

Н.С. Лебедева
Н.А. Петросова
Б. Вощинский
В. Матерский
Э. Росовска

Москва
Издательство «Весь Мир»
2001

УДК 94/99
ББК 63.3
К 29

Издание подготовлено при поддержке
Совета по охране памяти борьбы и мученичества
Республики Польши и Польской академии наук.

К 29 Катынь. Март 1940 г. — сентябрь 2000 г.: Расстрел. Судьбы живых. Эхо Катыни. Документы/Отв. составитель Н.С. Лебедева. М.: Издательство «Весь Мир», 2001. — 688 с.

ISBN 5-7777-0160-4

Данный том является продолжением сборника «Катынь. Пленники необъявленной войны», изданного в серии фонда «Демократия» «Россия. XX век». В него включены архивные материалы из фондов И.В.Сталина, ЦК ВКП(б) и его Политбюро, НКВД, НКИД и др. Они раскрывают историю подготовки, проведения и последствий расстрела около 22 тысяч польских военнопленных офицеров, полицейских и узников тюрем, осуществленного по решению Политбюро ЦК ВКП(б) в апреле-мае 1940 г. В сборнике прослежена судьба военнопленных, переведенных в Северный железнодорожный лагерь ГУЛАГ; интернированных поляков, вывезенных из Литвы и Латвии; тех немногих офицеров и полицейских, которым сохранили жизнь. Документы рассказывают о сокрытии катынского преступления сталинским руководством и о его фальсификации на государственном уровне на протяжении полувека. Том подготовлен российскими и польскими историками и архивистами.

УДК 94/99
ББК 63.3

© Росархив, Генеральная дирекция государственных архивов Польши
© Составление, введение, комментарии: Н.С. Лебедева, В. Матерский
© Документы—Архивы, предоставившие материалы для данной публикации
© Археографическая подготовка документов: Н.А. Петросова, Н.С. Лебедева

ISBN 5-7777-0160-4

От составителей

В июне 1992 г. по инициативе президентов Российской Федерации и Республики Польши было подписано соглашение между архивными службами двух стран об издании источников о катынском злодеянии сталинского режима. Российские и польские историки и архивисты разработали план-проспект сборника «Катынь. Документы» в 4-х томах и приступили к его подготовке. Это — первая научная публикация документов, всесторонне и полно освещающая судьбу польских военнопленных от момента их пленения Красной Армией в сентябре 1939 г. до торжественного открытия мемориальных кладбищ в Харькове, Катыни и Медном в июне—сентябре 2000 г.

В подготовке издания приняли участие: с российской стороны — Федеральная архивная служба России, Институт всеобщей истории РАН, Институт славяноведения РАН, Институт военной истории Министерства обороны Российской Федерации (РФ), Центральный архив Федеральной службы безопасности РФ; с польской стороны — Генеральная дирекция государственных архивов Польши.

К настоящему времени завершена работа над первыми тремя томами. На польском языке в Варшаве были изданы первый и второй тома и ожидается выход в свет третьего тома[1]. На русском языке в Москве вышел в свет лишь первый том — «Катынь. Пленники необъявленной войны», в который были включены в качестве приложения фотокопии 50 документов из второго тома[2]. Из-за финансовых затруднений не удалось осуществить издание на русском языке второго и третьего томов. В связи с этим было решено подготовить и выпустить в свет сводный том на русском языке.

Предлагаемый читателю том «Катынь. Расстрел. Судьбы живых. Эхо Катыни» охватывает период от 5 марта 1940 г., дня принятия решения Политбюро ЦК ВКП(б) о расстреле польских военнопленных - офицеров и полицейских и заключенных тюрем — до сентября 2000 г., когда было открыто мемориальное кладбище расстрелянных весной 1940 г. польских полицейских, пограничников и других служащих правоохранительных органов Польши в

---

[1] Katyń. Dokumenty zbrodni. Tom 1. Jeńcy nie wypowiedzianej wojny sierpień 1939 — marzec 1940. Opracowali W. Materski, B. Woszczyński, N.S. Lebiediewa, N.A. Pietrosowa. W-wa, 1995; Tom 2. Zagłada marzec — czerwiec 1940. W-wa, 1998; Tom 3. Losy ocalałych lipiec 1940 — kwiecień 1943.

[2] Катынь. Пленники необъявленной войны. Документы и материалы. Под ред. Р.Г. Пихои и А. Гейштора. Составители Н.С. Лебедева, Н.А. Петросова, Б. Вощинский, В. Матерский. М., 1997. Сборник был издан в серии «Россия. XX век. Документы» на средства Международного фонда «Демократия». Однако подготовка его была осуществлена без какой-либо финансовой или иной помощи этого фонда, который получил его полностью готовым к изданию.

Медном. Том состоит из трех частей, которые являются краткими вариантами второго, третьего и будущего четвертого томов сборника «Катынь. 1939-2000. Документы». Названия его частей соответствуют названиям этих томов. Каждая часть состоит из введения и наиболее важных и интересных документов из соответствующего тома, с необходимыми комментариями, расширенными за счет не вошедших в том материалов второго, третьего и четвертого томов полного издания.

При подготовке четырехтомного издания были тщательно изучены материалы, хранящиеся в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ, бывшем РЦХИДНИ) — фонды ЦК ВКП(б), Государственного Комитета Обороны (ГКО) и Коминтерна; в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) — фонды Совнаркома СССР, НКВД СССР и его управлений; Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (ЧГК) и Нюрнбергского процесса; в Российском государственном военном архиве (РГВА) — фонды Главного управления по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ НКВД СССР), Главного управления и частей конвойных войск; в Центральном архиве ФСБ РФ (ЦА ФСБ РФ) — фонды НКВД СССР и НКГБ СССР; в Архиве внешней политики России (АВП РФ) — фонды секретариата наркома иностанных дел, а также отделов НКИД; в Архиве Президента Российской Федерации — фонды Политбюро ЦК ВКП(б) и И.В. Сталина[a]. Из десятков тысяч выявленных документов были отобраны для публикации и включены в данный сводный том 237 документов. Около тысячи документов использованы в комментариях. Критерием отбора при этом служили значимость документа для раскрытия процесса принятия решений, хода их выполнения, подведения итогов тех или иных операций, их однотипность с большим количеством актов, отложившихся в делах НКВД, НКГБ, ГУКВ и др. органов, влиявших на судьбу польских военнопленных. Подавляющее большинство вошедших в издание материалов — это документы НКВД СССР и его территориальных управлений, Управления по делам военнопленных, секретариатов наркома и его заместителей, 1-го спецотдела, ГУГБ, ГЭУ, ГТУ, ГУКВ, УНКВД по Смоленской, Харьковской, Калининской, Ворошиловградской и Вологодской областям, управлений лагерей для военнопленных.

---

[a] В настоящее время основная часть фонда И.В. Сталина передана на хранение в РГАСПИ.

Документы расположены в строгой хронологической последовательности.

Подлинность всех выявленных документов несомненна. Об этом свидетельствует и их огромное количество, и то, что в них имеется вся атрибутика, характерная для документооборота НКВД, НКГБ и других учреждений того времени — бланки, штампы входящей и исходящей регистрации, подписи, пометы, резолюции и т.д. Документы, найденные в разных фондах и даже архивах, не только не противоречат друг другу, но подтверждают и дополняют друг друга, раскрывая трагическую историю пребывания польских военнопленных в СССР. Многие однотипные документы составлялись чуть ли не ежедневно в процессе операции по расстрелу польских офицеров и полицейских. Ссылки на них читатель найдет в комментариях к публикуемому для примера документу. Лишь в одном случае публиковались все имевшиеся в распоряжении составителей единообразные документы — это шифротелеграммы начальника Управления НКВД (УНКВД) по Калининской области Д.С. Токарева заместителю наркома внутренних дел СССР В.Н. Меркулову об исполнении приговоров. В то же время, в том включены только по одному списку-предписанию на отправку военнопленных из Козельского лагеря в Смоленск и из Осташковского лагеря в Калинин, поскольку публикация списков занимает целый том. Они были изданы в Польше Е. Тухольским[3]. Однако до сих пор не удалось найти предписания на отправку военнопленных из Старобельского лагеря в УНКВД по Харьковской области, кроме одного, публикуемого в нашем томе (см. документ № 74, далее см. №...).

Из-за большого объема не мог быть опубликован список расстрелянных в апреле-мае 1940 г. заключенных тюрем западных областей УССР, также изданный в Польше отдельной книгой[4]. Аналогичный список расстрелянных заключенных из тюрем Западной Белоруссии не найден. Не удалось обнаружить и крупных массивов документов НКВД УССР и НКВД БССР, касающихся расстрельной операции. Этим объясняется то обстоятельство, что расстрел узников тюрем в публикации отражен не столь полно, как физическая ликвидация польских военнопленных — офицеров и полицейских.

Видовой и тематический состав публикуемых документов разнообразен. Среди них решения Политбюро ЦК ВКП(б), постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР, Указ Президиума Верховного Совета СССР, постановления Государственного Комитета Обороны; записки Л.П. Берии и других лиц И.В. Сталину и В.М. Молотову; директивы и приказы НКВД СССР; распоряжения,

---

[3] Tucholski J. Mord w Katyniu. Kosielsk. Ostaszków. Starobielsk. Lista ofiar. W-wa, 1991. S. 578–957.

[4] Ukraiński ślad Katynia. Opac. Z.Gajowniczek. W-wa, 1995.

предписания, служебные записки, политдонесения, справки руководства Управления по делам военнопленных (УПВ), с марта 1941 г. — Управления по делам военнопленных и интернированных (УПВИ); донесения, рапорты, справки начальства лагерей военнопленных; путевые ведомости и акты о конвоировании военнопленных; расписки о принятии этапов в УНКВД Калининской области; шифротелеграммы об исполнении приговоров (нарядов), протоколы ЧГК; протоколы и переписка «Специальной комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу польских офицеров» под председательством Н.Н. Бурденко, правительственной комиссии по руководству советской делегацией на Нюрнбергском процессе; ноты НКИД и советского правительства; записи переговоров И.В. Сталина с польским послом С. Котом, премьер-министром РП В. Сикорским, В. Андерсом и др.; документы Коминтерна и т.д.

В том включен и ряд материалов, отложившихся в фонде УПВ и других отделов и управлений НКВД, но вышедших из-под пера не работников этих служб, а самих военнопленных и их родных, разыскивавших бесследно исчезнувших в апреле—мае 1940 г. польских офицеров и полицейских.

Подавляющее большинство документов публикуется впервые. Их опубликование в ранее вышедших изданиях оговаривается в легенде.

Археографическая подготовка, как и в томе «Катынь. Пленники необъявленной войны», проведена в соответствии со специально разработанной «Памяткой», подготовленной на основе «Правил издания исторических документов в СССР» (М., 1990). Ее основные принципы заключаются в следующем.

Все документы, за исключением двух обширных документов на польском и английском языках (№№199 и 226), публикуются полностью, без купюр. Каждый документ имеет порядковый номер и снабжен редакционным заголовком, который состоит из следующих элементов в определенном порядке: год, месяц, число, место написания, разновидность документа, автор, адресат, краткое содержание. При первом упоминании автора или адресата в заголовке документа указываются его должность и звание, в последующем — только фамилия и инициалы.

В связи с принятой концепцией показа действий тоталитарного механизма, ответственного за преступления против польских военнопленных и узников тюрем, наряду с редакционным заголовком сохраняется форма обращения к адресату и другие элементы оригинала документа — грифы секретности, срочности исполнения и т.д.

Документы датируются временем написания, приказы — временем подписания. Дата, установленная составителями, обосновывается в текстуальных примечаниях. Место написания документа указывается в заголовке, если оно

имеется в оригинале или если известно месторасположение учреждения, в котором он был составлен. В случае, когда в качестве редакционного заголовка брался заголовок документа или его часть, они даны в кавычках.

Тексты документов передаются с сохранением их стилистических особенностей, но в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации. Описки и орфографические ошибки исправляются без оговорок. В то же время сохраняется орфография и пунктуация писем и заявлений, написанных собственноручно польскими гражданами на русском языке. Пропущенные в тексте и восстановленные по смыслу слова или части слов заключаются в квадратные скобки. В документах, в которых подписи авторов отсутствуют, их фамилии помещаются в круглые скобки, при наличии подписи — без скобок. Стилистические погрешности текста, неправильное написание фамилий и т.д. сохраняются и оговариваются в текстуальных примечаниях: «Так в документе».

Авторские исправления, вставки отдельных слов и предложений, зачеркивания текста воспроизводятся в соответствующих местах, ограничиваются с двух сторон одинаковыми буквами и оговариваются в текстуальных примечаниях. Неавторские исправления, вставки слов и предложений в текст не вносятся, но фиксируются в текстуальных примечаниях с указанием автора вставок, если его удается установить. Резолюции и пометы, относящиеся ко всему документу, приводятся после подписей под текстом документа с указанием их расположения на листе («В верхнем левом углу 1-го листа» и т.д.), цвета карандаша или чернил. Резолюции и пометы, относящиеся к отдельным фразам или абзацам документа, фиксируются в текстуальных примечаниях на соответствующих листах. Однотипные пометы, вставки, подчеркивания ограничиваются с двух сторон одинаковыми буквами и в подстрочник одной страницы вносятся лишь один раз (например, все подчеркнутые слова и фразы ограничиваются буквами а)...а), вставки б)....б) и т.д.).

Каждый документ сопровождается легендой, содержащей поисковые данные (архивный шифр или печатный орган), указание на подлинность (подлинник, отпуск, то есть документ, напечатанный под копирку с подлинником, копия, заверенная копия), на наличие бланка, на язык, отсылку к изданию, где опубликован документ. Подавляющее большинство документов — машинопись, поэтому способ воспроизведения указывается лишь для рукописных документов. Это же относится к языку документа — в легенде отмечается лишь язык, иной, чем русский (польский, английский).

Научно-справочный аппарат тома представлен археографическим предисловием («От составителей»), введениями к каждой части тома, текстуальны-

ми примечаниями, смысловыми комментариями к документам, перечнем публикуемых документов, списком сокращений, именным указателем. В публикацию включен и аннотированный список работников НКВД СССР и его местных органов, в том числе УПВ НКВД СССР, управлений лагерей, конвойных войск и т.д., которые упоминаются в документах тома. В него не включены сведения о лицах, которые уже фигурировали в списке работников НКВД, опубликованном в томе «Катынь. Пленники необъявленной войны».

Подготовка сводного тома на базе второго и третьего томов, а также выявление материалов для последней части тома, осуществлены ответственным составителем сборника ведущим научным сотрудником ИВИ РАН, к.и.н. РФ, д.и.н. Польши Н.С. Лебедевой, при участии ведущего специалиста Управления использования архивных документов Росархива Н.А. Петросовой. В выявлении документов для второго и третьего томов, легших в основу первой и второй части, кроме составителей, принимали участие: Вал.П. Козлов, К.Г. Ляшенко, Н.И. Румянцева (ГАРФ), О.А. Зайцева, Л.Л. Носырева, К.К. Миронова, В.М. Михалева (РГВА), Л.И. Малашенко (РГАСПИ), С.А. Мельчин (АП РФ), работники ЦА ФСБ России. Исторические введения и смысловые комментарии к документам первой и второй части написаны Н.С. Лебедевой и польским проф. В. Матерским, введение и комментарии к третей части — Н.С. Лебедевой. Археографическую подготовку документов к публикации провели к первой и второй части Н.А. Петросова, к третьей части — Н.С. Лебедева. Археографическое введение, аннотированный список деятелей НКВД, именной указатель и список сокращений подготовлены Н.С. Лебедевой и Н.А. Петросовой. Выявление сведений о работниках НКВД провели А.И. Кокурин (ГАРФ), О.С. Киселева (РГВА), Т.П. Голышкина и А.П. Черепков (ЦА ФСБ РФ). Помощь в подготовке документов к публикации неизменно оказывали начальник Управления использования архивных документов Т.Ф. Павлова, главный специалист Росархива, к.и.н. И.И. Кудрявцев.

Составители и редакторы сводного тома выражают признательность сотрудникам государственных и ведомственных архивов, оказывавших им помощь при выявлении материалов, переводчикам с польского языка Е.А. Шиманской, С.Н. Филоновой и с английского — Ю.М. Коршунову, сотрудникам Института всеобщей истории РАН Б.Т. Кабанову и Н.Л. Денисовой, подготовившим компьютерный набор тома, работникам издательства «Весь Мир».

Особую признательность выражаем генеральному секретарю Совета по охране памяти борьбы и мученичества Польши проф. А. Пшевожнику и представителю Польской академии наук при Российской академии наук проф. Е. Дурачинскому, без поддержки которых это издание вряд ли увидело бы свет.

Список сокращений

АВП РФ	— Архив внешней политики Российской Федерации
АН	— Академия наук
ап, артполк	— артиллерийский полк
АП РФ	— Архив Президента Российской Федерации
АХУ	— Административно-хозяйственное управление
б., быв.	— бывший
б/п	— беспартийный
Безымянлаг	— Безымянный лагерь
БССР	— Белорусская Советская Социалистическая Республика
в-во	— воеводство
в/п, в/пленный	— военнопленный
взв.	— взвод
ВКП(б)	— Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВМН	— высшая мера наказания
ВО	— Военный округ
военком	— военный комиссар
Военсовет	— Военный совет
вол.	— волость
Волголаг	— Волжский лагерь
ВОХР	— военизированная охрана
ВП	— Войско Польское
врид.	— временно исполняющий должность
врио.	— временно исполняющий обязанность
вх.	— входящий (в делопроизводстве)
ВЦСПС	— Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов
ВЧ	— высокочастотная связь
ВЧК	— Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем
вып.	— выпуск
Вятлаг	— Вятский лагерь
г.	— год
г.	— господин
г.р.	— год рождения
ГАРФ	— Государственный архив Российской Федерации
ГБ, г/б	— государственная безопасность
ГВП	— Главная военная прокуратура
ген.	— генерал
ГКО	— Государственный Комитет Обороны
ГКПЛС	— Государственная комиссия по пополнению личного состава

Главруда	— Главное управление горнорудной промышленности
Главупраформ	— Главное управление формирования армии
Главштаб	— Главный штаб
г., гор.	— город
ГПУ	— Главное политическое управление
гр-н	— гражданин
ГТУ	— Главное транспортное управление
ГТУ	— Главное тюремное управление
губ.	— губерния
ГУГБ	— Главное управление государственной безопасности
ГУКВ	— Главное управление конвойных войск
ГУЛАГ	— Главное управление лагерей
ГУЛЖДС	— Главное управление лагерей железнодорожного строительства
ГУТ	— Главное управление тюрем
ГУШОСДОР	— Главное управление шоссейных дорог
ГЭУ	— Главное экономическое управление
Д.	— дело
д., дер.	— деревня
док.	— документ
др.	— другие
ж.д.	— железная дорога
зав.	— заверенная (копия)
зам.	— заместитель
замполит	— заместитель по политической части
ИК СОКК и КП	— Исполнительный Комитет Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца
ИНО	— Отдел иностранной разведки (5-й отдел ГУГБ НКВД СССР)
ИККИ	— Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала
исх.	— исходящий
ИТЛ	— исправительно-трудовой лагерь
к/р	— контрреволюционный
кавбригада	— кавалерийская бригада
Карлаг	— Карагандинский лагерь
кв.	— квартира
КВО	— Калининский военный округ
КО	— Калининская область
КОВО	— Киевский особый военный округ
ком.	— командир
КОП	— Корпус охраны пограничья
КП(б)Б	— Коммунистическая партия (большевиков) Белоруссии
КП(б)У	— Коммунистическая партия (большевиков) Украины

КПП — Коммунистическая партия Польши
КПСС — Коммунистическая партия Советского Союза
Крайторготдел — Краевой торговый отдел
Кривбасс — Криворожский железнорудный бассейн
КРО — Контрразведывательный отдел (3-й отдел ГУГБ НКВД СССР)
КССР — Казахская Советская Социалистическая Республика
Л. — лист
лагпункт — лагерный пункт
Ликовлаг — Ликовский лагерь (строительство НКВД СССР № 204)
м-ц — месяц
М. — малая (ый) (в географических названиях)
м. — местечко
м., мин. — минута
МВД — Министерство внутренних дел
МВО — Московский военный округ
МВТ — Международный военный трибунал
Мединститут — Медицинский институт
МИД — Министерство иностранных дел
мл. — младший (в воинских званиях)
МНС — младший начальствующий состав
Мобплан — мобилизационный план
Наркомторг — Народный комиссариат торговли
Наркомвнудел, НКВД — Народный комиссариат внутренних дел
Наркомздрав — Народный комиссариат здравоохранения
Наркомлес — Народный комиссариат лесной промышленности
Наркомпрос — Народный комиссариат просвещения
Наркомсобес — Народный комиссариат социального обеспечения
Наркомфин — Народный комиссариат финансов
Наркомцветмет — Народный комиссариат цветной металлургии
Наркомчермет — Народный комиссариат черной металлургии
нач. — начальник
начсостав — начальствующий состав
начштаба — начальник штаба
НКГБ — Народный комиссариат государственной безопасности
НКИД — Народный комиссариат иностранных дел
НКПС — Народный комиссариат путей сообщения
НР — номер (в телеграммах)
О.П. — Особая папка
обл. — область
облторготдел — областной торговый отдел

ОГПУ	— Объединенное государственное политическое управление
ОДТО	— отделение дорожно-транспортного отдела
Озон	— Обуз зъедночени народовего (партия народного единства)
ОИТК	— отдел исправительно-трудовых колоний
ОМС-Жития	— Организация помощи нуждающимся студентам
ОО	— особый отдел, особое отделение (в лагерях)
ООН	— Организация Объединенных Наций
Оп.	— опись
ОСО	— Особое совещание
ОУН	— Организация украинских националистов
п.	— пункт
п.	— протокол
ПГШ, Польгеншт.	— Польский генеральный (главный) штаб
п.д.	— пехотная дивизия
п/п	— по порядку
п/я	— почтовый ящик
ПА	— Польская армия
пехполк	— пехотный полк
ПК	— перлюстрация корреспонденции
пл.	— площадь
ПОВ	— Польская военная организация
политдонесение	— политическое донесение
политрук	— политический руководитель
пом.	— помощник
пор.	— порядковый
Пор.	— портфель
пп	— пехотный полк
ППР	— Польская рабочая партия
ППС	— Польская социалистическая партия
ПРИВО	— Приволжский военный округ
РАН	— Российская академия наук
РГАСПИ	— Российский государственный архив социально-политической истории
РГВА	— Российский государственный военный архив
РП	— Республика Польша
РСФСР	— Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
РФ	— Российская Федерация
РЦХИДНИ	— Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории
с.	— село
с., стр.	— страница

с/х	— сельскохозяйственный
САВО	— Среднеазиатский военный округ
сано	— санитарный отдел (отделение)
санэвакпункт	— санитарно-эвакуационный пункт
сап.	— саперный
Сарлаг	— Саровский лагерь
св.	— святой
Севвостлаг	— Северный восточный лагерь
Севдвинлаг	— Северодвинский лагерь
СЖДЛ, Севжелдорлаг	— Северный железнодорожный лагерь
см.	— смотри
СНК, Совнарком	— Совет Народных Комиссаров
СНХ	— Совет Народного Хозяйства
сов.	— совершенно
совпосол	— советский посол
совпосольство	— советское посольство
Сороклагерь	— Сорокский лагерь
Соцфарбанд	— Социалистический союз
СПП	— Союз польских патриотов
ст.	— станция, старший (в воинских званиях)
СУ	— Строительное управление
судмедэксперт	— судебно-медицинский эксперт
т., тов.	— товарищ
т.г.	— текущий год
Темлаг	— Темниковский лагерь
тыс.	— тысяча
УГБ	— Управление государственной безопасности
УИТК	— Управление исправительно-трудовых колоний
УК	— Уголовный кодекс
УКВ	— Управление конвойных войск
УНКВД	— Управление Народного комиссариата внутренних дел (областные)
УПВ	— Управление по делам о военнопленных
УПВИ	— Управление по делам о военнопленных и интернированных
УРО	— учетно-регистрационный отдел (отделение)
УСЛОН	— Управление Соловецкого лагеря особого назначения
УССР	— Украинская Советская Социалистическая Республика
Ф.	— фонд
ФСБ	— Федеральная служба безопасности России
ХВО	— Харьковский военный округ
ЦА	— Центральный архив
ЦК	— Центральный Комитет

ЦСБ	— Центральное справочное бюро
ч.	— час
ч., чел.	— человек
экз.	— экземпляр
ЮДП	— Юнг Дойче Гитлер Партай (молодежная фашистская организация)

Часть 1

РАССТРЕЛ

Май — июнь 1940 г.

Введение

Материалы первой части сводного тома «Катынь. Документы» раскрывают подготовку и проведение операции по массовому расстрелу польских военнопленных из трех спецлагерей и заключенных тюрем западных областей УССР и БССР, депортацию членов семей лиц, приговоренных к высшей мере наказания, а также перевод военнопленных из криворожских лагерей в Северный железнодорожный лагерь ГУЛАГа. Хронологически первая часть охватывает период с 5 марта 1940 г., дня принятия высшим партийным органом политического решения о расстреле (см. № 1), по конец июня 1940 г., когда была завершена его реализация, а немногих уцелевших польских офицеров и полицейских перевели из Юхновского в Грязовецкий лагерь. Именно к этому периоду относятся материалы подготовленного российскими и польскими историками и архивистами второго тома катынских документов, вышедшего в свет в 1998 г. в Варшаве на польском языке. Данная часть сборника — краткий вариант второго тома четырехтомного российско-польского издания[1].

Подготовка к «операции по разгрузке» лагерей и тюрем, как именовался во внутренней переписке органов НКВД предстоявший расстрел, началась сразу после принятия 5 марта 1940 г. рокового решения Политбюро ЦК ВКП(б) (см. № 1). С 7 по 15 марта был проведен ряд совещаний в Москве. На первом присутствовали 8—12 человек из центрального аппарата НКВД. Про-

[1] Katyń. Dokumenty zbrodni. Tom 2. Zagłada marzec — czerwiec 1940. Opracowały W. Materski, B. Woszczyński, N. Lebiedziewa, N. Pietrosowa. W-wa, 1998.

водил его заместитель наркома внутренних дел СССР Б.З. Кобулов, член «тройки», на которую были возложены рассмотрение дел и вынесение решений о расстреле. На этом совещании присутствующим была предоставлена возможность прочесть выписку из протокола Политбюро от 5 марта, подписанную И.В. Сталиным[2].

Второе совещание проходило 14 марта в кабинете Б.З. Кобулова. Присутствовали 15-20 человек, включая начальников УНКВД по Смоленской, Харьковской и Калининской областям, их заместителей, являвшихся одновременно начальниками Особых отделов военных округов, комендантов УНКВД, которые обычно осуществляли расстрелы заключенных. Докладывал о предстоявшей операции начальник Управления по делам о военнопленных (УПВ) НКВД СССР П.К. Сопруненко. Б.З. Кобулов заявил: «По решению высшего руководства четырнадцать тысяч поляков, арестованных в сентябре 1939 г., должны быть расстреляны»[3].

13 марта начальники Козельского, Старобельского и Осташковского лагерей и их особых отделений были вызваны в Москву (см. № 5), где 15 марта прошло совещание в УПВ НКВД СССР. По всей видимости, аналогичные совещания были проведены и с руководящими работниками НКВД УССР и БССР. Несколько ранее в Москву, в штаб конвойных войск были вызваны командиры бригад и дивизий, части которых несли внешнюю охрану трех спецлагерей и на которые была возложена обязанность конвоирования осужденных к месту расстрела[4].

В преддверии операции многие задействованные в ней лица были повышены в званиях: П.К. Сопруненко, общевойсковой майор, стал капитаном ГБ; начальник УНКВД по Харьковской области капитан госбезопасности П.Е. Сафонов — майором ГБ; звание старших лейтенантов госбезопасности были присвоены комендантам Харьковского УНКВД Т.Ф. Куприю, Калининского УНКВД А.М. Рубанову, Смоленского УНКВД И.И. Грибову, а также начальнику Козельского лагеря В.Н. Королеву, шефам особых отделений трех спецлагерей Г.А. Эйльману, М.И. Лебедеву и Г.В. Корытову[5]. Соответствующие приказы были отданы и наркомами внутренних дел УССР и БССР[6].

[2] См. показания П.К. Сопруненко в: Елин Л. 53 палача и два свидетеля // Новое время. 1991. № 2. С. 32–34.

[3] См. показания Д.С. Токарева в: Елин Л. Указ соч., а также: Katyń... Tom 2. S. 432–470.

[4] Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 38106. Оп. 1. Д. 7. Л. 9.

[5] Rosja a Katyń. «Biuletyn Historycznej Agencji Informacyjnej». Wyd. specjalne. W-wa, 1994. S. 100–101.

[6] Заместитель наркома внутренних дел УССР капитан ГБ Н.Д. Горлинский был повышен, например, на два ранга, став старшим майором ГБ.

Начиная с 7 марта проводится интенсивная подготовка и к депортации семей тех, кого высшая партийная инстанция предписала расстрелять. Решение о проведении депортации приняли 2 марта 1940 г. и Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет народных комиссаров (СНК) СССР[7]. 7 марта Л.П. Берия направил наркомам внутренних дел УССР И.А. Серову и БССР Л.Ф. Цанаве приказ о подготовке к выселению семей польских офицеров, полицейских и заключенных тюрем (см. № 2). Депортацию следовало подготовить к 15 апреля, семьи выселять на 10 лет в Казахстан. Строжайше предписывалось провести операцию в один день, начав ее на рассвете.

Для более четкого проведения массового выселения семей тех, кто подлежал расстрелу, Л.П. Берия приказал П.К. Сопруненко срочно подготовить списки военнопленных трех лагерей с указанием состава семей и их адресов (см. № 3). Реестры следовало составлять по городам и другим населенным пунктам западных областей Украины и Белоруссии и направлять в НКВД УССР и БССР. Нарком приказал подготовить и списки тех, чьи семьи проживали на территории Польши, оккупированной Германией (см. №№ 3, 6). Если данные о проживавших на советской территории людях представляли практический интерес для органов НКВД СССР в связи с планировавшейся депортацией, то адреса тех, кто находился в генерал-губернаторстве, не могли быть использованы ими. Не исключено, что списки живших в центральных польских воеводствах людей готовились по договоренности с Германией. Во всяком случае, одновременное проведение печально известной нацистской «Акции А —Б» по уничтожению польской интеллектуальной и государственной элиты и сталинских операций по расстрелу около 22 тысяч поляков и депортации 25 тысяч их семей весьма симптоматично.

7 марта П.К. Сопруненко во исполнение приказа наркома направил распоряжение начальникам Старобельского, Козельского и Осташковского лагерей о порядке составления списков с приложением его формы (см. № 4). Для организации этой работы в лагеря были направлены руководящие работники УПВ, которые со всей энергией взялись за выполнение «ответственного задания» (см. № 7). С предстоявшей депортацией был связан и приказ Берии наркому внутренних дел Казахской ССР С.Н. Бурдакову (см. № 11).

16 марта начинается работа по составлению справок на военнопленных трех лагерей и заключенных тюрем, по которым в соответствии с решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г. «тройка» должна была принимать

[7] Катынь. Пленники необъявленной войны. Составители, авторы предисловия и комментариев Н.С. Лебедева и В. Материский. М., 1997. С. 375—378.

решение о расстреле военнопленного или заключенного. Справки на офицеров и полицейских должно было представлять Управление по делам о военнопленных, на заключенных —НКВД УССР и БССР. Форма справки поступила к Сопруненко от Кобулова 16 марта (см. № 8). В последнюю графу — «Заключение» следовало вписывать краткую формулу обвинения и статью УК РСФСР (для заключенных тюрем — УК УССР и УК БССР). В связи с этим из лагерей в Москву были отозваны сотрудники УПВ (см. № 9). Составлению справок придавалось огромное значение. Заказывать форму для них в типографиях категорически запрещалось ввиду сугубой секретности проводимых работ (см. № 15). Первые три графы справок заполнялись еще в лагерях, которые бросили все силы на выполнение этого задания. В одной из шифровок П.К. Сопруненко обращал особое внимание начальника Старобельского лагеря А.Г. Бережкова на необходимость отмечать во второй графе справок адрес семьи военнопленного с указанием названия населенного пункта, уезда, воеводства (см. № 15). 19 марта начальник Осташковского лагеря П.Ф. Борисовец сообщил в УПВ: «Работа начата 19-го. Дела будут доставлены 21-го нарочным». 20 марта П.К. Сопруненко предложил П.Ф. Борисовцу прекратить составление справок на тех военнопленных, в отношении которых были оформлены следственные дела (6050 таких следственных дел, в которых имелись обвинительные заключения, к 1 февраля 1940 г. были переданы на Особое совещание НКВД СССР). На остальных лиц следовало заполнить опросные листы и дополнения к ним, обратив особое внимание на пункт о служебной деятельности. В незаконченные следствием дела необходимо было вложить весь агентурно-оперативный материал на военнопленного и справку утвержденной Б.З. Кобуловым формы. 31 марта П.Ф. Борисовец доложил, что им посланы в Москву 345 дел с агентурным и иным оперативным материалом на тех лиц, по которым ранее следствие проведено не было[8].

В Козельском и Старобельском лагерях справки-заключения составлялись на весь контингент, так как их дела ранее не готовились для передачи на Особое совещание и соответственно обвинительных заключений в отношении них не существовало. С 21 марта в УПВ стали поступать подготовленные в Козельском и Старобельском лагерях справки. В частности, из Старобельска в Москву к 23 марта были направлены материалы на 760 человек (см № 14). 30 марта Сопруненко потребовал присылать справки в первую очередь на высший, затем на старший и средний офицерский состав, в последнюю — на врачей, учителей, агрономов, других гражданских лиц, на ко-

[8] РГВА. Ф. 1/п. Оп. 2е. Д. 11. Л. 282а.

торых не имелся компрометирующий материал (см. № 18). Сопруненко пристально следил за тщательностью подготовки присылаемой из лагерей в УПВ документации. 29 марта он направил в Козельск шифровку: «[В] присланных личных делах пленных большая путаница. Искажены фамилии, имена [в] фотографиях и основных документах. Справки заполняются небрежно, [в] плохой редакции. Предлагаю обеспечить четкую работу [по] заполнению справок, уточнению всех вопросов на месте. Управлению высылать проверенные, уточненные учетные дела»[9].

Наряду с оформлением материалов на контингент трех спецлагерей на местах принимались и другие меры по подготовке к операции. С 16 марта была запрещена переписка всех военнопленных. Начальство ужесточило пропускной режим, усилило охрану лагерей, сосредоточило на соответствующих железнодорожных станциях большое количество подвижного состава и т.д.[10] Представитель центрального аппарата НКВД СССР в Старобельском лагере капитан госбезопасности И.Д. Безруков сообщал в Москву, что в Харькове все готово, а в Старобельске имеются вагоны (см. № 14).

Главное транспортное управление НКВД СССР во главе с его начальником комиссаром госбезопасности III ранга С.Р. Мильштейном разработало подробнейший план доставки военнопленных из лагерей к местам их казни. На протяжении полутора месяцев Мильштейн ежедневно, а иногда и два раза в день, направлял Берии и Меркулову сводки, фиксируя малейшие отклонения от плана перевозок, количества отправляемого порожняка, загружавшихся и разгружавшихся вагонов и т.д. (см. № 27).

Незадолго до начала операции в Старобельск выехали капитан госбезопасности М.Е. Ефимов, возглавлявший ранее оперативную бригаду центрального аппарата НКВД СССР в этом лагере, и В.Д. Миронов, работник 5-го отдела (ИНО) ГУГБ НКВД СССР, отвечавший за агентуру. В Козельский лагерь вновь прибыл майор госбезопасности В.М. Зарубин, в Осташковский — ст. лейтенант ГБ Д.К. Холичев.

В лагерях находились и представители Главного управления конвойных войск (ГУКВ) — И.А. Степанов (Козельск), А.А. Рыбаков (Старобельск), М.С. Кривенко (Осташков), ответственные работники Комендантского отдела АХУ, ГЭУ, ГТУ и др. подразделений НКВД СССР.

Тщательно готовился и расстрел узников тюрем западных областей УССР и БССР. 22 марта Л.П. Берия подписал приказ № 00350 «О разгрузке тюрем НКВД УССР и БССР» (см. № 13). Он был нацелен на то, чтобы цен-

[9] Katyń... Tom 2. S. 97.

[10] РГВА. Ф.3. Оп. 1. Д. 3. Л. 115–117.

трализовать расстрел заключенных, свести к минимуму число лиц, задействованных в операции. Для этого было решено сосредоточить заключенных, подлежащих расстрелу, в тюрьмах Киева, Харькова, Херсона и Минска, предварительно отправив из них заключенных в лагеря ГУЛАГа. Всю операцию по переводу заключенных из Львовской, Ровенской, Волынской, Тарнопольской, Драгобыческой, Станиславской, Брестской, Вилейской, Пинской и Барановической областей в Киев, Минск, Харьков и Херсон следовало провести в 10-дневный срок. Для оказания помощи республиканским НКВД в Киев был направлен начальник Главного тюремного управления НКВД СССР майор госбезопасности П.Н. Зуев, в Минск — начальник отдела ГТУ НКВД СССР капитан госбезопасности А.А. Чечев. Перевозку заключенных украинских и белорусских тюрем должен был обеспечить нарком путей сообщения Л.М. Каганович (см. № 12).

Как и в лагерях военнопленных, в республиканских органах НКВД усиленно занимались подготовкой следственных дел и справок на заключенных. Начальники тюремных отделов составляли справки на заключенных, вносили уточнения в следственные дела и передавали их в 1-е спецотделы республиканских НКВД. Там заполнялась последняя графа справки —заключение. По мере готовности дел и справок они пересылались в 1-й спецотдел НКВД СССР, где и готовились списки-предписания на расстрел, которые затем штамповались «тройкой», или, как она называлась во внутренней переписки органов НКВД, Комиссией[11].

В ходе операции контингент заключенных тюрем продолжал пополняться. 4 апреля Л.П. Берия приказал И.А. Серову и Л.Ф. Цанаве арестовать в западных областях Украины и Белоруссии всех проводящих контрреволюционную работу унтер-офицеров бывшей польской армии, которые играли руководящую роль в подпольном движении. Остальных унтер-офицеров следовало взять на оперативный учет, обеспечив агентурным наблюдением за ними (см. № 22). В Киев и Минск свозились и заключенные — в недавнем прошлом граждане Польши, находившиеся в тюрьмах других регионов страны. Их также ждал расстрел (см. №№ 33, 83).

Распоряжения приступить к операции поступили в Старобельский, Козельский и Осташковский лагеря в последних числах марта — 1 апреля. 28 марта П.К. Сопруненко отправил А.Г. Бережкову и М.М. Киршину телеграмму-молнию с распоряжением выехать в Ворошиловград и связаться с

[11] Список заключенных западноукраинских тюрем НКВД, включенных в расстрельные списки, см.: Ukraiński ślad Katynia. Oprac. Z.Gajowniczek. W-wa, 1995. Однако до настоящего времени не удалось найти аналогичных списков узников западнобелорусских тюрем НКВД.

ним по ВЧ. Начальнику же Козельского лагеря В.Н. Королеву он приказал связаться с ним по телефону ночью 1 апреля[12].

К этому времени в трех спецлагерях находились 14857 человек, подавляющему большинству из которых был уготован расстрел (см. №№ 10, 34)[12а]. Среди них — генералы, полковники, подполковники, майоры, капитаны, офицеры в других званиях, полицейские, пограничники, тюремные работники, а также ксендзы, помещики, крупные государственные чиновники и даже один лакей бывшего президента Польши... В процессе операции туда свозили все новых и новых выявленных в трудовых лагерях офицеров, полицейских, осадников[13], а также тех из них, кто находился в больницах и госпиталях (см. №№ 16, 38, 41, 48, 52, 77). Расстрелу подлежали и те, кого в конце февраля — первых числах марта отправили в УНКВД трех областей по директиве В.Н. Меркулова от 22 февраля 1940 г. (см. №№ 79, 80, 81).

Первые списки на отправку военнопленных из лагерей в распоряжение УНКВД (то есть на расстрел) начали поступать в Козельский, Старобельский и Осташковский лагеря 3—5 апреля, в тюрьмы — 20—23 апреля (см. №№ 19, 20). Список, как правило, содержал около ста фамилий. В каждом таком списке, подписанном П.К. Сопруненко, а в период его отъезда из Москвы с 14 по 29 апреля[14] его заместителем И.И. Хохловым, содержалось предписание начальнику лагеря немедленно направить указанных в списке лиц в Смоленск, Харьков или Калинин в распоряжение начальника УНКВД. Аналогичные списки, но уже подписанные заместителем наркома внутренних дел В.Н. Меркуловым и адресованные начальникам УНКВД трех областей, до нас не дошли, однако об их существовании свидетельствует ряд документов (см., в частности, № 63). Эти списки, адресованные Е.И. Куприянову, П.Е. Сафонову и Д.С. Токареву, содержали предписание о расстреле. Списки заключенных тюрем, приговоренных «тройкой» к расстрелу, направлялись наркомам внутренних дел УССР и БССР.

В расстрельные списки-предписания были включены 97% всех офицеров, полицейских и других военнопленных, содержавшихся в Старобельском, Козельском и Осташковском лагерях. Среди них были кадровые военные, резервисты и престарелые отставники; члены политических партий и абсолютно

[12] РГВА. Ф. 1/н. Оп. 2е. Д. 10. Л. 199; Оп. 3а. Д. 2. Л. 316.

[12а] В Старобельском лагере находились 3895 человек, в Козельском — 4599, в Осташковском — 6364.

[13] Осадники — бывшие военнослужащие польской армии, получившие за заслуги в советско-польской войне 1920 г. по решению Сейма земельные наделы в восточных районах страны, отошедших по Рижского договору 1921 г. к Речи Посполитой.

[14] Сопруненко был назначен членом комиссии по обмену военнопленных с Финляндией и выехал в пограничный с этой страной район.

аполитичные люди; поляки и евреи, белорусы и украинцы. Врачей, исполнявших в армии свой гуманитарный долг, обрекали на расстрел наравне с жандармами и контрразведчиками. Практически речь шла не о том, кого осудить, а кому следует сохранить жизнь, включив в список на отправку в Юхновский лагерь. Долгие годы оставались неясными мотивы, по которым 395 военнопленным из Козельского, Старобельского и Осташковского лагерей сохранили жизнь. «Почему некоторые пленные избежали расстрела — этого мы никогда не узнаем», — писал польский исследователь Ежи Лоек[15]. «Мотивы, по которым этим трем процентам была сохранена жизнь, на мой взгляд, не менее загадочны мотивов, по которым остальные 97% были ликвидированы», — отмечал в своих воспоминаниях С. Свяневич[16] (см. также №№ 64, 65).

Публикуемые в томе документы позволяют ответить и на этот вопрос (см. № 92). По ходатайству 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР были оставлены в живых и отправлены в Юхновский, а затем в Грязовецкий лагерь 47 человек. Первые списки интересовавших ИНО людей представил заместитель начальника этого отдела П.А. Судоплатов еще 29 марта (см. № 17). Впоследствии ИНО сообщало и о ряде других лиц, которые могли быть ей полезны (см. №№ 28, 30). Эти военнопленные либо представляли для 5-го отдела интерес как источник информации, либо выражали готовность сражаться вместе с Красной Армией в случае нападения Германии на СССР, либо могли быть в будущем использованы для оперативной работы за рубежом. Примечательно, что семьи интересовавших 5-й отдел военнопленных не депортировались (см. № 29).

Другие 47 человек были направлены в Юхновский лагерь потому, что их разыскивало германское посольство. Среди них были не только лица немецкой национальности, но и те, кто никогда не был связан с третьим рейхом. За них ходатайствовали влиятельные европейские круги, прежде всего итальянские. Так, за известного художника, одного из основоположников польского импрессионизма графа Ю. Чапского просили граф де Кастель и графиня Палецкая[17]. По запросу германского посольства была сохранена жизнь будущему министру юстиции в правительстве В. Сикорского — В. Комарницкому, адъютанту В. Андерса О. Слизеню, сыну главного дирижера Варшавского оперного театра Б. Млинарскому и другим. К германским запросам относились с таким пиететом, что в Юхнов были направлены даже люди, традиционно считавшиеся врагами советской власти. Примером может служить крупный землевладелец В.А. Пионтковский, крайне враждебно относивший-

[15] Л. Ежевский (Е. Лоек). Катынь 1940. Нью-Йорк, 1987. С. 18.
[16] С. Свяневич. В тени Катыни. Лондон, 1989. С. 107.
[17] C. Madajczyk. Dramat katyński. W-wa, 1989. S. 93—94.

ся к сталинизму, распространявший, как говорилось в лагерной характеристике, «контрреволюционную клеветническую пропаганду». Среди 24 лиц, переведенных в качестве немцев по национальности в Юхновский лагерь, были и ярые приверженцы Гитлера.

По запросам литовской миссии отобрали для отправки в «Павлищев Бор» 19 человек, в том числе трех бывших литовских разведчиков, сидевших ранее в польских тюрьмах за шпионаж.

Среди 91 военнопленного, оставленного в живых по личному указанию В.Н. Меркулова, были как те, кто представлял интерес в качестве источника информации, так и те, кто заявлял о своих коммунистических убеждениях, оказывал различные услуги администрации лагерей, не разделял патриотических чувств большинства своих товарищей по плену. В разряд «прочие» были зачислены 167 человек: те, кто не являлись офицерами или служащими карательных органов (рядовые, унтер-офицеры, подхорунжие, беженцы, юнаки), а также несколько десятков осведомителей, поставлявших особым отделениям лагерей компромат на солагерников (см. № 92). Им также сохранили жизнь.

4 апреля начальникам трех лагерей и представителям центрального аппарата НКВД СССР В.М. Зарубину, В.Д. Миронову и Д.К. Холичеву было передано задание В.Н. Меркулова: составить справки и характеристики на «доверенных лиц» и вместе с их делами направить в УПВ (см. № 23). Кроме того, предписывалось проверять все списки и в случае обнаружения в них фамилий агентов задерживать их в лагере до получения дополнительного указания.

Этому вопросу придавалось столь большое значение, что 7 и 12 апреля П.К. Сопруненко от имени В.Н. Меркулова вновь потребовал от начальников трех спецлагерей представлять Зарубину, Миронову и Холичеву на просмотр списки-предписания и оставлять в лагерях «их людей» (см. №№ 32, 39).

Дела остальных 97% военнопленных, по всей видимости, проходили следующим образом: из лагерей в УПВ поступали учетные дела и справки-заключения с незаполненной последней графой, а также списки следственных дел по порядку их номеров, которые сосредотачивались в 1-м спецотделе НКВД СССР. В Управлении справки и учетные дела проверяли и в случае недочетов отправляли на доработку в лагерь. УПВ требовало уточнить фамилии, которые по-разному писались в опросных листах и дополнениях к ним, прислать фотографии, если они отсутствовали в деле, уточнить даты рождения, имя, отчество, должности, которые военнопленные занимали в армии или полиции, место жительства и состав семьи, партийную принадлежность и т.д. (см. № 68).

Если все бумаги были в порядке, в УПВ готовили дело на доклад В.Н. Меркулову, записав рекомендацию в справку «кобуловской» формы. Затем дело передавалось в 1-й спецотдел, где их изучали под руководством заместителя начальника этого отдела капитана госбезопасности А.Я. Герцовского. В НКВД УССР и БССР дела намеченных к расстрелу готовили начальники тюремных отделов, над списками работали заместители начальников 1-х спецотделов республиканских НКВД[18].

Часть досье ставилась на контроль, решение по ним принимал лично В.Н. Меркулов. Они на «Комиссию» не передавались. Остальные фамилии включались в списки подлежавших расстрелу, которые передавались на утверждение «Комиссии», то есть «тройки» в составе В.Н. Меркулова, Б.З. Кобулова и Л.Ф. Баштакова. После утверждения списка фигурировавшие в нем военнопленные или заключенные считались осужденными к высшей мере наказания — расстрелу. Решения «Комиссии» оформлялись специальными протоколами (см. № 227). После этого списки-предписания на отправку, подписанные начальником УПВ или его заместителем, направлялись в Козельский, Старобельский и Осташковский лагеря; предписания о расстреле, подписанные Меркуловым, — начальникам УНКВД Смоленской, Харьковской и Калининской областей, а также наркомам внутренних дел УССР и БССР.

Первые три списка-предписания на отправку из Осташковского лагеря были подписаны П.К. Сопруненко еще 1 апреля и включали 343 человека (см. № 19). Именно столько людей были отправлены поездом Осташков—Калинин (см. № 24) и приняты от конвоя помощником начальника УНКВД по Калининской области Т.Ф. Качиным (см. № 25). А 5 апреля Д.С. Токарев доложил В.Н. Меркулову: «Первому наряду исполнено № 343» (см. № 26). Это означало, что отправленные из Осташковского лагеря 343 военнопленных 5 апреля были расстреляны.

1—2 апреля были подписаны и семь списков на отправку 692 офицеров в распоряжение начальника УНКВД по Смоленской области. Эти списки поступили в Козельский лагерь 3 апреля. Первые 74 человека были отправлены в распоряжение Смоленского УНКВД в тот же день, следующие 323 — 4 апреля, 285 — 5 апреля (см. № 79). Из Старобельского лагеря по шести спискам от 3 апреля были отправлены в Харьков 195 человек — 5 апреля, 200 — 6 апреля и 195 — 7 апреля (см. № 81).

20—22 апреля были подписаны первые списки на расстрел 1070 заключенных украинских тюрем, 23—26 апреля — списки № 047, 048 и 049 на расстрел

[18] В НКВД УССР пост начальника тюремного отдела занимал ст. лейтенант госбезопасности Г.Г. Судаков, зам. начальника 1-го спецотдела лейтенант госбезопасности С.П. Смирнов.

заключенных, сосредоточенных в минской тюрьме. Белорусские списки расстрелянных узников тюрем до сих пор не найдены. Крайне скудны и другие материалы, касающиеся проведения расстрельной операции на Украине и в Белоруссии[19].

9 апреля было подписано 13 списков на 1297 военнопленных[20]. Мог ли орган внесудебной расправы рассмотреть за один день по существу почти 1300 дел? Ответ очевиден — это физически невозможно. Да этого и не требовалось: в задачу «тройки» входило лишь утвердить списки, как это делало и Особое совещание НКВД СССР.

18 апреля А.Я. Герцовский сообщил в УПВ, что дела 273 военнопленных не будут рассматриваться, а сами военнопленные подлежат переводу в Юхновский лагерь[21]. Не рассматривались Комиссией и те дела, которые после поступления новых запросов со стороны ИНО, НКИД и др. дополнительно ставились на контроль (см. № 30, 31). В этом случае дела изымались из общей пачки подготовленных для отправки в 1-й спецотдел дел. Когда же дело ушло в 1-й спецотдел — вынималось из пачки, подготовленной для включения в расстрельные списки. Если же военнопленный был передан «на распоряжение УНКВД», сделать было уже ничего нельзя. Зачастую запросы германского посольства или литовской миссии поступали тогда, когда человека уже расстреляли.

Были и уникальные случаи, когда людей возвращали с этапа. Наиболее известный из них произошел с профессором Виленского университета, специалистом по экономике Германии и СССР Станиславом Свяневичем. Его включили в этап, отправляемый из Козельского лагеря 29 апреля, доставили вместе с другими на станцию Гнездово, что в 1,5 км от Катынского леса. После остановки поезда профессора увели в пустой вагон, где он мог через щель наблюдать за выгрузкой военнопленных и отправкой их в сторону леса в автобусах с закрашенными окнами. По завершении разгрузки вагонов С. Свяневича доставили во внутреннюю тюрьму Смоленского УНКВД и сразу после майских праздников отправили в Москву на Лубянку[22]. Распоряжения о его задержании и последующем переводе в Москву в ведение 2-го отдела ГУГБ были отданы 27 апреля Меркуловым, 28 апреля — Берией (см. №№ 64, 65).

Были и другие случаи, когда лица, осужденные «тройкой» и включенные в предписания на отправку в распоряжение начальника УНКВД, задерживались и отправлялись в Юхновский лагерь (см. №№ 47, 79, 80, 81). Таким об-

[19] Ukraiński ślad Katynia. S. 1—69.

[20] РГВА. Ф. 1/п. Оп. 2е. Д. 10; Tucholski J. Mord w Katyniu. Kosielsk. Ostaszków. Starobielsk. Lista ofiar. W-wa, 1991. S. 639—655, 783—795.

[21] РГВА. Ф. 1/п. Оп. 4е. Д. 13. Л. 114.

[22] С. Свяневич. Указ. соч. С. 114—120.

разом, военнопленным сохранялась жизнь не по решению Комиссии, а по указанию Меркулова, как правило, согласованному с Берией. Одновременно по мере изучения оперативных материалов, часть из стоявших на контроле дел снималась с него и передавалась на рассмотрение Комиссии (см. №№ 44, 59).

УПВ потребовало от начальников лагерей докладывать о количестве отправленных в УНКВД и находившихся в Козельске, Старобельске и Осташкове военнопленных (см. № 35, 45). 15 апреля И.И. Хохлов отдал распоряжение В.Н. Королеву и А.Г. Бережкову незамедлительно выслать в Управление оставшиеся у них дела со справками; 22 апреля — срочно доставить дела и справки на находившихся в больницах и госпиталях военнопленных[23].

К этому времени операция уже вступила в завершающую стадию: большая часть «контингента» была направлена на расстрел. Подводя первые ее итоги, УПВ информировало руководство НКВД СССР о прохождении дел. Сообщалось, что на 3 мая лагерям были направлены предписания на 13682 человека. В 1-м спецотделе находилось 154 дела, готовившихся на Комиссию, на контроле стояло 609 дел, на исправление в лагеря отправлено 29 дел, в Юхновский лагерь перевели 200 человек, в работе находилось 49 дел, подготовлены для доклада Меркулову —185. Всего прошло дел на 14908 человек (см. № 68). Чтобы уточнить, не упустили ли они кого-то из виду, 5 мая Сопруненко распорядился сообщить, сколько военнопленных и кто именно еще находится в лагере (см. №№ 70, 71).

Администрация Козельского, Старобельского и Осташковского лагерей старалась выполнить каждое требование Москвы и в свою очередь обращалась туда за разъяснениями возникавших в ходе операции вопросов. Так, П.Ф. Борисовец доложил в УПВ, что в Осташковском лагере содержится полицейский Ф. Мастоляж вместе с 8-летним сыном, который временно помещен в Осташковский детдом. Он спрашивал, что делать с мальчиком в случае получения наряда на отправку его отца (см. № 46). Однако в центре судьба ребенка никого не взволновала. Там давно привыкли обрекать на сиротство сотни тысяч детей «врагов народа». В списке-предписании на отправку в распоряжение начальника Смоленского УНКВД № 058/3 в пункте 55 значился Мастоляж Феликс Янович, 1890 года рождения...

Много вопросов возникало у лагерного начальства по оформлению этапов, хранению списков-предписаний и другой документации на военнопленных. УРО Осташковского лагеря, в частности, не знало, что делать с учетными делами на тех, кто «массовым порядком по нарядам» убывал из лагеря. За-

[23] РГВА. Ф. 1/п. Оп. 2с. Д. 11. Л. 203; Центральный Архив ФСБ РФ (ЦА ФСБ РФ). Ф. 3. Оп. 7. Д. 636. Л. 61.

водить ли картотеку убытия? Копировать ли для высылки в УПВ карточки формы № 2 на убывших?[24] Где хранить списки, по которым сдают военнопленных? Как оформлять этапы? Ответы на эти вопросы УПВ постаралось дать в своем распоряжении от 11 апреля. В картотеке лагеря предписывалось отмечать «убыл по списку №... такого-то числа и месяца». Указывалось, что карточки ф. № 2 высылать в УПВ не следовало[25].

В случае какой-либо путаницы в списках-предписаниях начальники лагерей обращали на них внимание УПВ. 3 мая, например, В.Н. Королев сообщил И.И. Хохлову, что с 3 по 28 апреля согласно списков отправлены в Смоленск 4235 человек, в Юхнов — 107 человек. Не были отправлены из лагеря по распоряжению В.М. Зарубина фигурировавшие в списках-предписаниях генерал Е. Волковицкий и капитан С. Синицкий, по распоряжению УПВ — Х. Чиж, М. Липский и А. Манн. Некоторые наряды были выданы на людей, которых не было в лагере, на четверых они выписывались дважды. В лагере оставались 265 человек, не считая 5 военнопленных, доставленных в Козельск из Ровенского лагеря. Начальники трех лагерей регулярно информировали и руководство УНКВД относительно выполнения нарядов на отправку (см. №№75, 79, 80, 81).

Всего же по всем трем лагерям, в соответствии с итоговой справкой, составленной в УПВ в мае, были отправлены на расстрел 14587 человек (см. № 90), в соответствии со справкой от 3 декабря 1941 г. — 15131 человек (см. № 174), по данным А.Н. Шелепина —14552 (см. № 227). Возможно, в справке от 3 декабря 1941 г., составленной для И.В. Сталина в день его встречи с В. Сикорским, были учтены результаты отправок в УНКВД трех областей тех военнопленных, которые ранее арестовывались и находились в тюрьмах или в трудовых лагерях, откуда их, минуя Козельск, Осташков и Старобельск, отправили непосредственно на расстрел. Известно, что 10 мая Сопруненко запретил начальнику криворожских лагерей впредь направлять военнопленных в Козельск, Старобельск и Осташков.

Среди отправленных на расстрел были 11 генералов, контр-адмирал, 77 полковников, 197 подполковников, 541 майор, 1441 капитан, 6061 поручик, подпоручик, ротмистр и хорунжий, 18 капелланов и других представителей духовенства[26].

Те, кого отправляли «в распоряжение УНКВД», не догадывались о том, что их ждет. Комиссары лагерей сообщали С.В. Нехорошеву, а тот — трем за-

---

[24] Картотека военнопленных с карточками ф. № 2 находится и сегодня в РГВА, но в ней отсутствуют карточки на тех, кто был отправлен на расстрел в апреле—мае 1940 г.

[25] РГВА. Ф. 1/п. Оп. 2е. Д. 11. Лл. 315—316.

[26] Там же. Оп. 3а. Д.1. Лл. 257—262; Оп. 1е. Д. 4. Лл. 3, 3об.; Оп. 01е. Д. 1. Лл. 38—39.

местителям наркома внутренних дел, что в связи с отправкой настроение военнопленных приподнятое. Лишь в те дни, когда отправок из лагеря не было поляки проявляли беспокойство, опасаясь, что их могут не отправить, как они полагали, на родину. Люди обращались к лагерному начальству с просьбой ускорить их отправку (см. № 40, 53). Старшие офицеры рекомендовали своим коллегам, уезжавшим из лагеря с первыми партиями, делать в вагонах надписи с указанием конечной станции, чтобы последующие этапы знали, куда их везут. 7 апреля при возврате вагонов была обнаружена фраза на польском языке: «Вторая партия — Смоленск, 6.IV.1940». Естественно, тут же был отдан приказ тщательно осматривать вагоны и все надписи смывать. Однако судя по дневниковым записям, найденным в катынских могилах, некоторые послания своих предшественников офицеры все же прочли[27].

Приподнятое настроение в связи с отправкой наблюдалось и у большинства военнопленных из Осташковского лагеря. Почти все рядовые полиции были уверены, что едут домой. Некоторые, правда, сомневались в этом. При выходе из лагеря выбрасывали в спичечных коробках записки, что при осмотре перед отправкой ищут оружие; личные вещи и ценности не отбирают; принимаются все претензии; обращение вежливое, однако невозможно понять, куда их отправляют (см. №№ 40, 53).

Выводы политдонесений С.В. Нехорошева и комиссаров трех лагерей с том, что подавляющая масса военнопленных была уверена в своей отправке домой, стремилась поскорее уехать, что офицеры сами обращались к администрации с просьбой попасть в ближайший этап, подтверждаются и катынскими дневниками, и воспоминаниями тех, кому довелось уцелеть.

Подпоручик Анжей Ригер, включенный в наряд на отправку № 042/2 пункт 56, писал в своей записной книжке: «3.IV. Убывает первый этап, более 70 человек. Теряемся в догадках: куда?... 5.IV. Скверно, холодно, все время этапы. Уезжает Мушиньский. Играю в шахматы. Настроение подлое/.../ 6.IV. ...К нам приходит «Скит». Как будто раздела Польши уже не существует. Дальнейшее море сплетен — куда едем — домыслы, дискуссии — переменчивое настроение... 10.IV. Скверно. Этапы не идут. Настроение безнадежное. Дискуссия на тему Норвегии, не играем в бридж и шахматы, так вот. 11.IV. Утром холодно, затем прекрасное солнце. Едет Станкевич... Безнадежно. Когда же, наконец, возьмут и меня? Уходит большой этап... 14. IV. Настроение слабое. Хотя бы шел этап!... 17. IV. Грустно! Загораю. Почему же я еще не

[27] В дневнике капитана В. Вайды говорилось: «Из записок, найденных нами, знаем, что выгружают за Смол[енском] приблизительно в 10 км от него» (Pamiętniki znalezione w Katyniu. Wyd. II. Paris —W-wa, 1990. S. 169).

еду? Появляется надежда на выезд в нейтральное государство...18.IV. Завтра этап — значит, есть надежда... 19.IV. Идет большой этап... Я упаковался тщательно. К сожалению, напрасно... 20.IV. День теплый, но туманный. Идет этап. Едет Вацек Южиньский. Мне делается очень муторно. Так бы хотелось уехать. Белье загрязняется. Что делать «вообще»? Я не уехал. Это меня взбесило...Осмелился посетить легендарного Александровича... 22.IV. Погода так себе. Временами солнце. Бреюсь. Выезд из Козельска. Обыск. Доезжаем до Сухиничей, где торчим до трех. Едем в ужасных условиях. 23.IV. Ночью дождь и гроза»[28]. Здесь записи обрываются...

Ю. Чапский в своих мемуарах отмечал, что в апреле, когда стали вывозить людей, многие верили, что едут на родину. Поскольку в этапы включали военнопленных разных возрастов, званий, профессий, политических убеждений, невозможно было понять принцип отбора. «Каждая новая партия сбивала нас с толку. Едины мы были в одном: каждый из нас лихорадочно ожидал, когда объявят очередной список уезжающих (может, в списке будет и моя фамилия). Мы называли это «часом попугая», поскольку бессистемность списков напоминала карточки, которые в Польше вытаскивали попугаи шарманщиков. Комендант лагеря подполковник Бережков и комиссар Киршон официально заверяли старост, что лагерь ликвидируется, а мы направляемся на родину — на немецкую или советскую территорию». Те, кого отобрали в Юхнов, находились в Старобельске до 20-х чисел апреля, а некоторые — до 12 мая. Как же они завидовали «счастливчикам», уехавшим от постылой проволоки в широкий мир! «Если бы они знали, кому завидовали», — добавляет Чапский[29].

Ожидание отправки обостряло тоску по родным и близким, с которыми военнопленные были разлучены уже десять месяцев. Добеслав Якубович писал в дневнике, обращаясь к жене: «2.IV. /.../ Что-то висит в воздухе, милая Марыся. 3.IV. /.../ Вывезли. От нас забрали Войцеховского. Эх, Марысечка... 4.IV. /.../ Неизвестно куда, зачем. Люблю тебя, Марысечка. 5.IV. Продолжают вывозить... Ничего не известно, куда нас опять везут... 6.IV. Сегодня вывозить прекратили — Марысечка, хоть бы письмо получить от тебя. 7.IV. Опять вывозят. Я видел плохой сон, Марысенька. У нас утром был молебен. 8.IV. Вывозят, Марысенька, моя милая, если бы я мог тебе сообщить, что тоже выезжаю, так жду от тебя письма. 9.IV. Вывозят. Увезли всего 1287. Интересно, когда дойдет очередь до меня и куда я поеду, Марысенька. 10.IV. Перерыв. Ночью известие об оккупации Дании, боях в Норвегии с немцами. Посмотрим, что делать... 11.IV.

[28] Pamiętniki znalezione w Katyniu. S. 297—300

[29] J. Czapski. Na nieludzkiej ziemi. W-wa, 1990. S. 40. Киршон — правильно Киршин.

Интересные новости, Марысенька, не известно, что я, как и куда, можно только предполагать, милая. 12.IV. Вывозят. Очень тоскую по тебе, дорогая Марысенька. 13.IV. Перерыв. Так хотелось бы увидеть тебя, любимая, с Боженкой... 14.IV. Перерыв. Хандра меня мучает, Марысенька, любимая, и плохо себя чувствую...18.IV. Перерыв. Что сделаешь, Марысенька, может переживаешь за меня, любимая, дорогая. 19.IV. Вывозят. Были письма, я не получил, Марысенька, прекрасная моя... 21.IV. Сегодня после обеда меня взяли — после обыска — автомобилем на левую железнодорожную ветку — в тюремные вагоны — в отделении вагона 15 человек за решеткой. 22.IV. В 1. 30 поезд тронулся. 12 часов — Смоленск»[30]. И вновь записи обрываются. Увидеться с горячо любимой Марысей Добеславу Якубовичу так и не довелось.

В политдонесениях комиссаров лагерей и УПВ фиксировались также призывы военнопленных, их прощальные напутствия: «стойко держаться в будущих боях за великую Польшу; что бы с нами ни делали, Польша была и будет[31]». В одном из блоков военнопленный зачитывал составленное им воззвание: «Держаться стойко за честь польского офицера, за будущую великую Польшу». С.В. Нехорошев сообщал, что к ним поступает большое количество заявлений с просьбой не отправлять их на территорию, контролируемую Германией, но оставить в СССР. Однако он преувеличивал: заявления подобного рода писали главным образом офицеры запаса еврейской национальности, понимавшие, какая судьба им уготована в рейхе. Комиссар УПВ вынужден был оговориться, что «кадровый офицерский состав польской национальности заявлений оставаться в СССР не пишет»[32]. Приводились и рассуждения поляков об их намерении отомстить СССР, участвовать в походе против него после разгрома Германии (см. № 40).

«Передовой отряд контрреволюции Запада» — польских офицеров, полицейских, чиновников, членов политических партий следовало ликвидировать, ибо они были естественным и действенным союзником Англии и Франции, готовивших удар против СССР в районе Кавказа. Польские офицеры и полицейские намеревались развернуть повстанческое движение в присоединенных в 1939 г. к СССР землях — такова была, по-видимому, официальная аргументация, оправдывавшая расстрельную акцию в глазах ее исполнителей (см. № 40).

Из политдонесений явствует, что сами палачи в ходе «операции по разгрузке» лагерей и тюрем теряли человеческий облик, спивались, некоторые из них впоследствии кончали жизнь самоубийством.

---

[30] Pamiętniki znalezione w Katyniu. S. 55—57. Отточия в квадратных скобках — это невосстановленные издателями записи в дневниках, пролежавших несколько лет в катынских могилах.

[31] РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1. Л. 121.

[32] Там же. Л. 147.

В операции по расстрелу польских военнопленных и заключенных участвовало большое количество работников НКВД — его центрального аппарата (1-й спецотдел, 2-й, 3-й, 5-й отделы ГУГБ, ГЭУ, ГТУ, ГУКВ, УПВ), НКВД Украинской и Белорусской ССР, УНКВД трех областей, специальные расстрельные команды из Москвы и местных внутренних тюрем НКВД, конвойные части, войска НКВД. Однако более 50 лет все эти люди хранили молчание. Никто из них не осмеливался, да и не желал поведать миру об этой страшной тайне. Ведь они были соучастниками этого злодейского военного преступления. Нам известно лишь об одном человеке, посмевшим нарушить приказ о сохранении в строжайшей тайне всего, что было связано с отправкой военнопленных из лагерей. Политконтролер (цензор) Старобельского лагеря Даниил Лаврентьевич Чехольский предпринял попытки сообщить женам польских офицеров об «убытии» их мужей из Старобельска (см. № 97). По приказу УПВ 23 июля он был уволен из лагеря. Дальнейшая судьба его неизвестна. Некоторые письма, отправленные Чехольским, дошли до адресатов, большую часть перехватила цензура.

До сих пор нам не удалось найти ни одного документа НКВД о процедуре самого расстрела. Однако об этом подробно рассказали в своих показаниях следователям Главной военной прокуратуры бывший начальник УНКВД по Калининской области Д.С. Токарев, а также работник Харьковского УНКВД М.В. Сыромятников[33].

Как показал Токарев, из Москвы для руководства расстрелом в Калинин была прислана группа ответственных работников НКВД. В нее входили зам. начальника ГТУ старший майор госбезопасности Н.И. Синегубов, начальник комендантского отдела АХУ НКВД СССР майор госбезопасности В.М. Блохин и начальник штаба конвойных войск комбриг М.С. Кривенко. Несколькими неделями раньше тот же Блохин расстреливал Исаака Бабеля, Всеволода Мейерхольда, Михаила Кольцова...

Военнопленных доставляли из Осташкова по железной дороге и размещали во внутренней тюрьме УНКВД, которую временно освободили от других заключенных. «Из камер поляков поодиночке вели в «красный уголок», то есть в ленинскую комнату, там сверяли данные — фамилия, имя, отчество, год рождения... Надевали наручники, вели в приготовленную камеру и били из пистолета в затылок. Вот и все», — сообщил следователям военной прокуратуры Д.С. Токарев[34]. Функции палачей в Калинине выполняли 30 человек (в двух

[33] Katyń... T. 2. S. 423—500.

[34] Л. Елин. 53 палача — и два свидетеля // Новое время. 1991. № 42. С. 32—35.

других УНКВД — еще 23 работника комендантских отделов). В Калинине чаще всех расстреливал сам Блохин. Расстреливали за ночь от 200 до 350 человек из немецких пистолетов «Вальтер», которые Блохин привез с собой из Москвы. Ночью перед первым расстрелом в кабинет к Д.С. Токареву вошли В.М. Блохин, Н.И. Синегубов и М.С. Кривенко. Первый сказал: «Ну, пойдемте, начнем». «Перед расстрелом Блохин надел спецодежду: кожаную коричневую кепку, длинный того же цвета кожаный фартук, такие же перчатки с крагами выше локтей. Я увидел палача... Через вторую заднюю дверь трупы выносили из камеры и бросали в крытые грузовики. Затем 5—6 машин увозили тела к месту захоронения в окрестностях села Медное. Это рядом с дачами УНКВД, с одной из моих двух дач. Место выбирал сам Блохин. Он же привез из Москвы двух экскаваторщиков»,— давал показания все тот же Токарев. Немецкие войска никогда эту территорию не занимали, хотя само село Медное находилось несколько дней в их руках. Д.С. Токарев передал тайну захоронения поляков своему преемнику Сененкову, позднее ставшему заместителем заведующего отделом ЦК КПСС. Каждого нового начальника областного управления КГБ также посвящали в тайну, и он делал все, чтобы о ней не узнали.

В Харькове, как и в Калинине, польских офицеров расстреливали во внутренней тюрьме НКВД на улице Дзержинского, куда военнопленных доставляли «воронками» с железнодорожной станции. После идентификации личности, военнопленному связывали руки за спиной и выводили в комнату, где выстрелом в затылок лишали его жизни. По мнению медицинских экспертов НКВД, в этом случае пуля проходит через позвоночный столб, вызывая спазм мышц и минимальное кровотечение. Тела расстрелянных с завязанными на головах шинелями вывозили на грузовиках в полночь и доставляли в 6-й район лесопарковой зоны Харькова, на территорию санатория НКВД, что в 1,5 км от села Пятихатки. Там их закапывали вблизи дач УНКВД, вперемешку с могилами советских граждан, расстрелянных теми же палачами ранее. Экзекуциями руководили как присланные из Москвы работники комендантского отдела АХУ НКВД СССР, так и начальник УНКВД по Харьковской области майор госбезопасности П.Е. Сафонов, его заместитель капитан ГБ П.Н. Тихонов и комендант УНКВД ст. лейтенант ГБ Т.Ф. Куприй[35]. Они же, по всей видимости, руководили и расстрелом заключенных тюрем, доставленных в Харьков.

О последних часах жизни польских офицеров наиболее красноречиво свидетельствуют записи талантливого резчика по дереву 32-летнего поручи-

[35] Katyń... T. 2. S. 472—500.

ка Вацлава Крука и майора Адама Сольского, найденные при эксгумации могил в Катыни.

В. Крук писал: «08. 04. Сегодня очередь дошла до меня. Утром я помылся в бане, постирал носки и платочки [...] вообще [...] до [...] с вещами». После сдачи казенных вещей обыскали повторно в 19-м бараке, а оттуда через ворота вывели к машинам, на которых мы доехали до небольшой станции, но не до Козельска (Козельск отрезан половодьем). На этой станции под строгим конвоем нас погрузили в тюремные вагоны. В тюремном отсеке вагона, который я вижу впервые в жизни, нас 13 человек. Я еще не знаком с этими товарищами по плену. Теперь мы ждем отправки со станции. Если ранее я был настроен оптимистически, то теперь от этого путешествия не жду ничего хорошего. Хуже всего то, что [...] не известно, сможем ли мы определить направление, в котором нас повезут. Терпеливо ждем. Едем в направлении Смоленска. Погода [...] солнечная, но на полях еще много снега.

09. 04. Вторник. Ночь мы провели лучше, чем в давних вагонах для скота. Было немного больше места и не так ужасно трясло.. Сегодня погода [...] вполне зимняя. Сыплет снег, пасмурно. На полях снега, как в январе. Невозможно ориентироваться, в каком направлении движемся. Ночью ехали очень мало, сейчас проехали станцию Спас-Деменское. Такой станции на пути к Смоленску я не видел. Опасаюсь, что мы едем на север или северо-восток... Вчера утром дали порцию хлеба и сахара, а в вагоне —холодную кипяченую воду. Сейчас приближается полдень, но еды не дают. Обращение с нами [...] также ординарное. Не разрешают ничего. Выйти в туалет можно лишь тогда, когда это вздумается конвоирам; ни просьбы, ни крики не помогают [...]

Теперь 14.30. Въезжаем в Смоленск [...] Уже вечер. Проехали Смоленск, доехали до станции Гнездово. Похоже, нас будут выгружать, вокруг много военных. До сих пор нам не дали ничего поесть. Со вчерашнего завтрака живем порцией хлеба и воды»[36]. На этом записи обрываются. Вацлав Михал Крук был отправлен на расстрел по списку-предписанию № 029/2, пункт 73.

Чуть ли не на краю могилы кончил писать свой дневник майор Адам Сольский, значившийся под номером 41 в списке-предписании № 015/2:

«7.04. Встали рано. Вчера ходил к «скитовцам». Паковал вещи! В 11.40 нас собрали в клуб на обыск... После обыска в 16.55 (по польскому времени в 14.55) мы покинули лагерь Козельск. Посадили нас в тюремный вагон. Подобных вагонов я раньше никогда не видел (говорят, что в СССР 50% вагонов предназначены для перевозки заключенных). Со мной едет Йозеф Кутиба,

[36] Pamiętniki znalezione w Katyniu. S. 59—60.

капитан Павел Шифтер и еще майор, полковник и несколько капитанов, всего 12. Мест же самое большее для семерых. 8.04. 3 часа 30 минут. Отправление со станции Козельск на запад. 9 час. 45 минут — на станции Ельня. 9.04. Несколько минут до пяти утра — ранний подъем в тюремных вагонах и подготовка к выходу. Нас куда-то повезут на машинах. Что дальше? 9.04. Еще не рассвело. День начинается как-то странно. Перевоз в «вороне» (страшно!). Привезли куда-то в лес. Похоже на летний дом. Здесь снова осмотр. Забрали часы, на которых было 6.30. Спросили об образке, который [...] Забрали рубли, ремень, перочинный нож»[37].

Судя по результатам эксгумации, привезенных на «черных воронах» в Катынский лес офицеров расстреливали группами над глубокими могилами, в мундирах, в орденах, стреляли в затылок с близкого расстояния. При расстреле использовались немецкие пули калибра 7,65 мм. В 20% случаев руки у военнопленных были связаны проволокой или плетеным шнуром. В одной из восьми могил находились тела, на головах которых были шинели, обмотанные на уровне шеи шнуром, который соединялся петлей со связанными руками. При этом каждая попытка человека двинуть рукой затягивала петлю на шее[38].

Скорее всего, часть офицеров доставлялась в Смоленск и расстреливалась во внутренней тюрьме НКВД. Подтверждением тому служит одна из могил, в которой тела лежали ровными рядами, лицом к земле, в отличие от других ям смерти, где расстрелянные находились в разных положениях. Эта гипотеза находит подтверждение и в донесениях С.Р. Мильштейна: разгрузка вагонов с поляками длилась иногда два дня и при этом именно на станции Смоленск. С. Свяневич, доставленный в Смоленскую тюрьму, обнаружил, что она полностью освобождена от других заключенных, что также говорит об обоснованности этой версии. Сотрудник Смоленского УНКВД Петр Климов в письме в Комиссию по реабилитации жертв репрессий Смоленской области описывал, как происходил расстрел: «В маленькой подвальной комнате был люк, канализационный. Жертву заводили и открывали люк, голову клали на его край и стреляли в затылок или в висок (по всякому)... Стреляли почти каждый Божий день с вечера и вывозили в Козьи горы, а возвращались к 2 часам ночи.... Кроме шофера выезжали 2—3 человека и комендант... Расстреливали, из тех, кого помню, следующие: Грибов, Стельмах И.И., Гвоздовский, Рейнсон Карл...

---

[37] Tamże. S. 104—105.

[38] При эксгумации в апреле—июне 1943 г. в семи могилах было обнаружено 4143 тела польских офицеров. Одну могилу в связи с приближением Красной Армии обследовать не удалось. При извлечении тел из могил были обнаружены документы, записки, дневники, по которым удалось идентифицировать 2815 тел. (Zbrodnia katyńska w świetle dokumentów. Wydania 9. Londyn, 1981. S. 96—113).

Поляков на расстрел привозили в вагонах по железнодорожной ветке на станцию Гнездово. Охрану места расстрелов осуществлял конвойный полк НКВД». Между тем Климов отмечал, что часть польских священников была расстреляна в подвалах внутренней тюрьмы Смоленского УНКВД.

После окончания «операции по разгрузке» спецлагерей и тюрем Берия издал 26 октября 1940 г. приказ о награждении 125 работников НКВД, принимавших участие в операции по расстрелу польских военнопленных и заключенных — «за успешное выполнение специального задания» (см. № 128).

В Юхновский лагерь в конце апреля — начале мая были доставлены 395 человек. Среди них были 1 генерал (Е. Волковицкий), 8 полковников, 16 подполковников, 8 майоров, 18 капитанов, 201 других офицеров, 8 хорунжих, 9 чинов младшего командного состава полиции, 38 рядовых полицейских, 1 жандармский унтер-офицер, 1 рядовой жандармерии, 9 тюремных работников, 2 осадника, 8 чиновников, 15 рядовых армии и КОП, 12 юнаков, 1 лесопромышленник, 38 беженцев (см. № 96). По прибытии в лагерь 13 и 14 мая военнопленные объявили «минуту молчания», что не на шутку встревожило лагерное начальство. Комендант лагеря от военнопленных майор Й. Мара-Мейер объяснил, что таким образом они «чтят память погибших товарищей». Как потом выяснилось, то были дни годовщины смерти Ю. Пилсудского.

В соответствии с приказом Меркулова № 00626 в Юхновском лагере было значительно увеличено и обновлено особое отделение, которое возглавил Г.А. Эйльман (см. № 86). Его работникам поручалось немедленно организовать изучение прибывшего контингента, наладить их агентурно-оперативное обслуживание, для чего установить связь с агентурой и осведомителями, имеющимися в составе прибывающих военнопленных. К юхновскому «контингенту» относились как к «отчаянным врагам советской власти». Крайне вредными оценивались даже такие высказывания, как «СССР совместно с Польшей должен выступить против Германии», «Хотя Германия и имеет успех, но победа будет на стороне союзников», «Германия будет вести войну против СССР» и др.

14 июня по приказу Меркулова 384 военнопленных из Юхновского лагеря были погружены в вагоны и отправлены в Грязовец. Оставшиеся 10 больных были доставлены туда же через некоторое время.

Ликвидировав 97% военнопленных офицеров, полицейских и узников тюрем, сталинское руководство не пощадило и тех поляков, которые трудились на шахтах Донбасса и рудниках Кривого Рога. Еще в процессе разгрузки трех спецлагерей началась подготовка к переводу рядовых и унтер-офицеров польской армии из наркомчерметовских лагерей в Северный железнодорож-

ный лагерь в бассейне Печоры (см. №№ 72, 73). 9 мая 1940 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение построить в кратчайший срок Северо-Печорскую железнодорожную магистраль от Котласа до Воркуты протяженностью в 1191 км. На ее строительстве намеревались задействовать 20 тыс. заключенных ГУЛАГа. 14 мая Берия подписал приказ № 00511 «О строительстве Северо-Печорской железнодорожной магистрали». Движение по ней должно было начаться уже в декабре 1941 г. Отрезок от Котласа до Усть-Кожва (728 км) должен был быть построен силами Северного железнодорожного лагеря (СЖДЛ), начальником которого назначался Шемена. Общее руководство возлагалось на начальника Главного управления железнодорожного строительства (ГУЖДС) НКВД СССР Н.А. Френкеля. В этот же день Берия подписал приказ № 0192-1940 «О направлении рабочей силы из заключенных на строительство Северо-Печорской магистрали и Воркутстроя». Нарком приказал в мае—июле направить туда 135 тысяч заключенных и военнопленных. В 1942 г. Воркутинский бассейн должен был выдавать 2 млн. т угля, в 1945 г. — 6,2 млн. т. 26 июня Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О воркуто-печорских углях».

Приказом НКВД СССР от 17 мая 1940 г. № 0196 был создан сводный отряд конвойных войск для конвоирования военнопленных со станций Чибью и Котлас в многочисленные отделения СЖДЛ, расположенные вдоль строившейся Северо-Печорской магистрали. С 15 июля охрана военнопленных в СЖДЛ переходила к военизированной охране ГУЛАГа, а сводный отряд считался расформированным. 27 мая Берия подписал приказ № 00719 «Об организации военных трибуналов войск НКВД СССР при управлениях строительства Северо-Печорской железнодорожной магистрали». В соответствии с ним были созданы два трибунала — в Княж-Погосте и Усть-Кожве.

До отправки военнопленных в бывших наркомчерметовских лагерях находились 10042 военнопленных. Из них 2000 человек, наиболее лояльно относившихся к советской власти и хорошо зарекомендовавших себя на работе, было решено перевести в Ровенский лагерь (см. № 72). Остальных по распоряжению зам. наркома В.В. Чернышова от 10 мая вскоре отправили в Севжелдорлаг (см. № 73). Впервые наличие военнопленных в СЖДЛ зафиксировано в справке УПВ от 1 июня. В ней указывалось, что в Юхновском лагере содержится 394 польских пленных, в Оранском — 756 чехов, на строительстве НКВД № 1 — 14621 человек (на 16 марта там было 12642 военнопленных), в Южском — 5371 репатриированных бойцов и командиров Красной Армии, побывавших в финском плену, в СЖДЛ —8000 польских военнопленных. Положение поляков в СЖДЛ ничем не отличалось от того, в котором

находились советские зэки. Условия их содержания и изнурительные работы были нацелены на медленное убийство военнопленных трудом и голодом (см. об этом подробнее во второй части данного тома).

В разгар расстрельной операции — 13 апреля — была проведена депортация родных и близких польских офицеров, полицейских и узников тюрем. Окончательное решение о ее проведении было принято советским правительством и Политбюро ЦК ВКП(б) 10 апреля (см. № 36). Утверждена была в этот день и инструкция о проведении депортации. Совнаркому Казахстана было предложено обеспечить размещение 22—25 тысяч семей, предоставив им жилье и работу, Наркомату путей сообщения — выделить 81 эшелон по 55 вагонов в каждом. По данным конвойных войск и ГУЛАГа в апреле 1940 г. в Казахстан было переселено около 66 тысяч человек. Всего же за 1-й и 2-й кварталы 1940 г. в 586 поселках были размещены 215 тысяч человек или 54832 семьи из западных областей УССР и БССР, преимущественно поляков. Из них 138 тысяч в 1 квартале, 77 тысяч во втором.

Условия жизни поляков, сосланных в Казахстан, были не многим лучше, чем выдворенных в северные районы страны. Жили зачастую в землянках, мазанках, изнуряло безводье. В большинстве поселков не было ни школ, ни больниц. Непривычно тяжел был и климат: летом жара доходила до 45 градусов, зимой — морозы в 50 градусов. Волки в степи нападали на скот и людей. Особенно трагичной была участь детей, лишившихся отцов, крова и источников пропитания (см. №№ 85, 93).

Третий поток депортаций пришелся на последнюю декаду июня 1940 г. 29 июня началось и к середине июля завершилось выселение 76382 человек (25682 семей), перебежчиков и тех, кто подал заявление о выезде в центральную часть Польши, но не был принят германской стороной. Они были размещены в Красноярском и Алтайском крае, в Архангельской, Вологодской, Горьковской, Иркутской, Новосибирской, Омской, Челябинской, Якутской областях, Коми АССР.

Публикуемые в первой части тома документы свидетельствуют также о том, что осуществление «операции по разгрузке» трех спецлагерей было связано и со сталинскими планами присоединения прибалтийских государств к СССР. В конце мая —начале июня, то есть почти за две недели до предъявления ультиматумов трем прибалтийским правительствам, были приняты меры по подготовке лагерей к приему военнопленных из Литвы, Латвии и Эстонии, а также к созданию новых лагерей на территории бывших монастырей и отделений ГУЛАГа. 9 июня В.В. Чернышов представил справку о готовности к приему 64 тыс. военнопленных, в том числе в Осташковском 8 тыс. и по 5 тыс.

в Козельском, Старобельском и Юхновском, из которого 395 поляков планировалось вывезти в Грязовецкий лагерь (см. № 95). Но и этого показалось недостаточно. В более поздней справке в Осташковском лагере уже планировалось разместить 9 тыс. человек, в Козельском, Старобельском и Юхновском — по 8,5 тыс. (см. № 98). Обращает на себя внимание фраза: «После освобождения Южского и Грязовецкого лагерей в них необходимо будет разместить выявленных офицеров, полицейских, жандармов, агентов и им равных».

Что понималось под разгрузкой Южского лагеря, нам известно. После проведения фильтрации 717 возвращенных из финского плена военнослужащих РККА были переданы в распоряжение УНКВД по Ивановской области (то есть расстреляны), 2300 узников отконвоированы в Норильский лагерь, 1942 человека — в Воркутинский. Лишь 360 раненых остались в Вязниковском госпитале, 132 — в Ковровском. 1 сентября 1940 г. начальник Южского лагеря Соколов докладывал в УПВ: «Непосредственно в зоне лагеря бывших военнопленных нет».

Однако, что понималось под освобождением Грязовецкого лагеря, не ясно. Ведь именно в это время — 16—18 июня — туда были доставлены из Юхновского лагеря 395 уцелевших польских офицеров и полицейских. О дальнейшей судьбе этих людей см. подробнее во второй части данного тома.

Вопрос о поступлении пленных из Прибалтики был актуален вплоть до 27 июня 1940 г. В конце этого месяца было решено не интернировать военнослужащих трех стран. После «вхождения» Литвы, Латвии и Эстонии в состав СССР на базе их армий были созданы три территориальные корпуса в составе РККА. Тем не менее незадолго до нападения Германии на СССР большая часть их военнослужащих была арестована и доставлена-таки в лагеря для военнопленных (см. № 156).

Итак, включенные в первую часть тома документы отражают государственный характер готовившейся и проводившейся в течение трех месяцев операции по физическому уничтожению польской военной, государственной и интеллектуальной элиты — военнопленных трех спецлагерей и заключенных тюрем западных областей УССР и БССР. Они свидетельствуют о ее тесной связи с депортацией в Казахстан семей расстреливаемых, с переводом польских военнослужащих из бывших лагерей Наркомчермета в Севжелдорлаг, с подготовкой лагерей НКВД СССР к приему более 60 тыс. военнослужащих из Прибалтики. Публикуемые материалы говорят о крупном масштабе проводимой акции, о бесчеловечном характере режима, осуществлявшем ее, о деформации человеческой личности в условиях тоталитарного режима.

Документы

№ 1

1940 г., марта 5, Москва. — Выписка из протокола № 13 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) о расстреле польских военнопленных (офицеров и полицейских) и арестованных, находившихся в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии[1]

Строго секретно
Из о[собой] п[апки]

Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков).
Центральный Комитет

№ П13/144 Тов. Берия[2]
5 марта 1940 г.

Выписка из протокола №13 заседания Политбюро ЦК от 193 г.

Решение от 5.III.40 г.

144. — Вопрос НКВД СССР.

I. Предложить НКВД СССР:

1) Дела о находящихся в лагерях для [a)]военнопленных[a)] 14700 человек бывших польских офицеров, чиновников, помещиков, полицейских, разведчиков, жандармов, осадников и тюремщиков,

2) а также дела об арестованных и находящихся в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии в количестве 11 000 человек членов различных к[онтр]р[еволюционных] шпионских и диверсионных организаций, бывших помещиков, фабрикантов, бывших польских офицеров, чиновников и перебежчиков — рассмотреть в особом порядке, с применением к ним высшей меры наказания — расстрела.

II. Рассмотрение дел провести без вызова арестованных и без предъявления обвинения, постановления об окончании следствия и обвинительного заключения — в следующем порядке:

а) на лиц, находящихся в лагерях военнопленных — по справкам, представляемым Управлением по делам военнопленных НКВД СССР[3],

---

[a-a)] Подчеркнуто от руки чернилами

б) на лиц, арестованных — по справкам из дел, представляемым НКВД УССР и НКВД БССР.

III. Рассмотрение дел и вынесение решения возложить на тройку, в составе тт. Меркулова[4], [a)]Кабулова[a)][5] и Баштакова[6] (начальник 1-го спецотдела НКВД СССР).

Секретарь ЦК

АПРФ. Ф.3. Оп. 67. Закрытый пакет № 1. Копия; РГАНИ. Ф. 89. оп. III. На бланке для выписок из решений Политбюро ЦК ВКП(б).
Katyń. Dokumenty ludobójstwa. Warszawa, 1992. S. 26.

[1] См. также «Катынь. Пленники необъявленной войны». М., 1997 (далее: «Катынь...»). С. 384-392. Решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г. было принято по инициативе И.В.Сталина и оформлено в соответствии с письмом Берии в его адрес. На записке наркома внутренних дел СССР были проставлены месяц, год, но отсутствовало число. Она была написана на бланке НКВД СССР и имела регистрационный номер. Именно этот номер помог нам датировать с точностью до одного дня — 3 марта — этот документ. См. подробнее: N.Lebiediewa. Proces podejmowania decyzji katyńskiej // Europa nie prowincjonalna. Warszawa-Londyn, 1999. S. 1155—1174.

[2] Берия Лаврентий Павлович (1899—1953), см. «Катынь...». С. 441.

[3] См. № 8.

[4] Меркулов Всеволод Николаевич (1895—1953), см. «Катынь...». С. 448.

[5] Кобулов Бахчо (Богдан) Захарович (1904—1953), см. «Катынь...». С.446

[6] Баштаков Леонид Фокиевич (1900—1970), см. «Катынь...». С. 440.

№ 2

1940 г., марта 7, Москва. — Директива наркома внутренних дел СССР комиссара госбезопасности I ранга Л.П. Берии наркому внутренних дел УССР комиссару госбезопасности III ранга И.А. Серову и наркому внутренних дел БССР ст. майору госбезопасности Л.Ф. Цанаве о выселении в районы Казахской ССР членов семей польских военнопленных — офицеров, полицейских, тюремщиков и др., содержащихся в лагерях, и узников тюрем западных областей Украины и Белоруссии

№ 892/Б

Народному комиссару внутренних дел УССР
комиссару госбезопасности III ранга
тов. Серову[1]
Народному комиссару внутренних дел БССР
ст. майору госбезопасности
тов. Цанава[2]

[a-a)] Так в тексте. Правильно: Кобулова.

НКВД СССР предлагает к 15 апреля т.г. произвести выселение в районы Казахской ССР сроком на 10 лет всех членов семей, содержащихся в лагерях для военнопленных и в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии, быв. офицеров польской армии, полицейских, тюремщиков, жандармов, разведчиков, быв. помещиков, фабрикантов и крупных чиновников быв. польского государственного аппарата[3].

Во исполнение этого решения ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Немедленно приступить и к [а)]3 [а)]0 марта т.г. закончить составление по прилагаемой форме точного учета членой семей всех перечисленных выше категорий военнопленных и арестованных.

Примечание: Членами семей считать жену, детей, а также родителей, братьев и сестер, в том случае, если они проживают вместе с семьей арестованного или военнопленного.[б)]

2. Для подготовки и проведения операции при УНКВД западных областей Украины и Белоруссии организовать оперативные тройки в составе: начальника соответствующего УНКВД, представителя НКВД СССР и представителя НКВД УССР или БССР.

3. В городах или районах области, в которых количество семей, подлежащих выселению, окажется свыше 200, также организовать городские и районные оперативные тройки, возглавляемые начальником городского или районного отделения УНКВД с участием представителя соответствующего областного УНКВД.

4. Областным, городским и районным оперативным тройкам тщательно разработать конкретные планы проведения операции в пределах своего участка.

5. При разработке планов проведения операции руководствоваться следующими указаниями:

а) для производства операции используются оперативные сотрудники, сотрудники территориальных и транспортных органов НКВД УССР и БССР, командиры, политработники и красноармейцы внутренних и пограничных войск НКВД, расположенных на территории западных областей Украины и Белоруссии, и оперативные работники милиции. Из них комплектуются оперативные группы из 3-х человек. Каждая такая группа проводит выселение двух-трех семей;

б) помимо формирования оперативных групп, непосредственно участвующих в проведении операции, при каждой областной, городской или районной оперативной тройке создается резерв в составе 3—5 оперативных работников и 15—25 красноармейцев войск НКВД;

в) операция проводится в один день по всем западным областям Украины и Белоруссии и начинается с наступлением рассвета. О дне операции будет сообщено дополнительно;

г) по прибытии на квартиру выселяемых семей оперативная группа производит обыск на предмет обнаружения оружия, к[онтр]р[еволюцион-

[а-а)] Написано от руки чернилами «3» поверх напечатанной цифры «2».

[б)] Примечание документа.

ной] литературы и иностранной валюты, затем объявляет членам семьи о предстоящем их выселении и разъясняет порядок выселения;

д) недвижимое имущество и торгово-промышленные предприятия выселяемых семей подлежат конфискации. Выселяемые семьи имеют право взять с собой к месту выселения лично принадлежащие им вещи, весом не свыше 100 кг на каждого члена семьи, включая детей. Остальное имущество выселяемые имеют право реализовать в указанном ниже порядке;

е) все освобожденные после выселения жилые и хозяйственные помещения передаются в ведение местных советских органов для заселения, в первую очередь, военнослужащими РККА, партийно-советскими работниками, командированными для работы в западные области Украины и Белоруссии;

ж) после окончания операции выселяемая семья под конвоем вместе с разрешенным к вывозу имуществом направляется на станцию ж.д. для погрузки в заранее поданные вагоны. Доставка выселяемых на пункты погрузки производится подготовленными НКВД перевозочными средствами;

з) больные члены выселяемых семейств временно оставляются на месте и по выздоровлении отправляются к месту выселения остальных членов семей. Наблюдение за такими семьями организуется соответствующими органами НКВД;

и) при посадке выселяемых в эшелоны, начальнику эшелона вручается именной список отправляемых и личные дела на них. Начальник эшелона обязан проверить соответствие списка и дел с наличием выселяемых и расхождение списка с наличием оформляет актом, первый экземпляр которого остается у сдающего выселяемых для установления причин расхождения, а второй экземпляр — у начальника эшелона;

к) после приема и посадки людей в эшелоны начальник эшелона несет ответственность за всех сданных ему людей и доставку их к месту назначения;

6. Особо злостных из числа членов семей, подлежащих выселению, в отношении которых органы НКВД располагают материалами об их антисоветской работе в прошлом или настоящем, подвергать аресту с последующим оформлением их дел для рассмотрения на Особом совещании при НКВД СССР.

7. Порядок реализации имущества выселяемых установить следующий:

а) выселяемые обязаны назвать доверенное лицо (соседи, знакомые, родственники), которым они могут поручить реализацию оставляемого в квартире лично им принадлежащего имущества;

б) старший оперативной группы, производящий выселение, вызывает указанное семьями выселяемых доверенное лицо;

в) от доверенного лица на реализацию оставленного имущества отбирается подписка по прилагаемой форме и ему передается по описи оставляемое имущество;

г) опись составляется в 3-х экземплярах, из коих один экземпляр вручается семье выселяемого, второй — доверенному лицу, а третий остается у оперативной группы НКВД;

д) подписка от доверенного лица отбирается в двух экземплярах, из коих один экземпляр вручается выселяемой семье, а второй оперативная группа представляет при отчетном рапорте вместе с копией описи имущества соответствующей оперативной тройке;

е) на реализацию имущества и освобождение квартиры доверенному лицу дается срок не свыше 10 дней;

ж) после реализации имущества доверенное лицо является в органы НКВД, сдает при заявлении вырученные деньги для пересылки выселенной семье по месту ее выселения;

з) освобожденные от имущества жилые и хозяйственные помещения выселенных семей опечатываются органами НКВД и список их передается местным органам власти.

8. План непосредственного проведения операций тщательно продумать, предусмотреть необходимые меры к недопущению каких-либо эксцессов, к[онтр]р[еволюционных] выступлений и волынок при проведении выселения не только со стороны выселяемых семей, но и среди некоторой части населения, враждебно к нам настроенной.

9. Списки содержащихся в лагерях для военнопленных быв. польских офицеров, полицейских, жандармов, тюремщиков, гласных и негласных агентов полиции, быв. помещиков и фабрикантов и крупных чиновников быв. польского государственного аппарата с указанием состава и адресов их семей будут Вам высланы из Управления по делам военнопленных для установления и учета членов семей.

Если в процессе проверки и учета органами НКВД будет установлено, что члены семей, подлежащие выселению, выехали за пределы западных областей Украины и Белоруссии, необходимо принять меры к выяснению их нового местожительства и все материалы об этом выслать в НКВД СССР.

10. При разработке планов, а также в процессе выселения использовать накопленный Вами опыт операции по осадникам, не допуская повторения ошибок и недочетов, имевших место при проведении выселения осадников и лесников.

11. О результатах учета выселяемых семей арестованных и находящихся в лагерях для военнопленных телеграфно информировать НКВД СССР [a)]3 [a)]1 марта.

12. Разработанные Вами планы и порядок проведения выселения доложите ЦК КП(б) Украины и Белоруссии.

13. Подробная инструкция о порядке проведения операции будет выслана Вам дополнительно[4].

Народный комиссар внутренних дел СССР
комиссар госбезопасности I ранга
(Л. Берия)

[a-a)] Написано от руки чернилами «3» поверх напечатанной цифры «2».

[Приложение]

Личное дело
(Анкета)

Город _____ район _____ область _____
Селение

1. Фамилия, имя и отчество главы семьи с указанием места содержания (назвать тюрьму или лагерь для военнопленных) _____

2. Год, место рождения, чин, должность, имущественное или общественное положение главы семьи _____

3. Состав семьи, подлежащей выселению (указать имена, отчества, фамилии, возраст, национальность и отношение к главе семьи всех членов семьи, проживающих вместе) _____

4. Род занятий трудоспособных членов семьи _____

5. Какое имеет недвижимое имущество (указать количество земли, дать характеристику жилых и хозяйственных строений, род и характер торгово-промышленного предприятия) _____

6. Адрес _____

7. Данные, на основании которых составлена анкета _____

8. Примечание _____

Должность и фамилия лица, заполнявшего анкету _____

« » _____ 1940 года.

ЦА ФСБ РФ. Ф. 3. Оп. 7. Пор. 13. Лл. 55—63. Копия.
Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. I. Книга I. М., 1995. С. 158—161 (Далее: «Органы...»).

[1] Серов Иван Александрович (1905—1990), см. «Катынь...». С. 450.

[2] Цанава Лаврентий Фомич (1900—1955), см. «Катынь...». С. 452.

[3] См. № 11. Депортация семей военнопленных и узников тюрем западных областей УССР и БССР готовилась во исполнение решения Политбюро ЦК ВКП(б) от 2 марта 1940 г. (см. «Катынь...». С. 375—378) и аналогичного ему постановления Совнаркома СССР за то же число. Депортация была проведена 13 апреля 1940 г. в соответствии с решением Политбюро и постановлением СНК СССР от 10 апреля (см. № 36). В Казахстан были выселены 66 тыс. человек — стариков, женщин, детей. См. об этом подробнее: А.Э. Гурьянов. Польские спецпереселенцы в СССР в 1940—1941 гг. // Исторические сборники «Мемориала». Вып. 1. Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997. С. 114—136.

№ 3

1940 г., марта 7, Москва. — Директива Л.П. Берии начальнику Управления НКВД СССР по делам о военнопленных майору П.К. Сопруненко об организации работы по составлению списков польских военнопленных — офицеров, полицейских, жандармов и др., содержащихся в лагерях, и членов их семей

№ 886/б

Нач[альнику] Управления по делам военнопленных НКВД Союза ССР тов. Сопруненко[1]

Приказываю:

1. Организовать составление точных списков содержащихся в лагерях для военнопленных бывших польских офицеров, полицейских, жандармов, тюремщиков, гласных и негласных агентов полиции, бывших помещиков, фабрикантов и крупных чиновников бывшего польского государственного аппарата[2].

2. При составлении списков руководствоваться следующим:

а) в списках должен быть указан состав семьи каждого военнопленного и их точный адрес. Членами семьи считаются жена и дети, а также родители, братья и сестры, в том случае, если они проживают вместе с семьей военнопленного;

б) списки должны быть составлены по городам и районам западных областей Украины и Белоруссии, отдельно по каждому городу или району и направлены НКВД УССР и БССР тов. Серову и тов. Цанава;

в) списки военнопленных, семьи которых по данным Вашего учета проживают на территории бывшей Польши, ныне отошедшей к Германии, также должны быть составлены в алфавитном порядке и направлены НКВД УССР и БССР;

г) все списки должны составляться на основе материалов уже имеющихся в лагерях учетных дел военнопленных. Опрос военнопленных может быть допущен в целях уточнения имеющихся учетных данных лишь в отдельных случаях.

3. Работу по составлению списков закончить в пятидневный срок. Об исполнении доложите.

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР
комиссар государственной безопасности I ранга
(Л. Берия)

ЦА ФСБ РФ. Ф. 3. Оп. 7. Пор. 13. Лл. 46—47. Копия.
«Органы...». С. 157—158.

[1] Сопруненко Петр Карпович (1908—1992), см. «Катынь...». С. 451.

[2] Списки военнопленных офицеров и полицейских с указанием состава их семей и адресов были необходимы для проведения запланированной депортации родных и близких тех, кто по решению Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта должен был быть расстрелян (см. № 2). В этот же день П.К. Сопруненко направил соответствующие распоряжения начальникам Козельского, Старобельского и Осташковского лагерей (см. № 4). Он обратился также к заместителю наркома внутренних дел комдиву В.В. Чернышову с просьбой командировать в Осташковский, Козельский и Старобельский лагеря ответственных сотрудников УПВ (см. РГВА. Ф. 1/п. Оп. 3а. Д. 2. Л. 198).

№ 4

1940 г., марта 7[а)], Москва. — Распоряжение УПВ НКВД СССР начальникам и комиссарам спецлагерей для военнопленных о составлении списков на военнопленных, содержащихся в лагерях, и членов их семей[1]

Сов. секретно
Только лично

Начальнику _____ лагеря НКВД

_____

Комиссару _____ лагеря НКВД

_____

[б)]Составьте в пятидневный срок точные списки содержащихся в Вашем лагере бывших польских офицеров, полицейских, жандармов, тюремщиков, гласных и негласных агентов полиции, бывших помещиков, фабрикантов, торговцев и крупных чиновников бывшего польского государственного аппарата.

При составлении списков руководствоваться следующим:

а) помимо основных данных о военнопленном в списках должен быть указан состав семьи каждого военнопленного и их точный адрес. Членами семьи считаются жена и дети, а также родители, братья и сестры, в том случае, если они проживают вместе с семьей военнопленного;[б)]

[а)] Датируется по справке, приложенной к документу — см. дело, л. 311.

[б-б)] На полях помета чернилами: «[Полу]чено 10/III-40 г.». Имеется печать Старобельского лагеря. Подпись неразборчива.

б) списки должны быть составлены по городам и районам западных областей Украины и Белоруссии, отдельно по каждому городу или району;

в) списки военнопленных, семьи которых по данным Вашего учета проживают на территории бывшей Польши, ныне отошедшей к Германии, также должны быть составлены отдельно в алфавитном порядке;

г) все списки должны составляться на основе материалов, уже имеющихся в лагерных учетных делах военнопленных как по линии УРО, так и по линии особого отделения. Опрос военнопленных может быть допущен в целях уточнения имеющихся учетных данных лишь в отдельных случаях;

д) списки писать чернилом, хорошим разборчивым почерком и грамотно. Если есть возможность — отпечатать на машинке.

е) для проведения этой работы привлечь всех способных сотрудников особого, учетного, политического отделений и руководящий состав лагеря.

ж) для практической помощи командируется [а)] _____ [а)]

2

з) списки по мере заполнения систематически высылайте в Управление НКВД по делам о военнопленных;

и) списки подписываются составителем, начальником и комиссаром лагеря. Списки скрепляются печатью лагеря.

Форма списка прилагается.

Нач[альник] Управления НКВД СССР по делам о военнопленных
майор
П.Сопруненко

Комиссар Управления НКВД СССР по делам о военнопленных
полковой комиссар
Нехорошев[3]

[Приложение]

Список
членов семей военнопленных, находящихся в _____ лагере, проживающих в гор. _____ области УССР или БССР

№№ п/п.	Фамилия, имя и отчество, год и место рождения, последний чин или должность военнопленного, его имущественное или общественное положение	Состав семьи (указывается фамилия, имя отчество, степень родства, возраст, национальность)	Адрес семьи

[а-а)] Так в документе

Должность и подпись составлявшего список.

Примечание: [a] по такой же форме составляются списки членов семей, проживающих на территории быв. Польши, ныне отошедшей к Германии.

Резолюция в верхней части 1-го листа синим карандашом: «Тов. Башлыкову. В дело».

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 3а. Д. 2. Лл. 308—310. Подлинник. На бланке УПВ НКВД СССР.

[1] См. № 3. Этот документ был направлен В.Н. Королеву и М.М. Алексееву в Козельский лагерь, А.Г. Бережкову и М.М. Киршину — в Старобельский, П.Ф. Борисовцу и И.А. Юрасову — в Осташковский лагерь.

[2] В Козельский лагерь был командирован заместитель начальника Особого отдела УПВ Н.И. Романов, в Старобельский — зам. начальника УПВ И.М. Полухин, в Осташковский — начальник 2-го (учетно-регистрационного) отдела УПВ И.Б. Маклярский. 8 марта П.К. Сопруненко телеграфировал П.Ф. Борисовцу: «Восьмого выезжает [в] Ваш лагерь Маклярский вместе [с] двумя работниками... Подготовьте жилье и место для работы на 15 человек» (РГВА. Ф. 1/п. Оп. 3а. Д. 2. Л. 204).

[3] Нехорошев Семен Васильевич, 1899 г.р., см. «Катынь...». С. 448.

[4] Башлыков Иван Михайлович, 1906 г.р., см. «Катынь...». С. 440.

№ 5

1940 г., марта 13, Москва. — Распоряжение П.К. Сопруненко начальнику Осташковского лагеря майору П.Ф. Борисовцу незамедлительно прибыть в Москву

ТЕЛЕГРАММА

Осташков Калининской [области]
Лагерь НКВД
Борисовец[1]

Вам совместно [с] начальником особого отделения Корытовым пятнадцатого утром быть [в] Москве. Сопруненко. [НР] 25/2651.

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 3а. Д. 2. Л. 227. Отпуск.

[1] Борисовец Павел Федорович, 1891 г.р., см. «Катынь...». С. 442. Аналогичные телеграммы были посланы в этот же день В.Н. Королеву и А.Г. Бережкову (РГВА. Ф.1/п. Оп. 3а. Д. 2. Лл. 221, 226). Сопруненко вызвал в Москву начальников трех спецла-

[a] Примечание документа.

герей и их особых отделений на совещание, чтобы проинструктировать о предстоявшей операции по расстрелу военнопленных.

№ 6

1940 г., марта 13, Москва. — Распоряжение П.К. Сопруненко начальнику Козельского лагеря В.Н. Королеву, начальнику особого отделения Козельского лагеря Г.А. Эйльману и зам. начальника 1-го отдела УПВ Н.И. Романову о срочном направлении списков польских военнопленных, семьи которых находятся на территории, отошедшей Германии, наркомам внутренних дел УССР и БССР

№ 49517/7048 Сов. секретно

Козельск Смоленской обл. Королеву[1], Романову[2], Эйльману[3]

По указанию наркома тов. Берия требуемые списки согласно директивы № 25/2489 на военнопленных, семьи которых живут на территории, отошедшей Германии, 15 марта направьте нарочным один экземпляр [в] Киев, НКВД — Серову, а второй экземпляр — Минск, НКВД — Цанава.

Предупреждаю об ответственности за качество и своевременную отправку списков.

Исполнение молнируйте — кто повез списки и на сколько человек[4].

П. Сопруненко

ЦА ФСБ РФ. Ф. 3. Оп. 7. Пор. 636. Л. 17. Подлинник. Рукопись. На бланке шифротелеграммы.

[1] Королев Василий Николаевич (род. в 1902 г.) см. «Катынь...». С. 446.

[2] Романов Николай Иванович (род. в 1905 г.), см. «Катынь...». С. 450

[3] Эйльман Ганс Александрович (род. в 1901 г.) см. «Катынь...». С. 453.

[4] Аналогичное предписание было направлено и начальнику Старобельского лагеря А.Г. Бережкову. 13 марта он препроводил в УПВ списки на 1662 военнопленного, составленные по воеводствам территории Польши, занятой Германией. Начальник Старобельского лагеря сообщил П.К. Сопруненко, что составить списки в алфавитном порядке в столь короткий срок оказалось невозможным (РГВА. Ф. 1/п. Оп. 2е. Д. 10. Л. 180).

№ 7

1940 г., марта 16[а)] , Осташков. — Докладная записка начальника 2-го отдела УПВ, ст. лейтенанта госбезопасности И.Б. Маклярского П.К. Сопру-

[а)] Датируется по штампу входящей регистрации УПВ.

ненко о составлении аппаратом Осташковского лагеря списков польских военнопленных[1] с указанием местожительства их семей

Тов. Сопруненко

После того, как я обнаружил, что некоторые осадники получили письменные известия о выселении их семей, я специально предупредил т. Корытова[2] о необходимости максимального усиления проверки писем, исключив тем самым проникновение в лагерь нежелательных для нас известий.

После разговоров с Вами по телефону, я снова об этом же предупредил т. Корытова. Однако прилагаемая при этом открытка с переводом, полученная военнопленным ст. постерунковым полиции Розкресом[3], свидетельствует, что качество политконтроля над входящей корреспонденцией явно никчемное, поэтому гарантировать от проникновения в лагерь ненужных сведений не может. Я лично вместе с т.т.Соколовым[4] и Юрасовым[5] вызвал политконтролера т. Гудовича и снова его предупредил о персональной ответственности за качество просмотра корреспонденции, но уверенности, что мое предупреждение даст реальные результаты, у меня нет никакой. Тов. Гудович производит очень странное впечатление. Кстати, он никому здесь не известен, никто не знает о нем ничего, личного дела его нет. Мне кажется, что его надо специально проверить, нет ли в его поступках большего, нежели, как он объясняет, «недосмотра».

Нач[альни]к 00 т. Корытов вообще на мой взгляд больше витает в облаках, заботясь, как бы кто-то не ущемил его «власти», этой работой не руководит, качество ее не проверяет и в результате, конечно, такие итоги. Кстати, несмотря на все мои с ним разговоры и Вашу директиву, Корытов не только ни одного человека не дал для составления списков, но даже машинистку и ту каждый раз отбирает, срывая темпы работы. Когда начинаешь нажимать, он заявляет, что он здесь никому не подчинен и признает только одного нач[альни]ка — это руководство особого отдела округа. Хорошо, если бы Вы позвонили т.Павлову[6], чтобы он дал телеграфное указание т. Корытову. Работа с печатанием списков подходит к концу, еще 2-3 дня и нарочным они будут отправлены в Минск и Киев.

Очень большие трудности с точным установлением местожительства семей. Оказывается, что значительная часть семей, которые этого хотели, через смешанные комиссии выехали с нашей территории на германскую территорию — это вносит некоторую путаницу, а на уточнение уходит много времени.

В результате «четкой» работы 00 — в области корреспонденции, тяга перейти в число проживающих на германской территории очень и очень велика.

Для большей точности я вынужден ряд семей в[оенно]пленных показывать одновременно в списках нашей территории и германской, т.к. в[оенно]пленные утверждают, что их семьи переехали после их пленения в Германскую Польшу.

В связи с этим должен обратить Ваше внимание и на следующее обстоятельство. Большинство полиции — являются уроженцами той части Польши, которая сейчас отошла Германии, мы же все время определяем территориальное происхождение по месту последнего местожительства, перед пленением (в отношении полиции). В результате получилось, что у значительной части полицейских, которые по последнему местожительству значатся жителями нашей территории, семьи через смешанные комиссии выехали на германскую территорию.

На холостых я списки не составляю, прошу сообщить следует ли после окончания семейных списков составлять на холостых. Я лично считаю, что этого делать нецелесообразно, ибо они никому не нужны будут.

P.S. — Заявление, которое [a)]Роскрес[a)] подал, я направляю Вам, т.к. считаю, что давать разрешение на отправку денег не следует.

Характерно, что агентура 00 (с которой плохо работают) получение этих писем не зафиксировала и об этом мне стало известно случайно. Привет. Маклярский.[7] 16/III-40 г.

Резолюции:

1. В левом верхнем углу 1-го листа красным карандашом: «Тов. Мак[лярский]. Н[ехорошев]. ».

2. По тексту на 1-м листе синим карандашом: «Тов. Худякова. В дело Осташковского лагеря. М[аклярский]».

Штамп входящей регистрации: «Управление НКВД СССР по делам военнопленных. 13/IV-40 г.».

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 2е. Д. 11. Лл. 170-171 об. Подлинник. Рукопись.

[1] См. №№ 3, 4. 10 марта И.Б. Маклярский телеграфировал П.К. Сопруненко: «Прибыли [в] лагерь девятого марта 14 часов. [В] абсолютном большинстве учетных дел персональные сведения членов семей военнопленных отсутствуют. Для составления списка приступил [к] опросам военнопленных. Для этой работы мобилизовано 20 человек [с] расчетом окончания ее [в] течение семи-восьми дней» (РГВА. Ф. 1/п. Оп. 2е. Д. 11. Л. 252).

[2] Корытов Григорий Васильевич, 1900 г.р., начальник особого отделения Осташковского лагеря, см. «Катынь...». С. 446.

[3] Розкрес (правильно Розкрез) Винсент, расстрелян весной 1940 г. в Калинине. Старший пострунковый — должность в штате пограничных застав (пострунков).

[4] Соколов Алексей Александрович, 1909 г.р., заместитель начальника Осташковского лагеря, см. «Катынь...». С. 451.

[5] Юрасов Иван Алексеевич, 1890 г.р., комиссар Осташковского лагеря, см. «Катынь...». С. 453.

[a-a)] Так в документе

[6] Павлов Василий Павлович, 1910 г.р., начальник Особого отдела Калининского военного округа, см. «Катынь...». С. 449.

[7] Маклярский Иван Борисович, см. «Катынь...». С. 447.

№ 8

1940 г., марта 16[а)], Москва. — Форма справки на польских военнопленных, утвержденная заместителем наркома внутренних дел СССР, комиссаром госбезопасности III ранга Б.З. Кобуловым в связи с предстоявшим рассмотрением их дел «тройкой»

Сов. секретно

Справка
по личному делу № ____
на военнопленного (фамилия, имя, отчество)

Фамилия, имя, отчество	Установочные данные	Последние должность и чин в быв. польской армии или в полицейских, разведывательных и карательных органах	Заключение
	Указать год, место рождения, семейное и общественное положение, где содержится, когда взят в плен		

« _____ » 1940 г.

Начальник Управления по делам военнопленных
б)капитанб)

Помета в левом верхнем углу: «Получена от тов. Кобулова.
П.Сопрун[енко]. 16.3.40 г.»

Резолюция по тексту справки слева: «В дело УРО. П.Сопру[ненко]».

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 1е. Д. 1. Л. 237. Копия.
Катынь. Пленники необъявленной войны. М.,1997. С. 525 (Далее: «Катынь...»)

а) Дата пометы на документе.
б-б) Написано от руки чернилами.

[1] В постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г. (см. № 1) предусматривалось, что рассмотрение дел «тройкой» должно было проводиться по справкам, составленным на военнопленных Управлением по делам о военнопленных, на арестованных — по справкам из дел, представляемых НКВД УССР и НКВД БССР. См. также №№ 9, 29, 37.

№ 9

1940 г., марта 16, Москва. — Распоряжение П.К. Сопруненко И.Б. Маклярскому о немедленном окончании составления списков семей польских военнопленных и возвращении в Москву

ТЕЛЕГРАММА

Осташков Калининской области
Лагерь НКВД Маклярскому

Немедленно заканчивайте списки. 19-го ожидаю [в] Москве [с] бригадой[1]. Сопруненко. [НР] 25/2784.

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 3а. Д. 2. Л. 232. Отпуск.

[1] Вызов в Москву бригады И.Б. Маклярского был связан с необходимостью в срочном порядке готовить справки на военнопленных (см. № 8). 16 марта в Москву были отозваны из Грязовецкого лагеря старший инспектор особого отдела УПВ М.Г. Косыгин, из Криворожского лагеря — ст. инспектор 2-го отдела УПВ М.Е. Гоберман и инспектор особого отдела УПВ А.М. Фролов, 22 марта — помощник инспектора УРО УПВ А.Ф. Родина (РГВА. Ф.1/п. Оп. 3а. Д. 2. Лл. 230, 231; Оп. 2е. Д. 8. Л. 244).

№ 10

1940 г., марта 17[a)] , Старобельск. — Сведения комиссара Старобельского лагеря, батальонного комиссара М.М. Киршина о количестве польских военнопленных с разбивкой их по чинам[1]

№ 32 Сов. секретно

Сведения
о военнопленных, содержащихся в Старобельском
лагере НКВД на 15 марта 1940 г.

[a)] Датируется по сопроводительному письму — см. дело, л. 181.

Чины	Кадровые	Призванные в армию из запаса (резерва)	Призванные в армию из отставки	Всего	Примечание
1	2	3	4	5	6
1. Чины армии:					
1. Генералов	2	-	6	8	
2. Полковников	38	-	17	55	
3. Подполковников	86	-	40	126	
4. Майоров	215	11	90	316	
5. Капитанов	550	156	138	844	
6. Поручиков	237	529	50	816	
7. Других офицеров	165	1535	11	1711	
8. Воен[ное] духовенст[во]	9	-	-	9	
2. Прочие:					
9. Полковник полиц[ии]	1	-	-	1	
10. Помещиков	-	-	-	2	
11. Чиновников (суд[ебных])	-	-	-	5	
12. Учащихся	-	-	-	1	
13. Швейцаров	-	-	-	1	
Всего:	1303	2231	352	3895	

Комиссар лагеря НКВД
батальонный комиссар Киршин[2]
Врид нач[альника] 2-го отд[еления]
сержант милиции В. Сысоев

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 2е. Д. 10. Л. 182. Подлинник.

[1] В этот же день была составлена сводка УПВ НКВД СССР о наличии военнопленных в лагерях НКВД с разбивкой по чинам. Указывалось, что в Старобельском лагере находились 3896 человек, в том числе 8 генералов, 55 полковников, 126 подполковников, 315 майоров, 845 капитанов, 2528 других офицеров, 9 ксендзов, 2 помещика, 5 крупных чиновников, 1 полицейский, 1 учащийся, лакей президента Польши. В

Козельском лагере числились 4594 человека, в том числе один адмирал, 4 генерала, 26 полковников, 72 подполковника, 232 майора, 647 капитанов, 2 капитана морского флота первого ранга, три — второго ранга, 12 капитанов морского флота, 3482 других офицера, один ксендз, 9 помещиков, 61 крупный чиновник, 5 рядовых и младших командиров, 37 прочих лиц. В Осташковском лагере находились 6364 человека, включая 48 армейских офицеров, 240 офицеров полиции и жандармерии, 775 младших командиров полиции и жандармерии, 189 тюремных работников, 9 разведчиков и провокаторов, 5 ксендзов, 35 осадников, 4 торговца, 4 бывших заключенных польских тюрем, 5 судебных работников, 79 солдат и унтер-офицеров, 54 прочих лица (РГВА. Ф. 1/п. Оп. 01е. Д. 3. Лл. 118—120).

[2] Киршин Михаил Михайлович, 1902 г.р., комиссар Старобельского лагеря, см. «Катынь...». С. 445.

№ 11

1940 г., марта 20, Москва. — Директива Л.П. Берии наркому внутренних дел Казахской ССР ст. майору государственной безопасности С.Н. Бурдакову о подготовке к расселению семей польских военнопленных, депортируемых из западных областей Украины и Белоруссии[1]

№ 1042/б

Наркому внутренних дел Казахской СССР
старшему майору гос[ударственной] безопасности
тов. Бурдакову

Из западных областей Украинской ССР и Белорусской ССР подлежат выселению сроком на 10 лет в северные области Казахской ССР 25000 семейств репрессированных и содержащихся в лагерях для военнопленных бывших офицеров польской армии, полицейских, тюремщиков, жандармов, разведчиков, бывших помещиков и фабрикантов и крупных чиновников бывшего польского государственного аппарата.

Ориентировочно общее число членов этих семейств составит 75—100 тысяч человек.

Кроме того, в те же области Казахской ССР подлежат выселению из западных областей УССР и БССР — 2000—3000 человек проституток.

Вам необходимо разработать конкретные мероприятия по расселению выселяемых в Кустанайской, Акмолинской, Актюбинской, Северо-Казахстанской, Павлодарской и Семипалатинской областях, с расчетом размещения по 15—20 тысяч человек на область, исходя из наличия районов и населенных пунктов в каждой области.

В целях обеспечения полного порядка, исключающего всякую возможность совершения эксцессов и бегства выселяемых как в пути следования, так и в местах расселения, предлагается:

1. Для руководства операцией в Кустанайском, Акмолинском, Актюбинском, Северо-Казахстанском, Павлодарском, Семипалатинском областных управлениях и соответствующих райотделениях НКВД создать оперативные группы.

2. Руководителям оперативных групп обеспечить организованный прием выселяемых от начальников эшелонов и их дальнейшую переброску в места расселения.

3. Всех выселяемых взять на учет в соответствии с приказом НКВД СССР № 001223 — [19]39 г.

4. Наладить агентурно-оперативное обслуживание высланных, обеспечив своевременное выявление их вражеской работы и предотвращение попыток к бегству.

5. Всем высланным выдать паспорта с указанием в графе 10-й о том, что паспорт действителен только в пределах района, определенного для проживания выселяемому.

В случае изъявления высланными желания перебраться на работу в другие районы упомянутых выше областей КССР, нач[альни]ки соответствующих органов НКВД с согласия нач[альни]ков областных управлений НКВД могут давать на это разрешения.

К 5 апреля 1940 г. представить в НКВД СССР план расселения выселяемых, с указанием конечных железнодорожных станций, на которых должны быть разгружены эшелоны для дальнейшего направления выселяемых к месту расселения и фамилии руководителей оперативных групп, ответственных за их расселение.

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР
(Л. Берия)

ЦА ФСБ РФ. Ф.3. Оп.7. Пор. 14. Лл. 68—70. Копия.
«Органы...». С.165—166.

[1] См. № 2, 36. Процесс реализации директивы Берии отражают материалы сборника «Из истории поляков в Казахстане 1936—1956 гг.» (Алматы, 2000. С. 97—252). В проведении операции по депортации семей репрессированных поляков приняли активное участие не только органы НКВД, но и партийные комитеты всех уровней. 3 апреля 1940 г. Североказахстанский обком КП(б)К информировал секретарей райкомов партии, что по решению правительства в апреле — мае в их область будут выселены 28 тыс. человек. При этом подчеркивалось: «Переселенцы не пользуются со стороны государства помощью [при] трудоустройстве и размещаются по имеющимся населенным пунктам, совхозам, и кустарно-промысловым артелям за свои средства [...]. Местные органы власти не берут на себя никаких материальных обязательств в устройстве переселенцев» (Там же. С. 97). Впоследствии и местные управления НКВД, и партийные органы Казахстана констатировали крайне бедственное положение спецпереселенцев,

большинство из которых не имело работы, а некоторые и жилья. Поляки ютились в не отапливаемых свинарниках, землянках и т.д., опухая от голода. Те же, кто смог устроиться на работу в колхозах и совхозах, зачастую не получали заработанные деньги по много месяцев. Да и начисляли им в несколько раз меньше, чем местным жителям.

№ 12

1940 г., марта 21, Москва. — Отношение Л.П. Берии наркому путей сообщения СССР Л.М. Кагановичу[1] о предоставлении вагонов для перевозки польских заключенных по заявкам наркоматов внутренних дел УССР и БССР

№ 1057/б Сов. секретно

Народному комиссару путей сообщения Союза ССР
товарищу Кагановичу Л.М.

Для выполнения срочного оперативного задания[2] необходимо вывезти в 10-ти дневный срок:

а) из тюрем НКВД УССР за пределы УССР ..... — 8000 заключенных;

б) из западных в центральные области УССР ..... — 3000 заключенных;

в) из западных областей БССР в гор. Минск ..... — 3000 [заключенных].

Для этой цели НКВД СССР просит Вашего распоряжения — предоставить по заявкам НКВД УССР и БССР оборудованные вагоны под людские перевозки со следующих дорог:

I.	Одесской	— 65	ваг[онов]	назначением на ст. Рыбинск Ярославской ж.д.
	Южной	— 130	ваг[онов]	назначением на ст. Потьма Ленинской ж.д. — 65 ваг[онов] и назначением на ст. Владивосток — 65 ваг[онов]
	Юго-Западная	— 50	"	назначением на ст. Карабас Омской ж.д.
	Сталинской	— 100	"	назначением на ст. Мундыбаш Томской ж.д.
	Южно-Донецкой	— 40	"	назначением на ст. Рыбинск Ярославской ж.д.
II.	Ковельской ж.д.	— 30	"	назначением в центральные
	Львовской "	— 60	"	области УССР

III. Брест-Литовской ж.д.	— 100	"	назначением в гор. Минск
Белостокской	— 23	"	
Западной	— 32	"	

О Вашем распоряжении прошу уведомить Наркомвнудел Союза ССР[2].

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР
(Л. Берия)

ЦА ФСБ РФ. Ф. 3. Оп. 7. Пор. 14. Лл. 93—94. Копия.
«Органы...». С.167.

[1] Каганович Лазарь Моисеевич (1893—1991) — см. «Катынь», с. 404.

[2] Имеется в виду операция по «разгрузке» тюрем западных областей УССР и БССР. Приказ НКВД СССР о ней см. № 13.

№ 13

1940 г., марта 22, Москва. — Приказ № 00350 Л.П. Берии «О разгрузке тюрем НКВД УССР и БССР»[1]

Сов. секретно

Приказ
народного комиссара внутренних дел Союза ССР
за 1940 год

№ 00350 Содержание: О разгрузке тюрем НКВД УССР и БССР.

№ 00350 «22» марта 1940 г. г. Москва

Для разгрузки тюрем Управлений НКВД западных областей УССР и БССР ПРИКАЗЫВАЮ:

1. По НКВД Украинской ССР:

1) Из тюрем западных областей Украинской ССР перевезти в тюрьмы центральных областей УССР 3000 арестованных. Из них:

Из Львовской тюрьмы	— 900	человек,
из Ровенской тюрьмы	— 500	"
из Волынской тюрьмы	— 500	"
из Тарнопольской тюрьмы	— 500	"
из Драгобычской тюрьмы	— 200	"
из Станиславовской тюрьмы	— 400	"

2) Арестованных разместить в Киевской, Харьковской и Херсонской тюрьмах.

3) Для оказания помощи НКВД УССР в организации перевозок этих арестованных командировать нач[альника] Главного тюремного управления НКВД СССР, майора государств[енной] безопасности тов. Зуева.

4) Наркому внутренних дел УССР, комиссару государственной безопасности III ранга тов. Серову и нач[альнику] Главного тюремного управления НКВД СССР, майору госуд[арственной] безопасности тов. Зуеву работу по перевозке из тюрем западных областей УССР в тюрьмы центральных областей УССР 3000 арестованных закончить в декадный срок.

5) Учитывая возможность побегов арестованных и попыток нападения со стороны контрреволюционного элемента на конвой с целью освобождения арестованных, ответственность за обеспечение строжайшего порядка и охраны арестованных как во время приема и погрузки, так и в пути следования эшелонов с арестованными возложить на тов.тов. Серова, Зуева и командира 13-ой дивизии конвойных войск НКВД полковника тов. Завьялова А.И.

6) Зам. наркома внутренних дел СССР комдиву тов. Чернышову[2] в десятидневный срок вывезти из мест заключения НКВД Украинской ССР в исправительно-трудовые лагеря НКВД СССР 8000 осужденных заключенных. В том числе, из Киевской, Харьковской и Херсонской тюрем 3000 человек.

2. По НКВД Белорусской ССР:

1) Из тюрем западных областей Белорусской ССР перевезти в Минскую тюрьму 3000 арестованных. Из них:

Из Брестской тюрьмы	— 1500	человек,
из Вилейской тюрьмы	— 550	"
из Пинской тюрьмы	— 500	"
из Барановичской тюрьмы	— 450	".

2) Для оказания помощи НКВД БССР в организации перевозок этих арестованных командировать нач[альника] отделения Главного тюремного управления НКВД СССР, капитана гос[ударственной] безопасности тов. Чечева.

3) Наркому внутренних дел БССР, комиссару госу[дарственной] безопасности III ранга тов. Цанава и нач[альнику] отделения Главного тюремного управления НКВД СССР, капитану госу[дарственной] безопасности тов. Чечеву работу по перевозке арестованных из тюрем западных областей БССР в Минскую тюрьму закончить в декадный срок.

4) Ответственность за обеспечение строжайшего порядка и охраны арестованных как во время приема и погрузки, так и в пути следования эшелонов с арестованными возложить на тов.тов. Цанава, Чечева и командира 15-ой бригады конвойных войск НКВД полковника тов. Попова П.С.

3. Зам. наркома внутренних дел СССР комдиву тов. Чернышову обеспечить своевременную подачу необходимого количества эшелонов для указанных выше перевозок арестованных как для перевозки арестованных из запад-

ных областей УССР и БССР, так и для вывоза 8000 заключенных из УССР в исправительно-трудовые лагеря.

4. Зам. наркома внутренних дел СССР комкору тов. Масленникову[3] и начальнику Главного управления конвойных войск комбригу тов. Шарапову В.Н.[4] выделить необходимое количество конвоя, организовать тщательную охрану конвоируемых арестованных, не допустив ни одного случая побега.

Тов.тов. Масленникову и Чернышову о ходе выполнения настоящего приказа докладывать мне.

Народный комиссар внутренних дел СССР
комиссар государственной безопасности I ранга
Л. Берия

ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 552. Лл. 207—210. Подлинник.
«Катынь...». С. 528—531.

[1] По указанию начальника секретариата НКВД СССР ст. майора госбезопасности С.С. Мамулова приказ был незамедлительно передан по ВЧ в Киев И.А. Серову и в Минск Л.Ф. Цанаве. В приказе Л.П. Берии, как и в других документах НКВД, нет ссылки на решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г. Однако ранг задействованных в операции людей, особый контроль наркома за ее выполнением (И.И. Масленникову и В.В. Чернышову предписывалось докладывать о ходе операции лично Берии), ссылка Берии в письме А.М. Кагановичу на необходимость «выполнения срочного оперативного задания» (см. № 12) свидетельствуют о том, что в данном приказе речь шла о сосредоточении в Минске, Киеве, Харькове и Херсоне узников тюрем западных областей УССР и БССР, подлежавших расстрелу (см. № 1). Характерно, что при эксгумации могил польских военнопленных вблизи Харькова в районе села Пятихатки были обнаружены и тела женщин. В Старобельском же лагере женщин не было. Видимо, вместе с военнопленными в Харькове расстреливали и заключенных тюрем.

[2] Чернышов Василий Васильевич (1896—1952), см. «Катынь...». С. 453.

[3] Масленников Иван Иванович (1900—1954), см. «Катынь...». С. 448.

[4] Шарапов Владимир Максимович (1895—1972), см. «Катынь...». С. 452.

№ 14

1940 г., марта 25[a], Москва. — Изложение текста сообщения начальника отдела Главного экономического управления НКВД СССР капитана госбезопасности И.Д. Безрукова Б.З. Кобулову о состоянии дел с подготовкой к отправке польских военнопленных из Старобельского лагеря[1]

[a] Дата получения документа в НКВД СССР.

Тов. Безруков из Старобельска сообщает тов. Кобулову (№ 215 от 23/III 40 г.), что, находясь [в] Старобельске, начиная [с] 20-го, отправлено [в] Москву списки [на] 760 человек. Ответа нет. Просит ускорить. [В] Харькове все готово. Вагоны имеются [в] Старобельске.

[В] лагере много недочетов, пожарники, вахтеры оказывают различные услуги полякам, скупают ценные вещи, входят в преступные связи. Выявленных виновников будут арестовывать. Сегодня о[собый] о[тдел] ХВО предложил арестовать [и] направить этапом [в] Харьков 4 военнопленных. Считает ненужным. Могут отправить совместно [с] первой партией. Просит срочных указаний[2]. Высылает докладную записку.

Получ[ено] 25/III 1940 г.

Резол[юция] тов. Кобулова: «Ср[очно]. Тов. Сопруненко. Дайте указания пока арестов среди военнопленных не производить. Проверьте материалы ареста и доложите».

РГВА. Ф.1/п. Оп. 1е. Д.10. Л.402. Рукопись.

[1] Из документа следует, что И.Д. Безруков знал о предстоявшем расстреле польских офицеров и был направлен в Старобельск для подготовки его проведения. В задачу Безрукова, видимо, входило и руководство работой по заполнению справок кобуловской формы на военнопленных (760 из них были уже отправлены в Москву). И.Д. Безруков направил П.К. Сопруненко материалы предварительного следствия по делу пожарников И.К. Сердечного и Г.С. Череватого, предложив арестовать их и судить. В донесении же Б.З. Кобулову он сообщал не только о пожарниках, но и о настроениях польских военнопленных. «Агентура сигнализирует о том, — писал он, — что поляки считают, что союзники победят, Германия будет поделена и Польша восстановлена. 18. III с.г. многие из них не участвовали в работах по случаю дня рождения Рыдз-Смиглы, 19. III. с.г. — то же по случаю дня рождения Пилсудского. Некоторые военнопленные получают шифрованные письма, которые при низкой чекистской квалификации наших работников проникают в лагерь» (РГВА. Ф.1/п. Оп. 1е. Д. 10. Лл. 403—404).

[2] 25 марта П.К.Сопруненко отправил следующую шифровку А.Г. Бережкову и И.Д. Безрукову: «Никаких арестов среди военнопленных и личного состава не производить. Немедленно вышлите подробные материалы на сотрудников лагеря, уличенных [в] преступных связях [с] поляками и на военнопленных, намеченных [к] аресту Харьковом для решения вопроса о них» (ЦА ФСБ РФ. Ф. 3. Оп. 7. Д. 636. Л. 33).

№ 15

1940 г., марта 25, Москва. Распоряжение П.К. Сопруненко начальнику Старобельского лагеря, капитану госбезопасности А.Г. Бережкову не-

медленно прекратить печатать формы справок на военнопленных в типографии[1]

№ 49529/8054 Сов. секретно

Старобельск. Бережкову. Лагерь НКВД

Печатание форм справок [в] типографии немедленно прекратите. Представьте объяснение, почему без разрешения заказали их.

[В] справках [во] второй графе обязательно отмечатайте адрес семьи военнопленного, указывая наименование населенного пункта, уезда, воеводства.

П. Сопруненко.

ЦА ФСБ РФ. Ф. 3. Оп. 7. Пор. 636. Л. 30. Подлинник. На бланке шифротелеграмм.

[1] Бережков Александр Георгиевич, 1885 г.р., см. «Катынь...». С. 441.

[2] Речь идет о справках кобуловской формы (см. № 8). 28 марта П.К.Сопруненко вновь писал А.Г. Бережкову: «Несмотря на мои неоднократные телеграфные указания вы продолжаете присылать справки, напечатанные на типографских бланках. Категорически предлагаю прекратить печатать справки на бланках, заказанных в типографии. Одновременно представьте объяснение, почему без моего разрешения сдали в типографию этот заказ, зная о сугубой секретности проводимой работы» (РГВА. Ф. 1/п. Оп. 2е. Д. 10. Л. 198).

[3] Адрес семей был необходим в связи с предстоявшей их депортацией (см. №№. 2, 3, 4).

№ 16

1940 г., марта 27, Москва. — Распоряжение П.К.Сопруненко начальнику Ровенского лагеря о направлении военнопленных — офицеров и полицейских в Козельский и Осташковский лагеря[1]

№ 25/2963 Сов. секретно

Начальнику Ровенского лагеря НКВД
капитану госбезопасности
тов. Даганскому[2]
Копии: Начальнику Козельского лагеря НКВД
капитану госбезопасности
тов. Королеву
Начальнику Осташковского лагеря
майору
тов. Борисовец

Начальнику штаба Главного управления
конвойных войск НКВД СССР
полковнику
тов. Кривенко[3]

Содержащихся в Ровенском лагере офицеров Лимановского И.И.[4], Черневского А.И.[5], Колаго И.К.[6] и Юрковича Д.Л.[7] направить вагонзаком вместе с учетными делами в Козельский лагерь.

Полицейских Мельчарек Ф.И., Хыля И.М., Климкевича А.Ф., Павлята П.И., Маевского Я.А., Шмидт Ю.Т., Козьмерчак А.Н., Квецень И.И., Бобер И.М. и Куявиньский Л.Р. направьте вагонзаком вместе с учетными делами в Осташковский лагерь НКВД.

Об исполнении сообщите.

Начальникам Осташковского и Козельского лагерей по прибытии указанных военнопленных немедленно заполнить подробные опросные листы и дополнения к ним.

По учетным делам составить справки по установленной форме и вместе с делами выслать в Управление НКВД по делам о военнопленных.

Нач[альник] Упр[авления] по делам о военнопленных
капитан госбезопасности (Сопруненко)

Резолюция в левом верхнем углу простым карандашом: «Тов. Худякова. М[аклярский]».

РГВА. Ф.1/п. Оп. 2е. Д.16. Л.128. Отпуск.

[1] Офицеры и полицейские были направлены в Козельский и Осташковский лагеря лишь в конце апреля 1940 г. 27 апреля начальник УРО Осташковского лагеря принял от конвоя 10 человек — полицейских из Ровенского лагеря. По предписанию НКВД СССР от 5 мая за № 054/3, подписанному П.К. Сопруненко, все перечисленные в документе офицеры были направлены из Козельского лагеря в распоряжение начальника УНКВД по Смоленской области, то есть на расстрел (РГВА. Ф. 1/п. Оп. 3е. Д. 3. Лл. 590—592). Полицейские были отправлены на расстрел по майским предписаниям №№ 058/1 (Климкевич, Бобер, Шмидт) и 058/2 (Козьмерчак, Маевский, Хыля, Квецень, Павлята). 27 марта Сопруненко направил предписание и начальникам лагерей Наркомчермета Васильеву и Д.М. Кабанову незамедлительно выявить в их лагерях офицеров и полицейских и сообщить о них данные по прямому проводу (РГВА. Ф. 1/п. Оп. 2е. Д. 12. Л .81).

[2] Даганский Александр Юльевич, 1902 г.р., заместитель начальника Строительства НКВД СССР № 1, отвечал за военнопленных Ровенского лагеря. Официально же начальником Ровенского лагеря был И.И. Федюков, начальник Строительства НКВД СССР № 1. О Даганском см. «Катынь...». С. 443.

[3] Кривенко Михаил Спиридонович (1904—1954), см. «Катынь...». С. 446.

[4] Лимановский Иосиф (1899—1940) — доктор медицины, поручик запаса, до призыва в армию работал в неврологической клинике г. Львов, имел жену и ребенка, арестован 24 декабря 1939 г., расстрелян в мае 1940 г.

[5] Черневский Александр (1897—1940) — врач, подпоручик запаса, работал в госпитале г. Стаховице Кельцского воеводства, после начала войны — в госпитале № 1003 в г. Ярослав, имел жену и двух детей. 25 декабря был помещен в Ровенский лагерь.

[6] Колаго Ян (1897—1940) — доктор медицины, поручик запаса, заведовал лабораторией в детской больнице г. Варшавы, во время войны работал в 903-м госпитале в Брест-Литовске, имел жену и двух детей. До 1921 г. проживал в Петрограде, где окончил Медицинскую академию. Помещен в Ровенский лагерь 25 декабря 1939 г.

[7] Юркович Давид Лазаревич (1885—1940) — доктор медицины, майор запаса, работал в поликлинике в г. Кельц, взят в плен 19 сентября в г. Сарны.

[8] Полицейские Хыля Юзеф (1901—1940), бывший чернорабочий, был женат, имел двух детей; Климкевич Анджей (1901—1940), в прошлом крестьянин, имел жену и четырех детей; Павлята Иосиф (1899—1940), крестьянин с 25-летним стажем, имел жену и пятерых детей; Маевский Ян (1897—1940), в прошлом кельнер с 30-летним стажем, имел жену и четырех детей; Шмидт Юльян (1896—1940), ранее сапожник с 32-летним стажем, имел жену и ребенка; Козьмерчак Адам (1901—1940), в прошлом чернорабочий в течение 25 лет, женатый. Запасники жандармерии Квецень Иосиф (1895—1940), крестьянин с 25-летним стажем, имел жену и пятерых детей; Бобер Иосиф (1902—1940), специалист по витражам, в течение 22 лет выполнял работы в костелах, окончил школу подофицеров, имел чин капрала; Куявиньский Люцин (1904—1940), рабочий в течение 6 лет, окончил школу подофицеров, служил вахмистром жандармерии в 1-м батальоне жандармерии, имел жену.

№ 17

1940 г., марта 29, Москва. — Списки польских военнопленных, содержащихся в Козельском, Осташковском и Старобельском лагерях, направленные 5-м отделом ГУГБ НКВД СССР в УПВ НКВД СССР[1]

Список
военнопленных Козельского лагеря НКВД[а)]

1179	3/IV	1.	Раковский Генрих Владиславович	1883 г.р.
1186	3/IV	2.	Керковский Казимир Антонович	1892 г.р.
264	3/IV	3.	Тышинский Леон Казимирович[б)]	
2257	2/IV	4.	Дзенисевич Станислав Антонович	1897 г.р.
2229	2/IV	5.	Шарецкий Болеслав Георгиевич	1874 г.р.

[а)] Все фамилии в этом списке зачеркнуты от руки красным и синим карандашами. Слева от фамилий на полях чернилами от руки вписаны номера учетных дел и дата отправки дел со справками кобуловской формы в 1-й спецотдел.

[б)] Год рождения не указан.

		[б)]6. Гинсберт Юлиан Генрихович[б)]	1892 г.р.
686	3/IV	7. Мара-Мейер Иосиф Францевич	1889 г.р.
1174	2/IV	8. Прокоп Иван Игнатьевич	1890 г.р.
2089	2/IV	9. Фельштин Тадеуш Владиславович	1894 г.р.
1197	2/IV	10. Чиж Генрих Эдуардович	1885 г.р.
1182		11. Миссюро Владимир Ипполитович[в)]	1892 г.р.
4472	27/III	12. Лацинский Вацлав Вацлавович	1890 г.р.
		[б)]13. Минтов-Чиж Ян Янович[б)]	1913 г.р.
1154	2/IV	14. Грабицкий Георгий Антонович	1890 г.р.
436	2/IV	15. Волковицкий Юрий Фаддеевич	1883 г.р.
		[б)]16. Иссертинген-Тупай Александр Юзефович[б)]	1894 г.р.
2023	3/IV	17. Болеславович Марьян Зигмундович	1890 г.р.
1155	2/IV	18. Малиновский Рихард Марцельевич	1870 г.р.
4348	2/IV	19. Жейма Вацлав Тадеушевич	1887 г.р.
7352	4/IV	20. [а)]Черницкий Ксаверий Эдуардович[а)]	1882 г.р.
280	2/IV	21. Кюнстлер Станислав Янович	1892 г.р.
377	2/IV	22. Ляхович Ян Петрович	1896 г.р.
		23. Гржибовский Сбигнев Эдуардович[б)]	1911 г.р.
4338	9/IV	[в)]Сроковский Меч[ислав][в)] [2]	1899 г.р.

(Судоплатов)
Верно: Баринов

Помета в верхней части документа красным карандашом: «[Получено] 4.4.40. П. Сопру[ненко]. 22.05.»

Список
военнопленных Старобельского лагеря НКВД

1.	[г)] Лис Юзеф Станиславович[г)]	1897 г.р.
2.	Розен-Завадский Казимир Павлович	1897 г.р.
3.	[д)] Шмидт Эдмунд Александрович[д)]	1893 г.р.
4.	[е)] Горчинский Евстафий Блажеевич[е)]	1893 г.р.
5.	[ж)]Букоемский Лев Антонович[ж)]	1895 г.р.

[б-б)] Номер и дата отсутствуют.
[в)] Помета в строку: «У тов. Сопру[ненко]». Дата зачеркнута.
[а-а)] Помета в строку: «За тов. Соп[уненко]».
[б)] Помета в строку: «Дело у тов. Сопру[ненко]».
[в-в)] Вписано от руки синим карандашом.
[г-г)] Помета в строку: «уч[етное] дело № 627 (3.4.40 г.)».
[д-д)] То же: «уч[етное] дело № 473 (2.4.40 г.)».
[е-е)] То же: «уч[етное] дело № 1685 (21.3.40 г.)».
[ж-ж)] То же: «след[ственное] дело 1831 (21.3.40 г.)».

6.	[з)] Вжесневский Эдуард Игнатьевич[з)]	1897 г.р.
7.	Кривко Рафаил Викентьевич	1896 г.р.
8.	Гановский Здислав Владиславович	1893 г.р.
9.	[а)] Бурчак Казимир Антонович[а)]	1895 г.р.
10.	[б)] Маньковский Ян Марцелович[б)]	1885 г.р.
11.	Моравский Марьян Владиславович	1892 г.р.
12.	[в)]Валицкий Витольд Александрович[в)]	1883 г.р.
13.	Чайковский Болеслав Янович	1893 г.р.
14.	Дудинский Казимир Адольфович	1890 г.р.
15.	Берлинг Зигмунд Михайлович	1896 г.р.
16.	[в)] Домонь Людвиг Янович[в)]	1899 г.р.
17.	[г)] Гоздевский Владислав Станиславович[г)]	1887 г.р.
18.	[д)] Давидовский Генрих Марианович[д)]	1899 г.р.
19.	Бонк Алези Тадеуш[евич]	1897 г.р.
20.	Осовский Мечислав Антонович	1898 г.р.
21.	Мажец Томаш Петрович	1883 г.р.
22.	[е)] Корнеля Роман Михайлович[е)]	1893 г.р.

Зам. нач[альника] 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР
майор госбезопасности (Судоплатов)
Верно: Баринов

Помета в левом верхнем углу красным карандашом: «Получено 4.4.40 г. П.Сопр[уненко]. 22.05».

Список
военнопленных Осташковского лагеря НКВД

1.	Яворовский Владислав Игнатьевич	1894 г.р.
2.	Лопацинский Иван Александрович	1901 г.р.
3.	[к)] Торвинский Иосиф Михайлович[к)]	1890 г.р.
4.	Берх Моисей Меерввич	1897 г.р.
5.	[л)] Бобер Ян Александрович[л)]	1897 г.р.
6.	[м)] Михулка Станислав Янович	1902 г.р.[м)]

[з-з)] То же: «уч[етное] дело 8 (27.3.40 г.)». Фамилия Вжесщовский исправлена на Вжесневский.
[а-а)] То же: «уч[етное] дело № 48».
[б-б)] Помета в строку: «уч[етное] дело № 9 (сп[исок] выс[лан] 28.3.40 г.)»
[в-в)] Оставлены в списке. Остальные фамилии зачеркнуты от руки красным карандашом.
[г-г)] Помета в строку: «уч[етное] дело № 104. (21.3.40 г.)».
[д-д)] То же: «уч[етное] дело 609 (30.3.40 г.)».
[е-е)] То же: «Дело у тов. Сопруненко».
[к-к)] Помета в строку: «уч[етное] дело 5823 (21.3.40 г.)».
[л-л)] То же: «уч[етное] дело 5865 (31.3.40 г.)».
[м-м)] Фамилия не зачеркнута. Остальные фамилии зачеркнуты красным карандашом.

7. Лущинский Зигмунд Зигмундович 1898 г.р.

(Судоплатов)
Верно: Баринов

РГВА. Ф.1/п. Оп.4е. Д.13. Лл.14—16. Зав. копия.

[1] В список были включены военнопленные, в которых был заинтересован 5-й отдел (ИНО) ГУГБ НКВД СССР. Большинство из них впоследствии были переведены в Юхновский лагерь, а их семьи не депортировались. Справки на них составлялись в первую очередь, а их дела передавались в 1-й спецотдел, где ставились на контроль. На Комиссию, как в документах НКВД именовалась «тройка», их дела не передавались, и соответственно они не значились «осужденными». Дела некоторых лиц, тем не менее, были сняты с контроля и переданы на рассмотрение «тройки», которая приговорила их к расстрелу. Были расстреляны адмирал Ксаверий Черницкий и юрист Витольд Валицкий (см. № 59).

[2] Биографические данные на всех перечисленных в трех списках лиц см. «Katyń. Dokumenty zbrodni. Tom 2. Zagłada». W-wa, 1998. S. 99—104.

№ 18

1940 г., марта 30, Москва. — Распоряжение П.К.Сопруненко А.Г. Бережкову об очередности направления в УПВ НКВД СССР справок на польских военнопленных

№ 49534/8474 Сов. секретно

Старобельск. Лагерь НКВД. Бережкову

Предлагаю [в] первую очередь высылать справки на высший, после на старший и средний офицерский состав[1]. [В] последнюю очередь — на врачей, учителей, агрономов и прочих гражданских лиц, не имеющих на себя компрометирующих материалов.

П. Сопруненко

ЦА ФСБ РФ Ф.3. Оп.7. Пор.636. Л.35. Подлинник. Рукопись. На бланке шифротелеграммы.
«Катынь...» С. 532.

[1] Имеются в виду справки кобуловской формы (см. № 8). Порядок составления справок не случаен. Генералы и высшие офицеры были отправлены на расстрел одними из первых. Аналогичное предписание, направленное в Козельский лагерь В.Н. Королеву, см. это же дело. Л. 36.

№ 19

1940 г., апреля 1, Москва. — Предписание П.К. Сопруненко П.Ф. Борисовцу о направлении 100 военнопленных Осташковского лагеря в распоряжение начальника УНКВД по Калининской области[1]

Сов. секретно
Только лично

Начальнику Осташковского лагеря военнопленных
майору
тов. Борисовец
г. Осташков

С получением сего немедленно направьте в гор. Калинин в распоряжение начальника УНКВД по Калининской области нижеперечисленных военнопленных, содержащихся в Осташковском лагере:

1.	Курковского Антона Францевича	— 1902 г.р.
2.	[a)] Зажицкого Вячеслава Иосифовича	— 1902 г.р.
3.	Канос Яна Казимировича	— 1902 г.р.
4.	Ленты Адольфа Яновича	— 1898 г.р.
5.	Вильчинского Сигизмунда Винцентовича	— 1898 г.р.
6.	Дворак Петра Павловича	— 1913 г.р.
7.	Врона Вячеслава Леоновича	— 1910 г.р.
8.	Ковалевского Фадея Осиповича	— 1906 г.р.
9.	Торножек Александра Томашевича	— 1896 г.р.
10	Климчак Андрея Юзефовича	— 1893 г.р.
11.	Ясита Алейзы Павловича	— 1897 г.р.
12.	Грала Антона Юзефовича	— 1894 г.р.
13.	Лехман Павла Бартоломеевича	— 1898 г.р.
14.	Савицкого Яна Юзефовича	— 1909 г.р.
15.	Моравского Станислава Марцилевича	— 1904 г.р.
16.	Маляцевича Яна Степановича	— 1897 г.р.
17.	Глашек Антония Михайловича	— 1887 г.р.
18.	Шешко Юзефа Станиславовича	— 1903 г.р.
19.	Заенц Антона Петровича	— 1897 г.р.
20.	Крук Казимира Антоновича	— 1898 г.р.
21.	Врублевского Яна Брониславовича	— 1900 г.р.
22.	Лютомского Станислава Валентиновича	— 1889 г.р.

[a)] Между номером и фамилией чернилами проставлена галочка. Такие же галочки проставлены между фамилиями и номерами 5, 6, 12, 17, 19, 21, 27, 31, 39, 44, 48, 49, 58, 59, 60, 62, 63, 74, 78, 79, 84, 95, 99, 100. Номера 7, 64, 92 обведены кружком.

23. Лебеда Владислава Андреевича — 1896 г.р.
24. Фигель Бронислава Ивановича — 1909 г.р.
25. Лех Зигмунда Войцеховича — 1906 г.р.
26. Кулай Михаила Николаевича — 1892 г.р.
27. Бачиньского Станислава Франчишека — 1904 г.р.
28. Майхжак Юзефа Андреевича — 1901 г.р.
29. Беднарович Ивана Алексеевича — 1890 г.р.
30. Косиорек Михаила Францевича — 1888 г.р.
31. Бярдзкий Франца Михайловича — 1901 г.р.
32. Хуменского Бронислава Игнатьевича — 1901 г.р.
33. Цесаж Теофиля Антоновича — 1885 г.р.
34. Мазуркевич Владислава Михайловича — 1913 г.р.
35. Мосяк Щепана Яновича — 1894 г.р.
36. Клейны Андрея Игнатовича — 1901 г.р.
37. Колодзей Антона Адамовича — 1899 г.р.
38. Клецан Винцентия Леоновича — 1900 г.р.
39. Варабида Станислава Войцеховича — 1902 г.р.
40. Чайковского Станислава Войцеховича — 1900 г.р.
41. Мусял Брунона Вицентьевича — 1899 г.р.
42. Павинского Яна Юзефовича — 1899 г.р.
43. Ковалик Станислава Матеушевича — 1893 г.р.
44. Байзерт Мирослава Яновича — 1911 г.р.
45. Ухерек Петра Урбановича — 1898 г.р.
46. Карпинского Франчишека Юзефовича — 1893 г.р.
47. Ситковского Леона Юзефовича — 1894 г.р.
48. Гульба Яна Павловича — 1912 г.р.
49. Жицкого Яна Петровича — 1891 г.р.
50. Яница Яна Михайловича — 1888 г.р.
51. Левандовского Бронислава Владиславовича — 1896 г.р.
52. Мондри Вацлава Яновича — 1907 г.р.
53. Шуркита Леона Юзефовича — 1900 г.р.
54. Сельского Брунона Марциновича — 1891 г.р.
55.[a)] Пигульского Бартоломея Антоновича[a)] — 1894 г.р.
56. Радомского Зигмунда Казимировича — 1900 г.р.
57. Яскевич Болеслава Антоновича — 1888 г.р.
58. Врублевского Францишека Сильвестровича — 1884 г.р.
59. Братек Юзефа Францевича — 1892 г.р.
60. Гловня Казимира Ивановича — 1900 г.р.
61. Новицкого Генриха Юзефовича — 1907 г.р.
62. Беляк Эдварда Феликсовича — 1901 г.р.
63. Генц Франца Францевича — 1903 г.р.

[a-a)] Подчеркнуто простым карандашом

64. Баженского Яна Владиславовича — 1889 г.р.
65. Павловского Франчишека Францевича — 1899 г.р.
66. Шреттер Марьяна Иоахимовича — 1893 г.р.
67. Сосновского Станислава Войцеховича — 1899 г.р.
68. Сошка Людвига Юзефовича — 1912 г.р.
69. Любинецкого Марьяна Игнатьевича — 1897 г.р.
70. Павляк Леона Войцеховича — 1910 г.р.
71. Ковальчик Яна Яновича — 1908 г.р.
72. Лысековского Болеслава Игнатовича — 1903 г.р.
73. Костржева Стефана Мартиновича — 1892 г.р.
74. Зволинского Болеслава Иосифовича — 1887 г.р.
75. Сервинского Мечислава Томашевича — 1898 г.р.
76. Новорита Феликса Феликсовича — 1905 г.р.
77. Смиховского Марьяна Яновича — 1891 г.р.
78. Бартечко Ивана Антоновича — 1885 г.р.
79. Августин Франца Казимировича — 1894 г.р.
80. Заенц Антона Михайловича — 1887 г.р.
81. Танасейчук Василия Ивановича — 1895 г.р.
82. Козик Германа Фридриховича — 1899 г.р.
83. Родзинкевич Романа Станиславовича — 1893 г.р.
84. Вильчинского Юзефа Юлиановича — 1898 г.р.
85. Пекарус Францишека Станиславовича — 1909 г.р.
86. Скрабского Андрея Францевича — 1895 г.р.
87. Савицкого Николая Антоновича — 1895 г.р.
88. Луч Яна-Степана Антоновича — 1894 г.р.
89. Фулавка Станислава Бортломеевича — 1913 г.р.
90. Ярошинского Казимира Францевича — 1896 г.р.
91. Кавка Яна Степановича — 1899 г.р.
92. Древич Михаила Андреевича — 1892 г.р.
93. Песик Альфонса Марковича — 1904 г.р.
94. Стаськовяк Франца Юзефовича — 1887 г.р.
95. Вуйчиковского Михаила Яновича — 1901 г.р.
96. Щербаль Михаила Войцеховича — 1892 г.р.
97. Стормовского Яна Яновича — 1910 г.р.
98. Лашевского Тадэуша Анастасовича — 1907 г.р.
99. Бальцер Иосифа Томашевича — 1897 г.р.
100. Вильчинского Леона Владиславовича — 1897 г.р.

Начальник Управления НКВД СССР
по делам военнопленных
капитан государств[енной]безопасности
П.Сопруненко[2]

№ _____
«1»/IV 1940
гор. Москва

РГВА. Ф.1/п. Оп.3е. Д.3. Лл.9—13. Подлинник.
Tucholski J. Mord w Katyniu. Kozielsk. Ostaszków. Starobielsk lista ofiar. Warszawa, 1991. S. 722-724.

[1] 1 апреля были подписаны еще три списка на отправку из Осташковского лагеря в Калинин, то есть на расстрел, на 94, 100 и 100 человек. Таким образом, 1 апреля было подписано 4 списка на 343 человека. 5 апреля именно 343 человека были отправлены поездом № 84 в 9.30 утра в Калинин. В этот же день помощник начальника УНКВД по Калининской области Т.Ф. Качин принял от конвоя 236 полка 343 человека. 5 апреля начальник Калининского УНКВД Д.С. Токарев информировал В.Н. Меркулова об исполнении первого наряда (см. №№ 25, 26) также на 343 человека, то есть об их расстреле. 5 апреля было подписано еще 5 списков (№№ 05/1, 05/2, 05/3, 05/4, 05/5 на 99, 99, 100, 100 и 99 человек); 6 апреля — 4 списка (№№ 012/1, 012/2, 012/3, 012/4 на 135, 99, 98 и 60 человек); 7 апреля — 5 списков (№№ 016/1, 016/2, 019/1, 019/2, 019/3 на 100, 96, 100, 100 и 100 человек); 9 апреля — 4 списка по 100 человек каждый (№№ 020/ 1, 2, 3 и 4); 10 апреля — также 4 списка по 100 человек (№№ 023/ 1, 2, 4, 5); 13 апреля — 8 списков, из них 6 по 100 человек, один 98 и один —92 (№№ 026/ 1, 2, 3, 4 и 027/ 1,2,3,4); 14 апреля — один список на 99 человек (№ 030/1); 16 апреля — 3 списка по 100 человек каждый (№№ 033/ 1, 2, 3); 20 апреля — 8 списков, из них 6 по 100 человек, один на 98 и один на 99 человек (№№ 037/ 1, 2, 3, 4 и 038/ 1, 2, 3, 4); 22 апреля — 6 списков, из них 4 по 100, один на 99 и один на 95 человек); 27 апреля — 5 списков, из них 4 по 100 и один на 87 человек. В мае было подписано еще 7 списков, в том числе три по 100 человек, а также на 112, 71 и 51 человека. Списки на отправку в Калинин и Смоленск опубликованы в издании: Tucholski J. Mord w Katyniu. Kozielsk, Ostaszków Starobielsk lista ofiar. W-wa, 1991. S. 593—909.

[2] См. также №№ 20, 74. Сведения о включенных в список лицах см. «Katyń...T. 2». S. 115-116.

№ 20

1940 г., апреля 2, Москва. — Предписание П.К. Сопруненко В.Н. Королеву о направлении 78 польских военнопленных в распоряжение начальника УНКВД по Смоленской области[1]

Сов. секретно
Только лично

Начальнику Козельского лагеря военнопленных
ст. лейтенанту гос[ударственной] безопасности
тов. Королеву
гор. Козельск, Смоленск[ой] обл.

С получением сего немедленно направьте в гор. Смоленск в распоряжение начальника УНКВД по Смоленской области нижеперечисленных военнопленных, содержащихся в Козельском лагере:

1. Новицкого Францишека Михайловича — 1895 г.р.
2. Дрецкого Эдмунда Францевича — 1897 г.р.
3. Мерник Осипа Антоновича — 1907 г.р.
4. Космальского Здислава Владиславовича — 1907 г.р.
5. Добинского Флорентина Леоновича — 1897 г.р.
6. Грабовского Генриха Францевича — 1892 г.р.
7. Курек Марьяна Юзефовича — 1904 г.р.
8. Барановского Юзефа Брониславовича — 1910 г.р.
9. Лопатто Эдварда Ивановича — 1891 г.р.
10. Галонска Ежи Антоновича — 1912 г.р.
11. Муха Бронислава Людвиговича — 1911 г.р.
12. Велюнского Зигмунда Михайловича — 1908 г.р.
13. Моссаковского Альфреда-Фадея Альфредовича — 1912 г.р.
14. Мончинского Станислава Вацлавовича — 1913 г.р.
15 Краевского Яна Юзефовича — 1895 г.р.
16. Мартин Петра-Бориса Вильгельмовича — 1893 г.р.
17. Малюкевича Станислава Болеславовича — 1907 г.р.
18. Добростаньского Казимира Алойзовича — 1898 г.р.
19. Бржозовского Теофила Войцеховича — 1896 г.р.
20. Кухарского Петра Викентьевича — 1896 г.р.
21. Мрус Константина Константиновича — 1903 г.р.
22. Каминского Яна Игнатьевича — 1911 г.р.
23. Маевского Чеслава Лукьяновича — 1891 г.р.
24. Мазур Михаила Яновича — 1913 г.р.
25. Анасевич Яна Валентиновича — 1908 г.р.
26. Мрувчинского Болеслава Юзефовича — 1900 г.р.
27. Матейчик Яна Яновича — 1904 г.р.
28. Люранц Франца Яновича — 1909 г.р.
29. Гимпель Людвига Матэушевича — 1903 г.р.
30 Бонашевского Яна Феликсовича — 1894 г.р.
31. Ковальского Александра Юзефовича — 1902 г.р.
32. Кордасевич Бронислава Владиславовича — 1909 г.р.
33. Стржелецкого Тадеуша Флорияновича — 1898 г.р.
34. Тарновского Казимира Теофиловича — 1899 г.р.
35. Коссецкого Юзефа Юзефовича — 1896 г.р.
36. Стояновского Казимира Францевича — 1896 г.р.
37. Лэмпицкого Юльяна Ромуальдовича — 1882 г.р.
38. Нодзинского Марьяна Марьяновича — 1907 г.р.
39. Мазур Станислава Матеушевича — 1909 г.р.
40. Заграй Теодора Яновича — 1911 г.р.

41. Каминского Тадеуша Михайловича — 1906 г.р.
42. Грабовского Казимира Болеславовича — 1900 г.р.
43. Кульчицкого Зигмунда Владиславовича — 1909 г.р.
44. Андржеевского Богдана Чеславовича — 1907 г.р.
45. Беличинского Марьяна Вицентовича — 1902 г.р.
46. Ланджеевского Генриха Севериновича — 1912 г.р.
47. Левицкого Станислава Владиславовича — 1905 г.р.
48. Бондзинского Тадеуша Стефановича — 1907 г.р.
49. Снегоцкого Станислава Севериновича — 1902 г.р.
50. Гливинского Яна Станиславовича — 1892 г.р.
51. Дочинского Болеслава Францевича — 1912 г.р.
52. Мощинского Станислава-Ришарда Яновича — 1912 г.р.
53. Менцель Вацлава Яновича — 1909 г.р.
54. Ковальского Виктора Владиславовича — 1906 г.р.
55. Ануфриева Георгия Сергеевича — 1902 г.р.
56. Линовского Владимира Станиславовича — 1904 г.р.
57. Двораковского Ежи Тадеушевича — 1912 г.р.
58. Велих Станислава Антоновича — 1880 г.р.
59. Ковецкого Вацлава Станиславовича — 1906 г.р.
60. Марчевского Тадеуша-Эдварда Леонардовича — 1911 г.р.
61. Драпова Эдуарда Андреевича — 1909 г.р.
62. Климчик Антония Антоновича — 1907 г.р.
63. Мазура Станислава Яновича — 1914 г.р.
64. Аксамитовского Стефана Мечиславовича — 1912 г.р.
65. Корона Францишека Ивановича — 1905 г.р.
66. Годзишевского Владислава Яновича — 1895 г.р.
67. Данилюк Ивана Базылевича — 1914 г.р.
68. Врублевского Яна Игнатьевича — 1902 г.р.
69. Белинского Леона Людвиговича — 1896 г.р.
70. Домагала Тадеуша Станиславовича — 1912 г.р.
71. Двораковского Владимира Михайловича — 1895 г.р.
72. Воватинского Станислава Оттоновича — 1912 г.р.
73. Шокало Антона Иосифовича — 1908 г.р.
74. Куча Иосифа Стефановича — 1896 г.р.
75. Марецкого Фердинанда Влажевича — 1896 г.р.
76. Петрович Евгения Ипполитовича — 1907 г.р.
77. Радзишевского Леонарда Юзефовича — 1891 г.р.
78. Граничного Юзефа Францишковича — 1897 г.р.

Всего семьдесят восемь человек[2]

Начальник Управления НКВД СССР по делам военнопленных
капитан государственной безопасности
(Сопруненко)

Помета на обороте последнего листа: «Получил Степанов. 3.4.40 г.»

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 3е. Д.3. Л. 362–365. Отпуск.
Tucholski J. Mord w Katyniu. S. 593–594.

[1] 1–2 апреля было подписано 7 списков на отправку военнопленных из Козельского лагеря в Смоленск в распоряжение начальника УНКВД по Смоленской области: без номеров на 100, 78, 100, 125, 124, 100 и 65 человек; 4 апреля – один список (№ 014 на 99 чел.); 5 апреля – 5 (№№ 015/1, 015/2, 017/1, 2, 3 на 100, 89, 100, и 92 чел.); 9 апреля – 6 (№№ 022/1, 2, 3 и 025/1, 2, 3 на 100, 100, 98, 100, 100 и 99 чел.); 13 апреля – 5 (№№ 029/1, 2, 3, 4, 5 на 100, 100, 100, 100 и 95 чел.); 14 апреля – 4 (№№ 032/1,2, 3, 4 на 100, 100, 100 и 96 чел.); 16 апреля – 8 списков (№№ 035/1, 2, 3, 4, 036/1, 2, 3, 4 из них 6 по 100 чел., один на 88 и один на 97 чел.); 20 апреля – 3 списка (№№ 040/1,2,3 по 100 чел. каждый); 28 апреля – 4 списка (№№ 052/1,2, 3, 4 на 100,100,100 и 107 чел.); 5 мая – один (№ 054/3 на 54 чел.); 9 мая – 1 (№ 059/1 на 113 чел.).

[2] О том, когда были отправлены в Смоленск и Катынь военнопленные по этим спискам свидетельствует справка В.Н. Королева от 14 мая (см. № 79). Сведения о включенных в список лицах см. «Katyń... T. 2». S.120–122. Е. Петрович, Л. Радзишевский и Ю. Граничный были направлены в УНКВД Смоленской области еще в начале марта 1940 г.

№ 21

1940 г., апреля 2, Москва. – Служебная записка П.К.Сопруненко начальнику I-го спецотдела НКВД СССР майору госбезопасности Л.Ф. Баштакову о просьбе германского посольства в Москве выяснить местонахождение группы польских военнопленных

№ 25/3053 Сов. секретно

Начальнику I-го спецотдела НКВД СССР
майору госуд[арственной] безопасности
тов. Баштакову

Народный комиссариат иностранных дел Союза ССР сообщил, что германское посольство в Москве просит выяснить местонахождение нижеследующих военнопленных быв. польской армии, следственные дела на которых направлены в I-й спецотдел:

1. Сосна Вицент Якубович – ст. полицейский, содержится в Осташковском лагере (след[ственное] дело № 1578).

2. Кравец Франц Францевич, 1898 г.р., ст. полицейский, содержится в Осташковском лагере (след[ственное] дело № 1910).

3. Голошны Летарьюш Францевич, 1899 г.р., подпоручик запаса, содержится в Козельском лагере (след[ственное] дело № 3412).

4. Раношек Гюнтер Францевич, 1917 г.р., подпоручик, содержится в Старобельском лагере (уч[етное] дело № 403).

5. Тушевский Мечислав Михайлович, 1892 г.р., подпоручик, содержится в Козельском лагере (уч[етное] дело № 2833)[1].

Нач[альник] Упр[авления] НКВД по делам о военнопленных
капитан госбезопасности (Сопруненко)

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 4е. Д. 13. Л. 21. Отпуск.

[1] См. также № 31. В. Сосна, Г. Раношек, М. Тушевский были переведены в Юхновский лагерь. Л. Голошны (в ряде документов он фигурирует как Голишный) был осужден «тройкой» и отправлен на расстрел. Ф. Кравец же был отправлен в Калинин на расстрел по ошибке — вместо Ф. Краковчика. Всего по запросам германского посольства в Юхновский лагерь были переведены 47 человек (см. № 92). Сведения о польских офицерах, фигурирующих в документе, см. «Katyń ... T. 2». S. 99—104.

№ 22

1940 г., апреля 4, Москва. — Приказание Л.П. Берии наркомам внутренних дел УССР и БССР об аресте подофицеров быв. польской армии, проводящих контрреволюционную работу[1]

№ 1173/б

Народному комиссару внутренних дел УССР
комиссару госуд[арственной] безопасности III ранга
тов. Серову
Народному комиссару внутренних дел БССР
комиссару госуд[арственной] безопасности III ранга
тов. Цанава

По делам ликвидированных в западных областях УССР и БССР контрреволюционных организаций польских националистов устанавливается, что наиболее активную и во многих случаях руководящую роль в этих организациях играет подофицерский состав быв. польской армии (капралы, плютоновые, сержанты и т.д.).

В связи с этим предлагаю:

1. Всех лиц из числа подофицеров быв. польской армии, проводящих контрреволюционную работу, арестовать.

2. Взять на оперативный учет подофицерский состав быв. польской армии: капралов, плютоновых, старших сержантов, сержантов, хорунжих и подхорунжих, использовав для этого проходящую в западных областях УССР и БССР паспортизацию[2] и учет военнообязанных.

3. По мере выявления подофицерских кадров быв. польской армии, сомнительный и подозрительный элемент из них обеспечить агентурным наблюдением.

4. О результатах учета сообщить в НКВД СССР.

Народный комиссар внутр[енних] дел Союза ССР
комиссар госуд[арственной] безопасности I ранга (Л. Берия)

ЦА ФСБ РФ. Ф.3. Оп. 7. Пор. 14. Л.289. Копия.
«Органы...», с. 167—168.

[1] Приказ был связан с предстоявшей операцией по расстрелу узников тюрем (см. №№12, 13).

[2] Паспортизация проводилась в соответствии с решением Политбюро ЦК ВКП(б) и постановлением СНК СССР от 29 ноября 1939 г. «О приобретении гражданства СССР жителями западных областей Украинской и Белорусской республик», а также специальным постановлением СНК СССР от 30 декабря за № 2130/622с о введении паспортной системы в этих областях (РГАСПИ. Ф.17. Оп. 3. Д. 1016. Лл. 41, 81—82; Д. 1019. Л. 12). Те, кому отказывали в выдаче паспорта, лишались работы и, как правило, выселялись в отдаленные районы СССР. Многие получали паспорта, запрещавшие им проживание в 100-километровой пограничной зоне и областных центрах.

№ 23

1940 г., апреля 4, Москва. — Распоряжение П.К. Сопруненко начальникам Осташковского, Старобельского и Козельского лагерей о направлении учетных дел на лагерную агентуру с нарочным лично начальнику УПВ НКВД СССР

49541/8919 Сов. секретно

Козельск. Лагерь НКВД — Зарубину[1], Королеву.
Старобельск. Лагерь НКВД — Миронову, Бережкову.
Осташков. Лагерь НКВД — Холичеву[2], Борисовец.

Если в списках военнопленных, подлежащих отправке из лагеря, будет Ваша агентура — последнюю никуда не отправляйте до особого распоряжения[3].

Лагерные учетные дела на агентов, не отосланные еще в Управление по делам военнопленных, отберите и вместе с имеющимися на них агентурны-

ми материалами вышлите нарочным [в] совершенно секретном порядке лично мне.

Основание: распоряжение зам. наркома тов. Меркулова.

П. Сопруненко

ЦА ФСБ РФ. Ф.3. Оп. 7. Пор. 636. Л.42. Подлинник. На бланке шифротелеграммы.
«Катынь...». С. 537.

[1] Зарубин Василий Михайлович(1894—1972), см. «Катынь...». С. 444.
[2] Холичев Дмитрий Карлович (1908—1951), см. «Катынь...». С. 452.
[3] См. также №№ 32, 38.

№ 24

1940 г., апреля 5, Осташков — Калинин. — Путевая ведомость по сопровождению лишенных свободы польских военнопленных по маршруту Осташков — Калинин[1]

№№ поезда или название парохода	Месяц число	Время прибытия		Наименование пунктов приема и сдачи (заполняется в штабе)	В передний путь				
		часы	мин.		Принято	Сдано	Отправилось	не сдано — провезено	Куда следовали лишенные свободы (заполняется в штабе)
21	5/IV-40	9	30	Осташков					
Вагонзаки									
956					63	63	63		
522					70	70	70		
573					70	70	70		
536					70	70	70		
524				Калинин	70	70	70		
				Всего	343	343	343		

Н[ачальни]к эшелона
ст. л[ейтенан]т П. Дулебов

РГВА. Ф. 18444. Оп. 2. Д. 278. Л. 140 об., 141. Подлинник.

[1] См. №№ 19, 25, 26.

№ 25

1940 г., апреля 5, [Калинин]. — Расписка помощника начальника УНКВД по Калининской области Т.Ф. Качина о приеме 343 польских военнопленных от начальника конвоя[1]

Расписка

Принято от конвоя заключенных в количестве триста сорок три человека (343).

Принял Т. Качин

5/IV-40 г.

РГВА. Ф. 18444. Оп. 2. Д. 278. Л. 142. Подлинник. Рукопись. «Катынь...». С. 539.

[1] См. №№ 19, 24, 26.

№ 26

1940 г., апрель 5, Калинин. — Донесение Д.С. Токарева В.Н. Меркулову об исполнении первого наряда[1]

№ 13974 Сов. секретно

Зам. наркома вну[тренних] дел тов. Меркулову

[По] первому наряду исполнен № 343. Токарев.[2]

ЦА ФСБ РФ. Ф.3. Оп. 7. Пор. 649. Л.808. Копия. На бланке шифротелеграммы. «Катынь...». С. 540.

[1] См. №№ 19, 24, 25.

[2] Токарев Дмитрий Степанович (1902—1992), см. «Катынь...». С. 451.

№ 27

1940 г., апреля 5, Москва. — Сводка начальника Главного транспортного управления НКВД СССР С.Р. Мильштейна «о движении тюремных ваго-

нов на железнодорожном транспорте за 4 апреля 1940 г.», направленная В.Н. Меркулову[1]

Сов. секретно

Зам. народного комиссара внутренних дел СССР
комиссару государств[енной] безопасности III ранга
тов. Меркулову

Сводка
о движении тюремных вагонов на железнодорожном
транспорте за 4 апреля 1940 г.

4 апреля с.г. на ст. Козельск, Дзержинской ж.д. погружено 4 вагона вместо 3-х вагонов по плану.

Вагоны за №№ 3006 и 663 в 20 ч. 30 м. поездом № 1173 сданы на М. Киевскую ж.д. и со станции Сухиничи в 22 ч[ас.] 10 м[инут] поездом № 1145 отправлены в Смоленск.

Вагоны за №№ 684 и 650 в 24 ч[аса] поездом № 1169 сданы на М. Киевскую. Со ст. Сухиничи до Смоленска будут отправлены 5/IV в 12 час.

По заявлению представителя Главного управления конвойных войск полковника Степанова[2] 5/IV с.г. предполагается погрузить 4 вагона.

5/IV с.г. из Смоленска в Козельск поездом № 88 в 0 [часов] 45 [минут] отправлены два вагона за № 720 и 708, согласно плана; с товарными поездами отправки вагонов за 4/IV не было. Заявки на прицепку на ст. Смоленск, согласно плана 3-х вагонов, от представителя Главного управления конвойных войск не поступало.

Начальник ГТУ НКВД СССР
комиссар государственной безопасности III ранга Мильштейн

Резолюция в левом верхнем углу красным карандашом: «Тов. Сопруненко. 5.4.40 г. М[еркулов].»
Помета в верхней части листа синим карандашом: «Ст[епанов] посылает заявки на отправку тюр[емных] вагонов. П.Сопруненко.»

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 4е. Д. 13. Л. 49. Подлинник.
«Катынь...». С. 544.

[1] Сводки о движении тюремных вагонов начальник Главного транспортного управления С.Р. Мильштейн представлял чуть ли не ежедневно, в ряде случаев даже по две за день. В частности, за 4 апреля в адрес В.Н. Меркулова была направлена еще одна сводка, в которой сообщалось об отправке: со ст. Смоленск на ст. Козельск 13 тюремных вагонов; со ст. Козельск до ст. Смоленск поездом № 87 вагон № 3005 вместо 2-х запланированных вагонов; о погрузке в Козельске еще 2-х вагонов, которые в

16 часов 4 апреля должны были быть паровозом отвезены на ст. Сухиничи для прицепки к товарному поезду и отправлены «на ст. Смоленск» (РГВА. Ф. 1/п. Оп. 4е. Д. 13. Л. 51). Следует отметить, что в ряде сводок, в том числе за 6 и 7 апреля, отмечалось, что вагоны разгружались на ст. Смоленск. Не исключено, что часть офицеров расстреливали не в Катынском лесу, а в Смоленской тюрьме УНКВД. Сводки С.Р. Мильштейна см. РГВА. Ф. 1/п. Оп. 4е. Д. 13. Лл. 54, 55, 63, 65, 75, 76, 83–87, 93, 95, 99, 106, 115–117, 126–128, 131–136.

[2] Степанов Иван Алексеевич (род. в 1890 г.) см. «Катынь...». С. 451.

№ 28

1940 г., апреля 5, Москва. — Отношение П.К.Сопруненко Л.Ф. Баштакову о направлении дел на военнопленных Козельского, Осташковского и Старобельского лагерей, фигурировавших в списке 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР, в 1-й спецотдел[1]

№ 25/3110 Сов. секретно

Начальнику I-го спецотдела НКВД СССР
майору госуд[арственной] безопасности
тов. Баштакову
на № 9/30-4930 от 4/IV-1940 г.

По присланным спискам 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР в 1-й спецотдел направлены дела на следующих военнопленных:

№№ п/п	Фамилия, имя и отчество	№ дела
По Козельскому лагерю		
1	Раковский Генрих Владиславович	1179
2	Керковский Казимир Антонович	1186
3	Тышинский Леон Казимирович	264
4	Дзенисевич Станислав Антонович	2257
5	Шарецкий Болеслав Георгиевич	2229
6	Мара-Мейер Иосиф Францевич	686
7	Прокоп Иван Игнатьевич	1174
8	Фельштин Тадеуш Владиславович	2089
9	Чиж Генрих Эдуардович	1197
10	Лацинский Вацлав Вацлавович	4472
11	Грабицкий Георгий Антонович	1154
12	Волковицкий Юрий Фаддеевич	436
13	Болеславович Марьян Зигмундович	2023

14	Малиновский Рихард Марцельевич	1155
15	Жейма Вацлав Тадеушевич	4348
16	Кюнстлер Станислав Янович	280
17	Ляхович Ян Петрович	377

По Осташковскому лагерю

1.	Лопацинский Иван Александрович[а)]	
2.	Торвинский Иосиф Михайлович	1890
3.	Бобер Ян Александрович	5865

[б)]Старобельский[б)]

1	Лис Юзеф Станиславович	627
2	Шмидт Эдмунд Александрович	473
3	Горчинский Евстафий Блажеевич	1685
4	Букоемский Лев Антонович	1831
5	Вжесневский Эдуард Игнатьевич	8
6	Бурчак[в)]Каимир[в)] Антонович	48
7	Маньковский Ян Марцелевич	9
8	Гоздевский Владислав Станиславович	104
9	Давидовский Генрих Марианович	609

Нач[альник] Упр[авления] НКВД
по делам о военнопленных
капитан госбезопасности
(Сопруненко)

Помета в верхней части 1-го листа: «З списка 5-го отдела у тов. Сопруненко».
Визы на полях: «Гоберман»,[2] «А. Ге[рцовский]».

РГВА. Ф. 1/п. Оп.4е. Д.13. Лл.47—48. Отпуск.

[1] См. № 17.
[2] Гоберман Макс Ефимович, см. «Катынь...». С.443.

№ 29

1940 г., апреля 6, Москва. — Распоряжение В.Н. Меркулова И.А. Серову воздержаться от проведения оперативных мероприятий в отношении

[а)] Номер дела отсутствует.
[б-б)] Вписано от руки карандашом.
[в-в)] Так в документе, вероятно, Казимир.

ряда семей польских военнопленных, находящихся в Старобельском и Козельском лагерях

№ 1213/б

Народному комиссару внутренних дел УССР
комиссару госбезопасности III ранга
тов. Серову

При проведении оперативных мероприятий по польским офицерам и их семьям, необходимо впредь до особого распоряжения воздержаться от применений этих мероприятий в отношении следующих:

1. Чайковской Владиславы с детьми, проживающей во Львове по улице Дымбовского, 23 кв. 4 (муж — подполковник быв. польской армии, находится в Старобельском лагере НКВД).

2. Гоздевской Софьи с детьми, проживающей во Львове по улице Леона Сапеги, д. 1 (муж — полковник полиции быв. Польши, находится в Старобельском лагере НКВД).

3. Домонь Галины Адамовны, проживающей во Львове по Стрийской улице, 44, кв. 3 (муж — майор Генштаба быв. польской армии, находится в Старобельском лагере НКВД).

4. Моравской Павлины Оттовны, проживающей в Луцке по Доминиканской улице, д. 41 (муж — подполковник Генерального штаба быв. польской армии, находится в Старобельском лагере НКВД).

5. Маньковской Ядвиги с детьми, проживающей во Львове по улице Листопада, 36 (муж — майор быв. польской армии, находится в Старобельском лагере НКВД).

6. Волковицкой Седонии, 40 лет, проживающей в Станиславове (муж — бригадный генерал пехоты быв. польской армии, находится в Козельском лагере НКВД).

7. Ляхович Евгении, 42 лет, с детьми, проживающей в районе Львова (муж — подполковник быв. польской армии, находится в Козельском лагере НКВД).

8. Букоемской Марии, проживающей в Злочеве (муж — подполковник быв. польской армии, находится в Старобельском лагере НКВД).

9. В том случае, если на кого-либо из перечисленных Вы располагаете сведениями об активной антисоветской работе, сообщите эти сведения нам[1].

Получение подтвердите.

Зам. народного комиссара внутренних дел
Союза ССР
комиссар гос[ударственной] безопасности
III ранга (Меркулов)

ЦА ФСБ РФ. Ф. 3. Оп. 7. Пор. 15. Лл. 43—44. Отпуск.

[1] Б. Чайковский, В. Гоздзевский, Л. Домонь, М. Моравский, Я. Маньковский, Л. Букоемский, Я. Ляхович фигурировали в списке 5-го отдела ГУГБ (см. № 17) и по запросу этого отдела были переведены в Юхновский лагерь. Их семьи депортированы не были. Аналогичный документ в тот же день был направлен Л.Ф. Цанаве в отношении семей лиц, которыми интересовался 5-й отдел ГУГБ, проживавших в западных областях БССР — подполковника Г. Чижа, капитана полиции Я. Лопацинского и майора полиции М. Берха (ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 7. Д. 15. Л. 45).

№ 30

1940 г., апреля 7, Москва. — Служебная записка зам. начальника 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР П.А. Судоплатова А.Я. Герцовскому об оставленных четырех польских военнопленных в Козельском лагере для проведения оперативных мероприятий

Служебная записка
зам. нач[альника] 1-го спецотдела НКВД
капитану гос[ударственной] безопасности
тов. Герцовскому

Прошу Вас в дополнение ранее посланных[1] следующих военнопленных, находящихся в Козельском лагере НКВД, оставить [а)]в лагере для оперативных мероприятий 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР[а)].

1. Любомирского Яна Губертовича, 1913 г.р.
2. [б)]Сеницкого Стефана Стефановича[б)]
3. [в)]Казмирчака Казимира Валентиновича[в)]
4. [г)]Сроковского Мечислава Казимировича[г)]

Зам. нач[альника] 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР
майор госуд[арственной] безопасности (Судоплатов)
Верно: Нач[альник] XI отд[еления] 1-го
спецотдела НКВД
лейтенант госбезопасности Шевелев
8/IV-40 г.

[а-а)] Подчеркнуто от руки красным карандашом.

[б-б)] Зачеркнуто от руки синим карандашом. Перед пп. 1,3,4, вероятно, был поставлен № дела и впоследствии зачеркнут синим карандашом. Перед п. 2 поставлена дата и, вероятно, № дела — «3/IV [№] 4857».

[в-в)] Зачеркнуто от руки красным карандашом.

[г-г)] Зачеркнуто от руки простым карандашом.

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 4е. Д. 13. Л. 62. Зав. копия. На бланке 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР.

[1] См. № 17.

[2] Любомирский Ян, 1913 г.р., подпоручик запаса пехоты. Стефан Сеницкий, 1897 г.р., доктор, инженер, капитан запаса службы связи, центральный узел связи, числился за Государственной комиссией пополнения личного состава (ГКПЛС). Казимир Казмирчак (видимо, правильнее Казимерчак), 1888 г.р., инженер, главный директор Государственного предприятия, унтер-офицер. Мечислав Сроковский, 1899 г.р., поручик запаса медицинской службы, врач-хирург, кадры запаса 1-го окружного госпиталя, ГКПЛС Варшавы. Все они были переведены в Юхновский лагерь, затем в Грязовец.

№ 31

1940 г., апреля 7, Москва. — Отношение П.К. Сопруненко А.Я. Герцовскому о направлении учетных дел на группу польских военнопленных, содержащихся в Старобельском и Осташковском лагерях, в 1-й спецотдел[1]

№ 25/3149 Сов. секретно

Зам. начальника 1-го спецотдела НКВД СССР
капитану гос[ударственной] безопасности
тов. Герцовскому

По присланным Вами спискам на 386 человек[2] проходят военнопленные Андрей Олизар (учетное дело № 3680, справка составлена [а)]24/III-40 г.[а)], содержится в Старобельском лагере); Слизиен Ольгерд (учетное дело № 3226, справка составлена [а)]24/III-40 г.[а)], содержится в Старобельском лагере); Млинарский Бронислав (учетное дело № 3257, справка составлена [а)]4/IV-40 г.[а)], содержится в Старобельском лагере); Шустер Зигмунд (след[ственное] дело № 2571, справка составлена [а)]23/III-40 г.[а)], содержится [а)]в Осташковском лагере[а)]); Висневский Казимир (след[ственное] дело № 213, справка составлена [а)]23/III-40 г.[а)], содержится в [а)]Осташковском лагере[а)]), Шмидт Альберт Август (след[ственное] дело № 875, справка составлена [а)]21/III-40 г.[а)], содержится в [а)]Осташковском лагере[а)]).

Дела на указанных военнопленных направлены в 1-й спецотдел НКВД.[3]

Нач[альник] Упр[авления] НКВД
по делам о военнопленных
капитан госбезопасности (Сопруненко)

[а-а)] Подчеркнуто от руки красным карандашом. Перед фамилиями проставлены «галочки» простым карандашом и чернилами.

Помета на полях: «Гоберман»

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 4е. Д. 13. Л. 61. Отпуск.

[1] См. также № 21.

[2] По всей видимости, имеется в виду список Наркомата иностранных дел СССР № 94/пб от 3 марта 1940 г. с резолюцией В.Н. Меркулова. В него были включены фамилии тех, кого разыскивало германское посольство.

[3] 7 апреля А.Я. Герцовский сообщил П.К. Сопруненко: «Андрей Олизар, Слизень Ольгерд, Млинарский Бронислав, Шустер Зигмунд, Висневский Казимир и Шмидт Альберт осужденными не значатся. Одновременно просим дела на указанных лиц на рассмотрение не представлять» («Катынь...». С. 551). Все эти военнопленные были направлены в Юхновский лагерь, а затем в Грязовец. Сведения о них см. «Katyń... T. 2». S. 148–149.

№ 32

1940 г., апреля 7, Москва. — Распоряжение П.К.Сопруненко начальникам Козельского, Старобельского и Осташковского лагерей об оставлении в лагерях военнопленных — агентов и осведомителей

№ 49544/9100 Сов. секретно

Козельск. Лагерь НКВД. Зарубину. Королеву.
Старобельск. Лагерь НКВД. Миронову. Бережкову.
Осташков. Лагерь НКВД. Холичеву. Борисовец.

[На] основании распоряжения зам. наркома тов. Меркулова вторично предупреждаю — если в списках военнопленных, подлежащих отправке из лагеря, будут Ваши люди — последних, как ошибочно включенных в списки, никуда не отправлять до особого распоряжения[1].

Ожидается присылка мне лагерных учетных дел на Ваших людей согласно указанию от 4 апреля.

П. Сопруненко

ЦА ФСБ РФ. Ф. 3. Оп. 7. Пор. 636. Л. 45. Подлинник. На бланке шифротелеграммы.

[1] См. № 23. В этот же день П.К. Сопруненко направил список лиц, которых не разрешалось отправлять без особого указания. «Предупреждаю о необходимости самой тщательной проверки поступающих к Вам списков военнопленных, подлежащих отправке из лагеря с тем, чтобы ни в коем случае не были отправлены лица, указанные в прилагаемых списках», — писал начальник УПВ (РГВА. Ф. 1/п. Оп. 4е. Д. 13. Л. 57).

№ 33

1940 г., апреля 8, Минск. — Приказание командования 15-й бригады конвойных войск командиру 136-го батальона конвойных войск майору Т.И. Межову об отконвоировании польского военнопленного И.Ф. Краковяка из полоцкой тюрьмы в гор. Минск

№ 001065 Сов. секретно

Командиру 136-го батальона
конв[ойных] войск НКВД
майору тов. Межову
г. Смоленск

В дополнение к переданному распоряжению по телефону через старшего лейтенанта тов. Есипова [a)]комиссару б[атальо]на т. Снытко[a)] согласно распоряжения зам. наркома внутренних дел БССР от 8 апреля с.г.[1] немедленно отконвоируйте из тюрьмы гор. Полоцка в тюрьму гор. Минска особо опасного преступника Краковяка Ивана Францевича, 1906 г.р.

Отконвоирование произведите в тюремном вагоне планового конвоя маршрута № 71 Смоленск — Бологое — Калинин 9—13 апреля с.г., а затем по прибытии в Смоленск произвести пересадку в вагон планового маршрута № 60 и сдать в тюрьму гор. Минска.

Конвой назначьте в порядке приказа [№] 00389 — 1939 г.

Исполнение донесите.

За начальника штаба бригады
капитан Шуренков
За начальника отделен[ия] службы
ст. лейтенант Есипов

Отпечатано в 2-х экз.
1 экз. — в дело
1 — " — адресату.
Штамп входящей регистрации: «Получено 10.IV.1940 г. Вх. № 71».

РГВА. Ф. 38106. Оп. 2. Д. 6. Л. 78. Подлинник. На бланке 15-й бригады конвойных войск.

[1] Распоряжение зам. наркома внутренних дел БССР от 8 апреля было связано с проводимой операцией по расстрелу поляков — узников тюрем. Ян Краковяк являл-

[a-a)] Вписано над строкой от руки чернилами.

ся подпоручиком запаса. 12 апреля дежурный Полоцкой тюрьмы выдал политруку 136-го конвойного батальона Зафтаеву расписку в том, что Краковяк уже был забран 11 апреля минским конвоем для доставки в минскую тюрьму (РГВА. Ф. 38106. Оп. 2. Д. 6. Л. 79 об.).

№ 34

1940 г., [а)]не ранее апреля 8,[а)] Москва. — Сводка УПВ НКВД СССР о количестве польских военнопленных по чинам в лагерях НКВД СССР и Наркомчермета СССР

Сов. секретно

Сводка
о наличии военнопленных в лагерях НКВД
По состоянию на 8/IV-[б)]с.г.[б)] [1]

1. Старобельский лагерь

Всего содержится в лагере	—	3894	чел.
Из них: а) генералов	—	8	чел.
б) полковников	—	55	"
в) подполковников	—	126	"
г) майоров	—	316	"
д) капитанов	—	843	"
е) др[угих] офицеров	—	2527	"
ж) ксендзов	—	9	"
з) помещиков	—	2	"
и) крупных государствен[ных] чиновников	—	5	"
к) полицейских	—	1	"
л) сын полковника	—	1	"
м) лакей Мосьцицкого[2]	—	1	"

Примечание: Полицейский и сын полковника оставлены в лагере по оперативным соображениям.

2. Козельский лагерь

Всего содержится в лагере	—	4599	чел.
Из них: а) адмиралов	—	1	чел.
б) генералов	—	4	"
в) полковников	—	26	"
г) подполковников	—	72	"
д) майоров	—	232	"
е) капитанов	—	647	"

[а-а)] Датируется по тексту документа.
[б-б)] Над строкой от руки чернилами написано: 40 г.

ж) капитанов морфлота	—	12	„
з) капитанов морфлота I ранга	—	2	„
и) капитанов морфлота II ранга	—	3	„
к) др[угих] офицеров	—	3480	„
л) ксендзов	—	8	„
м) помещиков	—	9	„
н) крупных государствен[ных] чиновников	—	61	„
о) солдат и мл. комсостава (отправляются на строит[ельст]во № 1).	—	5	„
п) прочих (проверяются для решения вопроса о дальнейшем направлении)	—	37	„

3. Осташковский лагерь

Всего содержится в лагере	—	6364	чел.
Из них: а) офицеров армии	—	48	чел.
б) офицеров полиции и жандармерии	—	240	„
в) мл. комсостава полиции и жандармерии	—	775	„
г) рядовых полицейских и жандармов	—	4924	„
д) тюремщиков	—	189	„
е) разведчиков и провокаторов	—	9	„
ж) ксендзов	—	5	„
з) осадников	—	35	„
и) торговцев	—	4	„
к) переведенных из быв. польских тюрем	—	4	„
л) судебных работников	—	5	„
м) солдат и мл. комсостава	—	72	„
н) прочих (проверяются для решения вопроса о дальнейшем направлении)	—	54	„
Всего содержится военнопленных в лагерях НКВД	—	14857	чел.
Из них: а) адмиралов	—	1	чел.
б) генералов	—	12	„
в) полковников	—	81	„
г) подполковников	—	198	„
д) майоров	—	548	„
е) капитанов	—	1490	„
ж) капитанов морфлота	—	12	„
з) капитанов морфлота I ранга	—	2	„
и) капитанов морфлота II ранга	—	3	„
к) др[угих] офицеров	—	6055	„
л) ксендзов	—	22	„
м) помещиков	—	11	„

н) крупных государствен[ных] чиновников	—	66	"
о) офицеров полиции и жандармерии	—	240	"
п) мл. комсостава полиции и жандармерии	—	775	"
р) рядовых полиции и жандармерии	—	4925	"
с) тюремщиков	—	189	"
т) разведчиков и провокаторов	—	9	"
у) осадников	—	35	"
ф) торговцев и крупных собственников	—	4	"
х) переведенных из быв. польских тюрем	—	4	"
ц) судебных работников	—	5	"
ч) сын полковника	—	1	"
ш) солдат и мл. комсостава (отправляются на строительство № 1)	—	77	"
щ) прочих (проверяются для решения вопроса о дальнейшем направлении)	—	92	"

Лагеря военнопленных, занятые на работах Наркомчермета[3]

1. Каракубский лагерь

Всего содержится в лагере	—	820	ч[ел.]
Из них: а) мл. комсостава и рядовых	—	816	"
б) полиции и жандармерии	—	4	"

2. Еленовский лагерь

Всего содержится в лагере	—	1070	чел.
Из них: а) офицеров (оставлен начальником УНКВД по Сталинской обл.)	—	1	ч[ел.]
б) мл. комсостава и рядовых	—	1068	"
в) беженцев	—	1	"

3. Запорожский лагерь

Всего содержится в лагере	—	1544	чел.
Из них: а) мл. комсостава и рядовых	—	1516	ч[ел.]
б) беженцев	—	28	"

4. Лагерь Октябрьруда

Всего содержится в лагере	—	2662	чел.
Из них: а) мл. комсостава и рядовых	—	2662	ч[ел.]

5. Лагерь Дзержинскруда

Всего содержится в лагере	—	2925	чел.

Из них: а) офицеров	— 2	ч[ел.]
б) полиции и жандармерии	— 55	„
в) мл. комсостава и рядовых	— 2834	„
г) беженцев	— 34	„

Никопольский лагерь

Всего содержится в лагере	— 1146	чел.
Из них: а) мл. комсостава и рядовых	— 1103	чел.
б) беженцев	— 43	„

Всего содержится военнопленных в лагерях и на работах Наркомчермета	—10167	чел.
Из них: а) мл. комсостава и рядовых	— 9999	чел.
б) офицеров (вновь выявленных)	— 3	„
в) полицейских и жандармов (вновь выявленных)	— 59	„
г) беженцев	— 106	„

Ровенский лагерь

Всего содержится в лагере	—12702	чел.
Из них: а) офицерского состава	— 4	ч[ел.]
б) полиции и жандармерии	— 11	„
в) мл. комсостава и рядовых	—12593	„
г) прочих (проверяются для решени вопроса о дальнейшем направлении)	— 94	„

Всего содержится в лагерях военнопленных	—37726	чел.

Начальник Управ[ления] НКВД СССР
по делам о военнопленных
капитан госбезопасности
(Сопруненко)

Резолюция в левом верхнем углу 1-го листа: «Тов. Родина.[4] М[аклярский]».

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 01е. Д. 3. Лл. 142—146. Копия.

[1] В списке не учтены отправки из Старобельского, Козельского и Осташковского лагерей. Фактически в нем даны сведения на 1 апреля, то есть на момент начала операции по расстрелу.

[2] Мосьцицкий Игнаций (1867—1946), президент Польши в 1926—1939 гг., см. «Катынь...». С. 397.

[3] На базе Елено-Каракубского лагеря были созданы два самостоятельных — Еленов-

ский и Каракубский; на базе Криворожского лагеря — «Октябрьруда», «Дзержинскруда», «Ленинруда» и «Никопольмарганец». См. «Катынь...». С. 435—438.

[4] Родина Анна Феофановна, 1916 г.р., см. «Катынь...». С. 449.

№ 35

1940 г., апреля 9, Москва. — Распоряжение П.К. Сопруненко начальникам Козельского, Осташковского, Старобельского лагерей сообщать в УПВ НКВД о количестве и датах отправки польских военнопленных из лагерей

№ 49545/9286 Сов. секретно

Осташков. Лагерь НКВД. Борисовец.
Козельск. Лагерь НКВД. Королеву.
Старобельск. Лагерь НКВД. Бережкову.

Немедленно сообщите мне шифром какого числа какое количество военнопленных отправлено из лагеря согласно высланных Вам списков.[1]

[В] дальнейшем [о] каждой отправке военнопленных также сообщайте шифром [с] указанием количества отправленных.

Все отправки показывайте [в] строевых записках.

П. Сопруненко

ЦА ФСБ РФ. Ф. 3. Оп. 7. Пор. 636. Л. 46. Подлинник. На бланке шифротелеграммы.

[1] См. № 37. 15 апреля начальник Осташковского лагеря писал И.И. Хохлову: «Аппарат 2-го отделения ежедневно занят по формированию этапов 16—18 часов в сутки, выполнить Ваше указание физически невозможно. Уже этапировано около 3000 человек, на разбор и составление только отправленных потребуется 2—3 дня всего аппарата 2-го отделения; учитывая, что 2340 дел уже отправлены Вам, коих учесть по категориям строевой записки невозможно, то сама записка никакой ценности не представит. Приостановить этапирование военнопленных на 2—3 дня никто не разрешит...Убедительно прошу отменить Ваше распоряжение по существу» (РГВА. Ф. 1/п. Оп. 2е. Д. 11. Л. 334). 19 апреля И.И. Хохлов ответил П.Ф. Борисовцу, что для доклада руководству наркомата им необходимо знать, сколько в лагере ежедневно содержится людей, поэтому высылка в УПВ строевых записок обязательна. Разрешив составлять ее без расшифровки по званиям, он распорядился указывать общее количество военнопленных в лагере, число убывших и прибывших в данный день (РГВА. Ф. 1/п. Оп. 2е. Д. 11. Л. 333).

№ 36

1940 г., апреля 10. Москва. — Постановление СНК СССР по вопросу выселения из западных областей Украины и Белоруссии лиц, указанных в постановлении СНК СССР от 2 марта 1940 г. с приложениями

№ 1180/Б

Постановление
Совета Народных Комиссаров Союза ССР
№ а)497-177 сса)
а)Об утверждении Инструкции НКВД СССР «О выселении из западных областей УССР и БССР лиц, указанных в Постановлении СНК СССР от 2 марта 1940 г. № 289—127 сс»а)

а)10а) апреля 1940 г. Москва, Кремль

Совет Народных Комиссаров Союза ССР постановляет:

1. Утвердить представленную НКВД СССР б)инструкцию об) выселении из западных областей Украинской ССР и Белорусской ССР:

а) семей содержащихся в лагерях для военнопленных и в тюрьмах бывших офицеров польской армии, полицейских, тюремщиков, жандармов, разведчиков, бывших помещиков, фабрикантов, чиновников бывшего польского государственного аппарата, участников в)контрреволюционныхв) повстанческих организаций;

б) беженцев с территории б[ывшей] Польши, отошедшей к Германии, изъявивших желание выехать из пределов Советского Союза на территорию, ныне занятую немцами, и не принятых германским правительством;

в) проституток, зарегистрированных ранее в органах бывшей польской полиции и продолжающих заниматься проституцией.

2. Поручить Совнаркому Казахской ССР принять необходимые меры к размещению, бытовому устройству и трудовому использованию в северных областях Казахской ССР семей, перечисленных в пункте 1-аа), в количестве 22—25 тыс. семейств.

3. Обязать НКПСа) для перевозки выселяемых г)лицг) обеспечить подачу 81 эшелона по 55 вагонов каждый на станции железных дорог западных областей УССР и БССР в сроки по заявке НКВД СССР.

4. Наркомздраву СССР (тов. Митереву)[2] обеспечить эшелоны выселяемых в пути следования медперсоналом, необходимыми медикаментами и инвентарем по заявкам НКВД СССР.

а-а) Вписано от руки чернилами.

б-б) Вписано поверх зачеркнутого слова — «порядок».

в-в) Вписано поверх зачеркнутого — «к-р.»

а) Далее зачеркнуто от руки чернилами «категорий».

г-г)Вписано над строкой от руки чернилами; п. 3 взят в два круга синим карандашом, вероятно В.М. Молотовым, после слов НКПС зачеркнуто: «СССР».

5. Обязать Наркомторг СССР организовать питание выселяемых в пути их следования в пунктах, определяемых НКВД СССР.

6. Обязать Наркомлес СССР (тов. Анцеловича)[3] и Наркомцветмет (тов. Самохвалова)[4] тщательно подготовить прием, размещение, бытовое устройство и трудовое использование выселяемых семей беженцев, указанных в пункте 1-б, направляемых на работу в предприятия д)Наркомлеса СССР и Наркомцветмета.д)

7. Обязатье)исполкомы, куда будут выселяться беженцы, оказать НКВД в)СССРв), Наркомлесу в)СССРв) и ж)Наркомцветмету ж) необходимое содействие в деле перевозки и размещения выселяемых семей беженцев.

8. Наркомфину СССР (тов. Звереву)[5] предусмотреть по смете НКВД СССР на 1940 г. дополнительные ассигнования в сумме 30250 тыс. руб. на расходы по выселению лиц, указанных в пункте 1-м настоящего Постановления.

в)Председатель СНК Союза ССР (В. Молотов)
Управляющий делами СНК Союза ССР М. Хломов в)

В верхней части 1-го листа имеются подписи членов СНК Союза ССР с пометами: 1) синим карандашом — «За (с поправкой в «Порядке») В. Молотов;[6] 2) простым химическим карандашом — «За — Н. Вознесенский;[7] За — А. Вышинский (слово «порядок» полагал бы заменить словом «Инструкция»); За — Булганин[8], А. Микоян[9], Каганович».
Помета на обороте 1-го листа от руки чернилами: «Сдал на выпуск немедленно после подписи тов. Хломова.[10] 11/IV-40 г. 0 час. 55 мин. П. Иванов».
Помета в нижнем углу 2-го листа: «П. Иванов. 10/IV-40 г.».

[Приложение 2]
Сов. секретно

г)Утверждена Постановлением СНК Союза ССР
от 10 апреля 1940 г. № 497-177сс г)

б)Инструкция б)
о выселении в)из западных областей УССР и БССРв) лиц, указанных в Постановлении СНК Союза ССР от 2 марта 1940 г. за № 289—127сс

1. Выселение семей содержащихся в лагерях для военнопленных и тюрьмах западных областей з)УССР и БССРз) бывших офицеров польской армии,

---

д-д) Зачеркнуто от руки чернилами и вписано поверх напечатанного «НКЛеса СССР, НКЦветмета».

е) Далее вставлено поверх строки и затем зачеркнуто: краев (обл.). После слова «исполкомы» зачеркнуто: «краев и областей».

ж-ж) Вписано от руки в строку вместо напечатанного: «НКЦветмету».

в-в) Вписано от руки чернилами.

г-г) Вписано в правом верхнем углу от руки чернилами.

б-б) Вписано над строкой чернилами вместо зачеркнутого «Порядок». Слова «Союза ССР» вписаны от руки вместо «СССР».

з-з) Вписано чернилами поверх напечатанного «Украины и Белоруссии».

полицейских, тюремщиков, жандармов, разведчиков, бывших помещиков, фабрикантов, чиновников бывшего польского государственного аппарата и участников д)контрреволюционныхд) повстанческих организаций проводится одновременно по УССР и БССР в день, назначенный НКВД СССР.

Выселение беженцев, изъявивших желание выехать на территорию быв. Польши, ныне занятую немцами, и непринятых германским правительством, и проституток проводится также одновременно в дни, определяемые НКВД СССР.

2. При выселении семей, указанных в п. 1 а)настоящей Инструкцииа), недвижимое имущество и торгово-промышленные предприятия выселяемых конфискуются и передаются местным органам власти. Все остальное имущество выселяемые имеют право или реализовать, или взять с собой к месту выселения в количестве, не превышающем по весу 100 кг на каждого члена семьи.

Примечание: Бытовые ценности (кольца, часы, серьги, браслеты, портсигары и т.д.), а также советские деньги (без ограничения суммы) выселяемые могут взять с собой.

3. Отправка выселяемых к месту расселения производится эшелонами в составе 55 вагонов каждый, оборудованных для людских перевозок (в том числе с)одинс) классный вагон для охраны, с)одинс) оборудованный санизолятор и вагон-лавка). В каждом вагоне помещается 30 человек взрослых и детей с их вещами. Для громоздких вещей на каждый эшелон выделяется по 4 товарных вагона.

4. На каждый эшелон НКВД СССР назначает начальника эшелона и соответствующую охрану.

5. Наркомздрав СССР обеспечивает эшелоны медсоставом из расчета на каждый эшелон 1 врач, 1 медфельдшер и 2 медсестры с соответствующими медикаментами.

6. Подача требуемых для переброски выселяемых вагонов обеспечивается НКПС б)по предварительно согласованному между НКВД СССР и НКПС плану.б)

За 5 дней до подачи вагонов НКВД СССР представляет НКПС заявку на эшелоны с точным указанием дня подачи эшелонов, станций погрузки и станций назначения.

7. В пути следования по железной дороге выселяемые получают бесплатно один раз в сутки горячую пищу и 600 г хлеба на человека. Изготовление и выдача пищи в пути производятся по заявкам начальников эшелонов трестами железнодорожных ресторанов и буфетов Наркомторга СССР.

Оплата расходов по питанию выселяемых в пути следования производится начальниками эшелонов.

8. Выселяемые направляются:

а) семьи содержащихся в лагерях НКВД а)СССРа) для военнопленных

д-д) Вписано над строкой чернилами вместо зачеркнутого сокращения «к/р».

а-а) Вписано над строкой чернилами.

с-с) Вписано над строкой чернилами, вместо напечатанной цифры «1».

б-б) Вписано в строку синим карандашом, вероятно В.М. Молотовым. Пункт 6 обведен кружком.

и в тюрьмах западных областей [б)]УССР и БССР[б)] — в Актюбинскую, Кустанайскую, Северо-Казахстанскую, Павлодарскую, Семипалатинскую и Акмолинскую области Казахской ССР сроком на 10 лет;

б) беженцы, изъявившие согласие выехать в Германию и непринятые германским правительством, — в северные районы СССР для расселения их в спецпоселках с использованием на лесоразработках и других работах;

в) проститутки — в районы Казахской и Узбекской ССР (за исключением пограничных).

9. Перевозку семей беженцев, указанных в пункте [а)]8[а)] «б» [а)]настоящей Инструкции[а)] от станций разгрузки до места расселения организуется НКВД СССР с использованием автогужтранспорта предприятий наркоматов, принимающих на работу выселяемых беженцев.

В случае необходимости краевые и областные исполкомы Советов [в)]депутатов трудящихся[в)] обязаны предоставить в распоряжение НКВД СССР дополнительный автогужтранспорт путем привлечения к этому делу местных организаций и колхозов.

10. В местах расселения беженцев создаются комендатуры НКВД СССР, действующие применительно к «Положению о [г)]спецпоселках и трудовом устройстве осадников, выселяемых из западных областей УССР и БССР»[г)], утвержденному Постановлением СНК СССР от 29/XII-1939 г. [а)]№ 2122-617 сс[а)].

[д)]Народный комиссар внутренних дел СССР
(Л. Берия)[д)]

Пометы:

1. В нижнем углу последнего листа чернилами: «Иванов. 10/IV-40 г.»
2. На обороте 1-го листа чернилами: «Сдал на выпуск немедленно после подписи т. Хломова. 11/IV-40 г. 0 час. 55 мин. П. Иванов.№

ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 57. Д. 68. Лл. 123—128. Подлинник.
«Органы...», с. 168—171.

[1] См. №№ 2, 11. 5 апреля Л.П. Берия во исполнение постановления СНК СССР и аналогичного ему решения Политбюро ЦК ВКП(б) от 2 марта 1940 г. (см. «Катынь...». С. 375—378) направил В.М. Молотову проект постановления СНК СССР и инструкцию о порядке выселения из западных областей УССР и БССР семей подлежавших расстрелу военнопленных и заключенных тюрем, а также беженцев и проститу-

---

[б-б)] Написано чернилами поверх напечатанного — «Украины и Белоруссии».

[а-а)] Вписано в строку чернилами.

[в-в)] Вписано над строкой чернилами.

[г-г)] Вписано над строкой чернилами вместо зачеркнутого «комендатурах НКВД СССР в спецпоселках осадников».

[д-д)] Вписано под текстом чернилами.

ток. После внесения определенных поправок Молотовым, проект 10 апреля был утвержден Совнаркомом.

[2] Митерев Георгий Андреевич (1900—1977), в 1939—1947 гг. нарком (министр) здравоохранения, в 1947—1954 гг. директор НИИ им. Эрисмана, в 1954—1971 гг. председатель Исполкома СОКК и КП.

[3] Анцелович Наум Маркович (1888—1952), в 1939—1940 гг. нарком лесной промышленности.

[4] Самохвалов Александр Иванович (1902-1966), в 1939—1940 гг. нарком цветной металлургии, в годы войны директор Балхашского медеплавильного завода.

[5] Зверев Арсений Григорьевич (1900—1969), в 1938—1960 гг. нарком (министр) финансов СССР.

[6] Молотов (Скрябин) Вячеслав Михайлович (1890—1986), см. «Катынь...». С. 393.

[7] Хломов Михаил Дмитриевич (1905—1945) — в 1939—1940 гг. управляющий делами СНК СССР.

[8] Вознесенский Николай Алексеевич (1903—1950), в 1938—1949 гг. председатель Госплана СССР, в 1941—1947 кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б). В 1949 г. осужден по сфабрикованному «ленинградскому делу», расстрелян, реабилитирован в 1954 г.

[9] Микоян Анастас Иванович (1895—1978), см. «Катынь...». С. 404.

№ 37

1940 г., апреля 11, Козельск. — Донесение В.Н. Королева П.К. Сопруненко о количестве военнопленных, отправленных из Козельского лагеря

№ 498

Сов. секретно

Начальнику Управления
по делам о военнопленных
капитану госбезопасности
Сопруненко

Доношу — 11 апреля согласно высланных списков отправлено 394 человека. Всего с 3 апреля отправлено 1643 человека[1].

Начальник лагеря
старший лейтенант госбезопасности
В. Королев

Резолюция в верхней части документа: «Гоберман[у]. П. Сопруненко».

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 2. Д. 9. Л. 326. Подлинник. На бланке Управления Козельского лагеря НКВД СССР.
«Катынь...». С. 556.

[1] См. № 35. В деле отложились свыше десяти аналогичных донесений, которые направлялись в УПВ вплоть до окончания операции (РГВА. Ф.1/п. Оп. 2е. Д. 9).

№ 38

1940 г., апреля 11, Москва. — Распоряжение УПВ НКВД СССР начальнику УНКВД по Сумской области М.Ф. Вещеникину об отправке военнопленного поручика Л. Гельбардта[1] в Старобельский лагерь и оформлении на него учетных документов

№ 25/3248

Сов. секретно

Начальнику УНКВД по Сумской обл[асти]
капитану госбезопасности
тов. Вещеникину[2]
гор. Сумы УССР

Копия: Начальнику Старобельского лагеря НКВД
капитану госбезопасности
тов. Бережкову

Военнопленного поручика Гельбардт Людвига Альтеровича по выздоровлении надлежит отправить в вагонзаке (отдельно от арестованных и заключенных) в Старобельский лагерь НКВД со всеми имеющимися агентурными и др. материалами.

Нач[альни]ку Старобельского лагеря по прибытии Гельбардта оформить на него все учетные документы и дело вместе со справкой выслать в Управление НКВД по делам о военнопленных.

Нач[альник] Упр[авления] НКВД по делам о военнопленных
капитан госбезопасности
(Сопруненко)

Нач[альник] 2-го отдела Управления
лейтенант госбезопасности
(Маклярский)

Помета П.К. Сопруненко на полях карандашом: «Гоберман[у]».

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 2е. Д. 6. Л. 90. Отпуск.

[1] Гельбардт Людвиг (правильно Люзер Эфраимович) (1879—1940), поручик запаса, врач-стоматолог, проживавший в г. Холм, был взят в плен и помещен в Путивльский

лагерь. С 12 ноября 1939 г. он находился на излечении в Сумской больнице с диагнозом рак желудка. 27 декабря Гельбардт направил из больницы заявление на имя В.М. Молотова, в котором писал, что у него осталась без средств к существованию семья из 5 человек. Ссылаясь на свой преклонный возраст и неизлечимую болезнь, он просил освободить его из плена. Однако его просьбу не удовлетворили (РГВА. Ф. 1/п. Оп. 4в. Д.15. Лл. 15, 18–19). 2 апреля начальник УНКВД по Сумской области М.Ф. Вещеникин сообщил в УПВ, что Гельбардта в скором времени выпишут из больницы, и спрашивал, как с ним поступить (РГВА. Ф. 1/п. Оп. 2е. Д. 6. Лл. 84–89). 17 мая П.К. Сопруненко дал распоряжение начальнику Путивльского лагеря Н.Н. Смирнову срочно выслать учетное дело Гельбардта, содержащегося в Сумской больнице. Смирнов сообщил в УПВ, что 22 мая Гельбардт отправлен в Старобельский лагерь (РГВА. Ф. 1/п. Оп. 2е. Д. 6. Л. 92). В числе переведенных в Юхнов его не было, следовательно, он был расстрелян. В Козельский, Старобельский и Осташковский лагеря свозили военнопленных офицеров и полицейских, находившихся на излечении и в других больницах. В частности, в Осташковский лагерь 14 апреля были доставлены из Шепетовской больницы рядовые полицейские Станислав Сцибур (1895–1940) и Людвиг Маловейский (1890–1940), в Козельский лагерь – три офицера, находившиеся до этого на излечении в Смоленском госпитале (см. «Katyń... T. 2». S. 189–191).

[2] Вещеникин Михаил Филиппович (1903–1941), см. «Катынь...». С. 142.

№ 39

1940 г., апреля 12, Москва. – Распоряжение П.К. Сопруненко П.Ф. Борисовцу о необходимости проверки списков польских военнопленных, отправляемых из Осташковского лагеря

№ 49550/9588 Сов. секретно

Осташков. Лагерь НКВД. Борисовец. Холичеву.

Предоставьте Холичеву возможность проверять все списки отправляемых. Лиц, коих он укажет, следует до особых указаний из лагеря не отправлять[1].

П. Сопруненко

ЦА ФСБ РФ. Ф. 3. Оп. 7. Пор. 636. Л. 51. Подлинник. На бланке шифротелеграммы.

[1] См. №№ 23, 32. Д.К. Холичев впервые появился в Осташковском лагере в январе 1940 г. во исполнение приказа Л.П. Берии от 31 декабря 1940 г. (см. «Катынь...». С. 275–276). В его задачу входила вербовка агентуры и совершенствование работы с ней.

№ 40

1940 г., апреля 14, Москва. — Политдонесение УПВ НКВД СССР В.Н. Меркулову о настроениях польских военнопленных перед отправкой из лагерей

№ 25/3301 Сов. секретно

Заместителю народного комиссара
внутренних дел Союза ССР
комиссару государственной безопасности III ранга
тов. Меркулову

Политдонесение[1]

1. С 5 по 9 апреля с.г. в гор. Харьков из Старобельского лагеря отправлено 923 человека, из них:

генералов	—	2
полковников	—	25
подполковников	—	42
майоров	—	40
капитанов	—	298
других офицеров	—	516

В связи с отправкой настроение военнопленных приподнятое, несмотря на то, что отдельные из них пытаются вести подрывную деятельность, распространяют слухи, что: «Отправляют в Сибирь», «Отправляют в Соловки», «Отправляют на необитаемый остров», «Отправляют в германские лагеря», «Отправляют в Карелию строить дороги» и т.п.

Отдельные из военнопленных при прощании выступают с призывом: «Стойко держаться в будущих боях за великую Польшу, что бы с нами ни делали, Польша была и будет».

В одном из блоков военнопленный зачитывал составленное им воззвание: «Держаться стойко за честь польского офицера, за будущую великую Польшу».

Резко сократилось желание работать внутри лагеря: «Скоро все уедем, а для других работать нечего».

Очень сократилось количество посещений в амбулаторию и стационар. Больные, находящиеся в стационаре, быстро стали «поправляться» и требуют досрочной выписки.

Попыток к побегам не замечено. Фактов порчи лагерного имущества нет.

Отправка проходит хорошо. Военнопленные до ст. Старобельск направляются на автомашинах под усиленным конвоем.

В целях предотвращения побегов, охрана лагеря усилена наружными и внутренними постами как за счет увеличения постов, так и за счет лучшего

подбора личного состава. Улучшен инструктаж идущих в наряд, усилена проверка несения службы. Введен метод комбинированной охраны путем выставления секретов и дозоров. Улучшено освещение лагеря. Принят ряд мер по улучшению режима пропусков. Совершенно прекращен выпуск военнопленных с зоны лагеря на работы и даже на допросы. Сокращен допуск в лагерь лиц обслуживающего персонала, а имеющие те или иные компрометирующие материалы в лагерь не допускаются и большинство уволены. Усилен контроль за почтовой корреспонденцией.

2. В ночь с 10 на 11 апреля, в 1 час. 00 мин. в Козельском лагере военнопленных, на восточной стороне, примыкающей к лесу, было совершено нападение на часового, которому бросили в голову, попав в лицо, кирпич. Часовой получил легкий ушиб, остался на посту, дав тревожный выстрел. Установлено, что кирпич был брошен с территории лагеря на расстоянии 30—40 м. Нападающего часовой не видел, не заметил и второй часовой, стоявший в 50-ти метрах.

Тщательное обследование местности и внутри, и вне лагеря, в районе нападения никаких результатов не дало. Не взяла следа и розыскная собака.

Проволочное заграждение оказалось в исправности, побега не было. Выставленная засада в течение ночи ничего подозрительного со стороны военнопленных не заметила. Поиски нападавшего продолжаются.

Комиссар Управления НКВД СССР
по делам военнопленных
полковой комиссар
Нехорошев

Зам. начальника политотдела
ст. политрук
Н. Воробьев [2]

Разослано:
1. Зам. наркомвнудел СССР комиссару госбезопасности III ранга тов. Меркулову
2. Зам. наркомвнудел СССР комдиву тов. Чернышову
3. Зам. наркомвнудел СССР комкору т. Масленникову
4 и 5-ый [экз.] — в дело.

Резолюции на 1-м листе:
1) В верхнем левом углу: «Тов. Хохлову. М[еркулов]. 15/IV»
2) На полях: «Нехорошеву. 16/IV. Х[охлов]».

РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1. Л. 121—123. Подлинник.
«Катынь...». С. 558—560.

[1] Политдонесение составлено на основе аналогичных документов, регулярно поступавших в УПВ от комиссаров Козельского, Старобельского и Осташковского лагерей (см. РГВА. Ф. 3. Оп. 2. Д. 5). См. также №№ 53, 62.
[2] Воробьев Николай Алексеевич, см. «Катынь...». С. 443.
[3] Хохлов Иван Иванович, см. «Катынь...». С. 452.

№ 41

1940 г., апреля 14, Москва. — Распоряжение заместителя начальника УПВ И.И. Хохлова начальнику Запорожского лагеря для военнопленных Л.П. Лебедеву о выявлении служащих полиции и офицеров

№ 25/3784

Сов. секретно
Серия «К»
Только лично

Нач[альнику] Запорожского лагеря НКВД
лейтенанту госбезопасности
тов. Лебедеву[1]

По данным УНКВД по Запорожской области (№ 1366541/14 от 28/III-40 г.) в Вашем лагере содержится ряд военнопленных, скрывающих свою службу в полиции, а также свою принадлежность к офицерским категориям.

К числу таких относятся военнопленные[2]: Модзеляк Эдуард, Столярек Мечислав, Славинский Криштэф (служили в полиции), Кочинский[3], Рысак[4], Червецкий — (поручики), Ранковский[5] (капитан) и ряд других, фамилии которых не приводятся.

Предлагается:

1. Немедленно установить, кто по агентурным данным числится служащими полиции и офицерами.

2. Всех указанных лиц лично вызвать и тщательно опросить для установления их действительного служебного положения до момента взятия в плен.

3. О всех установленных в результате этого допроса полицейских и офицерах немедленно сообщить нам, приложив копии опросных листов, для получения нарядов на отправку их в специальные лагеря.

4. Предупреждаю, что эта работа должна быть проведена весьма тщательно и в 3-х дневный срок.

5. Это указание в аппарат не спускать.

Зам. нач[альника] Упр[авления]
по делам о военнопленных
лейтенант госбезопасности
(Хохлов)

Резолюция на полях синим карандашом: «В дело. М[аклярский]».
Виза на полях красным карандашом: «Маклярский».

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 2е. Д. 13. Л. 35. Отпуск.

[1] 23 апреля Л.П. Лебедев ответил И.И. Хохлову, что точно установить принадлежность этих лиц к полиции или к офицерскому составу так и не удалось, хотя подозрения полностью развеяны не были, «работу по выявлению служащих полиции и офицеров продолжаем», — писал он (РГВА. Ф. 1/п. Оп. 2е. Д. 13. Л. 33). Офицеров и полицейских выявляли и в других трудовых лагерях. Их доставляли в Старобельский и Осташковский лагеря, чтобы затем отправить на расстрел.

[2] Сведения о Э. Модзеляке, М. Столяреке, К. Славинском, Червецком отсутствуют.

[3] Кочинский Войцех Марьян, 1885 г.р., поручик резерва, числился за ГКПЛС Грудек Ягельонский, офицерские кадры окружной комиссии (Пшемышль).

[4] Рысак Ян, 1899 г.р., поручик резерва медицинской службы, аптекарь, ГКПЛС, кадры запаса окружного госпиталя.

[5] Возможно, Ранкович Войцех, 1905 г.р., дипломированный капитан артиллерии, служил в качестве офицера информационной службы в командовании волынской кавалерийской бригады.

№ 42

1940 г., апреля 14, Старобельск, — Донесение начальника особого отделения Старобельского лагеря М.И. Лебедева о направлении учетных дел на группу военнопленных, проходивших по агентурным делам

№ 658400 Сов. секретно

Начальнику Управления НКВД СССР
по делам о военнопленных
капитану государственной безопасности
тов. Сопруненко
гор. Москва

В дополнение к нашему № 653400 от 11. IV. 1940[1] г. при этом направляю учетные дела и справки на фигурантов аг[ентурных] дел:

1. Гацковский Ян Романович[2] — аг[ентурное] дело «Остатки»[2]
2. Капалинский Тадеуш Антонович[3] — — „ —
3. Стокляс Вацлав Рудольфович[4] — — „ —
4. Тецляф Леон Викентьевич[5] — [дело] «Разведчики»[2]

Агентурные дела находятся у Вас.

Нач[альник] особого [a)]отдела[a)] лагеря НКВД
мл. лейтенант госбезопасности Лебедев[6]

Резолюция в нижнем правом углу: «Тов. Гоберман. В особое дело. Разработки направлены в 1-й спец[отдел]. М[аклярский]».

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 1е. Д. 10. Л. 429. Подлинник.

[1] Имеется в виду донесение особого отделения Старобельского лагеря о фигурантах дела «Коррозия», сфабрикованного бригадой С.В. Нехорошева — Родионова в январе — начале февраля 1940 г. С помощью семи осведомителей была выявлена группа лиц, которой вменялось в вину «контрреволюционная работа» среди военнопленных. По этому делу разрабатывали 9 поручиков и майоров. Основными его фигурантами считались майор Дембинский и поручик Жулковский. Агентурные дела «Остатки» и «Разведчики» в отчете бригады С.В. Нехорошева — Родионова не фигурировали. Видимо, они были оформлены после ее отъезда из лагеря.

[2] Видимо, Гацковский Альфонс Ян, 1904 г.р., поручик запаса пехоты, числился за ГКПЛС Катовицы.

[3] Капалинский Тадеуш (правильно Капелянский), подпоручик артиллерии кадрового состава, командир 1-го взвода 3-го дивизиона 18-го полка легкой артиллерии (Остров Мазовецкий).

[4] Стокляс Вацлав (1906—1940), поручик кадрового состава, в сентябрьской кампании командир 112 роты легких танков, частей, находившихся в непосредственном подчинении Верховного главнокомандующего.

[5] Тецляф Леон (1871—1940), поручик артиллерии запаса, ГКПЛС Катовицы, прикомандирован к 7-му полку легкой артиллерии.

[6] Лебедев Михаил Иосифович, 1905 г.р., см. «Катынь...». С. 447.

№ 43

1940 г., апреля 15, Калинин. — Донесение Д.С. Токарева В.Н. Меркулову об исполнении «восьмого наряда»

№ 14897 Сов. секретно
Зам. наркома вну[тренних] дел т. Меркулову[1].

14/IV [по] восьмому наряду исполнено 300.
15.IV.

Токарев.

[a-a)] Так в документе, правильно – отделения.

ЦА ФСБ РФ. Ф. 3. Оп. 7. Пор. 649. Л. 870. Копия. На бланке шифротелеграммы. «Катынь...». С. 561.

[1] См. № 26, 50, 56, 57, 58, 60, 66, 67. 12 апреля из Осташковского лагеря в Калинин были отправлены 300 человек. Путевой лист также указывает на то, что 12 апреля в 10 часов 20 минут 84 поездом в Калинин были отправлены 300 заключенных. 13 апреля помощник начальника УНКВД по Калининской области Т.Ф. Качин выдал начальнику конвоя расписку в приеме тех же 300 человек (см. «Катынь...». С. 557, 568). Восьмой наряд — именно столько отправок было осуществлено из Осташковского лагеря в Калинин к 14 апреля.

№ 44

1940 г., апреля 15, Москва. — Служебная записка А.Я. Герцовского И.И. Хохлову о снятии с контроля дел на польских военнопленных А. Бонка, Р. Корнеля, Т. Мажеца, М. Оссовского

№ 9/30-49-30 [а)]Лично[а)]

Служебная записка
Заместителю нач[альника] Управления НКВД СССР
по делам о военнопленных
лейтенанту госбезоп[асности]
т. Хохлову

Прошу снять с контрольного учета и представить на ближайшее заседание комиссии дела на:

1. [б)]Бонк Алези Тадеуш, 1897 г.р.[б)]
2. [б)]Корнеля Романа Михайловича, 1893 г.р.[б)]
3. Мажец Томаша Петровича, 1883 г.р.
4. Оссовского Мечислава Антоновича, 1898 г.р.[1]

Зам. нач[альника] 1-го спецотдела НКВД СССР
капитан госбезопасности
Герцовский

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 4е. Д. 13. Л. 96. Подлинник. Рукопись. На бланке «Служебной записки» 1-го спецотдела НКВД СССР.
«Катынь...». С. 562.

[а-а)] Вписано от руки черным карандашом А.Я. Герцовским.

[б-б)] Пункты 1, 2 взяты в фигурную скобку, на полях помета «Представлено на рассмотр[ение]». Справа в стороне против каждой фамилии помета синим карандашом «сп. 5»; пометы, относящиеся к пп. 1, 2, взяты в круги чернилами и красным карандашом.

[1] А.Т. Бонк, Р.М. Корнеля, Т.П. Мажец и М.А. Осовский — военнопленные из Старобельского лагеря, фигурировали в списке 5-го отдела ГУГБ от 29 марта (см. № 17). В числе переведенных в Юхновский лагерь их не оказалось. Следовательно, Комиссия, то есть «тройка» В.Н. Меркулова, Б.З. Кобулова и Л.Ф. Баштакова, включила их в расстрельные списки.

№ 45

1940 г., апреля 15, Москва. — Распоряжение И.И. Хохлова А.Г. Бережкову и В.Н. Королеву о высылке с нарочным в УПВ учетных дел польских военнопленных со справками

Старобельск. лагерь НКВД Бережкову
Козельск. Лагерь НКВД Королеву

Немедленно шлите [с] а)нарочным а) оставшиеся учетные дела со справками[1]. Телеграфьте когда, [в] каком количестве высылаются б)все б) оставшиеся дела.
Хохлов.

Помета в нижней части документа: «К делу лагеря. Гобер[ман]».

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 2е. Д. 10. Л. 203. Подлинник. Рукопись.

[1] См. № 8.

№ 46

1940 г., апреля 15, Осташков. — Донесение П.Ф. Борисовца П.К. Сопруненко о польском военнопленном Ф. Мастоляше и его восьмилетнем сыне, помещенном в Осташковский детский дом

№ 269 Сов. секретно

Нач[альнику] Управления НКВД СССР
по делам о военнопленных
капитану госбезопасности
тов. Сопруненко

Во вверенном мне лагере содержится в[оенно]пленный Мастоляш и вместе с ним 8-летний сын, который в данное время помещен в Осташковский

а-а) Вписано над строкой чернилами.
б-б) Вписано над строкой карандашом.

детдом, где учится. В случае получения наряда на отправку в[оенно]пленного Мастоляш, как поступить с его сыном[1].

Начальник лагеря
майор Борисовец

Начальник 2-го отделения Мащев[2]

Штамп входящей регистрации: «Управление НКВД СССР по делам военнопленных. 17.IV.40 г. Вх. № 7039».

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 4е. Д. 13. Л. 94. Подлинник. На бланке Управления Осташковского лагеря НКВД СССР.

[1] Мастоляш Феликс Янович, 1890 г.р., был включен в список — предписание № 058/3, п. 53 на отправку в Калинин, то есть на расстрел.

[2] Мащев (Мощев) Петр Прокофьевич, 1905 г.р., см. «Катынь...». С. 448.

№47

1940 г., апреля 15, Козельск. — Донесение В.Н. Королева П.К. Сопруненко о наличии ошибок в списках на отправку польских военнопленных, полученных из УПВ

№ 531 Сов. секретно

Начальнику Управления НКВД СССР
по делам о военнопленных
капитану госбезопасности Сопруненко

Доношу:

1) В присланных Вами списках для отправки от 4/IV-1940 г. за № 014 значится Макарчинский Януш Иеронимович[1], 1904 г.р., дело № 3373, тогда как согласно Вашего распоряжения Макарчинский Януш Иеронимович отправлен нами 29 марта с.г. при № 443 в распоряжение 2-го отдела ГУГБ НКВД СССР — учетное дело № 3373 выслано вам еще до его отправки, т.е. [а-а]17[а-а]/III-1940 г., о чем было Вам доложено нашим №[б-б]443 от «29»/III-40 г.[б-б]

2) В списке № 015/1 от 5/IV значится [в-в]Шульц Здислав Владиславович[2], 1904 г.р., дело № 3219 — в лагере такового нет и не содержался. Учетное дело мы Вам на него не высылали.[в-в]

[а-а] Вписано от руки чернилами поверх напечатанного числа «23».

[б-б] Номер и дата вписаны в строку чернилами.

[в-в] Отчеркнуто на полях красным карандашом.

По имеющимся сведениям Шульц содержится в Старобельском лагере.[2] г)Прошу Ваших указаний по существу вопроса.г)

Начальник лагеря
ст. лейтенант госбезопасности
В. Королев

Резолюция на полях простым карандашом: «Тов. Маклярский.
На списк[и]. 16/IV. Х[охлов]».
Помета на полях синим карандашом: «Сообщено т. Киселеву — 1-ый спецотдел. Ма[клярский]. 15/IV-40 г.»

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 4е. Д. 13. Л. 89. Подлинник. На бланке Козельского лагеря.

[1] Макарчинский Януш Ежи (1904—1940?), поручик запаса пехоты, был отправлен по распоряжению П.К. Сопруненко от 29 марта в Москву во 2-й (контрразведывательный) отдел ГУГБ НКВД СССР. См. также № 69.

[2] Шульц Здислав Генрик (1904—1940), подпоручик резерва саперных войск, находился не в Козельском, а в Старобельском лагере. В Юхнов он переведен не был, следовательно, его отправили в Харьков на расстрел. См. № 69 и «Катынь...». С. 582.

№ 48

1940 г., апреля 16, Москва. — Распоряжение И.И. Хохлова начальнику Криворожского лагеря М.А. Второву и руководителю бригады НКВД СССР Г.И. Антонову о направлении осадников в Осташковский лагерь

Сов. секретно

Записка [по] проводу
Кривой Рог. Лагерь НКВД. Второву, Антонову[1]

[По] НР 12/1446[2] осадников направьте [в] Осташковский лагерь вместе [с] другими согласно нашего НР 25/3105[3]. [На] остальных срочно вышлите опросные листы, дополнения [к] ним [и] справки по оперативным материалам. Хохлов. НР 25/3341.

Помета в нижней части листа: «Гоберман».

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 2е. Д. 8. Л. 276. Отпуск.

[1] Антонов Г.И., 1902 г.р., см. «Катынь...». С. 440.

г-г) См. док. 46.

[2] № 12/1446 — это запрос начальника лагеря «Дзержинскруда» М.А. Второва и руководителя бригады НКВД СССР в криворожских лагерях Г.И. Антонова, как им надлежит поступить с осадниками.

[3] № 25/3105 — это распоряжение П.К. Сопруненко начальникам криворожских лагерей об отправке в Осташковский лагерь выявленных у них полицейских, тюремных работников, охранников, членов политических партий, осадников — всего 17 человек. На полицейских-резервистов, унтер-офицеров, сверхсрочников пограничной службы, чиновников предлагалось выслать в УПВ опросные листы с дополнениями к ним, справки по оперативным материалам. На полных инвалидов предлагалось направлять также медицинские свидетельства (РГВА. Ф.1/п. Оп. 2е. Д. 8. Лл. 269—270.). Полицейских доставили в Осташковский лагерь 11 мая (см. № 77).

№ 49

1940 г., апреля 19, Калинин. — Расписка Т.Ф. Качина о приеме 345 польских военнопленных от ст. лейтенанта П.Ф. Дулебова[1]

Расписка

От нач[альника] конвоя ст. лейтенанта тов. Дулебова принят этап заключенных в количестве триста сорок пять человек (345) чел.

Принял Т. Качин

19 апреля 1940 г.
г. Калинин

РГВА. Ф. 18444. Оп. 2. Д. 278. Л. 168. Подлинник. Рукопись.

[1] 18 апреля из Осташковского лагеря были отправлены 345 военнопленных (см. № 66). Именно столько человек на следующий день были приняты Т.Ф. Качиным и 20 апреля расстреляны (см. № 50).

[2] В деле имеются также расписки Т.Ф. Качина о приеме от начальника конвоя ст. лейтенанта Н.М. Мурашова 8 апреля 494 человека, 10 апреля 253 человек, 13 апреля — 300 человек, 15 апреля — 299 человек, 18 апреля — 350, 25 апреля 294, 29 апреля 294 человека; от начальника конвоя ст. лейтенанта П.Ф. Дулебова 17 апреля — 346, 26 апреля 290, 30 апреля — 188 человек. Кроме того, имеется расписка начальника 1-го спецотдела Калининского УНКВД о приеме 20 апреля еще 136 человек (РГВА, Ф. 18444. Оп. 2. Д. 278. Лл. 146, 150, 172, 271, 278, 280, 281, 282, 283, 284, 285).

№ 50

1940 г., апреля 20, Калинин. — Донесение Д.С. Токарева В.Н. Меркулову об «исполнении 345»

№ 15531 Сов. секретно

Зам. наркома вну[тренних] дел тов. Меркулову

20/IV исполнено 345.

Токарев. 20/IV.

ЦА ФСБ РФ. Ф. 3. Оп. 7. Пор. 649. Л. 908. Копия. На бланке шифротелеграммы. «Катынь...». С. 564.

[1] См. № 49.

№ 51

1940 г., апреля 22, Москва. — Распоряжение И.И. Хохлова начальникам Осташковского, Козельского, Старобельского лагерей об отправке польских военнопленных в Юхновский лагерь[1]

№ 25/3434 Сов. секретно
Серия «К»
Только лично

Начальникам [а)]Осташковского, Козельского, Старобельского[а)] лагерей
тов. _____

Согласно распоряжения зам. наркома внутренних дел Союза ССР комиссара госуд[арственной] безопасности III ранга тов. Меркулова военнопленных, содержащихся в Вашем лагере, в количестве [в)]человек по прилагаемому списку, немедленно отдельным вагонзаком отправьте в Юхновский лагерь, ст. Бабынино Западной ж.д.

При отправке снабдите каждого необходимым продовольствием.

На каждого отправляемого заведите [б)]вновь учетное дело[б)] и передайте эти дела в опечатанном виде конвою для начальника Юхновского лагеря.

Одновременно составьте этапный список, копию которого немедленно вышлите нам.

Пункт отправки (Юхновский лагерь) подлежит тщательному засекречиванию. Кроме Вас и начальника УРО никто из лагерного аппарата не должен знать, куда следуют указанные военнопленные.

[а-а)] Вписано от руки.

[в)] Количество человек не проставлено.

[б-б)] Подчеркнуто от руки чернилами.

Заявка на конвой и вагоны нами сделана через Управл[ение] конвойных войск НКВД.

Зам. нач[альника] Упр[авления] НКВД по делам военнопленных
лейтенант госбезопасности (Хохлов)
Нач[альник] 2-го отдела Управления
лейтенант госбезопасности (Маклярский)

Помета на полях: «Гоберман».

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 4е. Д. 13. Л. 119. Отпуск.

[1] См. также №№ 17, 61, 81, 90, 92. Список на 273 военнопленных, подлежавших отправке в Юхновский лагерь, поступил из 1-го спецотдела. Однако в нем не фигурировал ряд лиц, которые ранее были взяты на контроль и дела которых не следовало направлять на рассмотрение «тройки». По Козельскому лагерю это были адмирал К. Черницкий, по Старобельскому — Э. Шмидт, К.А. Бурчак, В.А. Валицкий, Г.М. Давидовский; по Осташковскому Ю.Э. Бросс, В.И. Грабовский, В.Э. Новаковский, Б.С. Сикорский, Ф.М. Прокоп, Я.Э. Свобода, З.Т. Салацинский, А.А. Теодорович, А.Я. Яниш, Ф.И. Яносик. И.И. Хохлов спрашивал А.Я. Герцовского, следует ли снять их с контроля и представить на рассмотрение [комиссии]. Большинство дел на перечисленных лиц вскоре были переданы «тройке» (см. № 59) и направлены в распоряжение начальников УНКВД трех областей, то есть на расстрел (см. № 84). В Юхновский лагерь отправили в несколько приемов 395 человек (см. №№ 90, 92).

[2] 25 апреля И.И. Хохлов направил начальникам трех спецлагерей шифровку: «День отправки военнопленных [в] Юхновский лагерь согласно нашего НР 25/3434 немедленно телеграфте» (ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 7. Пор. 636. Л. 68).

№ 52

1940 г., апреля 22, Москва. — Распоряжение И.И. Хохлова начальникам лагерей о направлении в УПВ НКВД СССР учетных дел польских военнопленных, находящихся в больницах

№ 49560/10497 Сов. секретно

Куда и кому (адреса на обороте)[a)]

На всех военнопленных, содержащихся в лагерных стационарах, городских больницах, на которых до сих пор не высланы учетные дела со справками, не-

[a)] На обороте документа имеется запись: «Осташков. Лагерь НКВД. Борисовцу. Козельск. Лагерь НКВД. Королеву. Старобельск. Лагерь НКВД. Бережкову.»

медленно шлите дела, справки [с] указанием [в] какой больнице находятся, состояние здоровья.

При отсутствии [в] делах фотокарточек и невозможности указанных военнопленных сейчас сфотографировать высылайте дела без фотокарточек.

Хохлов[1].

ЦА ФСБ РФ Ф. 3. Оп. 7. Пор. 636. Л. 61. Подлинник. Рукопись. На бланке шифротелеграммы.
«Катынь...». С. 565.

[1] См. № 38. 23 апреля И.И. Хохлов направил Н.Н. Смирнову следующее указание: «Военнопленного полицейского Кендзерского Марьяна Антоновича немедленно отправьте [в] классном вагоне в сопровождении вахтера и медработника в Осташковский лагерь». Кендзерский, 1899 г.р., был направлен в Теткинскую больницу 25 сентября 1939 г. с диагнозом хронический туберкулез с гнойником в правом легком. В ответ на распоряжение П.К. Сопруненко отправить М. Кензерского в лагерь для военнопленных комиссар Путивльского лагеря сообщил в УПВ, что «ввиду его общей слабости он может быть направлен только с сопровождающим». 2 мая 1940 г. Кендзерский был доставлен в Осташковский лагерь и отправлен на расстрел по списку-предписанию № 058/3, п. 92. (РГВА. Ф.1/п. Оп. 2е, Д. 11. Лл. 351, 353, 357). 27 апреля в Осташковский лагерь были приняты прибывшие из Смоленской психбольницы в соответствии с распоряжением УПВ № 25/2612 еще два военнопленных. Скорее всего, ими были Косткевич 1901 г.р. и Абрамович Антон Антонович, находившиеся в Смоленской психбольнице, первый — с 23 ноября 1939 г., второй — с 21 января 1940 г. (см. РГВА. Ф.1/п. Оп. 2е. Д. 9. Л. 361).

№ 53

1940 г., апреля 22, Москва. — Политдонесение УПВ НКВД СССР В.Н. Меркулову о настроениях польских военнопленных, отправляемых из Старобельского, Козельского и Осташковского лагерей

№ 25/3429 Сов. секретно

Заместителю народного комиссара
внутренних дел Союза ССР
комиссару государственной безопасности
III ранга
товарищу Меркулову

Политдонесение[1]

I. Из Старобельского лагеря с 10 по 14 апреля отправлено военнопленных — 794 чел., а всего с 5 апреля с.г. выбыло — [a)]1717 чел.[a)], из них:

генералов	—	8	чел.
подполковников	—	36	чел.
полковников	—	61	„
майоров	—	106	„
капитанов	—	436	„
др. офицеров	[а)]—	1170	„[а)]

Оставшиеся военнопленные содержатся теперь исключительно в зоне лагеря, что дало возможность сконцентрировать личный состав внутренней охраны и улучшить охрану. Побегов и попыток к побегам нет.

[а)]Отрицательных настроений, кроме уже освещенных в донесении от 14 апреля с.г. за № 25/3301[б)] , не установлено[а)].

В большом количестве поступают заявления от военнопленных с просьбой оставить в СССР, а не отправлять на территорию Германии или в нейтральные страны. Заявления подают большинство военнопленных, имеющих специальности врачей, инженеров, учителей.

Содержание заявлений носит следующий характер:

1. «Прошу не передавать меня каким-либо германским или нейтральным властям, а предоставить мне возможность остаться и работать в Советском Союзе. К этой просьбе у меня имеются следующие основания:

1) Я до сих пор был аполитичен, но в последнее время ближе познакомился и сильно притянут идеологией страны социализма. Я не сомневаюсь, что лично сумею с честью выполнить долг советского гражданина.

2) Я по специальности и образованию инженер текстильной промышленности и не сомневаюсь, что мои знания и опыт могут оказаться весьма полезными стране Советов.

3) Я еврей и до сих пор был подвергнут национальному гнету, что позволяет мне вполне оценить политику национальной свободы Советского Союза».

(Альтман Георгий Соломонович)[2]

2. «Усерднейше прошу ввиду ликвидации лагеря оставить меня в СССР. Я сын портного[в)]... в Германию и ни в какие другие страны ехать не хочу».

(Сементка Абрам Маркович)[3]

3) Врач — поручик запаса Таненбаум Яков Вольфович[4] пишет: «При разгрузке лагеря прошу оставить меня в СССР. Не посылайте меня в какие-нибудь другие страны. Я врач, медицинский работник, живя в капиталистической стране, видел всю несправедливость строя, видел страшную жизнь бедных людей и поэтому всегда с симпатией относился к коммунистическому движению. Я мечтал жить в условиях свободного социалистического государства, в котором не существует национального гнета, который я, как еврей, всегда чувствовал».

[а-а)] Подчеркнуто на полях и в тексте красным карандашом В.Н. Меркуловым.

[б)] См. № 40.

Аналогичны и другие заявления. Кадровый офицерский состав польской национальности заявлений оставаться в СССР не пишет.

II. В связи с начавшейся 3 апреля 1940 г. отправкой военнопленных из Козельского лагеря, большинство офицеров чувствует себя спокойно и довольны тем, что дождались освобождения из «рабского плена».

«Куда повезут, туда и поедем, лишь бы не оставаться здесь в лагере».

В первый день отправки среди военнопленных территории № 2 (Скит) отмечались взволнованные настроения, вызванные тем, что в первый день оттуда были взяты 10 офицеров, из которых 5 — кадрового состава и 4 — осадника; создалось мнение, что их отправили не домой, а «куда-то» в другое место и лишь на 2-й день — 4 апреля, когда были отправлены офицеры разных категорий, настроение изменилось.

Высказывают предположения, что их повезут на запад, где создано 4 распределительных пункта: Брест, Подволочиск, Буск и Кобрин, на которых созданы смешанные комиссии; последние будут каждого опрашивать куда он желает поехать — в нейтральные страны или остаться в СССР, после опроса каждому будет предложено подписать декларацию. В связи с чем, со стороны генералов дан приказ, чтобы военнопленные офицеры никаких деклараций не подписывали.

Большая часть военнопленных офицеров, происходящих с немецкой стороны, высказывают нежелание ехать на территорию Польши, оккупированную Германией, а обязательно выехать в нейтральные страны, откуда они могут попасть во Францию, вступить добровольно во французскую армию и воевать против немцев. Победив Германию, выступить против СССР и восстановить Польшу от реки Одра до реки Днепра.

Часть военнопленных офицеров мечтает попасть в Румынию, пробраться в армию генерала Вейгана и выступить войной против Советского Союза.

Часть военнопленных, семьи которых проживают на германской территории, высказывают уверенность, что едут они в Германию и что никакой речи о выезде в нейтральные страны быть не может, ибо на «распределительных пунктах» будут заставлять подписать декларацию о лояльности к германскому правительству. Тех же, которые откажутся подписывать декларацию, направят в лагерь вглубь Советского Союза.

Отдельные из военнопленных, семьи которых проживают на территориях Украины и Белоруссии (западные области), настроены панически, среди них наблюдается боязнь поехать домой. Причину страха возвращения на родину они объясняют так:

«Здесь мы в лагере сидим спокойно под опекой НКВД и властей лагеря, и нас как военнопленных никто не тронет. Дома же мы перестанем быть военнопленными и на нас, как на граждан СССР будут распространяться все законы Советского Союза, там нас могут и арестовать, и посадить, и судить, т.к. почти каждый из нас имеет кое-какой грех перед советской властью».

Отмечены факты антисоветских проявлений. Высказывают мнения, что «СССР чувствует себя неспокойно, т.к. ему угрожает опасность со стороны

союзников, что хотя Советский Союз и большой, но он стоит на «глиняных» ногах и стоит его только толкнуть — он повалится».

Военнопленный офицер Бирнбаум[5], в прошлом журналист, ходит по корпусам и читает доклады на антисоветские темы.

К проводимым беседам вообще стали относиться пассивно и очень часто заявляют:

«Что вы нас пичкаете своими беседами, у нас сейчас «чемоданное настроение», а вы тут со своими беседами. У нас голова работает над тем, когда и куда нас повезут».

Отдельные же, как например, Табачинский[6], отец и сын Ружанские[7], бросают вызывающие реплики, как например:

«У вас ничего нет, все идет на вооружение. Нам вы ударили ножом в спину. Польша все же будет существовать и мы вам отплатим. Вы еще побываете у нас в плену».

Военнопленный поручик Бирнбаум в читанных им лекциях по корпусам доказывал, что на турецкой границе против СССР готовится удар со стороны войск генерала Вейгана, задачей которых является захватить нефтяные районы на Кавказе и этим самым лишить Советский Союз горючего, что приведет к выводу из строя промышленности и механизированных частей Красной Армии».

Приняты меры к прекращению распространения антисоветской клеветы среди военнопленных.

Отдельные офицеры распространяют слухи, что военнопленных, независимо от места нахождения семей, направляют в Германию и, в связи с этим, высказывают угрозы по адресу тех, которые проявляли лояльное отношение к Советскому Союзу. Последние, желая заслужить доверие, начинают резко проявлять себя антисоветски. Например, на военнопленного Новика[8], за то, что он на русском языке предложил прибавить в печь дров, на него набросился военнопленный Табачинский и не только оскорблял, но и угрожал, что «по освобождении из плена рассчитается с ним». Табачинский был посажен на гауптвахту на 20 суток. Пытаясь отомстить за Табачинского, военнопленные Ружанские (отец с сыном) хотели побить Новика. Ружанские посажены на гауптвахту.

Незначительная часть военнопленных все же не верит в отправку домой, исходят из того, что всех отправляемых тщательно обыскивает конвой и что везут в тюремных вагонах. Военнопленные пытаются обрабатывать и выяснять у обслуживающего персонала, куда их отправляют.

[a)]Установлено, что сведения о перевозке в тюремных вагонах проникли в лагерь от киномехаников Левашова и Горшкова. Обслуживающий персонал крепко предупрежден в связи с этим.[a)]

Некоторые военнопленные говорят, что отправляют их в Смоленск. Но не уверены в этом и пытаются объяснить, что если и высаживают в Смоленске, то только для питания.

[a-a)] Отчеркнуто на полях красным карандашом двумя чертами В.Н. Меркуловым.

Источник этих сведений точно не установлен, но имел место факт, что начальник конвоя от 226-го конвойного полка политрук Федоров Д.И., по возвращении из командировки, рассказывал отдельным сотрудникам лагеря, что военнопленных выгружают в Смоленске, где принимают их весьма тщательно и со всей строгостью. В связи с чем, этот вопрос муссируется среди отдельных сотрудников лагеря.

[a)]О болтливости политрука Федорова Д.И. доведено до сведения полковника тов. Степанова и командования батальона.[a)]

Установлено, что высшие чины бывшей польской армии, находившиеся в лагере, давали указания офицерам, отправляющимся в первых партиях, делать в вагонах надписи, в которых они будут ехать, с указанием конечных станций, чтобы последующие могли знать, куда их везут.

7 апреля, при возврате первых вагонов, была обнаружена надпись на польском языке: «вторая партия — Смоленск 6/IV-40 года».

Кроме этого, все стенки этих вагонов были исписаны ранее, видимо при перевозке заключенных, самыми махровыми антисоветскими надписями и под многими из них были сделаны надписи военнопленных по-польски, высказывающие свое удовлетворение по поводу содержания этих надписей.

Отдано распоряжение все смыть и в будущем вагоны осматривать.

С целью наибольшей изоляции военнопленных от обслуживающего персонала, последний в зоне лагеря сокращен до минимума, остальным доступ в лагерь ограничен.

Подавляющая же масса военнопленных офицеров уверена, что едут домой. В связи с чем отмечается настроение — скорее бы поехать, обращаются к администрации лагеря о включении их в ближайший транспорт для отъезда.

Военнопленные генералы Минкевич[9] и Сморавинский[10] 7 апреля вечером пытались своим авторитетом воздействовать на остальных военнопленных, чтобы они требовали выезда в нейтральные страны. Эти генералы издали распоряжение, чтобы никто из военнопленных офицеров на распределительных пунктах не подписывал бы каких-либо деклараций, обязывающих поехать на территорию Германии или остаться в СССР. Подписавшие такие декларации будут считаться дезертирами польской армии.

Это распоряжение генералов часть офицеров разносили по корпусам, но заметно, что влияние оно не имеет. Так, 7 апреля во время отправки высших чинов, многие оставшиеся офицеры высказывали удовлетворение тем, что они не едут вместе с ними, во избежание «попасть с ними в какую-либо историю».

В связи с некоторым перерывом в отправке из-за задержки списков настроение военнопленных упало. Начали распространяться предположе-

---

[a-a)] Отчеркнуто на полях красным карандашом В.Н. Меркуловым. Имеется его резолюция на полях: «Политрука Федорова убрать от конвоирования».

ния самих же военнопленных, что «на почве осложнений военных действий на западе (события в Норвегии) Германия отказалась принимать военнопленных».

Военнопленный Пенловский 13 апреля высказал мнение, что «вообще из лагеря никого отправлять больше не будут. Отправили часть, сделали в лагере посвободнее и на этом все кончилось, останемся сидеть здесь дальше».

Все эти разговоры весьма удручающе подействовали на массу военнопленных. Многие обращаются к администрации лагеря, будут ли отправлять еще. Получив положительный ответ, уходили довольными, передавая это военнопленным.

[a)]У отдельных же военнопленных разговоры о прекращении отправки вызвали настроения к побегу (поручик Фроник и подпоручики Зеленский и Яшембский)[a)].

III. В связи с отправкой из Осташковского лагеря настроение у большинства военнопленных приподнятое и, особенно, у рядовых полицейских, которые уверены, что едут домой. Отдельные сомневаются в этом, военнопленные с территории Германии говорят, что им не хочется возвращаться в Германию.

Отправляемые при выходе из лагеря выбрасывали спичечные коробки с записками, в которых пишут, что «при ревизии ищут оружие, личные вещи и ценности не отбирают, принимаются все претензии, обращение вежливое, из обыска нельзя заключить, куда направляют». Отправка проходит организованно, спокойно.

Комиссар Управления НКВД СССР
по делам о военнопленных
полковой комиссар Нехорошев
Зам. начальника политотдела
старший политрук Н. Воробьев

Резолюция в левой верхней части 1-го листа: «тов. Хохлову. М[еркулов]. 22/IV».

Штамп регистрации на 1-м листе: «Секретариат НКВД СССР. I-е отделение. Индекс 25. 22.IV.40 г.»

РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д.1. Лл. 145—153. Подлинник.

[1] См. № 39. Политдонесение основано на донесениях В.Н. Королева и Г.А. Эйльмана от 15 и 17 апреля, а также И.А. Юрасова от 10 апреля (см. РГВА. Ф.3. Оп. 2. Д. 5. Лл. 45—54, 57—59, 61—64, 247).

[a-a)] Отчеркнуто на полях красным карандашом В.Н.Меркуловым. Имеется его резолюция на полях: «Следить за ними».

[2] Альтман Георгий Соломонович (1905—1940), подпоручик резерва артиллерии, числился за ГКПЛС Лодзинского округа, содержался в Старобельском лагере, в Юхновский лагерь переведен не был, значился в списке дел, оставшихся от Старобельского лагеря под № 39.

[3] Сементка (Сементек) Абрам Маркович (1907—1940), подпоручик резерва артиллерии, числился за ГКПЛС Варшавы. Содержался в Старобельском лагере. В Юхнов переведен не был, следовательно, был расстрелян.

[4] Танненбаум Якуб или Ян Якуб (1906—1940), поручик запаса медицинской службы, врач-гинеколог из Варшавы, приписан к 1-му окружному госпиталю, находился в Старобельском лагере, значился под № 3347 Старобельского списка.

[5] Бирнбаум Мечислав (1889—1940), поручик запаса пехоты, журналист, числился за ГКПЛС Варшавского округа.

[6] Табачинский Адам (1922—1940), кадровый подхорунжий, командир пулеметного отделения, до призыва в армию учился в кадетском корпусе в г. Львове, был отправлен на расстрел в мае по предписанию № 059/1 п.1. До этого он фигурировал в списке подхорунжих и военнопленных, которых разыскивало германское посольство. Большинство из перечисленных в нем лиц было переведено в Юхновский лагерь (РГВА. Ф.1/п. Оп. 2е. Д. 9. Л.390). По всей видимости, высказывания Табачинского стоили ему жизни.

[7] Ружанский Конрад (1892—1940), подпоручик резерва, юрист, и Ружанский Войцех (1920—1940), капрал.

[8] Новик Стефан (1885—1940), поручик запаса пехоты, направлен в распоряжение УНКВД по Смоленской области, т.е. на расстрел, по списку 032/4 от 14 апреля.

[9] Минкевич Хенрик (1880—1940), генерал бригады в отставке. Окончил Петербургский и Ягелонский университеты, активист ППС. В 1914 г. вступил в Польский легион, сражавшийся в Карпатах, в 1916 г. попал в русский плен, бежал летом 1917 г. В 1918 г. командовал Перемышленским военным округом, в 1920 г. был вице-губернатором Варшавы, в 1925—1929 гг. командовал Корпусом охраны пограничья. В 1934 г. вышел в отставку. В сентябре 1939 г. был взят в плен, хотя в армии в это время не служил. Его тело было найдено в катынских могилах.

[10] Сморавинский Мечислав (1892—1940) генерал бригады, арестовывался царскими властями за участие в освободительном движении. После освобождения закончил Львовский политехнический институт и офицерскую школу, в 1914—1917 г. — в Польском легионе, затем командовал батальоном, полком Войска Польского, в 1921—32 г. — дивизией, в 1934—39 гг. командующий Люблинским военным округом. Его тело также было найдено в катынских могилах.

№ 54

1940 г., не ранее апреля 22[а)], Калинин. — Сводная путевая ведомость по сопровождению лишенных свободы польских военнопленных по маршруту Осташков — Калинин за период с 6 по 22 апреля[1]

[а)] Датируется по тексту.

№№ поезда или название парохода	Месяц, число	Время прибытия часы	мин.	Наименование пунктов приема и сдачи (заполняется в штабе)	В передний путь: Принято	Сдано	№№ вагонов	Не сдано – провезено	Куда следовали лишенные свободы (заполняется в штабе)
84	6.04.40	11	20	Осташков – Калинин	100	100	957	–	Калинин
84	6.04.40	11	20	Осташков – Калинин	100	100	958	–	Калинин
	6.04.40	11	20	Осташков – Калинин	100	100	959	–	Калинин
84	6.04.40	11	20	Осташков – Калинин	100	100	924	–	Калинин
84	6.04.40	11	20	Осташков – Калинин	94	94	955	–	Калинин
				Итого:	494	494	–	–	
								Начальник конвоя Мурашов	
84	10.04.40	12	00	Осташков – Калинин	60	60	957	–	Калинин
84	10.04.40	12	00	Осташков – Калинин	60	60	958	–	Калинин
84	10.04.40	12	00	Осташков – Калинин	59	59	959	–	Калинин
84	10.04.40	12	00	Осташков – Калинин	54	54	924	–	Калинин
				Итого:	233	233		–	
								Начальник конвоя Мурашов	
84	12.04.40	10	20	Осташков – Калинин	60	60	957	–	Калинин
84	12.04.40	10	20	Осташков – Калинин	60	60	958	–	Калинин
84	12.04.40	10	20	Осташков – Калинин	60	60	959	–	Калинин
84	12.04.40	10	20	Осташков – Калинин	60	60	924	–	Калинин
84	12.04.40	10	20	Осташков – Калинин	60	60	955	–	Калинин
				Итого:	300	300	–		
								Начальник конвоя Мурашов	
84	14.04.40	9	00	Осташков – Калинин	60	60	957	–	Калинин
84	14.04.40	9	00	Осташков – Калинин	60	60	958	–	Калинин
84	14.04.40	9	00	Осташков – Калинин	60	60	959	–	Калинин
84	14.04.40	9	00	Осташков – Калинин	60	60	924	–	Калинин
84	14.04.40	9	00	Осташков – Калинин	59	59	955	–	Калинин
				Итого:	299	299		–	
								Начальник конвоя Мурашов	
402	17.04.40	20	00	Осташков – Калинин	70	70	957	–	Калинин
402	17.04.40	20	00	Осташков – Калинин	70	70	958	–	Калинин
402	17.04.40	20	00	Осташков – Калинин	70	70	959	–	Калинин
402	17.04.40	20	00	Осташков – Калинин	70	70	924	–	Калинин
402	17.04.40	20	00	Осташков – Калинин	70	70	955	–	Калинин
				Итого:	350	350	–	–	
								Начальник конвоя Мурашов	

84	19.04.40	20	40	Осташков – Калинин	70	70	957	–	Калинин
84	19.04.40	20	40	Осташков – Калинин	66	66	958	–	Калинин
				Итого:	136	136	–	–	Калинин

Начальник конвоя Мурашов

402	22.04.40	20	00	Осташков – Калинин	60	60	957	–	Калинин
402	22.04.40	20	00	Осташков – Калинин	58	58	958	–	Калинин
402	22.04.40	20	00	Осташков – Калинин	58	58	959	–	Калинин
402	22.04.40	20	00	Осташков – Калинин	58	58	924	–	Калинин
402	22.04.40	20	00	Осташков – Калинин	58	58	3100	–	Калинин
				Итого:	292	292			

Начальник конвоя Мурашов

РГВА. Ф. 18444. Оп. 2. Д. 278. Л. 271 об. Подлинник. Рукопись. На бланке путевой ведомости.
«Катынь...». С. 568.

[1] См. также № 66. Это сводная ведомость этапов военнопленных из Осташкова, начальниками конвоев в которых был ст. лейтенант 236 конвойного полка Н.М. Мурашов.

№ 55

1940 г., апреля 22, Калинин. – Расписка Т.Ф. Качина о приеме 296 польских военнопленных от П.Ф. Дулебова

Расписка

От нач[альника] конвоя ст. лейтенанта тов. Дулебова принят этап заключенных в количестве двести девяносто шесть чел[овек]согласно списков[1].

Принял Т. Качин
22/IV-1940 г.
г. Калинин

РГВА. Ф. 18444. Оп. 2. Д. 278. Л. 158. Подлинник. Рукопись.
«Катынь...» С. 566

[1] См. №№ 55 и 66.

№ 56

1940 г., апреля 23, Калинин. – Донесение Д.С. Токарева В.Н. Меркулову об «исполнении 296»

№ 15947

Сов. секретно
Зам. наркома тов. Меркулову

22 апреля исполнен 296[1].

23.IV 40 г.

Токарев

ЦА ФСБ РФ. Ф. 3. Оп. 7. Пор. 649. Л. 935. Копия. На бланке шифротелеграммы.
«Катынь...». С. 567.

[1] См. № 55.

№ 57

1940 г., апреля 24, Калинин. — Донесение Д.С. Токарева В.Н. Меркулову об «исполнении 292»

№ 16204

Сов. секретно
Зам. наркома вну[тренних] дел
тов. Меркулову

23 апреля исполнен 292[1].

24.IV.

Токарев.

ЦА ФСБ РФ. Ф. 3. Оп. 7. Пор. 649. Л. 940. Копия. На бланке шифротелеграммы.
«Катынь...». С. 569.

[1] 22 апреля в 20 часов поездом № 402 были отправлены из Осташкова в Калинин 292 человека. На следующий день они были расстреляны.

№ 58

1940 г., апреля 25,[6)] Калинин. — Донесение Д.С. Токарева В.Н. Меркулову об «исполнении 195»

№ 16251

Сов. секретно
Зам. наркома
тов. Меркулову

[6)] Дата получения шифротелеграммы.

24 апреля исполнен 195[1]

[а)] 24.IV[а)] Токарев.

ЦА ФСБ РФ. Ф. 3. Оп. 7. Пор. 649. Л. 950. Копия. На бланке шифротелеграммы.
«Катынь...». С. 570.

[1] 23 апреля из Осташковского лагеря были отправлены 195 человек. 24 апреля Т.Ф. Качин расписался в приеме от конвоя тех же 195 человек (РГВА. Ф. 18444. Оп. 2. Д. 278. Л. 154).

№ 59

1940 г., апреля 25, Москва. — Служебная записка А.Я. Герцовского И.И. Хохлову о снятии с контроля и направлении на рассмотрение дел польских военнопленных по прилагаемому списку

№ 9/30-49-30

Служебная записка
Заместителю начальника Управления НКВД
по делам о военнопленных
лейтенанту госбезопасности
тов. Хохлову

Прошу снять с контрольного учета и представить на рассмотрение дела на военнопленных, содержащихся в лагерях НКВД СССР, согласно прилагаемого списка.

Приложение — список на 12 чел.[1]

Зам. нач[альника] 1-го спецотдела НКВД СССР
капитан госбезопасности
А. Герцовский

[Приложение]

Список
военнопленных, находящихся в лагерях НКВД СССР, [в)]дела
которых подлежат рассмотрению[в)]

[б)]1. Валицкий Витольд Александрович — Староб[ельский] лагерь.

[а-а)] Вставлено от руки.
[в-в)] Подчеркнуто от руки красным карандашом
[б)] На полях перед всеми номерами стоят галочки. После фамилий Бросса, Новаковского, Сикорского, Прокопа, Свободы, Яниша и Салацинского также стоят галочки.

2. Черницкий Ксаверий Эдуардович	—	Козельский лагерь.
3. Бросс Юльюш Эдуардович	—	Осташ[овский] лагерь.
4. Грабовский Владимир Иосифович	—	— „ —
5. Новаковский Витольд Эдмундович	—	— „ —
6. [a)]Сикорский Бронислав Станиславович[a)]	—	— „ —
7. Прокоп Францишек Матвеевич	—	— „ —
8. Свобода Ян Эдуардович	—	— „ —
9. Теодорович Алексей Александрович	—	— „ —
10. Яниш Александр Янович	—	— „ —
11. Яносик Франц Иосифович	—	— „ —
12. Салацинский Зигмунд Томашевич	—	— „ —

Зам нач[альника] 1-го спецотдела НКВД СССР
капитан госбезопасности
А. Герцовский

Помета в нижней части 1-го листа простым карандашом: «Дан ответ: о Грабовском и Новаковском, № 25/3499. 25/IV. Гоберман».

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 4е. Д. 13. Лл. 129—130. Подлинник.

[1] См. № 17, 51. Все фигурирующие в данном документе лица значились в списках 5-го отдела ГУГБ и по их запросу были поставлены на контрольный учет. После снятия с контроля их дела были переданы на рассмотрение «тройки». Контр-адмирал К. Черницкий, к моменту нападения Германии на Польшу являвшийся заместителем начальника штаба ВМФ, был отправлен на расстрел в соответствии с предписанием № 059/1, юрист В. Валицкий не был переведен в Юхновский лагерь и, следовательно, был расстрелян. Военнопленных из Осташковского лагеря, перечисленных в документе, за исключением Грабовского и Теодоровича, переведенных в Юхнов, П.К. Сопруненко 19 мая приказал отправить в УНКВД по Калининской области, то есть на расстрел (см. № 84).

№ 60

1940 г., апреля 26, Калинин. — Донесение Д.С. Токарева В.Н. Меркулову об «исполнении № 294»

№ 16363

Сов. секретно
Зам. наркома вну[тренних] дел
тов. Меркулову

[a-a)] Вставлено от руки.

25 апреля исполнен № 294[1].

26.IV. Токарев.

ЦА ФСБ РФ Ф. 3. Оп. 7. Пор. 649. Л. 958. Копия. На бланке шифротелеграммы.
«Катынь...». С. 571.

[1] 24 апреля в 20 часов 40 мин. поездом № 402 из Осташкова в Калинин были отправлены 294 человека. 25 апреля Т.Ф. Качин выдал расписку начальнику конвоя Н.М. Мурашову в приеме 294 человек. В этот же день они были расстреляны.

№ 61

1940 г., апреля 26, Козельск. — Донесение В.Н. Королева И.И. Хохлову об отправке в Юхновский лагерь 107 польских военнопленных.

№ 617 Сов. секретно
Лично

Заместителю начальника Управления НКВД СССР
по делам о военнопленных
лейтенанту госбезопасности
тов. Хохлову

Доношу — согласно Вашего распоряжения от 22 апреля 1940 г. за № 25/3434 26 апреля 1940 г. в двух вагонзаках отправлено в распоряжение начальника Юхновского лагеря НКВД 107 человек военнопленных офицерского и рядового состава по списку № 1 и 2[1].

Принял начальник конвоя — политрук 136-го конвойного батальона тов. Иванов.

Приложение: 1. Этапный список № 1 и 2 на «[а)]11[а)]» листах.
2. [б)]Акт[б)]
3. Учетных карточек «[а)]107[а)]» штук.

Начальник Козельского лагеря
ст. лейтенант госбезопасности
В. Королев

Начальник 2-го отделения
лейтенант Демидович

[а-а)] Вписано в строку от руки чернилами.
[б-б)] См. дело, л. 344. Другие приложения в деле отсутствуют.

Резолюции:
1. В верхней части листа красным карандашом: «Тов. Маклярский. Прошу проверить правильность списков. 27/IV. Х[охлов]».
2. На полях синим карандашом: «Тов. Родина. Проверьте. М[аклярский]. 18/IV-40 г.»
3. В нижней правой части красным карандашом: «Тов. Худякова.[2] В дело Козельско[го].»
Помета на полях красным карандашом: «Проверено. 28/IV-40 г. Ро[дина]».

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 2е. Д. 9. Л. 343. Подлинник. На бланке Управления Козельского лагеря НКВД СССР.

[1] См. № 51. 12 мая в Юхнов из Козельского лагеря были отправлены еще 91 человек. Военнопленные из Старобельского лагеря были отправлены в Юхнов 25 апреля и 12 мая. См. также №№ 79,81, 90, 92.
[2] Худякова Т.Н., см. «Катынь...». С. 452.

№ 62

1940 г., апреля 26, Осташков. — Политдонесение комиссара Осташковского лагеря И.А. Юрасова С.В. Нехорошеву о настроениях военнопленных перед отправкой из лагеря[1]

№ 301 Сов. секретно

Комиссару Управления НКВД по делам о военнопленных
полковому комиссару
тов. Нехорошеву

Настроение военнопленных продолжает быть хорошим, бодрым, большое желание уехать из лагеря; не совсем здоровые физически стараются показать себя, что они здоровы и никак не хотят оставаться в лагере; остающиеся завидуют уезжающим, хотя не знают, куда их отправляют; у них есть предположение, что едут домой потому, что если на работы (как говорят некоторые), то почему отправляют не совсем здоровых. Отправка проходит спокойно, организованно и никаких недоразумений нет.

Комиссар Осташковского лагеря
ст. политрук Юрасов

Резолюция на полях: «Тов. Воробьеву. 10.5.40 г. Нех[орошев].

РГВА. Ф. 3. Оп. 2. Д. 5. Л. 252. Подлинник. На бланке Управления Осташковского лагеря НКВД СССР.

[1] См. № 39, 53.

№ 63

1940 г., апреля 27, Москва. — Директива В.Н. Меркулова Д.С. Токареву о внесении исправлений в предписания на польских военнопленных

№ 037/П

Сов. секретно
Только лично

Начальнику УНКВД по Калининской области
майору государственной безопасности
тов. Токареву[1]
гор. Калинин

Внесите следующие исправления в предписания от 20 апреля 1940 г. [2]:

1) Предписание №-037/1 § 90 в отношении Урбанского Яна Эдвардовича[3], 1906 г.р. — вместо дела №-5629 считать №-5692.

2) Предписание №-037/2 § 98 в отношении Замойского Францишека Павловича[4], 1899 г.р. — вместо дела №-118 считать №-838.

3) Предписание №-037/4 § 20 в отношении Маляж[5] Станислава Юзефовича, 1901 г.р. — вместо дела №-3382 считать №-3282.

4) Предписание №-037/4 § 72 в отношении Мерника Юзефа Яновича[6], 1906 г.р. — вместо дела №-259 считать №-159.

5) Предписание №-038/3 § 80 в отношении Доляцинского Яна Францишковича, 1895 г.р. — вместо дела №-269 считать №-169.

6) Предписание №-038/4 § 30 в отношении Радецкого Людвига Яновича[7], 1903 г.р. — вместо дела №-1903 считать №-2333.

Заместитель народного комиссара внутренних дел СССР
комиссар государственной безопасности III ранга (Меркулов)
Верно: Киселев

Резолюция в левом верхнем углу: «Тов. Маклярский. Пр[ошу] сверить с предписанием, которое мы дали в Осташковский лагерь и доложить. 29/IV. Х[охлов]».
Помета на полях против п. 3: «По телефону было сказано «Малярж».

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 3е. Д. 3. Л. 348. Зав. копия.
«Катынь...». С. 572.

[1] Как следует из данного документа, наряду со списками-предписаниями на отправку из лагерей, которые подписывали П.К. Сопруненко или его заместитель И.И. Хохлов, начальникам УНКВД адресовались списки за подписью

В.Н. Меркулова за теми же номерами, с теми же фамилиями и даже с одинаковыми ошибками. Предписания Меркулова, направлявшиеся начальникам УНКВД Смоленской, Харьковской и Калининской областей, могли содержать лишь приказ о приведении приговоров «тройки» в исполнение — то есть о расстреле.

[2] 22 апреля П.Ф. Борисовец сообщил И.И. Хохлову, что номера следственных дел Я. Урбанского, Ф. Замойского, С. Маляжа, Ю. Мерника, Я. Доляцинского, Л. Радецкого, указанные в предписаниях, не совпадают с их данными, в связи с чем их отправка из лагеря задержана (РГВА. Ф. 1/п. Оп. 3е. Д. 3. Л. 347). 23 апреля отношения Борисовца были направлены в 1-й спецотдел для уточнения. 28 апреля Хохлов сообщил Борисовцу правильные номера дел на военнопленных, фигурировавших в данном документе, и указал: «Все они подлежат немедленной отправке в соответствии с направленными Вам предписаниями» (РГВА. Ф. 1/п. Оп. 4е. Д. 13). 28 апреля Меркулов направил новое распоряжение Д.С. Токареву о внесении исправлений в предписание за 22 апреля, где были спутаны номера следственных дел на 5 человек. На нем резолюция Хохлова: «Т. Маклярскому. Пр[ошу] сверить с нашими списками и доложить» (РГВА. Ф. 1/п. Оп. 3е. Д. 3. Л. 347).

[3] Урбанский Ян Эдвард (1906—1940), старший пострунковый полиции, посторунок Веружув, Виленского повята.

[4] Замойский Францишек (1899—1940), других данных нет.

[5] Маляж Станислав (1901—1940), полицейский, посторунок Ежове, повят Ниско. В списке-предписании № 037/4, п. 20 также значится Маляж Станислав, 1901 г.р., а не Малярж.

[6] Мерник Юзеф (1906—1940), служащий полиции в Новогрудке.

[7] Радецкий Людвиг (1903—1940), других данных нет.

№ 64

1940 г., апреля 27, Москва. — Служебная записка А.Я. Герцовского И.И. Хохлову о задержке этапирования польских военнопленных С. Свяневича и М. Ромма

№ 036-92

[а)]тов. Хохлову[а)]

Служебная записка

По распоряжению заместителя наркома внутренних дел Союза ССР тов. Меркулова прошу немедленно же дать распоряжение о задержке этапирования в гор. Смоленск [б)]Свяневича[б)] Станислава Станиславовича[1], содержаще-

[а-а)] Вписано от руки синим карандашом А.Я. Герцовским.
[б-б)] Подчеркнуто от руки красным карандашом.

гося в Козельском лагере и в гор. Калинин — [a)]Ромм Михаила[a)] Александровича[2], содержащегося в Осташковском лагере.

Заместитель начальника 1-го спецотдела НКВД
капитан госуд[арственной] безопасности
А. Герцовский

Пометы:
1. В правом верхнем углу синим карандашом: «Дела Ромма и Свяневича в 1-м спецотделе. М[аклярский]».
2. В верхней части листа синим карандашом: «Исполнено».

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 4е. Д. 13. Л. 133. Подлинник. Рукопись. На бланке служебной записки 1-го спецотдела НКВД СССР.

[1] См. № 65. С. Свяневич еще до получения распоряжения о задержке его этапирования был отправлен в распоряжение Смоленского УНКВД и доставлен на станцию Гнездово, ближайшую к Катынскому лесу. Однако он не был выведен из вагона вместе с другими польскими офицерами. После окончания разгрузки вагонов и отправки военнопленных к месту расстрела С.Свяневич в воронке был доставлен в тюрьму Смоленского УНКВД, которая была полностью освобождена от других заключенных. После майских праздников его отправили в Москву, во внутреннюю тюрьму НКВД СССР в распоряжение начальника 2-го отдела ГУГБ. Освобожденный после подписания советско-польского соглашения от 30 июля 1941 г., он в 1942 г. выехал в Иран, а затем в Лондон (см. С. Свяневич. В тени Катыни. Лондон, 1989).

[2] М.А. Ромм был включен в список № 051/2 п. 48 от 27 апреля. 28 апреля И.И. Хохлов направил П.Ф. Борисовцу шифровку с указанием: «Немедленно расшифровать». В ней говорилось: «[На] основании распоряжения зам. наркома тов. Меркулова военнопленного Роом [так в тексте — Сост.] Михаила Александровича, включенного [в] список для отправки [в] Калинин, никуда не отправлять без моего особого распоряжения. Исполнение донесите» (ЦА ФСБ РФ). М. Ромм был отправлен в Москву на Лубянку, откуда переведен в Юхновский лагерь, затем в Грязовец. Отказался выехать с Армией Андерса.

№ 65

1940 г., апреля 18, Москва. — Отношение А.Я. Герцовского И.И. Хохлову о направлении в распоряжение НКВД СССР польского военнопленного С. Свяневича, содержащегося в Козельском лагере

[a-a)] Подчеркнуто от руки синим карандашом.

№ 03692

Зам. начальника Управления НКВД СССР
по делам военнопленных
лейтенанту государственной безопасности
тов. Хохлову

По распоряжению народного комиссара внутренних дел Союза ССР тов. Берия прошу дать распоряжение об этапировании в гор. Москву во внутреннюю тюрьму НКВД СССР, в распоряжение 2-го отдела ГУГБ, военнопленного Свяневича Станислава Станиславовича, 1899 г.р. (дело № 4287), содержащегося в Козельском лагере[1].

О дне направления прошу поставить меня в известность.

Заместитель начальника
1-го спецотдела НКВД СССР
капитан государственной безопасности
А. Герцовский

Резолюция в левом верхнем углу простым карандашом: «Тов. Маклярский. Дайте указание. 28/IV-40 г. Х[охлов]».
Помета в правом верхнем углу синим карандашом: «Исполнено. Сообщено. М[аклярский]. 28.IV.40 г.»

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 1е. Д. 10. Л. 465. Подлинник. На бланке НКВД СССР. Катынская драма: Козельск, Старобельск, Осташков: судьба интернированных польских военнослужащих. М., 1991. С. 219.

[1] См. № 64. Аналогичный со С.Свяневичем случай был и в Старобельском лагере. Андрей Булгак, 1910 г.р., подпоручик запаса, был уже отправлен из Старобельского лагеря в Харьков в распоряжение начальника УНКВД, то есть на расстрел, но в последний момент был переадресован в Юхнов, куда и прибыл 16 мая (РГВА. Ф. 1/п. Оп. 2е. Д. 14. Л. 236).

№ 66

1940 г., позднее апреля 29[a)], Москва. — Сводка об отправке польских военнопленных из Осташковского лагеря с 6 по 29 апреля[1]

Осташков
6/IV отправлено 494 ч[ел.] (№ 22)
8/IV отправлено 349 ч[ел.] (№ 25)

[a)] Датируется по тексту

9/IV	отправлено	233	ч[ел.]	(№ 28)
10/IV	отправлено	290	ч[ел.]	(№ 28)
12/IV	отправлено	300	ч[ел.]	(№ 30)
13/IV	— „ —	300	„	(№ 30)
14/IV	— „ —	299	„	(№ 32)
16/IV	— „ —	346	„	(№ 34)
17/IV	— „ —	350	„	(№ 36)
18/IV	— „ —	345	„	(№ 39)
	б)— „ —	136	„	(№ 41)б)
21/IV	— „ —	296	„	(№ 43)
22/IV	— „ —	292	„	(№ 45)
23/IV	— „ —	195	„	(№ 47)
24/IV	— „ —	294	„	(№ 50)
25/IV	— „ —	290	„	(№ 53)
28/IV	— „ —	294	„	(№ 65)
29/IV	— „ —	188	„	(№ 66)
		в)5291в)		

Резолюция в верхней части листа: «К делу Осташк[овского] лагеря. Гоб[ерман]. 1/V-40».

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 2е. Д. 11. Л. 413. Подлинник. Рукопись. «Катынь...». С. 575.

1. Отправки из Осташковского лагеря продолжались и в следующие дни, о чем свидетельствуют и путевые ведомости, и расписки Т.Ф. Качина и донесения Д.С.Токарева В.Н. Меркулову (См. №№ 67, 75, 76, 78, 88, 90).

№ 67

1940 г., апреля 30, Калинин. — Донесение заместителя начальника УНКВД по Калининской области Табачникова В.Н. Меркулову об «исполнении 294»

№ 16971

Сов. секретно
Зам. наркома вну[тренних] дел
тов. Меркулову

29 апреля исполнено 294.[1]

30.IV. Табачников.

б-б) Дата отсутствует.

в-в) Это же количество отправленных польских военнопленных написано в скобках на полях справа.

ЦА ФСБ РФ. Ф. 3. Оп. 7. Пор. 649. Л. 993. Копия. На бланке шифротелеграммы.
«Катынь...». С. 576.

[1] 294 военнопленных были отправлены из Осташковского лагеря 28 апреля. В тот же день поездом № 402 в 20. 00 они были этапированы в Калинин, где 29 апреля Т.Ф. Качин принял их от начальника конвоя Н.М. Мурашова. В тот же день они были расстреляны.

№ 68

1940 г., мая 3, Москва. — Справка П.К. Сопруненко о прохождении дел на военнопленных в аппарате НКВД СССР

Сов. секретно

Справка
о прохождении дел[1]

1. Лагерям направлены списки на _____ 13682 чел.
   Из них: а) Козельскому лагерю на 4252 чел.
   б) Старобельскому " на 3750 "
   в) Осташковскому " на 5680 "
2. В 1-м спецотделе оставлены дела на _____ 154 чел.
   Из них: а) по Козельскому лагерю[а] _____
   б) по Старобельскому лагерю[а] _____
   в) по Осташковскому лагерю[а] _____
3. До особого распоряжения оставлены дела на _____ 609 чел.
   Из них: а) по Козельскому лагерю на 144 чел.
   б) по Старобельскому лагерю — 26 чел.
   в) по Осташковскому лагерю — 439 чел.
4. На исправлении в лагерях дел на _____ 29 чел.
   Из них: а) по Осташковскому лагерю на 15 чел.
   б) по Старобельскому лагерю — 14 чел.
   в) по Козельскому лагерю[а]
5. В Юхновский лагерь направлено _____ 200 чел.
6. В работе 49 чел.
7. Для доклада имеется дел на _____ 185 чел.[б]

Всего прошло дел на 14908 чел.[б]

[а] Количество не указано.
[б] Подчеркнуто двумя чертами.

Начальник Управления НКВД СССР
по делам о военнопленных
капитан госбезопасности
(Сопруненко)

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 01е. Д. 3. Л. 173. Копия.
«Катынь...» С. 577.

[1] См. также «Катынь...». С. 577. В более ранней справке о прохождении дел на контроль было поставлено («до распоряжения оставлено») несколько меньше дел (470). В то же время значительно больше дел было на исправлении в лагерях (403), «в работе» — 141, на машинке — 58, для доклада — 888. Всего ко времени составления более ранней справки прошло дел на 14846 человек (РГВА. Ф. 1/п. Оп. 01е. Д. 3. Л. 164).

№ 69

1940 г., мая 3, Козельск. — Донесение В.Н. Королева И.И. Хохлову о количестве польских военнопленных, отправленных из Козельского лагеря в апреле 1940 г. и оставшихся в лагере

№ 648

Сов. секретно
Лично

Заместителю начальника Управления НКВД СССР
по делам о военнопленных
лейтенанту госбезопасности тов. Хохлову

Доношу — за время с 3 апреля по 28 апреля 1940 г. отправлено согласно списков в Смоленск 4235 человек. Получено списков на отправку на 4252 человека[1].

Не отправлено согласно списков 17 человек. Из них военнопленные: Волковицкий[2] (список № 015/2, порядковый № 8) и Синицкий[3] (список № 017/2, порядковый № 58) оставлены Зарубиным и отправлены согласно Вашего списка при № 25/3434 в Юхновский лагерь.

[а)]Военнопленный Чиж[4] (список № 29/5, порядковый № 24) не отправлен согласно Вашего распоряжения № 25/3568.[а)]

[б)]Военнопленный Липский[5] (список № 36/4, порядковый № 69) не отправлен согласно Вашего распоряжения № 25/3273.[б)]

[а-а)] На полях поставлен вопросительный знак красным карандашом. По тексту имеется надпись простым карандашом: «Отправлен по наряду».

[б-б)] На полях знак вопроса и буква «Ю». По тексту надпись простым карандашом: «Отправлен в Смоленск».

в)Военнопленный Манн[6] (список № 015/1, порядковый № 74) не отправлен как немец по Вашему запросу.в)

г)Военнопленный Макарчинский[7] (список № 014, порядковый № 55) находится в Москве во 2-м отделе. Отправлен 30 марта 1940 г.г)

Военнопленный Шульц[8] (список № 015/1, порядковый № 68) внесен ошибочно. Находится в Старобельском лагере.

Военнопленный Мунк[9] (список № 36/2, порядковый № 56) — умер 26 апреля 1940 г.

д)Военнопленные Косткевич[10] (список № 52/3, порядковый № 94) и Абрамович (список № 52/3, порядковый № 95) — находятся в Смоленской психиатрической больницед).

Военнопленные е)Петрович, Радзишевский, Граничныйе)[11] (список без номера от 2 апреля 1940 г., порядковые номера 76, 77, 78)[12] — находятся в Смоленске. Отправлены нами еще 9 марта 1940 г. согласно Вашего распоряжения.

4 человека — в[оенно]п[ленные] ж)Бурчинский(ж) (список без номера от 1 апреля, порядковый № 96 и список № 017/1, порядковый № 70), ж)Петровский(ж) (список № 36/4, порядковый № 10 и список № 022, порядковый № 93), Кардашевич (список № 052/3, порядковый № 100 и 96), Цибульский (список № 052/3, порядковый № 98 и 102) — включены в список второй раз.

Кроме того, отправлено согласно Вашего списка при № 25/3434 в Юхновский лагерь ж)107(ж) человек.

Итого отправлено 4342 человека. Налицо в лагере на 29 апреля 1940 г. — 265 человек. Прибыло 29 апреля 1940 г. из Ровенского лагеря 5 человек.

Всего налицо на 30 апреля 1940 г. — б)270 человекб).

Начальник лагеря
ст. лейтенант госбезопасности
В. Королев

Резолюции на 1-м листе:

1. По тексту документа красным карандашом: «Тов. Маклярскому. Разобраться. П. Сопруненко».
2. В верхней части чернилами: «Тов. Худякова. К делу лагеря. Ма[клярский]».

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 2е. Д. 9. Л. 351—352. Подлинник. На бланке Управления Козельского лагеря НКВД СССР.

в-в) На полях слово «нем[ец]» и знак вопроса. По тексту надпись «Смоленск».

г-г) На полях галочки и знак вопроса. По тексту надпись красным карандашом: «Во внутр[ен-ней][тюрьме]. Москва».

д-д) По тексту надпись красным карандашом: «Отправ[лен]».

е-е) Подчеркнуто красным карандашом. На полях надпись: «Отправ[лены]».

ж-ж) Подчеркнуто красным карандашом.

б-б) Взято в круг простым карандашом.

[1] См. № 79.

[2] Генерал Е. Волковицкий фигурировал в списке 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР (см. № 17).

[3] О капитане С. Сеницком 5-й отдел писал в 1-й спецотдел 7 апреля (см. № 30).

[4] Полковник Генрик Чиж был включен в список на отправку в Юхновский лагерь. Документ № 25/3568 — это список военнопленных, подлежавших отправке в Юхновский лагерь. Семью Чижа было приказано не депортировать.

[5] Мариан Липский (1896—1940), капитан пехоты, позднее все же был отправлен в УНКВД по Смоленской области, то есть на расстрел.

[6] Александр Манн (1907—1940), химик, в Юхновский лагерь не был переведен, следовательно, был расстрелян. Помета около его имени «Смоленск» также подтверждает это предположение.

[7] Януш Макарчинский см. № 47, 79.

[8] Здислав Шульц, см. № 47, 79.

[9] Артур Мунк (1898—1940), других сведений не имеется.

[10] По всей видимости (см. примечание к № 51), Викентий Косткевич, 1901 г.р., и Антон Абрамович, 1897 г.р., были отправлены из Смоленской психиатрической больницы в Осташковский лагерь.

[11] Евгений Петрович (1907—1940), капитан КОП и Юзеф Граничный (1897—1940), капитан морского флота, были отправлены по распоряжению П.К. Сопруненко от 7 марта в распоряжение УНКВД по Смоленской области и впоследствии расстреляны.

[12] См. № 20.

№ 70

1940 г., мая 4, Москва. — Распоряжение по прямому проводу П.К. Сопруненко начальникам Осташковского, Козельского и Старобельского лагерей о срочном направлении в УПВ сведений о количестве польских военнопленных в лагере

Сов. секретно

Записка [по] проводу
Осташков, Калининской. Лагерь НКВД — Борисовец
Козельск, Смоленской. Лагерь НКВД — Королеву
Старобельск, Ворошиловградской. Лагерь НКВД — Бережкову

Срочно телеграфьте наличие военнопленных [в] лагере по состоянию на 3 мая[1]. № 25/3656.

Сопруненко.

Виза Худяковой в нижней части листа.

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 2е. Д.10. Л. 208. Отпуск.

[1] На основе данных, сообщенных начальниками трех лагерей, вскоре была составлена сводка о наличии военнопленных в Козельском, Осташковском и Старобельском лагерях (см. № 71).

№ 71

1940 г., не ранее мая 5, Москва. — Сводка П.К. Сопруненко о наличии польских военнопленных в спецлагерях для военнопленных по состоянию на 5 мая 1940 г.

Сов. секретно

Сводка
о наличии военнопленных в лагерях НКВД
по состоянию на 5 мая 1940 г.[1]

1. Старобельский лагерь	—	[в] лагере содержится	88 чел.
2. Козельский лагерь	—	в лагере содержится	270 чел.
3. Осташковский лагерь	—	в лагере содержится	707 чел.
Всего содержится в этих лагерях			1065 чел.

Начальник Управления НКВД СССР
по делам о военнопленных
капитан госбезопасности (Сопруненко)

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 01е. Д. 3. Л. 175. Копия.

[1] См. № 70.

№ 72

1940 г., мая 9, Москва. — Распоряжение по прямому проводу П.К. Сопруненко руководителю бригады УПВ НКВД СССР Г.И. Антонову об этапировании 2000 польских военнопленных, находящихся на работах в Криворожском бассейне, на строительство № 1 НКВД СССР.

Сов. секретно

Записка [по] проводу

Кривой Рог.
Лагерь НКВД — Антонову

[Из] числа военнопленных, находящихся [на] работах [в] Криворожском бассейне, отправьте [на] строительство НКВД № 1 2000 человек военнопленных — жителей территории западных областей УССР, БССР[1]. [На] каждый эшелон выделите начальника эшелона, политрука, завхоза. [В] зависимости [от] обеспеченности лагеря каждый военнопленный должен быть обеспечен постельными принадлежностями, одной парой белья, обувью. [На] дорогу выдайте начальнику эшелона сухой паек [из] расчета [на] 5 дней по норме [на] одного человека [в] день: [в] граммах — хлеба ржаного — тысяча, сахара — пятьдесят, чая — два, сельдей — двести пятьдесят, махорки — одну пачку [на] весь путь, спичек — две коробки. На случай задержки [в] пути выдайте начальнику эшелона под отчет 9 руб. [на] военнопленного для оплаты питания [в] пути. Перед отправкой произведите тщательную а)санотборку[а)] [с] пропуском вещей, постельных принадлежностей через дезкамеру. Произведите медицинский осмотр этапируемых для установления возможности следования в этап по состоянию здоровья. Температурящих и больных острыми заболеваниями в этап не включать. Для сопровождения эшелонов до пункта назначения выделите медперсонал [из] расчета от 500 до 1000 военнопленных два фельдшера, свыше тысячи — одного врача [и] двух фельдшеров. Санслужбой лагеря выдается санитарная путевка [с] характеристикой санитарного состояния этапируемых и об отсутствии [в] лагере эпидемических заболеваний. Немедленно сообщите сколько [и на] какую станцию надо подать вагонов, [а] также станции формирования эшелонов. № 25/3806.

Сопруненко.

Копия верна: секретарь Баш[лыков].

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 2е. Д.8. Лл. 290—291. Зав. копия.

[1] См. № 73. В мае 1940 г. в криворожских и елено-каракубских лагерях находилось 10042 человека. Из них 2000 наиболее лояльно относившихся к советской власти и хорошо зарекомендовавших себя на работе уроженцев западных областей УССР и БССР было решено перевести в Ровенский лагерь, остальных — в Северный железнодорожный лагерь ГУЛАГа. Приказ о реорганизации лагерей Наркомчермета был отдан еще 6 марта. Он предусматривал передачу их в полное подчинение НКВД СССР и возможность перевода военнопленных из Кривого Рога и Донбасса. В связи с этим уже 29 марта был составлен план отправки военнопленных, но без указания конкретных чисел (РГВА. Ф.1/п. Оп. 2е. Д. 8. Лл. 311—314). В итоге, видимо, было решено сначала завершить расстрельную операцию, а затем уже приступать к отправке военнопленных в Севжелдорлаг. 13 мая руководитель бригады УПВ Г.И. Антонов подписал инструкцию начальникам и политрукам эшелонов, в кото-

а-а) Так в документе, имеется в виду санобработка.

рых должны были этапировать военнопленных. 19 мая был отправлен поезд с 1000 военнопленных в Грудек, 21 мая с 1007 военнопленными на ст. Ровно (РГВА. Ф. 1/п. Оп. 2е. Д.8. Лл. 247–248, 315).

№ 73

1940 г., мая 10, Москва. — Распоряжения по прямому проводу зам. наркома внутренних дел комдива В.В. Чернышова Г.И. Антонову об этапировании польских военнопленных, находящихся на работах в Криворожском бассейне, в Северный железнодорожный лагерь

Сов. секретно

Записка [по] проводу

Кривой Рог. Лагерь НКВД
Антонову

Кроме 2000 человек, отправляемых [на] строительство НКВД № 1, всех остальных военнопленных, находящихся [в] лагерях Дзержинскруда, Октябрьруда, Ленинруда, Никополь-Марганец, отправьте [на] станцию Котлас, [в] адрес Севжелдорлага НКВД[1].

[Для] руководства отправкой выезжает зам[еститель] нач[альника] Управления НКВД [по делам] военнопленных Хохлов.

[На] каждый эшелон выделите начальника эшелона, политрука, завхоза. Хозобслугу укомплектуйте [из] числа проверенных военнопленных.

Эшелон обеспечьте необходимым хозяйственным инвентарем, [а] также походными кухнями для организации питания [в] пути горячей пищей и дайте пятнадцатидневный запас продовольствия.

Питание [в] пути горячей пищей производить [по] нормам военнопленных рядового состава.

[В] зависимости [от] наличия [в] лагере обеспечить каждого военнопленного постельными принадлежностями, парой белья, ботинками. После обеспечения их все оставшееся [в] лагере вещевое довольствие, постельные принадлежности, хозинвентарь, [a)]а также продовольствие[a)] отправьте вместе [с] эшелоном.

На весь отправляемый инвентарь, продовольствие, вещевое довольствие составить подробный акт, сдав под расписку начальнику эшелона.

Перед отправкой произведите тщательную санобработку [с] пропуском вещей, постельных принадлежностей через дезкамеру.

Произведите медицинский осмотр этапируемых для установления возможности следования этапа по состоянию здоровья.

Температурящих и больных острыми заболеваниями [в] этап не включать.

[a-a)] Вписано от руки чернилами над строкой.

При численном составе эшелона тысячу и выше человек оборудовать санвагон — изолятор.

Для сопровождения эшелона до пункта назначения выделить медперсонал из расчета до 500 человек одного фельдшера, от 500 до 1000 человек двух фельдшеров, свыше 1000 — одного врача [и] двух фельдшеров.

Санслужбой лагеря-отправителя выдается санитарная путевка [с] характеристикой санитарного состояния этапируемых и об отсутствии [в] лагере эпидемических заболеваний.

Вручите по описи начальнику эшелона все учетные дела на отправляемых военнопленных, вложив в них карточку формы 3, [а] также, [у] кого имеются, фотокарточки.

Эшелонные списки составлять [в] строгом соответствии [с] инструкцией. После отправки донесите сколько отправили, отдельно — рядовых [и] младшего начсостава.

Немедленно сообщите, [на] какую станцию надо подать вагоны, также станции формирования эшелонов. № 27/3976.

Чернышов

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 2е. Д. 8. Лл. 293—294. Отпуск.
«Катынь...». С. 578.

[1] См. № 72. Первые шесть эшелонов до станции Котлас были отправлены 20 мая (1086 чел.), 22 мая (1104 чел.), 23 мая (1003 чел.) и 24 мая (1313 чел.) (РГВА. Ф. 1/п. Оп. 2е. Д. 8. Л. 315). 31 военнопленный из бывших наркомчерметовских лагерей, немцев по национальности, были отправлены в соответствии с распоряжением В.Н. Меркулова в Брест для передачи германским властям (РГВА. Ф. 1/п. Оп. 4е. Д. 11. Л. 57).

№ 74

1940 г., мая 11, Москва. — Предписание П.К. Сопруненко А.Г. Бережкову о направлении польского военнопленного Рунца А.М.[1] в распоряжение УНКВД по Харьковской области

№ 049/3

Сов. секретно
Только лично

Начальнику Старобельского лагеря военнопленных
капитану государственной безопасности
тов. Бережкову
гор. Старобельск

С получением сего немедленно направьте в гор. Харьков в распоряжение

начальника УНКВД по Харьковской области военнопленного Рунца Адольфа Матвеевича, 1890 г.р., дело № 1135.

Начальник Управления НКВД СССР
по делам военнопленных
капитан госбезопасности
П. Сопруненко

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 1е. Д. 10. Л. 550. Подлинник.

[1] Рунц Адольф (1890—1940), майор пехоты в отставке, офицерские кадры Люблинского округа, числился за ГКПЛС. 12 мая отправлен из лагеря в Харьков на расстрел. В Старобельском списке значился под № 2871. Это предписание — единственное, которое сохранилось по Старобельскому лагерю.

№ 75

1940 г., мая 11, Осташков. — Донесение П.Ф. Борисовца Д.С. Токареву «об исполнении 208»

№ 18234

Справка

Из Осташковского [лагеря].
Калинин. Тов. Токареву

10 мая исполнено 208.[1] Борисовец.

Виза Т. Худяковой в нижней части листа[а)].

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 2е. Д. 11. Л. 377. Зав. копия. Рукопись. На бланке УПВ НКВД СССР.

[1] Это значило, что из Осташковского лагеря 10 мая были отправлены 208 человек. Путевая ведомость (см. № 78) также подтверждает, что 208 человек были отправлены поездом № 402 10 мая в 20. 00. На следующий день Т.Ф.Качин принял от конвоя столько же людей (см. № 76). 13 мая П.Ф. Борисовец сообщил Д.С. Токареву, что 11 мая исполнено 198 (РГВА. Ф. 1/п. Оп. 2е. Д. 11. Л. 378).

№ 76

1940 г., мая 11, Калинин. — Расписка Т.Ф. Качина о приеме этапа польских военнопленных от начальника конвоя мл. лейтенанта Шавлова

[а)]) Вероятно, текст донесения принят Т. Худяковой по телефону.

Расписка

От нач[альника] конвоя мл. лейтенанта тов. Шавлова принят этап заключенных в количестве двести восемь (208) человек[1].

Принял Т. Качин

11/V 1940 г.
г. Калинин

РГВА. Ф. 18444. Оп. 2. Д. 278. Л. 273. Подлинник. Рукопись.

[1] См. № 75, 78. 14 мая Т.Ф. Качин выдал расписку начальнику конвоя Н.М. Мурашову о приеме от него этапа в 10 человек.

№ 77

1940 г., мая 11, Осташков. — Акт приема в Осташковский лагерь польских военнопленных, прибывших из Криворожского лагеря

Акт
1940 г., мая 11-го дня

Мы, нижеподписавшиеся, начальник 2-го отделения Осташковского лагеря Мащев П.П., инспектор 2-го отделения Галкин и дежурный комендант лагеря Борисов составили настоящий акт в том, что сего числа из Криворожского лагеря поступили в[оенно]пленные в количестве 18 чел. (восемнадцать челов[ек]) с учетными делами, на основании распоряжения Управления НКВД СССР по делам в[оенно]пленных от 5/IV-40 г. за № 25/3107.[1]

Прием и составление акта произведено в отсутствии конвоя.

На что и составлен настоящий акт.

Начальник 2-го отделения Мащев
Инспектор Галкин
Дежурный комендант Борисов

Резолюция в левом верхнем углу: «Тов. Худякова. М[аклярский]».

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 2е. Д. 11. Л. 380. Подлинник.

[1] См. № 48. В распоряжении П.К. Сопруненко от 5 апреля № 25/3107 предписывалось срочно этапировать в Осташковский лагерь из Кривого Рога двух кадровых полицейских, четырех тюремных работников, трех охранников «концлагерей», пяти членов по-

литических партий, трех осадников — всего 17 военнопленных (РГВА. Ф. 1/п. Оп. 2е. Д. 8. Л. 270). 23 апреля комиссар лагеря «Дзержинскруда» Ревякин сообщил в УПВ, что распоряжение от 5 апреля они не смогли выполнить из-за отсутствия конвоя. 23 апреля надлежало этапировать из лагеря уже 30 военнопленных (Там же. Л. 278).

К этому времени Криворожский лагерь официально был разделен на 4 самостоятельных лагеря. См. примечание 2 к № 34.

№ 78

1940 г., не ранее мая 13[а)], Калинин. — Сводная путевая ведомость по сопровождению лишенных свободы польских военнопленных по маршруту Осташков — Калинин за период с 24 апреля по 13 мая[1]

№№ поезда или название парохода	Месяц, число	Время прибытия часы	мин.	Наименование пунктов приема и сдачи (заполняется в штабе)	В передний путь: Принято	Сдано	№№ вагонов	Не сдано – провезено	Куда следовали лишенные свободы (заполняется в штабе)
402	24.04.40	20	00	Осташков – Калинин	60	60	957	–	Калинин
402	24.04.40	20	00	Осташков – Калинин	60	60	959	–	Калинин
402	24.04.40	20	00	Осташков – Калинин	58	58	924	–	Калинин
402	24.04.40	20	00	Осташков – Калинин	57	57	958	–	Калинин
402	24.04.40	20	00	Осташков – Калинин	59	59	955	–	Калинин
				Итого:	294	294			
402	28.04.40	20	00	Осташков – Калинин	60	60	957	–	Калинин
402	28.04.40	20	00	Осташков – Калинин	60	60	959	–	Калинин
402	28.04.40	20	00	Осташков – Кали[нин]	а)58	60[а)]	924	–	Калинин
402	28.04.40	20	00	Осташков – Кали[нин]	а)58	59[а)]	958	–	Калинин
402	28.04.40	20	00	Осташков – Кали[нин]	58	58	955	–	Калинин
				Итого:	294	294			
402	7.05.40	20	00	Осташков – Кали[нин]	59	59	957	–	Калинин
402	7.05.40	20	00	Осташков – Кали[нин]	70	70	958	–	Калинин
402	7.05.40	20	00	Осташков – Кали[нин]	50	50	524	–	Калинин
				Итого:	179	179			
									Нач[альник] конвоя
402	10.05.40	20	00	Осташков – Калинин	69	69	959	–	Калинин
402	10.05.40	20	00	Осташков – Калинин	69	69	924	–	Калинин
402	10.05.40	20	00	Осташков – Калинин	70	70	955	–	Калинин
				Итого:	208	208			
									Нач[альник] конвоя

[а-а)] Так в документе. Видимо, во второй колонке допущены описки, поскольку суммарное число соответствует данным первой колонки.

402	11.05.40	20	00	Осташков – Кали[нин]	64	64	957	–	Калинин
402	11.05.40	20	00	Осташков – Кали[нин]	68	68	958	–	Калинин
402	11.05.40	20	00	Осташков – Кали[нин]	66	66	519	–	Калинин
				Итого:	198	198			
								Нач[альник] конвоя	
402	13.05.40	20	00	Осташков – Кали[нин]	10	10	519	–	Калинин
				Итого:	10	10			
								Нач[альник] конвоя	

РГВА. Ф. 18444. Оп. 2. Д. 278. Л. 272 об. Подлинник. Рукопись. На бланке путевой ведомости.
«Катынь...». С. 584.

[1] См. № 54.

№ 79

1940 г., мая 14, [Козельск]. — Справка В.Н. Королева о количестве поступивших из УПВ нарядов на отправку и отправленных из Козельского лагеря польских военнопленных по спискам НКВД СССР[1]

Сов. секретно

Справка

М[есяц]ц и число	Номера списков	Количество	Месяц и число	Количество	Примечание
	Поступило			Отправлено	
3/IV	Без номера от 1 и 2 апреля	692	3/IV 4/IV 5/IV	74 323 282	
6/IV	014, – 015/1, – 015/2, – 017/1, – 017/2, – 017/3	580	7/IV 8/IV 9/IV	91 267 212	
10/IV	022/1, – 022/2, – 022/3, – 025/1, 025/2, – 025/3.	597	11/IV 12/IV	394 194	
15/IV	029/1, – 029/2, – 02 9/3, – 029/4, – 029/5, – 032/1, – 032/2,–032/3, – 032/4.	891	15/IV 16/IV 17/IV	148 439 295	
18/IV	035/1, –035/2, – 035/3, – 035/4, 036/1, –036/2, – 036/3, – 036/4.	785	19/IV 20/IV 21/IV	304 342 155	

21/IV	040/1, – 040/2, 040/3.	300	22/IV	304	
25/IV	25/3434	107	26/IV	107	Юхнов
28/IV	052/1,– 052/2, – 052/3 – 052/4.	407	28/IV	411	
7/V	054/3.	54	10/V	70	
10/V	059/1.	113	11/V	98	
10/V	053/III.	1	11/V	1	В Москву
11/V	25/3854 - 25/3856	93	12/V	91	Юхнов

Итого поступило	— 4620	Итого отправлено	— 4602
Из них:		Из них:	
А. Юхнов	— 200	Юхнов	— 198
Б. Москву	— 1	Москву	— 1
В. По спискам	— 4419	По спискам	— [a)]4403[a)]

Начальник лагеря
ст. лейтенант госбезопасности
В. Королев

Резолюции:
1. В левом верхнем углу 1-го листа по тексту: «тов. Мак[лярский]. П. Сопруненко».
2. На правом поле 1-го листа: «тов. Худякова. К делу лагеря. М[аклярский]».

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 2е. Д. 9. Лл. 363—364. Подлинник.
«Катынь...». С. 580—581.

[1] См. № 90. В деле имеется и список лиц, не отправленных по тем или иным причинам в Юхновский лагерь и в распоряжение УНКВД по Смоленской области. В Юхновский лагерь не были отправлены Жук Константин Осипович, не содержавшийся в Козельском лагере, но фигурировавший в списке № 25/3854, п. 31 и Мадай Тадеуш Иванович, 1911 г.р., сержант-подхорунжий запаса, лесной техник в г. Воложны Новогрудского воеводства, который не был мобилизован в армию. Он перенес операцию и 17 мая скончался (РГВА. Ф. 1/п. Оп. 2е. Д. 9. Лл. 406—407). По распоряжению УПВ в УНКВД по Смоленской области не были отконвоированы генерал Ежи Волковицкий, фигурировавший в списке-предписании № 015, п. 8; капитан запаса Стефан Сеницкий (список № 017, п. 58); кадровый подхорунжий, командир отделения, до мобилизации ученик гимназии Виль-

[a-a)] Подчеркнуто от руки красным карандашом.

гельм Дерн (список № 059/1, п. 47). Все трое были отправлены в Юхновский, а затем в Грязовецкий лагерь (см. также № 82). Не был отправлен в Смоленск и тяжелобольной, скончавшийся 26 апреля Мунк Артур Осипович (список № 036/2, п. 56 от 16 апреля), а также Викентий Косткевич, 1901 г.р., и Антон Абрамович, 1897 г.р., находившиеся в Смоленской психиатрической больнице. Не исключено, что именно они 27 апреля были доставлены в Осташковский лагерь (см. примечание к № 51). Не были отправлены как ранее переведенные из лагеря Януш Макарчинский (см. №№ 47, 69), Юльян Вонсовский, направленный 9 марта в Осташковский лагерь, Евгений Пеотрович, Леонард Радзишевский, Юзеф Граничный, отправленные 9 марта в УНКВД по Смоленской области в соответствии с директивой В.Н. Меркулова от 22 февраля 1940 г. По ошибке был включен в предписания Козельскому лагерю Здислав Шульц, содержавшийся в Старобельском лагере (см. №№47, 69). На двух военнопленных наряд был дан дважды — на Е. Бурдзинского и Евгения Пеотровского. Ю. Вонсовский (1880—1940), инженер-строитель, работавший с 1922 г. до своего ареста 23 сентября 1939 г. начальником дорожного отделения Луцкого воеводства, окончил Киевский институт, имел жену, в партиях не состоял (РГВА. Ф.1/п. Оп. 2е. Д. 11. Л. 388). Он был отправлен в Калинин на расстрел по предписанию № 062/2, п. 51 от 19 мая.

№80

1940 г., мая 17, Осташков. — Справка П.Ф. Борисовца об отправке в УНКВД по Калининской области польских военнопленных и количестве оставшихся в лагере с приложением[1]

а) Сов. секретно[а)]

Справка
Осташковского лагеря-распределителя
НКВД СССР по делам военнопленных

1. Дан наряд для отправления в УНКВД по Калининской области на [б)]6263[б)] человека[2].

Этапировано в УНКВД — [б)]6229[б)]. Задержано по разным причинам — [б)]35[б)] человек:

а) ошибочно дан наряд центром [на] 4 человека,

б) тоже [в)]на 2 человека[в)], [г)]которые выясняются[г)]

в) одно лицо вторично дано нарядом (1),

г) ранее отправлено в другие города (2) чел.,

д) задержано по распоряжению центра 9 человек,

[а-а)] Вписано от руки.

[б-б)] Взято в круг красным карандашом.

[в-в)] Подчеркнуто от руки красным карандашом.

[г-г)] Зачеркнуто от руки чернилами. На правом поле напротив п. «а» и «б» помета: «В лагере нет»; напротив п. «в» написано от руки «Чехович» — фамилия военнопленного, на которого наряд был дан дважды.

е) умерло подлежащих отправке в)16 человек в).

2. Наряд на отправку [в] Юхновский лагерь — в)99 человек в). Отправлено б)98 б).

в)Задержан один, как ранее отправленный в УНКВД по К[алининскому] О[кругу].

3. Осталось в лагере — б)73 б) человека в).

Начальник Осташковского лагеря
майор Борисовец

[Приложение]

Список
в[оенно]пленных, не отправленных по предписаниям по разным причинам

№№ п/п	№№ предписан[ий]	Пор[ядковый] № пред[писания]	Фамилия, имя, отчество	Год рожд[ения]	№ след[ственного] дела	Основание
			Ошибочно внесены в список к отправке[3]:			
1.	012/3	66	Коборовский Владимир Павлович	1913	4215	Телеграмма от 27.IV. [№] 49568
2.	044/3	48	Равский Юзеф Марьянович	1895	3977	Пред[писание] Упр[авления] по делам в/п 28.IV [№] 25/358
3.	051/1	1	Василевский Ромуальд Казимирович	1908	2746	Телеграмма от 30.IV. [№] 49573
4.	050/2	1	Гайслер Гиполит Юзефович	1886	1611	Телеграмма от 30.IV [№] 49573
			Нет в лагере:			
5.	054/	2	Журавский Игнатий Игнатьевич	1903	4903	Выясняется
6.	054/1	2	Райперт Владимир Владимирович	1885	3700	— " —
			Вторично дан наряд			
6а.	050/1	44	Чехович Станислав Владиславович[4]	1899	5132	Первый наряд от 4.IV [№] 05/3, пор[ядковый]. № 68

б-б) Взято в круг красным карандашом.

в-в) Подчеркнуто от руки красным карандашом.

Ранее отправлены

7.	026/2	21	Скальский Януш Юзефович[5]	1893	5930	00 ГУГБ КВО
8.	033/2	46	[а)]Пжемпа Бронислав Шиманович	1901	5780	[а)]Чернигово[а)]

Оставлены до особого распоряжения[7]:

9.	027/3	58	Вишневский Казимир Томашевич	1901	213	Пред[писание] Упр[авления] по делам в/п от 7/IV. № 25/316
10.[б)]	051/2	48	Ромм Михаил Александрович	1893	8753	Телеграмма[б)] УНКВД по КО 27.IV
11.	058/4	37	Бросс Юльян Эдвардович	1896	7082/227	Телеграмма Упр[авления] по делам военнопленных
12.	058/1	56	Прокоп Франц Матвеевич	1887	5827	— " —
13.	058/1	51	Салацинский Сигизмунд Томашевич	1894	3640	— " —
14.	058/1	54	Сикорский Бронислав Станиславович	1897	5842	— " —
15.	058/1	55	Свобода Ян Эдвардович	1895	5847	— " —
16.	058/1	52	Яниш Александр Янович	1896	5828	— " —
17.	058/1	53	Яносик Франц Иосифович	1894	3407	— " —
[в)]18	05/1	96	Новаковский Витольд Эдмундович	1898	–	— " —[в)]

[а-а)] Подчеркнуто от руки красным карандашом. № дела и порядковый взяты в круги.

[б-б)] Зачеркнуто от руки чернилами и вписано в соответствующие графы: «05/4 45 Сосна Винцентий Якубович 1893 Список». (№ дела отсутствует).

[в-в)] Вписано от руки простым карандашом.

Начальник Осташковского лагеря НКВД
майор [а)]Борисовец[а)]
Начальник о[собого] о[тделения] НКВД
ст. лейт. госбезопасности [а)](Корытов)[а)]

Список
военнопленных, не отправленных по предписаниям за смертью[8]

№№ п/п	№№ предписан[ий]	Пор[ядковый] № пред[писания]	Фамилия, имя, отчество	Год рожд[ения]	№ след[ственного] дела
1.	012/1	101	Гибчинский Станислав Михайлович	1894	3828
2.	023/4	38	Фельценлабен Франц Феликсович	1898	5098
3.	026/3	23	Тормаз Люциан Юзефович	1888	986
4.	027/3	66	Висницкий Вацлав Юльянович	1895	1536
5.	033/3	39	Глит Болеслав Шиманович	1897	1935
6.	037/3	69	Будзинский Франц Иосифович	1890	4289
7.	037/1	69	Грудневский Станислав Людвигович	1893	135
8.	037/3	36	Гранос Ян Степанович	1898	5355
9.	045/2	87	Ковалец Эдвард Игнатьевич	1905	1700
10.	[в)]150/1[в)]	96	Петрушка Юзеф Габриелевич	1898	423
11	050/2	52	Байер Валентин Вильгельмович	1886	7769/6084

[а-а)] П.Ф.Борисовец расписался зеленым карандашом посреди листа после обозначенных на машинке подписей. Подпись Корытова отсутствует.

[в-в)] Так в документе, правильно — 050/1.

12.	054/2	34	Мельчарек Станислав Павлович	1899	2422
13.	012/1	81	Пещак Антон Казимирович	1903	790
14.	037/2	74	Долятовский Адам Антонович	1895	2596
15.	044/1	71	Разняк Станислав Станиславович	1892	3689
16.	088/3	47	Спадло Антон Николаевич	1888	4335

Начальник Осташковского лагеря НКВД
майор
[а)]Борисовец[а)]
Начальник сан[итарной] части лагеря
(Тонкаль)
Начальник о[собого] о[тделения] НКВД
ст. лейт[енант] госбезопасности
[б)](Крытов)[б)]

Резолюции:

1. В верхней части 1-го листа по тексту красным карандашом: «Тов. Мак[лярский]. П. Сопруненко».
2. В правом нижнем углу 1-го листа чернилами: «Тов. Худякова. К делу лагеря. М[аклярский]».

Резолюция в правом верхнем углу 2-го листа: «Тов. Худякова. В дело Осташковского лагеря. М[аклярский]. 19/V-40 г.».

РГВА. Ф.1/п. Оп. 2е. Д. 11. Л. 396—396 об. Подлинник.
«Катынь...». С. 585 (без приложения).

[1] См. также №№ 83, 84, 88, 90.

[2] В справке, составленной в УПВ в конце мая, указывалось, что в УНКВД по Калининской области были отправлены 6287 человек, не были исполнены предписания в отношении 27 человек, в Юхновский лагерь отконвоированы 110 военнопленных, один поляк по ошибке вместо Павлищева Бора отправлен в УНКВД по Калининской области. Вскоре в Юхнов были направлены еще 2 человека.

[а-а)] П.Ф. Борисовец расписался зеленым карандашом посреди листа после обозначенных на машинке подписей.

[б-б)] Так в документе, правильно — Корытов.

[3] В. Кобoровский, Ю. Равский, Р. Василевский, И. Журавский (правильно: И. Журовский), В. Райперт не содержались в Осташковском лагере. Журовский находился в Козельском, В. Райперт — в Старобельском лагерях. См. также «Katyń...T. 2». S. 310—314.

[4] На Чеховича Станислава Владиславовича (1899—1940), по всей видимости, предписание было дано дважды потому, что с ним спутали Чеховича Владислава Адамовича (1912—1940), рядового полиции, на которого предписание до 14 мая выписано не было. Последний был отправлен в Калинин на расстрел по предписанию № 062/2, п. 24 от 19 мая.

[5] Януш Скальский (1893—1940), комиссар полиции в г. Сарны, был переведен в Калининскую тюрьму и передан в распоряжение особого отдела Калининского военного округа по директиве В.Н. Меркулова от 22 февраля 1940 г. Фамилия его по ошибке была внесена в предписание № 026/2 на отправку из Осташковского лагеря в Калинин. По всей видимости, он был расстрелян вместе с другими военнопленными. 17 мая П.К. Сопруненко направил следственное дело, а 28 мая и учетное дело, Я. Скальского в 1-й спецотдел (РГВА. Ф.1/п. Оп. 1е. Д. 10. Лл. 495, 567).

[6] О Брониславе Пжемше см. № 83.

[7] См. № 84.

[8] Чем была вызвана столь высокая смертность в Осташковском лагере за последние полтора месяца, пока сказать трудно. Всего с ноября 1939 по май 1940 г. в Осташковском лагере умер 41 военнопленный (см. № 91), из них 16 — в апреле—мае. См. сведения об этих 16 военнопленных в «Katyń... T. 2». S. 313—14. Ничего подобного ни в Козельском, ни в Старобельском лагере не было.

№ 81

1940 г., мая 18, Старобельск. — Сопроводительное письмо А.Г. Бережкова П.К. Сопруненко к справкам о количестве полученных от УПВ НКВД СССР списков и отправленных по ним польских военнопленных из Старобельского лагеря с 5 апреля по 12 мая 1940 г. с приложением справок

№ 36/106 Сов. секретно

Начальнику Управления НКВД СССР
по делам о военнопленных
капитану государственной безопасности
тов. Сопруненко
гор. Москва

Представляя при этом справки о количестве полученных списков на отправку военнопленных и о количестве отправленных военнопленных из лагеря за время с 5 апреля по 12 мая 1940 г., доношу, что списков мною получено на 3891 человека, по ним отправлено — 3885 чел. и без списков (на основании

Вашей шифртелеграммы от 12 мая 1940 г.) направлены во 2-й отдел НКВД СССР (г. Москва) 3 человека, а всего отправлено 3888 человек[1].

В присланных списках значатся [а)]Мажец[а)] Эдвард[2] и [а)]Боксер[а)] Эдвард[3], исключенные нами по строевой записке, как выбывшие на излечение в больницы г. Харькова.

В списке от 3.IV.1940 г. под № 75 и в списке от 27.IV. 1940 г. за № 053/2 под № 56 дважды занесена одна и та же личность — [а)]Кржижановский[4] Эдвард Станиславович[а)].

Кроме того, в списки занесены [а)]Мардас-Жилинский, Тадеуш Михайлович[5], Барбюлек Михаил Якубович[6], Екатов[7] Леон Евгеньевич[а)], которые в Старобельском лагере совершенно не значатся.

Приложение: упомянутое.

Начальник Старобельского лагеря
капитан госбезопасности Бережков

[Приложение]

Справка
о количестве полученных списков из Управления НКВД СССР по делам о военнопленных на отправку военнопленных из Старобельского лагеря за время с 3 апреля по [в)]10[в)] мая 1940 г.

№№ п/п	№№ списков	От какого числа	На сколько человек	Примечание
1.	б/н	3.IV. 1940 г.	98	
2.	06/2	— " —	100	
3.	06/3	— " —	100	
4.	б/н	— " —	83	
5.	б/н	— " —	152	
6.	06/4	— " —	97	
7.	011/1	4.IV.1940 г.	99	
8.	011/2	— " —	99	
9.	011/3	— " —	95	
10.	018/1	7.IV.1940 г.	100	
11.	018/2	— " —	100	
12.	018/3	— " —	97	
13.	[б)]013/[б)]	— " —	101	
14.	021/1	9.IV.40 г.	100	
15.	021/2	9.IV.1940 г.	100	
16.	021/3	9.IV.40 г.	98	
17.	024/1	10.IV.1940 г.	100	
18.	024/2	— " —	99	
19.	028/1	13.IV. 1940 г.	100	
20.	028/2	— " —	100	
21.	028/3	— " —	99	

[а-а)] Подчеркнуто от руки чернилами. Второй, третий и четвертый абзацы документа отчеркнуты на полях двумя чертами. На полях напротив четвертого абзаца помета простым карандашом: «В Юхновск[ий]».

[в-в)] Вписано от руки чернилами.

[б-б)] Так в документе.

№№ п/п	№№ списков	От какого числа	На сколько человек	Примечание
[a])22.	021/1[a])	14.IV.1940 г.	100	
23.	031/2	— " —	100	
24.	031/3	14.IV.1940 г.	99	
25.	034/1	16.4. 1940 г.	100	
26.	034/2	16.IV.1940 г.	100	
27.	034/3	— " —	100	
28.	034/4	— " —	106	
29.	039/1	20.IV.1940 г.	100	
30.	039/2	— " —	100	
31.	039/3	— " —	98	
32.	046/1	22.IV.1940 г.	100	
33.	046/2	— " —	100	
34.	046/3	— " —	100	
35.	046/4	— " —	93	
36.	25/3434	— " —	64	
37.	053/1	27.IV.1940 г.	100	
38.	053/2	— " —	137	
39.	054/4	5.V.1940 г.	27	
40.	059/2	9.V.1940 г.	34	
41.	25/3837	10.V.1940 г.	16	
		Итого	3891	

Начальник Старобельского лагеря НКВД
капитан госбезопасности Бережков

[Приложение 2]

Справка
о количестве отправленных военнопленных из Старобельского лагеря за время с 5 апреля по 12 мая 1940 г.

№№п/п	Когда направлены	Куда направлены	Сколько направлено
1.	1.IV.1940 г.[8]	УНКВД г. Харьков	195
2.	6.IV.1940 г.	— " —	200
3.	7.IV.1940 г.	— " —	195
4.	8.IV.1940 г.	— " —	170
5.	9.IV.1940 г.	— " —	163
6.	10.IV.1940 г.	— " —	200
7.	11.IV.1940 г.	— " —	170
8.	12.IV.1940 г.	— " —	164
9.	13.IV.1940 г.	— " —	130
10.	14.IV.1940 г.	— " —	130
11.	15.IV.1940 г.	— " —	107
12.	16.IV.1940 г.	— " —	260
13.	17.IV.1940 г.	— " —	260
14.	18.IV.1940 г.	— " —	75
15.	19.IV.1940 г.	— " —	200
16.	20.IV.1940 г.	— " —	130
17.	21.IV.1940 г.	— " —	65
18.	22.IV.1940 г.	— " —	[a])257[a])

[a]) Так в документе. Правильно 031/1.
[a-a]) Вписано от руки чернилами.

№№п/п	Когда направлены	Куда направлены	Сколько направлено
19.	23.IV.1940 г.	— " —	50
20.	24.IV.1940 г.	— " —	260
21.	25.IV.1940 г.	— " —	131
22.	25.IV.1940 г.	Юхновский лагерь	63
23.	2.V.1940 г.	УНКВД г. Харьков	235
24.	8.V.1940 г.	— " —	25
25.	10.V.1940 г.	— " —	33
26.	12.V.1940 г.	— " —	2
27.	12.V.1940 г.	Юхновский лагерь	15
28.	12.V.1940 г.	2-й отдел НКВД СССР г. Москва	3
		Итого:	3888
			6)-78
			3810[6)]

Начальник Старобельского лагеря НКВД
капитан госбезопасности
Бережков

Резолюции:

1. В верхней части 1-го листа красным карандашом: «Тов. Маклярский. Проверьте и доложите. П. Сопруненко. 19.5.40 г.»
2. В правом нижнем углу красным карандашом: «Тов. Фролов. Поговорите со мной. М[аклярский]. 20/V-40 г.».
3. В правом верхнем углу простым карандашом: «К делу Старобельского лагеря. Гобе[рман]».

Штамп входящей регистрации: «Управление НКВД СССР по делам военнопленных. 19.V.40 г. Вх. № 10964».

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 2е. Д.10. Лл. 219—223. Подлинник.
«Катынь...». С. 586—590.

[1] Как следует из справки А.Г. Бережкова, лагерь получил нарядов на отправку в распоряжение УНКВД на 3811 человек и в Юхнов — на 80 человек. Однако наряды на 6 человек были выданы ошибочно. 14 мая командир 16 бригады конвойных войск полковник А.Г. Соломатин сообщил В.М. Шарапову и П.К. Сопруненко, что в Старобельском лагере осталось 57 человек, которые вскоре из лагеря будут отправлены (РГВА. Ф. 1/п. Оп. 4в. Д. 13. Л. 216). В более поздней справке УПВ значится, что лагерь получил нарядов на отправку в УНКВД на 3822 человека. В итоговой справке УПВ указано, что в распоряжение УНКВД по Харьковской области были направлены 3896 человек, в Юхновский лагерь — 78 (см. № 90). В письме А.Н. Шелепина Н.С. Хрущеву от 3 марта 1959 г. указано, что в Старобельском лагере близ Харькова было расстреляно 3820 человек. К моменту начала операции в лагере всего находились 3894 человека (см. № 34). Однако в Старобельск свозили военнопленных офицеров и из бывших лагерей Наркомчермета, так что цифра 3896 отправленных на расстрел может быть и реальной.

6-6) Вписано от руки чернилами.

[2] Мажец Эдвард (1908—1940?), поручик или капитан саперной службы.

[3] Боксер Эдвард (1896—1940?), врач из г. Ивонижа, подпоручик запаса медицинской службы, приписан к 10-му окружному госпиталю, ГКПЛС Варшавского воеводства.

[4] Кржижановский Эдвард (правильно Эдмунд) (1898—1940), ротмистр кавалерии кадровой службы, служил в войсках пограничной охраны.

[5] Мардас-Жилинский (правильно: Мордас-Жилинский) Тадеуш (1904—1940), подпоручик запаса артиллерии, содержался в Козельском лагере. Он был направлен на расстрел по предписанию № 035/4, п. 1, от 16 апреля.

[6] Барбюлек Михаил (1895—1940) по ошибке был включен в предписание Старобельскому лагерю № 039/3 от 20 апреля. Однако он содержался в Козельском лагере и был отправлен на расстрел в соответствии с предписанием 5 мая № 054/3, п. 54.

[7] Екатов Леон, 1904 г.р., подпоручик запаса, содержался в Козельском лагере и был включен в список от 10 мая в числе 16 человек на отправку в Юхновский лагерь (см. о нем подробнее в № 82).

[8] По всей видимости, здесь опечатка. В предыдущем списке первое предписание на 98 человек датировано 3 апреля, следовательно, 1 апреля военнопленные не могли быть отправлены из лагеря. В заголовке документа также сказано «Справка о количестве отправленных военнопленных из Старобельского лагеря за время с 5 апреля по 12 мая 1940 г.».

№ 82

1940 г., мая 19, Козельск. — Список польских военнопленных, содержащихся в Козельском лагере

Список
военнопленных, содержащихся в Козельском лагере[1]

№№ п/п	Фамилия, имя и отчество	Год и место рождения	Чин в быв. польской армии	Характеристика
1.	[а]Дери Вильгельм Вильгельмович[а]	1916 г.р., д. Выпучки, Дрогобычского уезда, Львовского в-ва	Подхорунжий действительной службы[б]	[в] По национальности немец, подданство быв. польское, из рабочих, отец является стрелочником на жел. дороге. Родители в январе м[еся]це 1940 г. переехали в Гинштадт (Германия). В сентябре м[еся]це 1938 г. был призван на действительную службу в быв. польскую армию, где по окончании школы подхорунжих служил командиром отделения 54-го пехотного полка. До 1938 г. являлся учеником гимназии.[в]

[а-а] Помета от руки красным карандашом: «Остался по тел[сграмме], будет напр[авлен] в Юхн[ов].

[б] Помета в графе от руки красным карандашом: «В Юхнов».

[в-в] Помета по тексту документа красным карандашом: «Запрос НКИД через 1-й спецотд[ел]».

№№ п/п	Фамилия, имя и отчество	Год и место рождения	Чин в быв. польской армии	Характеристика
2.	[а)]Журовский[2] Игнат Игнатьевич[а)]	1903 г.р., д. НоваяДеревня, Виленского в-ва	Плютоновый (ст. унтерофицер) пехоты	Поляк, из крестьян, имел 16 га земли, с низшим образованием. С 1925 г. по 1926 г. проходил действительную службу в польской армии и по окончании полковой школы был демобилизован в запас.В 1928 г. поступил добровольно в польскую армию и до 1934 г. служил командиром отделения. С 1934 г. по май месяц 1939 г. служил писарем роты, а затем был откомандирован в военноследственную тюрьму в г. Вильно на должность помощника писаря.
3.	Пружанский Буним Меерович[б)]	1911 г.р., уроженец гор. Белостока	Подпоручик, врач запаса	Еврей, происходит из семьи владельца типографии (наемных рабочих 3—5 человек). В 1934 г. окончил медицинский факультет. В 1934—35 гг. находился на действительной службе в быв. польской армии, где окончил школу подхорунжих. В 1937 г. получил чин подпоручика. С 1938 г. работал, как частный врач.Будучи студентом университета, состоял членом организации «Соцфарбанд», а после разгрома этой организации вступил членом организации «Фупк», в которой состоял до 1934 г. Мобилизован в армию 31/VIII—1939 г. и служил мл. врачем в запасном центре Виленской кавбригады.
4.	Борковский Виктор Хаскелевич[б)]	1915 г.р., уроженец гор. Вильно	Плютоновый подхорунжий действительной службы	Еврей, происходит из семьи владельца аптеки. В 1938 г. окончил стоматологическую академию и был призван на действительную военную службу, где окончил школу подхорунжих. До начала войны служил младшим врачом в 9-м окружном госпитале в гор. Бресте, а во время войны в той же должности в 962-м подвижном военном госпитале. В 1935 г. в период учебы в [в)]академии вступил в комсомол[в)], в котором состоял до призыва в армию. Будучи студентом, состоял также членом организации «ОМС-Жития» (организации по оказанию помощи нуждающимся студентам).
5.	[г)]Слупский Веслав Эдмундович[г)]	1924 г.р., уроженец гор. Люблина	В армии не служил и чина не имеет	Поляк, происходит из семьи чиновника — бухгалтера, ученик 3-го класса гимназии в гор. Люблине.Отец его — Слупский Эдмунд Романович — член ОЗОН, являлся подпоручиком запаса, был призван 28 августа 1939 г. в армию и служил офицером при военном коменданте гор. Люблина.Во время эвакуации гор. Люблина выехал вместе с отцом, с которым был взят в плен. Отец его направлен в Юхновский лагерь.

[а-а)] Помета в графе от руки красным карандашом: «Предписание имеется, было ошибочно послано в Осташков».

[б)] Помета в графе красным карандашом: «Есть».

[в-в)] Подчеркнуто от руки красным карандашом.

[г-г)] Зачеркнуто черным карандашом, помета в графе красным карандашом: «Отправ[лен] в Юх[нов].

№№ п/п	Фамилия, имя и отчество	Год и место рождения	Чин в быв. польской армии	Характеристика
6.	Екатов Леон Евгеньевич[а)]	1904 г.р. уроженец города Вильно	Подпоручик запаса	Поляк, происходит из семьи владельца имения в 700 десятин, которое его родителями сдавалось в аренду. Кроме того, отец являлся податным инспектором. Отец умер в 1921 г. До 1923 г. проживал в СССР, откуда выехал с матерью как репатриант. В 1925 г. окончил гимназию. До 1939 г. являлся студентом Варшавского политехникума. В 1929 г. был призван на действительную военную службу, где окончил школу подхорунжих санеров. Получил чин подпоручика в 1934 г. Мобилизован 24 августа 1939 г. и назначен командиром взвода 29-го санерного батальона при 29-й пехотной дивизии. В 1925–26 гг. состоял членом союза «Независимой социалистической молодежи» (толка ППС). С 1926 г. по 1927 г. состоял членом союза социалистической молодежи. В 1927 г. вступил в члены комсомола. С 1930 г. являлся членом организации «ОМС-Жития» (организация помощи нуждающимся студентам). Брат Екатов Вечеслав, 1901 г.р., жил в гор. Нальчике и Ставрополе. В 1926 г. был арестован и выслан, за что не знает.
7.	Имах Роман Ульянович[б)]	1905 г.р., уроженец гор. Сосновец, Келецкого в-ва	[б)]Поручик[б)] пехоты запаса	Поляк, происходит из семьи рабочего, чиновник-канцелярист с незаконченным высшим образованием. В 1931 г., проходя действительную военную службу, окончил школу подхорунжих и вышел в запас в чине сержанта-подхорунжего. В 1933 г. получил чин подпоручика, а в 1937 г. — чин поручика. Мобилизован был в быв. польскую армию 3/IX — 39 г. и направлен в запасной центр пехоты в гор. Сакулка, должности не получил. В плен был взят при явке на регистрацию. [б)]С 1935 г. по 1938 г.[б)] являлся членом коммунистической партии Польши. В 1937 г. был членом райкома партии в гор. Варшаве. В 1934 г. являлся членом союза «Независимой социалистической молодежи».
8.	[в)]Климан Петр Теодорович[в)]	1917 г.р., уроженец гор. Люблина	[г)]Подпоручик, летчик кадровый[г)]	Поляк, происходит из семьи крестьянина, имеющего 6 га земли. С малых лет находился на воспитании в семье чиновника городского самоуправления Адамовича в гор. Люблине. До 1936 г. учился в гимназии, в том же году добровольно поступил на учебу в военную авиационную школу в гор. Варшаве, которую

[а)] Помета в графе красным карандашом: «Отправить в[о] внутр[еннюю] тюрьму 2 отд[ела] ГУГБ».

[б)] Помета в графе красным карандашом: «Есть».

[б-б)] Подчеркнуто от руки красным карандашом.

[в-в)] Подчеркнуто от руки красным карандашом. Помета в графе красным карандашом: «В 1-й отд[ел] ГЭУ дана шифр[овка]».

[г-г)] Подчеркнуто от руки красным карандашом.

№№ п/п	Фамилия, имя и отчество	Год и место рождения	Чин в быв. польской армии	Характеристика
				окончил в сентябре месяце 1939 г., получив чин подпоручика. По окончании школы был направлен в 4-й авиационный полк в гор. Бресте в качестве младшего офицера.Климан, находясь в лагере, возбуждал ходатайство о разрешении ему выезда в одну из нейтральных стран, в частности во Францию, дабы он смог бы, как офицер быв. польской армии, продолжать борьбу против немцев, находясь в рядах французской армии.

Начальник Козельского лагеря
ст. лейтенант госбезопасности
В. Королев

Резолюция в правом верхнем углу 1-го листа: «Тов. Худякова. В дело Козельского лагеря. Ма[клярский]. 19/V—40 г.»
В нижней части листа помета простым карандашом: «Распоряжение об отправке Имаха, Борковского, Пружанского и Дерна в Юхновский лагерь получил. В.Королев. 18/V—40 г.»

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 2е. Д. 9. Лл. 365—368. Подлинник.

[1] См. № 79. В. Дерн, Б. Пружанский, В. Борковский, В. Слупский, Р. Имах, С. Зайдлер были отправлены 20 мая в Юхновский лагерь (см. РГВА. Ф.1/п. Оп. 2е. Д. 9. Лл. 405—406), Л. Екатов и П. Климан — в Москву во внутреннюю тюрьму НКВД, впоследствии переведены в Грязовецкий лагерь.

[2] 20 мая И. Журовский был направлен в распоряжение Смоленского УНКВД, то есть на расстрел по предписанию № 067. В справке И.Б. Маклярского указывалось: «Сегодня, 19/V-40 г. на военнопленного Журовского Игнатия Игнатьевича, 1903 г./р./ 1-й спецотдел направил предписание в Козельский лагерь об отправке его в УНКВД по Смоленской области» (РГВА. Ф.1/п. Оп. 3е. Д. 3. Л. 536). Акт о его отправке см.: РГВА. Ф.1/п. Оп. 2е. Д. 9. Л. 404.

№ 83

1940 г., мая 19, Москва. — Служебная записка П.К. Сопруненко А.Я. Герцовскому о направлении польского военнопленного Б. Пжемши в Черниговскую тюрьму

№ 25/4067

Сов. секретно
Зам. начальника 1-го спецотдела НКВД [a)]УССР[a)]
капитану госбезопасности
тов. Герцовскому

[a-a)] В документе ошибка, имеется ввиду НКВД СССР.

Военнопленный Пжемша Бронислав Шиманович[1] фигурирует в предписании № 033/2, порядковый № 46, — 19/II—1940 г. отправлен в Черниговскую тюрьму.

По сообщению УНКВД по Черниговской области следственное дело на Пжемша Б.Ш. за № 12060 сдано 20/III-1940 г. в следственную часть НКВД УССР.

Нач[альник] Управления НКВД СССР
по делам о военнопленных
капитан госбезопасности
(Сопруненко)

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 1е. Д. 10. Л. 528. Отпуск.

[1] См. № 80. Бронислав Пжемша (1901—1940), полицейский, секретарь полицейского участка был направлен в Черниговскую тюрьму по ходатайству зам. наркома НКВД УССР Н.Д. Горлинского. Его дело 20 марта было направлено в следственную часть НКВД УССР. Б. Пжемша фигурирует в украинском списке расстрелянных по предписанию 057/2, п. 23 (Listy katyńskiej ciąg dalszy. Straceni na Ukrainie. W-wa, 1994. S. 77).

№ 84

1940 г., мая 19, Москва. Распоряжение П.К. Сопруненко П.Ф. Борисовцу о направлении польских военнопленных из Осташковского лагеря в распоряжение УНКВД по Калининской области

№ 25/4049

Начальнику Осташковского лагеря
НКВД СССР
майору тов. Борисовец[1]

Военнопленных, содержащихся в Вашем лагере:

1. Бросс Юльяш Эдуардович, 1896 г.р., предписание № 058/4, порядковый № 37[2]
2. Новаковский Витольд Эдмундович, 1888 г.р., предпис[ание] № 05/1[а)], порядк[овый] № 96[3]
3. Прокоп Франц Матвеевич, 1887 г.р., предпис[ание] № 058/1, порядк[овый] № 56[4]
4. Свобода Ян Эдвардович, 1895 г.р., предпис[ание] № 058/1, порядк[овый] № 55[5]
5. Сикорский Бронислав Станиславович, 1897 г.р., предпис[ание] № 058/1, порядк[овый] № 54[6]

[а)] В документе опечатка. Правильно: № 058/1».

6. Салацинский Зигмунд Томашевич, 1894 г.р.[7], предпис[ание] № 058/1, порядк[овый] № 53[а)]

7. Янасик Франц Иосифович, 1894 г.р., предпис[ание] № 058/1, порядк[овый] № 53[а)][8]

8. Яниш Александр Янович, 1896 г.р., предпис[ание] № 058/1, порядк[овый] № 52[9].

Согласно присланных Вам предписаний, немедленно направьте в УНКВД по Калининской области.

Начальник Управления НКВД СССР
по делам о военнопленных
капитан госбезопасности
(Сопруненко)

Помета в левом нижнем углу: «19.5.40. Получ[ил]. Майор Борисовец»[б)]

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 3е. Д. 3. Л. 361. Отпуск.

[1] См. №№ 51, 59, 80. 20 мая было дано указание УПВ направить Панасюка Михаила Ивановича, 1905 г.р., в Калинин в распоряжение УНКВД согласно наряда 062/2, п. 14 от 19 мая. Вместо Панасюка в Юхновский лагерь было приказано направить Жима Еминя, 1899 г.р. (РГВА. Ф.1/п. Оп.3е. Д. 3. Л. 298).

[2] Бросс Юльяш (1896—1940), майор, уроженец г. Львов, проживал в Варшаве, окончил юридический факультет Варшавского университета и офицерскую школу, являлся начальником юридического отделения в Военном министерстве Польши, в плен был взят 21 октября в г. Станиславов. Его дело находилось на контроле по просьбе 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР. 25 апреля из 1-го спецотдела поступило распоряжение представить его дело на комиссию, как и дела на всех остальных лиц, фигурирующих в данном документе.

[3] Новаковский Витольд (1898—1940), комиссар полиции г. Торунь, уроженец Берлина, окончил 4 курса медицинского факультета, военного образования не имел, в полиции служил с 1920 г. Был взят в плен 19 сентября 1939 г. в г. Боршнин.

[4] Прокоп Франц (1887—1940), капитан полиции, уроженец деревни Шинвальд Тарновского уезда Краковского воеводства, проживал во Львове, из крестьян, окончил среднюю и офицерскую школы, в полиции с 1923 г., в последнее время служил в окружной полиции г. Львов в должности начальника военного отдела. Был взят в плен 22 сентября в г. Львов.

[5] Свобода Ян (1895—1940), подкомиссар полиции в г. Замостье, уроженец Кракова, окончил учительскую семинарию и 5-месячные курсы штабных офицеров, до 1936 г. являлся учителем, затем работал в полиции.

[а)] В пунктах 6 и 7 указан один и тот же номер, правильно: в п. 6 № 51.

[б)] Речь идет о подлиннике распоряжения.

[6] Сикорский Бронислав (1897—1940), комиссар полиции в г. Радом, уроженец г. Сосновец Келецкого воеводства, проживал в Радоме, из рабочих, с 1914 по 1918 г. член ППС, окончил 8 классов гимназии и школу офицеров полиции, стаж работы в полиции 26 лет. В плен взят 18 сентября 1939 г. в г. Ковно.

[7] Салацинский Зигмунд (1894—1940), сержант, писарь комиссариата полиции г. Брест-Литовск, уроженец Варшавы, из рабочих, образование 3 класса городского училища и экстерном — 6 классов гимназии, а также трехмесячные курсы полиции. В полиции с 1922 г., был женат, имел двух детей. В плен был взят 21 сентября 1939 г. в Брест-Литовске.

[8] Янасик Франц (1894—1940), сержант, секретарь управления полиции г. Кутно, уроженец Варшавы, из рабочих, образование среднее и полицейские курсы, в полиции с 1920 г., имел жену. В плен был взят 17 сентября 1939 г. в м. Хогуа.

[9] Яниш Александр (1896—1940), майор полиции, начальник полицейского управления г. Хайнице Поморского воеводства, уроженец Львова, образование незаконченное высшее и школа офицеров, в полиции с 1936 г., имел жену. В плен был взят 18 сентября в г. Тарнополь.

№ 85

1940 г., мая 20, [пос.] Розовка — Прошение детей польских военнопленных И.В. Сталину об освобождении своих отцов из Осташковского лагеря

Дня 20. V. [19]40 г.
Розовка
Коханый Ойчэ Сталине[1]

Мы малые деци з балшым прошэнием до Великаго Отца Сталина просим з гарачэго серца, чтоб нам вирнули нашых отцов, которые работают в [а)]Осташкове[а)]. Нас переслали з Западней Беларуси на Сибир и нам нивилели что небуть взяць з сабой. Нам сичас цяжко жывецца, у всех децей мать нездоровые и немагут работаць, и вопшэ нигто пронас не думае, как мы жывем и работы никакой недають. За это мы малые деци голодам прымераем и еничо просим отца Сталина штов про нас не забыл. Мы всегда будем в Совецким Союзе, харошими рабочыми народем, тольки нам цяжко жыць без наших отцов.

Досвиданя, ойчэ.

[а)]Денышын[2] Иван[а)] [б)]Завадцки Фигей[б)]
[а)]Енджейчик[3] Збигнев[а)] [б)]Ковалевска[б)] Барбара

[а-а)] Подчеркнуто от руки красным карандашом.
[б-б)] Подписано простым карандашом.

Штампы:
1. В верхней части документа: «Поступило в ЦК ВКП(б) 27 мая 1940 г.».
2. На полях: «Секретариат НКВД СССР. 2-е отдел[ение]. 5 июня 1940 г.».

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 4е. Д. 1. Лл. 79—79 об. Подлинник. Рукопись. «Новый мир». 1991. № 2. С. 215—216.

[1] См. №№ 2, 11, 36, 93, 100, 110, 143, 144. В Северо-Восточный Казахстан были переселены более 25 тысяч семей тех, кто был расстрелян в апреле—мае 1940 г. 80% из них составляли женщины и дети. Оказавшись без работы и без кормильцев, семьи бедствовали. Многие обращались в различные инстанции, включая И.В. Сталина, разыскивая своих отцов, мужей, сыновей — бывших польских офицеров и полицейских.

[2] Денишын Иван, сын Денишына, полицейского из Гродненской волости.

[3] Енджейчик Збигнев — сын Енджейчика Антония (1891—1940), пострункового полиции из Гродно.

[4] Завадский Фигей — сын Завадского, полицейского из Гродно.

[5] Ковалевская Барбара — дочь Тадеуша Ковалевского (1906—1940), пшедовника полиции из местечка Марцинканце Гродненской волости.

№ 86

1940 г., мая 21, Москва. — Приказ № 00626 НКВД СССР «Об увеличении штата особого отделения Юхновского лагеря НКВД для военнопленных»

Сов. секретно

Приказ
народного комиссара внутренних дел Союза ССР
за 1940 г.

Содержание

№ 00626. Об увеличении штата особого отделения Юхновского лагеря НКВД для военнопленных

№ 00626. 21 мая 1940 г., гор. Москва.

На особое отделение Юхновского лагеря НКВД для военнопленных возложена серьезная работа по организации тщательной персональной проверки всех военнопленных, содержащихся в этом лагере[1].

Для успешного осуществления этой задачи

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Увеличить штат особого отделения лагеря до 15 человек, укомплектовав его за счет работников особых отделений Козельского, Старобельского, Осташковского и Юхновского лагерей.

2. Начальником особого отделения лагеря назначить старшего лейтенанта государственной безопасности тов. Эйльмана Г.А.

3. Начальника особого отделения Юхновского лагеря лейтенанта милиции тов. Азарх от занимаемой должности освободить, направив его в распоряжение УНКВД по Смоленской области.

Заместитель народного комиссара внутренних дел СССР
комиссар государственной безопасности III ранга Меркулов

Верно: пом. оперуполномоченного отделения кодификации
секретариата НКВД СССР сержант госбезопасности И. Летова

ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 56. Л. 226. Зав. копия.

[1] В этот же день В.Н. Меркулов отдал приказ об организации агентурно-оперативной работы в лагере. В нем предписывалось тщательно изучить прибывших военнопленных, для чего немедленно установить связь с агентурой и осведомителями, «имеющимися в составе прибывающих военнопленных, согласно приложенного списка». Внимание всей агентурно-осведомительной сети следовало сосредоточить на выявлении среди военнопленных разведчиков, контрразведчиков, провокаторов, участников антисоветских партий и организаций, скрывающих это. Предписывалось провести вербовку и новой агентуры по целевому назначению, охватив все слои военнопленных. Предлагалось закончить проверку всех военнопленных к 25 июня 1940 г. (см. подробнее: Н.С. Лебедева. Катынь: преступление против человечества. М., 1994. С. 210).

№ 87

1940 г. мая 21, Смоленск. — Приказ № 119/а по 136-му отдельному конвойному батальону об успешном выполнении задачи по «разгрузке» Козельского лагеря

Приказ
по 136-му отдельному конвойному батальону к[онвойных]
в[ойск] НКВД СССР

21 мая 1940 г. № 119/а гор. Смоленск

Содержание: О поощрении за выполнение оперативной задачи[1]

В период с 23 марта по 13 мая 1940 г. 2-я рота и 1-й взвод 1-й роты выполнили одну из ответственных задач, поставленных Главным управлением конвойных войск и командованием бригады по разгрузке Козельского лагеря НКВД военнопленных; несмотря на всю напряженность и сложность проводимой ра-

боты как в конвоировании, а так же в охране самого лагеря поставленная задача разгрузить лагерь и не допустить ни одного побега военнопленных и правонарушений по службе была выполнена. Оценка проведенной работы представителем Главного управления конвойных войск НКВД СССР полковником тов. Степановым дана хорошая. Особенно высокие образцы по выполнению задачи, как по охране, а так же конвоированию за этот период показали следующие товарищи: командир отделения 2-й роты тов. Татаренко исключительно четко, аккуратно и умело выполнил возложенную на него серьезную и ответственную роль в данной операции — начальника оперативной группы.

Командир отделения 2-й роты тов. Кораблев, отлично выполнявший обязанности начальника конвоя. Командир взвода 1-й роты мл. лейтенант тов. Безмозгий, несмотря на то, что впервые выполнял обязанности начальника конвоя, с задачей справился отлично, кроме того, в выполнении данной задачи принимал участие весь личный состав взвода, которым командует мл. лейтенант тов. Безмозгий, и задачу выполнил отлично, без единого правонарушения. Командир взвода 2-й роты мл. лейтенант тов. Коптев, будучи начальником конвоя, отлично справился с поставленной перед ним задачей, за что всем вышеуказанным товарищам объявляю благодарность и поощряю: тов. Татаренко — 70 руб., тов. Кораблева — 50 руб., тов. Безмозгого — 70 руб., тов. Коптева — 70 руб.

Отлично выполнили свои обязанности красноармейцы 2-й роты тов. Павленко, Гаврилов, Дубров, Прокофьев, Панов, Захаров В.Л., Шарин М.Ф. Красноармейцы 1-й роты т. Антропов, Храмцов, Пономарев, Шукин, Кучумов, за что объявляю благодарность и поощряю тов. Павленко — 50 руб., тов. Захарова, Шарина, Антропова, Храмцова, Пономарева, Кучумова и Щукина отпуском на родину, каждого по 10 суток. Тов. Гаврилову, Дуброву, Прокофьеву объявляю благодарность и поощряю каждого по 25 руб.

Исключительно четко, по-серьезному и умело провел работу диспетчер батальона тов. Горячко, за что объявляю благодарность.

Командир батальона	майор Межов
Военком батальона	ст. политрук Снытко
За начальника штаба батальона	лейтенант Углов

РГВА. Ф. 38106. Оп. 1. Д. 10. Л. 145. Подлинник.
«Катынь...». С. 595.

[1] 136-й конвойный батальон, входивший в состав 15-й бригады, охранял Козельский лагерь, а в период «операции по разгрузке» осуществлял также конвоирование военнопленных из Козельского лагеря к месту расстрела. Командир батальона Т.И. Межов находился в Козельском лагере с 19 марта по середину мая 1940 г. Туда же прибыли диспетчер, несколько офицеров и большое число рядовых его батальона (РГВА. Ф. 38106. Оп. 1. Д. 7. Л. 9; Д. 10. Лл. 17 об., 27).

№ 88

1940 г., мая 22, Калинин. — Донесение Д.С. Токарева В.Н. Меркулову «об исполнении 64»

№ 19690

Сов. секретно
Зам. наркома вну[тренних] дел т. Меркулову

22 мая исполнено 64. 22.V. Токарев.

ЦА ФСБ РФ. Ф. 3. Оп. 7. Пор. 649. Л. 1170. Копия. На бланке шифротелеграммы. «Катынь...». С. 596.

[1] Это был один из последних расстрелов военнопленных из Осташковского лагеря. Накануне Т.Ф. Качин принял от начальника конвоя Н.М. Мурашова 294 человека, которые, очевидно, в этот же день были расстреляны. 22 мая П.К. Сопруненко отдал распоряжение начальникам лагерей в течение 7 дней привести в образцовый порядок картотеку, отметив в ней сведения об убытии военнопленных, разложить карточки по алфавиту и выслать в УПВ с нарочным (РГВА. Ф. 1/п. Оп. 2е. Д. 9. Л. 330). См. также № 89.

№ 89

1940 г., мая 23, Москва. — Отношение П.К. Сопруненко начальнику Главного управления конвойных войск НКВД СССР, комбригу В.М. Шарапову о снятии охраны Козельского, Осташковского и Старобельского лагерей в связи с отправкой всех военнопленных

№ 25/5068

Сов. секретно

Начальнику Главного управления
конвойных войск НКВД СССР
комдиву тов. Шарапову

В связи с тем, что все военнопленные из Осташковского, Козельского, Старобельского и Грязовецкого лагерей вывезены, внешнюю охрану, осуществляемую частями конвойных войск, считаю возможным снять.

Начальник Управления НКВД СССР
по делам о военнопленных
капитан госбезопасности (Сопруненко)

Виза на полях «Романов».

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 4в. Д. 13. Л. 215. Отпуск.

[1] Вскоре все эти лагеря стали готовить к приему военнослужащих и других арестованных из Прибалтики (см. №№ 95, 98).

№ 90

1940 г., мая[а)] [ранее 25], Москва. — Справка УПВ НКВД СССР о количестве польских военнопленных отправленных из спецлагерей в распоряжение УНКВД трех областей и в Юхновский лагерь

Сов. секретно

Справка
об отправках военнопленных[1]

I. Осташковский лагерь

Отправлено: 1) В УНКВД по Калининской области — 6287 чел.[2]
2) В Юхновский лагерь 112 –"–

Итого: 6399 чел.

II. Козельский лагерь

Отправлено: 1) В УНКВД по Смоленской области — 4404 чел.
2) В Юхновский лагерь 205 –"–

Итого: 4609 чел.

III. Старобельский лагерь

Отправлено: 1) В УНКВД по Харьковской области — 3896 чел.
2) В Юхновский лагерь 78 –"–

Итого: 3974 чел.

Всего отправлено: 1) В УНКВД [б)]14587[б)]
2) В Юхновский [б)]395[б)] чел.

Начальник Управления НКВД СССР
по делам о военнопленных
капитан госбезопасности (Сопруненко)
Начальник 2-го отдела Управления
НКВД СССР по делам о военнопленных
лейтенант госбезопасности Маклярский

[а)] Обоснование даты см. в комментарии.
[б-б)] Подчеркнуто от руки красным карандашом.

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 3а. Д. 2. Л. 273. Подлинник.
«Катынь...». С. 597.

[1] См. №№ 79, 80, 81, 177, 229.

[2] См. № 91. В докладной записке П.Ф. Борисовца от 25 мая фигурируют 6288 военнопленных, отправленных в УНКВД по КО, что позволяет датировать данный документ: «ранее 25 мая».

№ 91

1940 г., мая 25, Осташков. — Докладная записка П.Ф. Борисовца П.К. Сопруненко о контингенте, режиме, условиях охраны польских военнопленных за весь период пребывания в Осташковском лагере военнопленных

№ 383/сс Сов. секретно

Начальнику Управления НКВД СССР
по делам о военнопленных
капитану госбезопасности тов. Сопруненко

Доклад
по Осташковскому лагерю военнопленных[1]

А. Режим и охрана

В Осташковском лагере содержался спецконтингент в[оенно]пленных белополяков: полицейские, жандармы, тюремщики, разведчики, контрразведчики, провокаторы и т.п., который требовал высококачественной охраны.

Внутренняя охрана, пополненная по приписке мобплана, не могла выполнять таких больших задач. Требовалось ее укрепить более молодым возрастом и должной партийной прослойкой, что лагерем и сделано. Штат внутренней охраны (44 человека) укомплектован.

Наружная охрана — рота 235-го отд[ельного] б[атальо]на 11-й бригады конвойных войск НКВД СССР в количестве 112 чел. — несла службу по периметру. С апреля месяца с.г. ее сменила 12-я рота 236-го конвойного полка, которая продолжала нести службу несравненно лучше.

Для усиления охраны вокруг острова Столобный по озеру Селигер была установлена запретная зона шириною до 250 м. Осташковский райисполком вынес постановление о запретной зоне и оповестил окружающее население.

Техническими мероприятиями усиления охраны были:

1) устройство качественного проволочного заграждения вокруг лагеря в 2 кола по 12 рядов проволоки и откосы (2 ряда в конверт) длиною 1855 м.;

2) постройка нового забора высотою в 2,5 м и длиною 580 м в дополнение существовавшей изгороди;

3) устройство электрического освещения вокруг лагеря (установка 8 прожекторов);

4) устройство телефонной связи с постами внутренней и наружной охраны и,

5) наконец, создание баз содействия из местного населения.

Все эти мероприятия в должной степени дали эффект в охране. Опасный элемент контрреволюции Запада при таком усилении мог надежно охраняться.

Правда, зимою был один случай побега, но своевременное выявление дало возможность организовать преследование и задержать.

Характерно отметить и то, что выявление факта побега принадлежит самой внутренней охране — (начальнику корпуса), а не оперативному отделению.

Качество службы команды внутренней охраны и роты 236-го конвойного полка можно оценить удовлетворительно.

Б. Контингент

1. Всего поступило контингента — 15991 человек:	
а) рядового состава армии	— 9413 чел.
б) спецконтингента и офицерского состава	— 6578 –"–
2. Всего этапировано – 15991 чел.:	
а) в Германию	2313 чел.
б) Латвию	7 –"–
в) распущено по домам	7094 –"–
г) этапировано в распоряжение органов НКВД	13 –"–
д) этапировано в другие лагеря	235 –"–
а)е) отправлено в б)УНКВД по Калинин[ской] области[б]	6288[2а] –"–
ж) умерло в лагере	41 –"–
з) [в] Калинине [в] психолечебнице	1
Всего	15991 чел.
3. Учет военнопленных:	
а) заведено учетных дел на в[оенно]пленных	7430
б) заполнено анкет на рядов[ой] состав армии	8150
(принято по спискам без заполнения анкет	1263)
в) сфотографировано	6240
г) дактилоскопировано	6407

а-а) Подчеркнуто от руки чернилами.

б-б) Вписано над строкой чернилами.

4. Жалобы и ходатайства:

По разным вопросам было подано в[оенно]пленными и рассмотрено командованием лагеря 1365 штук жалоб. Преобладающая масса жалоб на отбор вещей в местах предварительного б)заключения б) без выдачи квитанций. Многим вещи были по запросам лагеря возвращены. Часть заявлений была с просьбой отпустить скорее домой и около 50 шт. просьб было для представления в высшие инстанции на имя тов. Сталина, Молотова, Калинина.

5. Волынки:

За время существования лагеря волынок не было. Между тем в лагере содержался контингент самой махровой контрреволюции. Правда, были попытки со стороны контрразведки организовать наружное наблюдение, выставление постов с целью изучения методов работы и службы лагеря, но это своевременно разоблачалось и командованием лагеря принимались необходимые мероприятия (изоляция, аресты и другие уставные мероприятия).

В. Содержание и расходы лагеря

Все расходы по содержанию военнопленных в Осташковском лагере за 8-ми месячное пребывание (включая и штатный состав) равняется а)5 070 041 руб. 56 коп.а)

Остаток наличия ценностей в лагере выражается в сумме 1 619 540 руб., не считая восстановления жилой площади из разрушенных каменных зданий руками пленных — 2489 кв. м, вновь построенных жилых площадей деревянных строений 1651 кв. м, служебных помещений 2444 кв. м и сооружения дамбы длиною 270 м и моста 30 м б)и другие б).

Все эти работы оцениваются на сумму б)350–400 тысяч б) [руб.].

Пребывание же в[оенно]пленных в лагере в человеко-днях выражается в 1241880.

Таким образом, содержание одного в[оенно]пленного в день обошлось государству (без учета работ, сделанных самими пленными) а)2 рубля 78,2 коп.а)

Если учесть ценности, сделанные руками в[оенно]пленных, то содержание в день понизится до б)2 руб. 58 коп.б)

Г. Оперативное и политическое обеспечение

До января месяца оперативного обслуживания я, как начальник лагеря, не имел. Мне представлялись третьестепенные материалы, либо неполноценные данные. Чем дышали пленные, что их интересовало, какие недочеты в частях, несущих охрану (внутреннюю, наружную), этими данными я не располагал. Всю работу как с пленными, так и личным составом приходилось строить ощупью.

По той же причине и политическое обеспечение до декабря месяца 1939 г. было явно недостаточное. Если к тому добавить и то, что политаппарат не

а-а) Подчеркнуто от руки чернилами.

б-б) Вписано в строку чернилами.

имел опыта в работе и в большинстве своем настроен был демобилизационно, то явно все это мешало комиссару развернуть политработу во всю ширь, а проводить ее отдельными отрывками.

После ноября 1939 г. во всем обеспечении имелись некоторые сдвиги, что фиксировала неоднократно партийная организация на своих собраниях, но полный размах работы следует отнести к началу 1940 г.

Д. Выводы

1. Учреждение лагерем начальников корпусов (из числа вахтеров) по охране пленных в помещениях себя оправдало и дало хорошие результаты по изучению контингента.

2. Организация трудовых процессов понизила стоимость содержания в[оенно]пленных государству и мешала им строить группировки, организовывать волынки и т.д., что по мнению командования надо учитывать в будущих лагерях.

3. Недочеты:

а) Дисциплина в лагере была долгий период слаба по той причине, что 90% личного состава кадров лагеря вовсе не проходило б[оевой] подготовки до призыва в лагерь.

б) Отсутствие детально разработанного положения о лагере приводило к многоначалию, когда зам[еститель], помощник, нач[альник] 00 считали себя тоже начальниками лагеря, подменивали единоначальника и в разрез отдавали распоряжения, что подрывало авторитет начальника.

в) Слабость подготовки к службе команды внутренней охраны заставила перегружать ее службой и подготовкой на первых порах, что создавало недовольство.

г) Слабость работников УРО на первых порах тормозила работу. Особое отделение, [а)]создавая свой учет руками УРО, понижало качество самого учета УРО[а)].

д) Хозяйственное отделение лишено аппарата, способного вести учет, вследствие этого слабо планировало свою работу, хотя само проделало большую работу.

4. Осташковский лагерь с работой справился и командование лагеря просит отдельных сотрудников поощрить.

Приложение: Список[б)]

Начальник лагеря
майор Борисовец
Комиссар
ст. политрук Юрасов

[а-а)] Подчеркнуто от руки красным карандашом.

[б)] См. дело, лл. 49–50.

Резолюция в верхней части 1-го листа красным карандашом: «Тов. Мак[лярский]. П. Сопруненко. 28.5.40 г.»

Штамп входящей регистрации УПВ: «28.V.40 г. Вх. № 11271».

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 1б. Д. 5. Лл. 51—55. Подлинник.

[1] Первоначально в Осташковский лагерь помещали военнопленных без определенной специализации. После решения Политбюро ЦК ВКП(б) от 3 октября 1939 г. о роспуске по домам военнопленных-жителей территорий, отошедших к СССР, и о сосредоточении полицейских в Осташковском лагере, офицеров — в Старобельском, жителей центральных польских воеводств — в Козельском и Путивльском лагерях, в Осташкове были сосредоточены лишь полицейские, жандармы, пограничники, тюремные работники и осадники. В результате в лагере перебывало в разное время 15991 человек. См. подробнее: «Катынь...». Док. 11, 18, 19, 28, 32,37, 41, 49,56, 70, 71, 84, 88, 101, 108 и др.

[2] См. № 90, 229. В сводной справке УПВ значится отправленных в УНКВД на одного человека меньше, в записке А.Н. Шелепина Н.С. Хрущеву — 6311 человек. Расхождение, видимо, объясняется тем, что в конце февраля — начале марта 1940 г. в соответствии с директивой В.Н. Меркулова от 22 февраля в УНКВД по Калининской области был отправлен ряд военнопленных, которые были также расстреляны, но не значились в справке УПВ и в докладе П.Ф. Борисовца. Возможно, это объясняет и то, что в справке от 3 декабря 1941 г. общее число направленных в УНКВД Смоленской, Харьковской и Калининской областей составляло 15131 человек.

№ 92

1940 г., позднее мая 25, Москва. — Справка П.К.Сопруненко о количестве польских военнопленных, отправленных в Юхновский лагерь из трех спецлагерей, с разбивкой по основаниям для их содержания там

Сов. секретно

Справка
о военнопленных, содержащихся в Юхновском лагере НКВД[1]

Всего отправлено в Юхновский лагерь	— 395 чел.
Из них: а) по заданию 5-го отдела ГУГБ	— 47 чел.
б) по запросу Германского посольства	— 47 чел.
в) по запросу Литовской миссии	— 19 чел.
г) немцев	а)— 24 чел.а)
	в)137 чел. в)

а-а) Подчеркнуто от руки красным карандашом.
в-в) Вписано от руки красным карандашом.

[б]д) по распоряжению зам. народного комиссара внутренних дел Союза ССР тов. Меркулова[б]	[б]— 91 чел.[б]
е) прочих	[б]— 167 чел.[б]
	[в]258[в]
	[в]395 ч[ел.][в]

Начальник Управления НКВД СССР
по делам о военнопленных
капитан госбезопасности
П.Сопруненко

Резолюция в левом верхнем углу чернилами: «Тов. Худякова. Хранить. М[аклярский]».

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 4е. Д. 13. Л. 420. Подлинник.
«Катынь...». С. 598.

[1] См. №№ 17, 21. В категорию «прочие» входили лица, которые не подпадали под военнопленных, перечисленных в решении Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г. (см. № 1), то есть рядовые, унтер-офицеры армии, юнаки, подхорунжие, гражданские лица. В то же время в этой категории было и немало агентов и осведомителей особых отделений трех лагерей. Список военнопленных с указанием оснований для отправки в Юхновский лагерь см.: РГВА. Ф. 1/п. Оп. 4е. Д. 13. Лл. 422—464.

№ 93

1940 г., мая 28, Арык-Балыкский район Акмолинской области. — Прошение ученицы 3-го класса К. Микуцкой и ее брата С. Микуцкого И.В. Сталину об освобождении из плена их отца[1]

До товарыща Сталина в Маскве
Наш доброй любимай отец Сталин!

Я сичас лежу бальная и мне очень скучно за мойм [а]папашо[а], которого я не [г]видзела[г] почцы дзевяць месяцов. И я себе подумала, что только Вы Велыкий Сталин можете его вернуть.

Он был инжинером и во време войны его позвали на военную службу и он попал в плен.

Он сичас в Козельске в Смоленской области.

[б-б] Вычеркнуто от руки красным карандашом.
[в-в] Вписано под строкой красным карандашом.
[а-а] Подчеркнуто от руки синим карандашом.
[г-г] Вписано над строкой.

в)Нас из Пинска переселили в Козахстанскую риспублику до раиону Арыкбалыкский[в)] до калхозу Имантав.

Мы тут не имеим радных. Мая мать маленка слабенька. Прышлите нам атца целом серцом прошу.

Крыся [в)]Микуцкая ученица III класса[в)]
и Стась Микуцкой

Штампы входящей регистрации:
1. «Поступило в ЦК ВКП(б) 28 мая 1940 г.»
2. «Прокуратура Союза ССР. Направление 1 июня 1940 г.»

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 4е. Д. 1. Л. 350. Подлинник. Рукопись.
«Новый мир», 1991, № 2, с. 216.

[1] См. № 85. На сопроводительном документе к письму Крыси и Стаса Микуцких написано: «1-й спецотдел». Это значило, что военнопленный был расстрелян с оформлением через 1-й спецотдел НКВД СССР. Тело Евгения Микуцкого (1904—1940), подпоручика запаса саперных войск, было найдено при эксгумации катынских могил в 1943 г. и зарегистрировано под № 3417. Мать Крыси и Стаса Станислава Микуцкая 11 августа 1940 г. обратилась к прокурору г. Пинска с просьбой помочь отыскать ее мужа. Она писала, что ее супруг происходит из рабочей семьи, благодаря упорному труду он выучился на инженера, в день всеобщей мобилизации был призван в армию, где ему и был присвоен чин офицера. В ноябре 1939 г. Станислава получила от мужа письмо, но после депортации их семьи в Казахстан известия от него больше не поступали. «Находясь в тяжелых материальных условиях с двумя маленькими детьми, я прошу отнестись участливо к моей просьбе и помочь мне разыскать моего мужа, сообщив мне, как долго будет он задержан, и разрешить мне на переписку с ним», — писала С. Микуцкая (РГВА. Ф.1/п. Оп. 4е. Д. 1. Лл. 352—353).

№ 94

1940 г., не ранее июня 8[а)], Старобельск. — Сведения начальника особого отделения Старобельского лагеря сержанта госбезопасности М.М. Гайдидея о количестве оставшейся входящей и исходящей корреспонденции польских военнопленных[1]

Сведения
о количестве оставшейся невыданной входящей и исходящей
неотправленной корреспонденции военнопленных Старобельского лагеря
НКВД СССР по состоянию на 8.VI.40 г.

[в-в)] Подчеркнуто от руки зеленым карандашом.
[а)] Датируется по тексту.

Входящая корреспонденция				Телеграммы	Исходящая корреспонденция		Примечание
Письма		Почт[овые] карт[очки]			Письма	Почт[овые] карт[очки]	
Заказн[ые]	Простые	Заказн[ые]	Простые		простые	простые	
410	940	180	1550	300	160	3300	
Итого писем: 1350		Итого карточек 1730		300	Итого корреспонден[ции]		
Итого 3080				300	3460		

Остаток входящей корреспонденции — 3080; телеграмм — 300.
Остаток исходящей корреспонденции — 3460.

Начальник о[собого] о[тделения] лагеря НКВД СССР
сержант госбезопасности
М. Гайдидей
Политконтролер лагеря НКВД СССР
Д. Чехольский

Резолюция под таблицей красными чернилами: «Сжечь».[6)]

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 2е. Д. 10. Л. 231. Подлинник.

[1] См. № 99, 120. На следующий день эти сведения были направлены в УПВ с просьбой сообщить, как следует поступить с входящей и исходящей корреспонденцией. Письма в адрес офицеров продолжали поступать, и этим объясняется расхождение данных о ней в документах за разные числа. О Д.Л. Чехольском см. № 97.

№ 95

1940 г., июня 9, Москва. — Справка В.В. Чернышова о готовности лагерей военнопленных к приему нового контингента

Справка
о готовности лагерей под военнопленных[1]

1. Осташковский лагерь
   Ст. Осташково, Калининской области — лагерь готов к приему — 8000 чел.
2. Козельский лагерь
   Ст. Козельск Дзержинской дороги — лагерь готов к приему — 5000 чел.
3. Юхновский лагерь
   Ст. Бабынино, Мос[ковско]-Киевск[ой] дороги.

[6)] Подпись отсутствует.

Имеется — 396 человек военнопленных поляков, которые с разрешения тов. Меркулова перебрасываются в Грязовецкий лагерь
Лагерь готов к приему — 5000 чел.

4. Старобельский лагерь
   Ст. Старобельск, Москов[ско]-Донбасской ж.д.
   Лагерь может принять — 5000 чел.
5. Оранский лагерь
   Ст. Зименки, Казанской ж.д. В лагере временно помещаются 756 чел. чехов, которые будут переброшены в Суздальский монастырь, Ивановской обл.
   Лагерь может принять — 5000 чел.
6. Карагандинский лагерь
   Находится на Спасском заводе Карагандинской области, Казахской ССР, ст. Карабас, жел. дор[ожная] линия Караганда — Балхаш, от жел. дор[оги] на расстоянии 32 км
   Может разместить до — 4000 чел.
7. Для военнопленных, требующих особой изоляции, имеются помещения в Темниковском лагере на — 2000 чел.
8. Сверх этого можно разместить в Беломоро-Балтийском лагере на лесоразработках до — 4000 чел.

Итого: 38000 чел.

При наличии большого количества рядового состава возможно будет разместить [a)]до 10 000 чел.[a)] на стройках ГУЛАГа на лесоочистке Рыбинского водохранилища

Комдив (Чернышов)
Верно: [б)]Секретарь Управления Башлыков[б)]

Резолюция в левом верхнем углу 1-го листа: «Тов. Башлыков. Все документы положить в отд[ельную] папку. П.Сопруненко 29.6.40»

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 3а. Д. 1. Лл. 31—32. Заверенная копия.

[1] См. № 98. В справке, составленной несколькими днями позже, в Осташковский лагерь планировалось принять уже 9 тыс. человек, по 8,5 тыс. человек в Козельский, Юхновский и Старобельский лагеря, в Путивльский и Карагандинский — по 6 тыс. чел., в Оранский — 5 тыс. чел., Темниковский — 3 тыс., в Великом Устюге — 2 тыс., всего на 56 тыс. человек, и, кроме того, 8 тыс. военнослужащих намеревались разместить в лагерях ГУЛАГа (РГВА. Ф.1/п. Оп. 3а. Д. 1. Лл. 35—36). 16 июня начальник Осташковского лагеря уточнил, что контингент «в интересах экономии средств и наибольших удобств» следует направлять не на ст. Осташков, а на разъезд Казино (РГВА. Ф.1/п. Оп. 2е. Д.11. Л. 408).

[a-a)] Подчеркнуто от руки зеленым карандашом.
[б-б)] Вписано от руки чернилами.

№ 96

1940 г., июня 10, Москва. — Политдонесение С.В. Нехорошева и Н.А. Воробьева В.Н. Меркулову «о политико-моральном состоянии военнопленных Юхновского лагеря»

№ 25/5522 Сов. секретно

Заместителю народного комиссара
внутренних дел Союза ССР
комиссару государственной безопасности III ранга
тов. Меркулову[1]

Политдонесение
о политико-моральном состоянии военнопленных
Юхновского лагеря

На 1 июня 1940 г. в лагере числится [а)]394 человека[а)] военнопленных.

Военнопленные из среды полковников и подполковников выражают недовольство режимом в лагере, который они считают строже, чем был в лагерях, откуда они прибыли, особенно недовольны частыми, как они выражаются, проверками, проводящимися утром и вечером.

Недовольств на питание нет. Отдельные из военнопленных высказывают мнение, что хотя пищу дают три раза в день, но по количеству одинаково с теми лагерями, где они получали ее два раза в день.

[б)]Выражается недовольство к военнопленным, которые, выполняя по желанию работы, получают дополнительное питание[б)].

Настроение у абсолютного большинства военнопленных резко националистическое.

По прибытии в лагерь 13 и 14 мая военнопленные после вечерней проверки организовали «минуту молчания». Старший этой группы военнопленный Мара-Мейер[2] объяснил, что этим они чтят память погибших товарищей; как потом выяснилось, что это были дни годовщины смерти Пилсудского.

Проявляется недовольство к тем, которые изъявляют желание работать, называют их шпионами, изменниками.

Военнопленный Раксимович[3] рассказал, что еще в Осташковском лагере против него были гонения и угрозы за то, что он писал лозунги и выполнял другую работу в клубе и что здесь 10 мая 1940 г. Мара-Мейер не допустил его в баню с первой очередью, а послал во вторую.

[а-а)] Подчеркнуто двумя чертами от руки красным карандашом, на полях виза В.Н. Меркулова тем же карандашом.

[б-б)] Отчеркнуто на полях двумя чертами.

В резкой форме проявляется среди военнопленных поляков антисемитские настроения. Презрительно называют евреев «курлай», стараются не допускать военнопленных евреев в кухню.

Военнопленные настороженно следят за ходом военных действий на западном фронте.

Группа [a)]военнопленных немцев[a)] выражает большое удовлетворение победой Германии над союзниками, отдельные высказывают мнение, что Германия будет воевать и против СССР.

Военнопленные поляки высказывают симпатии Англии и Франции.

Военнопленный Лис Иосиф заявил: «хотя Германия и имеет сейчас успех, но победа будет на стороне союзников, последним поможет Америка и тогда восстановят Польшу».

Военнопленный Королевский[4] говорил военнопленным: «нужно изучать английский язык как необходимый для всех поляков, ибо Англия — союзница поляков и борется за восстановление Польши».

Отдельные военнопленные из офицерского состава на сообщение об издевательствах над красноармейцами и младшими командирами в Литве[5], высказывают мнение, что «СССР намеревается присоединить Литву, вот и сообщает о таких случаях».

В группе военнопленных подхорунжих исполнялись молитвы, на которые к ним приходил генерал Волковицкий[6].

Политаппарату лагеря даны указания изучать настроения военнопленных, разъяснять им международное положение, пресекая попытки неправильного толкования и извращения материалов, публикуемых в печати, вести работу в тесном контакте с работниками о[собого] о[тделения].

Всякие коллективные молебствия и другие сборища запрещены.

Комиссар Управления НКВД СССР
по делам о военнопленных
полковой комиссар
Нехорошев

Зам. нач[альника] политотдела
ст. политрук
Н. Воробьев

Резолюция в левом верхнем углу 1-го листа чернилами: «Вернуть. 11.VI» [a)].

Штампы на 1-м листе:

1. «Секретариат НКВД СССР. 1-е отделение. Индекс 25. 11.VI—40 г.»
2. «Управление НКВД СССР по делам военнопленных. Вх. № 11749. 14.VI.40 г.»

[a-a)] Подчеркнуто от руки красным карандашом, вероятно, В.Н. Меркуловым, и поставлен вопросительный знак.

[a)] Подпись неразборчива.

РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1. Лл. 176—178. Подлинник.

[1] См. № 86. О настроениях военнопленных сообщал в своих политических отчетах и комиссар Юхновского лагеря Лаврентьев (см. РГВА. Ф. 3. Оп. 2. Д. 4. Лл. 60—64). См. подробнее: Н.С. Лебедева. Катынь: преступление против человечества. С.210. 14 июня по приказу В.Н. Меркулова 384 военнопленных были погружены в 5 вагонов на ст. Бабынино и отправлены поездом № 1136 в Грязовец (Вологодская обл.). 10 больных, находившихся в лагерном стационаре и городской больнице, были переведены в Грязовецкий лагерь несколько позже.

[2] Мара-Мейер, см. № 17

[3] Раксимович Людвиг Ромуальдович, 1902 г.р., землемер, при мобилизации был зачислен полицейским, переведен в Юхновский лагерь с пометкой «прочий».

[4] Королевский Феликс Станиславович, 1911 г.р., бухгалтер 13-го юнацкого батальона, был переведен в Юхновский лагерь по поручению В.Н. Меркулова.

[5] 30 мая 1940 г. в г. «Известия» было опубликовано «Сообщение НКИД о провокационных действиях литовских властей», в которых перечислялись случаи исчезновения красноармейцев из расположенных в Литве частей и вся ответственность за это возлагалась на литовскую сторону. Польские офицеры сразу поняли смысл этих обвинений и оказались правы. 14 июня Литве был предъявлен ультиматум с требованием создать новое правительство и пропустить новые крупные контингенты советских войск на свою территорию. В считанные дни была установлена советская власть в Литве, Латвии и Эстонии, и 3—5 августа 1940 г. VII сессия Верховного Совета СССР приняла три новые республики в состав СССР.

[6] Волковицкий Ежи, см. № 17, 117, 121, 145, 165.

№ 97

1940 г., июня 13, Москва. — Распоряжение П.К. Сопруненко и И.Б. Маклярского А.Г. Бережкову о проведении расследования в связи с отправкой корреспонденции польских военнопленных

№ 25/5583 [a)]Сов. секретно[a)]

Начальнику Старобельского лагеря НКВД
капитану госбезопасности
тов. Бережкову
Лично

По линии «ПК»[б)] перехвачено 20 открытых документов, отправленных из лагеря в июне месяце с.г., в то время, как всякая переписка военнопленных была запрещена еще 16 марта 1940 г.

[a-a)] Над текстом вписано от руки чернилами: «Не прошивать. Не прокалывать»

[б)] «ПК» – политический контроль (цензура писем).

Кроме того, на всех документах адрес отправления кем-то зачеркнут.

Предлагаем немедленно произвести тщательное расследование для установления, кто сдал эти документы на почту и кто зачеркнул адрес.

Результаты расследования донесите, вернув одновременно настоящее письмо и документы[1].

Приложение: 20 документов.

Нач[альник] Управления НКВД СССР
по делам о военнопленных
капитан госбезопасности
П.Сопруненко

Нач[альник] 2-го отдела Управления
лейтенант госбезопасности
Маклярский

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 4в. Д. 1. Л.196. Подлинник. На бланке УПВ.

[1] После получения данного письма руководство Старобельского лагеря провело расследование и выяснило, что политконтролер Даниил Лаврентьевич Чехольский отправлял письма военнопленных их родным, написанные даже в апреле 1940 г. На вопрос, каким образом корреспонденция оказалась на почте, и даже в почтовых отделениях на периферии, да еще с зачеркнутым его рукой обратным адресом, во время, когда военнопленных уже не было в лагере, Чехольский пояснил: «Чтобы успокоить семьи и отвязаться от запросов». Он отобрал письма, где говорилось: «Жив, здоров, ни в чем не нуждаюсь, больше сюда не пишите, ждите новый адрес». Он же отправил телеграммы: «Мужья Ваши выбыли. Адреса не знаем, обращайтесь [в] Управление НКВД по делам о военнопленных, Москва, площадь Дзержинского, 2. Чехольский». По приказу Сопруненко он был 23 июля уволен из Старобельского лагеря. Дальнейшая судьба его неизвестна. Часть посланных им писем дошла до адресатов. См. РГВА. Ф. 1/п. Оп. 4в. Д. 1. Л. 125, 197, 209, 228.

№ 98

1940 г., июня [10–15] Москва. Справка УПВ НКВД СССР о возможности дополнительного приема в лагеря военнопленных из Прибалтийских стран

Справка
о возможности приема военнопленных
по имеющимся лагерям[1]

1/ Осташковский лагерь НКВД
Калининской области — 9.000 человек

2/ Козельский лагерь НКВД Смоленской области	—	[б)]8.500[б)]	— „ —
3/ Юхновский лагерь НКВД Смоленской области	—	[в)]8.500[в)]	— „ —
4/ Старобельский лагерь НКВД Ворошиловградской области	—	[в)]8.500[в)]	— „ —
5/ Оранский лагерь НКВД Горьковской области	—	[г)]5.000[г)]	— „ —
6/ Карагандинский лагерь НКВД Казахской ССР	—	6.000	— „ —
7/ Темниковский лагерь НКВД Мордовской АССР	—	3.000	— „ —
[а)]8/ Путивль[а)]	—	[а)]6000[а)]	— „ —
[а)]9/ Великий Устюг[а)]	—	[а)]3.000[а)]	— „ —

Всего: [а)]56000[а)] чел.[2]

8000 человек нужно будет разместить в лагерях ГУЛАГа НКВД. После освобождения Южского и Грязовецкого лагерей, в них необходимо будет поместить выявленных офицеров, полицейских, жандармов, агентов и им равных.

Начальник Управления НКВД СССР
по делам о военнопленных
капитан государственной безопасности
(Сопруненко)

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 3а. Д. 1. Л. 35–36. Копия.
«Катынь...». С. 599.

[1] Для подготовки лагерей к приему военнопленных из Литвы, Латвии и Эстонии туда направлялись ответственные работники УНКВД и начальники санитарных отделений ряда лагерей ГУЛАГа (РГВА. Ф. 1/п. Оп. 3а. Д. 2. Л. 558). 15 июня в Саранск и Тулу В.В. Чернышов направил записки по прямому проводу с требованием сообщить, имеется ли возможность создать на территориях бывших Саровской пустыни, в Сарлаге и в Тихановой пустыни (на 10 тыс. чел.), лагеря для спецконтингента. 17 июня, когда «дополнительные контингенты» советских войск уже вступили на территорию трех прибалтийских государств, П.К. Сопруненко обратил внимание начальника УНКВД по Ворошиловградской области

[б-б)] Исправлено. Ранее значилось: 6500.
[в-в)] Исправлено. Ранее значилось: 5000.
[г-г)] Исправлено. Ранее значилось: 4000.
[а-а)] Вписано чернилами от руки.

М.И. Череватенко, что «по Указанию Наркома Внутренних Дел Союза ССР Старобельский лагерь вновь развертывается для приема контингентов» и просил выделить опытных работников 1-го спецотдела УНКВД для УРО лагеря.

[2] Суммирование цифр дает 57 500, а не 56 000.

№ 99

1940 г., июня 15, Москва. — Распоряжение П.К. Сопруненко и И.Б. Маклярского А.Г. Бережкову об уничтожении оставшейся от польских военнопленных корреспонденции и фотографий

№ 25/5699 Секретно

Начальнику Старобельского лагеря НКВД
капитану госбезопасности
тов. Бережкову

На № 5/51 от 9/VI–40 г.

Оставшуюся от военнопленных корреспонденцию нужно сжечь, негативы и фотокарточки 3 экз. уничтожить.[1]

Нач[альник] Управления НКВД СССР
по делам о военнопленных
капитан госбезопасности
(Сопруненко)

Нач[альник] 2-го отдела Управл[ения] НКВД СССР
по делам о военнопленных
лейтенант госбезопасности
(Маклярский)

Помета на полях: «Т.Худя[кова]».

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 2е. Д. 10. Л. 229. Отпуск.

[1] См. № 94. 19 июня начальник УРО Старобельского лагеря В.Н. Сысоев, политконтролер Д.Л. Чехольский и работник хозотделения Петухов составили акт о сожжении входящей и исходящей корреспонденции, в том числе 1595 писем, 2149 почтовых открыток и 207 телеграмм, адресованных военнопленным, и 3655 исходящих писем и открыток, адресованных родным польских офицеров. Месяц спустя, 23 июля, был составлен новый акт о сожжении новой партии входящей переписки (984 писем, 3250 открыток и 79 телеграмм) (РГВА. Ф. 1/п. Оп. 3а. Д.2. Л. 577; оп. 2е. Д. 10. Л. 288).

№ 100

1940 г., ранее июня 17[а], с. Корнеевка. — Заявление польской гражданки И. Томяк начальнику Осташковского лагеря с просьбой указать местонахождение мужа — польского военнопленного И.И. Томяка

Уважаемый товарищ начальник.

Простите, что осмелилась Вас беспокоить, но руководит мною сильная любовь к мужу и забота о нем. От мужа моего, Томяка Иосифа Иосифовича, от трех месяцев не получено никаких известий. В январе от него получила письмо, в котором подал свой адрес — г. Осташков, Калининская область, ящик почт[овый] № 37. На этот адрес послала письмо, телеграмму и деньги. Получила ответ в феврале. Теперь живу в селе Корнеевка, Северо-Казахстанской области, отсюда послала телеграмму и письма, но ответа не имею. Не сплю по ночам, беспокоюсь ужасно. Умоляю, пожалейте меня, напишите, жив ли муж, можно ли ему помочь деньгами, и если его нет уже в тюрьме, укажите место пребывания его. К кому я должна обратиться для того, чтобы узнать, где теперь находится. Прошу, пощадите меня, не откажите в моей просьбе, буду от души благодарна. Зная, что муж жив, буду спокойно работать, зарабатывать на содержание шитьем дамской одежды.

С почтением Томяк Изабела[1].

Адрес мой:
Северо-Казахстанская область, Ленинский район,
село Корнеевка, ул. Береговая.
Томяк Изабела

Резолюция по тексту документа на 1-м листе чернилами: «УРО. Направить тов. Маклярскому в Управление. 17. VI. 40 г. [Борисовец]».
Помета в верхней части листа: «1-й спецотдел».

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 4е. Д.1. Лл. 89—89 об. Подлинник. Рукопись. .
«Новый мир», 1991, № 2. С. 216—217.

[1] Томяк Иосиф Иосифович, подкомиссар польской полиции, служил в Ковеле. Содержался в Осташковском лагере, откуда и был направлен в УНКВД по Калининской области, то есть на расстрел. Своего мужа, Людвига Зингера, врача из Львова, содержавшегося ранее в Козельском лагере, разыскивала его жена Паулина Зингер, обратившаяся к наркому обороны С.К. Тимошенко (РГВА. Ф.1/п. Оп. 4е. Д. 1. Л. 127).

[а] Датируется по резолюции на документе.

№ 101

1940 г., июня 19, Москва. — Служебная записка начальника 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР П.М. Фитина П.К. Сопруненко об отправке интернированных легионеров быв. чехословацкого легиона Войска Польского из Суздальского лагеря в гор. Одессу[1]

№ 5/7388

Сов. секретно
Срочно

Начальнику Управления НКВД Союза ССР
по делам военнопленных
капитану госуд[арственной] безопасности
товарищу Супруненко[а)]

По согласованию с народным комиссаром внутренних дел Союза ССР нами разрешен выезд за границу группе интернированных на быв. польской территории легионеров быв. чехословацкого легиона в количестве 56 человек (см. прилагаемый список)[1].

В связи с этим прошу дать указание начальнику Суздальского лагеря интернированных чехов об отправке перечисленных в списке лиц в гор. Одессу, куда таковые должны прибыть не позднее утра 23 июня 1940 г. и должны быть сданы сопровождающими сотруднику 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР лейтенанту госбезопасности тов. Корнееву на морском контрольно-пропускном пункте гор. Одессы.

О выезде из Суздальского лагеря указанной группы чехов прошу известить сотрудника 5-го отдела ГУГБ НКВД тов. Адамовича по служебному телефону № 35-96.

Приложение: Упомянутое.[б)]

Нач[альник] 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР
ст. майор госуд[арственной] безопасности
Фитин

Помета в левом нижнем углу красным карандашом: «Получено в 17 ч[ас.] 45 м[ин.] 19/VI-40 г.».
Штамп входящей регистрации: «Управление НКВД СССР по делам военнопленных. Вх. № 11952».

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 2е. Д. 15. Л. 275. Подлинник. На бланке служебной записки 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР.

[а)] Так в документе, правильно Сопруненко.
[б)] В деле отсутствует.

[1] Обращает внимание разное отношение сталинского руководства к польским и чешским военнослужащим. Последние изъявили желание сражаться с вермахтом после нападения Германии на Польшу в составе чешского легиона Войска Польского. В сентябре 1939 г. они не были взяты в плен. В статусе интернированных они долгое время пользовались относительной свободой, имея возможность покидать свой лагерь. В соответствии с приказом НКВД СССР № 00348 от 21 марта 1940 г. они были переведены в специально созданный для них Оранский лагерь (ГАРФ. Ф. Р-9401с. Оп. 1. Д. 552. Л. 205). В то время как польских офицеров расстреливали, группе военнослужащих чешского легиона разрешили выехать за границу. 20 июня содержавшиеся в Оранском лагере чехи были переведены в Суздальский лагерь. 26 июня в Одессу были отправлены 56 взрослых и 5 детей чешской национальности. На 1 августа в Суздальском лагере еще оставались 611 человек, в том числе 137 кадровых военных, 470 резервистов и 4 отставника. 22 человека называли себя коммунистами. 6 мая 1941 г. П.К. Сопруненко докладывал Л.П. Берии: «Интернированные бывшего чешского легиона поступили в лагерь 803 человека. Из них отправлены за границу 639 человек. Освобождено по просьбе ИККИ (Исполкома Коминтерна — Сост.) 3 чел. Осталось в лагере 161 чел., из которых в бегах находится 2 чел. Основная масса интернированных ожидает очередной отправки за границу, наряду с этим имеется группа численностью 15—20 чел. с твердым намерением категорического отказа от выезда из пределов СССР» (РГВА. Ф. 1/п. Оп. 5а. Д. 1. Л. 38).

№ 102

1940 г., [июнь], Москва. — Справка И.Б. Маклярского о составе военнопленных, содержащихся в Севжелдорлаге

Сов. секретно

Справка

о составе военнопленных, содержащихся в Севжелдорлаге[1]

Всего содержится	7866 чел.
Из них: кадровых военнослужащих и полицейских	3359 чел.
Призванных из запаса	3805 чел.
Призванных из отставки	526 чел.
Гражданских лиц	176 чел.
1. По национальному признаку:	
Поляков	5715 чел.
Белорусов	1373 –"–
Евреев	421 –"–
Украинцев	256 –"–
Русских	49 –"–
Литовцев	33 –"–
Немцев	9 –"–
Латышей	3 –"–

Татар	3 –"–
Чехов	2 –"–
Словаков	1 –"–
Американцев	1 –"–
3. По территориальному разделению:	
Жителей территории, отошедшей к СССР	4265 чел.
Жителей территории, отошедшей к Германии	3601 чел.

Нач[альник] 2-го отдела Управления НКВД СССР
по делам о военнопленных
ст. лейтенант госбезопасности
(Маклярский)

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 01е. Д. 3. Лл. 229—230. Копия.

[1] См. №№ 73, 105. В соответствии с приказом Берии от 14 мая 1940 г. был создан сводный отряд конвойных войск для сопровождения военнопленных, отправленных в СЖДЛ. Его командиром был назначен майор В.Г. Слоневский, военкомом И.Ф. Сметанин. До Котласа военнопленных сопровождал 228-й полк конвойных войск, до многочисленных отделений вдоль Северо-Печорской магистрали — сводный отряд Слоневского. Подчинялся отряд непосредственно начальнику ГУКВ В.М. Шарапову. В середине июля отряд был расформирован и охрана военнопленных поручена вохровцам.

Часть 2

СУДЬБЫ ЖИВЫХ

Июль 1940 — апрель 1943 г.

Введение

Часть II «Судьбы живых» — это краткий вариант третьего тома 4-томного издания «Катынь. Сборник документов»[1]. Она отражает судьбу польских военнопленных — офицеров и полицейских, уцелевших в ходе проведения органами НКВД весной 1940 г. акции по физической ликвидации военнопленных, содержавшихся в Козельском, Старобельском и Осташковском лагерях и заключенных тюрем западных областей УССР и БССР. Включенные в эту часть материалы освещают и положение интернированных поляков, вывезенных летом 1940 г. из Литвы и Латвии, а также военнопленных из трудовых лагерей. Часть документов проливает свет на позицию сталинского руководства по отношению к бывшим военнопленным — военнослужащим польской армии на территории СССР, так называемой Армии Андерса.

Хронологические рамки тома охватывают период с июля 1940 г. до середины апреля 1943 г., от завершения расстрела военнопленных (офицеров и полицейских) и заключенных тюрем — до обнаружения немцами захоронений в Катынском лесу. Участь поляков на территории СССР в этот период была известна лишь по воспоминаниям и свидетельствам тех, кому удалось пережить весну 1940 г. Публикуемые документы позволяют взглянуть на их судьбу в иной перспективе, поместить ее в контекст политики советского государства и большевистской партии. В середине 1941 г. в этой политике происхо-

[1] Katyń. Dokumenty zbrodni. Tom 3. Losy ocalałych lipiec 1940 — kwiecień 1943. Opracowali W. Materski, B. Woszczyński, E. Rosowska, N.S. Lebiediewa, N.A. Pietrosowa. W-wa, 2001.

дят кардинальные перемены. После нападения третьего рейха на СССР во главу угла ставится цель полного разгрома гитлеровской Германии, и все, кто выражает готовность бороться с нацизмом, становятся потенциальными союзниками Советского Союза.

Бесследное исчезновение более 15 тыс. офицеров и полицейских вызвало огромное беспокойство и страх за их судьбу у близких. Родные обращались во все инстанции с просьбой сообщить о них хоть какие-нибудь сведения (см. №№ 85, 93, 100, 111, 143, 144). Вся корреспонденция, поступавшая в адрес расстрелянных, отправлялась в областные УНКВД, НКВД УССР и БССР для принятия мер против их родных, если таковые еще не были депортированы в Казахстан (см. № 110). Письма родных в адрес И.В. Сталина, М.И. Калинина, В.М. Молотова, С.К. Тимошенко и др. пересылались в УПВ, где, как правило, на них делались пометы: «1-й спецотдел». Это значило, что офицер или полицейский был расстрелян с оформлением через 1-й спецотдел НКВД СССР. Военнопленных из Козельска, Старобельска и Осташкова разыскивали и Красный Крест (см. №№ 114, 127, 134), и Германское посольство (см. № 108).

Старобельскому, Козельскому и Осташковскому лагерям было велено сдать свою документацию в 1-й спецотдел, ненужные материалы — уничтожить (см. №№ 99, 121). Сталину периодически предоставлялись справки, в которых указывалось, что 15 131 офицер и полицейский были переданы УНКВД Калининской, Харьковской и Смоленской областей с оформлением через 1-й спецотдел (см. №№ 157, 175, 204).

В Грязовецком лагере на 23 июля 1940 г. числились 394 военнопленных, включая 1 генерала, 8 полковников, 16 подполковников, 9 майоров, 18 капитанов, 342 других офицеров, полицейских и гражданских лиц.

По приказу В.Н. Меркулова в лагере было создано мощное особое отделение в составе 15 оперативников. Его работу курировал сам В.Н. Меркулова, 5-й отдел ГУГБ НКВД СССР[2] и начальник УПВ (с марта 1941 г. — Управления по делам о военнопленных и интернированных или УПВИ) П.К. Сопруненко (см. № 120).

Особое отделение Грязовецкого лагеря во главе с Г.А. Эйльманом проверило военнопленных — уроженцев западных областей Украины и Белоруссии через УНКВД по месту их постоянного жительства, собрало информацию о каждом из своих подопечных через многочисленную агентуру в самом лагере. Оперативники установили имена наиболее антисоветски и националисти-

[2] По решению Политбюро ЦК ВКП(б) от 26 февраля 1941 г. Наркомат внутренних дел СССР, так же как и республиканские НКВД, был разделен на два — НКВД и НКГБ (на базе ГУГБ). С этого времени 5-й отдел ГУГБ стал 1-м управлением НКГБ.

чески настроенных военнопленных и тех, кто скрывал свою прошлую деятельность. К началу сентября они выявили: начальника отделения международных сношений 2-го отдела польского Главштаба; бывшего помощника начальника управления при кабинете военного министра по насаждению военных осад; руководителя Львовской областной организации «Озон»; цензоров, помещиков, членов различных политических партий и организаций. Поручик А. Глезер подозревался в принадлежности к германской разведке. Среди полицейских офицеров был обнаружен начальник политического отделения тайной полиции. Четыре гражданских лица были «разоблачены» как скрывавшиеся офицеры (см. № 119). Тщательно прослеживались и настроения военнопленных. Обращалось внимание как на тех, кто проявлял готовность сотрудничать с советскими властями, так и на лиц, намеревавшихся бороться за независимость своей страны.

Начальник Грязовецкого лагеря старший лейтенант госбезопасности В.Я. Волков установил жесткий распорядок дня. Подъем в 6 утра, утренняя и вечерняя поверки, работа с 8 до 18 часов, отбой в 22 часа. Во время рабочего дня никто не имел права, за исключением высших офицеров, оставаться в своих корпусах.

Политическое отделение развернуло интенсивную идеологическую обработку контингента. В клубе организовывались доклады, лекции, беседы о международном положении, внутренней и внешней политике СССР, велась антирелигиозная пропаганда, показывались кинофильмы. Кружки по агротехнике, химии, физике, математике, иностранным языкам, хоровые и др. должны были отвлечь военнопленных от активной антисоветской деятельности (см. № 132). Однако добиться этой цели политическое отделение так и не смогло.

В августе 1940 г. произошел конфликт военнопленных с администрацией. Поляки объявили голодовку в знак протеста против водворения на гауптвахту врача З. Годлевского, потребовавшего произвести анализ воды из сооруженного в лагере водоема (см. № 107).

В Грязовец попали люди самых разных взглядов, возрастов, социального положения, национальностей. Условно среди них можно выделить четыре группы. Самая многочисленная — патриотически настроенные поляки, полные решимости бороться за независимость своей страны, не шедшие на сотрудничество с лагерной администрацией. Ее признанным лидером стал генерал Е. Волковицкий. Вокруг него сплотились полковник Е. Гробицкий, майор Л. Домонь, ксендз Ф. Тычковский, комиссар полиции Я. Бобер, капитан морского флота Ю. Гинсберт и др. (см. № 124). Защищая права военно-

пленных, генерал неоднократно требовал разрешить им переписку с родными и близкими, экипировать их в соответствии с суровыми условиями вологодской зимы, выдать карманные деньги, оказать помощь семьям, проживавшим в СССР (см. №№ 118,122).

Чтобы добиться возобновления переписки, генерал и его окружение создали комитет по подготовке к массовой голодовке (см. № 117). Это побудило П.К. Сопруненко в начале сентября обратиться к начальству с просьбой поскорее решить болезненный вопрос. В результате в конце месяца разрешение на отправку и получение корреспонденции было получено (см. № 123).

В то же время оперативники сочли необходимым арестовать наиболее активных руководителей группы, включая Е. Волковицкого. Начальник УНКВД по Вологодской области П.П. Кондаков 29 сентября 1940 г. обратился с этим предложением к самому наркому внутренних дел СССР (см. № 124). Однако его инициатива не встретила поддержки. В.Н. Меркулов ответил Кондакову, что считает изъятие из лагеря названных им людей нецелесообразным.

Между тем группа Волковицкого продолжала свою просветительскую работу. Генерал и его сторонники добивались также разрешения на выезд из СССР, чтобы иметь возможность сражаться против фашизма. 10 апреля 1941 г. Е. Волковицкий обратился к В.М. Молотову с просьбой позволить им отбыть в Югославию и вступить в югославскую армию (см. № 145).

Второй достаточно сплоченной группой являлись военнопленные немецкого происхождения, большая часть которых симпатизировала нацистам. Так, Ю. Фишер, майор кавалерии, будучи в Старобельске, направил Гитлеру поздравительную телеграмму в связи с днем его рождения. Ветеринар капитан Г. Цын заявил: «Мы еще на эту землю придем под знаменем Гитлера как победители». Среди фольксдойче тем не менее были и те, кто с одинаковой враждебностью относился как к сталинскому, так и к гитлеровскому режиму, сохраняя верность стране, в которой они родились и выросли. Зубной врач А. Данек, в частности, сказал: «Германию и СССР можно сравнить с двумя ворами, которые договорились вместе кого-либо обобрать, поделить добычу, но готовы подраться, чтобы обобрать друг друга»[3].

Военнопленных, об освобождении которых хлопотали германские власти, по указанию Меркулова, стали срочно проверять — уточнять их национальность, выявлять компрометирующие их материалы и т.д.[4] Многие из этих лиц не были

[3] РГВА. Ф.1/п. Оп. 4с. Д.13. Л. 198, 202.

[4] Там же. Лл. 196—415.

связаны ни с немцами, ни с нацизмом, но за них хлопотали влиятельные европейские круги. В ряде случаев НКВД шел навстречу таким ходатайствам.

Летом-осенью 1940 г. были составлены характеристики на Ю. Чапского, Б. Млинарского, О. Слизеня, И. Пайдовского, А. Рачинского и др. в связи с их возможной выдачей Германии. В характеристике особого отделения Грязовецкого лагеря на Ю. Чапского, например, констатировался его отказ от какого-либо сотрудничества с советскими властями (см. № 108). Талантливый польский художник и мыслитель считал, что СССР нанес его стране удар в спину в то время, когда Польша находилась в смертельной схватке с фашистской Германией[5].

В 1940—1941 гг. СССР передал Германии 562 военнопленных главным образом больных и инвалидов, жителей территории, отошедшей к Германии, а также лиц немецкой национальности. Среди последних были и три офицера — капитан Р. Бауэр, поручики А. Глезер и Г. Стегеман из Грязовецкого лагеря.

В третью группу входили военнопленные евреи, которые держались особняком, были более лояльно расположены к администрации, что вызывало раздражение у большинства поляков. В результате возникали конфликты, иногда переходившие в потасовку (см. № 112).

В последнюю группу входили те, кто соглашался сотрудничать с администрацией лагеря, советскими органами безопасности и командованием Красной Армии. Члены распущенной по инициативе И.В. Сталина в 1938 г. Компартии Польши Р. Имах и С. Щиперский при активном участии поручиков К. Дудзинского и Н. Чечота, подхорунжего Ф. Кукулинского, капитана К. Розен-Завадского и Т. Вихеркевича организовали в лагере «ленинскую комнату» или «красный уголок». Однако письма, которые стали поступать от родных и близких, сосланных в Казахстан, отрезвили некоторых военнопленных (см. 149). Подхорунжий Абрам Гольдберг, ранее весьма благожелательно настроенный к СССР, заявил, что невозможно симпатизировать стране, в которой не знаешь, на какую ты судьбу обречен.

Лишь те военнопленные, которые придерживались прокоммунистических убеждений, были завербованы оперативниками или намеревались сражаться вместе с Красной Армией в случае нападения Германии на СССР, продолжали активно сотрудничать с администрацией. О взглядах группы старших офицеров, стремившихся к взаимодействию с советскими властями, можно судить по записке подполковника польского Главштаба М. Моравского, на-

[5] Lebiediewa N. Jeńcy polscy w obozach NKWD. Przypadek Józefa Czapskiego // Zeszyty Literackie. Rok XIII. Wiosna 1995. № 50, s. 122—123.

правленной Л.П. Берии в мае 1941 г. (см. № 152). В ней шла речь об обеспечении победы социализма не только в Польше, но и во всей Восточной и Центральной Европе и о создании Союза социалистических республик Европы.

После разгрома Франции в Москву стала стекаться информация о подготовке Германии к войне против СССР[6]. Она свидетельствовала о том, что против СССР было сосредоточено к осени 1940 г. более одной трети сухопутных сил вермахта. 18 сентября 1940 г. нарком обороны С.К. Тимошенко и начальник Генштаба РККА К.А. Мерецков направили в ЦК ВКП(б) записку об основах развертывания вооруженных сил СССР на 1940 и 1941 гг.: «Советскому Союзу необходимо быть готовым к борьбе на два фронта: на Западе против Германии, поддержанной Италией, Венгрией, Румынией и Финляндией, а на Востоке — против Японии...»[7],- указывалось в ней.

В этой тревожной обстановке в сталинском руководстве родилась идея использовать антигитлеровские настроения польских военнопленных в своих целях. Со старшими офицерами стали проводиться беседы о том, что СССР и Польша имеют общие интересы и можно было бы начать создавать польскую армию на территории СССР. Эти идеи встретили понимание среди сторонников подполковника З. Берлинга. 9 октября 1940 г. они были отправлены из Грязовца в мягком вагоне в Москву[8]. Здесь их разместили на Лубянке, где с ними встречались Берия и Меркулов. Во время одной из встреч Берлинг предложил включить в состав польской армии всех солдат и офицеров, независимо от их политических взглядов и, получив согласие на это наркома, заявил: «Ну и прекрасно, у нас прекрасные кадры для армии в лагерях в Старобельске и Козельске». Меркулов немедленно возразил: «Нет, эти нет. Мы сделали с ними большую ошибку»[9].

31 октября группу З. Берлинга перевели на дачу № 20 в Малаховке или, как ее называли сами военнопленные, «виллу роскоши». Туда же в начале ноября доставили Р. Имаха, К. Дудзинского, Ф. Кукулинского, К. Розен-Завадского, С. Шиперского, Т. Вихеркевича.

2 ноября Берия направил Сталину записку, в которой докладывал о выполнении поручения «вождя» в отношении использования военнопленных поляков и чехов для создания национальных воинских частей (см. № 130). Нарком сообщал «хозяину», что органам госбезопасности удалось отобрать

---

[6] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Том 1. Накануне. Книга первая (ноябрь 1938 г. — декабрь 1940 г.) М., 1995, с. 278—279.

[7] Там же. С.253—258.

[8] РГВА. Ф.1/п. Оп. 3с. Д. 1. Л. 599.

[9] Zbrodnia katyńska w świetle dokumentów. London, 1962, s. 82.

24 польских офицера, включая трех генералов, которые крайне враждебно относились к Германии, считали неизбежным ее столкновение с СССР и были готовы принять участие в предстоявшей войне на стороне Советского Союза. При этом группа Берлинга считала себя свободной от каких-либо обязательств в отношении польского правительства в эмиграции, другие же заявляли, что смогут участвовать в войне на стороне СССР лишь в случае, если это будет санкционировано правительством В. Сикорского. Берия предлагал поручить именно группе Берлинга организацию польской дивизии, предоставив ей возможность отобрать кадровый состав в лагерях НКВД для военнопленных и интернированных. Излагался и конкретный план создания, вооружения и обучения польской дивизии.

Однако Сталин, видимо, счел этот план рискованным, опасаясь всего, что могло бы ускорить нападение Германии на СССР. К данной идее вернулись лишь в начале июня 1941 г., когда Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о создании дивизии, укомплектованной поляками (см. № 153). Тем не менее все это время группу Берлинга продолжали в Малаховке готовить к возможному будущему сотрудничеству с Красной Армией.

В Козельский, Юхновский и Старобельский лагеря вскоре после завершения расстрельной операции прибыл новый контингент. 6 июля 1940 г. Берия подписал приказ № 00806 «О переводе интернированных в Литве военнослужащих и полицейских бывшего Польского государства в лагеря НКВД СССР для военнопленных» и утвердил подробнейший план этой операции (см. № 104). Вывозить интернированных предстояло из четырех литовских лагерей, расположенных в Вилькомире, в 5-м форте у Каунаса, в пригороде Вильнюса — Кальварии и в Вилькавишках.

Отправка была осуществлена 9—10 июля. 2357 офицеров и полицейских были доставлены в Козельский лагерь, 2023 рядовых и унтер-офицеров — в Юхновский (см. № 106). Начальники этих лагерей получили приказ засекретить их месторасположение, маскируя в момент прибытия интернированных названия станций. Однако конспирация не удалась, и вскоре от нее отказались. Поляки, задержанные в 1939 г., имели статус военнопленных, лица, вывезенные из Прибалтики летом 1940 г. — интернированных.

Интернированные прибыли в Козельский лагерь 13 — 15 июля. После санобработки и прохождения карантина на территории «Скита» 18 июля их распределили по корпусам на основной территории бывшего монастыря «Оптина пустынь». Группу из 23 старших офицеров и крупных чиновников разместили в отдельном здании по 2—3 человека в комнате с койками и ком-

плектами белья. Майоры, капитаны, поручики и подпоручики были поселены в бараках и церквах, оборудованных двухъярусными нарами. Полицейский состав содержался отдельно от офицеров и был вынужден довольствоваться помещениями с трехъярусными нарами.

Сразу же после размещения интернированных 2-е, учетно-регистрационное, отделение (УРО) приступило к регистрации контингента. Руководил ею прибывший из Москвы И.Б. Маклярский. 22 июля 1940 г. П.К. Сопруненко сообщил начальству, что в лагере содержатся 2353 человека. В их числе были: 1 генерал, 5 полковников, 17 подполковников, 43 майора, 150 капитанов, 618 поручиков, 266 хорунжих и подхорунжих, 7 ксендзов, 7 рядовых, 11 беженцев, 1104 полицейских, 70 жандармских чинов и 54 пограничника (см. № 106). Секретариат УНКВД по Смоленской области доложил В.Н. Меркулову, что за первые три дня пребывания в лагере интернированных были отобраны для вербовки 32 человека, завербовано — четверо.

В Юхновский лагерь первые 873 человека были доставлены 14 июля, следующие 1150 человек — 16 июля. Всего в Юхновском лагере оказались 2026 интернированных, в том числе 37 подхорунжих, 907 унтер-офицеров армии, 153 младших командиров пограничной стражи, 6 работников следственных тюрем, 636 солдат, 151 рядовой КОПа, 1 жандарм, 693 юнака, 42 беженца (см. № 106).

В политдонесении комиссара УПВ отмечалось, что настроение поляков в Юхновском лагере хорошее, политико-моральное состояние здоровое. Подчеркивалось, что отношение к политике партии и правительства «одобряющее», а сообщение о присоединении Литвы, Латвии и Эстонии интернированные будто бы встретили бурной, продолжительной овацией (см. № 115).

В тех же розовых красках рисовал С.В. Нехорошев и обстановку в Козельском лагере, отмечая, что на питание жалоб нет, поляки-де считают, что их здесь кормят лучше, чем в Литве, а общее настроение бодрое. Воспоминания же узников «второго Козельска» свидетельствуют о недостоверности этого политдонесения[10]. Самоубийства нескольких военнопленных также опровергают рапорты начальства лагерей и УПВ о «прекрасных» условиях, якобы созданных для контингента в Козельске и Павлищевом Бору (см. № 129, 139).

9 августа 1940 г. начальник 5-го отдела ГУГБ П.М. Фитин сообщил Берии, что в Латвии находятся 913 интернированных солдат и офицеров бывшей польской армии и предложил вывезти их в лагеря НКВД СССР. Нарком поддержал эту инициативу. Вскоре Б.З. Кобулов доложил своему ше-

[10] Zbrodnia katyńska. Dokumenty i publicystyka. Oprac.: J. Czmut. W-wa, 1990. S. 214—215.

фу, что «вопрос о выселении поляков в Союз» согласован с латвийским правительством[11].

15 августа Берия подписал приказ № 001011 «О перевозке интернированных в Латвии военнослужащих и полицейских быв. Польского государства в лагеря НКВД СССР для военнопленных» и утвердил соответствующий «План» (см. № 109). Начальник оперативного отдела ГУКВ А.А. Рыбаков и И.Б. Маклярский, прибыв в Ригу 19 августа, обнаружили, что местная оперативная группа ничего не сделала для сбора интернированных, разбросанных по всей стране. По их распоряжению уездным начальникам было предложено вызвать на перерегистрацию, задержать и отправить в лагерь Ульброк, близ Риги, всех бывших военнослужащих польской армии (см. № 113). Всего из Латвии были доставлены 811 человек: 337 в Козельский и 474 в Юхновский лагеря.

После прибытия нового контингента политотделения стали проводить интенсивную «воспитательную работу». Они организовывали политинформации, беседы, доклады о внешней политике СССР, достижениях социализма, национальной политике, изучали с интернированными «Краткий курс истории ВКП(б)». Регулярно демонстрировались кинофильмы (см. №№ 115, 140). Однако пропагандистско-воспитательная работа и в этих двух лагерях имела весьма низкий коэффициент полезного действия.

Особые отделения приступили к насаждению агентуры, проведению допросов, выявлению членов «националистических» организаций и партий, работников «двуйки» и т.д. (см. № 119). Вскоре последовали и многочисленные отправки интернированных поляков, прежде всего работников разведывательных и контрразведывательных органов, в тюрьмы (см. №№ 126, 141). Многие из переданных областным УНКВД и НКВД УССР и БССР поляков значатся в списке Адама Мощинского как погибшие на территории СССР[12].

Выполняя поручение И.В. Сталина выяснить готовность бывших польских военнослужащих сражаться на стороне СССР в случае нападения на него гитлеровской Германии, Л.П. Берия 14 октября 1940 г. направил две бригады оперативных работников в Козельск и Павлищев Бор. Их возглавили ответственные работники 2-го отдела ГУГБ И.Г. Шевелев и Г.С. Жуков. 2 ноября Берия сообщил Сталину, что в результате изучения настроений интернированных

---

[11] См. в этой связи: A. Głowacki. Przejecie przez NKWD polskich internowanych na Lotwie // Dzieje Najnowsze. 1992. № 4.

[12] См. Moszyński A. Lista Katyńska: jeńcy obozów Kozielsk — Ostasków — Starobielsk zaginieni w Rosji sowieckiej. W-wa, 1989.

было установлено, что подавляющее большинство из них, безусловно, может быть использовано для организации польской части (см. № 130).

Оперативные бригады осуществили и мероприятия, сходные с теми, которые проводились В.М. Зарубиным, М.Е. Ефимовым и Антоновым осенью 1939 г. в трех спецлагерях[13]. Они выявили и изолировали тех, кто выступал против сотрудничества с советской администрацией, вел «контрреволюционную» работу и преследовал цель создания «Польши от моря и до моря».

Особое внимание уделялось козельскому контингенту, то есть офицерам и полицейским. В Юхновском же лагере важнейшей задачей особистов стало «разоблачение» скрывавшихся офицеров и полицейских, которых незамедлительно препровождали в Козельский лагерь (см. № 136). В последнем были вскрыты три «контрреволюционные» группировки. По мнению бригады НКВД, наиболее опасной была «эндеко-монархическая организация», которая включала 50 интернированных. В ее цели якобы входило восстановление с помощью Англии Великой Польши, руководили ею полковники А. Шмидт и Р. Сафар. Контрреволюционной группировкой считали и легионеров-озоновцев, а также руководимых Ч. Куликовским религиозно настроенных интернированных (около 50 человек).

Чтобы обезглавить эти группы, были арестованы и препровождены в Бутырскую тюрьму в Москве 21 интернированный, включая генерала Вацлава Пшездецкого. От имени всех арестованных генерал выразил протест против их изоляции и потребовал перевести их в общий лагерь (см. № 164).

Интернированные привлекались к уголовной ответственности за деятельность в период Гражданской войны и в предвоенные годы в Польше. 14 декабря 1940 г. начальник Смоленского УНКВД Е.И. Куприянов сообщил П.К. Сопруненко о предании суду А. Витковского и Х. Урбановича за активное участие в борьбе с коммунистическим движением в бывшей Польше. В январе 1941 г. группы интернированных поляков были отправлены в смоленскую тюрьму, в феврале — в минскую, свенцянскую, белостокскую, вилейскую; в марте — в барановическую тюрьмы[14]. Фамилии большинства из интернированных, отправленных в УНКВД, также фигурируют в списке А. Мощинского, то есть среди лиц, бесследно пропавших на территории СССР.

Но дело не ограничилось арестами и расправами с отдельными интернированными. С конца января УПВ и руководство НКВД СССР стали готовить

---

[13] См. подробнее: Katyń. Dokumenty zbrodny. Tom 1. Jeńcy nie wypowiedzianej wojny. Sierpień 1939 — marzec 1940. W-wa, 1995, s. 39, 228–232.

[14] См. подробнее Лебедева Н.С. Катынь: преступление против человечества. М., 1994. С. 258–260.

глобальное решение в отношении участи всего контингента Козельского и Юхновского лагерей. На этот раз людей намеревались не расстреливать, но отправить в лагеря ГУЛАГа, который в скором времени должен был убить их непосильным трудом и голодом.

В январе 1941 г. П.К. Сопруненко составил предложения по трудовому использованию военнопленных и интернированных, в которых предусматривалась отправка людей из Козельского, Юхновского и Грязовецкого лагерей. При этом офицеры и полицейские из Козельского и Грязовецкого лагерей должны были трудиться в одном лагерном подразделении, рядовые и младшие командиры, а также гражданские лица — в другом, изолированно от офицеров и полицейских. Интернированные должны были работать в полной изоляции от заключенных, из чего следует, что поляков намеревались использовать на работах в одном из лагерей ГУЛАГа, подобно тому, как это делалось в Севжелдорлаге. До отправки военнопленных и интернированных предлагалось отобрать тех из них, кто представлял значительный оперативный интерес, и перевести их в тюрьмы (см. № 137).

Приблизительно в это же время П.К. Сопруненко подготовил справку для своего руководства о контингентах Козельского и Юхновского лагерей. В первом в это время находилось 2448 интернированных, из них 1521 человек — бывшие служащие карательных органов, 863 человека — офицеры армии, флота и КОП, 64 человека — гражданские лица. 2417 интернированных являлись поляками. В Юхновском лагере содержались 2752 интернированных, включая 1516 унтер-офицеров, 1001 рядового и 163 гражданских лица. Начальник УПВ подчеркнул, что в своем абсолютном большинстве поляки настроены антисоветски, офицеры же и полицейские к тому же активные контрреволюционеры, каратели, сторонники возрождения фашистской Польши (см. № 140).

27 марта 1941 г. П.К. Сопруненко в докладной записке Л.П. Берии вновь указал, что основная масса полицейских и жандармов, содержащихся в Козельском лагере, являются активными и непримиримыми врагами Советской власти и предложил оформить на них заключения для рассмотрения на Особом совещании (см. № 142). Однако нарком решил, не тратя время на ОСО, незамедлительно приступить к отправке полицейских, а заодно и интернированных других категорий Козельского и Юхновского лагерей, на строительство аэродрома в Мурманской области, близ поселка «Поной». 28 марта был решен вопрос о направлении в оба лагеря медиков для отбора годных к тяжелым работам интернированных.

Медицинское освидетельствование не проходили лишь 77 старших по чину офицеров, которых не намеревались использовать на строительстве в ус-

ловиях Крайнего Севера. По состоянию здоровья получили отвод 134 солдата и 78 полицейских и офицеров. Годными к тяжелому физическому труду признали 1133 полицейских и офицеров, 2137 солдат. Остальные могли использоваться на работах средней тяжести (см. № 148).

8 апреля Берия подписал директиву № 00358 об отконвоировании с 15 мая по 4 июня интернированных на строительство аэродрома в Мурманской области. 16 мая его заместитель С.Н. Круглов издал приказ «Об организации временного лагеря НКВД для военнопленных на пункте «Поной» Мурманской области», начальником которого назначил Ф.И. Кадышева (см. № 150).

16 мая и 9 июня в Мурманскую область были отправлены около 4000 человек[15]. В лагере «Поной» они оказались в условиях, еще более тяжелых, чем в Севжелдорлаге, поскольку строительство только начиналось и жилье для военнопленных подготовлено не было.

Из-за недостатка прививочного материала (интернированным перед отправкой делали прививки от брюшного тифа и паратита), этапирование офицеров в Поной было отсрочено. В результате оно вообще не было осуществлено, поскольку вскоре началась война.

Юхновский лагерь в середине июня 1941 г. был полностью освобожден. 201 интернированный, признанный не годным для работы в условиях Севера, был переведен из Павлищева Бора в Козельск. В результате там были сосредоточены 1239 интернированных поляков.

В Старобельском лагере, который до сентября 1940 г. оставался резервным, в середине этого месяца появился новый контингент — перебежчики, которых советские пограничники задержали при переходе советско-германской границы. На них оформлялись следственные дела, передававшиеся на Особое совещание. После вынесения решения ОСО заключенных отправляли в лагеря ГУЛАГа (см. № 131).

На 7 января управление лагеря получило 3953 выписки из решений ОСО, 2683 человека были отконвоированы в лагеря ГУЛАГа. В Старобельском лагере в начале 1941 г. находились еще 3342 человека, ожидавших результатов рассмотрения их дел Особым совещанием, а также 1518 «срочно осужденных», включая 424 женщины. «Лагерь превратился в проходной двор», — жаловался А.Г. Бережков, имея в виду, что одни заключенные прибывают, других, по завершении всех формальностей отправляют в ИТЛ[16].

---

[15] РГВА. Ф.1/ш. Оп. 6е. Д.3. Л.60–61, 108.

[16] Там же. Оп. 4в. Д.8. Л.2; Оп. 3а. Д. 1. Лл. 218–223; Оп. 5а. Д. 2. Л. 65.

На ОСО возлагалось не только рассмотрение дел перебежчиков, но и принятие решений о ссылке семей заключенных и скрывавшихся лиц. 15 апреля 1941 г. нарком госбезопасности УССР П.Я. Мешик обратился к первому секретарю ЦК КП(б)У Н.С. Хрущеву с предложениями относительно ликвидации баз Организации украинских националистов (ОУН). Он предлагал поставить перед ЦК ВКП(б) и СНК СССР вопрос о распространении закона об изменниках родины на всех нелегалов, действующих в западных областях Украины, репрессировать их семьи, родных арестованных оуновцев выселить в отдаленные места СССР, как и семьи «кулаков»[17].

24 апреля 1941 г. Л.П. Берия утвердил «Инструкцию о порядке ссылки в отдаленные районы Союза ССР членов семей лиц, находившихся на нелегальном положении, и осужденных участников контрреволюционных организаций, украинских, белорусских и польских националистов» (см. № 147). В ссылку на срок от 5 до 8 лет следовало отправлять фактически всех членов семьи. В целом инструкция о порядке ссылки семей во многом повторяла аналогичный документ о депортации родных и близких расстреливаемых в апреле — мае 1940 г. офицеров и полицейских.

14 мая 1941 г. Политбюро ЦК ВКП(б) одобрило совместное постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР № 1299-526сс об аресте и направлении в ссылку на поселение сроком на 20 лет членов семей участников контрреволюционных украинских и польских националистических организаций с поручением обсудить вопрос о подобной операции в Западной Белоруссии[18].

17 мая 1941 г. заместитель наркома госбезопасности СССР И.А. Серов дал дополнительные указания, приказав провести операцию в течение светлого времени одного дня[19]. Предписывалось составить планы операции, обеспечить автотранспорт. При выселении священников и ксендзов предлагалось предупредить возможные эксцессы, поставив часовых у колоколен. Предусматривалась и возможность привлечения к операции войск НКВД. Подчеркивалось, что депортации подлежали и семьи «контингента, осужденного к ВМН по "справкам"».

Операция по выселению из западных областей УССР семей репрессированных и нелегалов была проведена 22 мая, в Белоруссии — в ночь с 19 на 20 июня

---

[17] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Том 1. Книга вторая (1 января — 21 июня 1941 г.) М., 1995. С. 97—98.

[18] См. фототипическое изображение данного постановления на ст. 676—677 данного издания. АПРФ. Ф. 93. Коллекция решений. Гурьянов А.Э. Масштабы депортации населения в глубь СССР в мае—июне 1941 г. // Репрессии против поляков и польских граждан. Исторические сборники «Мемориала». Вып. 1. М., 1997. С. 143—144.

[19] Органы государственной безопасности... Том 1. Книга вторая. С.147—148.

1941 г. Из Западной Украины были высланы 3070 семей (11329 человек)[20], из Белоруссии — 21—24 тысячи человек[21]. Всего же в мае-июне 1941 г. около 40 тысяч поляков, белорусов и украинцев из западных областей УССР и БССР в принудительном порядке покинули свой кров и отправились под конвоем в ссылку, где они находились под гласным надзором органов НКВД-НКГБ.

Незадолго до начала войны — 14 июня 1941 г. была проведена и операция по изъятию в прибалтийских республиках «антисоветского и социально-опасного элемента». 16 мая Л.П. Берия и В.Н. Меркулов внесли в Политбюро ЦК ВКП(б) проект соответствующего постановления. По данным Меркулова, к 17 июня в трех прибалтийских республиках было арестовано 14467 и выселено 25711 человек, в том числе бывших офицеров польской, литовской, латышской, эстонской и белой армий — 643 человека, бывших полицейских и жандармов — 1603 человека.[22]

Осташковский и Козельщанский лагеря вплоть до начала Великой Отечественной войны оставались в резерве УПВИ. После отправки в конце августа 1940 г. из Южского лагеря 717 бойцов и командиров Красной Армии, побывавших в финском плену, в Ивановскую тюрьму на расстрел, 2300 человек — в Норильский лагерь ГУЛАГа, 1942 военнослужащих — в Воркутинский лагерь[23], он также стал резервным.

В Оранском лагере какое-то время содержали 756 интернированных чехов, которых затем перевели в Суздальский лагерь. Характерно, что в то время как польских офицеров расстреливали, советское руководство готовило отправку крупной партии чехов через одесский порт в Турцию. Затем планировался их выезд в Палестину и участие в боевых действиях в составе английских вооруженных сил. В результате проведения нескольких отправок чехов за рубеж на 30 июня 1941 г. в Суздальском лагере оставались лишь 112 интернированных чехов.

Военнопленные рядового и унтер-офицерского состава польской армии продолжали трудиться в Ровенском (14621 чел.) и Северном железнодорожном (8000 чел.) лагерях.

16 апреля 1940 г. Политбюро ЦК ВКП(б) одобрило предложения Берии о строительстве автострады Львов — Перемышль как продолжение строитель-

[20] Там же. С. 154—155.

[21] Гурьянов А.Э. Указ. соч. С.156—158.

[22] Там же. С. 247—248.

[23] См. подробнее: Лебедева Н.С. Материалы о судьбе военнослужащих РККА, плененных в период «зимней войны» 1939—1940 гг. //Мир источниковедения. Москва—Пенза, 1994. С. 185—191.

ства дороги Новоград-Волынский — Львов[24]. В результате на строительстве трассы Проскуров — Тарнополь — Львов — Яворов — госграница были созданы два новых лагерных отделения вблизи границы.

В первых числах ноября 1940 г. по завершении строительства западно-украинской дороги военнопленных отконвоировали в Львовскую область. Ровенский лагерь вскоре получил новое название — Львовский. 7 декабря 1940 г. В.В. Чернышов ввел в действие положение о Львовском строительном лагере НКВД для военнопленных (см. № 133). Непосредственно делами лагеря, как и раньше, занимался капитан госбезопасности А.Ю. Даганский

Начальник Строительства НКВД СССР № 1, И.И. Федюков, заинтересованный в максимальном повышении производительности труда, шел на некоторое послабление режима и расконвоирование части контингента. Многие военнопленные — белорусы и украинцы были зачислены в военизированную охрану и получили оружие, некоторым из них позволяли жить на частных квартирах[25].

Непрекращающиеся побеги из лагеря побудили руководство НКВД СССР и УПВ принять срочные меры. 17 сентября П.К. Сопруненко доложил В.В. Чернышову, что с сентября 1939 г. по 25 августа 1940 г. из лагеря бежали 1408 военнопленных, из них 335 — в 1940 г., задержать же удалось лишь 129 человек. Начальник УПВ предложил запретить расконвоирование пленных — жителей центральных польских воеводств и тех, кто работал на участках вблизи границы, а также направить в Ровенский лагерь бригаду УПВ. Зам. наркома поддержал его инициативу.

По распоряжению Москвы интенсифицировало свою работу и особое отделение лагеря, поставившее на особый учет 546 человек, выявившее 155 членов буржуазных партий и националистических организаций, 39 «кулаков», 46 торговцев. Через свою агентуру ОО следило за настроениями военнопленных, предлагая арестовывать тех, кто позволял себе нелестные отзывы в адрес советских руководителей, выражал надежду на восстановление независимости Польши.

В одном из отчетов работников Ровенского лагеря указывалось: «Во время проезда ст. Львов (переброска военнопленных поездом на 8 СУ) военнопленный, по национальности поляк, Гоняк, увидев портреты руководителей Партии и Правительства в присутствии всех военнопленных в вагоне заявил: «Скоро придет время, когда их поставим к стенке и расстреляем». Гоняк будет арестован, в настоящее время оформляются документы».

---

[24] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1022. Л. 2.

[25] РГВА. Ф.1/п. Оп. 4в. Д. 6. Лл. 212—226.

Судили и тех пленных, которые совершали побеги и были задержаны[26]. И.Б. Маклярский, возглавлявший бригаду УПВ, сообщил П.К. Сопруненко, что к 1 ноября бежало из лагеря уже 1614 человек, из них 468 в 1940 г.

В Львовском лагере были выявлены четыре офицера и 38 полицейских. Первое обращение Сопруненко к Меркулову с предложением перевести этих людей в Козельский лагерь осталось без ответа[27]. В марте 1941 г. начальник УПВИ все же добился перевода офицеров и полицейских из Львовского в Козельский лагерь.

В конце февраля 1941 г. П.К. Сопруненко обратился к зам. начальника 1-го спецотдела А.Я. Герцовскому с предложением дать распоряжение местным органам НКВД направлять впредь дела бежавших военнопленных на рассмотрение Особого совещания (см. № 138). 19 марта начальник УПВИ предложил И.И. Федюкову привлекать к суду и направлять в исправительно-трудовые лагеря военнопленных, дезорганизующих производство. В то же время по инициативе Федюкова были освобождены 125 военнопленных — ударников труда, а также более 80 инвалидов — жителей западных областей УССР и БССР[28].

В значительно более суровых условиях оказались те военнопленные, которые в июне 1940 г. были доставлены в Северный железнодорожный лагерь.

Положение польских военнопленных в СЖДЛ определялось распоряжением зам. наркома внутренних дел В.В. Чернышова от 11 июля 1940 г. (см. № 105). Заместителем начальника лагеря, отвечавшим за военнопленных, стал бывший заместитель П.Ф. Борисовца капитан госбезопасности А.А. Соколов. На практике он не мог повлиять на положение своих подопечных, которое фактически ничем не отличалось от условий жизни заключенных — советских граждан.

По прибытии поляков в Котлас у них отобрали личные вещи — котелки, фляги и т.д. Людей заталкивали в тесные, холодные помещения, зачастую оставляли под открытым небом. В Котласе, например, 1000 человек разместили в овощехранилище, где они могли лишь стоять, тесно прижавшись друг к другу. Начальник сводного отряда майор В.Г. Слоневский на совещании в НКВД СССР сетовал, что к приему военнопленных Севжелдорлаг подготовлен не был. Особенно он был недоволен тем, что территория лагерных пунктов не была огорожена колючей проволокой, а конвой не получил права при-

[26] Там же. Д.12. Лл 283-287; Оп. 6с. Д. 5. Л. 107—114, 230.
[27] Там же. Оп. 6е. Д.6. Л. 10—11.
[28] Там же. Д. 5. Лл. 181—189.

менять «дисциплинарные меры». Заместитель начальника УПВ И.М. Полухин в ответ на это сказал: «А что такое Севжелдорлаг? Это тайга, тундра, где отсутствует всякое жилье. Дать удобное помещение для такого большого количества людей не могли. Хорошо, что дали хотя бы конюшни, а то вообще под открытым небом. В отношении режима — там нормально»[29].

Больше половины военнопленных разместили в землянках, остальных — в ветхих бараках, не приспособленных к суровой северной зиме. Людей не обеспечили бельем, верхней одеждой, обувью. Да еще уголовники раздели и разули тех, у кого было что отбирать; сопротивлявшихся зверски избивали. Валенок не было у 60% польских заключенных, самой распространенной обувью были чуни. Не соблюдались ни нормы питания, ни продолжительность рабочего дня. Хлеб зачастую не выдавался по нескольку дней, почти полностью отсутствовали жиры, мясо, овощи. Работали военнопленные по 10 и более часов на разработке каменных карьеров, строительстве насыпей, лесоповале[30]. Польские солдаты и унтер-офицеры не имели возможности просушить одежду; в бараках и землянках стоял страшный холод. На их просьбы об освобождении из лагеря следовал ответ: вопрос будет решен на общих основаниях с другими польскими военнослужащими. Некоторые пытались бежать, однако беглецов задерживали и по решению трибунала приговаривали к 3—8 годам заключения. Некоторые не выдерживали и кончали счеты с жизнью[31].

К началу 1941 г. более 80% военнопленных страдали от острой формы цинги и пеллагры, значительно возросла среди них смертность (см. № 135, 141). Из 8000 военнопленных, значившихся на 1 июня 1940 г. в Севжелдорлаге, к маю 1941 г. остались 7757. Большинство военнопленных обессилили к весне настолько, что были способны лишь к самым легким работам[32]. 22 апреля 1941 г. П.К. Сопруненко обратился к В.В. Чернышову с просьбой перевести военнопленных из Севжелдорлага в один из «стабильных лагерей» (см. № 146). Однако до начала войны меры не были приняты.

22 июня 1941 г., в день нападения гитлеровской Германии на СССР, Л.П. Берия утвердил план эвакуации польских военнопленных и интернированных. В соответствии с ним 909 офицеров должны были перевести из Козельского в Грязовецкий лагерь, из Львовского лагеря уроженцев присоеди-

[29] РГВА. Ф. 40. Оп. 1. Д. 44. Лл. 70—75, 163—164.
[30] РГВА. Ф.1/п. Оп. 4в. Д. 8. Л. 36, 22—40; Д.17. Лл. 74—81.
[31] Там же. Д. 17. Лл. 74—75, 115, 190, 232, 378—379.
[32] Там же. Д. 8. Л. 36.

ненных к СССР территорий — на строительство аэродромов в Восточной Украине, жителей центральных польских областей — в Карагандинскую область и на строительство Северо-Печорской железной дороги (см. № 155, 156). В тот же день от имени Берии были даны распоряжения начальнику Управления конвойных войск (УКВ) В.М. Шарапову о выделении конвоя, начальнику отдела железнодорожных перевозок НКВД СССР С.И. Зикееву — о предоставлении к 25 июня 60 вагонов для козельского контингента. Состав был подан 28 июня, и в этот же день конвой принял 1224 интернированных поляков для препровождения в Грязовец. Тем же поездом 29 июня были отправлены французы, англичане и бельгийцы (181 человек, размещенные в конце 1940 г. в «Скиту») и 21 поляк, переведенный из Путивльского лагеря. 2 июля все отправленные из Козельского лагеря прибыли в Грязовец.

Заключенные из прибалтийских республик, доставленные в середине июня в Павлищев Бор, были вывезены 29 июня — 5 июля в лагеря ГУЛАГа, расположенные в восточных районах СССР[33]. Таким образом, эвакуация польских, эстонских, литовских и латышских узников была осуществлена задолго до подхода немцев к Смоленску. Абсурдно было бы полагать, что, эвакуируя эти лагеря из Смоленской области, НКВД оставил бы поляков в мифических ОН-1, ОН-2 и ОН-3[34], которые не упоминаются ни в одной из сводок УПВИ, ни в документах других органов НКВД СССР (см. № 157, 159).

10 июля в книге приказов по личному составу 252 полка (бывший 136 отдельный конвойный батальон, охранявший Козельский лагерь) сделана запись о командировании 43 бойцов во главе с младшим лейтенантом Сергеевым для сопровождения заключенных по маршруту Смоленск — Катынь (см. № 161). В преддверии захвата города немцами, очевидно, было решено расстрелять узников Смоленской тюрьмы — советских граждан. Судя по численности конвоя, заключенных должно было быть несколько сотен человек.

Характерно, что все возникавшие при эвакуации осложнения, все потери в ходе нее фиксировались во множестве документов и УПВИ, и конвойных войск (см. №№ 157, 158, 166). Известно, что после начала войны прервалась связь с Понойским лагерем на Кольском полуострове. Лишь в первых числах

---

[33] РГВА. Ф. 40. Оп. 1. Д.189. Лл. 38, 47, 55, 69.

[34] В Сообщении Специальной комиссии под председательством Н.Н. Бурденко утверждалось, что в районе Смоленска действовало три лагеря военнопленных особого назначения. Именно туда якобы были отправлены поляки из Козельского лагеря. Эта версия была более подробно изложена в «Справке», подписанной В.Н. Меркуловым и С.Н. Кругловым в начале января 1944 г. и опубликованной в № 11 «Военно-исторического журнала» за 1990 г. Ее подготовили с тем, чтобы подсунуть Специальной комиссии во главе с Н.Н. Бурденко и тем самым навязать ей фальсифицированную версию расстрела польских офицеров. См. Ш часть данного тома.

июля удалось узнать, что части 19-й конвойной дивизии, эвакуировавшие 4 тыс. польских интернированных, 13 тыс. заключенных тюрем и 63 тыс. зэков из лагерей, пешим порядком вывели их из опасной зоны. В сводке ГУКВ за 11 июля указывалось: «Прибывшие из Поной (Кольский полуостров) в г. Архангельск военнопленные поляки конвоируются: 2000 человек в Суздальский лагерь и остальные в Южский лагерь»[35]. В последний были доставлены и 7,7 тысяч военнопленных из Севжелдорлага. Им также пришлось преодолеть пешком огромные расстояния.

Наиболее драматично проходила эвакуация Львовского лагеря, для которого НКПС 22 июня распорядился выделить более 400 вагонов (см. № 156). Однако в результате стремительного наступления частей вермахта ряд расположенных вблизи границы лагерных пунктов был захвачен немцами. Никто при этом не распустил пленных, не предоставил им возможность разойтись по деревням и лесам.

Остальные более чем 13 тыс. человек 229 полк конвоировал в быстром темпе пешком на восток. В результате налетов вражеской авиации по данным Управления конвойных войск только за период с 22 июня по 3 июля погибли 66 военнопленных, получили ранения 16 человек. Конвоируемые поляки погибали не только от бомб люфтваффе, но и от пуль своих стражников. Так, при эвакуации лагерного пункта в Черлянах, где находились 1399 пленных, в ночь с 24 на 25 июня на лесной дороге колонна была атакована с двух сторон местными повстанческими группами. Бой продолжался в течение часа, в ходе которого 71 военнопленный бежал. Для их задержания была привлечена оперативная группа, которая схватила всех беглецов и направила во Львов. 25 июня в сводке УКВ констатировалось, что львовская «тюрьма № 1 ликвидирована».

Войдя во Львов, немцы обнаружили тюремный двор, усеянный телами расстрелянных, часть из которых была в польской военной форме. Геббельская пропагандистская служба использовала это обстоятельство, чтобы развернуть шумную кампанию о большевистских зверствах. ТАСС поспешил отвергнуть эти обвинения (см. № 189).

Лишь к 27 июля последние партии поляков достигли Старобельска. Всего туда были доставлены 12267 пленных. Исполнявший обязанности начальника Особого отделения Старобельского лагеря лейтенант госбезопасности Кравец докладывал, что потери при эвакуации Львовского лагеря составили 1968 человек. В справке расшифровывалось, из чего состояли эти

[35] РГВА. Ф.40. Оп. 1. Д. 189. Лл. 8, 9, 70, 71, 109.

потери (см. № 166). Однако УПВИ сочло эту цифру завышенной и зафиксировало потери Львовского лагеря на уровне 1834 человек.

На 31 июля 1941 г. в лагерях военнопленных и интернированных, по данным УПВИ, находились 25184 человека, из них 22977 военнослужащих, 1762 полицейских и тюремщиков и 445 гражданских лиц. Дальнейшая судьба польских военнопленных и интернированных была определена «Соглашением между Правительством СССР и Польским Правительством», подписанным в Лондоне 30 июля 1941 (см. № 165). В нем правительство СССР признало утратившими силу советско-германские договоры 1939 г. о территориальных изменениях в Польше. Восстанавливались дипломатические отношения между двумя странами; стороны брали обязательство оказывать друг другу всякого рода помощь и поддержку в войне против гитлеровской Германии; правительство СССР давало добро на создание на территории СССР польской армии. К соглашению был приложен протокол об амнистии всем польским гражданам, содержащимся в заключение на советской территории в качестве военнопленных или на других основаниях.

12 августа Президиум Верховного Совета СССР издал Указ об амнистии, содержание которого было аналогично протоколу, приложенному к соглашению (см. № 168). В этот же день Политбюро ЦК ВКП(б) одобрило совместное постановление Совмина СССР и ЦК ВКП(б) «О порядке освобождения и направления польских граждан, амнистируемых согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР» (см. № 169).

По данным НКВД СССР, на 1 августа 1941 г. в лагерях, тюрьмах и ссылке находились: «1. Бывших военнопленных — 26160. 2. Осадников и лесников — 132463. 3. Осужденных и следственных — 46597. 4. Беженцев и семей репрессированных — 176000. Итого 381220»[36].

В тех областях, где имелись большие скопления поляков, стали открываться представительства польского посольства, организовываться склады одежды и продовольствия, поступавшие из Великобритании и США. На узловых станциях была создана польская информационная служба, которая направляла мужчин призывного возраста и добровольцев в места формирования воинских частей, предоставляла людям помощь. На основе опроса бывших узников была составлена картотека еще не освобожденных польских граждан в СССР.

---

[36] ГАРФ. Ф. 9479с. Оп.1. Д. 61. Л. 120. Количество военнопленных и спецпереселенцев в справке в целом соответствует сведениям, приводимым и в других документах. Данные же о находящихся в заключении были явно занижены. 14 октября 1941 г. Вышинский сообщил польскому послу С.Коту об освобождении 71481 осужденного и находящегося под следствием поляка.

По данным посла С. Кота, в СССР действовали 807 польских организаций с 2639 сотрудниками, которые оказали содействие более чем 300 тысячам поляков[37]. Органы НКВД пытались контролировать их деятельность. 23 августа 1941 г. Г.С. Жуков направил на места предписание: «Предлагаю по распоряжению тов. Меркулова подобрать представителей для связи с польским посольством по оказанию помощи полякам. Представителей подобрать за счет проверенной и не расшифрованной среди поляков агентуры»[38].

Одной из главных проблем советско-польских отношений стало формирование в СССР польской армии. 14 августа было подписано военное соглашение о создании в кратчайшие сроки на территории СССР польской армии. 6 августа В. Сикорский назначил ее командующим генерала Владислава Андерса, видного военного и государственного деятеля Польши[39]. Владислав Андерс (1892—1970) происходил из семьи прибалтийских помещиков, перед 1-й мировой войной окончил пажеский корпус, в 1914—1917 гг. служил в царской армии, в 1917—1918 г. — офицер польского корпуса Ю. Донбур-Мушницкого. В предвоенные годы был близок к окружению маршала Э. Рыдз-Смиглы. В сентябре 1939 г. командовал Новогрудской бригадой. Был ранен, попал в госпиталь, был арестован и помещен в львовскую, затем московскую тюрьмы, где подвергался изнурительным допросам и пыткам. После начала советско-польских переговоров о военном соглашении был освобожден и принял в них участие.

Военное соглашение гарантировало значительную автономию польской армии, которая лишь в период совместных боевых действий должна была находиться в оперативном подчинении верховного командования Красной Армии. Соглашение не определяло количественный состав польских воинских частей, ограничившись формулировкой, что «их военная мощь и численность будут зависеть от наличия живой силы, боевого снаряжения и материального обеспечения». В организационном отношении польская армия рассматривалась как составная часть польских вооруженных сил, предназначенная для борьбы совместно с вооруженными силами СССР. На нужды формирующейся польской армии советская сторона выделила кредит в 300 млн. руб.

Реализация военного соглашения была возложена на созданную17 августа 1941 г. смешанную советско-польскую комиссию по формированию поль-

---

[37] Kot S. Listy z Rosji do gen. Sikorskiego. Londyn, 1955, s. 27.

[38] ГАРФ. Ф. 9479с. Оп.1. Д. 61. Л. 83. 22 августа временный поверенный в делах РП в СССР Ю.И. Ретингер обратился к В.М. Молотову с просьбой сообщить фамилии авторитетных польских граждан, проживающих в местах наибольшего скопления поляков, с тем, чтобы посольство могло выбрать из них своих доверенных лиц. НКВД поспешило воспользоваться этой ситуацией, о чем свидетельствует приведенное выше распоряжение Меркулова—Жукова.

[39] См.: Anders W. Bez ostatniego rozdzialu. Londyn, 1949.

ской армии на территории СССР. В ее состав вошли с советской стороны: уполномоченный Генштаба РККА начальник ГРУ генерал-майор А.П. Панфилов, его заместителем стал майор госбезопасности Г.С. Жуков; с польской стороны — начальник военной миссии в СССР генерал З. Шишко-Богуш и В. Андерс. Комиссия постановила, что польская армия будет формироваться и на основе призыва на военную службу, и на добровольных началах.

В беседе поверенного в делах в СССР Ю.М. Ретингера с А.Я. Вышинским 28 августа 1941 г. польская сторона впервые выразила сомнение, что Указ об амнистии действительно был распространен на всех без исключения польских граждан[40]. Тем самым было положено начало обсуждению проблемы, которая впоследствии ставилась на всех уровнях, вплоть до обнаружения массовых захоронений поляков в Катынском лесу.

Материалы по формированию и дислокации польской армии незамедлительно направлялись Сталину и другим членам Политбюро ЦК ВКП(б). В решении вопросов, связанных с Армией Андерса, активное участие принимал и Государственный Комитет Обороны (ГКО) (см. №№ 173, 177).

В то же время выполнение указа об амнистии наталкивалось на серьезные трудности, поскольку осознанно тормозилось НКВД. 20 августа Л.П. Берия направил в лагеря военнопленных и интернированных директиву за № 00429, предусматривавшую сохранение прежнего режима для пленных и интернированных поляков[41]. В глубь СССР продолжали идти транспорты с арестованными и депортируемыми польскими гражданами[42].

Протестуя против задержки с освобождением и методов обращения с уже амнистированными людьми, генералы Е. Волковицкий и В. Пшездецкий сообщали З. Шишко-Богушу, что военнопленные сталкиваются в лагере со «злонамеренным некультурным отношением и моральным террором»[43]. Начальник Грязовецкого лагеря Н.В. Ходас в ответ писал в УПВИ, что все его действия находили одобрение у начальника УНКВД Г.М. Галкина и секретаря Вологодского Обкома ВКП(б) Комарова[44].

14 июля 1941 г. ген. Е. Волковицкий обратился к Сталину и послу Великобритании в СССР Р. Стафорду Криппсу с просьбой освободить всех польских военнопленных и предоставить им возможность выехать в Англию, чтобы сражаться против общего врага (см. № 163).

---

[40] АВП РФ. Ф. 122. Оп. 24. П. 186. Д. 1. Л. 338.
[41] РГВА. Ф. 1/п. Оп. 5а. Д. 1. Л. 338.
[42] ГАРФ. Ф. 9479с. Оп. 1. Д. 61. Л. 84.
[43] Там же. Л. 146.
[44] Там же. Лл. 138—139.

Возросшая активность патриотически настроенных военнопленных и интернированных побудила руководство НКВД СССР направить в Грязовецкий лагерь специальную бригаду во главе с сотрудниками 3-го управления УГБ по Вологодской области Лалиашвили и Линниковым. С санкции В.Н. Меркулова они арестовали 10 интернированных[45]. Особое отделение лагеря констатировало, что после заключения советско-польского военного соглашения антисоветские настроения у поляков несколько ослабели. «Однако те, кто был врагами, они и сейчас не изменились, только немного приутихли»,— писал в УПВИ Г.А. Эйльман[46].

По просьбе генерала В. Андерса, посетившего вместе с З. Шишко-Богушем Грязовецкий лагерь, бывшие узники Старобельского, Козельского и Осташковского лагерей стали вспоминать и записывать фамилии тех поляков, которые содержались там до апреля—мая 1940 г.

23 августа советско-польские призывные комиссии приступили к своей работе в Грязовце, Старобельске, Юже и Суздале и к 12 сентября призвали в польскую армию 24 828 военнопленных и интернированных. 273 человека, немцы по национальности, были отведены комиссиями; 252 лица отказались вступить в польскую армию; 234 поляка были признаны негодными к строевой службе по состоянию здоровья, трое не взяты в армию как осужденные судом (см. № 171). Многие из отказавшихся служить в польской армии намеревались принять советское гражданство.

2—6 сентября подавляющее большинство военнопленных были направлены на формирование польской армии в Бузулук, Тоцк и Татищево. Всего же были призваны 25 115 военнопленных и интернированных, в том числе 960 армейских офицеров. Туда же прибыли 16 647 поляков, освобожденных из тюрем, лагерей и спецпоселений. Еще 10 тыс. человек к началу октября находились в пути к пунктам формирования армии. Именно военнопленные и интернированные составили костяк сформированных к октябрю 1941 г. двух дивизий и запасного полка. Многие из них заняли высокие должности в штабе армии и дивизиях.

После пребывания в тюрьмах, лагерях, спецпоселках, после долгих месяцев недоедания, изнурительного труда, болезней люди попали в армию крайне истощенными. Но и в польских дивизиях и резервном полку условия жизни были бедственными. Подавляющее большинство людей разместили в палатках и землянках. Ввиду стихийного наплыва все новых желающих всту-

[45] Там же. Д. 2. Л. 493.

[46] Там же. Д. 1. Л. 130—137.

пить в польскую армию, а также членов семей военнослужащих, 30 тыс. пайков, выделенных для армии, приходилось делить на 70—80 тыс. человек[47].

Начиная с 12 сентября В. Андерс неоднократно обращался к властям СССР с просьбой улучшить снабжение армии и обеспечить сносные условия жизни военнослужащим двух сформированных дивизий, а также начать формирование нескольких новых дивизий в Узбекистане. Однако наступление вермахта под Москвой осложнило и без того тяжелое положение с вооружением и продовольствием в Советском Союзе. 3 ноября ГКО вынужден был ограничить численность польской армии 30 000 человек (см. № 173).

В этой ситуации правительство В. Сикорского, а также руководители США и Великобритании впервые поставили вопрос о переводе части польской армии в Иран. В то же время союзники СССР по антигитлеровской коалиции не выполняли взятые на себя обязательства обеспечить вооружение и продовольствие для польской армии, пока та находилась на советской территории.

Польскую сторону особенно беспокоило отсутствие сведений о судьбе почти 15 тыс. офицеров и полицейских из Старобельского, Козельского и Осташковского лагерей. Этот вопрос обсуждался С. Котом с А.Я. Вышинским 6, 15 октября и 3 ноября, с И.В. Сталиным 14 ноября. Он ставился и в ходе переговоров И.В. Сталина с В. Сикорским 3 декабря (см. № 176).

За несколько часов до начала беседы советского лидера с польским премьером УПВИ передало в Москву по ВЧ справку о судьбе польских военнопленных. В ней, в частности, указывалось, что в апреле—мае 1940 г. было отправлено в распоряжение УНКВД «через 1-й спецотдел» 15 131 человек, на формирование польской армии — 25 115 чел., умерли 389 человек, арестованы оперативными органами 683 человека, потери при эвакуации Львовского лагеря — 1 834 человека (см. № 175). Берия, со своей стороны, 1 октября и 30 ноября 1941 г. информировал Сталина о настроениях польских офицеров в Армии Андерса (см. №№ 172, 174).

3 декабря 1941 г. в разговоре с И.В. Сталиным В. Сикорский поставил вопрос о неблагоприятных условиях существования польской армии в СССР, возможности ее формирования в Иране, необходимости увеличить число формирующихся дивизий, доведении численности армии до 96 тыс. человек. Польский премьер констатировал, что еще многие поляки находятся в тюрьмах и лагерях, где они растрачивают свои силы и здоровье вместо того, чтобы служить общему делу. На это советский лидер ответил, что

[47] См. подробнее: Czapski J. Na nieludzkiej ziemi. W-wa, 1990.

все поляки, бывшие в заключении, освобождены по амнистии. «Может быть, некоторые из них еще до освобождения куда-либо сбежали, например в Маньчжурию», — сказал он (см. № 176). Во исполнение договоренностей Сталина с Сикорским ГКО 25 декабря принял постановление о формировании еще четырех дивизий в Узбекской ССР и доведении численности армии до 96 тыс. человек (см. № 177).

Камнем преткновения по-прежнему оставался вопрос о судьбе пропавших офицеров. Польское правительство, не получая внятного ответа на свои многочисленные запросы о них, продолжало атаковать советского посла А.Е. Богомолова нотами и меморандумами (см. № 179). Последняя попытка выяснить судьбу пропавших военнопленных была предпринята С. Котом во время его прощального визита к А.Я. Вышинскому перед отъездом в Лондон 8 июля 1942 г. Подчеркнув огромную важность данного вопроса не только для современных, но и для будущих советско-польских отношений, посол просил подойти к вопросу со всей серьезностью. Вышинский же заявил, что значительная часть военнослужащих, о которых говорил Кот, была «освобождена еще до войны и выехала в Польшу, а часть была освобождена после»[48]. Сталин же в беседе с В. Андерсом и Л. Окулицким 18 марта 1942 г. высказал предположение, что военнопленные могли быть захвачены немцами.

Польских офицеров искали не только официальные представители РП, но и сами офицеры из Армии Андерса. Координация этих усилий была возложена на Юзефа Чапского. Наряду со сбором сведений у бывших заключенных, он постарался встретиться с ответственными работниками НКВД, в частности с Л.Ф. Райхманом. Однако узнать что-либо определенное ему не удалось.

На 1 марта 1942 г. в польской армии в СССР числилось 60 000 человек, включая 3090 офицеров и 16 202 унтер-офицера. Берия отмечал рост антисоветских настроений в армии, даже среди рядовых (см. № 179). За настроениями в Армии Андерса следили не только представители НКВД, но и засланные в нее агенты Исполкома Коминтерна (см. № 177).

Информация о ненадежности польской армии, понимание, что армия не согласится воевать, пока не закончит формирование и вооружение всех шести дивизий, все возраставшие трудности с продовольствием в самом СССР побудили И.В. Сталина отдать распоряжение о сокращении числа выделяемых пайков с 96 до 40 тыс. Численность же армии в это время составляла 73 тыс. человек. Кроме того, при ней находились 30 тыс. гражданских лиц, которых также надо было кормить.

---

[48] Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 7. С. 315.

В марте во время встречи Сталина с Андерсом был достигнут компромисс: в текущем месяце сохранялось прежнее количество пайков, в апреле их число сокращалось до 44 тыс. Польские войска сверх 44 тыс. было решено перебросить в Иран (см. № 180). В начале апреля эвакуация части армии была завершена, и польская сторона стала настаивать на продолжении призыва в польскую армию, улучшении снабжения и т.д.

Весной 1942 г. было положено начало новому этапу кризиса в двусторонних отношениях, связанному с недовольством советской стороны разведывательной деятельностью польского посольства и его агентуры, а также антисоветской пропагандой. Были приняты меры, существенно ограничившие возможность дипломатической и консульской деятельности посольства. В массовом порядке проводилось изъятие польских паспортов у граждан не польской национальности, ограничивался патронат польского посольства в светских и религиозных вопросах. Наиболее серьезным ограничением стало фактическое блокирование к концу апреля 1942 г. набора в польскую армию.

Во время пребывания В.М. Молотова в Лондоне в мае-июне 1942 г. У. Черчилль, по согласованию с В. Сикорским, настойчиво добивался согласия на вывод всей польской армии из СССР на Ближний Восток под предлогом угрозы занятия немцами Египта. 2 июля НКИД СССР проинформировал А. Кларка Керра о согласии советского руководства на отправку поляков в Иран[49].

Предпринятая при британском посредничестве попытка увязать вывод польской армии с важнейшими вопросами советско-польских отношений не встретила понимания в Наркоминделе. В беседе со С. Котом А.Я. Вышинский 8 июля ограничился заявлением, что, принимая во внимание положение на Ближнем Востоке, Советское правительство не возражает против размещения там трех польских дивизий из числа находящихся ныне в СССР[50].

26 июля генерал В. Андерс был официально проинформирован о согласии советского руководства на вывод всех польских войск из СССР. 31 июля в Ташкенте был подписан Протокол об эвакуации польской армии и семей польских военнослужащих в Иран. Он не предусматривал сохранение на территории СССР польских мобилизационных учреждений. Попытки генерала Андерса, а после эвакуации армии — польского посольства восстановить право набора в польскую армию закончились безрезультатно. Начатая 9 августа эвакуация завершилась к концу месяца. В результате на Ближний Восток выехали 70 тыс. человек, в том

[49] /E.Raczyński/ W sojuszniczym Londynie. Dziennik ambasadora Edwarda Raczyńskiego 1939–1945. W-wa, 1989, s. 141

[50] АВП РФ. Ф. 122. Оп. 26. П. 193. Д. 2. Л. 72

числе 41 тыс. военнослужащих. Всего же в ходе двух эвакуаций из СССР выехало 76 110 военнослужащих и 38 629 членов их семей (см. № 182).

Однако не все польские военнослужащие согласились выехать из СССР. Некоторые из них во главе с З. Берлингом остались в СССР и явились костяком польской дивизии, затем корпуса и, наконец, армии. В 1943 г. на их формирование были переданы 36 510 красноармейцев, большинство из которых были поляками по национальности. В 1943 г. под Ленино корпус под командованием З. Берлинга впервые принял участие в боях против вермахта.

После вывода армии Андерса из СССР отношение советских властей к семьям польских военнослужащих резко ухудшилось. Во многих случаях поляков лишали работы и жилья. Польское посольство неоднократно ходатайствовало о выезде в Иран или Великобританию этой категории польских граждан, однако чаще всего безрезультатно. Начались аресты служащих посольства и его представительств, санкционированные решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 14 октября 1942 г. (см. № 183).

15 января Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение, в соответствии с которым все лица, проживавшие к 1 ноября 1939 г. на территориях, вошедших в состав СССР, вновь стали рассматриваться как граждане СССР (см. № 185).

Посол РП в СССР Т. Ромер, будучи принят И.В. Сталиным 26 февраля 1943 г., тщетно пытался добиться пересмотра этого решения. Он поставил вопрос о выезде из СССР семей польских военнослужащих, сирот и др., предложил начать переговоры об отказе от ведения пропаганды друг против друга, о гражданстве и вытекающих из этого вопросах. Однако глава советского правительства уклонился от обсуждения его предложений[51].

Все яснее вырисовывался перелом в войне, а вместе с ним нарастало и убеждение, что Красная Армия вскоре первой вступит в Центральную Европу. Началась подготовка к формированию под руководством Москвы альтернативных институтов власти в Польше на основе находившейся в СССР группы польских коммунистов. Одновременно оказывалось давление на Соединенные Штаты и Великобританию, дабы добиться от них признания ведущей роли СССР в центрально-европейском регионе.

События, последовавшие после объявления немцами 13 апреля 1943 г. о массовых захоронениях польских офицеров вблизи Смоленска, привели к новому этапу в катынском преступлении — переходу от его сокрытия к его фальсификации на государственном уровне, к возложению ответственности за его совершение на германскую сторону.

---

[51] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 354. Л. 12–35.

Документы

№103

1940 г. июля 1, Москва. — Сводка УПВ НКВД СССР о количестве польских военнопленных, содержащихся в Грязевецком лагере на 1 июля 1940 г.

Сов. секретно

Сводка
о количестве военнопленных, содержащихся в
Грязовецком лагере НКВД[1]

По состоянию на 1/VII-40 г.

Всего содержится в лагере		394	чел.
Из них:			
1. Генерал	—	1	чел.
2. Полковников	—	6	чел.
3. Полковников полиции и жандармерии	—	2	чел.
4. Подполковников	—	16	чел.
5. Майоров	—	6	чел.
6. Майоров полиции и жандармерии	—	2	чел.
7. Капитанов	—	16	чел.
8. Капитанов полиции и жандармерии	—	2	чел.
9. Поручиков	—	26	чел.
10. Подпоручиков	—	93	чел.
11. Подпоручиков полиции и жандармерии	—	2	чел.
12. Хорунжих	—	8	чел.
13. Подхорунжих	—	65	чел.
14. Сержанта	—	4	чел.
15. Сержантов полиции и жандармерии	—	7	чел.
16. Капралов	—	12	чел.
17. Капралов полиции и жандармерии	—	2	чел.
18. Ефрейторов полиции и жандармерии	—	3	чел.
19. Полицейских	—	37	чел.
20. Плютуновых	—	2	чел.
21. Тюремщиков	—	2	чел.

22. Рядовых солдат	—	11	чел.
23. Инструктор общественной обороны	—	1	чел.
24. Осадников	—	2	чел.
25. Юнаков	—	7	чел.
26. Чиновников	—	5	чел.
27. Дежурный по станции	—	1	чел.
28. Мельник	—	1	чел.
29. Сыновья полицейских	—	3	чел.
30. Учащиеся и студенты	—	6	чел.
31. Торговцев	—	1	чел.
32. Сын служащего	—	1	чел.
33. Агрономов	—	2	чел.
34. Беженцев	—	25	чел.
35. Инженер	—	1	чел.
36. Сидевших в тюрьме	—	7	чел.
37. Перебежчиков	—	2	чел.
38. Не имеющих специальности	—	1	чел.
39. Лесопромышленник	—	1	чел.
40. Не служивших в армии	—	2	чел.

Начальник Управления НКВД СССР по делам о военнопленных
капитан госбезопасности (Сопруненко)

Нач[альник] отдела Управления
Ст. лейтенант госбезопасности (Маклярский)

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 01е. Д.3. Лл. 194—195. Копия.

[1] См. №№ 92, 106, 119, 120. 1 августа 1940 г. в Грязовецком лагере находились 395 военнопленных, из них в возрасте до 18 лет — 2 чел., от 18 до 21 года — 43 чел., от 22 до 30 лет — 109 чел., от 31 до 40 лет — 118 чел., от 41 до 50 лет — 97 чел., от 51 до 60 лет — 21 чел., старше 60 лет — 5 чел. Высшее образование имели 117 военнопленных, среднее — 172, низшее — 96, малограмотными были 6 человек, неграмотными — 4. Специальное военное образование не имели 147 человек. 6 военнопленных окончили академию Главштаба, 6 — военную академию, 6 — военные училища, 30 — офицерские школы, 167 — школу подхорунжих, 4 — школу унтер-офицеров, 16 — школу полиции (РГВА. Ф. 1/п. Оп. 4е. Д. 3. Л.162-165).

К 16 августа 10 человек были отправлены из Грязовецкого лагеря в Москву для последующей передачи их Германии (см. комментарий 2 к № 119). В начале сентября 1940 г. в Грязовецком лагере находились 386 человек: 70 кадровых военных, 232 призванных из запаса, 18 отставников, 66 гражданских лиц. По национальности они распределялись следующим образом: 306 поляков, 27 евреев, 21 белорус, 15 немцев, 11 русских, 6 литовцев (РГВА. Ф.1/п. Оп. 01е. Д. 3. Л. 235).

№104

1940 г. июля 6, Москва. — Приказ № 00806 Л.П. Берии «О перевозке интернированных в Литве военнослужащих и полицейских бывшего польского государства в лагеря НКВД СССР для военнопленных»

Сов. секретно

Приказ
народного комиссара внутренних дел Союза ССР
за 1940 год[1]

Содержание

№ 00806.О перевозке интернированных в Литве военнослужащих и полицейских бывшего Польского государства в лагеря НКВД СССР для военнопленных.

№ 00806. 6 июля 1940 г., гор. Москва.

Для организации перевозки из Литвы в СССР интернированных военнослужащих и полицейских быв. Польского государства в количестве 4767 человек, в том числе [a)]859[a)] офицеров,

Приказываю:

1. Командировать в гор. Каунас начальника штаба конвойных войск НКВД СССР комбрига тов. Кривенко М.С.

Тов. Кривенко организовать приемку, погрузку и отправку интернированных в СССР, согласно прилагаемого при сем плана.

План утвердить.

2. Начальнику Управления НКВД СССР по делам военнопленных капитану государственной безопасности т. Сопруненко П.К. разместить интернированных в следующих лагерях НКВД СССР для военнопленных:

а) Козельском лагере — офицеров, полицейских офицеров, врачей, духовенство, гражданских чиновников и рядовых полицейских, общей численностью — 2187 чел.

б) Юхновском лагере — унтер-офицеров и рядовых бывшей польской армии, общей численностью — 2580 чел.

3. Интернированных офицеров, от подполковника до генерала включительно, а также крупных государственных и военных чиновников содержать в Козельском лагере, отдельно от остального состава интернированных.

4. Для приема интернированных на территории СССР, на станции Гудагай Белостокской железной дороги т. Сопруненко П.К. организовать перегрузочный пункт.

[a-a)] Подчеркнуто карандашом.

Командировать для работы на пункте нач[альника] 2-го отдела Управления НКВД СССР по делам военнопленных старшего лейтенанта государственной безопасности т. Маклярского И.Б., старшего инспектора 4-го отдела Управления НКВД СССР по делам военнопленных т. Кальмановича Г.Ю. и инспектора 3-го отдела Управления НКВД СССР по делам военнопленных т. Уральского А.Ф.

5. Обеспечение перевозок эшелонами и питание интернированных в пути возложить на зам. наркома внутренних дел СССР тов. Чернышова В.В.

6. Зам. наркома внутренних дел СССР генерал-лейтенанту тов. Масленникову И.И. и начальнику Главного управления конвойных войск генерал-майору тов. Шарапову организовать тщательную охрану интернированных в пути следования, выделив необходимое количество конвоя.

7. Начальнику Управления НКВД по Смоленской области капитану государственной безопасности тов. Куприянову Е.И.[2] наладить оперативно-чекистское обслуживание интернированных через особые отделения в Козельском и Юхновском лагерях.

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР
комиссар государственной безопасности 1-го ранга
Л. Берия.

Верно: пом[ощник]
нач. отделения кодификации Секретариата НКВД СССР
лейтенант государственной безопасности[a)]

Резолюция в левом верхнем углу 1-го листа красным карандашом: «Тов. Рыбакову. 1) Все распоряжения сделаны мною лично как т. Кривенко, так и командую[щему] 15-й бригады. 2) Оперотделу докладывать о ходе выполнения приказа мне ежедневно к 19.00. 8/VII – 40 г. Шарапов».
В нижней части первой страницы виза: «А. Рыбаков. 7.7.40»

РГВА. Ф. 40600. Оп. 1. Д. 43. Лл. 234– 236. Зав. копия.

[1] См. № 106. Как сообщили в НКИД зам. наркома иностранных дел СССР В.Г. Деканозов и полпред СССР в Литве Н.Г. Поздняков, 9 июля представитель НКВД СССР вступил в контакт с литовскими властями по вопросу о вывозе польских интернированных в СССР. Была достигнута договоренность, что погрузка поляков в вагоны и их отправка начнется 10 июля и закончится 13 (Архив внешней политики Российской Федерации (АВПРФ). Ф. 06. Оп. 2. П. 21. Д. 252. Л. 6-5). Организованный на станции Молодечно перегрузочный пункт с 11 по 14 июля принял 4376 человек. После этого пункт был закрыт. Таким образом, было принято на 391 интернированно-

[a)] Подпись неразборчива.

го меньше, чем это значилось в приказе Берии от 6 июля 1940 г. М.С. Кривенко объяснял это тем, что многие поляки еще до прибытия конвоя успели скрыться. О том, как проходила отправка интернированных из Литвы, писал в 1943 г. Альфред Колятор /Zbrodnia katynska. Dokumenty i publicystyka. Wybór, wstęp i opracowania J. Czmut.W-wa, 1990. S. 213/.

[2] О Куприянове Емельяне Ивановиче (1897—1966) см. «Катынь...». С. 447.

№ 105

1940 г. июля 11, Москва. — Распоряжение В.В. Чернышова начальнику Главного управления лагерей железнодорожного строительства НКВД СССР Н.А. Френкелю и П.К. Сопруненко относительно содержания и использования военнопленных в СЖДЛ

№ 25/6447 Сов. секретно

Начальнику ГУЖДС НКВД СССР
тов. Френкелю

Начальнику Управления НКВД СССР по
делам о военнопленных
капитану госбезопасности
тов. Сопруненко

По содержанию и использованию военнопленных, прибывших в Ваш лагерь, предлагаю руководствоваться следующим:[1]

1/ Порядок содержания военнопленных в Севжелдорлаге определяется «Временной инструкцией о порядке содержания военнопленных в лагерях НКВД», при чем предусмотренные инструкцией переписка, посылки и денежные переводы военнопленных (пункты 40—57 инструкции) впредь до особого распоряжения запрещаются[2].

Пункты 80—81 инструкции в действие не вводятся.

2/ Военнопленные размещаются на отдельных участках (лагпунктах, колоннах) строго изолированно от заключенных, содержащихся в Севжелдорлаге.

Категорически запрещается переброска отдельных групп и лиц из числа военнопленных на участки, где содержатся заключенные. Ни в каких случаях не допускать использование военнопленных в качестве бригадиров, десятников и т.п. над заключенными и заключенных над военнопленными.

Места работы также должны быть совершенно изолированны от заключенных.

3/ Военнопленные используются на работах под охраной, по усмотрению администрации.

4/ Охрана военнопленных осуществляется конвойными войсками НКВД. После снятия конвойных войск, охрана военнопленных должна осуществляться силами ВОХРа.

5/ Военнопленные, имеющие специальность (инженеры, техники, врачи, бухгалтера и т.д.), могут быть использованы по специальности, при условии изоляции их от окружающего населения и работы под охраной.

6/ Особо проверенным военнопленным, занимающим административные или технические должности, могут быть выданы пропуска на бесконвойное передвижение, но только в пределах лагпункта — до места работы и обратно: в пропуске обязательно указывается точный маршрут передвижения.

Администрация лагеря устанавливает наблюдение за точным соблюдением военнопленным указанного маршрута.

7/ Категорически воспрещается использование военнопленных на канцелярской работе в штабах, отделениях, лагпунктах, в учетном отделении, на работе по жалобам и заявлениям и на всяких других работах, связанных с секретной перепиской.

8/ Продолжительность рабочего дня для военнопленных устанавливается по усмотрению начальника Севжелдорлага.

9/ К военнопленным, соблюдающим режим, хорошо проявившим себя на производстве, перевыполняющим нормы, могут применяться меры поощрения в виде премий — денежных или натуральных, создания улучшенных бытовых условий и т.д.

10/ Для осуществления повседневного контроля и наблюдения за состоянием режима и учета в штат лагеря вводятся должности: пом. начальника лагеря по военнопленным с подчинением Управлению НКВД СССР по делам о военнопленных и начальнику Севжелдорлага и ст. инспектор по режиму.

11/ Обеспечение всеми видами довольствия, размещение, медико-санитарное обслуживание и проведение политмассовой и культработы среди военнопленных возлагается на аппарат Севжелдорлага.

12/ Учет военнопленных, содержащихся в Севжелдорлаге НКВД, осуществляется согласно инструкции по учету военнопленных.

13/ Для осуществления учета организуется специальное учетное отделение в составе шести человек (начальник отделения, помощник, ст. инспектор, инспектор и два пом. инспектора по картотеке).

На лагпунктах до [a)]1000[a)] человек вводится должность пом. инспектора по учету. Свыше [a)]1000[a)] человек — инспектор и пом. инспектора.

14/ Учетное отделение по всем вопросам персонального учета подчиняется Управлению НКВД СССР по делам о военнопленных.

Одновременно учетное отделение занимается учетом трудиспользования и специалистов по заданию начальника лагеря.

[a-a)] Вписано от руки чернилами поверх напечатанного 500.

15/ Прием новых военнопленных и отправка уже содержащихся военнопленных в Севжелдорлаге в другие пункты может осуществляться только по персональным нарядам Управления НКВД СССР по делам о военнопленных.

16/ Учетное отделение комплектуется согласно циркуляра О[тдела] К[адров] НКВД СССР № 73 от 13/III-1940 года.

Заместитель народного комиссара
внутренних дел Союза ССР (Чернышов)

Верно: Лейтенант госуд[арственной] безопасности Гоберман

РГВА. Ф.1/п. Оп. 4е. Д.9. Лл. 38—41. Зав. копия.

[1] См. № 102. 24 июля П.К.Сопруненко доложил В.В.Чернышову, что в Северном железнодорожном лагере (СЖДЛ) находятся на работах 7910 военнопленных бывшей польской армии, размещенных в трех отделениях (6 лагерных пунктах). Для руководства их учетом он просил ввести должность помощника начальника СЖДЛ по военнопленным с окладом 1800 рублей (для сравнения — такую зарплату получали секретари Исполкома Коминтерна — К. Готвальд, П. Тольятти, Д. Ибаррури и др.). На эту должность был вскоре назначен мл. лейтенант госбезопасности Д.М. Кабанов. См. также докладную записку М.Г. Косыгина П.К. Сопруненко от 17 июля (РГВА. Ф 1/п. Оп. 4в. Д. 17. Лл. 93-102).

[2] Текст «Временной инструкции» был подписан 28 сентября 1939 г. начальником 1-го отдела УПВ А.В. Тишковым и утвержден П.К.Сопруненко и С.В. Нехорошевым (см. РГВА. Ф. 1/п. Оп. 1а. Д. 1. Лл. 29—45). Статьи 40—57 — это раздел 5-й «Переписка, посылки и денежные переводы». В них предусматривалось, что военнопленный может отправлять и получать по одному письму в месяц, которые просматриваются политконтролером особого отделения лагеря в пятидневный срок. Перечислялись сведения, которые не разрешалось сообщать в письмах (количество военнопленных в лагере, его охрана, режим, а также «любые сведения, могущие нанести ущерб или вред СССР»). Письма могли отправляться только через канцелярию лагеря, за их нелегальную отправку военнопленный лишался права переписки на два месяца, а при повторном случае – привлекался к административной ответственности. При отправке военнопленного в другой лагерь адресованные ему письма в пятидневный срок должны были направляться по новому адресу. Деньги и ценности зачислялись на счет военнопленного, и после окончания плена все оставшиеся не израсходованными суммы и ценности следовало ему возвратить.

[3] Статья 80 гласила: «Извещение родственников военнопленного о его смерти производится через Центральное справочное бюро при Исполкоме Союза Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца»; статья 81: «Деньги и личные документы умерших военнопленных направляются наследникам, указанным в пункте 80 порядком».

№ 106

1940 г. июля 2, Москва. — Сводка УПВ НКВД СССР о составе интернированных в Козельском и Юхновском лагерях и сопроводительное письмо к ней, адресованное В.В. Чернышову

№ 25/6825 Сов. секретно

Заместителю народного комиссара
внутренних дел Союза ССР
Товарищу Чернышову

Представляю сводку о составе интернированных быв. польских военнослужащих и полицейских, прибывших из Литвы — содержащихся в Козельском и Юхновском лагерях НКВД[1].

Докладываю, что кроме Козельского и Юхновского лагерей в данное время заняты следующие лагеря: Грязовецкий (394 военнопленных, оставшихся после отправки поляков из Осташковского, Козельского, Старобельского лагерей), Суздальский (607 интернированных чехов) и Южский (5 098 быв. военнопленных, принятых от финских властей).

Лагеря Осташковский, Старобельский, Оранский, Козельщанский, Путивльский и Темниковский — свободны.

Начальник Управления НКВД СССР
по делам о военнопленных
капитан госбезопасности
П.Сопруненко

[Приложение]

Сводка
о составе интернированных поляков, прибывших из Литвы —
содержащихся в Козельском и Юхновском лагерях НКВД
(по данным предварительной регистрации)

По состоянию на 22 июля 1940 г.

Козельский лагерь

Всего содержится в лагере	—	2 353	чел.
Из них:			
Генералов	—	1	чел.[2]
Полковников	—	5	–"–
Подполковников	—	17	–"–

Подполковников полиции	—	1	— " —
Майоров	—	43	— " —
Майоров полиции	—	9	— " —
Капитанов	—	150	— " —
Капитанов полиции	—	11	— " —
Поручиков	—	196	— " —
Поручиков полиции	—	9	— " —
Подпоручиков	—	422	— " —
Хорунжих и подхорунжих	—	266	— " —
Мл. комсостава полиции и жандармерии	—	584	— " —
Рядовых полицейских и жандармов	—	560	— " —
Мл. комсостава погранстражи	—	11	— " —
Рядовых погранстражи	—	43	— " —
Солдат армии	—	7	— " —
Военного духовенства	—	7	— " —
Гражданских лиц	—	11	— " —

Юхновский лагерь

Всего содержится в лагере	—	2 023	чел.
Из них:			
Подхорунжих	—	21	чел.
Мл. комсостава	—	1075	— " —
Рядовых	—	819	— " —
Юнаков	—	94	— " —
Гражданских лиц	—	14	— " —
Всего содержится интернированных	—	4 376	чел.
Из них:			
Генерал	—	1	чел.
Полковников	—	5	— " —
Подполковников	—	17	— " —
Подполковников полиции	—	1	— " —
Майоров	—	43	— " —
Майоров полиции	—	9	— " —
Капитанов	—	150	— " —
Капитанов полиции	—	11	— " —
Поручиков	—	196	— " —
Поручиков полиции	—	9	— " —
Подпоручиков	—	422	— " —
Хорунжих и подхорунжих	—	287	— " —
Мл. комсостава полиции и жандармерии	—	584	— " —
Рядовых полицейских и жандармов	—	560	— " —

Мл. комсостава погранстражи	—	11	–"–
Рядовых погранстражи	—	43	–"–
Мл. комсостава армии	—	1075	–"–
Солдат	—	826	–"–
Военного духовенства	—	7	–"–
Юнаков	—	94	–"–
Гражданских лиц	—	25	–"–

Начальник Управления НКВД СССР
по делам о военнопленных
капитан госбезопасности
П.Сопруненко[3]

Резолюция на полях красным карандашом: «Возвратить т. Сопруненко Г.В. 25.7»
Виза В.В.Чернышова: «К св[едению] Чер[нышов]»

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 1е. Д. 3. Лл. 71–74. Подлинник.

[1] См. № 104. В справке УПВ за 15 июля указывалось, что из 2353 интернированных в Козельском лагере кадровые военные составляли 1501 чел., запас — 780, отставники — 56, гражданские лица — 15, остальные служащие полиции, КОП, жандармерии. Членов различных политических партий насчитывалось 125 человек. В лагере находилось 2335 поляков, 14 белорусов, 1 грузин, 1 русский, 1 татарин (РГВА. Ф. 1/п. Оп. 4е. Д. 4. Лл. 2-6).

[2] Имеется в виду генерал Вацлав Пшездецкий (1883-1964) — офицер русской армии с 1906 по 1917 г., в 1917-1918 гг. служил в Первом польском корпусе, с 1918 г. — шеф 1 и УП отделов Главштаба Войска Польского, в 1926–1935 гг. командовал дивизией. В 1939 г. генерал руководил обороной укрепрайона Волковыск, перешел в Литву, был интернирован, содержался в лагере в Кальварии. После доставки Пшездецкого в Козельский лагерь начался сбор о нем материалов не только от лагерной агентуры, но и путем запросов по месту его прежнего жительства. 21 сентября начальник особого отделения Козельского лагеря М.М. Старикович обратился в Волковыский горотдел НКВД с просьбой сообщить о деятельности Пшездецкого в этом городе до войны. В ответе, полученном из Волковыска, указывалось, что Пшездецкий Вацлав Янович являлся заместителем председателя «фашистской партии «Озон» по Волковыскому уезду» (РГВА. Ф.1/п. Оп. 3е. Д.1. Л. 186). Вскоре генерал был отправлен в Москву в Бутырскую тюрьму вместе с 20 другими интернированными. Список полковников, подполковников, майоров и капитанов, содержавшихся в Козельском лагере, см. РГВА. Ф.1/п. Оп. 4е. Д. 5. Лл. 54–59.

[3] В сопроводительном письме не упомянуты Ровенский и Северный железнодорожный лагеря. В справке УПВ от 23 июля указывалось, что в Ровенском лагере находились 14599 человек, в СЖДЛ — 7884.

№ 107

1940 г. августа 7, Грязовец. — Спецсообщение начальника особого отделения Грязовецкого лагеря Г.А. Эйльмана П.К. Сопруненко о массовом отказе от пищи военнопленных

№ 82

Сов. секретно

Начальнику Управления НКВД СССР
по делам военнопленных
капитану госбезопасности
т. Сопруненко

Спецсообщение
о массовом отказе военнопленных
от принятия пищи в Грязовецком лагере[1]

Доношу, что 7 августа с.г. до 250 человек военнопленных отказались от принятия пищи приготовляемой на кухне военнопленных в знак протеста против ареста военнопленного-врача Годлевского[2] сроком на 5 суток, причем военнопленные заявили, что пищу они не будут принимать 3 дня.

При выяснении обстоятельств, вызвавших отказ от пищи, мною установлено следующее: 28 июля силами военнопленных была окончена постройкой плотина а)на реке Обноре, пересекающей зону лагеря а), благодаря чему образовался водоем от притоков воды из источников, вода которых употреблялась в пищу как для военнопленных, так и личного состава лагеря.

Благодаря тому, что источники воды — ключи а)находились вне зоны, на довольно далеком расстоянии от кухни военнопленных, последним было предложено брать а) воду из накопления воды около плотины. Военнопленный — врач Годлевский, исполняющий обязанности санитарного врача, не производя а)никакого анализа этой воды, составил на имя администрации лагеря заявление, что вода из реки в пищу не пригодна, даже в кипяченом виде, т.к. может вызвать а)эпидемию среди военнопленных. При этом он основывался на том, что в реке полоскается белье и купаются местные жители, что соответствует действительности.

а)После такого заявления врача Годлевского военнопленные заявили, что употреблять пищу не будут, причем сам Годлевский возбуждал подобные настроения среди военнопленных а).

Администрацией лагеря после этого вода из реки была отправлена на анализ и 7 августа утром поступило заключение из бактериологического института, что вода пригодная для употребления в пищу и не содержит в себе никаких заразных веществ.

а-а) Подчеркнуто красным карандашом.

На основании этого нач[альник] лагеря Волков объявил врачам-военнопленным, что вода пригодна для употребления в пищу, что ею они впредь будут пользоваться. Тут же был составлен приказ по лагерю, в котором врач Годлевский изобличался в возбуждении недовольств среди военнопленных и объявлен ему арест сроком на 5 суток. [б)]Приказ был зачитан 7 августа днем перед всем фронтом военнопленных[б)].

По инициативе полковника Грабицкого[3], основная масса военнопленных из числа полковников, подполковников признали действия администрации лагеря — арест Годлевского неправильным и отказались от приема пищи на кухне военнопленных. 7 августа обедало только 128 чел. и ужинали 150 человек военнопленных.

Я лично усматриваю, что действие начальника лагеря т. Волкова по отношению к военнопленному Годлевскому в данном случае неправильное, ибо после получения анализа воды и объявления его врачам-военнопленным ни от кого из них не поступило протеста на ее употребление, также не было протеста со стороны Годлевского.

Считаю необходимым отметить, что в Грязовецком лагере, не в пример другим лагерям, заключение военнопленных на гауптвахту [в)]довольно частое явление, причем во многих случаях за провинности, не требующие совершенно таких репрессивных мер. Это вызывает большую озлобленность[в)] со стороны военнопленных по отношению к администрации лагеря, усиливает антисоветские выпады и т.п. Неоднократными были случаи прямых угроз со стороны начальника лагеря т. Волкова расправой, судом, посадкой в тюрьму — «сгною в тюрьме» по отношению к отдельным военнопленным и даже в отдельных случаях перед всем фронтом военнопленных. Примеру начальника лагеря последовали и некоторые подчиненные — коменданты, помощники также «пробуют» угрожать военнопленным перед всем строем.

[г)]Почти совершенно не чувствуется работы политотделения в лагере среди военнопленных, кое-когда проводятся беседы индивидуального порядка среди военнопленных и то случайно. Причем были случаи, когда работники политотделения не были подготовлены к этим беседам, в результате чего среди военнопленных они превращались в посмешище.

Наблюдаются и такие случаи, что работники политотделения администрацией лагеря используются просто для зачитки перед фронтом военнопленных приказов о наложении на них административного взыскания.

Об изложенном сообщаю для Вашего сведения[г)].

Нач[альник] ОО Грязовецкого лагеря
ст. лейтенант гос[дарственной] безоп[асности]
Эйльман

б-б) Подчеркнуто красным карандашом. На полях отчеркнуто двумя чертами.

в-в) Отчеркнуто на полях тремя чертами простым карандашом.

г-г) Отчеркнуто на полях двумя скобками простым карандашом.

Резолюция в верхнем левом углу 1-го листа красными чернилами: «Тов. Хохлов. Нужно проверить работу т. Волкова и дать заключение по существу этого позорного факта. П. Сопруненко. 10.8.40 г.»
Помета по тексту документа простым карандашом: «Получено. 10.9.40 г. В дело. [Хохлов]».
Помета в верхней части 1-го листа синим карандашом: «Тов. Нехорошев. Прошу ознакомиться. П. Сопруненко».

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 4в. Д. 5. Лл. 146—147 об. Подлинник. Рукопись. На бланке Грязовецкого лагеря.

[1] См. № 111. 8 августа комиссар Грязовецкого лагеря старший политрук Т.Ф. Сазонов направил С.В. Нехорошеву политдонесение в связи с водворением на гауптвахту врача З. Годлевского и последовавшей вслед за этим голодовкой военнопленных. В отличие от Г.А. Эйльмана, комиссар оценил действия начальника лагеря В.Я. Волкова, как правильные. Он сообщил, что «организаторами этого дела являются полковник Ежи Гробицкий, подпоручики Збигнев Гржибовский и Петр Круль, исполнителями — Виктор Субоч, Михневский и Ежи Турский, которые были как бы патрулями у столовой и не пускали в столовую, если кто из офицеров шел в столовую». Сазонов далее писал: «Посадить организаторов на гауптвахту начальник особого отделения т. Ельман [имеется в виду Эйльман. — Сост.]говорит, что нельзя, так как в них заинтересован 5-й отдел НКВД СССР, в особенности полковником Гробицким» (РГВА. Ф. 1/п. Оп. 4в. Д. 5. Лл. 148—149). Нехорошев выразил недовольство позицией, занятой комиссаром лагеря.
[2] Годлевский Здислав Янович, 1909 г. рождения, врач-терапевт, поручик запаса, выпускник Варшавского университета, практиковал с 1937 г.
[3] О полковнике Еже Гробицком см. № 17, а также: «Katyń. Tom 2». S. 99.

№ 108

1940 г., августа 12, Грязовец. — Справка особого отделения Грязовецкого лагеря о Ю. Чапском

Сов. секретно

СПРАВКА
на военнопленного ротмистра
запаса бывшей польской армии
Чапского Ю.Г.[1]

Чапский Юзеф Георгиевич, 1896 года рождения, по национальности поляк, к политическим партиям в прошлом не принадлежал. Уроженец гор. Прага (Чехословакия), происходящий из семьи графа, отец собствен-

ности не имел — был в гор. Варшаве адвокатом. Образование высшее, в 1924 году окончил художественную академию в гор. Кракове, по специальности художник-живописец. С 1924 по 1931 год проживал во Франции в Париже, работал художником и специализировался по живописи. С 1931 года по 1939 год проживал поселок Юзефов под Варшавой и работал по специальности художником в своем ателье. В 1920—21 годах служил в польской армии в I уланском полку в чине подпоручика. За боевые действия против Красной Армии польским правительством награжден высшей наградой — крестом «Виртути Милитари» и крестом «За храбрость». В лагере Чапский проявляет себя ярым польским националистом и сторонником восстановления Польши. По отношению к Советскому Союзу настроен враждебно. Когда администрация Старобельского лагеря намеревалась Чапского использовать, как художника, последний отказался и среди военнопленных высказался: «Что не считаю возможным для себя сотрудничать в такой работе, после того как СССР вбил нож в плечи Польши во время войны ее с Германией». В армию мобилизован 3/IX— 39 г. и определен в 8-й кавалерийский полк в гор. Кракове.

Нач[альник] ОО Грязовецкого лагеря НКВД
Ст. лейтенант госбезопасности
Эйльман

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 4е. Д. 13. Л. 260. Подлинник.

[1] О пребывании Ю. Чапского в плену см. его воспоминания: Czapski J. Na nieludzkiej ziemi. W-wa, 1990. 12 августа Г.А. Эйльман писал П.К. Сопруненко: «На Ваш телеграфный запрос представляю справки на военнопленных Копец, Пионтковского, Кончковского, Слизеня, Чапского Ю.Г., Млынарчика Б.Э., Олизара А.Я.». Справки были составлены в связи с запросом 3-го отдела ГУГБ от 20 июля 1940 г. и 15 августа направлены Новобратскому (РГВА. Ф. 1/п. Оп. 4е. Д. 13. Л. 255—256). Фигура Чапского продолжала приковывать к себе внимание НКВД и после вывода Армии Андерса из СССР. 26 июня 1944 г. начальник 1-го (разведывательного) отдела НКГБ СССР П.М. Фитин информировал ЦК ВКП(б) о группе «прометеистов», состоявшей из представителей интеллигенции и военных, главным образом из офицерского корпуса «культурной службы», ведших агитацию за «большую федерацию». «В состав группы «прометеистов» входят: 1. Майор Чапский, выходец из аристократической семьи, художник, в прошлом принадлежал к демократической партии; 2. Майор Эверт — быв. редактор газеты «Польска Збройна» и председатель «Союза обороны восточных земель». В настоящее время является частным советником генерала Андерса. 3. Гедрович Ежи — был секретарем Рачинского в бытность последнего послом в Румынии, в Варшаве состоял редактором журнала «Политика», пропагандировавшего идеи «прометеистов»; 4. Чульдринский Ян — бывш. судья из Позна-

ни...» (Русский архив. Т. 14. Великая Отечественная. СССР и Польша. М. 1944. С. 100—101).

№ 109

1940 г., августа 15, Москва. — Приказ НКВД СССР № 001011 «О переводе интернированных в Латвии военнослужащих и полицейских бывшего польского государства в лагеря для военнопленных»

Сов. секретно

Приказ
народного комиссара внутренних дел Союза ССР
за 1940 г.

№ 001011

Содержание:
О перевозке интернированных в Латвии
военнослужащих и полицейских быв. польского государства
в лагеря НКВД СССР для военнопленных.[1]

№ 001011 15/17[а)] августа 1940 г. гор. Москва

Для организации перевозки из Латвийской ССР интернированных военнослужащих и полицейских быв. польского государства в количестве 913 человек, в том числе 107 офицеров, в лагеря НКВД СССР для военнопленных,

Приказываю:

1. Командировать в г. Ригу начальника оперативного отдела Главного управления конвойных войск НКВД полковника тов. Рыбакова [б)]А.П.[б)] и начальника 2-го отдела Управления НКВД СССР по делам о военнопленных старшего лейтенанта госбезопасности тов. Маклярского И.Б.

Тов. Маклярскому в десятидневный срок сосредоточить всех интернированных военнослужащих и полицейских быв. польского государства в лагере Ульброка.

Тов. Рыбакову — организовать приемку, погрузку и отправку в лагеря НКВД интернированных, согласно прилагаемого при сем плана.

План утвердить.

2. Начальнику Управления НКВД СССР по делам о военнопленных капи-

---

[а)] Первая дата — дата подписания приказа Берией, вторая — день поступления приказа в Секретариат, где концентрировались распорядительные документы.

[б-б)] Так в тексте. Правильно: А.А.

тану госбезопасности тов. Сопруненко П.К. разместить интернированных в следующих лагерях НКВД СССР для военнопленных:

а) Козельском лагере — офицеров, полицейских офицеров, врачей, духовенство, гражданских чиновников и рядовых полицейских.

б) Юхновском лагере — унтер-офицеров и рядовых быв. польской армии.

3. Интернированных офицеров, от подполковника до генерала включительно, а также крупных государственных и военных чиновников, содержать в Козельском лагере, отдельно от остального состава интернированных.

4. Обеспечение перевозок эшелонами и питание интернированных в пути возложить на заместителя народного комиссара внутренних дел Союза ССР тов. Чернышова.

5. Заместителю народного комиссара внутренних дел Союза ССР генерал-лейтенанту тов. Масленникову И.И. и начальнику Главного управления конвойных войск генерал-майору тов. Шарапову В.М. организовать тщательную охрану интернированных в пути следования, выделив необходимое количество конвоя.

6. Оперативное обслуживание интернированных возложить на начальника Управления НКВД по Смоленской области, капитана госуд[арственной] безопасности тов. Куприянова.

Народный комиссар внутренних дел СССР
комиссар госуд[арственной] безопасности 1 ранга:
Л.Берия

[a)]Сов. секретно[a)]
[a)]Приложение к приказу НКВД СССР 1940 г.
№ 001011[a)]

План
вывоза интернированных из Латвийской ССР военнослужащих
и полицейских быв. польского государства

1. Всего на территории Латвийской ССР находится военнослужащих и полицейских быв. польского государства — 913 человек

Из них:

а) в лагерях «Ульброка»	— 180	чел.
б) на работах в различных пунктах страны	— 733	чел.
Всего:	913	чел.

[a-a)] Вписано от руки чернилами.

Для перевозки их в лагеря НКВД для военнопленных необходимы:

№№ п/п	Пункт дачи вагонов	Срок подачи	Кто обеспечивает	Колич[ество] вагонов	Колич[ество] конвоя	Срок исполнения
1	Рига	24.8.	Главное Управление по делам о военнопленных	28	50 человек	28.8.40

Примечание: Для организации приема, посадки и отправки интернированных командировать начальника оперативного отдела Главного управления конвойных войск полковника тов. Рыбакова.

Заместитель народного комиссара
внутренних дел Союза ССР
(Масленников)

ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 560. Лл. 369—371. Подлинник; Л. 373. Копия.

[1] См. № 113. 9 августа начальник 5-го отдела (ИНО) ГУГБ НКВД СССР П.М.Фитин направил Л.П.Берии следующий рапорт: «В лагере Ульброк на территории Латвийской ССР находятся 913 чел. интернированных польских солдат и офицеров. Тов. Чичаев ставит вопрос о передаче их в распоряжение НКВД СССР. Прошу Ваших указаний» (РГВА. Ф. 1/п. Оп. 1е. Д. 3. Л. 86). 14 августа в УПВ была составлена справка, в соответствии с которой в Латвийской ССР находились 913 интернированных поляков, в том числе 107 офицеров, 69 полицейских, 498 младших командиров, 232 солдата, 7 гражданских лиц (РГВА. Ф. 1/п. Оп. 01е. Д. 3. Л. 220). Для тех, кто в конце сентября — начале октября перешел советско-латвийскую границу, было создано 6 лагерей – в Даугавпилсе, Лиепае, Литене, Лиласте, Цесисе и Ульброке. В них сосредоточили более полутора тысяч человек. С интернированными обращались в соответствии с Женевской конвенцией 1929 г. Питание было обеспечено по нормам, действовавшим в Латвийской армии, при необходимости выдавались полушубок, сорочки, брюки, обувь, белье и т.д. Лагеря заботились о трудоустройстве интернированных, которые в этом случае получали и зарплату. Режим был достаточно свободным, хотя лагеря и назывались концентрационными. В декабре 1939 г. интернированных опросили, куда они хотят выехать — в Германию, Россию или Литву. В результате 427 поляков уехали в Германию, 61 человек — в нейтральные страны, 37 — в Литву. 422 уроженца бывших восточных воеводств Польши выразили желание выехать в СССР, однако до августа оно не было реализовано (см.: Б. Краевска, У. Ласманис. «Польское дело»: отголоски Катыни // «Даугава», 1990, № 9. С. 95—103).

№ 110

1940 г. августа 17, Москва. — Служебная записка П.К.Сопруненко заместителю наркома внутренних дел УССР, ст. майору госбезопасности Н.Д. Горлинскому относительно оперативного использования корреспонденции, адресованной «убывшим» из Старобельского, Козельского и Осташковского лагерей военнопленных[1]

№ 25/8403 Сов. секретно

Заместителю народного комиссара внутренних
дел Украинской ССР
ст. майору государственной безопасности
тов. Горлинскому

Поступающие в Управление НКВД СССР по делам о военнопленных заявления из западных областей УССР от семей и родственников военнопленных офицеров и полицейских — направляются в соответствующие УНКВД для оперативного использования в отношении заявителей.

УНКВД по Ровенской области УССР отношением за № 7019 от 31/VII—1940 г. неожиданно вернуло несколько таких заявлений со следующей мотивировкой:

«все указанные в своих заявлениях просят сообщить об офицерах б. польской армии, находящихся в Козельском и Старобельском лагерях».

Прошу дать указания всем УНКВД западных областей о порядке использования таких заявлений.

[a)]Приложение: — Переписка и заявления Мокршанской, Кулеша и Каплан[a)].

Нач. Управления НКВД СССР
по делам о военнопленных
капитан госбезопасности
(Сопруненко)

Нач. отдела Управления
ст. лейтенант госбезопасности
(Маклярский)

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 3е. Д. 1. Л. 270. Отпуск.

[1] См. №№ 99, 105. Получив от двух замов Берии «добро» на оперативное использование корреспонденции военнопленных из 3-х спецлагерей, П.К. Сопруненко незамедлительно приступил к реализации своей инициативы. 19 августа он направил

[a-a)] Приложение не публикуется.

начальнику УНКВД по Московской области комиссару госбезопасности III ранга П.Н. Кубаткину следующую информацию: «Проживающие в Москве по Пятницкой улице в доме 13 кв. 3 Серкучевская М.М. и ее сестра (установочные данные не известны) вели переписку с братом, военнопленным Серкучевским Мечиславом Матвеевичем». Кубаткину были направлены и заявление М.М.Серкучевской, разыскивавшей своего брата, и справка Центральной справочной картотеки на М.Серкучевского, 1885 г.р., капитана флота, окончившего Мореходное училище в 1919 г. В графе «Местонахождение военнопленного» значилось: «1-й Спец. отдел» (РГВА. Ф. 1/п. Оп. 3е. Д. 1. Лл. 269–271; Оп. 4в. Д. 13. Лл. 154-156). Практика направления заявлений родных, разыскивавших бесследно исчезнувших офицеров и полицейских, в органы НКВД по месту их жительства оставалась неизменной вплоть до нападения Германии на СССР.

№ 111

1940 г. августа 21. Гоща, Ровенской области. — Письмо Славы Билевич ее сыну Витольдыу Билевичу, ранее содержавшемуся в Козельском лагере, о депортации его жены и сына

Отправитель:
Билевич Слава, Гоща,
Ровенская область[1]

Получатель:
Билевич Витольд,
Козельск,п[очтовый] я[щик] № 12,
Смоленской области

Мой дорогой сын!

Посылаю тебе письмо Галюси, прекрасная робинзоната. Что ? — строят юрты. Никто ими не занимается, никто о них не беспокоится. Должны погибнуть с голоду, с чего будут жить? — Мир об этом узнает, об этом совершившемся преступлении XX века. Усмирение невинных женщин и детей!!

За что, почему они так терпят?

От Вас, несмотря на письма и телеграммы, ничего не получают. Вероятно Вам наших писем не дают, иначе Вы бы нам писали. Офицеры с Германии пишут своим семьям и никто не боится семейной переписки. Только у Вас такая азиатская привычка, неприменяемая в цивилизованном мире.

Воды там не имеют, им привозят и платят 5 копеек за ведро. Сегодня здесь говорили, что вернут их с Сибири, но разве эта правда? Люди говорят, чтобы себя утешить. Знаю, что так не останется, когда-то это кончится, но чтобы скорее был конец.

Сегодня твои именины. Боже мой! Хотели они Вам писать, но решили, Вы все равно не ответите и Вам не дают писем. Перестану и я писать, жалко марок и моих слов, говоривших на ветер.

Сегодня пришло письмо к жене с немецкого лагеря офицеров от того господина, который давал тебе уроки русского языка. Им разрешают писать. Только Вам не разрешают.

Тюфка с Дикова находится у Ромки и остро начал с нами.

Вообще не знаю, зачем пишу, знаю, что читать ты не будешь. Почта принимает посылки до 8 кг. Извести, послать ли тебе белье, то что ты взял, уже слетело с тебя.

В Германию посылает Казя для Марьяна, он тоже офицер в плену и взят с поля битвы, а Вы интернированные только, а такое безумное ограничение свободы Вам делают. Говори с ветром и ветер тебя выслушает. Жду, получат ли посылки те, которым послали, а то они поумирают с голоду. Гали тоже нужно послать. Никто их судьбой не занимается. Заработков нет, денег нет, что же? — Умирать постепенно с голоду. Говорили, что НКВД вышлет то, что полагается за проданные вещи, но уже 2 месяца, они еще не получили. Я продала последнюю из-под себя подушку и послала ей, но не знаю получила ли? Хороши сложились дела!! Вся забота, чтобы малютку сохранить от голода.

Целую тебя крепко, несчастная мать.

Сегодня большой православный праздник и открытие парка для населения. Больших подробностей не знаю, но что чувствую, то ты знаешь, колит под сердцем, исчезает всякая надежда спасти «ее». Я тоже больна, уже не подымаюсь, последние отняли у меня силы. Кого просить, чтобы сообщили хоть пару слов о тебе. Что это значит? Почему никто из Вас не пишет.

Ну, будь здоров, может быть еще мои глаза тебя увидят. Я уже совершенно без сил, но поехала бы даже в Сибирь, чтобы еще раз перед смертью увидеть Вас.

Твоя мать.

[a)]Билевич Слава прилагает к своему письму письмо жены военнопленного Билевича Витольда, находящейся в Казахстане. Она сообщает о себе.

Заслуживает внимания следующая выдержка из письма жены военнопленного Билевича Витольда:

> «...Хуже всего то, что нашей судьбой никто не занимается — брошены мы здесь и можете себе жить или умирать. Нам все равно...»[a)]

Переводчик: Кричевская

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 3е. Д. 1. Лл. 277—279. Подлинник перевода с польского языка.

[1] Витольд Билевич был направлен в распоряжение УНКВД по Смоленской области, то есть на расстрел. Его семья, так же, как и семьи других жертв катынской расправы, была депортирована в Казахстан (см. подробнее: N.Lebiedieva. Rozstrzeliwania i deportacje ludności polskiej z ZSRR w latach 1939—1941 // Niepodległość i pamięć. Muzeum niepodległości. W-wa, 1998, Rosznik V, nr. 2 (11), s. 179—193). Описание этой депорта-

[a-a)] Здесь и далее до конца текста — приписка переводчика

ции мы находим в приказе по конвойным войскам от 13 июня 1940 г. В нем указывалось: «Частями 13 дивизии, 11 и 15 бригад в апреле с.г. выполнено специальное задание народного комиссара внутренних дел СССР по конвоированию спецпереселенцев из пределов западных областей УССР и БССР. Так же, как и в феврале с.г., прием спецпереселенцев происходил одновременно на всей территории западных областей Украины и Белоруссии мелкими группами и в большом количестве пунктов, расположенных на железных дорогах узкой колеи.... Несмотря на сложную оперативную обстановку, задание народного комиссара командованием и штабами выполнено полностью и в установленный срок...» (РГВА. Ф. 40. Оп. 1. Д. 71. Лл. 14—115).

№ 112

1940 г. августа 21. Грязовец. — Докладная записка Г.А. Эйльмана П.К. Сопруненко и начальнику УНКВД по Вологодской области П.П. Кондакову о расследовании причин драки среди военнопленных

№ 129 Сов. секретно

Нач[альнику] Управления НКВД СССР по
делам о военнопленных
капитану гос. безопасности тов. Сопруненко
гор. Москва

Нач[альни]ку управления НКВД по
Вологодской области
майору госбезопасности тов. Кондакову
гор. Вологда

Докладная записка

[а)]19 августа с.г. в 22 часа после вечерней поверки среди военнопленных, содержащихся в Грязовецком лагере, возникла групповая драка, в результате нападения группы военнопленных поляков на военнопленного еврея Гурвича[1]. В драке приняли участие и другие военнопленные — евреи, ставшие в защиту Гурвича. Драка была быстро ликвидирована самими дерущимися, которые как с одной, так и с другой стороны отделались легкими ушибами.[а)]

Для выяснения причин драки нами проведено расследование, в результате чего установили следующее: 18 августа с.г. в зоне лагеря была организована продажа товаров [б)]для военнопленных и для наблюдения за порядком около ларька старшим по хозяйству среди военнопленных Черны (капитаном быв. польской армии) был выделен военнопленный полицейский Кульчицкий[б)][2].

[а-а)] Помета на полях и по тексту 1-го абзаца: «Почему не в порядке очереди».
[б-б)] Подчеркнуто красным карандашом и отчеркнуто на полях.

Примерно в 16 час. к ларьку подошел содержащийся в лагере пленный из числа беженцев Зоненшайн, 19 лет, еврей, который начал требовать, чтобы ему продали продуктов, поскольку он работал на строительстве дороги в лагере, т.к. Зоненшайн[3] не был внесен в список на покупку продуктов ему было предложено Кульчицким уйти от ларька. Зоненшайн не подчинился этому требованию, продолжал настаивать на продаже ему продуктов. в)Тогда Кульчицкий схватил Зоненшайнав) за поясной ремень и оттолкнул его от ларька и в этот момент Зоненшайн ударил Кульчицкого в лицо. Кульчицкий после того схватил Зоненшайна за руку и в свою очередь нанес ему несколько ударов. Вокруг их моментально образовалась толпа военнопленных, из которой выделялся подхорунжий — поляк Каптуркевич,[4] который с возгласом «дайте я его убью», пытался броситься драться на Зоненшайна, но был тут же задержан дежурным Кульчицким.

б)В этот же день после вечерней поверки военнопленный в)Черны[5] объявил перед фронтом пленныхв), что мол «один пленный днем около ларька допустил бандитский поступок, ударив дежурного»б). Это объявление Черны вызвало возбужденные крики среди военнопленных и оскорбления по адресу Зоненшайна.

В это время стоявший в строю подхорунжий врач Гурвич, по национальности еврей, обращаясь к своему соседу, оскорбительно выразился по адресу кричавших поляков. Оскорбительное выражение было подхвачено группой близстоящих подхорунжих — поляков, которые моментально окружили Гурвича и потребовали от него, чтоб он немедленно извинился бы за нанесенное, как они считают, оскорбление всему составу подхорунжих-поляков. Гурвич отказался извиниться перед ними и объяснил, что он выразился оскорбительно не по отношению всех подхорунжих, а имел в виду только тех, которые оскорбительно кричали по адресу Зоненшайна. Подхорунжие с этим не согласились и дали Гурвичу срок для извинения до утра.

19 августа утром после поверки группа подхорунжих, предводительствуемая активными польскими националистами и подхорунжими — Баньковским[6], Пархимовичем[7], Гышка[8], Тышковским[9] и Свентковским[10] (отдельные из подхорунжих были вооружены палками)а) требовали от Гурвича извинения, от чего последний отказался. Избить в это время подхорунжим Гурвича помешало присутствие пом. начальника лагеря Черепанова. В связи с этим Гурвичу был г)данг) последний срок для извинения — до вечера.

20 августа к нам поступило заявление от Гурвича, что вечером его собираются избить, в связи с чем мы приступили к расследованию факта избиения

в-в) Подчеркнуто красным карандашом и отчеркнуто на полях.

б-б) Помета на полях и по тексту: «Почему, и какое он имел право объявлять. П. Сопрунепко». На полях имеется виза «Нех[орошев]. 24.8.40».

а) Далее зачеркнуто два слова «все они».

г-г) Вписано над строкой чернилами.

Зоненшайна и нанесению угроз в избиении Гурвичу. К тому мы приурочили вызов на допрос возглавлявших подхорунжих Тышковского, Пархимовича, Свентковского и Гышку на вечер, т.е. в то время как будет происходить поверка. Несмотря на это в 22 час. сразу же после вечерней поверки, подхорунжий поляк Баньковский во дворе лагеря подошел к Гурвичу и спросил его: намерен ли он извиниться перед подхорунжими и, получив от последнего отказ, ударил его по лицу. Это послужило сигналом к началу групповой драки, в которой принимали участие, с одной стороны, подоспевшие на помощь Баньковскому подхорунжие поляки Кондыевский[11] и Конобродский[12], а с другой стороны, подхорунжий еврей, ставший на защиту Гурвича, — Борковский[13] и подпоручики — врачи Сегаль[14], Гольдберг[15] и Левин[16]. На помощь военнопленным евреям пришли белорусы — подпоручик Щиперский[17] и подхорунжий Пискунович[18], которые пытались воспрепятствовать Баньковскому избивать Гурвича. В этот же период группа подхорунжих — поляков напала на стоявшего в стороне Зоненшайна, которому подхорунжий Любуська[19] нанес несколько ударов и сбил его с ног. Драка была ликвидирована самими дерущимися в несколько минут, после чего все разбежались.

Подхорунжий Баньковский как инициатор нападения на военнопленного Гурвича был сразу же начальником лагеря заключен на гауптвахту.

Результаты расследования доложены начальнику лагеря для вынесения административных мер взыскания по отношению остальных военнопленных, виновных в организации драки и принимавших непосредственное участие в ней.

Частично из материалов расследования, а главным образом из агентурных данных, устанавливается, что происшедшая между военнопленными поляками и евреями драка не носит случайный характер, а является результатом скрытого натравливания, организованного старшими по чину военнопленными, в частности, генералом быв. польской армии Волковицким, полковником Грабицким и майором Домонь[20], быв[шим] руководителем ОЗОН в г. Львове, который подобную же деятельность проводил еще в Старобельском лагере, о чем велось там же следствие.

Эти военнопленные, проявляя в лагере крайне реакционные взгляды, взяли под свое влияние часть националистически настроенных подхорунжих, наиболее активными из которых являются поляки Баньковский, Кондыевский, Каптуркевич, Любуська, Хопко[21], Пархимович, Свентковский, Гышка, Тышковский, Хофф[22] и ряд других, с которыми Волковицкий, Грабицкий и, в особенности, Домонь неоднократно проводили беседы, используя различные поводы, например, обучение их русскому языку и т.п.

В период пребывания в лагере группы военнопленных немцев эти же подхорунжие ими натравливались против немцев, в результате неоднократно назревали драки, которые частью были предупреждены нашим оперативным вмешательством, частью другими военнопленными.

В результате происшедшего между военнопленными расслоения на польских националистов и на часть, более лояльно относящуюся к Советскому

Союзу, среди которых имеется большинство евреев и белорусов, между ними возникла активная вражда, тем более, что вторая группа военнопленных занимается изучением «Краткого курса истории ВКП(б)», посещает лекции, доклады, проводимые политотделением лагеря. Желая сорвать эти мероприятия и отвлечь основную массу военнопленных от полимассовой работы, реакционно настроенные подхорунжие по указке Волковицкого, Грабицкого и Домонь параллельно устраивали свои сборища с пением патриотических песен, юмористических вечеров и т.д., вплоть до того, [а)]что переписывали фамилии военнопленных, посещавших лекции и доклады[а)].

Нами установлены факты, когда подхорунжие поляки из числа приближенных к генералу Волковицкому наносили угрозы отдельным военнопленным расправой в «будущей Польше» за то, что они изучают историю ВКП(б), посещают лекции и доклады.

Поэтому случай оскорбления Гурвичем поляков и был использован как повод поляками — националистами для открытого проявления своей враждебности по отношению к лояльной части к советской власти военнопленных.

[д)]Изучающими историю ВКП/б/ военнопленными, среди которых имеются лица, выдающие себя за бывших членов компартии Польши и комсомола Польши, на территории лагеря [б)]был организован своего рода красный уголок[б)], где помещается сделанный военнопленным Борковским барельеф с изображением В.И. Ленина. Утром 21 августа с.г. было обнаружено, что красный уголок обгажен и барельеф разбит. Устанавливаем конкретных виновников этих враждебных выпадов.[д)]

[в)]Должен отметить, что одной из причин вызвавших такое явление в лагере — это отсутствие должной работы среди военнопленных со стороны политотделения. Работу свою политотделение проводит однобоко и формально[в)]. Охвачено периодически проводимыми лекциями и докладами только часть военнопленных — лояльно настроенная по отношению к советской власти, остальная же подавляющая масса военнопленных, в особенности молодежь, предоставлена сама себе, а в худшем случае влиянию реакционно-настроенных быв. высших чинов польской армии. [г)]Не использованы такие возможности, как создание среди них кружка струнного оркестра, хорового кружка, организация различных игр и т.п. формы массовой работы[г)]. Весьма слабо проводится работа по созданию и актива, для проведения своего влияния в среду военнопленных.

О результатах дальнейшей разработки поименованных выше военнопленных, ведущих националистическую деятельность в лагере, буду сообщать дополнительно.

[а-а)] Подчеркнуто красным карандашом. На полях последняя фраза отчеркнута фигурной скобкой синим карандашом.

[д-д)] Отчеркнуто на полях фигурной скобкой чертой и синим карандашом.

[б-б)] Подчеркнуто красным карандашом.

[в-в)] Отчеркнуто на полях

[г-г)] Подчеркнуто красным карандашом и отчеркнуто на полях.

Нач. ОО Грязовецкого лагеря НКВД
ст. лейтенант гос. безоп[асности]
Эйльман

Штамп входящей регистрации: «УПВ 23.VIII № 16048».

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 4в. Д. 5. Лл. 160—162. Подлинник. На бланке Управления Грязовецкого лагеря.

[1] Гурвич, Самуил Соломонович, 1913 г. рождения, уроженец Вильно, сын владельца аптеки. Получил высшее медицинское образование, врач окружного госпиталя, после начала войны служил в должности младшего врача в 77 пехотном полку. Находился в плену в Осташковском лагере, откуда был переведен в Грязовецкий лагерь. 25 декабря 1940 г. П.К.Сопруненко сообщил В.Н.Меркулову, что народный комиссар внутренних дел Литовской ССР направил в УПВ письмо Виленского правления профсоюза медицинских работников с ходатайством об освобождении Гурвича из плена «как сочувствующего Коммунистической партии». Сопруненко же счел более целесообразным перевести Гурвича в Львовский лагерь, который испытывал нужду в медиках. Его предложение не вызвало возражений у Меркулова, и в начале 1941 г. Гурвич был переведен из Грязовецкого лагеря в Львовский (РГВА. Ф. 1/п. Оп. 6е. Д. 2).

[2] Кульчицкий Казимир Янович, 1907 г. рождения, рядовой полицейский.

[3] Зоненшайн, Изиель Пинкусович, 1909 г. рождения, житель г. Лодзь, окончил 7 классов начальной школы, электромонтер, член еврейской молодежной организации «Цукунфп», в армии не служил, попал в Осташковский лагерь как беженец. 21 ноября 1939 г. его намеревались выдворить в Центральную Польшу, оккупированную Германией, но он отказался туда выехать. В мае 1941 г. Зоненшайн был переведен в Львовский лагерь (РГВА. Ф. 1/п. Оп. 6е. Д 2. Лл. 142—145).

[4] Каптуркевич Збигнев Войцехович, 1912 г. рождения, подхорунжий запаса.

[5] Черны Тадеуш Юзефович, 1898 г. рождения, кадровый капитан.

[6] Баньковский Зигмунд Леонович, 1910 г. рождения, подхорунжий запаса, до войны работал инженером-механиком в г. Стаховицы.

[7] Пархимович Станислав Михайлович, 1913 г. рождения, подхорунжий запаса, был призван в пехотный полк, назначения не получил.

[8] Гышка Генрих Болеславович, 1914 г. рождения, подхорунжий запаса, до войны землемер в Гродненском уезде Белостокской волости.

[9] Тышковский Владимир Юльянович, 1908 г. рождения, подхорунжий запаса, командир взвода пехотного полка

[10] Свентковский Ромуальд Станиславович, 1913 г. рождения, подхорунжий запаса, командир отделения запасного полка.

[11] Кондыевский Юзеф Вицентович, 1916 г. рождения, подхорунжий запаса, командир отделения.

[12] Конобродский Чеслав Станиславович, 1917 г. рождения, кадровый подхорунжий.

[13] Борковский Виктор Хаскелович, 1915 г. рождения, кадровый подхорунжий, младший врач подвижного госпиталя, член Коммунистического союза молодежи Польши с 1935 г.

[14] Сегаль Генрих Самуилович, 1896 г. рождения, подпоручик запаса, врач запасного госпиталя.

[15] Гольдберг Абрам-Пейсах Хаимович, 1908 г. рождения, подпоручик запаса, батальонный врач.

[16] Левин Михаил Максимович, 1913 г. рождения, подпоручик запаса.

[17] Щиперский Станислав Янович, подпоручик запаса, призван в батальон КОП, должности не получил.

[18] Пискунович Михаил Константинович, 1915 г. рождения, подхорунжий запаса, командир отделения, до мобилизации студент Виленского университета.

[19] Любуська Тадеуш Станиславович, 1918 г. рождения, подхорунжий запаса, командир отделения, до войны не работал, жил с родителями в г. Львове.

[20] О генерале Еже Волковицком, майоре Людвиге Домоне см. № 17, а также: «Katyń». Tom 2. S. 99.

[21] Хопко Мечислав Захарьевич, 1916 г. рождения, подхорунжий запаса кавалерии, командир взвода юнаков, в армию мобилизован не был.

[22] Хофф Збигнев Евстахьевич, 1915 г. рождения, кадровый подхорунжий, командир отделения пехотного полка.

№ 113

1940 г. августа 21. — Распоряжение врид. заместителя начальника Управления госбезопасности МВД Латвийской ССР Силиньша начальникам районных отделений УГБ о проведении перерегистрации всех интернированных военнослужащих бывшего польского государства

Сов. секретно

Всем начальника районных отделений УГБ[1]

По линии уездных начальников[2] будет дано распоряжение о проведении перерегистрации всех интернированных солдат, офицеров, унтер-офицеров быв. польского государства. Эта перерегистрация назначается с целью изъятия и заключения в лагерь всех этих лиц.

Учитывая особую важность и срочность данного мероприятия, предлагаю:

1. Лично обеспечить проведение этой операции.

2. Всех являющихся на перерегистрацию задерживать (под любым предлогом) и после того, как явятся все интернированные, проживающие в Вашем районе, под конвоем народной милиции немедленно отправлять в лагерь для интернированных, м[естеч]ко Ульброк, вблизи Риги. В лагере интернированные сдаются начальнику лагеря под расписку.

3. Необходимо уже сейчас, помимо официальных данных, агентурным путем установить точное местонахождение интернированных поляков с тем, чтобы в случае неявки кого-нибудь, доставить его при помощи народной милиции.

4. Учтите, что все интернированные поляки, проживающие в Вашем районе, должны быть обязательно изъяты.

5. Подготовить помещение, в котором будут содержаться интернированные, вплоть до отправки их в лагерь. Это помещение должно быть обеспечено надежной охраной, полностью исключающей возможность побега.

6. Лиц, выделенных из состава народной милиции для проведения этой операции и конвоирования в лагерь, тщательно проинструктировать об абсолютной недопустимости побегов.

7. Учтите, что в лагерь надлежит отправлять также и всех гражданских лиц — жителей б. Польши, бежавших во время войны в Латвию вместе с войсками, которые и были вместе с ними интернированы.

О ходе операции ежедневно доносите.

Врид зам[естителя] нач[альника] УГБ МВД
Латвийской ССР
(Силиньш)

Зам[еститель] нач[альника] агентурного отдела
УГБ МВД Латвийской ССР
(Пеньковский)

Виза на месте подписи Силиньша черным карандашом: «Мак[лярский].
Помета в левом нижнем углу черным карандашом: «21/VIII-40 г. ушло.»

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 3а. Д. 1. Л. 135. Копия.

[1] См. № 109.

[2] В Литовской, Латвийской и Эстонской ССР вплоть до начала Великой Отечественной войны сохранялось по уездное территориальное деление, в то время как в СССР – по областное. Во главе уездных органов МВД (затем НКВД) в это время стояли уездные начальники. Им формально подчинялись уездные управления госбезопасности, но фактически они были подконтрольны лишь Управлению госбезопасности МВД (НКВД) трех новых республик СССР, а также НКВД СССР.

№ 114

1940 г. августа 26. Москва. — Отношение начальника Центрального справочного бюро по военнопленным при Исполкоме Союза обществ Красного Креста и Красного полумесяца СССР С.Г. Большакова П.К. Сопруненко с приложением запроса Венгерского Красного Креста о Я. Збиевском

№ СБ-14

Народный комиссариат внутренних дел СССР
Управление по делам о военнопленных
тов. Сопруненко

Направляем на Ваше распоряжение копию письма Венгерского Красного Креста с просьбой передать сведения Збиевскому Яну[1] от его жены и матери.

Нач[альник] ЦСБ
Большаков

[Приложение]

От Венгерского Общества Красного Креста

Обществу Красного Креста СССР. Львов

Будапешт, 6 июня

Господа,

Обращаемся к вам с просьбой передать г. Збиевскому Яну, проживавшему в Познани перед войной и в данное время находящийся в лагере для в[оенно]пленных в Козельске (близ Смоленска), — следующее сообщение от его жены Марии Збиевской, живущей в Познани, Ронтштр., 5 кв. 7:

«Твоя жена, а также мать и сын Пржемыслав здоровы.»

Заранее благодарим за вашу любезность и, одновременно, просим сообщить результат предпринятых вами шагов по этому вопросу.

Примите уверения в нашем к вам уважении.

Начальник Бюро Справок
(Дивеный Рожео — директор)

Резолюции:

1. По тексту документа красными чернилами : «Тов. Гоберман. Наведите справку и сообщите, что сведения Збиевскому переданы. П.Сопрун[енко].28.8.40 г.»

2. В правом нижнем углу простым карандашом: «Проверить по Козельску и Грязовцу. Гоб[ерман]. 28. VIII.»

Штамп входящей регистрации УПВ: «28.8.1940 г. Вх. № 16223»

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 1. Д. 9. Лл. 284. Подлинник. Бланк ИК СОКК и КП. Л. 285. Копия.

[1] См. № 127. Збиевский Ян Ромуальдович родился 7 февраля 1899 г. По профессии — инженер-архитектор, профессор Государственной школы прикладного искусства в Познани. В сентябре 1939 г. служил в 57 пехотном полку, подпоручик запаса. Был взят в плен, содержался в Козельском лагере. Тело его было найдено в Катыни весной 1943 г. Однако УПВ 4 сентября 1940 г. ответило С.Г. Большакову, что сообщение жены Яна Збигнева передано ему (РГВА. Ф. 1/п. Оп. 1е. Д. 9. Л. 283). Возможно, фамилия была несколько изменена сознательно, чтобы впоследствии можно было все свалить на ошибку. Через Красный Крест разыскивали своих мужей и сынов сотни людей — родных расстрелянных в апреле-мае 1940 г. военнопленных. Так, 1 июля 1940 г. Исполком СОКК и КП направил в УПВ список на 220 польских пленных, разыскиваемых иностранными гражданами, и 19 писем от граждан СССР; 22 августа — список на 43 человека. Около многих фамилий помета: «1-й спецотдел» (РГВА. Ф. 1/п. Оп. 1е. Д. 9. Лл. 206, 275—277).

№ 115

1940 г. сентября 3, Москва. — Политдонесение С.В. Нехорошева и Н.А. Воробьева о политико-моральном состоянии интернированных в Козельском и Юхновском лагерях

№ 25/8845 Сов. секретно

Заместителю народного комиссара внутренних дел Союза ССР
комиссару госбезопасности 3-го ранга
тов. Меркулову

Политдонесение
о политико-моральном состоянии интернированных
в Юхновском и Козельском лагерях[1]

1. Интернированных прибыло в Юхновский лагерь — 2026 чел.
Козельский. —[a)]2353 чел.[a)]

Состав в Юхновском лагере по служебному и социальному положению и национальности характеризуется следующими данными:

1) младшего комсостава	—	907
2) мл. комсостава КОП	—	153
3) мл. комсостава военно-след[ственных] тюрем	—	6
4) подхорунжих	—	37
5) рядовых	—	636
6) рядовых КОП	—	149
7) рядовых жандармерии	—	1

[a-a)] Подчеркнуто красным карандашом В.Н. Меркуловым.

8) погранх[ичная] стража	—	2
9) юнаков	—	93
10) беженцев	—	42
Всего	—	2026

1) крестьян	—	956	8) кулаков	—	130
2) батраков	—	126	9) купцов	—	20
3) рабочих	—	437	10) торговцев	—	19
4) служащих	—	159	11) ремесленников	—	25
5) чиновников	—	52	12) военнослужащих	—	13
6) помещиков	—	14	13) осадников	—	3
7) дворян	—	1	14) духовенства	—	1
			Всего	—	2026

1) поляков	—	1 984
2) белорусов	—	25
3) русских	—	6
4) украинцев	—	4
5) евреев	—	4
6) литовцев	—	3
Всего	—	2026

По территориальности данный состав распределяется:

С территории СССР, включая Литву, Эстонию и Латвию	— [a)]783	чел.[a)]
С территории отошедшей Германии	— [a)]1243	чел.[a)]
Всего	— 2026	чел

Настроение интернированных в этом лагере хорошее, политико-моральное состояние здоровое. Отношение к политике партии и правительства одобряющее. Все проводимые политические мероприятия воспринимают [a)]с большим подъемом.[a)] 24 июля на сообщение о присоединении Литвы, Латвии и Эстонии ответили бурной и продолжительной овацией. С большим интересом был заслушан доклад об антивоенном дне 1 августа, докладчик неоднократно вынужден был останавливаться, пока кончатся аплодисменты и крики «ура». Доклад о внешней политике Советского правительства сопровождался и закончился бурными аплодисментами присутствующих. Интернированный Стучинский после этого доклада за-

[a-a)] Подчеркнуто красным карандашом В.Н.Меркуловым.

явил: «По прибытии в быв. Польшу, буду активно бороться против буржуазии, за советскую власть».

Интернированный Челинский в процессе беседы по вопросам Сталинской Конституции задал вопрос: «Скоро ли быв. Польша будет советской?».

Зарихта Ян, крестьянин-бедняк, сказал: «Советская страна мне нравится. Если на СССР нападут, то я первым буду защищать его, если бы я умел говорить по-русски, то выступил бы на митинге и выразил свое отношение к СССР».

Интернированный Сюда Владислав говорил: «Конституция СССР лучше, чем в быв. Польше. Власть в СССР народная, обеспечивает хорошую жизнь трудящимся».

Войцеховский Эдуард: «Конституция СССР дает счастливую жизнь трудящимся».

При появлении среди интернированных работников лагеря последних быстро окружает масса людей и тут же задают огромное количество политических вопросов, выражают удовлетворение переходом на территорию СССР, очень довольны отношением к ним в лагере, выражают сожаление, что так мало знали о СССР и что давали обмануть себя клеветой о нашей стране.

Высказываются антигерманские настроения, задают такой вопрос: «то, что Германия укрепляет свое могущество и господство, может быть направлено потом против СССР, не лучше ли принять меры и не допустить этого?».

Интернированный Войцехович, приводя слова товарища Молотова из доклада о внешней политике[2]: «Мы имеем немалые новые успехи, но мы не собираемся успокоиться на достигнутом», — спрашивает: «Нельзя-ли потянуть за нос Германию»?

Интернированный Сташальский заявил, что он слышал, что «якобы СССР организует из быв. польских военнопленных особые легионы для выступления против Германии».

Многие задают вопрос: «Мы с территории, отошедшей к Германии, можно-ли остаться в СССР, ибо если мы туда вернемся, полиция нам житья не даст». Много подано уже заявлений с просьбой оставить их в СССР. (Копия одного заявления прилагается)[а].

Большое количество [б]интернированных[б] Юхновского лагеря изучают Сталинскую Конституцию и «Краткий курс истории ВКП(б)».

Все интернированные ежедневно изъявляют желание пойти на работу, при этом говорят: «Мы должны помочь советскому государству в еще большем его укреплении с тем, чтобы СССР скорее покончил с проклятой войной навсегда».

Наряду с этим имеются факты отрицательные:

[а] В деле отсутствует.

[б-б] Вписано над строкой красными чернилами.

Капрал Агеев высокомерно вел себя в отношении рядовых, обзывал нецензурными словами, высмеивал, запрещал говорить о хорошем порядке в лагере и хорошем отношении к интернированным, а когда один из рядовых Петраш Франц Иосифович, поляк, рабочий дал отпор возмутительному поведению Агеева, последний ударил его по лицу, разбил до крови нос.

Этот случай обсуждался на всех сотнях, против поступка Агеева создано общественное мнение среди интернированных, Агеев в присутствии всех просил у Петраша извинения.

На Агеева наложено дисциплинарное взыскание — арест на 20 суток.

Отдельные среди старших сержантов выражают антисоветские настроения, высказываются мнения, что «в СССР плохо, в колхозах рабство», беседы политработников посещать не хотят, разъяснения не слушают.

С прибытием в лагерь у многих были мнения, что теперь им конец, домой они не вернутся. Интернированный Коровченко говорил: «Есть возможность бежать, но далеко от границы».

Интернированные Ящук и Кучинский говорят: «200 миллионов населения, а что толку, успехов нет. Были мы в России и раньше, изменений не видно. Один работает, другой дурака валяет. Власть в руках группы коммунистов. Присоединение Литвы, Латвии и Эстонии сделано коммунистами, а народ ничего не знает».

Интернированный Сташальский на заявление одного из интернированных, что ему хорошо живется в лагере, а они по колено в грязи копают яму, ответил: «Вот вам и равенство, сами видите наглядно» (Сташальский работает на радиостанции лагеря).

Интернированный Ковалец высказал мысль, что «жизнь в СССР плохая, заработок, хотя и большой, но толку от этого нет, все дорого».

Интернированный Корженевский, старший сотни, говорил: «свобода только на бумаге, на самом деле власть держится на терроре».

В разговоре о положении с быв. Польшей интернированный Врубель высказал мысль, что «Советская власть на западе, в том числе и в быв. Польше, не удержится. Насилие и режим, жизнь плохая, а народ знает, как хорошо жилось в быв. Польше; если там коммунизм и удержится, то только в другой форме».

Интернированные Данилевич Ян, ст. рядовой запаса, и Сташак Ян, ст. сержант, выражая симпатии Германии, говорили: «В Германии порядки лучше, чем в СССР, в СССР жизнь тяжелая, особенно беспартийным. По освобождению из лагеря убегу в Германию».

А Харкевич Тадеуш заявил: «В СССР жить плохо, все дорого, а заработок мал. Лучше жить у немцев, чем в СССР».

Интернированный Врублевский, выражая желание, чтобы произошла революция в Германии, сказал: «Но что пользы, все равно народ убедится, что положение будет хуже и революция погибнет».

Интернированный Карнатовский после доклада об антивоенном дне среди отдельных[а)] говорил: «Затуманили глаза, но еще не всем. Нашу массу уже сумели обработать и большинство идет за большевиками».

Интернированный Алесич, выражая впечатление после кинокартины, сказал: «Нет правдивости в кинокартинах, все показывают о победах. Так у нас в Польше все расхваливали, а как только столкнулись, то армия потерпела поражение, а Польша рассыпалась».

Интернированный Гедройц Стефан, телефонист штаба укрепленного района Вильно, по профессии техник-землеустроитель, говорил: «Хорошее обращение с нами Советская власть просто инсценирует».

Отдельные интернированные высказывают недовольство питанием, так Желяшкевич Владислав, рядовой, музыкант, говорил: «Здесь голодно, мало мяса и жиров, нет магазина и денег».

Имеется много заявлений с жалобами на невозвращение личных вещей, изъятых конвоем при следовании из Литвы в СССР. Вещи эти были перепутаны и находятся в Козельском лагере. Принимаются меры к их возвращению.

[а)]Интернированные в Козельский лагерь прибыли за период с 13 по 15 июля. В течение двух дней проведена была санобработка и 18 июля разбивка по корпусам. Группа от подполковников и выше, которых есть 23, размещены в отдельном корпусе на койках, остальные на трехъярусных нарах. Жалоб нет. Большое желание большинства интернированных к работе, что-нибудь да делать. Используются на внутрилагерных работах [а)].

Все интернированные считали, что как только они попадут в СССР, то их тут же как белогвардейцев отправят на казнь. Эти настроения были не только среди полицейских и жандармерии, которых 50% в лагере, но и отдельных офицеров. Очень сильны они у полицейских, которые считают, что рано или поздно, но они будут казнены. Эти настроения поддерживаются офицерами, которые в разговоре с полицейскими говорят: «Нас как людей военных подержат и отпустят, а вас, поскольку вы в Польше преследовали рабочих, обязательно будут судить и казнить».

Интересуются названием реки, протекающей около лагеря, расстоянием от Смоленска и Москвы.

Восхищаются ростом культуры в СССР, что характеризуется по их мнению, прежде всего вежливым приемом их и простотой обращения с ними работников лагеря, честностью советских людей, вниманием к больным и ослабевшим, которым оказывалась соответствующая помощь в пути, возвращением потерянных в пути личных вещей. От многих можно часто слышать: «Мы поражены вежливостью, культурностью и честностью ваших людей».

У интернированных совершенно другое мнение, чем у бывших военнопленных по отношению к Англии. Они заявляют: «Правы были вы, когда говорили, то Англия любит загребать жар чужими руками».

[а)] Так в документе.

[а-а)] Отчеркнуто на полях красным карандашом В.Н. Меркуловым.

Сожалеют, что много погибло поляков помимо войны в Польше.

Очень развито превратное мнение о советской семье и браке. Они считают, что в СССР нет семьи, за один рубль разводятся и бесконечное количество раз женятся, детей после рождения от матерей отбирают. Задают такие вопросы: «Правда ли, что наших жен заставляют жить с вашими мужчинами»? «Собираются ли колхозники на зиму к своим семьям и есть ли у них семьи и квартиры»?

Интересуются вопросами о свободной торговле, рынках, частной собственности, зарплате, о колхозном строительстве, Конституции, охране здоровья и др.

Просят книг по Конституции и другим вопросам, обменять литовские деньги и доллары на советские деньги, о продаже махорки и спичек, о посылке писем.

На питание жалоб нет, считают, что здесь их кормят лучше, чем в Литве. Общее настроение бодрое.

Комиссар Управления НКВД
СССР по делам о военнопленных
полковой комиссар
Нехорошев

Зам. начальника политотдела
старший политрук
Н. Воробьев

Резолюция в левом верхнем углу 1-го листа красным карандашом: «Тов. Чернышову. М[еркулов]. 4.IX.[40 г.]»
Штамп входящей регистрации Секретариата НКВД СССР: «3.IX.1940 № 25.»

РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1. Лл. 218—226. Подлинник.

[1] См. № 106. О том, как воспринимали интернированные условия плена в СССР, см. воспоминания А. Колятора (Zbrodnia katyńska. S. 214—215).

[2] Имеется в виду выступление В.М. Молотова на УП сессии Верховного Совета СССР, проходившей 3—6 августа 1940 г.

№ 116

1940 г. сентября 4, Москва. — Выписка из протокола № 103. Особого совещания при НКВД СССР об осуждении на 3 года Ф.Е. Чубока

Выписка из протокола № 103
Особого совещания при Народном Комиссаре
внутренних дел СССР от 4 сентября 1940 г.

Слушали:
215.Дело № 93865/НКВД БССР
по обвинению
Чубок Федора Емельяновича[1],
1914 г. р., урож[енца] д. Зоронка,
белорус, вне ..... , из крестьян, б/п.,
работал в сельском хозяйстве

Постановили:
Чубока Федора Емельяновича
за нелегальный переход госграницы —
заключить в исправительно-трудовой
лагерь сроком на три года,
считая срок с 23 июня 1940 г.

Нач[альник] секретариата Особого совещания
при народном комиссаре внутренних дел СССР
[подпись]

Копия верна: п[одпись] инсп[ектора] Емелья[нов]

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 6е. Д.13. Л.132. Заверенная копия.

[1] Ф.Я. Чубок бежал из германского плена и перешел границу с СССР, где и был арестован и осужден Особым совещанием НКВД СССР. В связи с письмом депутата Верховного Совета СССР Щербака П.К.Сопруненко 27 декабря 1940 г. запросил сведения о нем и у УНКВД по Архангельской области, и у 1-го спецотдела НКВД СССР. 2 января 1941 г. зам. начальника 16-го отделения 1-го спецотдела Н.А.Киселев сообщил в УПВ, что Ф.Е.Чубок осужден Особым совещанием к 3-м годам исправительно-трудовых лагерей за нелегальный переход госграницы. 15 января зам. начальника УНКВД по Архангельской области капитан ГБ В.Т.Почтовский, сообщив аналогичную информацию, указал, что Ф.Я.Чубок содержится в Каргопольском лагере НКВД. К его письму была приложена публикуемая копия выписки из протокола Особого совещания и учетно-статистическая карточка (РГВА. Ф.1/п. Оп. 6е. Д. 13. Лл. 124—130).

№ 117

1940 г. сентября 5, Грязовец. — Спецсообщение Г.А. Эйльмана П.К. Сопруненко и П.П. Кондакову о подготовке военнопленных к голодовке в связи с запрещением переписки с родными

№ 169

Сов. секретно

Начальнику Управления НКВД СССР
по делам о военнопленных
капитану гос. безопасности
т. Сопруненко

Начальнику Управления НКВД СССР по Вологодской обл[асти]
майору гос. безопасности
тов. Кондакову

Спец. сообщение

Сегодня к нам явился один из военнопленных ротмистр запаса б. польской армии Расинский, который сообщил нам, что группа военнопленных подготавливает в ближайшее время массовую голодовку среди военнопленных, в знак протеста против запрещения им переписки с семьями и родными.

Инициаторами этого протеста являются 4-5 человек военнопленных из среднего командного состава б. польской армии. Расинский назвал одного известного ему из этой группы — Бизанц Отто Яновича, подпоручика запаса, жителя территории, отошедшей к Советскому Союзу. По имеющимся у нас материалам Бизанц характеризуется как активный польский националист, высказывающий среди военнопленных враждебные взгляды по отношению к Советскому Союзу.

Проинформировав нас об изложенном, Расинский заявил, что в настоящее время только ведется подготовка к объявлению голодовки, но окончательного решения еще не принято. Он же заявил, что за несколько дней до начала голодовки сумеет нас поставить в известность о принятом решении.

Судя по тем настроениям, которые нами отмечаются ежедневно среди военнопленных, заявление Расинского заслуживает серьезного внимания, ибо в общей сумме отрицательных настроений среди военнопленных превалируют недовольство на отсутствие переписки с родными. Каждодневно с этими жалобами к нам обращаются целые группы военнопленных, требуя ответа, почему им нет писем от их семей.

К нашим заявлениям о том, что в их адрес письма не поступают, они относятся скептически и считают, что письма задерживаются нами.

В июне и июле месяце, чтобы вызвать некоторое успокоение в среде военнопленных, мы дали им возможность писать письма, однако последние нами не направлены по адресам и хранятся у нас. В августе месяце, в связи с получением от Вас официального подтверждения о запрещении переписки, писать письма военнопленным мы возможности не предоставили.

В настоящее время у нас хранится до 200 писем на имя содержащихся в лагере военнопленных, поступившие из других лагерей, но таковые военнопленным не вручаются. Все эти письма исходят от жителей территории, отошедшей к Германии.

О том, что переписка им запрещена, военнопленным не объявлено.

Заявление Расинского нами проверяется. Выявляем также других, кроме Бизанца, инициаторов голодовки.

О последующих собранных по данному вопросу сведениях буду информировать дополнительно.

Нач[альник] ОО Грязовецкого лагеря НКВД
ст. лейтенант госбезоп[асности]
Эйльман

Резолюции:
1. По тексту документа на 1-м листе синим карандашом: «Тов. Маклярский. Для рапорта зам. наркома т. Меркулову. П.Сопру[ненко].»
2. В нижней части 1-го листа чернилами: «Т. Гоберман. Ознакомьтесь и передайте т. Романову. Рапорт я написал. Мак[лярский]. 10.IX.40.»
Штамп входящей регистрации УПВ: «7.IX. Вх. № 16589»

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 4в. Д.5. Л.143—144. Подлинник. На бланке Управления Грязовецкого лагеря

[1] См. №№ 118, 124. 26 сентября Г.А.Эйльман направил П.К.Сопруненко и начальнику УНКВД по Вологодской области П.П.Кондакову еще одно спецсообщение о недовольстве военнопленных запретом переписки с родными, о их намерении объявить голодовку. В качестве застрельщиков этой акции наряду с генералом Е. Волковицким назывались полковник Е.Гробицкий, подполковник Т.Фельштин, майоры Л.Домонь, Ю.Лис, комиссар полиции Я.Бобэр (РГВА. Ф. 1/п. Оп. 4в. Д. 5. Л. 179—180).

№ 118

1940 г. сентября 6, Грязовец. — Заявление генерала Е. Волковицкого в УПВ НКВД СССР с требованием разрешить переписку военнопленных со своими семьями.

Лагерь Военнопленных
[a)]«Грязновец»[a)]

6/IX/1940 г.

Народный комисарят внутренних дел
Управление по делам военнопленных[1]

Как старший чином польский военный в лагере военнопленных «Грязовец» позволяю себе обратиться к НКВД со следующим заявлением: со дня выезда из Козельска, Старобельска и Осташкова военнопленных, находящихся в здешнем лагере, прошло свыше 4-х месяцев. За это время почти никто из нас не получил каких-либо известий от своих семей.

За этот промежуток времени мы дважды получили разрешение писать нашим семьям, однако на эти письма мы до сих пор не получили ни одного ответа.

[a-a)] Так в документе, правильно «Грязовец».

Я должен с печалью констатировать, что вследствие вышеизложенных причин в лагере господствует подавленное настроение, выражающееся в постоянных разговорах, касающихся писем, и беспокойстве насчет участи, постигшей наши семьи. Кажется мне, что по этому поводу могут даже произойти случаи самоубийства.

Никто не хочет верить объяснениям лагерного начальства, что писем нет потому, что наши родные нам не пишут.

По всем этим причинам прошу НКВД вновь рассмотреть вопрос о нашей корреспонденции с семьями и разрешить его таким образом, как это было в зимних лагерях. Если длинные письма невозможны, то корреспонденцию можно было бы поддерживать при помощи карточек с ответами и соответствующим шаблоном. Самое ведь короткое известие лучше, нежели давящая нас сегодня неизвестность насчет наших родных. Может быть НКВД нашло бы возможным установить корреспонденцию военнопленных с их семьями для территорий, занятых СССР, при помощи советского красного креста, а для территорий, занятых немцами, при помощи польского красного креста в Варшаве. Это последнее уже практиковалось.

При этом позволяю себе заметить, что из полученных ранее писем нам известно, что в немецких лагерях можно писать один раз в неделю, получать же корреспонденцию в неограниченном количестве.

Волковицки[й]
генерал бригады П.А.[6)]

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 4в. Д.5. Лл. 178—179. Подлинник. Рукопись.

[1] См. №№ 117, 122, 124. 26 сентября Г.А.Эйльман сообщил П.К.Сопруненко, что некоторое время военнопленные ожидали ответа на письмо Е.Волковицкого наркому внутренних дел. Однако 23 сентября генерал посетил подпоручиков и заявил им о необходимости готовиться к длительной голодовке, вплоть до разрешения переписки. Он сообщил, что ею будет руководить специальный комитет с целью превратить во всеобщую голодовку (РГВА. Ф.1/п. Оп. 4е. Д. 5. Л. 177, 179—180). Не желая накалять обстановку в лагере, руководство НКВД СССР 28 сентября дало разрешение на возобновление переписки военнопленных со своими близкими (см. № 122).

№ 119

1940 г. сентября 9, Грязовец. — Докладная записка Г.А. Эйльмана П.К. Сопруненко о результатах следствия, проведенного особым отделением Грязовецкого лагеря.

[6)] ПА — Польской Армии.

Сов. секретно.

Начальнику Управления НКВД СССР
по делам о военнопленных
капитану госбезопасности
тов. Сопруненко

Докладная записка[1].

На 5 сентября с.г. в Грязовецком лагере НКВД содержится 385[2] человек военнопленных, которые подразделяются на нижеследующие категории:

I. Армейские офицеры быв. польской армии

1. Генералов — 1 человек.

2. Полковников — 6 человек, из них жителей территории, отошедшей к Советскому Союзу, — 1 человек.

Среди полковников выявлен быв. начальник [а]отделения международных сношений при 2-ом отделе польгенштаба.[а]

3. Подполковников — 16 человек, из них жителей территории, отошедшей к Советскому Союзу, [б]8 человек.[б]

Среди подполковников выявлен быв. помощник начальника Управления при кабинете военного министра по насаждению военных осад.

4. Майоров — 6 человек, из них жителей советской территории — 4 человека. Путем проверки среди них выявлен военный руководитель областной организации партии «Озон» в гор. Львове.

5. Капитанов — 14 человек, из них жителей советской территории — 5 человек.

Среди капитанов выявлены: военных цензоров — 1; помещиков — 1; [а]членов партии сионистов-ревизионистов — 1.[а]

6. [а]Поручиков — 25 человек,[а] из них жителей территории, отошедшей к Советскому Союзу, — 7 человек.

Выявлен среди поручиков 1 военный цензор. Кроме того один из поручиков (Глезер — немец) подозревается в принадлежности к германской разведке.

7. Подпоручиков — 89 человек, из них жителей советской территории — 37 человек.

II. Офицеры быв. польского военно-морского флота — 3 человека, из них

Капитанов [б]I ранга	—	1	человек.[б]
Капитанов [б] II ранга	—	1	—"—[б]

[а-а] Подчеркнуто красным карандашом.

[б-б] Вписано в строку чернилами и подчеркнуто красным карандашом.

Капитанов-[б)]лейтенантов	—	1	—„—[б)]

III. Офицеры быв. польской полиции — 7 человек, из них:

Инспекторов полиции	—	2	человека,
Надкомиссаров полиции	—	2	—„—
Комиссаров полиции	—	2	—„—
Аспирантов полиции	—	1	—„—

Среди полицейских офицеров выявлен начальник политического отделения тайной полиции.

IV. Армейский подофицерский и рядовой состав

1. Хорунжих — 8 человек, все жители советской территории.

Путем проверки их состава выявлены: военных осадников — [а)]1[а)], контрразведчик — 1.

[г)]На остальных 6 человек хорунжих компрометирующих данных не установлено[г)].

2. Подхорунжих — 82 человека, из них жителей советской территории — 59 человек. Из всего состава подхорунжих 6 человек являлись кадровыми, остальные числились в запасе.

В процессе проверки этого состава выявлены: торговцев — 1; сыновья офицеров быв. польской армии — [а)]2;[а)] членов реакционных студенческих корпораций — [а)]1;[а)] членов организации «Стрелец» — 3.

[г)]Таким образом путем проверки по месту жительства, личным опросом и оперативными мероприятиями не выявлено компрометирующих данных на 75 человек подхорунжих.[г)]

3. Старших унтер-офицеров — 2 человека. Из них один заявил при опросе, что в 1938 г. он был завербован советскими разведорганами, что проверкой не подтверждено.

На другого унтер-офицера — жителя германской территории — компрометирующих сведений не выявлено.

4. Рядовых солдат — 12 человек, из них жителей советской территории — 10 человек.

Проверкой их состава выявлены: военных осадников — 2; детей военных осадников — 1; выходцев из кулаков — 3.

При опросе рядовой солдат Кулаков заявил о своей принадлежности к КПП, что при проверке в Коминтерне не подтверждено. Установлено, что Ку-

---

[б-б)] Подчеркнуто красным карандашом.

[а-а)] Вписано в строку чернилами.

[г-г)] Отчеркнуто на полях красным карандашом.

лаков неоднократно переходил советско-польскую границу, за что был судим польским судом.

[а)]Не выявлено при проверке компрометирующих данных на 5 человек солдат[а)].

V. Подофицерский и рядовой полицейский состав

[а)]Кадровый состав — 28 человек, из них:

1.[б)]Сержантов полиции — 5 человек[б)], 4 человека — жителей советской территории.

Выявлено, что один из них служил в прошлом агентом тайной политической полиции.

2. Старших полицейских — 10 человек, из них жителей советской территории — 5 человек.

3. Рядовых полицейских — 13 человек, из них жителей советской территории — 5 человек.

[б)]Рядовых резервистов полиции — [б)]17 человек[б)], из них жителей советской территории — 13 человек.

Проверкой их состава выявлены: военных осадников — 1; торговцев — 1; членов «Озон» — 1; членов организации «Стрелец» — 1; членов ППС — 2.

VI. Чинов пограничной стражи и жандармерии — 3 человека, из них:

ст. стражников	—	1	человек
ст. жандармов	—	1	— " —

VII. Служащие быв. польских тюрем — 2 человека, из них:

начальников тюрем	—	1	человек.
надзирателей тюрьмы	—	1	— " —

VIII. Участники польских военизированных юнацких отрядов — 10 человек, из них жителей советской территории — 8 человек.

Проверкой их состава выявлены: детей полицейских — 1 и членов организации «Стрелец» — 2.

[а)]На остальных 7 юнаков компрометирующих данных не выявлено[а)].

IX. Агенты литовских разведорганов, содержавшиеся в тюрьмах бывшей Польши — [б)]3 человека[б)].

Других компрометирующих данных на них не установлено.

а-а) Отчеркнуто на полях красным карандашом.

б-б) Подчеркнуто красным карандашом.

X. в)Агенты советских развед[ывательных] органов — 2 человека, содержавшиеся в польских тюрьмах. Принадлежность их к советской разведке подтверждена в).

XI. Гражданские лица

а) Жителей территории, отошедшей к Германии, — 26 человек, из них:

1. Крупных государственных чиновников — 3 человека (советник министерства иностранных дел, он же член «Озон»; чиновник министерства юстиции; главный управляющий авиационными заводами быв. Польши, он же член «Озон» и член ППС).[3]
2. Студентов быв. польских университетов — 3 человека;
3. Учеников гимназии — 3 человека;
4. Рабочих — 4 человека;
5. Безработных — 1 человек;
6. Крестьян — 3 человека;
7. Служащих разных учреждений — 3 человека;
8. Кустарей — 2 человека;
9. Детей офицеров быв. польской армии — 1 человек;
10. Служащих военизированных юнацких отрядов — 1 чел.;
11. Освобожденных из польских тюрем — 2 человека.

Из числа этой группы пленных освобожденные из тюрем Вольский и Зелинский и беженец Живчик выдают себя за членов КПП.[4] Подтверждена принадлежность к КПП только одного Зелинского.

б) Гражданские лица с территории быв. Литвы — 3 человека, из них:

Кустарей — 1 человек;

Учеников гимназии — 1 человек;

Рабочих — 1 человек.

Из личных опросов их усматривается, что: 1) Белян (ученик гимназии) во время войны был интернирован в Литве, откуда бежал в СССР и был задержан советской погранохраной; б)2) Воверис — житель Литвы, где находился под надзором полиции как брат казенного литовскими властями коммуниста.б)

в) Гражданские лица с территорий, отошедшей к Советскому Союзу — 19 человек

Среди них проверкой по месту жительства и личным опросом выявлены:

а)Помещиков	— 3	человека;а)
а)Детей помещиков	— 2	человека;а)
а)Лесопромышленников	— 1	человек;а)

в-в) Отчеркнуто на полях красным карандашом 3-мя чертами.

б-б) Отчеркнуто на полях красным карандашом двумя чертами. Помета П.К. Сопроненко: «Запросить».

а-а) Подчеркнуто красным карандашом.

[а)]Детей полицейских	—	2	—"—[а)]
[а)]Осадников	—	1	—"—[а)]
[а)]Резидентов польской разведпляцувки	—	1	—"—[а)]
Ксендзов	—	1	—"—.

Среди них же выявлено: членов «Озон» —1[а)] человек; членов организации «Стрелец» —1[а)]человек; [а)]членов благотворительного общества русских эмигрантов — 2; членов партии «[г)]Страничество[г)] Людове» — 1.

Кроме того, выявлено, что среди гражданских лиц [в)]имеются[в)] члены организации «Стрелец», [в)]которыми[в)] являлись двое детей рабочих и один быв. инструктор противовоздушной и химической обороны.

Содержащийся в лагере агроном Бырский, как выявлено проверкой, являлся активным общественным деятелем по подготовке выборов в быв. польский сейм и по вербовке добровольцев в польскую армию.

В составе гражданских лиц, содержащихся в Грязовецком лагере, имеется еще:

Чиновник Управления воеводства	— 1
Торговец-мороженник	— 1
Учитель	— 1
Крестьянин	— 1

В отношении этих лиц проверкой по месту жительства и опросами в лагере никаких компрометирующих данных не выявлено.

Таким образом, не выявлено компрометирующих данных в отношении содержащихся в лагере гражданских лиц:

[б)]1. На 22 человека — жителей германской территории.

2. На 3 человек — жителей быв. литовской территории.

3. На 4 человек — жителей территории, отошедшей к Советскому Союзу[б)].

Из числа гражданских лиц были разоблачены как скрывшиеся офицеры 4 человека.

П[одпись] начальника особого отделения
Грязовецкого лагеря НКВД
Ст. лейтенант госбезопасности
Эйльман

Резолюция в левом верхнем углу красными чернилами: «Тов. Хохлову и тов. Маклярскому. Нужно поставить перед руководством вопрос о каждой категории в отдельности в[оенно]п[ленных], на которых не добыты компрматериалы, с нашими предл[ожениями] П.Сопру[ненко]. 9.9.40 г.»

а-а) Подчеркнуто красным карандашом.

а) Цифры подчеркнуты.

в-в) Вписано над строкой чернилами.

г-г) Так в тексте. Правильно: Страничиство

б-б) Отчеркнуто на полях красным карандашом двумя чертами.

Помета на полях простым карандашом. «Тов. Худякова. «Получил у нач[альника] Управл[ения]. Доложено. К делу лагеря. Гоберман. 23.XII».

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 2е. Д. 17. Лл. 189—197. Подлинник.

[1] См. №№ 86, 92, 96, 103, 117, 120. См. также докладную записку В.Я.Волкова П.К.Сопруненко о состоянии режима в лагере от 30 августа (РГВА. Ф. 1/п. Оп. 4в. Д. 5. Лл. 116—126).

[2] В первых числах августа из Грязовецкого лагеря в Москву во внутреннюю тюрьму ГУГБ была отправлена группа военнопленных немецкой национальности для последующей передачи Германии. Среди них были А. Штырцбехер, Г. Цын, А. Данек, Ф. Рабошевский, О. Кинель, К. Бемер, Э. Ферстер, Ю. Фишер-Драунегг. При поступлении в тюрьму у одного из них (скорее всего у Ю. Фишер-Драунегга) были найдены 2 кг 322 г. золота, зашитые в два пояса (см.: Там же. Д.13. Л. 63).

[3] О партиях «Озон», ППС и молодежно-патриотической организации «Стрелец» (правильнее «Союз стрельцов») см.: «Катынь...», с. 399, 406.

[4] КПП — распущенная Исполкомом Коминтерна в 1938 г. Польская коммунистическая партия.

№ 120

1940 г. сентября 9, Грязовец. — Служебная записка П.К. Сопруненко начальнику Особого отдела ГУГБ НКВД СССР майору госбезопасности А.Н. Михееву об оперативном обслуживании военнопленных и интернированных

№25/9344 Сов. секретно

Начальнику Особого отдела ГУГБ НКВД СССР
майору госбезопасности
тов. Михееву[1]

На № 4/49157

В системе Управления НКВД СССР по делам о военнопленных осталось военнопленных на строительстве № 1 г. Ровно — 14.500 человек, которых обслуживает Особый отдел КОВО и в Севжелдорлаге около 8.000 человек, которые в оперативном отношении обслуживаются местным опер-чекистским отделом.

В лагерях Козельском и Юхновском содержатся интернированные, направленные туда в соответствии с приказом НКВД СССР № 00806 от 6/VII—1940 г.[2] и оперативное обслуживание этим же приказом возложено на нач[альника] УНКВД по Смоленской области тов. Куприянова.

В Грязовецком лагере содержится особый контингент военнопленных. Особое отделение этого лагеря создано по своей численности сильное, в количестве 15 человек и работает по заданию заместителя народного комиссара внутренних дел СССР тов. Меркулова, а в своей практической работе указания получает от меня и пятого отдела[3].

Особое отделение Суздальского лагеря, обслуживающее интернированных чехов, указания получает от 3 и 5 отделов.

В Старобельском лагере будут содержаться перебежчики, оперативное обслуживание которых возложено на УНКВД по Ворошиловградской области.

Остальные лагеря: Южский, Козельщанский, Путивльский, Оранский, Осташковский — свободны. Аппарат этих лагерей сокращен до минимума.

Начальник управления НКВД СССР
по делам о военнопленных
капитан госбезопасности
(Сопруненко)

Отп. 3 экз.
1 адрес.
1 секр[етариат]
1 тов. Полухину.

Резолюция в верхней части первого листа красным карандашом: «Тов. Потаповой. В дело особой переписки. И. Полухин».

РГВА. Ф. 1п. Оп. 3а. Д. 1. Л. 208—209. Отпуск.

[1] См. №№ 103, 105, 106, 115, 119, 121, 124. Особый отдел ГУГБ (он же IV отдел ГУГБ) осуществлял надзор за вооруженными силами СССР. В нем числилось около 400 работников, больше, чем в любом другом отделе ГУГБ. После реорганизации НКВД СССР в феврале 1941 г. и выделения ГУГБ в самостоятельный Наркомат государственной безопасности СССР Особый отдел был передан в Наркомат обороны в качестве его 3-го управления. См. подробнее: Лубянка. ВЧК — ОГПУ — НКВД — НКГБ — МГБ — МВД. Справочник. Сост. Н.В.Петров, А.И.Кокурин. М., 1997. С. 26, 108.

[2] См. № 104.

[3] Имеется в виду 5-й отдел (ИНО) ГУГБ НКВД СССР во главе с П.М. Фитиным.

№ 121

1940 г. сентября 10, Москва. — Распоряжение П.К. Сопруненко руководству Старобельского лагеря об уничтожении учетных дел военнопленных

№ 25/9050

Сов. секретно

Начальнику Старобельского лагеря НКВД
капитану госбезопасности
тов. Бережкову

Начальнику особого отделения лагеря
сержанту госбезопасности
тов. Гайдидею

На № 10/8 от 3/IX—1940 г.[1]

Учетные дела особого отделения на военнопленных, убывших из лагеря (кроме убывших в Юхновский), картотека учета, а также литерные дела с материалами на военнопленных, должны быть уничтожены путем сожжения.

Все материалы на военнопленных, убывших в Юхновский лагерь, надлежит срочно направить в Управление НКВД по делам о военнопленных.

Литерные дела с материалами по обслуживанию войсковой части, охранявшей лагерь, сдать в архив 1-го спецотдела УНКВД по Харьковской области.

Литерные дела с материалами на вольнонаемный [а)]состав[а)], а также на население, окружающее лагерь, являются действующими и подлежат оставлению в особом отделении лагеря.

До уничтожения материалов должна быть создана комиссия из сотрудников особого отделения, которая обязана тщательно просмотреть все уничтожаемые документы с тем, чтобы из дел были изъяты все неиспользованные документы, а также материалы, представляющие оперативный интерес. Эти материалы ни в коем случае уничтожению не подлежат. Их надлежит выслать также в Управление.

Как уничтожение, так и сдачу материалов в архив оформить соответствующими актами с приложением к ним подробных описей уничтоженного.

Об исполнении донесите.

Нач[альник] управления НКВД СССР по делам о военнопленных
капитан госбезопасности
(Сопруненко)

Нач[альник] 2-го отдела Управления НКВД СССР
по делам о военнопленных
ст. лейтенант госбезопасности
(Маклярский)

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 2е. Д. 10. Лл. 283—284. Отпуск.

[а-а)] Вписано от руки над строкой чернилами.

[1] 3 сентября 1940 г. А.Г. Бережков направил в УПВ запрос № 10/8 относительно материалов, оставшихся в особом отделении Старобельского лагеря «после отправки военнопленных б[ывшей] польской армии», включающих 4031 учетное дело на военнопленных, литерные дела по оперативному обслуживанию «контингента» и воинской части, картотеку по учету военнопленных и ряд других материалов. П.К. Сопруненко наложил резолюцию: «Тов. Маклярский! Срочно дайте указание: все, что касается военнопленных, сжечь, составив комиссию» (РГВА. Ф.1/п. Оп. 2е. Д. 10. Л. 289).

№ 122

1940 г. сентября 26, Грязовец. — Заявление Е.Волковицкого в УПВ НКВД СССР с требованием улучшить материальное содержание военнопленных

26/IX—1940 г.
Грязовец

Народный комиссариат внутренних дел
Управление по делам о военнопленных[1]

17 сентября пошел второй год нашего пребывания в плену в СССР. Сейчас мы не видим возможности скорого окончания срока этого плена. Поэтому позволяю себе высказать несколько предложений, которые позволят военнопленным перенести соответствующим образом вторую зиму плена, очень тяжелую при уменьшенной физической выносливости, и выразить надежду, что эти предложения будут благосклонно рассмотрены Господином Народным Комиссаром Внутренних Дел.

1. Большинство военнопленных имеет обмундирование в очень плохом состоянии, неполное, ни в каком случае не соответствующее здешней суровой зиме. Необходимы: вторые одеяла, фуфайки, рукавицы, теплые портянки, валенки и т.п. Поскольку не будет получено достаточного количества теплых вещей, то наверное надо ожидать появления в лагере большого числа простудных болезней, что только в ненужной мере обременит лагерное начальство.

2. Согласно установившейся международной практике, принятой в отношении военнопленных, получают они, кроме содержания в натуре, еще ежемесячно некоторую сумму денег, необходимую для покупки разных индивидуальных вещей как книги, тетради, бумага, иголки, нити, зубной порошок, щетки и т.п. Из писем нам известно, что в немецком плену младший офицер получает на руки 60 марок в месяц[2]. Будучи в японском плену в 1905 г., я получал 50 иен в месяц[2]. Суммы эти затем входят в общую сумму расчета за содержание военнопленных.

Может быть НКВД сочтет возможным применить ту же практику во втором году плена, хотя бы в небольших размерах по сумме денег, к польским военнопленным, так как сейчас кончаются наши запасы русских денег, а нет надежды на скорое окончание плена.

3. Предметом ежедневной заботы для военнопленных, имеющих семьи на территории, присоединенной к СССР, является забота о средствах существования семейств. Семейства эти уже второй год лишены своих главных работников и средств содержания. Было бы крайне необходимо издание общих инструкций относительно помощи семьям военнопленных и сообщение таковым этих инструкций.

4. Относительно корреспонденции военнопленных я позволил себе писать 6/IX—1940 г.[3]

(Волковицкий)
генерал бригады ПА

Верно: Потапова

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 4в. Д. 5. Лл. 246—247. Зав. копия.

[1] См. №№ 17, 79, 117, 124, 145, 163.

[2] Героизм, проявленный Е.Волковицким в бытность мичманом российского флота в 1904—1905 г., привлек внимание писателя А.С.Новикова-Прибоя. В романе «Цусима» описано совещание на флагмане, где Волковицкий как младший по званию первым получил слово. Он предложил принять бой и лишь после этого затопить свои корабли. Попал в плен к японцам, за попытку побега был приговорен к 2-м годам тюрьмы, но освобожден досрочно. Окончил Морскую академию Генштаба в Петербурге, служил на Черноморском флоте в начальный период 1-й мировой войны, сражался добровольцем в Сербии. После Октябрьской революции, пройдя всю Россию, через Дальний Восток добрался до Франции, вступил в польскую армию и вошел в свою страну с частями генерала Галлера. Перед войной с Германией находился в отставке, но в конце августа был призван в армию и назначен командиром дивизии.

[3] См. № 118.

№ 123

1940 г. ранее 28 сентября, Москва. — Докладная записка П.К. Сопруненко В.Н. Меркулову относительно ситуации, связанной с запрещением переписки военнопленных со своими семьями.

Сов. секретно

Заместителю народного комиссара
внутренних дел Союза ССР
комиссару государственной безопасности 3-го ранга
Тов. Меркулову[1]

С марта месяца 1940 г. военнопленным быв. польской армии, содержащимся в лагерях НКВД, запрещена всякая переписка[1].

За этот период в действующих лагерях накопилось большое количество исходящих и входящих писем, а также заявлений от родственников военнопленных, интересующихся местонахождением последних.

На почве прекращения переписки среди военнопленных, особенно Грязовецкого лагеря, зафиксированы случаи проявления недовольства[2].

Оперативные отделы ГУГБ заинтересованы в разрешении переписки.

В связи с этим считаю целесообразным разрешить всем военнопленным, содержащимся в лагерях НКВД, посылку писем следующим порядком:

а) военнопленным и интернированным, содержащимся в Грязовецком, Козельском, Суздальском, Ровенском, Юхновском и Севжелдорлаге — по одному письму в месяц.

б) для того, чтобы полностью зашифровать местонахождение лагерей, считаю необходимым организовать для Управления НКВД СССР по делам о военнопленных постоянный почтовый ящик, в адрес которого должны будут отправляться письма для военнопленных.

На конверте отправитель будет указывать номер почтового ящика в Москве и дробью условный номер лагеря.

Например: — «Москва, почтовый ящик № 193/С-43, Казимиру Петицкому».

В Управлении поступающие письма будут классифицироваться по лагерям и через фельдсвязь или нарочным (в зависимости от количества) направляться по адресам.

Цензура писем по-прежнему будет осуществляться политконтролерами особых отделений лагерей.

Прошу Вашего утверждения.

Начальник Управления НКВД СССР
по делам о военнопленных
капитан госбезопасности
(Сопруненко)

Резолюция в верхней части 1-го листа: «Тов. Худякова. Этот документ 21/X возвращен мне секретариатом. Приобщите его к делу документов руководству. Гобер[ман] 22/X.»

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 1е. Д. 3. Лл. 100—101. Копия.

[1] Переписка военнопленных была запрещена 16 марта 1940 г. в связи с подготовкой к проведению расстрела польских офицеров и полицейских. В.Н. Меркулов согласился с предложениями П.К. Сопруненко. 28 сентября начальник УПВ телеграфировал В.Я. Волкову: «Вопрос [с] перепиской военнопленных разрешен. Указание [о] порядке отправления и получения писем высылаю почтой» (РГВА. Ф.1/п. Оп. 4в. Д. 5.

Л. 175). По этой телеграмме датируется и публикуемая докладная записка П.К. Сопруненко В.Н. Меркулову.

[2] См. №№ 117, 118.

№ 124

1940 г. сентября 29[а)], Вологда. — Спецсообщение П.П. Кондакова Л.П. Берии «о контрреволюционной деятельности группы польских военнопленных Грязовецкого лагеря»

№ 7037 Сов. секретно

Народному комиссару внутренних дел СССР
комиссару государственной безопасности 1 ранга
тов. Берия[1]

Специальное сообщение
о контрреволюционной деятельности группы
военнопленных Грязовецкого лагеря НКВД

Состав военнопленных Грязовецкого лагеря НКВД составляет [б)]384 человека[б)] офицеров и унтер-офицерского состава быв. польской армии; офицеров и рядового состава быв. польской полиции и значительного числа гражданского населения, среди которых выявлены помещики, осадники, агенты бывших польских и литовских разведорганов.

[б)]За последнее время из лагеря в УНКВД поступают ряд сообщений, из которых видно, что группа военнопленных из числа быв. высшего и старшего командного состава польской армии[б)] в лице генерала Волковицкого, полковника Грабицкого, майоров Домонь, [б)]Лис[б)], военного ксендза Тычковского, капитана морского флота Гинзберта и полицейского комиссара Бобэра [б)]проводит активную контрреволюционную деятельность среди военнопленных, направленную против лиц, лояльно настроенных к Советскому Союзу[б)].

Поименованные выше лица, ведя среди военнопленных активную контрреволюционную агитацию, пропагандируют идею восстановления «великой Польши от моря до моря» и из числа молодых подхорунжих и подпоручиков создают националистические группы, по принципу землячества, которые ими путем нелегальных лекций и собеседований обрабатываются в национально-шовинистическом духе.

Это антисоветское влияние на подхорунжих и подпоручиков в ряде случаев вызвало с их стороны открытые контрреволюционные проявления.

[а)] Дата установлена на основании предписания В.Н. Меркулова П.П. Кондакову (см. комментарий 1 к данному документу).

[б-б)] Подчеркнуто красным карандашом.

[а)]20 августа с.г. группой националистически настроенных подхорунжих была избита группа военнопленных евреев, выражавших лояльные взгляды по отношению к Советскому Союзу.[а)]

[б)]Контрреволюционное ядро среди военнопленных под руководством генерала Волковицкого активно противопоставило себя проводимой в лагере политико-массовой работе[б)]. В период проводимых по желанию значительной части военнопленных лекций по истории ВКП(б) [а)]проводят параллельные лекции и доклады националистически-шовинистического характера, устраивают пение контрреволюционных националистических песен[а)].

Ими же натравливаются отдельные подхорунжие и подпоручики против военнопленных, принимающих участие в политико-массовой работе. Последним угрожают расправой [г)]в «будущей Польше» или при возвращении на германскую[г)] территорию. Установлено, что подобные угрозы ряду военнопленным наносились полицейским комиссаром Бобэр, который ведет так называемый «черный список» лояльно относящихся к Советскому Союзу военнопленных.

[д)]Из-за боязни расправы ряд военнопленных перестали посещать проводимые в лагере лекции по истории ВКП(б)[д)].

[б)]5 сентября с.г. из лагеря в УНКВД поступило сообщение, что среди военнопленных проводится подготовка к объявлению массовой голодовки в знак протеста на отсутствие переписки с семьями и родственниками.[3]

Принятыми на месте оперативными и профилактическими мерами настроения о голодовке среди военнопленных были временно рассеяны.[б)]

Как установлено, военнопленные Волковицкий, Домонь, Лис и Бобэр выжидали ответа на заявление Волковицкого,[в)] адресованное в Наркомвнудел, в котором он предупреждал о возможных рецидивах среди военнопленных на почве отсутствия переписки с родными. Заявление Волковицкого направлено в Управление по делам военнопленных.

[е)]В связи с неполучением ответа на это заявление Волковицкий совместно с связанными с ним по контрреволюционной деятельности Домонь, Лис и Бобэр[е)] начал активно подготавливать массовую голодовку среди военнопленных, которая по полученным сведениям должна быть объявлена в первых числах октября месяца с.г.

Также установлено, что в период между 18 и 23 сентября Волковицкий, обходя военнопленных в корпусах, доказывал им о необходимости повседневно посещать администрацию лагеря, ставя вопрос о переписке и таким образом оказывать давление на положительное разрешение этого вопроса.

[а-а)] Подчеркнуто красным карандашом и отчеркнуто на полях.

[б-б)] Подчеркнуто красным карандашом.

[г-г)]На полях поставлен знак вопроса.

[д-д)] Отчеркнуто двумя чертами красным карандашом на полях.

[в)] На полях помета: «Где заявление». Фамилия Волковицкого подчеркнута.

[е-е)] Отчеркнуто одной чертой на полях.

Из заявления, сделанного 23 сентября с.г. Волковицким военнопленным, видно, что для руководства голодовкой подготавливается создание специального комитета, в задачу которого кроме руководства голодовкой, войдет создание групп по изъятию у военнопленных съестных продуктов и уничтожение их для того, чтобы добиться всеобщей голодовки.

Одновременно Волковицкий заявил, что голодовка должна длиться до тех пор, пока не поступит положительного ответа по вопросу переписки.[4]

[a)]Администрация лагеря своевременно информировала об изложенных фактах начальника Управления НКВД СССР по делам военнопленных капитана государственной безопасности т. Сопруненко, но до сего времени лагерь никаких конкретных указаний по этим вопросам не получил.

В целях пресечения контрреволюционной деятельности среди военнопленных в лагере считаю необходимым изъять из лагеря руководящее контрреволюционное ядро в лице военнопленных — генерала Волковицкого, полковника Грабицкого, майоров Домонь, Лис, ксендза Тычковского, капитана Гинзберт и полицейского комиссара Бобэр,[a)], о чем и прошу Ваших указаний.

Начальник Управления НКВД по В[ологодской] О[бласти]
майор государственной безопасности
Кондаков

Резолюция в левом углу 1-го листа красным карандашом: «Тов. Сопруненко. Доложите материалы. Мер[кулов]. 9.X.»

Штампы:

1. На полях 1-го листа: «Взято на контроль секретариатом НКВД СССР».
2. Входящей регистрации в нижнем левом углу 1-го листа: «Секретариат НКВД СССР. 1-е отделение. № 75. 29.IX.40 г.»
3. В верхнем правом углу: «Управление по делам о военнопленных 24.XII.40. Вх. № 20970.»

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 4в. Д. 5. Лл. 222—225. Подлинник. На бланке УНКВД по Вологодской области.

[1] В середине октября В.Н.Меркулов направил П.П.Кондакову следующее распоряжение: «На № 7037 от 29.9.40 г. Изъятия из лагеря генерала Волковицкого, полковника Грабицкого, майора Тычковского и комиссара полиции Бобэра не целесообразно. Майор Лис доставлен в Москву. Для предотвращения контрреволюционной деятельности вышеуказанной группы наряду с агентурно-оперативной работой особого отделения лагеря, Управлением по делам о военнопленных начальнику лагеря ст. лейтенанту госбезопасности т. Волкову даны указания об усилении режима и улучшении культурно-массовой работы среди военнопленных» (РГВА.

[a-a)] Подчеркнуто красным карандашом.

Ф. 1/п. Оп. 3е. Д. 1. Л. 584). По его отсылке к № 7037 устанавливается и время составления Специального сообщения П.П.Кондакова.

[2] См. № 112.

[3] См. №№ 117, 119.

[4] См. № 118.

№ 125

1940 г. октября 2, Москва. — Проект докладной записки В.В. Чернышова в адрес Л.П. Берии о дальнейшем использовании военнопленных Ровенского лагеря

Народному комиссару внутренних
дел Союза ССР
комиссару государственной безопасности 1-го ранга
товарищу Берия Л.П.[1а)]

На строительстве Западно-Украинской дороги в качестве рабочей силы используется 14565 военнопленных, из них:

Жителей территории СССР — 6162 человека
и жителей территории, отошедшей к Германии — 8403 человека.

В интересах производства нами расконвоировано четыре тысячи военнопленных — жителей нашей территории.

В связи с предстоящим окончанием работ на трассе Новгород—Волынск[б)] — Львов осовбождается вовсе от работ к 5 октября с.г. пять тысяч военнопленных.

В течение октября м[еся]ца количество освобождающейся рабочей силы увеличится до двенадцати тысяч человек.

Содержание рабочей силы, не занятой на производстве, обойдется Строительству до 80000 рублей в день.

Кроме того, расконвоированная часть военнопленных, оставаясь без дела, будет стремиться уйти из лагеря.

Учитывая изложенное, считаю целесообразным жителей нашей территории при отсутствии компрометирующих материалов из лагеря освободить, с последующим закреплением на договорных началах за ГУШОСДОРОМ.

Военнопленных, жителей германской территории, из Западных областей УССР вывезти в лагеря ГУЛАГа.

Прошу Вашего утверждения.

Заместитель народного комиссара
внутренних дел Союза ССР
(Чернышов)

а) Датируется по помете на документе.

б) Так в тексте. Правильно Новоград Волынский.

Помета в нижней части 1-го листа красным карандашом «Вручил Чернышову 2.10.40 г.»[а]

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 1е. Д. 3. Лл. 102—103. Копия.

[1] Предложение, составленное в УПВ, не было поддержано руководством НКВД СССР. Оно предпочло использовать военнопленных Ровенского лагеря на строительстве новой трассы Проскуров — Тарнополь — Львов — Яворов — госграница, создав для этого Львовский лагерь (РГВА. Ф. 1/п. Оп. 1е. Д. 3. Л. 99). Положение об этом лагере было утверждено приказом НКВД СССР от 7 декабря (см. № 133).

№ 126

1940 г. октября 4, Минск. — Служебная записка Л.Ф. Цанавы П.К. Сопруненко о передаче в распоряжение 3-го отдела УГБ НКВД БССР 25 польских интернированных, вывезенных из Латвии[1]

№ 2/6958 Сов. секретно

Начальнику Управления НКВД СССР по делам о военнопленных
Капитану госбезопасности
Тов. Сопруненко
гор. Москва

Для вскрытия шпионско-диверсионных резидентур и агентуры, насажденных быв. польскими разведывательными органами на территории СССР, прошу этапировать из лагерей военнопленных в распоряжение 3-го отдела УГБ НКВД БССР (г. Минск), вместе с учетными делами, нижеперечисленных интернированных военнопленных, в прошлом являющихся официальными сотрудниками быв. польской разведки, 2-го отдела польгенштаба[б], разведорганов КОП (корпус охраны пограничной) и политполиции:

1. Маньковский Стефан Марьянович — 1899 г.р., уроженец г. Варшавы, поляк, кадровый капитан бывшей польской армии, начальник информационно-разведывательного реферата ДОК-IX в г. Брест-Литовске.

Содержится в Козельском лагере.

2. Петрашкевич Ян Францевич — 1896 г.р., уроженец с. Сарканы, Реглицкого уезда (Латвия), кадровый поручик быв. польской армии, пом[ощник] нач[альника] разведпляцовки № 4 2-го отдела ПГШ в г. Молодечно.

Содержится в Козельском лагере.

[а] Почерк П.К. Сопруненко. Видимо, он вручил В.В. Чернышову проект докладной записки в адрес Л.П. Берии.

[б] Так в тексте. Правильно: польглавштаба, то есть Главного штаба вооруженных сил Польши.

3. Цесликовский Генрих Владиславович — 1900 г.р., уроженец гор. Варшавы, поляк, кадровый капитан артиллерии быв. польской армии, начальник контрразведывательной пляцовки 109 при ДОК-III, в г. Брест-Литовске. Содержится в Козельском лагере.

4. Плотинский Евгениуш Янович — 1891 г.р., уроженец г. Скерневицы, Варшавского воеводства, поляк, кадровый капитан быв. польской армии, начальник технического и мобилизационного отделения экспозитуры № 1 2-го отдела польглавштаба в г. Вильно.

Содержится в Козельском лагере.

5. Станио Франц Станиславович, — 1902 г.р., уроженец дер. Слотино, Бжемовского уезда, Львовской губернии, поляк, поручик быв. польской армии, пом[ощник] нач[альника] контрразведки № 109 ДОК-IX в г. Брест-Литовске.

Содержится в Козельском лагере.

6. Лютостанский Леон Анастасьевич, 1892 г.р., уроженец м. Соболевка, быв. Подольской губернии, поляк, референт Виленской экспозитуры № 1 — ПГШ.

Содержится в Козельском лагере.

7. Пико Владислав Янович — 1899 г.р., уроженец м. Айхтет, Кольского уезда, кадровый капитан быв. польской армии, начальник контрразведывательной пляцовки ДОК-III в г.Белостоке.

Содержится в Козельском лагере.

8. Дзержек Константин Владиславович — 1901 г.р., уроженец г. Ржев, сын быв. офицера царской армии, поляк, беспартийный, зам[еститель] нач[альника] разведывательной пляцовки № 2 в г. Вильно.

Содержится в Козельском лагере.

9. Землер Гуго Августович — 1897 г.р., уроженец г. Лодзь, поляк, майор полиции, офицер инспекции полицейского управления Белостокского воеводства.

Содержится в Козельском лагере.

10. Ящуковский Леон Янович, 1894 г.р., уроженец м. Тучино, Ровенского повята, Новогрудского воеводства, поляк, капитан кадра, нач[альник] разведывательной пляцовки 2-го отдела ПГШ в г. Столбцы.

Содержится в Козельском лагере.

11. Маевский Павел Петрович, он же Маевский Петр Павлович, 1897 г.р., уроженец имения Кремнец, Люблинского уезда, того же воеводства, поляк, подданство польское, пшедовник, зам[еститель] нач[альника] сыскного отделения полиции Барановичского уезда.

Содержится в Козельском лагере.

12. Скрентовский Витольд Иванович, 1896 г.р., уроженец г. Варшавы, поляк, беспартийный. В полиции работал с 1920 г. в сыскном отделе, пом[ощник] нач[альника] сыскного полицейского окружного отдела в г. Белостоке. Содержится в Козельском лагере.

13. Олендзки Юзеф Александрович, 1894 г.р., уроженец г. Седлец, Люблинского воеводства, поляк, майор кадровый, нач[альник] бюро военно-географического института в г. Варшаве.

Содержится в Козельском лагере.

14. Вороно Константин Константинович, 1900 г.р., уроженец г. Вильно, поляк, кадровый офицер армии с 1921 по 1936 г. В полиции с 1936 г. Майор полиции, начальник сыскного управления полиции Виленского воеводства.

Содержится в Козельском лагере.

15. Секунда Владимир Михайлович, 1892 г.р., уроженец г. Мелювка, Краковского воеводства, поляк из чиновников, имеет высшее образование, майор пехоты кадровый, инспектор управления физкультуры при военном министерстве.

Содержится в Козельском лагере.

16. Войцеховский Евгений Витольдович, 1902 г.р., уроженец г. Ленчица, Лодзинского воеводства, из мещан, поляк, беспартийный, начальник самостоятельного информационного реферата контрразведывательной пляцовки ДОК-III г. Лида, на службе в польской армии с 1920 г., в войсках КОП с 1927 г.

Содержится в Козельском лагере.

17. Ковнацкий Юзеф Янович, 1912 г.р., уроженец гор. Кракова, подпоручик артиллерии запаса, командир взвода легкой артиллерии в г. Вильно.

Содержится в Козельском лагере.

18. Радомский Кароль Адамович, 1900 г.р., уроженец им[ения] Лондварово, Троцкого уезда, Виленской губернии, поляк, капитан кадровый, офицер разведпляцовки № 5 2-го отдела ПГШ в г. Столбцы.

Содержится в Козельском лагере.

19. Милярский Юзеф Янович — 1895 г.р., уроженец д. Млодчин, Шубинского уезда, Познанского воеводства, поляк, капитан кадровый, начальник разведывательной пляцовки в г. Гродно.

Содержится в Козельском лагере.

20. Прокопович Владимир Станиславович, 1892 г.р., уроженец г. Варшавы, из мещан, поляк, подданство польское, беспартийный, поручик кавалерии, кадровый пом[ощник] нач[альника] Столбецкой разведпляцовки в г. Столбцы.

Содержится в Козельском лагере.

21. Брунер Чеслав Николаевич, 1895 г.р. уроженец г. Варшава, поляк, капитан в отставке, с 1934 г. помощник начальника контрразведывательной пляцовки.

Содержится в Козельском лагере.

22. Ренкавич Зигмунд Ананьевич, 1913 г.р., уроженец г. Варшавы, поляк, подданство польское, сын торговца, кадровый офицер, пом[ощник] начальника разведпляцовки № 7 в г. Белостоке.

Содержится в Козельском лагере.

23. Витковский Вацлав Юльянович, 1897 г.р., уроженец г. Радом, из дворян, сын быв. чиновника, поляк, подпоручик пехоты в запасе, референт разведывательной пляцовки № 1 2-го отд[ела] ПГШ в г. Гродно.[а)]

[а)] Местонахождение В.Ю.Витковского не указано.

24. Пешоконис Ян Каетанович — 1905 г.р., уроженец г. Вильно, поляк, помощник начальника контрразведывательного отдела Виленской экспозитуры.

Содержится в Юхновском лагере.

25. Тендорф Теофил Михайлович — 1896 г.р., уроженец дер. Польский Горишев, Замостьевской волости, Люблинского воеводства, поляк, комендант стражницы.

Содержится в Юхновском лагере.

[6)]При этапировании арестованных изолировать друг от друга.[6)]

Народный комиссар внутренних дел БССР
комиссар гос[ударственной] безопасности 3-го ранга
Л. Цанава

Штамп входящей регистрации: «Управление НКВД СССР по делам военнопленных. 4.X.1940 г., Вх. № 17644».

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 4е. Д. 13. Лл. 5—10. Подлинник.

[1] Все перечисленные в служебной записке наркома внутренних дел БССР лица фигурировали в списке, составленном в начале сентября в УПВ в ответ на запрос зам. наркома внутренних дел БССР майора госбезопасности С.Г. Духовича. Получив согласие В.Н. Меркулова на отправку военнопленных в Минск, П.К. Сопруненко в тот же день направил служебную записку начальнику ГУКВ В.М. Шарапову и начальнику Козельского лагеря В.Н. Королеву об этапировании в Минск 20 военнопленных из Козельского и двух военнопленных из Юхновского лагеря. Указывалось, что Ян Петрашкевич, Владислав Секунда и Кароль Радомский арестованы и направлены в УНКВД по Смоленской области (РГВА. Ф. 1/п. Оп. 4е. Д. 13. Лл. 11-13). Характерно, что 2-й отдел ГУГБ 5 октября 1940 г. на основании распоряжения В.Н.Меркулова предложил УПВ доставить Олендзкого, Цумфта, Брунера, Сорочинского, Ящуковского, Лютостанского, Маньковского, Сусицкого, Цесликовского, Плотинского, Хмелевского, Пико, Ренкавича, Прокоповича, Гута, Станио, Волчацкого, Мицкевича и Туркевича в Москву. На документе пометы «Минск» против фамилий Олендзкого, Брунера, Ящуковского, Лютостанского, Маньковского, Цесликовского, Плотинского, Пико, Ренкавича, Прокоповича и Станио (РГВА. Ф. 1/п. Оп. 3е. Д. 1. Лл. 513—514). В середине октября Сопруненко предложил Шарапову срочно этапировать 8 «интернированных военнопленных поляков» в распоряжение 2-го отдела ГУГБ НКВД СССР. В списке значились: Цумфт Ян Янович, Сорочинский Людвиг Семенович, Сусицкий Мечислав Тюфелевич, Гут Станислав Янович, Волчацкий Павел Викентьевич, Хмелевский Здислав Здиславович, Мицкевич Игорц Винцентович, Туркевич Зигмунт Юзефович (Там же, лл. 516—517).

[6-6)] Подчеркнуто красным карандашом и отчеркнуто на полях двумя чертами.

№ 127

1940 г. октября 15, Москва. — Письмо начальника иностранного отдела Исполкома СОКК и КП Т.А. Синицыной П.К. Сопруненко с приложением письма президента Международного Комитета Красного Креста М. Губера об организации работы по розыску польских военнопленных

НКВД
Управление по делам военнопленных
товарищу Сопруненко

Посылаем Вам копию перевода писем Международного Комитета Красного Креста[1] и Германского Красного Креста.

Нач[альник] ИНО Синицина

[Приложение]

Международный Комитет Красного Креста
Женева, 17/IX–40 г.

Г[осподин] Президент,

Доводим до Вашего сведения, что Агентство по в[оенно]пленным [a)]за последние месяцы получило много писем от родных (частных лиц) военнопленных быв. польской армии, которые еще в начале года находились в известных лагерях, а частности, в Старобельске, Козельске и Осташкове.[a)] Эти запросы часто сопровождались заявлениями, которые мы пытались сначала передать непосредственно по назначению, а потом через комендантов лагерей. Все эти послания были нам возвращены.

Будучи в неведении, какие меры приняты по отношению этих в[оенно]пленных, мы не можем препровождать им корреспонденцию по назначению и отвечать на запросы о розыске.

Международный Комитет Красного Креста очень взволнован тяжелым состоянием семей, взывающих к нему в надежде, что он может помочь им восстановить связь со своими близкими, верный своей гуманитарной миссии, обращается к Вам с горячей просьбой содействовать разрешению Вашего Правительства обмена письмами между пленными и их родственниками непосредственно или через Вас.

С другой стороны Вы знаете, Г[осподин] Президент, что Международный Комитет Красного Креста готов всегда помочь в деле розыска в[оенно]пленных, или пропавших без вести, родственники которых находятся в СССР.

[a-a)] Подчеркнуто чернилами.

Мы особенно рады случаю подтвердить, что Ц[ентральное] агентство по военнопленным занято в данное время розысками польских в[оенно]пленных, о которых Вы нас запросили.

Мы очень надеемся, что СОКК и КП, в знак взаимности, последует нашему примеру в смысле прилагаемых нами усилий по розыску в[оенно]пленных, участников фронта польско-русского, родственники которых не получают от них известий.

Международный Комитет Красного Креста, уверенный в благоприятном разрешении этого вопроса к обоюдному удовлетворению обеих сторон, будет глубоко признателен за попытки найти разрешение той задачи, которое, по его мнению, очень важно.

Примите, Г[осподин] Президент, уверение в нашем к Вам уважении.

Макс Губер. Президент

На 1-м листе вверху резолюция: «Тов. Полухину П.Сопруненко».
Ниже: «Потаповой. Разберитесь с этим вопросом. Полух[ин]»
Внизу письма Синициной штамп входящей регистрации УПВ «15.X.40 г. № 17821»

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 4е. Д. 4. Л. 52. Подлинник. На бланке ИК СОКК и КП. Л. 54. Копия.

[1] См № 114. Международный Комитет Красного Креста (МККК) был основан в 1863 г. по инициативе швейцарского общественного деятеля А.Дюнана. Он состоит из 25 швейцарских граждан и исполняет роль посредника во время вооруженных конфликтов. Международный Комитет Красного Креста и Лига обществ Красного Креста (ЛОКК) входят в Международный Красный Крест, являющийся объединением национальных организаций Красного Креста (в мусульманских странах — Красного полумесяца, Красного Льва и Солнца). Задача организаций, входящих в МКК — оказание помощи больным, раненым и военнопленным во время вооруженных конфликтов, жертвам стихийных бедствий.

№ 128

1940 г. октября 26, Москва. — Приказ наркома внутренних дел СССР Л.П. Берии № 001365 «О награждении работников НКВД»

Приказ
народного комиссара внутренних дел Союза ССР
за 1940 год

Содержание:

№ 001365 «О награждении работников НКВД» «26» октября 1940 г. гор. Москва

За успешное выполнение специальных заданий
ПРИКАЗЫВАЮ:
наградить нижеследующих работников НКВД СССР, УНКВД Калининской, Смоленской и Харьковской областей[1]

Месячным окладом

Капитана государственной безопасности	— Ильина Ф.К.
Ст. лейтенанта государств[енной] безопасности	— Грибова И.И.
Ст. лейтенанта государств[енной] безопасности	— Рубанова А.И.
Ст. лейтенанта государств[енной] безопасности	— Куприя Т.Ф.
Лейтенанта государственной безопасн[ости]	— Караваева В.М.
Майора государственной безопасности	— Блохина В.М.
Майора государственной безопасности	— Окунева А.Е.
Капитана государственной безопасности	— Шигалева В.И.
Капитана государственной безопасности	— Калинина А.М.
Капитана государственной безопасности	— Яковлева П.А.
Ст. лейтенанта государств[енной] безопасности	— Антонова И.И.
Ст. лейтенанта государств[енной] безопасности	— Фельдмана И.И.
Ст. лейтенанта государств[енной] безопасности	— Шигалева И.И.
Ст. лейтенанта государств[енной] безопасности	— Семенихина Д.Э.
Лейтенанта государствен[ной] безопасности	— Дмитриева А.Д.
Лейтенанта государствен[ной] безопасности	— Емельянова А.М.
Старшего майора государ[ственной] безопасности	— Синегубова[a)]
Майора государственной безопасности	— Зильбермана[a)]
Капитана государственной безопасности	— Безрукова И.Д.
Капитана государственной безопасности	— Тихонова П.П.
Капитана государственной безопасности	— Зубцова В.П.
Комбрига	— Кривенко[a)]
Полковника	— Рыбакова[a)]
Полковника	— Степанова[a)]
Лейтенанта государств[енной] безопасности	— Павлова В.П.
Лейтенанта государств[енной] безопасности	— Качина Т.Ф.
Лейтенанта государств[енной] безопасности	— Козохотского М.А.
Лейтенанта государств[енной] безопасности	— Шевелева А.М.
Мл. лейтенанта государств[енной] безопасности	— Лугинина М.И.
Мл. лейтенанта государств[енной] безопасности	— Горячева М.Д.
Мл. лейтенанта государств[енной] безопасности	— Киселева Н.А.
Мл. лейтенанта государств[енной] безопасности	— Баринова И.С.
Мл. лейтенанта государств[енной] безопасности	— Офицерова А.Н.
Сержанта государственной безопасности	— Новоселова И.И.

[a-a)] Инициалы отсутствуют.

Сержанта государственной безопасности — Бланка К.Е.
Сержанта государственной безопасности — Гецелевича Р.С.
Сержанта государственной безопасности — Зубова Н.А.
Сержанта государственной безопасности — Кузнецову С.С.
Сержанта государственной безопасности — Стекольщикова И.А.
[a)]— Цуканова А.И.[a)]
— Карманова А.А.
— Смыкалова И.П.
— Доронина Ф.И.
— Гвоздовского Н.А.

800 рублями

— Стельмаха И.И.
— Тикунова И.Е.
— Якушева Т.П.
— Зайцева А.Г.
— Сенюшкина Н.М.
— Жила М.А.
— Тиваненко Л.А.
— Карцева П.М.
— Разоренову А.И.
— Бабаяна Т.Х.
— Фроленкова И.Л.
— Соловьева М.М.
— Костюченко Н.К.
— Григорьева М.П.
— Белогорлова В.А.
— Сорокина В.К.
— Сытина В.М.
— Игнатьева М.Ф.
— Сухарева Н.И.
— Александрова А.С.
— Осипова В.А.
— Скородумова В.Е.
— Журавлева Н.Т.
— Красновидова И.И.
— Богданова П.А.
— Галицына Н.А.
— Мельника А.Т.
— Мельника Н.В.

[a-a)] Здесь и далее до конца списка указание на звание отсутствует.

— Чужайкина И.М.
— Журавлева М.М.
— Захарова А.Е.
— Тарасова Г.Н.
— Зиновьева Н.П.
— Гавриленкова Т.К.
— Сюрина А.Б.
— Мищенкова Н.А.
— Фадеева А.М.
— Зорина П.М.
— Яковлева А.М.
— Баранова П.М.
— Орлова Д.И.
— Головинкина Н.И.
— Жильцова В.И.
— Егорова А.В.
— Логинова Н.В.
— Цикулина М.В.
— Лебедева М.Д.
— Мокридина И.П.
— Леванчюкова Г.К.
— Иванова В.Г.
— Марусева А.Е.
— Баранова М.А.
— Белова И.И.
— Чекулаева В.К.
— Федорышко С.М.
— Гумотудинова И.А.
— Тимошенко Г.И.
— Виговского Е.А.
— Девятилова А.Г.
— Сыромятникова М.В.
— Щепка Т.С.
— Бурда Т.Д.
— Лазаренкова С.М.
— Прудникова П.Г.
— Дорогинина Ф.М.
— Богданова Н.Ф.
— Костюченко В.К.
— Макаренкова Г.И.
— Комаровского И.И.
— Соловьева В.А.
— Моисеенкова В.П.

— Медведева И.Б.
— Карпова Г.Ф.
— Иванова И.М.
— Тихонова Д.Ф.
— Моисеенкова А.А.
— Зюскина Г.П.
— Ковалева А.С.
— Сильченкова И.М.
— Давыдова М.Е.
— Точенова А.М.

Народный комиссар внутренних дел
Союза ССР
Л. Берия

ЦА ФСБ РФ. Ф. 66. Оп. 1. Пор. 544. Лл. 252—257. Подлинник.

[1] Не исключено, что были и другие награждения участников операции по расстрелу польских военнопленных и узников тюрем. В приказе практически отсутствуют работники УПВ и трех спецлагерей, начальники УНКВД трех областей, работники центрального аппарата НКВД СССР, находившиеся в трех лагерях, и даже такая ключевая фигура в операции, как А.Я. Герцовский.

№ 129

1940 г. октября 26, Москва. — Сообщение П.К. Сопруненко В.Н. Меркулову о самоубийстве интернированного Ю.Василевского в Козельском лагере

№ 25/10440 Сов. секретно

Зам. народного комиссара внутренних дел Союза ССР
комиссару государственной безопасности 3-го ранга
тов. Меркулову[1]

22 октября 1940 г. в Козельском лагере покончил жизнь самоубийством путем повешения интернированный Василевский Юзеф Михайлович, 1889 г.р., кадровый капитан быв. польской армии, комендант штаба 20-й дивизии, проживал в г. Барановичи, семья проживает в Люблинском воеводстве.

Василевский в разговорах с интернированными заявлял, что он страдает туберкулезом и болезнью сердца, в связи с чем высказывал, что ему не удастся больше встречаться с семьей.

Особым отделением лагеря ведется расследование.

Начальник Управления НКВД СССР
по делам о военнопленных
капитан госбезопасности
(Сопруненко)

Копия верна. Т. Худякова.

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 2в. Д. 5. Л. 4. Зав. копия.

[1] Это спецсообщение составлено на основе внеочередного политдонесения комиссара Козельского лагеря М.М. Алексеева от 23 октября 1940 г. В нем сообщалось, что утром Василевский, как обычно, завтракал со своими коллегами, присутствовал на утренней поверке, после чего обнаружилась пропажа его кружки. В процессе ее поиска он зашел в свободную комнату 9 корпуса и там повесился на веревке, которую привязал к перилам лестницы. В лагере находился и его шурин, который сообщил, что он был всегда спокойным человеком, но болел туберкулезом, страдал острой сердечной недостаточностью, а потому не надеялся вернуться на родину и увидеть свою семью. Алексеев обращал внимание на то, что самоубийство Василевского вызвало среди военнопленных разговоры о запрещении переписки как факторе, угнетающе действующем на людей. Тревогу военнопленных усиливали и отправки людей, не известно куда — то ли в тюрьмы, то ли на ... (подразумевалось — на расстрел). «Отсюда как результат, — писал Алексеев, — уже начали появляться разговоры о подготовке к совершению побегов, а также могут быть отдельные и аналогичные случаи, как с Василевским» (РГВА. Ф. 1/п. Оп. 2в. Д. 5. Д. 160—161).

№ 130

1940 г. ноября 2, Москва. — Докладная записка Л.П. Берии И.В. Сталину о плане создания на территории СССР воинского соединения из польских военнопленных

№ 47/13б Сов. секретно

ЦК ВКП(б)
товарищу Сталину[1]

[a)]Во исполнение Ваших указаний о военнопленных поляках и чехах нами проделано следующее:[a)]

1. В лагерях НКВД СССР в настоящее время содержится военнопленных поляков 18 297 человек, в том числе: генералов — 2, полковников и подполков-

[a-a)] Подчеркнуто карандашом.

ников — 39, майоров и капитанов — 222, поручиков и подпоручиков — 691, младшего комсостава — 4 022, рядовых — 13 321.

г)Из 18 297 человек 11 998 являются жителями территории, отошедшей к Германии г).

Военнопленных, интернированных в Литве и Латвии и вывезенных в лагеря НКВД СССР, насчитывается 3 303 человека[2].

Подавляющая часть остальных военнопленных, за исключением комсостава, занята на работах по строительству шоссейной и железной дорог[3].

б)Кроме того, во внутренней тюрьме НКВД СССР находятся 22 офицера бывшей польской армии, арестованных органами НКВД как участники различных антисоветских организаций, действовавших на территории западных областей Украины и Белоруссии б).

В результате проведенной нами фильтрации (путем ознакомления с учетными и следственными делами, а также непосредственного опроса) было отобрано 24 бывших польских офицера, в том числе: генералов — 3, полковников — 1, подполковников — 8, майоров и капитанов — 6, поручиков и подпоручиков — 6.

2. Со всеми отобранными был проведен ряд бесед, в результате которых установлено:

а) все они крайне враждебно относятся к а)немцам а), считают неизбежным в будущем военное столкновение между а)СССР и Германии а) и выражают желание участвовать в предстоящей, по их мнению, а)советско-германской войне а) войне в) на стороне а)Советского Союза;а)

б) часть из них выражает убеждение, что судьбу Польши и возрождение ее как национального государства может решить только Советский Союз, на который они и возлагают свои надежды; другая часть (главным образом из числа поляков, интернированных в Литве) все еще надеется на победу англичан, которые, по их мнению, помогут восстановлению Польши;

в) большинство считает себя свободным от каких-либо обязательств в отношении так называемого «правительства» Сикорского, часть же заявляет, что участвовать в войне с а)Германией а) на стороне а)СССР а) они могут лишь в том случае, если это будет в той или иной форме санкционировано «правительством» Сикорского. Младшие офицеры заявляют, что они будут действовать в соответствии с приказами, полученными от какого-либо польского генерала.

3. Конкретно следует остановиться на позициях следующих отдельных лиц:

а) генерал Янушайтис[4] заявил, что он может взять на себя а)руководство польскими частями,а) если таковые будут организованы на территории Советского Союза, а)для борьбы с Германией а), безотносительно к установкам в этом вопросе «правительства» Сикорского. Однако считает целесообразным наметить специальную политическую платформу с изложением а)будущей судьбы

г-г)Подчеркнуто карандашом.

б-б) Отчеркнуто на полях.

а-а) Вписано чернилами в строку.

в) Так в тексте. Видимо, от руки следовало вписать только «советско-германской».

Польши[а)] и одновременно с этим, как он выразился, «смягчить климат» для поляков, проживающих в западных областях Украины и Белоруссии;

б) генерал Боруто-Спехович[5] заявил, что он может предпринять те или иные шаги только по указанию «правительства» Сикорского, которое, по его мнению, представляет интересы польского народа;

в) генерал Пржездецкий[6] сделал заявление, аналогичное заявлению Боруто-Спеховича;

г) несколько полковников и подполковников (Берлинг[7], Букоемский[8], Горчинский[9], Тышинский[10]) заявили, что они всецело передают себя в распоряжение Советской власти и что с большой охотой возьмут на себя [а)]организацию и руководство какими-либо военными соединениями[а)] из числа военнопленных поляков, предназначенными [а)]для борьбы с Германией[а)] в интересах создания Польши как национального государства. Будущая Польша мыслится ими как тесно связанная в той или иной форме с Советским Союзом.

4. Для прощупывания настроений остальной массы военнопленных, содержащихся в лагерях НКВД, на места были посланы бригады оперативных работников НКВД СССР с соответствующими заданиями.

В результате проведенной работы установлено, что подавляющее большинство военнопленных безусловно может быть использовано для организации [а)]польской военной части[а)].

Для этой цели нам представляется целесообразным:

Не отказываясь от мысли использовать в качестве руководителей [а)]польской военной части[а)] генералов Янушайтиса и Боруто-Спеховича, имена которых могут привлечь определенные круги бывших польских военных, поручить организацию на первое время [а)]дивизии[а)] упомянутой выше группе полковников и подполковников (справки на них прилагаются), которые производят впечатление толковых, знающих военное дело, правильно политически мыслящих и искренних людей.

Этой группе следует предоставить возможность переговорить в конспиративной форме со своими единомышленниками в лагерях для военнопленных поляков и отобрать [а)]кадровый состав будущей дивизии[а)].

После того, как кадровый состав будет подобран, следует в одном из совхозов на юго-востоке СССР организовать [а)]штаб[а)] и место занятий [а)]дивизии[а)]. Совместно со специально выделенными работниками [а)]штаба РККА[а)] составляется план формирования [а)]дивизии[а)], решается вопрос о характере [а)]дивизии (танковая, моторизованная, стрелковая)[а)] и обеспечивается ее материально-техническое снабжение.

Одновременно с этим в лагерях для военнопленных поляков среди рядовых и младшего комсостава органами НКВД должна вестись соответствующая работа по [а)]вербовке людей в дивизию[а)].

а-а) Вписано чернилами в строку.

По мере вербовки и окончания проверки вербуемых, последние партиями направляются к месту расположения [а)]штаба дивизии[а)], где с ними проводятся соответствующие занятия.

Организация [а)]дивизии[а)] и подготовка ее проводятся под руководством [а)]Генштаба РККА[а)]. При [а)]дивизии[а)] организуется [а)]Особое отделение НКВД СССР[а)] с задачами обеспечения внутреннего освещения личного состава [а)]дивизии[а)].

5. Что касается военнопленных чехов, то их в лагере НКВД насчитывается 577 человек (501 чех и 76 словаков), в том числе: штабных капитанов и капитанов — 8 человек, младших офицеров — 39, младшего комсостава — 176 человек и рядовых 354.

В процессе бесед с отобранными из их числа 13-ю офицерами установлено, что все они считают своим исконным врагом [а)]Германию[а)] и хотят [а)]драться с ней[а)] за восстановление [а)]Чехословацкого государства[а)]. Себя они рассматривают как военнообязанных чешской армии, своим вождем считают Бенеша и в случае, если на территории Советского Союза будут [а)]организованы какие-либо чешские военные части[а)], вступят в них по приказу Бенеша или, как минимум, своего командира [а)]полковника Свобода[а)], ныне находящегося за границей. [а)]Свобода[а)][11] нами из-за границы вызван.

Приложение: по тексту[б)].

Народный комиссар внутренних дел
Союза ССР
Л. Берия[12]

Помета в верхней части 1-го листа карандашом: «От т. Берия».

АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 413. Лл. 152—153. Подлинник. На бланке НКВД СССР. «Z archiwyów sowieckich. Tom I. S. 40—48.

[1] См. № 153.

[2] См. № 106.

[3] Имеются в виду Ровенский и Северный железнодорожный лагеря.

[4] Янушайтис Мариан Юзеф (1889—1973), генерал дивизии, командующий военным округом Хелмно, в 1924—1926 г. — новоградский воевода, с 1929 г. в отставке. С осени 1941 г. находился в Великобритании.

[5] Боруто-Спехович Мечислав Людвик (1894—1986), генерал бригады, в 1914—1917 гг. в Польских легионах, с 1918 г. в Войске Польском, в 1928 г. командир 20-й пехотной дивизии, в 1934 г., командир 22-й пехотной дивизии, в 1939 г. командир

а-а) Вписано чернилами в строку.

б) Приложение не публикуется. См. его текст в: Z arhiwów sowieckich. Tom I. Polscy Jeńcy wojenni w ZSSR. 1939—1941. W-wa, 1992. S. 50—72.

оперативной группы «Борута» в армии «Краков», в сентябрьской кампании 1939 г. командир 122-й дивизии горных стрелков.

6 Пшездецкий Вацлав см. № 106.

7 Берлинг Зигмунд (1896—1980), в 1939—1940 г. подполковник пехоты, в 1943 г. — генерал, закончил Академию Главштаба ВП, в 1937—39 гг. командовал 4-м пехотным полком, в апреле 1939 г. вышел в отставку. В 1941—42 гг. в Армии Андерса, в 1943—1944 г. командующий 1-й польской дивизией им. Т. Костюшко, затем I Польской армией в СССР. С конца 1944 г. — слушатель Академи Генштаба Красной Армии. В 1948—53 гг. начальник Академии Генштаба Войска Польского.

8 Букоемский Лев, 1895 г.р., подполковник артиллерии, в 1935—1938 гг. помощник командира 25-го арт. полка, с мая 1939 г. в отставке, в сентябре 1939 г. назначен командиром артиллерийской группы, в 1941—1942 гг. в Армии Андерса.

9 Горчинский Евстафий, 1893 г.р., полковник, сапер, командовал саперным батальоном, в сентябре 1939 г. — комендант саперных частей. В 1941—42 гг. в Армии Андерса.

10 Тышинский Леон, 1896 г.р. подполковник, сапер, окончил Академию Главштаба ВП, в 1938 г. командовал саперной группой при штабе Домб-Бернацкого, в 1941—42 гг. в Армии Андерса.

11 Свобода Людвиг (1895—1972) полковник, командир чешского легиона ВП. Организатор и командир чехословацкого военного соединения в СССР (1942—1945). Генерал армии (1945).

12 10 октября из Грязовца в Москву в мягком вагоне были отправлены подполковник З. Берлинг, С. Кюнстлер, Е. Горчинский, Л. Тышинский, М. Моравский, Л. Букоемский, Ю. Лис, в свое время переведенные в Юхнов по запросу 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР. 31 октября начальнику Грязовецкого лагеря было передано распоряжение В.Н. Меркулова доставить в Москву ко 2 ноября подполковника К. Дудзинского, капитана К. Розен-Завадского, поручика Р. Имаха, подпоручиков С. Щиперского и Т. Вихеркевича, подхорунжего Ф. Кукулинского. Вскоре обе группы были переведены на «виллу роскоши» в Малаховке.

№ 131

1940 г. ноября 13, Москва. — Распоряжение начальника 2-го отдела Главного тюремного управления НКВД СССР И.Я. Ильина начальнику тюремного управления НКВД УССР А.Ф. Филиппову о вывозе из Старобельского лагеря осужденных Особым совещанием перебежчиков

№ 17/34799 Секретно

Начальнику тюремного управления НКВД УССР
капитану госбезопасности Филиппову
Копия: Начальнику Управления НКВД СССР по делам военнопленных
капитану госбезопасности тов. Сопруненко[1]

Здесь.

Согласно имеющегося у Вас отношения нач[альника] Старобельского лагеря № 37/155 от 29.X–с.г., примите меры к вывозу из лагеря осужденных Особым совещанием при НКВД внеочередными вагонзаками, разъяснив порядок затребования вагонов нач. Старобельского лагеря.

О принятых Вами мерах донесите.

Начальник 2-го отдела
Гл[авного] тюр[емного] упр[авления] НКВД СССР
полковник
Ильин

Начальник 2-го отделения
ст. лейтенант госбезопасности
Федоров

Резолюции по тексту документа чернилами:
1. «Тов. Полухин. Сообщите — лагерю вывезти осужденных. П. Сопруненко».
2. «Тов. Романову. Н[ачальни]ку управления по этому вопросу доложено. Запросить ГТУ[a)] о высылке вагонов для вывоза зак[люченны]х из лагеря. Полухин. 16.11.40 г.»

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 4в. Д. 1. Л. 250. Подлинник.

[1] После отправки польских офицеров на расстрел Старобельский лагерь в июне-июле 1940 г. готовился к принятию военнопленных из Прибалтики. В середине сентября лагерь было решено использовать для содержания перебежчиков, вне зависимости от того, бежали ли они из Германии и других стран в СССР, или пытались уйти из СССР (см. № 116). В соответствии со справкой УПВ от 6 июня 1941 г. в это время в лагере находились 6275 человек, включая 268 женщин и 124 «малолеток». Из них 1690 заключенным был уже вынесен приговор. В числе осужденных были 223 женщины и 1147 инвалидов (РГВА. Ф. 1/п. Оп. 01е. Д. 4. Л. 22).

№ 132

1940 г. декабря 7, Грязовец. — Политдонесения начальника и замполита Грязовецкого лагеря П.К. Сопруненко о настроениях военнопленных

№ 1705 Сов. секретно

[a)] ГТУ — Главное транспортное управление.

Начальнику Управления НКВД СССР
по делам о военнопленных
капитану госуд[арственной] безопасности
тов. Сопруненко

Оперативно-информационная политсводка
о состоянии Грязовецкого лагеря НКВД
по состоянию на 1-е декабря 1940 г.

1. Настроение военнопленных

Общее настроение среди военнопленных Грязовецкого лагеря [а)]за последний период стало значительно спокойнее[а)]. Это объясняется с одной стороны тем обстоятельством, что за это время почти большинство военнопленных получили письма от своих семейств, а отсюда та нервозность, которая существовала на почве отсутствия связи с семьями, отпала. С другой же стороны этому способствовало и то обстоятельство, что многие военнопленные немецкой территории получили письма, в которых родные извещают о применяемых немецкими властями ряда репрессий по отношению к семьям военнопленных (выселение, аресты, плохая жизнь, невозможность получить работу и проч.). В результате этого даже те «польские патриоты», которые открыто возмущались долгим содержанием в лагерях и не отправкой их на родину, уже стали поговаривать, что лучше и спокойней сидеть здесь в лагере.

Наибольшую нервозность в настоящее время проявляют военнопленные — [а)]жители территорий, отошедших к СССР[а)]. Эта нервозность проявляется на почве отсутствия связи с семьями, так как лишь незначительная часть этой категории военнопленных имеет переписку с семьями. Большинство их, семьи которых вывезены в глубь СССР, этой связи не имеет с марта-апреля мес[яца] с/г., такое положение вызывает у каждого военнопленного недоумение — [б)]что случилось с семьей?[б)]

Некоторая часть военнопленных (Лопатинский, Врублевский, Козляковский, Садовский, Штуро, Клейман и другие) из полученных ранее писем уже знают, что их семьи переселены в глубь СССР — Казахстан. Исходя из этого и та часть военнопленных советской территории, которая не получает писем, также твердо убеждена в том, что их семьи вывезены в глубь СССР. Но это [г)]от них[г)] тщательно скрывается и письма не вручаются.

[в)]С невручением писем от выселенных семейств наиболее резко стал вопрос в последнее время, когда уже абсолютным большинством пленных установлена связь со своими семьями и лишь эта категория и создает отрицательные настроения по отношению к Советской власти[в)].

[а-а)] Подчеркнуто красным карандашом.

[б-б)] Подчеркнуто синим карандашом.

[г-г)] Вписано красным карандашом С.В. Нехорошевым вместо напечатанного «перед ними». Отчеркнуто тремя чертами. Вся фраза подчеркнута.

[в-в)] Отчеркнуто синим карандашом на полях.

По-прежнему наибольшую активность среди военнопленных проявляет [в)]группа молодых подхорунжих»,[в)] тщательно обрабатываемая в национально-шовинистическом духе высшим командованием (генерал Волковицкий, полковник Грабицкий, майор Домонь, капитан Гинзберт и др.) [в)]Из наиболее активных антисоветских проявлений этой группы следует отнести подготовку к празднованию дня польского праздника молодежи 29 ноября с.г. — «дня восстания подхорунжих»[в)]. Группа подхорунжих Баньковский[2], Тышковский, Хакель, Турский и Шолековский взяли на себя инициативу организовать это празднование и придать ему наиболее массовый характер. Выработанным ими планом предусматривалось: 28 ноября вечером устроить организованное шествие с факелами. На праздник был приглашен генерал Волковицкий, который должен был поздравить подхорунжих с праздником. С докладом от подхорунжих должен был выступить Тышковский и от высшего командования капитан Гинзреф[б)]. После этого намечалась художественная часть — выступление скрипача Хакеля, музыкального и хорового кружков с исполнением религиозно-патриотических песен.

Принятыми нами профилактическими мероприятиями намеченная ими программа была сорвана и этот день им удалось лишь отметить тем, что вечером 29 ноября в комнате, где размещены подхорунжие, было организовано пение религиозно-патриотических песен, посвященных этому дню.

Из числа групповых антисоветских проявлений отмечаем также следующие случаи:

«27 ноября в клубе лагеря для пленных состоялось кино с постановкой картины [в)]«Митька Лелюк»[в)]. Как обычно в клуб пришло абсолютное большинство пленных. [в)]Но когда в кинокартине стал отражаться момент действий польских войск на Украине, большинство присутствующих военнопленных демонстративно ушло из клуба. Ибо по их словам это «оскорбляет их патриотическое чувство»[в)]. Немало дискуссий и разговоров среди военнопленных вызвала поездка т.Молотова в Берлин[3], однако по их выражению «скупые» по этому вопросу сведения по радио и в прессе не дают возможности сделать какого-либо вывода о результатах этой поездки. По этому вопросу были различные суждения. [в)]Группа немцев и приближенные к ним германофилы упорно утверждали, что в беседах между Молотовым и Гитлером пойдет речь об уступке Варшавского генерал-губернаторства» Советскому Союзу в обмен за политические уступки СССР Германии на Балканах или за помощь Турции[в)]. Это мнение разделяла и менее реакционная часть поляков. Эта группа военнопленных отрицала всякую двусмысленность в отношениях СССР с Германией и доказывала, что СССР будет твердо стоять на почве Германо-Советской дружбы и сделает он, что захочет

[б)] Так в тексте. Правильно: Гинзберт.

[в-в)] Подчеркнуто синим карандашом.

Гитлер и [б]что СССР сыграет по отношению к Германии ту же стратегическую экономическую роль, которую играют теперь Соединенные Штаты Америки для Англии.[б]

Наиболее реакционная часть поляков или так называемая «генеральская группа», возглавляемая генералом Волковицким, эти доводы опровергала и высказывала мнение, что планы Гитлера не оправдались и Советское правительство не пошло на тот путь, на который к своему несчастью пошла Польша в 1936—38 гг.

Несмотря на некоторое «затишье» в антисоветских проявлениях, отдельные реакционные и националистические элементы из числа военнопленных продолжают вести активную контрреволюционную националистическую работу. Под всевозможными предлогами кружковой работы, изучения иностранных языков, устраивают сборища, на которых и ведут обработку в национально-шовинистическом духе военнопленных. Наиболее часто эти сборища проводятся в корпусе № 7 комнате № 8. [а]Возглавляют их доктор Эрлих[4], ксендз Тычковский и ротмистр Чапский[а], которые заранее подготавливают всевозможные темы национально-шовинистического характера, которые и передают собравшимся из других корпусов пленным. Там же на сборищах ведут контрреволюционную агитацию и распространяют клевету по отношению к советской власти, как например: [а]на одном из планов[ых] сборищ 21 ноября Эрлих подверг антисоветской критике стахановское движение. Кроме того он доказывал, что в СССР население терпит хроническое недоедание, что 40% населения больные «кзичицей» (болезнь суставов костей на почве недоедания), 60% малокровных. Что он это заключает как врач из всего уже виденного в Советском Союзе.[а]

[б]На сборище 23 ноября Эрлих высказывался, что советская власть переселила 10 миллионов украинцев в Сибирь и другие отдаленные местности и что это переселение последовало потому, что на Украине ширилось национально-освободительное движение[б]. На сборище 19 ноября капитан Гинзберт читал лекцию о современном морском флоте, его значении и силе во время воины. Он доказывал, что самый сильный флот английский и американский, немецкий численностью мал и слаб. Итальянский уже почти уничтожен и не представляет никакой угрозы. [б]Что же касается флота СССР, то он не представлял ни раньше, ни в настоящее время никакой угрозы для соседних государств, он очень мал численностью, разбросан, состоит из старых машин и старого вооружения, численный людской состав большой, но слабо обучен, флот СССР закупорен и не имеет доступа к морям, имеющим международное значение[б]. На этом же сборище по вопросу о дальнейшей судьбе Польши присутствовавший поручик Ленчовский доказывал: «Дух у польских войск еще не иссяк, [а]настоящие поляки не должны надеяться, что

[а-а] Подчеркнуто красным карандашом.

[б-б] То же синим карандашом.

кто-либо построит независимое государство польское, а должны взяться за оружие и выгнать с польской земли одних и других оккупантов»[а-а].

Широко также практикуется контрреволюционная агитация и распространение провокационных слухов о Советском Союзе со стороны к-р. националистического элемента при отдельных беседах и разговорах с пленными. Так например:

1. Подпоручик [в-в]Слупский[в-в] в неоднократных разговорах с Пискуновичем в присутствии других пленных доказывал: «Социалистический строй в Советском Союзе не будет вечным, еще [а-а]придет время, когда поляки будут наводить порядки не только в Польше, но и здесь.»[а-а] Он же доказывал, что крестьянство в Советском Союзе терроризируется большевиками, оно живет полуголодной жизнью.

2. Военнопленный врач Янковский в группе пленных в разговоре о советских тюрьмах сказал иронически: [а-а]«Здесь тюрем нет, потому что здесь одна большая тюрьма»[а-а].

3. Вновь прибывший военнопленный б[ывший] жандарм Тшецяк распространяет среди военнопленных слухи, что работал на строительстве дороги в Западной Украине, где в разговорах с украинцами убедился, что последние враждебно настроены против советской власти, сожалеют о Польше, где им жилось лучше, чем теперь в Советском Союзе. Теперь мол б[ывшая] Западная Украина превратилась в сплошной арестантский лагерь, везде люди ходят под конвоем, [а-а]станции железной дороги переполнены арестантскими вагонами.[а-а]

4. Военнопленный подхорунжий Музычак 19 ноября в группе военнопленных доказывал: [а-а]«Если бы крестьяне в СССР знали, что большевики их обманут и не дадут им земли, то никогда бы их не поддержали бы»[а-а]. Он доказывал, что организация колхозов — это обман крестьян и изъятие от них земель. И далее о международном положении Музычак доказывал, что Англия и Америка в этой войне победят и тогда Советскому Союзу предложат вернуть все захваченные у Польши земли и, таким образом, Польша будет вновь восстановлена. Распространение на Западе коммунизма успеха иметь не будет, так как там народ более культурный и обеспечен.

5. Возвратившийся из Москвы военнопленный [а-а]Сосна Викентий среди военнопленных рассказывал, что он по прибытии в Москву был помещен в тюрьму на Лубянке,[а-а] где также встретился с группой военнопленных (10 человек), ранее отправленных в Москву из Грязовецкого лагеря.[5] Рассказывал также, [а-а]что эту группу в конце октября месяца переодели в гражданскую одежду, выдали костюмы, рубашки, галстуки и куда-то отправили.[а-а] По мнению Сосны их отправили на родину — передали Германским властям, а переодели в хорошие костюмы, чтобы показать, что им хорошо жилось в Совет-

---

[в-в] Подчеркнуто красным карандашом. Пункты 1–5 отчеркнуты красным карандашом на полях.

[а-а] Подчеркнуто красным карандашом.

ском Союзе. О жизни в тюрьме рассказывал, что там жилось значительно хуже, чем в лагере, ибо в силу тюремного режима не пользовались той свободой, которая имеется в лагере и к тому же питание было хуже, хлеба выдавали [а)]только 600 грамм.[а)]

Аналогичных фактов очень много и нужно сказать, что подобного рода агитация и пропаганда носит массовый характер, но к тому же, надо прибавить, и сугубо конспиративный. Когда к ним обращаемся с вопросом «как живете?» обычно отвечают: [б)]«спасибо, хорошо, как в плену»[б)]. По их высказываниям получается, что материальное и бытовое содержание их в нашем лагере лучше, чем в прошлых лагерях, [г)]но в улучшении их положения и выдачи им ежемесячных карманных денег они усматривают такой факт, что о них, видимо, заботится английское или американское посольство и что они живут на свой счет, потом их правительство за них все заплатит, а поэтому, стало быть, дескать мы еще не потерянные люди и нас знают, и с нами считаются, и мы можем действовать активнее[г)]. Их активизации и распространения влияния в дополнение можно еще привести такой факт: [а)]подхорунжий Карпинский стал ходить в хор так называемых красных, тогда ему просто предложили прекратить это дело, если он не хочет, чтоб с ним не случилось неприятности по возвращении в Польшу.[а)]

Подхорунжий Хакель, Буяльский, Тышковский — еще совсем молодые люди, их родители находятся на нашей территории, им как-будто бы нужно подготовлять себя к жизни в советской стране, но на самом деле ничего не получается, [а)]они еще до сих пор твердо и убежденно верят, что польская армия есть[а)], Польша еще не сгинула и по окончании войны Польша будет восстановлена в старых границах со всеми старыми порядками.

Как положительный факт — это [б)]в лагере сколочена[б)] группа около [а)]120[а)] человек, которая настроена лояльно к советской власти и активисты из этой группы стремятся националистам раскрыть глаза, показать правду про СССР и б. Польшу и провести между двумя системами грань, и показать преимущество одной против другой. Правда, они встречают очень большое сопротивление со стороны националистов, но кое-каких успехов добиваются.

[в)]В лагере имеют место случаи — в качестве военнопленного находится поручик Подгурский, да и не один он, а таких имеется три человека, а их сыновья призваны в РККА[в)].

Отрицательных настроений у военнопленных, связанных с их жизнью в лагере, не имеем. Нарушений норм выдачи продуктов питания как военнопленным, так и вахтерскому составу за прошедший месяц не было, все продукты выдавались полностью.

Хозяйственные злоупотребления за прошедший месяц были следующие: буфетчица [а)]Евстигнеева растратила 2400 руб.[а)], с работы снята и отдана под суд.

[а-а)] Подчеркнуто красным карандашом.
[б-б)] Подчеркнуто красным карандашом волнистой линией.
[г-г)] Подчеркнуто и отчеркнуто на полях красным карандашом.
[в-в)] Отчеркнуто красным карандашом на полях тремя чертами.

Грубых нарушений службы внутренней и наружной охраны не было, за исключением [а)]одного случая[а)], когда вахтер [а)]Могорин[а)] 29 [г)]ноября во время исполнения служебных обязанностей связного был замечен в нетрезвом виде, от работы был немедленно отстранен, следственный материал был направлен в ревтрибунал, Могорин на выходной день получил увольнение домой и дорогой замерз.[г)]

Кроме Могорина из хозотделения нарушили трудовую дисциплину [а)]Зимин[а)] и [а)]Гусарин[а)]. Первый напился при поездке в город во время рабочего дня, от работы был отстранен. Второй напился в выходной и на второй день не вышел на работу. Они из лагеря уволены и материал передан в суд.

Политико-воспитательная и культурно-массовая работа среди военнопленных

Проведены беседы на тему: о подготовке к выборам в новых республиках, об укреплении дружбы народов СССР и мирная политика СССР, война в Европе и кому она выгодна. [а)]Беседы проводились в общежитиях и по комнатам[а)]. После проведения бесед задавались вопросы: когда кончится война? Когда нас отпустят домой? Почему нас держат здесь, тогда как мы не даем никакой пользы, а едим даром хлеб? Как сейчас Америка смотрит на войну в Европе? Почему нас держат всех вместе — офицеров, рядовых, помещиков, фабрикантов и рабочих? Кроме проводимой работы работниками политотдела силами самих военнопленных прочитаны лекции: [а)]1/ о группах крови, 2/ о творчестве Гомера, 3/ о происхождении земли, 4/ об истории архитектуры —[а)] обстановка мебелью квартиры.

Для усиления политико-массовой работы клуб введен в зону и открыт с 12 час. дня до 7 час. вечера, там они проводят свободное время: играют на биллиарде, на разных музыкальных инструментах. Кроме того в зоне корпуса в № 7 выделена комната отдыха, где они занимаются изучением иностранных языков, изучают политминимум, читают газеты и журналы, играют в шахматы, домино, слушают радио и патефон. Недавно организовали кружок изучения электротехники, двигателя внутреннего сгорания и киномеханики. Проведена еще только одна лекция. Проводятся политбеседы групповые и индивидуальные, по высланной Вами тематике. Проведено 8 бесед. Показано 12 кинокартин и два спектакля силами Грязовецкого совхозно-колхозного драматического театра. Военнопленные кино посещают охотно. Очень довольны такими картинами, как «Аринка», «Светлый путь» и «Любимая девушка». Спектакли посещают также охотно

[а-а)] Подчеркнуто красным карандашом.

[г-г)] Отчеркнуто двумя чертами красным карандашом на полях и поставлен вопросительный знак, текст подчеркнут, слова «дорогой замерз» — двумя чертами.

(«Дядюшка на трех ногах, или хотели соврать, а сказали правду» и «Счастливый день» Островского).

С личным составом за прошедший месяц проведено шесть занятий на темы: 23-я годовщина Великой Октябрьской Социалистической революции, Ленин и Сталин о соц[иалистической] организации труда, Сталинское указание о дисциплине труда и по докладам т. Калинина — о коммунистическом воспитании и докл[аде] на торжественном заседании в Москве 6/XI—40 г. [a)]Политзанятия проводятся по методу, рекомендованному Вашим письмом от 27/IX—40 г.[a)] Многие вахтеры, как например Голиков, Рогозкин, Кораблев, Солыгин, Скворцов и др. очень активно участвуют в проводимых беседах, хорошо изучают и усваивают материал и являются образцом при исполнении служебных обязанностей. Но имеются случаи и нерадивого отношения к проводимым занятиям, плохое изучение и усвоение материала.

Нач[альник] Грязовецкого лагеря НКВД
ст. лейтенант госбезоп[асности]
Волков

Зам. нач[альника] Грязовецкого лагеря НКВД
старший политрук
Сазонов

За нач[альника] особого отделения лагеря НКВД
лейтенант госбезопасности
Василевский

Резолюция в вер чей части 1-го листа красным карандашом: «Тов. Воробьеву. В сводку. Нехорошев. 1(2.40 г.»
Штамп входящей егистрации УПВ: «20.XII.1940 г. Вх. № 20348.»

РГВА. Ф. 3/п. Оп. 2. Д. 3. Лл. 141—149. Подлинник.
На бланке Управления Грязовецкого лагеря.

[1] См. № 124.

[2] О З. Баньковском см. № 112.

[3] Переговоры В.М. Молотова с А. Гитлером и И. Риббентропом в Берлине проходили 12—13 ноября 1940 г. и были нацелены на зондаж планов друг друга. Обсуждались возможность и условия присоединения СССР к Тройственному пакту. Конкретных договоренностей не достигли.

[4] С.Я. Эрлих, детский врач с 8-летним стажем, работавший до войны в Львовском университете, и ксендз Францишек Тычковский, 1893 г. рождения, майор запаса,

[a-a)] Подчеркнуто красным карандашом.

пользовались, как и Ю. Чапский (см № 108), всеобщим уважением среди патриотически настроенных военнопленных Грязовецкого лагеря.

[5] Имеется в виду группа З. Берлинга, которую отправили на «виллу роскоши» (см. № 129).

№ 133

1940 г. декабря 7, Москва. — Приказ НКВД СССР № 001522 «С объявлением положения о Львовском строительном лагере НКВД для военнопленных»

Сов. секретно

Приказ
народного комиссара внутренних дел Союза ССР[1]

№ 001522 Краткое содержание:

С объявлением положения о Львовском строительном лагере НКВД для военнопленных

«7» декабря 1940 г. г. Москва

Ввести в действие объявляемые при этом «Положение о Львовском строительном лагере НКВД для военнопленных» и инструкцию о порядке расконвоирования.

Заместитель народного комиссара
внутренних дел Союза ССР
Чернышов

[Приложение 1]

«Утверждаю»:
Заместитель народного комиссара
внутренних дел Союза ССР
Чернышов
« » декабря 1940 г.

Положение
о Львовском лагере НКВД для военнопленных

I. Общая часть

1. Для работы на строительстве трассы Проскуров — Тарнополь — Львов — Яворов — госграница строительный лагерь военнопленных Строительства

НКВД СССР № 1 разбить на 11 лагерных участков (по количеству строительных участков). На каждом лагерном участке разрешить иметь не более трех-четырех лагерных пунктов.

2. Лагерь военнопленных в области политической работы, режима, учета, санитарного обслуживания подчиняется Управлению НКВД СССР по делам о военнопленных.

3. Лагерь в части производственного использования военнопленных полностью подчинить начальнику Управления Строительства.

Непосредственное руководство лагерем возложить на заместителя начальника Строительства по лагерю (начальника лагеря).

4. Сотрудники Управления лагеря и его подразделений комплектуются в порядке циркуляра О[тдела] К[адров] НКВД СССР за № 73, — [a)]40 г.[a)] с распространением на них всех прав и обязанностей работников лагерей НКВД для военнопленных.

5. Обеспечение военнопленных всеми видами довольствия (вещевое и продовольственное), медикаментами и топливом осуществляется через Управление НКВД по делам о военнопленных, за счет фондов ГУЛАГа НКВД.

Фонды эти должны расходоваться только по прямому назначению.

6. Строительство обязано предоставить лагерю военнопленных все необходимые санитарно-бытовые помещения для размещения и обслуживания военнопленных.

7. Начальник лагерного участка по вопросам режима, учета и санитарного обслуживания подчиняется только начальнику лагеря. В части производственного использования военнопленных — начальнику строительного участка.

8. Порядок содержания военнопленных в лагере, их учет, медико-санитарное обслуживание, политическая работа среди них, снабжение должны осуществляться в полном соответствии с инструкциями Управления НКВД СССР по делам о военнопленных.

9. Учитывая специфику дорожного строительства и необходимость в связи с этим иметь некоторое количество расконвоированных военнопленных, установить, что расконвоирование может осуществляться только в полном соответствии с утвержденной инструкцией.

II. Структура аппарата лагеря

10. Управление лагеря имеет в своем составе:
    а) Канцелярию,
    б) Особый отдел,
    в) Политинструкторскую группу,
    г) Учетный отдел,
    д) Санитарный отдел,
    е) Отдел снабжения,

[a-a)] Вписано от руки чернилами.

ж) Отделение по режиму,

з) Штаб военизированной охраны,

и) Группу кадров.

11. Функции аппарата лагеря определены положением от 23/IX–39 г.[а], наряду с этим, начальник лагеря, лагерного участка и лагпункта несут полную ответственность за вывод военнопленных на работы, интенсивность их труда и рациональное трудовое использование.

12. Для руководства политической работой среди военнопленных ввести должность зам. начальника лагеря по политчасти.

Инструкторов политработы подчинить на лагпунктах начальникам лагерных пунктов.

13. Финансирование лагеря осуществляется по специальной смете, за счет строительства. Распорядителем кредитов по этой смете является зам. начальника строительства по лагерю (начальник лагеря).

Начальник Управления НКВД СССР
по делам о военнопленных
капитан государственной безопасности
Сопруненко

Зам. начальника Строительства
НКВД № 1 — начальник лагеря
капитан государственной безопасности
Даганский

[Приложение 2]

«Утверждаю»
Заместитель народного комиссара
внутренних дел Союза ССР
Чернышов
« » декабря 1940 г.

Инструкция
о порядке расконвоирования военнопленных
в Львовском лагере НКВД

1. Все военнопленные, как правило, должны работать под охраной.

2. Расконвоирование разрешается производить в случаях, вызываемых производственной необходимостью, в отношении военнопленных остро дефицит-

[а] См. РГВА. Ф. 1/п. Оп. 1а. Д. 1. Лл. 63–67. «Катынь. Пленники необъявленной войны», М., 1997. С. 89–92.

ных специальностей и занимающих административно-технические должности (инженеры, техники, прорабы, монтеры, шоферы, сварщики и др.).

3. Практиковать расконвоирование военнопленных как поощрение за хорошие показатели в работе запрещается.

4. Право на расконвоирование военнопленных предоставляется начальнику лагеря с последующим сообщением начальнику Управления НКВД СССР по делам о военнопленных.

5. Военнопленные, намеченные к расконвоированию, должны быть тщательно проверены по оперативному учету особого отделения и по материалам лагеря.

Лица, состоящие на особом учете, расконвоированию не подлежат.

6. Расконвоированным военнопленным выдаются пропуска за подписью начальника лагеря, в которых должен быть указан маршрут передвижения их без охраны.

7. Военнопленных, жителей территории быв. Польши, отошедшей к Германии, расконвоировать категорически запрещается.

8. На участках за №№ 9, 10 и 11 расконвоирование военнопленных не допускать.

9. Все расконвоированные должны обязательно проживать в зоне лагерных пунктов под охраной.

Начальник Управления НКВД СССР
по делам о военнопленных
капитан государственной безопасности
Сопруненко

Зам. начальника Строительства
НКВД № 1 — начальник лагеря
капитан государственной безопасности
Даганский

«7» декабря 1940 г.

ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 564. Л. 418, 420—424. Подлинник.
Военнопленные в СССР 1939—1956. М., 2000. С. 539—540.

[1] См. № 125, 138, 151, 167. 17 сентября 1940 г. П.К. Сопруненко обратился к В.В. Чернышову с предложением направить в Ровенский лагерь бригаду работников УПВ для составления новых учетных дел и проверки по месту жительства тех лиц, которые являлись жителями присоединенной к СССР территории (6 тыс. чел). Это было связано с тем, что с окончанием строительства шоссе следовало решить вопрос о дальнейшей судьбе военнопленных Ровенского лагеря (14556 чел.). «Подозрительные элементы», по мнению П.К. Сопруненко, должны были направляться в закрытые лагеря (РГВА. Ф. 1/п. Оп. 3а. Д. 1. Лл. 302—307). В «Положении о Львовском лагере» были учтены и многие предложения И.Б. Маклярского (РГВА. Ф. 1/п. Оп. 6е. Д. 5. Л. 102—106).

№ 134

1940 г. декабря 11, Москва. — Справка УПВ НКВД СССР о военнопленных Р. Буховском и В.Мущинском, расстрелянных весной 1940 г.

№ 25/11994 Сов. секретно

Справка[1]

1. Военнопленный быв. польской армии Буховский Ромуальд Станиславович, 1914 г.р., уроженец Латвии, поляк, окончил гимназию, служащий, состоял в партии «Озон» с 1938 г., проживал в г. Вильно, служил в армии в чине вахмистра 23-го уланского полка. Содержался в Козельском лагере. [a)]В марте месяце 1940 г. учетное дело отправлено в 1-й спецотдел[a)].

2. Военнопленный быв. польской армии Мущинский Владислав Викентьевич, 1920 г.р., уроженец дер. Соколы, поляк, окончил строительное училище, техник-строитель, проживал в г. Вильно, служил в армии в чине подхорунжего-капрала. Содержался в Козельском лагере. [a)]В мае месяце 1940 г. учетное дело отправлено в 1-й спецотдел[a)].

3. Крживоблоцкий Витольд Бонифациевич — по учету военнопленных и интернированных не значится.

Начальник Управления НКВД СССР
по делам о военнопленных
капитан государственной безопасности
Сопруненко

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 4в. Д. 13. Л. 371. Подлинник.

[1] См. №№ 85, 93, 100, 111, 112, 143, 144. Справки были составлены в связи с обращениями родных Р. Буховского и В. Мущинского к наркому обороны СССР С.К. Тимошенко. 29 ноября к нему, в частности, направила письмо Кристина Буховская из Вильно. Ее муж был мобилизован в армию лишь после начала польско-германской войны. В сентябре 1939 г. он был взят в плен, писал ей из Козельского лагеря. Однако в 1940 г. она не получила от него ни одной весточки. «Оставаясь с маленьким ребенком, я очень беспокоюсь, не знаю, что с ним случилось, получает ли мои письма, жив ли он и где находится. Не находя иного выхода, осмеливаюсь обратиться к Вам, Товарищ Маршал, с просьбой о выдаче распоряжения розыска моего мужа Ромуальда Станиславовича Буховского и разрешения ему написать ко мне несколько слов...». (РГВА. Ф.1/п. Оп. 4в. Д. 13. Лл. 377—377об). Своих мужей и сынов искали и другие семьи военнопленных. 27 ноября и 10 декабря в УПВ были составлены три

[a-a)] Подчеркнуто синим карандашом.

списка на 85 военнопленных, которых разыскивали родственники и дела которых были сданы в 1-й спецотдел (Там же. Лл. 123, 125, 139).

№ 135

1941 г. января 10, Москва. — Справка старшего инспектора учетно-регистрационного отдела УПВ НКВД СССР мл. лейтенанта госбезопасности М.Е. Гобермана о количестве умерших военнопленных в СЖДЛ

Сов. секретно

Справка
о смертности среди военнопленных в Севжелдорлаге[1]

1. До 31 августа умерло	— а)39а) человек
2. В сентябре умерло	— а)19а) человек
3. В октябре умерло	— а)18а) человек
4. В ноябре умерло	— а)24а) человек
5. В декабре умерло	— а)9а) человек
Всего 109 человек	

Зам. нач[альника] 2-го отдела Управления НКВД СССР
по делам о военнопленных
лейтенант госбезопасности
Гоберман

Резолюции в верхней части листа:
1. Красным карандашом: «В УРО П.С[опруненко].
2. Чернилами: «Тов. Родиной. К делу справок. Гоб[ерман] 9./IV»

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 01е. Д. 4 Л. 122. Подлинник.

[1] См. № 146. В первых числах января 1941 г. в УПВ был направлен список военнопленных, выбывших с 23 декабря по 1 января из СЖДЛ — всего 36 человек. Из них 5 человек умерли, 9 чел. были переданы 2-му (контрразведывательному) отделу ГУГБ. 15 поляков 31 декабря 1940 г. были арестованы оперативно-чекистским отделением лагеря, 7 военнопленных — арестованы оперативными работниками еще 22 апреля — 27 мая 1940 г. (РГВА. Ф. 1/п. Оп. 6е. Д. 11. Лл. 27—29) В этом же деле имеются многие десятки актов о смерти и погребении военнопленных.

а-а) Подчеркнуто красным карандашом.

№ 136

1941 г. января 24, Москва. — Распоряжение П.К. Сопруненко начальнику особого отделения Козельского лагеря мл. лейтенанту госбезопасности М.М. Стариковичу в связи с направлением ему 31 учетного дела на содержащихся в Юхновском лагере военнопленных, связанных до войны с польскими спецслужбами

№ 25/552 Сов. секретно

Начальнику особого отделения Козельского лагеря НКВД
мл. лейтенанту госбезопасности тов. Стариковичу[1]

Направляю 31 учетное дело на интернированных, которые были в свое время связаны с польскими разведывательными органами.

Все они содержатся в Юхновском лагере НКВД.

Для решения вопроса о целесообразности перевода этих интернированных в Козельский лагерь, необходимо определить имеющиеся у Вас возможности для изобличения их в разведывательной и др. активной деятельности в быв. Польше, учитывая, что в Козельском лагере содержится быв. руководящий состав ряда разведпляцувок и других разведорганов.

При ознакомлении с направляемыми делами следует иметь в виду следующее:

1. Обслуживающий персонал разведпляцувок (Жихарев, Шепацкий, Лагут, Бараньски, Гураль, Поспех, Заремски, Нестерович, Хабик, Юревич, Бояковский, Михалик) по имеющимся данным был в курсе оперативной работы, знал агентуру, был осведомлен о местонахождении конспиративных квартир, принимал участие в избиении арестованных и т.п.

Шофера возили на границу агентов, которых перебрасывали на территорию СССР.

Эта деятельность интернированных, обслуживавших разведпляцувки, подробно не освещена в Юхновском лагере, т.к. лица, могущие изобличить их, находятся в Козельском лагере.

2. а)На Макутыновича и Новак следует собрать показания быв. сотрудников соответствующих разведпляцувок, знающих о том, что они были агентами.а)

3. На Цибулю, Грабовского, Левандовского, Лис, Козак, Кухарского следует собрать данные об их гласной и секретной разведывательной деятельности на границе.

4. Серьезного внимания заслуживает Цыбульский В.Ю., который по всем данным использовался широко разведорганами.

5. Необходимо собрать более полные данные о деятельности тюремщиков Болейко, Наврата и Скончены.

а-а) Помета на полях: «Дела отправляются в Смоленск.»

6. Также недостаточно освещена практическая деятельность Врубель, Бобрек, Карпович, Целинского, Пустулка, Семенюк и Покора.

По ознакомлении с направляемыми делами срочно сообщите, какими возможностями Вы располагаете для изобличения интернированных агентурными и официальными материалами, после чего будет решен вопрос об их переводе в Козельский лагерь.

Дела подлежат возвращению в Управление.

[a)]Приложение: 31 учетное дело лагеря и 28 учетных дел особого отделения[a)]

Нач[альник] управления НКВД СССР
по делам о военнопленных
капитан госбезопасности
(Сопруненко)

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 6е. Д. 4. Лл. 86–87. Отпуск.

[1] См. № 142. Получив это указание, особое отделение Юхновского лагеря подготовило список с данными на 35 интернированных, которые впоследствии были переведены в Козельский лагерь (РГВА. Ф. 1/п. Оп. 6е. Д. 4. Лл. 250-258). Кроме того, особое отделение периодически направляло подробные характеристики на группы интернированных, о которых имелись сведения относительно их службы в полиции или контрразведке. Так, 18 февраля были представлены справки на Я. Спицевича, Г. Косинского, Я. Зданчука, Э. Трапкевича, Э. Станкевича, А. Жултковского, Я. Бейнара, Я. Вонсовича. В справке на Яна Бейнара, 1907 г. рождения, в частности, отмечалось, что он являлся активным членом союза крестьянской молодежи, был председателем Браславского уездного комитета этого союза, в 1939 г. был мобилизован в Браславскую уездную полицию и работал писарем в управлении уездной полиции. Этого оказалось достаточно, чтобы Бейнар был переведен в Козельский лагерь и взят в активную разработку (там же, л. 181).

№ 137

1941 г. январь, Москва. — Предложения П.К. Сопруненко относительно трудового использования военнопленных и интернированных

Сов. секретно

Предложения
по вопросу о трудовом использовании военнопленных
и интернированных, содержащихся в закрытых лагерях
НКВД СССР

[a-a)] Вписано чернилами в строку.

1. Содержащихся в Козельском лагере НКВД интернированных офицеров, полицейских, жандармов, тюремщиков, граничную стражу, агентов бывших польских развед[ывательных] органов и им соответствующих в количестве 2450 человек, переведенных из Литовской и Латвийской ССР, использовать на работах отдельным лагерным подразделением.

2. Содержащихся в Юхновском лагере НКВД интернированных солдат и мл[адший] нач[альствующий] состав армии, КОПа и граничной службы, полицейских и жандармов, призванных из запаса, а также гражданских лиц, в количестве 2765 человек, переведенных из Литовской и Латвийской ССР, использовать на работах отдельным лагерным подразделением и совершенно изолированно от контингентов, содержащихся в Козельском лагере.

3. Содержащихся в Грязовецком лагере НКВД военнопленных в количестве 369 человек использовать на работах :

а) офицерский состав армии, а также офицерский и рядовой состав полиции, жандармерии и граничной стражи — вместе с контингентами, содержащимися в Козельском лагере.

б) Солдат, полицейских и жандармов, призванных из запаса, а также гражданских лиц, в отношении которых нет компрометирующих материалов, — вместе с контингентами, содержащимися в Юхновском лагере.

4. До отправки военнопленных и интернированных из Козельского, Юхновского и Грязовецкого лагерей [a)]отобрать[a)] тех из них, которые представляют значительный оперативный интерес и перевести их в тюрьмы.

5. При организации лагерных подразделений из интернированных и военнопленных учесть необходимость полной изоляции их от заключенных.

6. Охрана интернированных и военнопленных, как в лагере, так и на работах, должна быть возложена на конвойные войска НКВД.

7. Учет и режим содержания военнопленных и интернированных должны осуществляться на основании особых инструкций.

8. В каждом лагерном подразделении должен быть установлен специальный штат работников, утвержденный в Москве.

9. Оперативное обслуживание военнопленных и интернированных, используемых на работах, должно осуществляться специальными оперативно-чекистскими группами.

Нач[альник] НКВД СССР
по делам о военнопленных
капитан госбезопасности
(Сопруненко)

Резолюция в левом верхнем углу красным карандашом: «В УРО П. С[опруненко]».
Помета синим карандашом «Ровенском лагере».

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 6е. Д.5. Лл. 95—96. Копия.

[1] См. №№ 142, 151. Предложения П.К. Сопруненко о трудовом использовании военнопленных были учтены частично. Большинство интернированных Козельского и Юхновского лагеря, за исключением офицеров, были отправлены в мае на строительство аэродрома «Поной» в Мурманской области (см. № 148, 150).

№ 138

1941 г. февраля 27, Москва. — Служебная записка П.К. Сопруненко А.Я. Герцовскому о передаче дел пытавшихся бежать военнопленных на Особое совещание

№ 25/1891 Сов. секретно

Зам[естителю] начальника
1-го спецотдела НКВД СССР
капитану госбезопасности
тов. Герцовскому

[a)]О неправильном направлении органами НКВД
дел на военнопленных в нарсуды[a)]

В ряде случаев органы НКВД на местах передают в народные суды следственные дела на военнопленных, привлекаемых к ответственности за побеги из лагерей.

Народные и областные суды, рассматривая дела, приговаривают военнопленных к исправ[ительно]-труд[овым] работам и к условному наказанию.

23 ноября 1940 г. нарсуд Радошковичского района Вилейской области приговорил военнопленного Чаевского Федора Федоровича за побег из лагеря к 1 г. 6 мес. лишения свободы.

3 декабря 1940 г. Вилейский облсуд отменил решение Радошковичского нарсуда и приговорил Чаевского к 1 году исправтрудработ — на общих основаниях.

В результате этого Чаевский продолжал находиться по месту постоянного жительства.

19 декабря 1940 г. нарсуд Сталинского ра[йо]на Пинской области приговорил военнопленного Горлуховича Михаила Викентьевича к 1 году условно, и своим определением обязал Горлуховича по освобождении из Сталинской тюрьмы явиться в лагерь НКВД, откуда он совершил побег. Копии приговора и определения Сталинского народного суда прилагаются.[1]

[a-a)] Напечатано на машинке на полях.

Подобная практика народных судов влечет за собой крайне нежелательные последствия. Такие приговоры могут способствовать побегам военнопленных.

Прошу дать соответствующее распоряжение местным органам НКВД о направлении дел на военнопленных, бежавших из лагерей, на рассмотрение Особого совещания НКВД или через военных прокуроров в военные трибуналы.

Копию Вашего распоряжения прошу выслать в Управление.

Начальник Управления НКВД СССР
по делам о военнопленных
капитан госбезопасности
Сопруненко

Помета в верхней части 1-го листа чернилами «К делу Львовского лагеря. Гоберман». Виза на полях: «Гоберман»

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 6е. Д. 5. Л. 383–384. Отпуск.

[1] Приговор по делу Горлуховича см. РГВА. Ф.1/п. Оп. 6е. Д. 5. Л. 385–387.

№ 139

1941 г. марта 5, Козельск. — Спецсообщение М.М. Стариковича и оперуполномоченного особого отделения Козельского лагеря В.П. Тютенкова о самоубийстве интернированного Ю. Ткача

№ 2598 Сов. секретно

Начальнику Управления НКВД СССР
по делам о военнопленных
капитану госбезопасности
тов. Сопруненко

гор. Москва

Спецсообщение[1]

5 марта 1941 г. в 11 часов утра в темной кладовой между 3 и 4 корпусами, в которой до 4 марта 1941 г. находились железные кровати путем повешения покончил жизнь самоубийством интернированный Ткач Юзеф Войтехович, 1889 г. р., урож[енец] дер. Поток, Андреевского уезда, Келецкого воеводства, служил с 1921 по 1939 г. ст. постерунковым в гор. Слониме.

Перед войной жена Ткача Надежда Игнатьевна, 38 лет, домохозяйка и дочь Яниша 15 лет, ученица проживали в гор. Слониме, Жирувицкая улица, дом 57.

[а)]Предварительным расследованием установлено, что Ткач за последнее время был замкнут, ни с кем не разговаривал, часто щупал пульс, усиленно курил, со дня на день ждал от семьи письма.[а)] Точного адреса семьи Ткач не имел. Совместно проживающие с Ткачем интернированные предлагали обратиться к врачу, но он отказывался, заявляя, что он ни в чем не нуждается.

Подозрений к самоубийству со стороны интернированных, проживающих совместно с Ткачем, не замечалось.

При осмотре трупа никаких оставленных им записок не обнаружено.

Труп Ткача отправлен в Козельскую больницу для вскрытия.

Нач[альник] ОО НКВД Козельского лагеря
мл. лейтенант госбезопасности
М. Старикович

Оперуполномоченный ОО лагеря НКВД
сержант госбезопасности
В. Тютенков

Бланк входящей регистрации УПВ «10.III.1941. Вх. № 2807»

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 6е. Д. 4. Л. 321—322. Подлинник.

[1] См. № 128, 140. 5 марта 1941 г. начальник Козельского лагеря в свою очередь информировал П.К. Сопруненко о самоубийстве Юзефа Ткача (РГВА. Ф. 1/п. Оп. 6е. Д. 4. Л. 139).

№ 140

1941 г. позднее марта 8, Москва. — Справка УПВИ о политико-моральном состоянии военнопленных и интернированных за январь и февраль 1941 г.[б)]

Политико-моральное состояние военнопленных и интернированных поляков и их настроение в настоящее время концентрируются в основном вокруг следующих вопросов:[1]

1. Отношение к СССР.
2. Положение на фронтах второй империалистической войны.
3. О тяжелом положении семейств в генерал-губернаторстве.

1. Вопросы, связанные об отношении к СССР, разделяются на две группы, на положительные и отрицательные. С одной стороны большая часть военно-

[а-а)] Помета на полях красным карандашом: «Где его семья??? П.С[опруненко]».
[б)] Датируется на основании текста документа.

пленных и интернированных лояльно настроена, относится хорошо и высказывается положительно о Советской власти:

I. Интернированные — Печинский, Птак, Боговец усиленно занимаются изучением русского языка, заявляя при этом своим коллегам, что «мы должны за это время подготовить себя для будущей работы в СССР, т.к. в Польшу больше возвращаться не собираемся».

II. Интерниров[анный] подпоручик Менликел в беседе со своими коллегами заявил: «что за время своего пребывания в лагере понял, что Советская власть является неплохой властью и я желал бы оказывать ей какую-то ни было помощь».

III. Шульц Ян (гражданский журналист) заявил, что настало время коммунистической власти, что капиталистический строй рушится, поэтому теперь необходимо следить за жизнью для того, чтобы суметь жить и работать при этом строе».

IV. Интернированный поручик Паруль заявил: «Мы не должны забывать, что в будущем нам вместе с Советским Союзом придется бороться против Германии».

V. Большой интерес к изучению курса истории ВКП(б); если на 1 января 1941 г. изучало 30 человек, то к 1/III—41 г. изучает 270 человек (Юхновский лагерь).

VI. За январь месяц 1941 г. подано 8 заявлений об оставлении в СССР [лиц] с территории, оккупированной Германией.

VII. Большинство интернированных и особенно из числа западных областей Белоруссии и Украины, [а)]желает[а)] на работы, так например, интернированные Ясинский, Солецкий, Орловский, выражая запросы большинства интернированных, утверждают, «что они готовы выполнять любые работы, лишь бы не сидеть без дела, что этой работой они скрасили бы свое время нахождения в лагере».

С другой стороны часть военнопленных и интернированных, националистически настроенных, видя гибель буржуазных порядков и расцвета Советского строя в новых советских социалистических республиках и освобожденных областях, выселение их семей или родственников в Казахстан и в другие отдаленные области Советского Союза, настроены враждебно к Советской власти, занимаясь в контрреволюционных измышлениях о плохой жизни колхозного крестьянства в СССР, о [б)]небоеспособности[б)] Красной Армии и о низком жизненном уровне рабочего в Советском Союзе по сравнению с рабочим в быв. Польше.

Интернированный подпоручик Якубяк заявил, «что, мол в СССР нет безработицы — это верно, но верно и то, что рабочие в СССР получают низкую заработную плату, в связи с чем переживают голод и нищету».

2. Интернированный сын крупного землевладельца Межвинский Леон говорил: «На тех землях, которые захватили большевики — Белоруссию, Украину, Латвию, Литву и Эстонию народ испытывает большой гнет и те, которые ожидали большевиков, получат хороший урок. Советская власть там долго не

[а-а)] Вписано чернилами над зачеркнутыми словами «большая тяга».

[б-б)] То же над словами «необходимости».

задержится и Советам не устоять, не только на захваченных территориях, но они падут везде, ибо народ по всей России недоволен большевиками».

3. Интернированный рядовой Синица Иван Осипович говорил: «Нам говорят, что польский народ освободили от польского ига, а этих освобожденных таскают по тюрьмам, морют голодом, кормят одной гнилой рыбой, вот посмотрели бы — в Германии действительно освободили всех людей и возвратили их к семьям. А здесь нас будут держать пока всех поморят голодом и холодом».

4. Военнопленный подпоручик Сегаль и подхорунжий Гольдберг[2]: «Советская власть взялась за прямое истребление польской интеллигенции с целью заставить ее погибнуть в отдаленных областях и тем устранить ее влияние на польский и др. народы западных областей. Дело идет не только о классовой борьбе, но и о русском империализме, ничем теперь не отличающимся от быв. царского».

5. Военнопленные — майор Домонь, поручик Чиж и ротмистр Чапский: «Никогда, даже в самый жестокий период царской реакции не были принимаемы такие жестокие меры против а)польского а) населения».[3]

6. Военнопленный Скотлевский во время передачи по радио лекции в помощь изучающим марксизм-ленинизм, закрыл радио и ударив кулаком несколько раз по столу, крикнул: «Довольно! курва их мать, только одно и слышно, что гнет и гнет рабочего класса, а ни одного слова правды от них не услышишь, на каждом шагу все вранье, враньем и живут, думая, что этим далеко уедут. Ничего, придет время, за все нам заплатят».

Еще более усиливает ненависть к Советской власти — это получение писем военнопленными и интернированными от семейств и родных, выселенных в Казахстан, в которых различными условными выражениями и обозначениями сообщается «тяжелое» материальное положение их.

I. В[оенно]пл[енному] полковнику Прокопу из Казахстана пишут: «Мы сейчас держимся, но как долго выдержим — не знаю, если условия не изменятся и мы не будем получать помощи, то долго не выдержим, ибо у нас в этой местности есть страшный голод. Только и держусь тем, что забрала с собой, вещи еще продаю и так живем. Детей тоже в школу не посылаю».

II. Военнопленному хорунжему Шульцу жена из Казахстана пишет, [что] «живет с ребенком в несогретом бараке, вещи продала, работы никакой нет, не на что купить продуктов, так что, если бы не дочь, покончила бы самоубийством».

III. Военнопленному хорунжему Фуртеку отец пишет, [что] «живут в сарае, без работы и продают вещи».

Аналогичные письма поступают и другим военнопленным, но б)они б) на руки не выдаются.

2. Происходившие в январе и феврале оживленные военные действия, в особенности в Африке, вызвали большой интерес в среде военнопленных и интернированных.

а-а)) Вписано чернилами над зачеркнутым словом «царского».

б-б) Вписано чернилами над строкой.

Малейшие успехи Англии встречаются с большой радостью националистическими элементами, вселяют в них уверенность, что Германия будет побеждена и тогда будет восстановлена великая Польша:

I. Интернир[ованный] плятуновый Тарасевич Петр говорил: «Сейчас Англия должна разгромить Италию, а затем Германию. После победы, которую одержит Англия в этой войне, Советскому Союзу придется под давлением англичан пересмотреть свою географическую карту».

II. Интерн[ированный] ст. сержант Мазур: «Когда победит Англия, то в дальнейшем нужно будет нам выждать, т.к. Англия затем в союзе с США выступят войной на СССР».

III. Интерн[ированный] — рядовой Петкун Донат, по профессии столяр, говорил: «Советский Союз Китаю вооружением помочь не может, так как сам ничего не имеет, поэтому и придерживается нейтралитета.

Нейтралитет Советского Союза, это что-то вроде барана, которого привезли на убой и который ждет своей очереди. В свое время более сильное государство нападет на СССР и сделает с его нейтралитета то, что они сами сделали с Прибалтикой».

3. Много разговоров среди военнопленных и интернированных вокруг писем, получаемых от родных и знакомых с генерал-губернаторства, в которых сообщается о тяжелом положении польского и, в особенности, еврейского населения, о репрессиях и массовых расстрелах населения, о переселении поляков с территории, отошедшей к Германии, на территорию генерал-губернаторства.

I. Военноплен[ному] поручику Бизанц родные пишут:

«немцы позакрывали все польские средние заведения типа гимназии, оставлены только специальные, так что его сын теперь должен учиться в коммерческом училище».

II. Военноплен[ному] врачу подпоручику Векслеру — пишет жена, [что] «она выселена из квартиры, что ребенок очень плохо выглядит, потому что они голодают, просят написать матери в Америку, чтобы она выслала посылку с правиантом».

III. Военноплен[ному] майору Кривко родные пишут из Варшавы: «самое страшное в жизни поляков — «ночные поездки в гости к Аврааму на пиво», что в переносном смысле означает «массовые расстрелы».

IV. Военноплен[ному] майору полиции Берг родственники пишут: «Его двух родственников расстреляли».

Писем с описанием тяжелого материального положения и о массовых расстрелах на территории генерал-губернаторства получается много, пишутся в различных условных выражениях. Эти сведения передаются друг другу в скрытой форме и тщательно скрываются от военнопленных и интернированных Советской территории, т.к. они убеждены, что это положение временное, а судьба немцев уже предрешена и победа Англии обеспечена.

5 марта 1941 г. покончил жизнь самоубийством (повесился) в кладовой интернированный Ткач Юзеф Войтехович. Ткач Ю.В., 1889 г. рождения, из кре-

стьян, до 1921 г. работал в сельском х[озяйст]ве по найму[4]. С 1921 г. по 1939 г. служил в полиции ст. постерунковым в гор. Слониме. Ткач в кругу интернированных был замкнут, записей о причинах, побудивших его к самоубийству, никаких не оставил.

Грубых нарушений лагерного режима не имеется. Жалоб на питание и грубое обращение не поступало.

Военнопленные и интернированные, [у] которых семьи выселены в Казахстан, задают такие вопросы: «За что же нас преследует советское правительство и почему нас держите в лагере».

Отдельные интернированные стремятся путем «шифра», придуманного ими, указать месторасположение лагеря, поручик Пароль в своем письме на родину писал следующее: «пасу-козу-зельске», что означало «нахожусь в Козельске». Письма подобного рода конфискуются.

Среди военнопленных и интернированных широко развернута политическая и культурно-массовая работа, проводятся лекции, доклады, беседы и политинформации о международном положении, о внешней политике СССР, о достижениях социалистического строительства в СССР, о ленинско-сталинском учении по национальному вопросу и другие.

Особым успехом пользуются доклады и беседы по международному положению и ленинско-сталинское учение по национальному вопросу. [В] Козельском лагере на беседах и докладах присутствовало по 800—900 человек.

На беседах задают вопросы:

1. Обслуживание сельскохозяйственными машинами в новых Советских Республиках?
2. Имеют ли колхозы свои автомашины?
3. Оплата за труд в колхозах?

Регулярно демонстрируются кинокартины (8-9 в м-ц), военнопленные с интересом просматривают, говоря, что Советские фильмы «правдивы» и жизненны, где отражаются не только успехи, но и трудности.

Большое стремление к изучению Краткого курса истории ВКП(б), [в] Юхновском лагере изучают 270 чел, все изучающие обеспечены книгой «Кратким курсом истории ВКП(б)» на польском и русском языке.

7—8 марта 1941 г. проведено совещание с зам. нач[альниками] лагерей по п[олитической] ч[асти] [по] вопросу об улучшении политической и культурно-массовой работы с военнопленными.

Политико-моральное состояние военнопленных и интернированных в основном удовлетворительное.

Нач[альник] Управления НКВД СССР
по делам о военнопленных и интернированных
капитан госбезопасности
(Сопруненко)

Помета в нижней части последнего листа чернилами: «1-ый экз. уничтожен 19/IV—1941 г. [подпись неразборчива]»

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 4в. Д. 19. Лл. 45—51. Отпуск.

[1] В основу этого доклада положены политико-оперативные сводки за январь и февраль, составленные начальниками Козельского, Юхновского и Грязовецкого лагерей (РГВА. Ф.1/п. Оп. 6з. Д. 1. Лл. 5-13; Ф.3. Оп. 2. Д. 3. Лл. 141—154; Д.5. Лл. 205-212 и др.). Указанные в политсводке П.К. Сопруненко интернированные — рядовые или сержанты армии находились в Юхновском лагере, интернированные — офицеры и полицейские — в Козельском, военнопленные — в Грязовецком. О положении семей военнопленных, выселенных в Казахстан, см. также №№ 111, 149.

[2] О военнопленных Грязовецкого лагеря Г. Сегале и А. Гольдберге см. № 112.

[3] О Ю. Чапском см. № 108, о поручике Ч. Чиже и майоре Л. Домоне — № 17.

[4] См. № 139.

№ 141

1941 г. марта 15, Москва. — Справка УПВИ о количестве военнопленных, принятых и убывших из лагерей НКВД СССР с октября 1940 г. по март 1941 г.

Сов. секретно

Справка[1]

Убыло с октября 1940 г. по март 1941 г.	—	655	чел.
Из них: Умерло	—	126	"
В Брест-Литовск	—	71	"
Освобождено	—	6	"
Осуждено	—	79	"
В инвалидный дом	—	24	"
В НКВД и тюрьмы	—	132	"
Бежало	—	200	"
В госпитале	—	17	"

Прибыло с октября 1940 г. по март 1941 г.	—	324	чел.
Из них: Из УНКВД и тюрем	—	122	"
Возвращено из бегов	—	102	"
Из особых отделений	—	2	"
Из госпиталей	—	98	"

Внизу документа от руки написаны два столбца цифр:

655	28019
324	27680
331	339

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 01е. Д. 4. Л. 428. Копия.

[1] В начале марта 1940 г. вновь встал вопрос о глобальном решении судьбы польских интернированных и военнопленных, с чем и связано направление из УПВИ (с этого времени П.К. Сопруненко подписывается как начальник Управления по делам о военнопленных и интернированных) ряда запросов в лагеря. На основании полученных из лагерей ответов на запросы УПВИ 15 марта и была составлена публикуемая сводная справка. Переименование УПВ было осуществлено при утверждении 26 февраля новой структуры НКВД СССР после разделения в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 3 февраля НКВД СССР на два наркомата — НКВД СССР и НКГБ СССР. В НКВД СССР при этом вошли: Главное управление милиции, Тюремное управление, Главное управление погранвойск, Управление конвойных войск, 3-й отдел НКВД СССР, ГУЛАГ, ГУЛЖС, ГУШОСДОР, а также Управление по военнопленным и интернированным (УПВИ) во главе с П.К. Сопруненко. Цифра 28019 — это количество военнопленных и интернированных в лагерях НКВД СССР в октябре 1940 г., 27680 — количество военнопленных и интернированных на март 1941 г. Расхождение в 8 человек между цифрами 339 и 331 свидетельствовало о том, что где-то были допущены неточности при отражении движения военнопленных в справках, полученных от лагерей.

№ 142

1941 г. марта 27, Москва. — Докладная записка П.К. Сопруненко Л.П. Берии о рассмотрении на Особом совещании дел интернированных — бывших полицейских, жандармов, служащих других карательных органов, содержащихся в Козельском лагере

№25/2831 Сов. секретно

Народному комиссару внутренних дел Союза ССР
Генеральному комиссару государственной безопасности
товарищу Берия Л.П.[1]

Среди интернированных военнослужащих быв. польского государства, прибывших в Козельский лагерь НКВД из Литовской и Латвийской ССР, содержится 1 525 человек служащих карательных органов, из них:

Чины полиции			
Подполковников	—	2	чел.
Майоров	—	7	"
Капитанов	—	11	"
Поручиков	—	8	"
Подпоручиков	—	8	"
Мл. начсостава	—	679	"
Рядовых полицейских	—	492	"
		Всего: 1 207 человек	
Чины жандармерии			
Капитанов	—	4	чел.
Поручиков	—	1	"
Подпоручиков	—	2	"
Мл. начсостава	—	41	"
Рядовых жандармов	—	45	"
		Всего : 93 человек	
Чины стражи граничной			
Полковников	—	1	чел.
Капитанов	—	2	"
Поручиков	—	3	"
Подпоручиков	—	5	"
Мл. начсостава	—	59	"
Рядовых стражников	—	120	"
		Всего: 190 человек	
Тюремщиков	—	12	чел.
Судей	—	3	"
Разных чинов карательных органов	—	16	"
Крупных собственников	—	4	"

Основную массу этой категории интернированных составляют поляки — 1508 человек (99%).

Жители территории быв. Польши, отошедшей к СССР, составляют 1386 человек (91%).

По полученным материалам из местных органов НКВД установлено, что многие полицейские, содержащиеся в Козельском лагере, при бегстве в Латвию и Литву уничтожили материалы полиции. Часть полицейских вступала

в карательные отряды и жестоко расправлялась с населением, встречавшим части Красной Армии.

В процессе агентурной разработки интернированных в лагере установлено, что основная масса полицейских, жандармов и других служащих карательных органов относятся враждебно к мероприятиям Советского правительства.

Многие из них высказывают, что по освобождении из лагеря будут бороться за восстановление Польши и мстить тем, кто лояльно относится к Советской власти.

Отдельные полицейские высказывают намерения бежать из лагеря с наступлением весны.

Учитывая, что перечисленные категории интернированных являются активными и непримиримыми врагами Советской власти, считаю необходимым на всех их, по имеющимся учетным делам и агентурным материалам, оформить заключения для рассмотрения на Особом совещании.

Прошу Вашего распоряжения.

Начальник Управления НКВД СССР
по делам о военнопленных
и интернированных
капитан государственной безопасности
(Сопруненко)

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 5а. Д. 2. Лл. 133—135. Отпуск.

[1] См. №№ 137, 141, 150, 151. Л.П. Берия распорядился отправить интернированных, сосредоточенных в Козельском и Юхновском лагерях, в Мурманскую область на строительство аэродрома «Поной», не привлекая к решению их судьбы Особое совещание. 28 марта П.К. Сопруненко уже писал зам. наркому внутренних дел СССР С.Н. Круглову: «В связи с предстоящей отправкой интернированных из Козельского и Юхновского лагерей на строительство прошу Вашего разрешения командировать пом[ощника] начальника IV отдела Управления тов. Кальмановича в Козельский и Юхновский лагеря, а врача Соколова Ф.В. — в Козельский для организации медицинского отбора контингента, отправки мед[ицинского] оборудования и обслуживания эшелонов в пути следования» (РГВА. Ф. 1/п. Оп. 5а. Д. 2. Л. 136). Рапорт Г.Ю. Кальмановича см. № 148.

№ 143

1941 г. апреля 6, село Богданки, Заблудовского района, Белостокской области. — Заявление Брониславы Шолленберг наркому иностранных дел СССР В.М.Молотову относительно судьбы ее мужа Артура Шолленберга, ранее содержавшегося в Козельском лагере

Гражданину Комиссару Иностранных Дел СССР
Молотову[1]

[от] Гражданки БССР Белостокской области,
Заблудовского райкома[a)], Дорожковского с[ель]совета,
деревни Богданки, почта Заблудово,
Шолленберг Бронислявы Андреевны

Заявление

Мой муж Шолленберг, Артур Иванович, служил учителем в Народной школе, в местечке Старосельцах, в 4 километрах от областного города Белостока и был мобилизован в Польскую армию в 1939 году, в августе месяце. Взят был в плен в СССР и уже мне писал из Смоленской области, города Козельска. Последнее письмо мне муж написал в марте месяце 1940 года и до сих пор я не имею от него ни одного письма. Обеспокоенная о судьбе мужа, не зная, что с ним? Я покорнейше прошу Вас, Гражданин Комиссар Иностранных Дел, сделать распоряжение о сообщении мне о моем муже каких-либо сведений, по вышеуказанному адресу. При сем прилагаю почтовых марок на 60 копеек для ответа.

Schollenbergerowa Bronislawa

6 апреля 1941 года
Деревня Богданки

В верхней части 1-го листа штампы «НКИД» и «23 апреля 1941 г.»

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 6в. Д.2. Лл. 267—267 об. Подлинник. Рукопись.

[1] См. №№ 111, 114, 134, 144. Письмо Бронислявы Шолленберг было переслано в УПВИ консульским отделом НКИД 30 апреля 1941 г. На сопроводительном письме пометы, сделанные в УПВИ: «Тов. Полухину. П. Сопруненко», «1-й спецотдел» и «Доложено. Не отвечать. Полухин» (РГВА. Ф. 1/п. Оп. 6в. Д. 16. Л. 84).
Заявления родных и близких расстрелянных поступали и непосредственно в НКВД. Так, Янина Ядчик, сосланная в Казахстан, просила сообщить ей, где находится ее муж Владислав Иванович Ядчик, взятый в плен в Западной Белоруссии 17 сентября 1939 г. Юзефа Казлесинская разыскивала своего сына Павла Альфонсовича Казлесинского, фармацевта, содержавшегося в Козельском лагере и являвшегося ее единственным кормильцем. Зубного врача Альфреда Биненштока, военнопленного из Старобельского лагеря, разыскивала его теща 80-летняя Хава Абрамович, находившаяся на его иждивении (РГВА. Ф.1/п. Оп. 6в. Д. 11. Лл. 2, 121, 213).

[a)] Так в тексте. Правильно: района.

№ 144

1941 г. апреля 14, поселок Большая Буконь, Кокпектыньского района Семипалатинской области. — Письмо Марии Бэм начальнику Старобельского лагеря с просьбой переслать ее записку мужу Эдварду Бэму[1]

Б.Буконь, 17/IV 1941

Коменданту Лагеря.

Прошу ответит мне не находится ли в Лагере муж мой Бэм Эдвард Эдвардович ур. 1907 г. в гор. Львове. Он был раньше в Лагере Военнопленных [a)]в Старобельске, Ворошиловградской[a)] обл. но с марта 1940 г. я не получаю от него никаких писем. Если он действительно находится в лагере, будьте настолько любезны отдать ему — если это возможно, записку, которую я посылаю в месте с письмом. Я посылаю открытое письмо для ответа.

С приветом

Бэм Мария

Адрес: Каз. С.С.Р.
Семипалатинская обл.
Кокпектыньский р-он
[a)]Большая Буконь[a)]
Бэм Мария Йосыповна

[Приложение]

Бэму Эдварду Эдвардовичу
Б.Буконь, 17/IV 1941

Всьо Моё!

Мы проживаем уже год в Казахстане, в Большой Буконе! Мы все здоровы и спокойны. Мать и отец здоровы проживают вместе с нами. Ядвига, Барбара и я работаем на ферме и довольны здешнимы условями.

Мы думаем про Тебя очень часто Мы Теба искалы, но до сих пор не моглы найты. Я надеюсь, что эта записка будеть Тебе вручена, по этому я хочу Тебе сказать, что всегда люблю Тебя, верю в Тебя и ожидаю Тебя.

Ни пространство, ни време, ни никакая судьба никагда не уничтожать моего чуства, которое имею для Тебя.

Жэна Твоя Мария.

[a-a)] Подчеркнуто от руки.

Штамп входящей регистрации Секретариата НКВД СССР: «9 марта 1941 г.»

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 6в. Д. 16. Лл. 114—115. Подлинник. Рукопись.

[1] См. № 111, 114, 134, 143. Анна Петровна Лопушко разыскивала своего мужа Лопушко, обратившись в связи с этим в Верховный совет Литовской ССР. Руководство УПВИ, как всегда, ответило, что у них нет сведений об этом человеке, хотя на справке значилось «1-й спецотдел». К И.В. Сталину обратились 29 жителей г. Вильнюса, чьи близкие были в польской армии и пропали без вести. «Большая часть пропавших мужей и детей наших являются рабочими и детьми рабочих, которые своей работой содержали семьи. Теперь наше положение отчаянно, ибо мы остались без средств к существованию и кроме того наши сердца разрываются на мысль, что может наших дорогих близких уже вообще нет в живых», — говорилось в их прошении (РГВА. Ф.1/п. Оп. 6е. Д. 13. Лл. 270—271, 385—386).

№ 145

1941 г. апреля 22, Москва. — Сопроводительное письмо П.К. Сопруненко В.Н. Меркулову о направлении ему писем Е. Волковицкого В.М. Молотову и послу Югославии в СССР с приложением писем

№ 25/3783 Сов. секретно

Народному комиссару государственной безопасности Союза ССР
тов. Меркулову В.Н.

Направляю два письма военнопленного — генерала Волковицкого.[1]

Начальник Управления НКВД СССР
по делам о военнопленных и интернированных
капитан государственной безопасности
Сопруненко

[Приложение 1]
Копия
Грязовец, 10/IV—1941 г.

В Королевское посольство, Королевства
Югославии в Москве

Честь имею довести до сведения Вашего превосходительства, что я обратился к правительству СССР с просьбой разрешить организацию выезда в

Югославию волонтеров, выбранных среди военных армии польской, находящихся в плену в лагере для военнопленных в Грязовце в СССР.

Имею честь просить Ваше превосходительство поддержать эту просьбу перед Правителством СССР.

В то же время имею честь просить В[аше] П[ревосходительство] принять уверения, что всем сердцем желаем принести помощь братскую героическому народу Югославии в защите его страны, уверения, тем более искренние, что они происходят от офицера, который уже в 1914—1915 г. имел честь сражаться рядом с армией и на земле югославянской против австрийцев.

Ежи Волковицкий, генерал бригады П.А.
кавалер ордена «Кара Барбека Звезда», 4-ой ст[епени] с мечами.

Верно: Секретарь Управления НКВД СССР
по делам военнопленных
Башлыков

[Приложение 2]
Копия
Грязовец 10/IV—1941 г.

Господин В.М.Молотов, Председатель Совета
народных Комиссаров и Народный Комиссар Иностранных Дел СССР

1) через отдел по делам военнопленных Нар[одного] Ком[иссариата] Внутр[енней] Безопасности
2) через команду Грязовецкого лагеря военнопленных

В связи с заключенным в последнее время договором о дружбе и ненападении между СССР и Югославией[2], прошу разрешения сорганизовать выезд в Югославию тех военных поляков, находящихся в плену в Грязовецком лагере, которые пожелали бы вступить волонтерами в ряды югославской армии.

Германия и Италия напали на Югославию, когда та не только не подавала к тому никаких поводов, но наоборот сделала все, что лежало в ея возможности, чтобы удержать мир в этой части Европы.

В настоящее время Югославия находится в весьма тяжелом положении, требующем всяческой помощи со стороны людей, обладающих чувством справедливости.

Мы, поляки, как славяне, ближайшие по крови братья югославян, прежде всего обязаны прийти им на помощь и помочь им в защите отечества, что одновременно будет защитой культуры человечества перед германским насилием, которое сегодня угрожает уже целому миру без исключения.

При взятии нас в плен Польша не вела войны с СССР. Настоящая война может продлиться еще много лет. Поэтому считаю, что задержание в течение этого времени польских военных в плену будет для них чрезвычайно обидно как для них самих, так и для их семейств, так как настолько понизит их физические и умственные качества, что сделает их во многих случаях только ненужным и тяжелым бременем. Десятки тысяч людей (военнопленных и их родных) будут иметь справедливые претензии к СССР, что не будет хорошей пропагандой для СССР, как государства вообще и, в особенности, среди польского народа. Наконец, для многих польских военных, взятых в плен во Львове, существует преимущество, исходящее из договора о капитуляции, заключенного между Маршалом СССР Тимошенко и польским Генералом Лянгнером[3].

Я глубоко убежден, что мое обращение и предлагаемая развязка вопроса польских военнопленных могут быть решены положительно именно в настоящее время, когда СССР выразил свои взгляды в прекрасном по содержанию договоре о дружбе с Югославией. В случае положительного решения подробности исполнения могли бы быть установлены между представителем СССР, югославского посольства и мною. Это решение можно было бы распространить и на другие лагери военнопленных.

В случае затруднений в непосредственной передаче нас Югославии, это, вероятно, можно было бы сделать при помощи нейтральной Турции.

Ежи Тадеушевич Волковицки
генерал бригады П[ольской] А[рмии]

Верно: Секретарь Управления НКВД СССР по делам военнопленных
Башлыков

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 5а. Д. 2. Л. 174. Отпуск (л. 174) и зав. копии (л. 175—177).

[1] См. №№ 118, 122, 124, 163. Письма генерала Е. Волковицкого были пересланы из Грязовецкого лагеря в УПВИ 15 апреля. Видимо, в посольство Югославии его заявление не попало, поскольку ответа на него не последовало. Не было реакции и со стороны В.М. Молотова.

[2] Договор о дружбе и ненападении между Югославией и СССР был подписан 5 апреля 1941 г. 6 апреля немецкие и итальянские войска напали на Югославию, оккупировав ее территорию к 17 апреля.

[3] См. «Катынь»... С. 411. Имеется ввиду подписанный командующим округа «Львов» генералом бригады Владиславом Лянгнером (1896—1972) и уполномоченными офицерами командующего Украинским фронтом С.К. Тимошенко акта о капитуляции Львова, предусматривавшего личную свободу для всех капитулировавших военнослужащих львовского гарнизона.

№ 146

1941 г. апреля 22, Москва. — Докладная записка П.К. Сопруненко В.В. Чернышову об условиях содержания военнопленных в СЖДЛ

№ 25/378 Сов. секретно

Заместителю народного комиссара внутренних
дел Союза ССР
Тов. Чернышову[1]

На строительстве Северо-Печорской ж.д. магистрали, в Севжелдорлаге НКВД с июля 1940 г. находятся на работах 7 772 человека военнопленных рядового и младшего начсостава быв. польской армии, жителей территории СССР — 3 970 человек и жителей территории, отошедшей к Германии — 3 802 человек.

Содержание военнопленных в Севжелдорлаге в отношении режима, быта, питания и трудового использования неудовлетворительно и не отвечает элементарным требованиям.

1) Военнопленные не изолированы от заключенных. Имеются случаи избиения военнопленных заключенными, массовое обворовывание, угрозы, обсчеты и отрицательные влияния со стороны к[онтр]р[еволюционных] з[а]к[люченных].

2) Низовая лагерная администрация, хозяйственный и финансовый персонал, ведающий военнопленными, в значительной части состоит из з[а]к[люченных], в том числе из осужденных за к.р. преступления.

3) Вследствие того, что строительство кратковременное, военнопленные находятся в плохих жилищно-бытовых условиях.

4) Питание неполноценное. Имеются массовые заболевания цынгой (в 7-м отделении болеют цингой 100%) и пеллагрой, в результате большая смертность среди военнопленных.[2]

Учитывая вышеизложенное и нецелесообразность содержания военнопленных во временных лагерях на Севере, считаю необходимым перевести их из Севжелдорлага в один из стабильных лагерей.

Прошу Ваших указания.

Начальник Управления НКВД СССР по делам
о военнопленных и интернированных
капитан государственной безопасности
(Сопруненко)

Помета в нижней части последнего листа чернилами: «Подлинник с резолюцией зам. наркома т. Чернышова направлен Френкелю 28/IV—41 г. Текст резолюции: «Тов. Френкель. Доложите В[аши] предложения. 26.4.41 г. Подпись»

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 5а. Д. 2. Лл. 180—181. Отпуск.

[1] См. № 105. Из 7754 человек, числившихся в СЖДЛ на 1 мая 1941 г., 6015 являлись рядовыми польской армии, 1265 — младшими командирами, 89 — полицейскими. К тяжелому труду оставались годными лишь 1615 человек, к работам средней тяжести — 3310 чел., к легким работам — 1856 человек, остальные полностью потеряли трудоспособность (РГВА. Ф.1/п. Оп. 01е. Д. 4. Л. 209). Военнопленные оставались в лагере вплоть до нападения гитлеровской Германии на СССР, после чего их эвакуировали. В начале сентября 1941 г. военнопленные были переданы на формирование Армии Андерса.

[2] См. № 135. С июня 1940 г. по конец апреля 1941 г. в СЖДЛ умерло 179 военнопленных, 8 человек были освобождены, НКВД СССР переданы двое, 51 человек осужден, 36 чел. бежало, из них 34 были задержаны (Там же. Л. 209—210).

№ 147

1941 г. апреля 24, Москва. — «Инструкция НКВД СССР и НКГБ СССР о порядке ссылки в отдаленные северные районы Союза ССР членов семей лиц, находящихся на нелегальном положении и осужденных участников контрреволюционных организаций украинских, белорусских и польских националистов»

Сов. секретно

Инструкция
Народного комиссариата внутренних дел СССР и
Народного комиссариата государственной безопасности СССР

О порядке ссылки в отдаленные северные районы Союза ССР членов семей лиц, находящихся на нелегальном положении и осужденных участников контрреволюционных организаций украинских, белорусских и польских националистов

1. Ссылке в отдаленные северные районы СССР на срок от 5 до 8 лет подлежат все совершеннолетние члены семей лиц, находящихся на нелегальном положении и скрывающихся от органов власти и расстрелянных участников контрреволюционных организаций украинских, белорусских и польских националистов, совместно с ними проживавшие или находившиеся на их иждивении.

2. Направление в ссылку членов семей лиц, указанных выше категорий, производится по решению Особого совещания при НКВД СССР.

Решение Особого совещания выносится на основании материалов расследования, произведенного органами государственной безопасности.

3. Расследованием должно быть установлено:

а) факт принадлежности к контрреволюционной организации и нахождения на нелегальном положении главы семьи;

б) состав членов семьи лиц, находящихся на нелегальном положении или осужденных за контрреволюционную работу, которые к моменту совершения ими преступления проживали вместе с ними или находились на их иждивении.

4. Материалы расследования, произведенного местными органами НКГБ, представляются на рассмотрение Особого совещания при НКВД СССР наркоматами госбезопасности УССР и БССР через 2-й отдел НКГБ СССР.

5. Выполнение решений Особого совещания при НКВД СССР проводится первыми спецотделами НКВД — УНКВД. Для этого выделяется группа оперативных работников, которые совместно с представителями местных органов власти (Исполкома) объявляют членам семьи решение Особого совещания, предлагают собрать вещи, которые им разрешается взять с собой в соответствии со статьей 6-й настоящей Инструкции, производят опись имущества, подлежащего конфискации, передают это имущество по акту представителю местных органов власти и под конвоем направляют всех членов семьи, подлежащих ссылке, вместе с вещами на ближайшую железнодорожную станцию для погрузки в вагон.

Примечание: 1. Несовершеннолетние члены семьи следуют вместе со своими родными.

2. Перед проведением операции по выселению семьи соответствующие органы НКВД подготавливают конвой, средства транспорта, определяют железнодорожную станцию погрузки и обеспечивают подачу вагона для заключенных или должным образом оборудованной теплушки.

3. В отдельных случаях (отдаленность железнодорожной станции погрузки, задержка с подачей вагона и т.д.) ссылаемые семьи могут на несколько дней быть помещены в ближайшее место заключения (тюрьма, ИТК, ДПЗ и т.д.). В этих случаях ссылаемые семьи размещаются изолированно от других арестованных в специально выделенном помещении (камерах). Администрация тюрем принимает меры, обеспечивающие сохранность имущества, доставленного вместе со ссылаемыми.

6. Ссылаемым разрешается брать с собой:

а) одежду, белье, обувь, постельные принадлежности;

б) посуду столовую, чайную, кухонную (ложки, ножи, вилки, ведра и т.п.);

в) мелкий хозяйственный инвентарь, бытовой инструмент и орудия мелкого кустарного или ремесленного производства (топор, пила, лопата, коса, грабли, вилы, молоток, швейная машина и т.п.);

г) продовольствие из расчета месячного запаса на семью;

д) деньги без ограничения суммы и бытовые ценности (кольца, часы, серьги, браслеты, портсигары и т.п.);

е) сундук или ящик для упаковки вещей.

Общий вес указанных вещей не должен превышать 500 кг на семью.

7. Конфискации подлежат все принадлежащие ссылаемым постройки, сельскохозяйственный инвентарь (за исключением разрешенного к вывозу мелкого сельскохозяйственного инвентаря) и домашний скот.

Имущество, подлежащее конфискации, по описи передается представителям местных органов власти.

Вопрос о дальнейшем использовании конфискуемого имущества сосланных решается Совнаркомом соответствующей союзной республики или краевым областным исполкомом — по территориальности.

8. Предметы обихода, не подлежащие конфискации и не могущие быть взятыми с собой ссылаемыми, как превышающие норму в 500 кг, могут быть переданы на месте для дальнейшей реализации по указанию их владельцев лицам, по усмотрению ссылаемых.

9. Порядок конвоирования ссылаемых в пути следования до железнодорожной станции назначения определяется уставом конвойной службы.

10. По прибытии на железнодорожную станцию назначения конвой сдает ссылаемых местным органам НКВД, которые организуют дальнейшую отправку их до места ссылки под конвоем.[а)]

Первый спецотдел НКВД СССР заблаговременно извещает соответствующий орган НКВД и НКГБ по месту ссылки членов семьи о решении Особого совещания при НКВД СССР.

11. В местах ссылки осужденные члены семьи проживают под гласным надзором органов НКВД.

Народный комиссар
государственной безопасности СССР
В. Меркулов

ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 1. Лл. 284—288. Подлинник.

[1] Этот документ в главном повторял инструкцию НКВД СССР по проведению депортаций польских осадников от 29 декабря 1939 г. и инструкцию о выселении членов семей подлежавших расстрелу офицеров, полицейских и заключенных тюрем от 10 апреля 1940 г. (см. № 36). 14 мая 1941 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняло постановление № 1299-526 сс об аресте и ссылке на поселение на 20 лет семей членов контрреволюционных украинских, белорусских и польских организаций. Выселение было осуществлено в мае (Западная Украина) и июне (Западная Белоруссия) 1941 г.

[а)] Далее зачеркнуто «милиции».

№ 148

1941 г. мая 6, Москва. — Рапорт помощника начальника 4-го отдела УПВИ Г.Ю. Кальмановича П.К. Сопруненко о медицинском освидетельствовании интернированных в Козельском и Юхновском лагерях

Сов. секретно

Начальнику Управления НКВД СССР
по делам о военнопленных и интернированных
капитану госбезопасности
тов. Сопруненко[1]

Рапорт

Во исполнение Вашего командировочного предписания № 25/2983 от 1 апреля с.г., мною было произведено медицинское освидетельствование интернированных, содержащихся в Козельском и Юхновском лагерях НКВД.

Медосвидетельствование производилось в двух вариантах трудового использования интернированных: в условиях Севера и в условиях работы в центральной полосе и дало следующие результаты:

Юхновский лагерь

Негодных для отправки на Кр[айний] Север по состоянию здоровья	Негодных для центральной полосы	Годных к тяж[елому] физич[ескому] труду	Годных к физ[ическому] труду среди[ей] тяжести	Годных к легкому труду	Несовершеннолетних до 18 л[ет]	Невыясненные (больные в лазарете, нуждающиеся в дообследовании)	Не проходили медкомиссии	Всего
108	26	а)2137а)	а)390а)	а)78а)	2	33	8	2674
В %% 4%	1%	79,9%	16,8%	2,9%	0,07%	1,2%	0,29%	

108 чел., признанных негодными для работы в условиях Кр[айнего] Севера, по характеру заболевания распределяются:

1) Общие заболевания	—	31	чел.
2) Туберкулез легких и лимф[атических] желез	—	43	„
3) Заболевания сердца	—	23	„
4) Заболевания центр[альной] перв[ной] системы	—	6	„
5) Заболевания желез внутр[енней] секреции	—	2	„

а-а) Подчеркнуто от руки карандашом.

6) Хирургич[еские] заболевания	—	3	"
		108	чел.

Негодные по состоянию здоровья для работы в центральной полосе по характеру заболевания распределяются:

1) Туберкулез легких и лимф[атических] желез	—	15	чел.
2) Общие заболевания	—	8	"
3) Сердечные	—	1	"
4) Псих[ические]заболевания	—	1	"
5) Заболевания центр[альной] нерв[ной] системы	—	1	"
		26	чел.

II. Козельский лагерь
А. Рядовой состав

Негодные для отправки на Кр[айний] Север	Негодные для Центральной полосы	Годные к тяж[елому] физич[ескому] труду	Годные к физ[ическому] труду средн[ей] тяжести	Годные к легкому труду	Невыясненные (в лазарете и нуждающиеся в дообследовании	Несовершеннолетние (до 18 лет)	Всего
62	16	[a)]1133[a)]	[a)]316[a)]	79	16	2	1562
В %% 4%	1%	72,5%	20,2%	5%	1%	0,12%	

Признанные негодными 62 чел. для отправки на Кр[айний] Север по характеру заболевания распределяются:

1) Туберкулез легких и лимф[атических] желез	19	чел.	
2) Заболевания сердца	17	"	
3) Общие заболевания	16	"	
4) Заболевания костно-мышечной системы	4	"	
5) Органические заболевания центр[альной] первной системы	2	"	(Люэс)
6) Заболевания органов дыхания	2	"	
7) Новообразования	2	"	
	62	чел.	

Признанные негодными 16 чел. для центральной полосы по характеру заболевания распределяются:

[a-a)] Подчеркнуто от руки карандашом.

1) Туберкулез легких	10	чел.
2) Заболев[ания] центр[альной] нервной сист[емы]	2	"
3) Новообразование	1	"
4) Бронхоэктаз	1	"
5) Заболевание сердца	1	"
6) Хирургич[еские] заболевания	1	"
	16	чел.

Мною был подвергнут также медосмотру офицерский состав, содержащийся в Козельском лагере НКВД, который дал следующие результаты:

Негодные для Крайнего Севера	Негодные для Центральной полосы	Годные к тяж[слому] физич[ескому] труду	Годные к физ[ическому] труду средн[ей] тяжести	Годные к легкому труду	Невыясненные (больные в лазарете)	Не разбиты по категориям трудоспособности из числа высш[его] офиц[ерского] состава	Всего
25	3	637	153	42	5	77	917

25 человек, признанных негодными для отправки на Кр[айний] Север, по характеру заболевания распределяются:

1) Заболевания сердца	7	чел.
2) Язва желудка и 12-типерстной кишки	4	"
3) Возрастные изменения	3	"
4) Общие заболевания	4	"
5) Туберкулез легких	4	"
6) Заболевания центр[альной] нерв[ной] системы	3	"
	25	чел.

Для центральной полосы непригодны 3 человека со следующими заболеваниями:

1) туберкулез легких	1	чел.
2) общие заболевания	1	"
3) заболев[ания] центр[альной] нерв[ной] системы	1	"
	3	чел.

Разбивка по категориям трудоспособности производилась только по данным состояния здоровья каждого интернированного без учета его производственных навыков и профессии.

В Козельском лагере из-за недостаточного наличия прививочного материала в моем присутствии была проведена первая прививка против брюшного тифа и паратифов только рядовому составу. Вторая прививка (и последняя) должна была быть произведена 17 апреля (на эту группу интернированных прививочный материал имелся).

Было привито по первому уколу	1526 чел.
Освобождено от прививок по медиц[инским] показаниям	36 чел.

Итого: 1562 человека

Одновременно мною было произведено санитарное обследование обоих лагерей, о результатах которого Вам было мною доложено.

В Юхновском лагере по результатам санитарного обследования было проведено совещание у начальника лагеря, майора тов. Кадышева, совместно с его помощником тов. Ферадовичем и начальником сан[итарного] о[тделения] тов. Головенко.

Помощник начальника 4-го отдела Управления НКВД СССР
по делам о военнопленных и интернированных
Кальманович

Резолюция по тексту 1-го листа: «Тов. Воробьеву. П. Сопру[ненко] 6.5.41.»

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 6е. Д. 2. Лл. 203–207. Подлинник.

[1] См. № 142, 150. Медицинское освидетельствование интерриированных проводилось в связи с предстоявшей им отправкой в лагерь «Поной».

№ 149

1941 г. мая 10, Грязовец. — Заявление военнопленного П. Стурлиса Л.П. Берии о тяжелом положении его семьи, депортированной в Казахстан

Народному Комиссару Внутренних Дел в Москве
[от] Стурлиса Петра Казимировича —
Грязовецкий лагерь НКВД военнопленных[1]

Заявление

В апреле 1940 года семью мою, состоящую из старыков родителей Казимира Павловича и Адели Ивановны Стурлисов, сестры Виктории Казимировны Стурлис, жены Марии Ивановны Стурлис и ребенка — сына моего 2-х летнего Януша Стурлиса, вывезено из села Волэйковичи, Сморгонского района,

Вилейской области в колхоз Жолдубай, Булакского МТС Кокчетауского района Северо-Казахтанской области.

Из писем семьи моей из Казахстана я узнал, что они живут там в очень тяжелых условиях.

За проработание в колхозе: весну, лето и осень 1940 г. они до сих пор от своего колхоза никакой зарплаты не получили, живя все это время с распродажи последней одежды, а с осени 1940 года до сегодняшнего дня они никакой работы не получили и теперь вся семья находится в так[их] тяжелых условиях, что двухлетний ребенок, который ведь наверное ни в чем не виноват, не может получить самого необходимого, например, даже кружки молока.

Переселение наступило по-видимому исключительно из-за того, что я нахожусь в лагере военнопленных, ибо отец мой был бедным крестьянином, имел всего 2,5 га земли, безлошадный, всю свою жизнь тяжело на этом куске земли работал, никого никогда не эксплуатировал, а наоборот сам был всю свою жизнь эксплуатирован.

Из последних писем жены я узнаю, что она в месте с сестрой моей, как специалист по портновской части, просили у районного отделения НКВД в Кокчетау разрешения переехать в город Кокчетау для поступления на работу в Кокчетаускую портновскую артель — но Районное отделение НКВД по неизвестным причинам отказало им.

Семья моя, продав уже все, даже самые необходимые вещи и не получая работы и средства к жизни только до июля месяца сего года, находится под угрозой голодной смерти.

В виду всего упомянутого и зная отношение Правительства к людям доброй воли, желающим честно работать, а также основываясь на Сталинской Конституции, гарантирующую каждому право на работу, позволю себе обратиться к Народному Комиссару Внутренних Дел с горячей просьбой разрешить: 1) моей семье переселиться в Кокчетау и 2) жене и сестре моей поступить в портновскую артель работать по специальности, не давая таким образом погибать ни в чем неповинным людям.

Считаю нужным заметить, что через Инспекцию Грязовецкого лагеря я уже выслал: 1) 24—II—1941 года заявление к Районному Прокурору Кокчетауского района, Северо-Казахстанской области в городе Кокчетау с просьбой расследовать, по каким причинам семья моя не получила следуемой ей зарплаты от колхоза Жолдубай и 2) 14—III — 1941 года заявление в Народный Комиссариат Внутренних Дел в Москве с просьбой оказать помощь моей семье.

К последнему были приложены удостоверения о моем поведении, о социальном происхождении и условиях, в которых я получил свое образование учителя.

На эти заявления я до сих пор ответа не получил, причем семье до сих пор упомянутой зарплаты не уплочено и никакой помощи не оказано.

Грязовец, 10 мая 1941 года П. Стурлис

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 2в. Д. 6. Лл. 32—34. Подлинник. Рукопись.

[1] 5 марта 1941 г. П.К. Сопруненко обратился к начальнику УНКВД по Северо-Казахстанской области капитану госбезопасности И.И. Глине с просьбой проверить заявления Петра Стурлиса и принять меры к выплате его жене заработанных в колхозе денег, а также помочь ей найти работу (РГВА, Ф. 1/п. Оп. 2в. Д. 6. Л. 9). В августе 1941 г. П. Стурлис подал заявление о предоставлении ему советского гражданства и отказался служить в Польской армии.
О том, что положение семьи П. Стурлиса было типичным для большинства спецпереселенцев, свидетельствуют докладные записки начальников областных районных УНКВД Каз. ССР (см.: Из истории поляков в Казахстане (1936—1956 гг.) Алматы, 2000. С. 100—116).

№ 150

1941 г. мая 15, Москва. — Приказ НКВД СССР № 00586сс «Об организации временного лагеря НКВД для военнопленных на пункте «Поной» в Мурманской области»

Сов. секретно

Приказ
народного комиссара внутренних дел Союза ССР
за 1941 г.[1]

№ 00586

Содержание:
Об организации временного лагеря НКВД для военнопленных на пункте «Поной» Мурманской области

[a)]15/16[a)] мая 1941 г. г. Москва

В соответствии с приказом НКВД СССР № 00358 от 8/IV—1941 г.
приказываю:

1. Организовать для строительства аэродрома на пункте «Поной» Мурманской области временный лагерь НКВД для военнопленных.

2. Назначить начальником лагеря «Поной» майора тов. Кадышева, заместителем начальника лагеря по политической части лейтенанта госбезопасности тов. Юдина и помощником начальника лагеря лейтенанта госбезопасности тов. Гречанинова, освободив их от занимаемых ныне должностей.

[a-a)] Так в документе. Первая дата — время подписания документа Кругловым, вторая — регистрации в Секретариате НКВД.

3. Утвердить для этого лагеря прилагаемый штат[6)] в количестве 74 единицы, за счет сокращения аппарата Юхновского и Козельского лагерей.

Сокращение аппарата в Юхновском и Козельском лагерях произвести к 5 июня 1941 г.

Заместитель народного комиссара внутренних
дел Союза ССР
комиссар государственной безопасности III ранга
Круглов

ГАРФ. Ф. 9401. Оп.1 Д. 597. Лл. 229—230. Подлинник.
Военнопленные в СССР 1939—1956. С. 541—542.

[1] См. №№ 142, 148, 160, 162. К приказу было приложено штатное расписание нового лагеря. Как и в других лагерях для военнопленных, в нем имелись начальник лагеря, его замполит, помощник, 3 дежурных коменданта, канцелярия, особое, политическое, учетно-регистрационное, финансовое, хозяйственное и санитарное отделения, а также команды внутренней и пожарной охраны — всего 74 сотрудника НКВД (ГАРФ. Ф. 9401. Оп.1. Д. 597. Лл. 232—234).

№ 151

1941 г. мая 22, Москва. — Справка Н.А. Воробьева о местонахождении польских военнопленных и интернированных и их трудоиспользовании

Справка
о местонахождении военнопленных и интернированных
и их трудоиспользовании[1]

Старобельский лагерь — 5204 чел. — перебежчики, находящиеся под следствием.

Львовский лагерь	14163 чел. военнопленных, все заняты на строительстве аэродромов и дороги.[2]
Севжелдорлаг	7754 чел. военнопленных, все заняты на строительстве ж[елезной] д[ороги] Котлас-Воркута.
Юхновский лагерь	2702 чел. интернированных поляков, все, за исключением 200-300 чел. неспособных к физическому труду, до 15 июня с.г. будут отправлены на стр[оительст]во аэродрома в Поной (Кольский полуостров).
Козельский лагерь а)	2477 чел. интернированных поляков.1500 чел. должны до 15 июня с.г. быть отправлены на строительство аэродрома в Поной (из них 1000 чел. 16 мая с.г. уже отправлены).

[6)] Приложение не публикуется. См. это же дело. Л. 232—234.

977 чел. — офицерский состав (от подпоручиков до полковников вкл[ючительно]) — остаются в лагере до решения о них вопроса.

б) 155 чел. интернированных военнослужащих французской и английской армий, бежавших из германского плена и задержанных на границе, содержатся изолированно от интернированных поляков. Продолжают поступать.[3]

Грязовецкий лагерь — 364 чел. военнопленных — офицерский состав, — содержатся в закрытом лагере до решения о их дальнейшем направлении.

Суздальский лагерь — 161 чел., оставшиеся от чехословацкого легиона, выдворенного за границу. Выдворение продолжается — очередная партия в 20 чел. будет отправлена 28 мая с.г.

Путивльский лагерь — 21 чел. военнопленные и интернированные, изолированные по указанию наркома государственной безопасности тов. Меркулова.

Всего: 27 797 чел.

Нач[альник] 2-го отд[ела] управления НКВД СССР
по делам о военнопленных и интернированных
Старший политрук
(Воробьев)

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 01е. Д. 4. Л. 206. Копия.

[1] См. № 137. 21 мая в УПВИ поступила телефонограмма: «Звонил полковник Мирошниченко. Сообщил: зам. наркома просит предоставить справку, где находятся интернированные и как их предполагается использовать» (РГВА. Ф. 1/п. Оп. 01е. Д. 4. Л. 205).

[2] 11 апреля П.К. Сопруненко, констатировав в письме к И.И. Федюкову, что на Строительстве НКВД СССР № 1 сосредоточено много военнопленных, немцев по национальности, указал: «Учитывая, что военнопленные Львовского лагеря подлежат переброске на строительство аэродромов, куда немцев посылать нецелесообразно, необходимо всех военнопленных, лиц немецкой национальности, взять на отдельный учет и сконцентрировать их на участке старой трассы. При отправке военнопленных на строительство аэродромов следует тщательно проверять, чтобы туда не были пропущены немцы» (РГВА. Ф. 1/п. Оп. 6е. Д.5. Л. 255).

[3] Интернированные французы, англичане и бельгийцы содержались в «Скиту» (Козельский лагерь). Все они бежали из германского плена и перешли на территорию СССР, где и были арестованы. Они содержались в тюрьмах Каунаса,

Минска, Белостока, в московских Бутырках, где подвергались изнурительным допросам. После окончания следствия, начиная с февраля 1941 г., беглецов перевели в Козельский лагерь. В середине апреля там уже находились 92 француза, 11 англичан и 1 бельгиец. В марте, не получив возможность связаться со своими посольствами в Москве, с тем чтобы затем выехать в Северную Африку и присоединиться к де Голлю, они объявили голодовку. Старшим среди них был капитан Пьер Бийотт (1906—1992), ставший в 1942 г. начальником штаба у генерала де Голля. В период освобождения Франции командовал бригадой, в 1946—1950 гг. являлся военным представителем своей страны в ООН, в 1955—1960 г. был министром обороны Франции, в 1966—68 — министром заморских территорий. См. подробнее: Н.С. Лебедева. Французские военные в лагерях НКВД, 1940—1941 гг. По материалам ранее закрытых советских архивов // Россия и Франция. XVIII — XX века. М., 1995. С. 277—299.

№ 152

1941 г. июня 3, поселок Теткино, Путивльской области. — Записка военнопленного М. Моравского «Международная обстановка и будущее Польши», направленная П.К. Сопруненко Л.П. Берии

№ 25/5326 Сов. секретно

Народному комиссару внутренних
дел Союза ССР
генеральному комиссару государственной безопасности
товарищуБерия Л.П.[1]

По просьбе военнопленного подполковника генштаба быв. польской армии Маравского[a)], содержащегося в Путивльском лагере, направляю его статью «Международная обстановка и будущее Польши».

Начальник Управления НКВД СССР по делам
о военнопленных и интернированных
капитан государственной безопасности
(П. Сопруненко)

[Приложение № 1]
Копия

Маравский Марьян Владиславович
Военнопленный подполковник ген[ерального] шт[аба]
26 мая 1941 г.

[a)] Так в тексте. Правильно: Моравского.

Начальнику Путивльского лагеря
военнопленных НКВД

Прилагая при сем мою статью «Современная международная обстановка и будущее Польши», прошу направить ее гражданину народному комиссару внутренних дел СССР, как приложение к письму моему от 19 октября 1940 г.[2]

Маравский[3], подполковник, военнопленный

Верно: Секретарь Управления НКВД СССР по делам
о военнопленных и интернированных
мл. лейтенант госбезопасности
Башлыков

[Приложение № 2]
Копия
22 мая 1941 г.

Современная международная обстановка
и будущее Польши

Возрожденная в итоге первой мировой войны Польша Пилсудского впервые в истории польской государственности привлекла широкие массы польского народа к сотрудничеству в области государственного строительства, к самостоятельной государственной и общественной деятельности. Впервые польские рабочие и крестьяне могли оказывать влияние на правительственную политику и другие отрасли государственной и общественной жизни законодательным путем, посылая своих выборных (депутатов) в польский парламент — Сейм и Сенат —, а также в городское и сельское самоуправление.

На основании Конституции от 21 марта 1921 г., польскому народу принадлежало право решения вопроса войны и мира. Однако борьба политических партий за власть и, в особенности, борьба правых элементов против Пилсудского привела к событиям 1926 г., последствием которых явилось ограничение компетенции польского Сейма и значительное увеличение роли бюрократии.

Пилсудский, пользуясь большой популярностью и авторитетом в народных массах, победил правых в мае 1926 г. и, взяв власть в свои руки, стал громить политические партии — одинаково правых, как и левых.

С тех пор постепенно увеличивалась в Польше власть правительства и президента, за счет парламента возрастала роль его местных органов администрации. Но наперед всей государственности выдвинулись дела армии и ее кадр[ов] — все должны были сознательно работать в деле подготовки национальной обороны и повиноваться ее нуждам. Поэтому министры и многие

высокие чиновники назначались из среды военных — во всех государственных дисциплинах господствовал военный мундир.

Вся власть покоилась на доверии польского народа к Пилсудскому и его преемнику маршалу Рыдз-Смиглы,[4] мозгом ее и скелетом была армия, ее кадры.

Народные массы, не отдавая себе отчета, прониклись духом повиновения, а также критически настроенные по отношению к правительству некоторые круги польского общества и партии, с течением времени, по мере того как приближались к Польше тревожные военные минуты, сочли это необходимостью для себя и своим долгом перед родиной. Повиновались и верили: в несокрушимость своей армии, в силу своих союзников, в положительный вес международных договоров. И вдруг во всех этих светилах, в сентябре 1939 г., разом разочаровались. Сказалась материальная несостоятельность армии — отсутствие самолетов, танков, зенитной артиллерии, моторизованного транспорта, средств связи и прочее.

Перед польскими народными массами обнаружилась материальная и моральная ответственность польского правительства, начальствующих лиц в армии и командного состава за боевую неподготовленность армии, а всего правительства — за несостоятельность его политики в деле подготовления обороноспособности страны.

Военными событиями 1939 г. польский народ, несомненно, глубочайше был потрясен. Он потерял доверие к авторитету власти и потому в будущей Польше он готов жесточайше бороться за свои права и не упустит вон из своих рук власти. Но, наряду с этим, испытывая на себе всю тяжесть германской военной оккупации и, в особенности, зверства германской военщины, злоупотребления и издевательства германских оккупационных властей и т.н. «культуртрегеров», он будет при первом удобном случае отчаянно бороться против оккупантов за сохранение своей национальной и государственной независимости.

Исконно традиционная историческая борьба поляков с германскими захватчиками в настоящий момент, ввиду стремления немцев осуществить свое социал-националистическое «лебенсраум»[5] за счет западных областей Польши, приобретет особенно сильный характер, как борьба за сохранение своего существования и сохранение нации.

В этой новой освободительной войне против насилия немцев польский народ ищет друзей. Его глаза устремлены на Восток — к социалистической России, где он надеется найти себе мир, сочувственное отношение и поддержку в борьбе за сохранение существования.

Он понимает, что его судьба и независимость тесно связаны с победой социализма в Европе, который является единственной силой, способной предотвратить войну будущего от польского народа и, вместе с тем, от всего человечества. Польский народ готов стать на борьбу за социализм, за мир и дружбу нации, возглавляемую трудовым классом, против всякого фашизма и национального шовинизма за социалистическую Польшу!

Это вполне сознательное и зрелое настроение польских народных масс не может быть СССР безразличным, мне кажется, оно должно встретить себе дружественный прием и подбодрение. Необходимо выяснить методы и условия возрождения будущей Польши как социалистического государства.

Это неминуемо приведет нас к уяснению политического и общественного будущего государств, смежных с Польшей, а именно: Германии, Венгрии, Чехии, Словакии, Румынии и других. Но такая постановка польского вопроса в настоящий момент, когда вся или почти вся территория Польши и некоторых других стран находится во вражеской оккупации немецкой военщины, заранее предрешает весьма сложный вопрос теперешней войны и мира.

В создавшейся военной обстановке нет никаких подлинных материальных и психологических данных для того, чтоб можно было прийти к определенному выводу относительно судеб завершения войны и ее конечных результатов.

Они по-прежнему принадлежат к области чего-то неизвестного, гипотетического. Прибегая, поневоле, к единственно существенному, в данном случае, методу гипотетической оценки возможностей войны, найдем наиболее правдоподобными следующие три положения ее исхода, а именно:

1) победительницей является Германия и она диктует условия мира Англии и другим государствам.

Это влечет за собой полное осуществление т.н. «лебенсраум» немцев за счет территориальных, политических и хозяйственных прав и состояния других наций, а также скорейшую мобилизацию всех буржуазных стран против Коминтерна. (Смотри Мейн Кампв)[a].

2) Побеждает Англия

Это влечет за собой провал социал-националистов в Германии и фашистов в Италии, распад германской державы и борьбу за власть между немецкой коммунистической партией и буржуазией; это должно повлечь за собой революцию во Франции, Италии и в других западноевропейских странах.

3) Война приобретает затяжной вид и кончится в ничью.

Это влечет за собой полное расстройство и разруху хозяйственной жизни капиталистических стран, в особенности европейских; приводит к нищете народонаселения и к беспощадному озлоблению его к виновникам войны; это влечет за собой острую борьбу рабочего класса и трудящихся всего мира — за власть, за создание новой международной жизни, способной предотвратить трагедию войны в будущем.

Итак, мы видим, что при осуществлении первой гипотетической предпосылки, до сих пор кажущейся наиболее вероятной, все преимущества на стороне немцев. Вторая и третья гипотетические предпосылки приводят к общему выводу, что затяжной характер войны или поражение Германии, социал-националистической, должно повлечь за собой ряд революций в странах За-

[a] Имеется в виду книга А. Гитлера «Майн Кампф».

падной Европы, сопряженных с борьбой рабочих и трудового общества за власть и создание новых международных отношений.

Конечно, вышесказанное быть может не исчерпывает всех возможностей, касающихся исхода нынешней войны, но любой другой ее исход будет комбинацией этих гипотетических предпосылок, и он ими совместим. Вот налицо условия, при которых поляки, чехи, словаки, а также французы и другие народы Западной Европы могут осуществить свою политическую, культурную и хозяйственную независимость. Отсюда вывод — врядли найдутся в мире народы, которые могли бы сочувствовать успехам немцев и их сопутников. И, наоборот, все, что может привести к скорейшему, возможному провалу г. Гитлера, социал-националистов и германской военщины должно пользоваться и, следует полагать, будет пользоваться большим сочувствием порабощенных народов, нейтральных стран и теперешних военных противников немцев.

На основании вышесказанного намечаются также некоторые положения, которые несомненно могут иметь вес и оказать свое влияние на развитие и дальнейший ход внешней политики СССР.

Однако, мы не в силах, например, ответить на вопрос — сумеет ли и как долго сможет СССР сохранить, при текущей военной обстановке свой нейтралитет. Не сделаем лишь ошибки, если скажем, что сохранение нейтралитета со стороны других государств, в особенности же со стороны Турции, во многом, если не всецело, зависит от СССР.

Относительно народов, которые находятся во власти немецкой военщины, можно сказать, что даже и в том случае если в конечном итоге нынешней империалистической войны Западная Европа окажется надолго под влиянием немцев и фашизма, по-прежнему, по существу своему капиталистической, поляки, чехи, словаки и другие должны будут искать своего спасения и политической независимости в организованном социалистическом движении народных масс, расчитывая на полную дружественную поддержку и всестороннюю помощь в осуществлении своих общественных и национальных целей со стороны народов и правительства СССР.

Иначе говоря, осуществление независимости этих народов мыслимо будет тогда исключительно путем революции в этих странах или путем революции в Германии. Основы, например, революционного движения польских народных масс положены не только в известной, настоящей польской действительности, характеризующейся отсутствием государственной независимости; источником их является стремление польского народа к борьбе за независимость против военного режима германской оккупации; назревшая сознательность необходимости переустройства внутреннего государственного и общественного порядка; ощущение нужды в предотвращении в будущем трагедий военных авантюр от польского государства. Очевидно, что движение это охватывает также интерес трудящихся масс других европейских стран и даже интерес рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции всего мира, которые стоят против войны. Поэтому мы не можем смотреть на будущее Польши и

других европейских стран иначе, как только через призму социалистического строительства мира.

Итак, если Польша по существу своему должна быть социалистическим, вполне независимым государством, равноправным и полноправным в семье европейских социалистических стран, то это обозначает необходимость осуществления социалистического строительства по крайней мере в Чехословакии, Венгрии, Румынии и в бывшей Австрии, что легко осуществимо в случае разгрома Германии. Ясно, что это дело, во всяком случае не обойдется без отчаянной борьбы трудящихся с буржуазией и ее соратниками — фашистами и социал-националистами этих стран.

В предстоящей борьбе, в виду военной обстановки и сравнительной слабости пролетариата некоторых из этих стран, победу за революцией обеспечить может хорошая военная организованность и подготовка действий, их своевременность и одновременность, а, главным образом, размеры и степень помощи со стороны СССР. Однако же, учитывая возможность победного для Германии исхода войны, как и ее поражения, необходимо:

1) Объединить все сознательные революционные элементы Польши, Франции, других стран и Германии на почве лозунгов общеевропейской революции, а именно:

СВОБОДА И РАВЕНСТВО ВСЕХ НАЦИЙ!
МИР БЕЗ ПОБЕЖДЕНЫХ И ПОБЕДИТЕЛЕЙ!
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ГОСУДАРСТВА В
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЕВРОПЕ!
ТОЛЬКО СОЮЗ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
ЕВРОПЫ В СИЛАХ ПОБЕДИТЬ ВОЙНУ!
и т.п.

2) Мобилизовать все средства пропаганды для революционной подготовки международных масс за осуществление лозунгов общеевропейской революции.

3) Мобилизовать военно-революционные кадры по национальностям и создать революционные войска для обеспечения победы социализма в странах Европы.

Кроме того, мне кажется, необходимым:

А. Учесть известный польский патриотизм, воплощающий собою традиционную борьбу поляков за свою государственную независимость, охватывающий в настоящее время широкие массы поляков из рабочих, крестьян и интеллигенции.

Практически это влечет за собой необходимость определения в настоящем польско-русской границы путем признания СССР полной автономии некоторых западных областей, как символическое осуществление новых — братских, польско-русских отношений и польско-русского мира. Это будет слу-

жить живым примером новых методов сотрудничества наций и будет предвестником новых международных соотношений.

Б. Создать основы международной социалистической революционной армии, организованной под именем Вольных стрелков, по национальному принципу, но объединяемой общим командированием и общим идейным руководством.

Основной организационной, тактической и учебной административной единицей Вольных стрелков считать мотомеханизированную бригаду.

В первую же очередь организовать военнореволюционные кадры из военнопленных поляков, чехов, немцев и других, которые в настоящий момент находятся в СССР.

Время не ждет. Оно все ближе подводит нас к делу — к борьбе за социализм в Европе.

Это способно двинуть польские народные массы на осуществление лозунгов социализма в Польше и будет способствовать осуществлению социализма в других странах Европы. Это двинет международные массы рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции на путь борьбы с фашизмом и национальным шовинизмом.

Маравский Марьян Владиславович

Верно: Секретарь Управления НКВД СССР по делам
о военнопленных и интернированных —
мл. лейтенант госбезопасности
Башлыков

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 5а. Д. 2. Лл. 387—399. Зав. копии.

[1] 27 мая 1941 г. начальник Путивльского лагеря Н.Н. Смирнов направил в УПВИ статью Мариана Моравского и его письмо с просьбой передать их Л.П. Берии. На письме резолюция П.К. Сопруненко: «Тов. Князева. Перепечатать для наркома тов. Берия. Копию послать тов. Круглову. П.Сопруненко. 20 мая 41 г.» (РГВА. Ф.1/п. Оп. 5а. Д. 2. Лл. 400, 402-412). Моравский был переведен в Грязовецкий лагерь вместе с 20 другими военнопленными Путивльского лагеря 22 июня. Ответил ли ему нарком, выяснить не удалось. Впоследствии М. Моравский, выехавший вместе с Армией В. Андерса в Иран, был арестован польской военной контрразведкой.

[2] Письмо М. Моравского от 19 октября 1940 г. обнаружить не удалось. В это время он находился вместе с офицерами группы З. Берлинга на Лубянке.

[3] Моравский Мариан Владиславович, 1892 г.р., подполковник Главштаба ВП, сын рабочего, поляк, член Озон, в 1920 г. принимал участие в боях против Красной Армии, в 1921—24 гг. зам. начальника Управления по созданию военных осад при военном министерстве, в 1925 г. окончил Академию Главштаба ВП, в 1938 г. уволен в отставку. В сентябре 1939 г. был призван в армию и являлся генерал-квартирмейстером оперативной группы.

[4] Рыдз-Смиглы Эдвард (1886—1941) — см. «Катынь...». С. 396.

[5] Лебенсраум — жизненное пространство, националистическая теория, оправдывавшая необходимость захвата чужих территорий для выживания германского народа.

№ 153

1941 г. июня 4, Москва. — Выписка из сов. секретного протокола (особой папки) Политбюро ЦК ВКП(б) № 33 относительно утверждения решения СНК СССР о создании стрелковой дивизии, укомплектованной лицами польской национальности

№ П33/183 Строго секретно

Из О[собой] П[апки]
Выписка из протокола № 33 заседания Политбюро ЦК ВКП(б)[1]
Т.т. Тимошенко[2], Чадаеву[3]

Решение от 4. VI. 1941 г.

183. — Вопрос НКО

Утвердить следующее постановление СНК СССР:

«1. Утвердить предлагаемое народным комиссаром обороны Союза ССР создание в составе Красной Армии одной стрелковой дивизии, укомплектованной личным составом польской национальности и знающим польский язык.[4]

2. Создание дивизии осуществить путем переукомплектования к 1 июля 1941 г. 238-й стрелковой дивизии Средне-Азиатского военного округа поляками и лицами, знающими польский язык, состоящими на службе в частях Красной Армии.

3. 238-ю стрелковую дивизию содержать в составе 10298 человек.»

Секретарь ЦК

АП РФ. Ф. 30. Оп. 50. Д. 283. Л. 141. Копия. На бланке выписок из протоколов заседаний Политбюро ЦК ВКП(б).
«Z archiwów sowieckich». Tom I. S. 74.

[1] См. № 130.

[2] Тимошенко Семен Константинович (1895—1970) см. «Катынь...». С. 400.

[3] Чадаев Яков Ярмолаевич (1904—1985) в 1940—1949 гг. управляющий делами Совнаркома (Совмина) СССР, впоследствии зам. председателя Совмина РСФСР, зам. председателя Госплана СССР.

[4] Это решение реализовано не было в связи с начавшейся войной с Германией и созданием Польской армии на территории СССР.

№ 154

1941 г. 22 июня 1941 г. — Докладная записка В.В. Чернышова Л.П. Берии о направлении 23 тысяч арестованных в лагеря ГУЛАГа[1]

Сов. секретно

Народному комиссару внутренних дел
Союза ССР
товарищу Берия Л.П.

В связи с обстановкой на западных границах СССР, считаем необходимым арестованных из Эстонии, Латвии, Литвы и Молдавской ССР, в числе 23 тысяч человек, размещаемых по старому плану в лагерях военнопленных, направить непосредственно в лагеря НКВД СССР — Усольлаг, Ивдельлаг, Краслаг, Вятлаг, Севураллаг, Устьвымлаг, этим освободить для военнопленных и интернированных лагери —

Юхновский	— на 7 000 чел.
Козельский	— на 7 000 чел.
Путивльский	— на 7 000 чел.
Старобельский	— на 10 000 чел.
Козельщанский	— на 6 000 чел.

Заместитель народного комиссара
внутренних дел Союза ССР
(Чернышов)

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 01е. Д. 4. Л. 235. Копия.

[1] Аресты были проведены в прибалтийских республиках СССР 14 июня, в Молдавии — 16 июня.

№ 155

1941 г. июня 22, 16 час.[а)] Москва. — Докладная записка В.В. Чернышова и П.К. Сопруненко о наличии военнопленных и интернированных в лагерях НКВД

Народному комиссару внутренних дел
Союза ССР
товарищу Берия Л.П.[1]

[а)] Датируется по помете на документе.

Докладываем: военнопленных быв. польской армии 27 760.

Находятся: 14 135 чел. — на строительстве аэродромов и дороги в Западной Украине.

7 754 чел. — на строительстве Северо-Печорской магистрали.

4 000 чел. — на строительстве аэродрома Поной (завезено 1 000 чел.) Мурманской области.

Офицерский состав 1 259 человек находятся:

в Козельском лагере — 909 чел.
в Грязовецком лагере — 350 чел.

Больные оставлены в числе 270 чел. в Юхновском лагере (Смоленская область).

[б]Необходимо бывших военнопленных, жителей нашей территории, вывезти из Западной Украины на строительство аэродромов в Восточную Украину.[б]

Бывших военнопленных, жителей германской части Польши, перевести на лагерный режим и на работы в отдаленных районах: Карагандинская обл., Северо-Печорская магистраль, разбив мелкими партиями, не больше 250—300 чел.

Офицеров быв. польской армии и французов (195 чел.) оставить в лагерях, переведя всех в Грязовецкий лагерь Вологодской области.

Чернышов
П. Сопруненко

Помета в левом верхнем углу 1-го листа чернилами: «Нарком утвердил 22.6. в 16.00 час. Чер[нышов]».

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 1е. Д. 4. Лл. 69—70. Подлинник.

[1] См. №№ 156, 159. 22 июня были отданы распоряжения от имени Л.П. Берии начальнику Управления конвойных войск В.М. Шарапову о выделении конвоя; начальнику железнодорожных перевозок НКВД СССР С.И. Зикееву — о предоставлении вагонов для козельского контингента. Вагоны поступили 28 июня (РГВА. Ф. 1/п. Оп. 6е. Д.3. Л.215-217).

№ 156

1941 г. июня 22, Москва. — Записка по прямому проводу В.В. Чернышова наркому внутренних дел УССР В.Т. Сергиенко об эвакуации военнопленных Львовского лагеря

№ 30/6251/25 Сов. секретно

[б-б] Отчеркнуто на полях чернилами.

Вручить немедленно

Записка [по] проводу
[С] изъятием ленты

Киев НКВД Сергиенко[1]

Для эвакуации военнопленных из Львовского лагеря НКПС дал указание [о] предоставлении вагонов Львовской дороги —300, Ковельской — 62, Винницкой — 55 вагонов. Вместе [с] перебрасываемыми военнопленными отправить лагерный аппарат, необходимый хозинвентарь, [а] также[а)] запас продовольствия. Чернышов.

Помета в верхней части листа: «т. Лижец. 25.VI», в нижней части листа: «Отправлено».

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 6е. Д. 5. Л. 486. Отпуск.

[1] См. № 155, 158. 23 июня зам. наркома внутренних дел УССР Т.А. Строкач доложил В.В. Чернышову, что командиру дивизии конвойных войск А.И. Завьялову и заместителю начальника Управления госбезопасности по Львовской области даны указания о незамедлительной отправке военнопленных на стройки, которые располагались в Сталинской, Запорожской, Черниговской, Полтавской, Днепропетровской и Сумской областях и были связаны со строительством аэродромов. 24 июня В.Т. Сергиенко передал, что отправка военнопленных Львовского лагеря начнется 25 июня (РГВА. Ф. 1/п. Оп. 6е. Д. 5. Лл 487—492). 27 июня Чернышов направляет Сергиенко дополнение к № 30/6251/25 от 22 июня: «[В] связи с переброской военнопленных Львовского лагеря [в] восточные области УССР Управление этого лагеря дислоцируйте [в] Полтаве. Впредь лагерь именовать Полтавским. Начальник лагеря подчиняется Вам и Управлению НКВД СССР [по] делам военнопленных и интернированных. [На] каждом строительстве, а также каменец-подольских объектах организовать лагерные участки, структуру лагеря оставить прежней» (там же, л. 493). Военнопленные из подразделений в Черляны и Ольшанице (3361 человек) 3 и 4 июля были погружены в вагоны, остальные лагерные подразделения продолжали продвигаться пешим порядком до станции Золотоноша (левый берег Днепра). 5 июля Чернышов направил Сергиенко по ВЧ новое распоряжение: «Военнопленных бывшей польской армии, работавших на строительстве один, немедленно направьте: 9 тысяч в Старобельский лагерь, остальных в Козельщанский. Уже отправленные эшелоны немедленно переадресуйте». 6 июля инспектор УПВИ Д.И. Лисовский сообщил, что 4 эшелона ушли в Ивдельлаг, 2 из них успели переадресовать в Старобельск (Там же. Лл. 500, 501).

[а)] Далее зачеркнуто слово «месячный».

№ 157

1941 г. июнь, Москва. — «Справка о военнопленных и интернированных военнослужащих быв[шей] польской армии»

Сов. секретно

Справка
о военнопленных и интернированных военнослужащих
быв. польской армии

1. Всего поступило военнопленных, захваченных частями РККА и интернированных в Прибалтике — 130242 чел.
2. Отпущено в западные области УССР и БССР..... 42400 чел.
3. Передано германским властям ..... 43042 чел.
4. Отправлено в распоряжение УНКВД в апреле–мае 1940 г ..... 14587 чел.
5. Арестовано, осуждено, умерло и бежало за все время ..... 2758 чел.
6. Содержится в лагерях НКВД ..... 27455 чел.

Начальник Управления НКВД СССР
по делам о военнопленных и интернированных
капитан госбезопасности
П. Сопруненко

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 01 е. Д. 4. Л. 250. Подлинник

[1] См. № 174. Примечательно, что в данной справке количество отправленных в УНКВД в апреле-мае 1940 г. указано 14 587 человек, в справке же от 3 декабря 1941 и более поздних — 15 131 человек (см. №№ 175, 204). Первая цифра соответствует данным, приводимым в донесениях начальников трех лагерей и П.К.Сопруненко за вторую половину мая 1940 г. (см. №№ 79, 80, 81, 90). Чем можно объяснить появление новых данных? Может быть, офицеров и полицейских, которых позднее отправляли из лагерей для военнопленных в тюрьмы, тоже расстреливали? Пока на этот вопрос еще нельзя ответить с уверенностью. Обращает на себя внимание в справке количество арестованных, осужденных, бежавших и умерших в лагерях — 2758 человек. Если вычесть из нее количество бежавших и умерших, которое указано в справке от 3 декабря 1941 г. (см. № 175), то окажется, что на 28 июня было арестовано и осуждено 830 человек. В справке же от 3 декабря 1941 г. указано: «убыло из лагерей по разным причинам за все время (освобождено по заключениям, отпущено по приказу НКВД из Львовского лагеря и арестовано оперорганами) 683 ч. Возможно, по амнистии 12 августа 1941 г. часть из арестованных была освобождена и отправлена на формирование Польской армии.

№ 158

1941 г. июля 3, Москва. — Сводка № 22 Управления конвойных войск об эвакуации лагерей и тюрем

Сов. секретно
экз № 3

Заместителю народного комиссара
внутренних дел Союза ССР
генерал-лейтенанту т. Масленникову[1]

Сводка № 22
по состоянию на 10.00 — 3.7.41

По частям 13-й дивизии. (Из донесений командира дивизии на 20.00 — 2.7. 41[г.]).

1. Несмотря на разгрузку и эвакуацию тюрем западных областей Украины, тюрьмы и колонии продолжают направлять заключенных в направлении фронта (в тюрьмы г.г. Львова, Житомира, в колонии Киевской области), что вызывает простой эшелонов в пути и загрузку жел[езных] дорог.

Причиной направления заключенных в сторону фронта является отсутствие соответствующих указаний местам Тюремного управления и Главного управления исправительно-трудовых лагерей и колоний, или невыполнение указаний местами.

Меры к устранению этого явления приняты через Тюремное управление и ГУЛАГ НКВД СССР.

2. По распоряжению зам. наркома внутренних дел УССР готовится эвакуация штаба дивизии из гор. Киева в гор. Харьков, а также и семей начсостава штаба дивизии и 227-го полка из Киева в Новосибирск.

3. 227-й полк (Киев): а) Во исполнение плана эвакуации заключенных из тюрем УССР — отправлены конвои к месту приема и погрузки заключенных. Эвакуация задерживается из-за отсутствия вагонов и приказа НКПС о подаче их.

Меры к подаче вагонов приняты.

б) Выслан конвой в составе 12 человек боесостава с ручным пулеметом для сопровождения оперативного груза спецотдела НКВД УССР назначением в гор. Актюбинск.

4. 249-й полк и 137-й батальон приступили к эвакуации заключенных из тюрем г.г. Одесса, Николаев, Херсон (освещено в сводке № 21).

5. Получена заявка от УИТЛК на эвакуацию 1100 заключенных из пересыльного пункта гор. Бердичева назначением ст. Коноша Северной жел[езной] дор[оги].

6. Вторая школа МНС[б)] продолжает выполнять задачи по охране киевских мостов.

7. 228-й и 237-й полки — без изменений. С 229-м, 233-м полками и 154-м батальоном штаб дивизии связи не восстановил.

8. Истекший день на объектах частей прошел спокойно.

По частям 14-й дивизии. 2.7.41 из Юхновского лагеря отправлен второй эшелон с спецконтингентом в составе 1656 чел. назначением в Севураллаг — гор. Тавда.[2]

Отправка первого эшелона освещена в сводке № 19.

По частям 41-й бригады (Из донесений командира бригады на 20.00—2.7.41)

1. В 12.00—2.7.41 из Ленинграда в Саратов в порядке эвакуации отправлено 133 семей начсостава штаба бригады и 225-го полка (освещено в сводке № 17).

2. На пункты приема военнопленных не поступало.

3. На объектах частей бригады спокойно. С подразделениями 155-го батальона (Рига) связи штабриг не имеет и до сего времени восстановить не мог.

По частям 42-й бригады. С частями бригады связи нет, данных об обстановке не поступало.

Отмобилизование частей.

Все части отмобилизование закончили полностью, за исключением 249-го полка (Одесса), который личным составом укомплектован, но по состоянию на 3.7.41 недостает предметов вещдовольствия и особенно обуви (70%).

Меры снабжения УВС войск НКВД приняты.

П[одлинник] п[одписал] За начальника
управления конвойных войск НКВД
[а)]полковник Рыбаков[а)]

Верно:
Ст. пом. нач. 4-го отд[еле]ния отдела
службы УКВ НКВД —
капитан Малышев

исп[олнитель] полковник Масальски
в г. 3.7.41

РГВА. Ф. 40. Оп. 1. Д. 189. Лл. 55—56. Зав. копия.

[а-а)] Вписано чернилами вместо зачеркнутого «генерал-майор Шаранов».

[б)] МНС — младшего начальствующего состава.

[1] Из Юхновского лагеря были отправлены заключенные, доставленные в середине июня 1941 г. из Прибалтийских республик (см. № 154). 29 июня от Бабынино до станции Енисей были отправлены 961 заключенный, до Яр-Фосфоритная — 209. 4 июля 1125 прибалтийских заключенных были направлены в Вятлаг. 5 июля из лагеря были отправлены последние 1165 эстонцев, латышей и литовцев. «Юхновский лагерь полностью разгружен», — констатировалось в сводке УКВ НКВД СССР № 28 от 6 июля. Таким образом, эвакуация польских и прибалтийских интернированных из Козельского и Юхновского лагерей была завершена задолго до подхода немецко-фашистских войск к Смоленску. Не исключено, что именно отправленные в Тавду 1656 арестованных, среди которых было много военных из прибалтийских стран, спустя 55 лет породили версию о наличии в этом лагере нескольких тысяч военнопленных поляков.

№ 159

1941 г. начало июля, Москва. — Докладная записка В.В. Чернышова Л.П. Берии об эвакуации военнопленных и интернированных и сосредоточении их в Южском, Старобельском, Суздальском и Грязовецком лагерях

Народному комиссару внутренних дел
Союза ССР
тов. Берия Л.П.[1]

По вопросу выполнения Вашего указания о сосредоточении военнопленных и интернированных быв. польской армии докладываю:

1) Военнопленные, находящиеся в Севжелдорлаге, 7759 чел. будут переведены в Южский лагерь Ивановской области.

2) Интернированные, находящиеся на аэродромном строительстве «Поной» в Мурманской области, направляются 2000 чел. в Суздальский лагерь Ивановской области и 1929 чел. в Южский лагерь той же области.

[a)]3) Эвакуированные военнопленные со строительства № 1 ГУШОСДОРа и аэродромного строительства западных областей УССР направляются в Старобельский лагерь Ворошиловградской области и эшелоны, которые вышли за пределы УССР, будут сосредоточены в Елабужском лагере Татарской АССР[a)].

4) Содержащиеся военнопленные в Грязовецком лагере Вологодской области 1609 чел. остаются на месте.

Таким образом, военнопленные быв. польской армии будут сосредоточены:

Южский лагерь	—	9688	чел.
Старобельский	—	10000	"
Суздальский	—	2000	"

[a-a)] Отчеркнуто на полях красным карандашом.

Грязовецкий лагерь— 1609
и небольшая часть — в Елабужский лагерь Татарской АССР.

Заместитель народного комиссара внутренних дел Союза ССР
Чернышов

Резолюция в левом верхнем углу 1-го листа красным карандашом: «В дело П. С[опруненко]». На последнем листе внизу: «Полухин».

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 1е. Д. 4. Лл. 90—91. Подлинник.

[1] 7 июля 1941 г. В.В. Чернышов и П.К. Сопруненко докладывали Л.П. Берии, что в Грязовецком лагере сосредоточены 1609 человек, на строительстве Северо-Печорской магистрали в районе Княж-Погоста — 7759, в «Поное» — 3929 человек, в Суздальском лагере 113 чехов. «В движении со строительства аэродромов Западной Украины в Старобельск находятся: в районе Полтава — 1800 чел. на 7 июля, вышли из Киева 3600 чел. на 7 июля, находятся в Винницкой обл. 6500 чел. на 6 июля, в Казани 800 чел., в Пензе 200 чел. (направляются в Южский лагерь, Ивановской обл.)», — говорилось в докладной записке. Сообщалось, что планируется сосредоточить 10 тысяч военнопленных из «Поноя» и СЖДЛ в Южском лагере, 11 900 человек со Строительства № 1 — в Старобельском лагере, 178 англичан и французов в Грязовецком, в Суздальском чехов и поляков из лагеря «Поной» — 2913 человек. Указывалось, что даны указания о подготовке к отправке военнопленных и интернированных из лагеря «Поной» и СЖДЛ. По всей видимости, публикуемая докладная записка В.В. Чернышова составлена либо в этот же день, либо вскоре после 7 июля.

№ 160

1941 г. июля 5, Грязовец.— Внеочередное донесение начальника Грязовецкого лагеря ст. батальонного комиссара Н.В. Ходаса П.К. Сопруненко о прибытии и размещении интернированных из Козельского лагеря

№ 944

Сов. секретно.
[а)]Срочно[а)]

Начальнику Управления НКВД СССР
по делам о военнопленных и интернированных
капитану госуд[арственной] безопасности
тов. Сопруненко
гор. Москва

[а-а)] Вписано от руки чернилами в правом верхнем углу.

Внеочередное донесение[1]
Содержание:
о прибытии интернированных из Козельского лагеря.

Доношу, что 2 июля с.г. прибыло из Козельского лагеря и мною принято 1420 человек интернированных, из коих 181 человек по национальности французы[2].

Обеспечение: хлебом и рыбой были обеспечены на 5,5 суток, выданная хамса в дороге почти не была в употреблении и сдана лагерю. Качество ее неудовлетворительное. Кипяток выдавался с перебоями. Обращает на себя внимание невыполнение Козельским лагерем Вашего телеграфного приказания № 25/6301. Перед отправкой у интернированных было отобрано буквально все: белье, постельные принадлежности, у большинства обувь исключительно рваная, ввиду того, что по заявлению интернированных в последние месяцы ремонта совершенно не производилось. Ничего мне неизвестно, как будет поступлено с депозитами на деньги, принадлежащие интернированным, а также с изъятыми у них ценными собственными вещами, как-то часы, кольца и проч[ее]. По этому вопросу поступают массовые заявления.

Размещение: Следует сказать, что прибытие без палаток 1420 человек, поставило лагерь в тяжелое положение. Ваше телеграфное указание № 25/6196 выполнено точно. Использовал все помещения: клуб, столовую, умывальную, мастерские, парикмахерскую, комнату отдыха-читальню, все чердаки и корридоры и все же на сегодня 4 роты — свыше 600 человек — на голой земле под открытым небом. Принимаю срочно такие хотя бы полумеры: прибывшие 3 вагона пиломатериала, полученного из Облисполкома, использую для постройки навесов с нарами, которые предохранят от дождя.

В отношении французов Ваши указания выполнены не полностью и создать полную изоляцию от поляков не представилось сразу возможным. Все они размещены временно в клубе и, невзирая на предупреждения, все же переговариваются через проволоку. Больше того, 3 июля с крыльца клуба затеяли концерт, собрав этим самым огромную массу поляков. Последние в свою очередь пытались отблагодарить массовым пением польских песен, но мною все это было прекращено. Что делается в отношении французов: изготовлена новая зона, огражденная проволокой в 3 кола (по счету уже третья, считая 21 чел. также изолированных в изготовленной до этого зоне), поставлена палатка с нарами в 2 яруса, сделан навес для походной кухни. Будет выдана постельная принадлежность. Поскольку баня находится в общей зоне, видимо французы останутся без бани. А конвоировать в городскую баню некому, т.к. воинская часть категорически отказалась. Будем практиковать водить небольшими партиями на речку.

Огромное число людей не имеет сменного белья, а некоторые совершенно без рубах и кальсон. Как Вам известно, большое количество белья, постельных принадлежностей по Вашему приказанию было послано по лагерям и на сегодня в лагере на складе имеется простыней — 267, натрубах[а] — 610, наткальсон[б] — 746, тюфячных наволочек — 568 и подушечных наволочек — 4045. Указанным наличием 1790 человек не удовлетворить, а поэтому прошу о присылке необходимого количества белья и постельных принадлежностей. Из прибывших 18 чел. были положены в госпиталь лагеря. Кроме этого среди пленных обнаружено 26 человек туберкулезных, из коих 12 — тяжелых в открытой форме и опасных для окружающих. При создавшемся положении изолировать их негде. Временно поместил их в коптильню. Прошу Вашего распоряжения их, а также еще имеющихся 2-х человек-инвалидов, немогущих передвигаться даже с помощью костылей, направить в Харовский спецдом.

Наблюдается безобразное поведение французов — неподчинение часовым, подход к проволоке, на окрики и требования бойцов на посту отвечают криками, насмешками и руганью. 5 июля одним из часовых был сделан предупредительный выстрел, т.к. военнопленный просовывал голову в проволочное заграждение. Следует попутно отметить, что не только французы, но и весь прибывший контингент крайне обозлен ввиду грубостей, проявленных конвоем в пути.

Прошу Вас, тов. капитан, обратить внимание генерал-майора т. Шарапова на систематические случаи грубого обращение при конвоировании, т.к. нам в лагерях трудно восстанавливать нормальные отношения с интернированными и, кроме того, все эти факты подхватываются и используются реакционными элементами с провокационной целью, как случилось, например, и 2 июля во время подхода к лагерю партии пленных группой полковников, живущих в 6 корпусе не без участия генерала Волковицкого (Домонь, Грабицкий и др.). Собрав у корпуса офицеров 7-го корпуса с деланным возмущением рассказывалось, что они видели, как красноармейцы избивали польских офицеров. Подоспев к месту сборища, шума и криков инцидент мною был ликвидирован, а с 7-м корпусом провел беседу тут же, доказал, что это ложь. Особенно недопустимы случаи грубости при индивидуальных отправках. Могу привести пример грубого обращения нач[альника] конвоя Дягилева, мл. ком[андира] 128-го батальона, несмотря на то, что в каждом отдельном случае нач[альник]конвоя тщательно инструктируется нач[альником] лагеря.

Одновременно хочу доложить, что к[оманди]р батальона ст. лейтенант т. Дубовиков на мое предложение оружие применять в самых крайних случаях, что это может привести к чрезвычайным последствиям, ответил: «Я действую по уставу, будут подходить к проволоке, будем стрелять».

а) Так в документе, имеются в виду нательные рубахи.

б) То же, имеются в виду нательные кальсоны.

Ввиду прибытия контингента пересмотрена система охраны, о чем донесено в месячной сводке. Ввиду увеличения бойцов и вооружения, командованием полка поставлен вопрос о выселении управления лагеря и предоставлении воинской части всего дома. Мое мнение — можно и не возражать при условии предоставления лагерю всех построек подсобного хозяйства. Об этом 7 июля буду ставить вопрос на Облисполкоме. Прошу Ваших указаний и по этому вопросу.

Вывод: В связи с международной обстановкой, скверными бытовыми условиями размещения главным образом, значительная часть интернированных настроена чрезвычайно враждебно — вызывающе. Основная масса переживает напряженное состояние. Имеются данные: пойти на большие жертвы, но путем массового прорыва совершить побег. Принятыми мерами хозяйственного порядка, плюс непрерывная разъяснительная работа с ними мною и инструкторами, работа прибывшей разведгруппы во главе с подполковником Егоровым, приезд Минтов-Чижа и др. факторы несколько сдерживают и сглаживают отрицательные настроения.

Просил бы ускорить разрешение вопроса о 21 чел., содержащихся изолированно.

Нач[ральник] Грязовецкого лагеря НКВД
ст. батальонный комиссар
Н. Ходас

Виза на полях 1-го листа: «П. Сопр[уненко]».
Штамп входящей регистрации УНКВД: «12.VII.41 г. № 8514».

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 6е. Д. 2. Лл. 232—234. Подлинник. На бланке Управления Грязовецкого лагеря.

[1] См. № 166.

[2] См. № 155. Капитан П. Бийотт от имени 14 французских офицеров и 120 унтерофицеров, капралов и солдат, интернированных в СССР после бегства из германского плена, написал заявление на имя генерала Ш. де Голля с просьбой посодействовать их выезду из СССР в Лондон. «Все эти добровольцы имеют прекрасное здоровье и способны немедленно бороться. Я уверенно могу отвечать за задор и высокие патриотические чувства этих людей, из которых большинство бежали с большими трудностями и которые с нетерпением ждут случая сражаться с предателями Родины»,— писал он (РГВА. Ф.1/п. Оп. 5а. Д. 2. Л. 431—434). В сентябре англичане, французы и бельгийцы были отправлены в Лондон.

№ 161

1941 г. июля 10, Смоленск. — § 2 приказа № 162 по 252 полку конвойных войск о конвоировании заключенных по маршруту Смоленск — Катынь

Приказ
[по] 252 полку конвойных войск НКВД СССР
10 июля 1941 года № 162 г. Смоленск[1]
§ 2

Об убытии в командировку

Маршрута Смоленск–Катынь.
по конвоированию заключенных нач. конвоя мл. лейтенанта т. Сергеева, с составом конвоя т.т. Трапдина В.И., Татаренко И.М., Гузачева М.Г., Пономарева Н.К., Прилепского М.В., Гордиевского Г.Г., Забочева Н.В., Пойгина Н.И., Кондратьева, Павлова, Кузпецова Н.А., Адонова Е.Ф., Лепехина Н.М., Семенова Г.Г., Покофьева Г.Ф., Кодикова И.Ф., Корытова, Шарова М., Ложких С.А., Сахарова И.А., Романова Ф.Д., Донченко И.Т., Колпякова П.Г., Родионова А.С., Козлова М.И., Мошкова Н.П., Пенихина Д.В, Ганина А.С., Климентьева С.В., Андриянова, Лядова, убывших в командировку полагать в таковой с 10/VII – 41 г.
Исключить с обеда 10/VII–41 г. 43 человека
Справка: Список конвоя [...]

Командир полка
майор Репринцев

Начальник штаба полка
капитан Оловянов

РГВА. Ф.38106. Оп. 1. Д.14. Лл. 44–44 об. Подлинник. Рукопись.

[1] Это единственный документ в фонде, в котором фигурирует название «Катынь». Катынский лес с начала 30-х годов служил местом расстрела заключенных. В данном случае расстрелу подлежали узники Смоленской тюрьмы — советские люди, которых своевременно не эвакуировали.

№ 162

1941 г. июля 11, Москва. — Справка Н.А. Воробьева о количестве и категориях интернированных, отправленных из Козельского и Юхновского лагерей в лагерь «Поной»

Справка[1]

Всего отправлено в Поной — 3929 чел.

Из Козельского лагеря:			
17/V—1941 г. отправлено	—	1000	„
Из них: — Капитан	—	1	чел.
Поручик	—	1	„
Мл. нач[альствующего] состава полиции	—	575	„
Рядовых полиции	—	423	„
9/VI-1941 г. отправлено	—	434	„
Из них: — Мл. нач[альствующего] состава КОП	—	1	„
Мл. нач[альствующего] состава сотрудников разведорганов	—	35	„
Мл. нач[альствующего] состава полиции	—	65	„
Рядовых полиции	—	43	„
Мл. нач[альствующего] состава жандармерии	—	38	„
Рядовых жандармерии	—	45	„
Чинов военной тюрьмы	—	16	„
Мл. нач[альствующего] состава стражи граничной	—	51	„
Рядовых стражи граничн[ой]	—	97	„
Гражданских лиц	—	43	„
Всего отправлено из Козельского лагеря	—	1434	чел.
Из Юхновского лагеря:			
31/V-41 г. отправлено	—	1017	„
Из них:— Хорунжих и подхорунжих армии, КОП и флота	—	16	чел.
Мл. нач[альствующего] состава армии, КОП и флота	—	551	„
Рядовых армии, КОП и фл[ота]	—	435	„
Мл. нач[альствующего] состава сотрудников разведорганов	—	8	„
Рядовых сотрудников разведорганов	—	1	„
Рядовых жандармерии	—	2	„
Мл. нач[альствующего] состава военных судов	—	2	„
Гражданских лиц	—	2	„
6/VI—1941 г. отправлено	—	995	чел.
Из них:— Офицеров армии, КОП и флота	—	3	чел.
Хорунжих и подхорунжих армии, КОП и флота	—	130	„
Мл. нач[альствующего] состава армии, КОП и флота	—	399	„
Рядовых армии, КОП и фл[ота]	—	288	„
Рядовых полиции	—	5	„
Мл. нач[альствующего] состава сотрудников разведорганов	—	10	„

	Рядовых сотрудников разведорганов —	7	"
	Мл. нач[альствующего] состава жандармерии —	1	"
	Рядовых погран[ичной] стражи —	3	"
	Судебные пристава и их писари —	1	"
	Мл. нач[альствующего] состава военных судов —	6	"
	Рядовых военных судов —	1	"
	Мл. нач[альствующего] состава военной прокуратуры —	1	"
	Юнаков —	86	"
	Гражданских лиц —	54	"
9/VI—1941 г. отправлено	—	483	чел.
Из них:—	Хорунжих и подхорунжих армии, КОП и флота —	97	"
	Мл. нач[альствующего] состава армии, КОП и флота —	137	"
	Рядовых армии, КОП и фл[ота] —	221	"
	Рядовых полиции —	7	"
	Мл. нач[альствующего] состава сотрудников разведорганов —	7	"
	Рядовых сотрудников разведорганов —	1	"
	Мл. нач[альствующего] состава погран[ичной] стражи —	2	"
	Мл. нач[альствующего] состава военных судов —	1	"
	Рядовых погран[ичной] стражи —	1	"
	Мл. нач[альствующего] состава военной прокуратуры —	1	"
	Гражданских лиц —	8	"
Всего отправлено из Юхновского лагеря —		2495	чел.

Нач[альник] 2-го отдела Управления
ст. политрук Н. Воробьев

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 01е. Д. 4. Лл. 270—272. Подлинник.

[1] См. № 142, 148, 150, 155, 159. Вскоре после нападения фашистской Германии на СССР связь с лагерем «Поной» прервалась. Лишь в первых числах июля стало известно, что части 19-й конвойной дивизии, эвакуировавшие 13 тысяч заключенных тюрем и 63 тысячи зэков из лагерей ГУЛАГа, пешим порядком выводила из опасной зоны и интернированных поляков из лагеря «Поной». 7 июля начальник УНКВД по Мурманской области сообщил, что интернированных везут водным путем в Архангельск. Туда они прибыли 10 июля; 2000 из них доставили в Суздальский лагерь, остальных — в Южский. В сентябре 1941 г. интернированные поляки вступили в Армию Андерса (РГВА. Ф. 40. Оп. 1. Д. 189. Лл. 38, 47, 55, 67, 69).

№ 163

1940 г. июля 14, Грязовец. — Обращение Е. Волковицкого к И.В. Сталину и Полномочному Послу Великобритании в Москве с ходатайством об отправке польских военнопленных в Великобританию, направленное В.Н. Меркулову 29 июля 1941 г.[1]

№ 25/6515 Сов. секретно

Народному комиссару государственной безопасности Союза ССР
Комиссару государственной безопасности 3-го ранга
Товарищу Меркулову

Направляю два заявления военнопленного генерала бывшей польской армии Волковицкого Ежи Тадеушевича.
Приложение: по тексту.

Начальник Управления НКВД СССР по делам
о военнопленных и интернированных
капитан государственной безопасности
(Сопруненко)

[Приложение 1]
Грязовец, 14 июля 1941

Ежи Волковицки
Генерал бригады Польской Армии

Прошение по делу освобождения военнопленных
и интернированных поляков

Его превосходительству
Председателю Государственного Комитета Обороны
Иосифу Виссарионовичу Сталину
Москва, Кремль

Ссылаясь на Ваше выступление от 3 июля, а особенно на фразу: «Война за свободу нашего Отечества сольется с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы... против порабощения со стороны фашистской армии Гитлера...», военные польской армии, заключенные в тяжелых условиях Грязовецкого лагеря, считали что пришло время освободить нас. Это нам кажется также согласным с призывом Академии Наук СССР, в котором сказано что «борьба с Германией является священным долгом всех честных людей мира».

Кроме того 11 июля зам. нач. Сов. Информбюро Господин Лозовский на конференции для иностранных корреспондентов заявил, что вопреки германским утверждениям нет войны между СССР и Польшей.

Мы Польские военные заключенные в Грязовецком лагере, которым пришлось в первую очередь сражаться против Германии, считаем, что раз нет войны, значит не может быть и военнопленных, тем более что 12 июля с.г. Советский Союз заключил договор с нашим союзником Англией[2]. А между тем, несмотря на все это, находящиеся теперь здесь в лагере сотрудники ГБ или НКВД делают нашим людям разные предложения и заявления, которые явно противоречат официальным заявлениям Правящих кругов СССР, чем очень ослабляют эти последние и обостряют состояние умов.

Затем обращаемся к Вашему Превосходительству с просьбой освободить нас из плена, в который мы попали вытесненные германскими фашистами на восток, а освободив – дать нам возможность уехать в английские владения, чтоб сражаться против общего врага там, где находятся наше полноправное Правительство, наша Армия и где наше присутствие будет особенно полезно нашим союзникам.

Создавшееся положение не дает времени на долгие решения или переговоры, а нас, заключенных в тяжелых условиях на «полпайку», лишает сил, которые могли бы быть использованы против общего врага.

И потому обращаемся к Вашему Превосходительству и Советскому Правительству с просьбой решить как можно скорее вопрос о нашем освобождении и дать соответствующие приказы, тем более, что на заявление наше от 24 июня с.г. нет никакого ответа.

Ежи Волковицкий
Генерал бригады П.А.

[Приложение 2]

Ежи Волковицки Генерал Бригады Польской Армии
Грязовец 14-го июля 1941 г.

Его Превосходительство
Полномочный посол Великобритании
Москва[3]

В связи с международной обстановкой, создавшейся от 22 июня с.г., то есть от начала Советско-Германской войны, имею честь просить Ваше Превосходительство предпринять соответственные меры чтоб отправить военных поляков, находящихся в СССР, в Английские владения, чтоб мы могли как можно скорее начать борьбу с Германией, чего мы безрезультатно добиваемся уже с первых дней плена.

Одновременно сообщаю, что 14 июня с.г. по этому делу было мною послано Вашему Превосходительству прошение, на которое до сих пор я не получил ответа.

С высочайшим почтением
Jerzy Wolkowicki
(–) Ежи Волковицки
Генерал Бригады П.А.

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 6е. Д. 2. Л. 182, 326–329. Подлинник. Рукопись. Л. 329 – Англ. язык. Л. 328 –авторский рукописный перевод на русский яз.

[1] См. № 145, 167. 17 июля 1941 г. начальник Грязовецкого лагеря Н.В. Ходас направил заявление генерала Е. Волковицкого в УПВИ. 21 июля П.К. Сопруненко распорядился перепечатать это заявление и на следующий день направил его В.Н. Меркулову. Попало ли оно к Сталину, установить не удалось. Во всяком случае, ответа на него не последовало (РГВА. Ф. 1/п. Оп. 5а. Д. 2. Л. 459; Оп. 6е. Д. 2. Л. 182).

[2] Имеется в виду «Соглашение о совместных действиях Правительства Союза ССР и Правительства Его Величества в Соединенном Королевстве в войне против Германии», подписанное в Москве 12 июля 1941 г. Оно предусматривало оказание друг другу помощи и поддержки всякого рода в войне против гитлеровской Германии. Соглашение содержало также обязательство не вести на протяжении всей войны переговоров и не заключать перемирия или мирного договора кроме как с обоюдного согласия.

[3] В деле имеется и данное письмо генерала Е. Волковицкого послу Великобритании на английском языке. Однако, заявление генерала в посольство от 24 июня и его письмо Сталину от 29 июня не найдены. 17 августа генералы Е. Волковицкий и В. Пшездецкий были отправлены в Москву в связи с предстоявшим созданием Польской армии на территории СССР.

№ 164

1941 г. июля 28, Москва. – Сопроводительное письмо П.К. Сопруненко к заявлению генерала В. Пшездецкого, направленное вместе с заявлением В.Н. Меркулову

№ 25/7387 Сов. секретно

Заместителю народного комиссара внутренних
дел Союза ССР
комиссару государственной безопасности 3-го ранга
тов. Меркулову

В марте м[еся]це 1941 г. были переведены из Москвы (объекта Малаховка и Бутырской тюрьмы) в Путивльский лагерь НКВД 21 офицер быв. польской армии, среди которых находятся: генерал бригады Пржездецкий, один полковник, один подполковник, майоров — четыре, капитанов — три и поручиков — девять[1].

В Путивльском лагере они содержались одни, так как, зарекомендовав себя активными врагами Советской власти, подлежали изоляции от остальных военнопленных.

В июне м[еся]це с.г. они были переведены в Грязовецкий лагерь вследствие того, что в Путивльский лагерь прибыли арестованные из Прибалтики.

В Грязовецком лагере они содержатся отдельно от остальных военнопленных, но дальнейшая изоляция их крайне затруднена, т.к. там же размещены интернированные французы изолированно от поляков.

[а)]Представляя при этом заявление генерала Пржездецкого, прошу Вашего разрешения соединить 21 офицера с другими военнопленными и интернированными военнослужащими быв. польской армии, содержащимися в Грязовецком лагере[а)].

Начальник Управления НКВД СССР по делам
о военнопленных и интернированных
капитан государственной безопасности
П. Сопруненко

[Приложение]

Старший группы 21 военнопленных
и интернированных офицеров
польской армии
Вацлав Пшездецкий
Генерал бриг[ады]

Копия
14 июля 1941 г.

Главное Управление
лагерей для военнопленных и интернированных
с представлением начальнику лагеря

От имени 21-го отдельно заключенных интернированных и военнопленных офицеров Польской армии, представляю:

В октябре 1940 г. изолировано нас из общих лагерей. В течении полугода задержано нас в Бутырской тюрьме без предъявления за какое преступление нас заключено.

[а-а)] Помета на полях чернилами: «Согласен. В. М[еркулов]. 29/VII.»

Наконец, двадцать два дня тому назад привезено нас в Грязовецкий лагерь для военнопленных. Но и здесь мы заключены отдельно от сотен наших товарищей. Находимся в тесной клети из проволоки и то частично отделенной высоким забором из досок.

Изнемогая от такого режима, с надорванными нервами, решились мы написать нынешнее. Настоящее наше положение, изолирование от всех наших товарищей и содержание на особом положении — считаем себе тяжелым наказанием.

Опираясь на общих человеческих правах, запрашиваем, за какое преступление наложено на нас такое наказание?

Просим сообщить нам нашу вину, либо преступление, либо если таковых нет, то просим присоединить нас ко всем товарищам, переведя из отдельного заключения в общий лагерь.

Ввиду нашего психического состояния просим скорого ответа.

В. Пшездецкий
инт[ендант]-генерал ПА[1]

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 6е. Д. 2. Лл. 371—374 об. Подлинник.

[1] См. № 163, 166.

№ 165

1941 г. июля 30, Лондон. — «Соглашение между Правительством СССР и Польским правительством»[1]

СОГЛАШЕНИЕ МЕЖДУ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ СССР И ПОЛЬСКИМ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ

1. Правительство СССР признает советско-германские договоры 1939 года касательно территориальных перемен в Польше[2] утратившими силу. Польское Правительство заявляет, что Польша не связана никаким соглашением с какой-либо третьей стороной, направленным против Советского Союза.

2. Дипломатические сношения будут восстановлены между обоими Правительствами по подписании настоящего Соглашения и будет произведен немедленный обмен послами.

3. Оба Правительства взаимно обязуются оказывать друг другу всякого рода помощь и поддержку в настоящей войне против гитлеровской Германии.

4. Правительство СССР выражает свое согласие на создание на территории СССР польской армии под командованием, назначенным Польским Правительством с согласия Советского Правительства. Польская армия на территории СССР будет действовать в оперативном отношении под руко-

водством Верховного Командования СССР, в составе которого будет состоять представитель польской армии. Все детали относительно организации командования и применения этой силы будут разрешены последующим Соглашением[3].

5. Настоящее Соглашение вступает в силу немедленно с момента его подписания и ратификации не подлежит. Настоящее Соглашение составлено в 2-х экземплярах, каждый из них на польском и русском языках, причем оба текста имеют одинаковую силу.

К Соглашению приложен Протокол следующего содержания:

«Советское Правительство предоставляет амнистию всем польским гражданам, содержащимся ныне в заключении на советской территории в качестве ли военнопленных или на других достаточных основаниях, со времени восстановления дипломатических сношений».

Печ. по: Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 1. М., 1944. С. 121—122.

[1] См. подробнее об истории подписания этого соглашения сб. документов: «Układ Sikorski — Majski. Wybór dokumentów. Wybrał, opracował i wstępem poprzedził E. Duraczyński. W-wa, 1990.

[2] См. «Катынь...» С. 57—58, 97—101.

[3] 1 августа начальник Генштаба Красной Армии Б.М. Шапошников уполномочил генерал-майора А.М. Василевского вести переговоры с руководителем польской военной миссии в СССР З. Шишко-Богушем о заключении соглашения, предусмотренного данной статьей. «Военное соглашение между Верховным Командованием СССР и Верховным Командованием Польши» было подписано в Москве 14 августа 1941 г. Оно предусматривало создание Польской армии на территории СССР в кратчайший срок. Указывалось, что она будет составлять часть вооруженных сил суверенной Польской Республики и будет предназначена для совместной с войсками СССР и иных союзных держав борьбы против Германии. Констатировалось, что «во все время совместных военных действий она будет подчинена в оперативном отношении — Верховному Командованию СССР, в делах организации и личного состава — главнокомандующему польскими вооруженными силами». (Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 7. (1939—1943). М., 1973. С. 217—218.)

№ 166

1941 г. ранее августа 6[а)], Старобельск. — Справка и.о. начальника особого отделения Старобельского лагеря Кравеца об итогах эвакуации Львовского лагеря

[а)] Датируется по резолюции.

Справка[1]

Числилось военнопленных Львовского лагеря	—	14 123	чел.[2]
Имеется наличие в Старобельске	—	12 155	чел.
Потери	—	1 968	чел.
Осталось Яновой Долине	—[a)]	488	чел.
–"– Суске	—	174	чел.
–"– Вирочке	—	114	чел.
–"– Зимней воде	—	146	чел.
		922	чел.
Раненые, убитые в Сквире		300	чел.
		1 222	чел.
Бежали, расстреляны, ранены		746	чел.[3]
		1 968	чел.

И.о. нач[альника] ОО Старобельского лагеря
лейтенант госбезопасности Кравец

Резолюция в верхней части листа красными чернилами: «Тов. Воробьеву. Насколько правильны эти данные??? П. Соп[руненко]. 6.8.41».
Резолюция на полях синим карандашом: «В УРО. П. Сопруненко. 6.8.41.»
Пометы:
1. В правом верхнем углу чернилами: «Ожидается подробная справка из Старобельска. К делу окончания Львовского лагеря. Гобе[рман]».
2. В нижней части листа чернилами: «Сведения неверны. Во-первых, численность не 14123, а 14104, во-вторых, в данной справке не учтены 187 чел., находящихся в Ивдельлаге, в-третьих, цифры по пунктам требуют уточнения. Н. Воробьев. 7.8.41 г.»

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 6е. Д. 5. Л. 564. Подлинник.

[1] См. № 156. Этот отчет подтверждается и многими другими документами, связанными с эвакуацией Львовского лагеря и, видимо, отражает с наибольшей достоверностью размеры потерь среди военнопленных этого лагеря в период их перевода в Старобельск (см. РГВА. Ф. 1/п. Оп. 6е. Д. 5. Л. 503–584).

[2] В соответствии со справкой, составленной накануне войны, на Строительстве № 1 размещалось не 14123 человека, а 14135 военнопленных, в том числе в Бродах —

[a)] Помета Гобермана: «Граница».

1245 чел., в Ольшаницах — 1259 чел., в Черлянах — 1613 чел., в Скнилове — 1521 чел. (итого по Львовской обл. — 5368 чел.), в Ставках — 1549 чел., в Городище — 1097 чел. (итого в Тарнопольской обл. — 2646 чел.), в Теофиполе — 1097 чел., в Ярмолинцах — 1138 чел. (итого по Каменец-Подольской области — 2235 чел.), на Строительстве № 1 [то есть на старой трассе — Сост.] — 3616 чел. (Там же. Л. 485).

[3] Справка, составленная зам. начальника учетно-распределительного отделения Львовского лагеря Мищенко в первой половине августа «об эвакуации Львовского лагеря», содержит сведения, сколько военнопленных погибло в результате вражеских налетов (25 человек), сколько оставлено в госпиталях (278 раненых и больных), сколько человек бежало (15 чел.). Следовательно, было расстреляно 428 человек (РГВА. Ф. 1/п. Оп. 6е. Д. 5. Лл. 579–580).

№ 167

1941 г. августа 11, Грязовец. — Внеочередное донесение Н.В. Ходаса П.К. Сопруненко об активизации деятельности Е. Волковицкого и В. Пшездецкого в Грязовецком лагере, направленное И.А. Серову

№ 25/7862 Сов. секретно

Заместителю народного комиссара внутренних дел Союза ССР
комиссару государственной безопасности 3-го ранга тов. Серову[1]

Направляю копию внеочередного донесения начальника Грязовецкого лагеря старшего батальонного комиссара тов. Ходаса о поведении в лагере польских генералов Пшездецкого и Волковицкого.

Начальник Управления НКВД СССР по делам
о военнопленных и интернированных
капитан государственной безопасности
П. Сопруненко

[Приложение]
[a)]Копия[a)]

№ 1104 Сов. секретно

Начальнику Управления НКВД СССР по делам
о военнопленных и интернированных
капитану государственной безопасности
тов. Сопруненко
гор. Москва

[a)] Вписано в правый верхний угол от руки и подчеркнуто черным карандашом.

Внеочередное донесение

О настроениях военнопленных в связи с опубликованием в печати «Соглашения между Польшей и Советским Союзом»[2] подробно освещено в информационной политико-оперативной сводке № 1077 от 3 августа с.г.[3] Однако, последующие за этим события внутрилагерной жизни заслуживают пристального внимания и своевременного освещения. Как уже сообщалось в вышеупомянутом документе, руководящая верхушка из контингента военнопленных, через ее штаб генерала Волковицкого, майора Домоня и др., потребовала от начальника лагеря немедленного введения ряда мероприятий, которые по существу фактически отметают существующее «положение» о лагерях, и, если не считать наружной охраны, ликвидирует самый лагерь. К числу их относятся: [a)]назначение генералом новых старших рот, перекомплектование самих рот, утренние и вечерние переклички, помимо наших поверок, утренние и вечерние молитвы, молебствия в праздничные и воскресные дни, организация военной учебы, и что самое характерное, немедленное прекращение вызовов военнопленных в управление, никаких допросов и опросов, прекращение работы по изучению настроений военнопленных. Все эти требования мотивировались одним: «Мы уже не военнопленные».[a)]

Несмотря на запрещение заниматься неположенным, все же конспиративно [a)]генерал Пшездецкий (который забрал полную власть в свои руки) продолжает проводить свою политику, которая создает напряженную атмосферу среди военнопленных и настраивает их против администрации лагеря, которая, якобы не выполняет «Соглашения между правительством Сикорского и правительством Советского Союза».[a)] Конкретно эти мероприятия генерала Пшездецкого сводятся к следующим:

1. [a)]Лично им издан устный приказ через старших рот, в случае любых вызовов, без его разрешения в управление лагеря не ходить. Характерный случай по этому поводу произошел 6 августа. Особым отделением еще с вечера 5-го числа были вызваны на 10 утра 6 августа 3 поручика 9-й роты — Синкевич, Стрыкер и Млынарчик. Все трое не явились.[a)] Ст[арший] оперуполномоченный попросил меня принять меры, чтобы обеспечить явку указанных лиц. Лично после двухкратных посылок дежурного коменданта, удалось привести всех троих. В проведенной с ними беседе они честно заявили: [a)]«Мы — офицеры, дисциплину знаем и приказ генерала обязаны выполнять». «Нам приказано не ходить, и мы не будем ходить».[a)]

В связи с этим случаем начальником особого отделения был вызван старший 9-й роты, [a)]так последний предварительно сходил к генералу и уже после этого прибыл в управление лагеря, после инцидента 6 августа, после беседы с генералом, можно было наблюдать, что отказов не было.[a)]

[a-a)] Подчеркнуто синими чернилами.

С другой стороны и работники особого отделения согласились, что обстановка требует минимума вызовов и соответствующей перестройки в оперативной работе.

2. [a)]Глубоко в подполье происходит кипучая организационная деятельность генерала и его штаба. Пересматриваются и составляются списки, на бумаге формируются какие-то части и подразделения, делаются повышения в чинах (подхорунжий Баньковский получил поручика), «негодные» снижаются и заносятся в черные списки, провинившиеся получают от генерала выговора и даже один подхорунжий 3-й роты получил домашний арест[a)] (видимо за неимением гауптвахты) на 3-е суток.

[a)]6 августа, зайдя в 13 час. в 6-й корпус, я обнаружил заседание, которое проводил генерал Пшездецкий. Присутствовало около 20 человек, большинство в чине полковников и майоров. Папку с бумагами, которую 00 давно пыталось обнаружить, спрятать не успели и я после проведения получасовой беседы о лагере, попросил передать мне для ознакомления все бумаги. Мне в этом было отказано. Тогда я был вынужден в присутствии всех попросить генерала одеться и последовать со мной в Управление, захватив все бумаги. В них оказалось:[a)]

[a)]а) Именные списки офицерского состава с 5-й по 10-ю роты (т.е. прибывших из Козельска);

б) Список штатных офицеров;

в) Список назначенных командиров рот;

г) Сводные ведомости людей по родам войск и командной категории;

д) Схема информации и пропаганды какого-то соединения;

е) Отдельные заметки.[a)]

По существу особой ценности вся эта переписка не представляет, за исключением если только того, что генерал документально уличен во лжи, т.к. все время в беседах утверждал и давал «честное слово генерала», что никаких списков не ведет, никаких формирований, назначений и т.д.

Попутно хочу отметить, что Пшездецкий в беседе пытался, в присутствии генерала Волковицкого и мл. лейтенанта Славина доказать, [a)]что начальник лагеря «подорвал этим актом его генеральский авторитет», что этим актом создается обстановка взаимного недоверия, которое в свете заключенного «Соглашения» неуместно и вредно и т.д.[a)]

Я решительно отмел эти нелепости и уже вторично пришлось генералу вежливо преподать урок политграмоты и дать понять, что он сам своими поспешными действиями сознательно усложняет подготовительную работу к предстоящей практической реализации «Соглашения». Причем опять таки мною было подчеркнуто, что лагерь никто не ликвидировал, а я как начальник такового выполняю свои функции и только. [a)]В заключение мне было заявлено: «С этого дня Вы от меня услышите только «да» или «нет».[a)]

[a-a)] Подчеркнуто синими чернилами.

3. Официально было заявлено, что на всех очень тяжелое впечатление произвел отъезд 10 товарищей[4] (Шмидт и др.) и что можно-ли надеяться, что они вернутся в лагерь.

[a)]Попутно доношу, что я вызывался в Управление НКВД по Вологодской области. Начальник следственного отдела тов. Есиков сказал, что следствие ничего существенного не даст и не лишена возможность их освобождения и возвращения обратно в лагерь[a)]. Со своей стороны считаю это мероприятие неверным. В лагерь обратно возвращать их нельзя, с чем согласились и зам. нач[альника] УНКВД Свиридов и секретарь обкома ВКП(б) тов. Комаров[5].

4. [a)]Чрезвычайно неприязненно настроена та часть военнопленных, у которых в Козельске были отобраны ценные вещи. Заявления поступают десятками и уже раздаются голоса: «Наши ценные вещи советские власти видимо присвоили».[a)]

Со своей стороны считал бы, если все ценности находятся в Управлении, целесообразно было бы вернуть их владельцам.

5. От имени всего лагеря на одной из бесед (5 августа) заявлено: [a)]«Особенно угнетает проволока. В газетах четко и ясно сказано об амнистии, прошло уже больше недели, почему мы не амнистированы, почему мы до сего времени значимся военнопленными»[a)].

Эти вопросы задаются повсюду, как только появишься в зоне, причем единственным ответом на это имеем: «нет никаких указаний», «ждите»... и т.д.

Естественно, что в таких стереотипных ответах военнопленные видят мало чего утешительного.

6. [a)]С каждым днем все труднее и труднее становится привлекать на общественные работы — пилка и колка дров, уборка участков лагеря не примыкающих к корпусам и т.д. Отказы и невыходы на работы по очередному наряду стали все более частыми явлениями и в каждом отдельном случае приходится лично принимать меры. Так, ликвидированы забастовки пекарей Затонского и Поспещаловского, отказы от работы санитаров госпиталя и др[a)]

7. Учащаются запросы, будет ли разрешена переписка с родными, сосланными в Казахстан.

8. [a)]Особо заслуживает внимания работа (подпольная) майора Домоня. Этот ярый легионист проводит кампанию и записывает лиц, которые должны отказаться участвовать в формировании польских частей на советской территории, а равно отказываться и от совместной борьбы против гитлеризма.[a)] На сегодня записались уже:

1. Минтов-Чиж
2. Эрлих
3. Расинский
4. Чеслав Чиж
5. Якштас
6. Климан
7. Фуртек
8. Гинзберт
9. Жибовский

[a-a)] Подчеркнуто синими чернилами.

Такова в общих чертах обстановка, сложившаяся в лагере после «Соглашения между Польшей и Советским государством».

Как вывод следует отметить, что все недоразумения удается ликвидировать. Личный состав, который непосредственно общается с военнопленными и проводит среди них работу, мною и начальником ОО проинструктирован и ориентирован в линии поведения.

Отношения стали исключительно вежливыми и тактичными без снижения требовательности, предусмотренной «Положением» о лагерях.

В бытовом отношении люди живут и удовлетворяются вполне удовлетворительно. Принимаются меры к удовлетворению просьб об улучшении продовольственного вопроса, так, например: мною через секретаря обкома ВКП(б) тов. Комарова приобретено из Облпотребсоюза для ларька военнопленных конфект —полтонны, печенья — полтонны, сельдь «Иваси», много папирос и махорки.

Набивка всем матрацев и др. мероприятия являются наглядными фактами заботливого отношения, о чем говорят и сами военнопленные.

Начальник Грязовецкого лагеря НКВД
ст. батальонный комиссар
(Ходас)

Верно: Секретарь Управления НКВД СССР
по делам военнопленных
Башлыков

Виза на полях сопроводительного письма синими чернилами: «И.Серов».
Помета в левом верхнем углу черным карандашом: «т. Сопруненко».
Резолюция на полях синим карандашом: «В дело. П. С[опруненко]».
Штамп входящей регистрации Секретариата НКВД СССР: «1-е отделение. 14.8.41 г. Индекс 25».

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 5а. Д. 2. Л. 533. Подлинник. Л. 534—539 — зав. копия.

[1] См. №№ 163, 164. Внеочередное донесение Н.В. Ходаса было составлено 7 августа.

[2] Имеется в виду Соглашение между правительствами СССР и Польши от 30 июля 1941 г. См. № 165.

[3] В сводке от 3 августа 1941 г. на 27 страницах приводились факты усиления враждебного отношения польских военнопленных и интернированных к СССР и администрации лагеря после прибытия из Козельска нового контингента (РГВА. Ф. 1/п. Оп. 5а. Д. 2. Лл. 502—528). О Е. Волковицком говорилось, что он проводит в лагере «фашистскую подрывную работу», ведет агитацию против записи добровольцев в Красную Армию, организует бойкот и запугивание тех военнопленных, которые лояльно относятся к советской власти, требует отправить польских военнослужащих

в Англию. Сообщалось и о результатах работы бригады следователей во главе с Линниковым и Лалиашвили.

[4] Имеется в виду арест, осуществленный по предложению Линникова и Лалиашвили с санкции П.П. Кондакова и В.Н. Меркулова, десяти военнопленных: полковника А. Шмидта, командовавшего ранее 78 пехотным полком, немца по национальности, отстраненного от командования полком после 1 сентября 1939 г.; подполковника С. Шафрановского, якобы легионера-озоновца; подполковника Я. Павлика, легионера, работавшего в Военном министерстве начальником персонального бюро; майора К. Гурского, летчика; капитана Ю. Питнера, коменданта виленской окружной организации Союза стрельцов; капитана П. Возняка, связанного с офицерами, служившими в разведке; поручика В. Квятковского, работавшего во 2-м отделе польского Главштаба; поручика З. Делингера, активиста партии Озон, близкого друга одного из руководителей этой организации Венде; поручика М. Химштедта (Там же. Лл. 503–505, 516).

[5] Комаров П.Т., 1898 г.р., член РКП(б) с 1920 г., в 1937–42 гг. — и.о. первого секретаря Вологодского обкома ВКП(б), затем первый секретарь Вологодского обкома, с апреля 1942 г. — I-й секретарь Саратовского обкома ВКП(б).

№ 168

1941 г. августа 12, Москва. — Указ Президиума Верховного Совета СССР «О предоставлении амнистии польским гражданам, содержащимся в заключении на территории СССР»

№ 19/160

Указ
Президиума Верховного Совета СССР

О предоставлении амнистии польским
гражданам, содержащимся в заключении
на территории СССР[1]

Предоставить амнистию всем польским гражданам, содержащимся ныне в заключении на советской территории в качестве ли военнопленных, или на других достаточных основаниях.

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР
(М. Калинин)[2]

Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР
(А. Горкин)[3]

Пометы: В верхней части листа: «НКВД — т. Берия. Верховный Суд СССР — тт. Голякову, Ульриху[4], НК Юст[иции] СССР — т. Рычкову[5], СНК СССР — тт.Вышинскому[6], Чадаеву, ЦК — т. Поскребышеву[7], Юрид. отдел (2) (разослан ошибочно под № 42/186). Штамп регистрации Верховного Совета СССР: «Дело новое 12.VIII 1941 г. Подпись Александров».

ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 12. Д. 83. Л. 1. Зав. копия. На бланке для указов Президиума Верховного Совета СССР.
«Русский архив. Т. 14. Великая Отечественная 3(1). СССР и Польша: 1941—1945». М., 1994. С. 24.

[1] См. № 169. На копии этого указа, хранящегося в том же деле, л. 2, рукописная помета: «Без опубликования в печати».

[2] Калинин Михаил Иванович (1875—1946), см. «Катынь...» С. 405.

[3] Горкин Александр Федорович (1897—1986), член РСДРП (б) с 1916 г., в 1919—1920 г. в Красной Армии, с 1921 г. на руководящей партийной работе. В 1934—37 гг. — I секретарь Оренбургского обкома ВКП(б), в 1938—57 гг. — секретарь Президиума Верховного Совета СССР, в 1957—1972 гг. — председатель Верховного суда СССР.

[4] Голяков Иван Терентьевич (1888—1961), председатель Верховного Суда СССР и Ульрих Василий Васильевич (1889—1951), председатель военной коллегии Верховного Суда см. «Катынь...» С. 405.

[5] Рычков Николай Михайлович (1897—1959), с 1918 г. в органах ВЧК и военной прокуратуры, в 1938—1948 гг. — нарком юстиции СССР (с марта 1946 г. министр).

[6] Вышинский Андрей Януарьевич (1883—1954), юрист и дипломат, государственный обвинитель на фальсифицированных политических судебных процессах 30-х гг. В 1940—46 гг. — первый заместитель наркома иностранных дел СССР, с 1941 — зам. председателя СНК СССР. После войны — на дипломатической работе.

[7] Поскребышев Александр Николаевич (1891—1965), личный секретарь И.В. Сталина в 1931—1953 гг., его доверенное лицо, член ЦК ВКП(б) в 1939—1956 гг.

№ 169

1941 г. августа 12, Москва. — Выписка из сов. секретного протокола (особой папки) Политбюро ЦК ВКП(б) № 34 «о порядке освобождения и направления польских граждан, амнистируемых согласно Указа Президиума Верховного Совета СССР (Постановление СНК СССР и ЦК ВКП/б/)»

№ П34/333

Строго секретно
(из О.П.)

Т.т. Берия, Вышинскому, Чадаеву — все;
Бочкову[1], Рычкову — 1, 2;
Шапошникову[2], Щаденко[3], Хрулеву[4] — 6, 7, 8.

Выписка из протокола № 34 заседания Политбюро ЦК от ..... 194 ....г.

Решение от 12.VIII.41 г.

333. — О порядке освобождения и направления польских граждан, амнистируемых согласно Указа Президиума Верховного Совета СССР.

(Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б).

В связи с заключением Соглашения между Советским правительством и Польским правительством СНК СССР и ЦК ВКП(б) постановляют:

1. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 12 августа 1941 г. освободить из тюрем, исправительно-трудовых лагерей, лагерей для военнопленных, спецпоселков и с мест ссылки и высылки польских граждан:

а) всех военнопленных и интернированных военнослужащих бывшей польской армии;

б) осужденных к заключению на разные сроки в тюрьмы и исправительно-трудовые лагеря, а также находящихся под следствием, числящихся за органами НКВД, судами и Прокуратурой;

в) направленных в спецпоселки, выселенных с территории западных областей Украины и Белоруссии (осадников и лесников, членов семей репрессированных и других).

2. Освобожденным польским гражданам разрешить свободное проживание на территории СССР, за исключением пограничных районов, запретных зон, местностей, объявленных на военном положении и режимных городов первой и второй категорий.

3. Освобожденным из тюрем, лагерей, спецпоселков и с мест ссылки и высылки польским гражданам выдать документы на право проживания в СССР, установив следующий порядок выдачи этих документов:

а) при освобождении органы НКВД на местах выдают временное удостоверение по установленной НКВД СССР форме;

б) освобожденные польские граждане регистрируются в Польском посольстве в СССР (лично или письменно) и после получения польских паспортов обязаны получить в органах милиции в установленном порядке виды на жительство для иностранцев;

в) лицам, не желающим оформить свое польское гражданство или получившим отказ Польского посольства в регистрации, выдаются или паспорта, как для лиц без гражданства, или, в случае их желания и после соответствующей проверки, — советские паспорта.

4. Поручить НКИД договориться с Польским Правительством о порядке оказания за счет Польского Правительства материальной помощи нуждающимся освобожденным польским гражданам и их семьям.

5. Обязать советские и партийные органы (исполкомы и обкомы) на местах оказывать содействие освобожденным, в первую очередь женщинам с детьми, в их устройстве на работу и предоставлении им жилплощади.

6. Поручить НКО договориться с военными представителями Польского Правительства о порядке организации польских воинских частей, предусмотрев создание в местах набора призываемых в польские воинские части специальных призывных комиссий из представителей польского военного командования и местных райвоенкоматов.

7. Установить следующие пункты формирования польских воинских частей первой очереди;

а) Камышин, Фролово-Арчеда и Урюпинск Сталинградской области, с размещением 12000 человек;

б) Бузулук, Тоцкий лагерь Чкаловской области и Белебей Башкирской АССР с размещением 12000 человек;

в) Саратов, Сердобск и Татищевский лагерь Саратовской области, с размещением 12000 человек.

Поручить Наркомату обороны (т. Хрулеву) совместно с НКВД СССР (т. Чернышовым) принять срочные меры к подготовке этих пунктов к приему призываемого контингента из числа польских граждан.

8. Поручить Наркомату обороны (т. Хрулеву) по договоренности с представителями польского военного командования обеспечить материально-техническое снабжение формирующихся польских воинских частей.

9. Обязать НКВД СССР дать на места указания о порядке освобождения и направления польских граждан, подпадающих под действие Указа Президиума Верховного Совета об амнистии польских граждан.

Председатель СНК СССР и секретарь ЦК ВКП(б)

Круглая печать ЦК ВКП(б)
Рукописная помета в нижней части 3 листа: «Пост[ановление] СНК СССР и ЦК ВКП(б.) № 1958-881 сс от 12 VIII – 41 г.»[5]

АПРФ. Коллекция материалов. Копия. На бланке для выписок из протоколов Политбюро ЦК ВКП(б).
«Z arhiwów sowieckich. Tom 1». S. 76—80.

[1] Бочков Виктор Михайлович (1900—1981), начальник 3-го (Особого) отдела НКО, см. «Катынь...» С. 442.

[2] Шапошников Борис Михайлович (1882—1945), начальник Генштаба Красной Армии см. «Катынь...» С. 393.

[3] Щаденко Ефим Афанасьевич (1885—1951), генерал-полковник (1942), в июне 1941 г. армейский комиссар 1-го ранга, с августа 1941 г. — зам. наркома обороны СССР, начальник Главного управления формирования и укомплектования войск Красной Армии.

[4] Хрулев Андрей Васильевич (1892—1962), в июне 1941 г. генерал-лейтенант интендантской службы, с августа 1941 г. — зам. наркома обороны СССР, начальник глав-

ного управления тыла Красной Армии, одновременно с февраля 1942 г. нарком путей сообщения СССР.

[5] Проект постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) см. «Русский архив». Т. 14. СССР и Польша 1941—1945. С. 24—25.

№ 170

1941 г. августа 30, Москва. — Спецсообщение начальника оперативного отдела ГУЛАГа НКВД СССР Я.А. Иорша «о настроениях содержащихся в лагерях НКВД бывших польских граждан в связи с Соглашением между СССР и Польским правительством»

№ 45/3546 Сов. секретно

Спецсообщение
о настроениях содержащихся в лагерях НКВД
бывших польских граждан в связи с Соглашением
между СССР и Польским правительством.[1]

По сообщению оперативно-чекистских отделов исправительно-трудовых лагерей НКВД, содержащиеся в лагерях быв. польские граждане в большинстве своем с одобрением высказываются о военном соглашении между СССР и Польским правительством, выражают готовность совместно с Красной Армией бороться против фашистской Германии.

В Севдвинлаге[2] НКВД во время сообщения о состоявшемся соглашении собравшиеся группами поляки провозглашали лозунги: «Да здравствует тов. Сталин и Красная Армия!» Выступавшие поляки призывали к повышению производительности труда, ранее имевшиеся отказы от работы прекратились.

В Темниковском[3] лагере соглашение встречено польскими контингентами также с большим подъемом. Особенно подъем отмечен среди украинцев, белорусов и евреев, которые подняли производительность труда, и высказывают желание идти на фронт.

Отдельные заключенные, быв. польские граждане, предлагают сдать в фонд обороны свои ценности: золотые часы, браслеты, кольца.

Аналогичные настроения отмечаются среди бывших польских граждан и в других лагерях.

Наряду с положительными высказываниями значительное количество поляков враждебно встретило соглашение между СССР и Польским правительством и распространяет среди заключенных провокационные слухи и пораженческие настроения.

Антисоветски настроенная часть польского контингента призывает поляков и украинцев после освобождения из лагерей дезертировать и переходить на сторону фашистской Германии.

Отбывающий наказание в Безымянлаге[4] НКВД — Богуш С.А., быв. офицер польской армии, желая опорочить подписанное соглашение, пытался убеждать заключенных, что:

«Договор Польши с СССР есть ни что иное как хитрый маневр со стороны видных польских патриотов, может быть даже подсказанный немцами. Я уверен, что спустя короткое время после организации польской армии и концентрации ее на территории СССР под советским командованием, она повернет оружие против Красной Армии и пойдет защищать интересы капитализма.»

Говоря о настроениях заключенных поляков в связи с подписанием соглашения, тот же Богуш заявил:

«Мне известны немногие поляки, которые не захотят перейти к немцам, подавляющее же большинство будет бороться не против Германии, а против СССР.»

Заключенный Темлага НКВД Гостковский К.Г., поляк, быв. офицер запаса польской армии, осужден за попытку нелегального перехода госграницы, говорил:

«Я скоро освобожусь в связи с амнистией и тогда отомщу за все прошлое и настоящее; я всю Россию с удовольствием бы кормил одной селедкой, да и то только головами и не давал бы капли воды, до тех пор, пока не вымерли бы все. Вот теперь, когда Советский Союз терпит большие поражения, он вынужден заключить позорный договор с бывшим врагом его — правительством Польши, возглавляемым генералом Сикорским, который диктует Советскому Союзу и напоминает ему 1795 и 1939 годы. Пусть не думает Советский Союз, что поляки дешевой ценой прольют кровь; если мы пойдем на войну против Германии, то у нас в той войне будет две цели: разбить Германию и в случае надобности повернуть штыки на СССР.»

Содержащиеся в Сороклаге[5] НКВД заключенные поляки, преимущественно отбывающие наказание за нелегальный переход госграницы, враждебно настроены по отношению к Советскому Союзу.

Заключенный Забельский В.Ф., офицер быв. польской армии, среди поляков говорил:

«Поляки останутся врагами СССР и никогда не простят те тяжести, которые перенесли в результате войны и особенно за период нахождения в лагере.»

Заключенный Моркович И.Н., словак, сын министра внутренних дел Чехословакии, во время войны Польши с Германией сражался на территории Польши против Германии, осужден за попытку перехода госграницы, говорил:

«Воевать с Германией я не пойду и Чехословакия мне не нужна, я за Гитлера, так или иначе советская власть будет разбита...[a)] Всем малым странам Гитлер возвратит самостоятельность, уничтожатся границы и будут существовать Соединенные Штаты Европы во главе с президентом Гитлером.»

Ряд заключенных поляков, отбывающих наказание в Вятлаге[6] НКВД, высказывают свои враждебные настроения по отношению к СССР.

[a-a)] Отточия документа

Заключенный Федин И.И., поляк, до ареста без определенных занятий, осужден на 8 лет за кражу, говорил:

«Польское государство по тайному договору между Англией и Германией уже восстановлено, у них готовы все планы и все делается против СССР. Поэтому, как только соберут поляков и пошлют на фронт, они все повернут оружие против СССР, а Польша будет восстановлена и без них. Польский народ долгое время был оплеванным со стороны советских правителей, я верю, что победа на стороне немцев и, если меня возьмут в армию, я первый убегу к немцам.»

Заключенный Хельман, поляк, бывший торговец, служил в польской полиции, высказался:

«Вначале мы, поляки, будем воевать против немцев, а затем, когда будем хорошо вооружены, мы повернем против СССР и предъявим требования вплоть до передачи Киева и других территорий. Таковы указания нашего национального руководителя — ксендза Сигмунда. Англия, заключив договор с Россией, пустила пыль в глаза советскому правительству, фактически она за спиной Германии тоже воюет против СССР».

Отбывающий наказание в Каргопольлаге[7], заключенный Мюкке Е.С., поляк, быв. директор лесного хозяйства князя Радзивилла, среди поляков заявил:

«Когда у поляков будет оружие, тогда они вспомнят все обиды, принесенные им за два года советской властью, они будут думать с кем идти, куда стрелять...[а)]»

Содержащийся в Кулойлаге[8] заключенный Кровчик С.Н., поляк, осужденный за контрреволюционную, повстанческую деятельность, говорил:

«То соглашение является результатом действия Англии, США и их доминионов на Советский Союз. Не нужна военная помощь польских легионов, англичанам самое главное нужно вооружить поляков и дать им возможность в нужный момент действовать по ее усмотрению.»

Содержащийся в том же лагере заключенный Ковцун С.М., полковник быв. польской армии, говорил:

«Скоро придет Гитлер, тогда я вам покажу, что из себя представляет польский полковник!»

Отбывающий наказание в Безымянлаге НКВД, Бончук П.Н., украинец из быв. Польши, среди заключенных говорил:

«Из нас хотят организовать Армию, чтобы мы воевали против Германии, я лично никогда не буду воевать против Гитлера...[а)] Англия воспользуется тем, что нас организуют и тогда будет война против СССР и Советы не сумеют нас использовать против Германии.»

Заключенный Любарский В.Г., поляк, осужденный на пять лет за антисоветскую деятельность, говорил:

[а)] Отточия документа

«Гитлер борется за национальное освобождение и полную самостоятельность мелких государств, только от него можно ожидать хорошей культурной жизни.»

Заключенный Темлага Сидельницкий Ш.И., еврей, бывший крупный лесопромышленник, среди заключенных говорил:

«Я не верю в соглашение между Советским Союзом и Польским правительством, так как его фактически нет... Освобождение нам надо ожидать только от немцев. Немцы безусловно лучше помогут полякам организовать свое государство, после того как они разобьют Советский Союз, а разобьют они его в ближайшее время.»

Отдельные заключенные поляки, отбывающие наказание в Унжлаге[9] НКВД, также высказывают свое враждебное к СССР настроение.

Заключенный Лисах, до ареста бухгалтер, осужден как социально опасный элемент, заявил:

«За что в СССР нас держат в лагерях и мучают, какой бы договор ни был, я Советскому Союзу никогда не прощу за репрессию и никогда не забуду. Англия тоже об этом знает.»

Заключенный Ткач, бывший полицейский, говорил:

«Теперь нас, поляков, хотят освободить и сформировать войска, но мы покажем, как только получим оружие — повернем его против русских.»

Заключенный Барановский, помещик, офицер быв. польской армии, говорил:

«Большинство солдат и офицеров откажутся воевать против немцев. В настоящее время многие поляки идут вместе с немцами против СССР, поэтому воевать друг против друга не будем.»

Содержащийся в Воркутлаге[10] НКВД заключенный Подковик Б.И., быв. польский чиновник, помещик распространяет среди поляков провокационные слухи о том, что Германией будет создано независимое польское государство:

«Поляки поддержат Германию, последняя поможет польским патриотам создать свою родину и защищаться от Советского Союза.»

Выявленные антисоветски настроенные быв. польские граждане взяты в агентурную разработку.

Начальник оперативного отдела ГУЛАГа НКВД СССР
майор госуд[арственной] безопасности Иорш[11]

На полях под бланком оперативного отдела ГУЛАГа НКВД СССР типографским шрифтом: «Разослать: тов. Меркулову В.Н.
тов. Кобулову Б.З.
тов. Чернышову В.В.»
Резолюции на полях зеленым карандашом:
«Тов. Сопруненко.К сведению. Че[рнышов].
В нижней части листа красным карандашом: «В дело. П.Сопру[ненко]. 1.9.41.»
На полях штамп регистрации УПВИ: «1 сент[ября] 1941 г. Вх. № 10777.»

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 5а. Д. 2. Лл. 572—578. Подлинник. Бланк оперативного отдела ГУЛАГа.

[1] См. № 167.

[2] Севдвинлаг — Северодвинский исправительно-трудовой лагерь НКВД

[3] Темниковский исправительно-трудовой лагерь НКВД (Темлаг), располагался в Мордовской АССР, его управление находилось близ Потьмы, в поселке Явас Зубово-Полянском районе Мордовской АССР

[4] Безымянлаг — Безымянский исправительно-трудовой лагерь НКВД, его управление располагалось на станции Безымянка Куйбышевской железной дороги.

[5] Сороклаг — Сорокский исправительно-трудовой лагерь НКВД, его управление находилось в г. Беломорске

[6] Вятлаг — Вятский исправительно-трудовой лагерь НКВД, его управление располагалось в рабочем поселке «Рудничный», Кайского района Кировской области.

[7] Каргопольлаг — Каргопольский исправительно-трудовой лагерь НКВД, его управление находилось в г. Каргополь Архангельской области.

[8] Кулойлаг — Кулойский исправительно-трудовой лагерь НКВД, его управление располагалось в г. Архангельске.

[9] Унжлаг — Унжский исправительно-трудовой лагерь НКВД, его управление находилось на ст. Сухобезводная Горьковской железной дороги.

[10] Воркутлаг — Воркутинско-печорский исправительно-трудовой лагерь НКВД, его управление находилось в поселке Воркута Ненецкого национального округа Архангельской области.

[11] Иорш Яков Абрамович, 1904 г. рождения, см. «Катынь...». С. 445. Примечательно, что среди лагерей, в которых имелись польские заключенные, в том числе офицеры и полицейские, арестованные за нелегальный переход советской границы, не фигурирует Североуральский (Тавдинский) лагерь. Это еще одно свидетельство того, что сколько-нибудь значительного числа заключенных поляков там не было.

№ 171

1941 г. сентября 12, Москва. — Докладная записка П.К. Сопруненко В.Н. Меркулову о направлении польских военнопленных и интернированных в пункты формирования польской армии на территории СССР

Сов. секретно

Заместителю народного комиссара
внутренних дел Союза ССР
комиссару государственной безопасности 3-го ранга
тов. Меркулову[1]

После окончания работы призывных комиссий в Старобельском, Южском, Грязовецком и Суздальском лагерях НКВД, оттуда отправлено в пункты формирования частей польской армии 24 828 человек быв. польских военнопленных,

в лагерях осталось — 762 человека, из них:

Непризванных в польскую армию лиц немецкой национальности	— 273 чел.
Признанных негодными врачебными комиссиями, а также находящихся в госпиталях и больницах	— 234 чел.
Отказавшихся вступить в польскую армию	— 252 чел.
Не призваны в армию как осужденные польскими судами	— 3 чел.[2]

Прошу Вашего указания, куда направить быв. польских военнопленных немецкой национальности[3].

Начальник Управления НКВД СССР по делам
о военнопленных и интернированных
капитан государственной безопасности
П. Сопруненко

Резолюции:

1. В левом верхнем углу 1-го листа чернилами: «Тов. Гоберман. Зам наркома тов. Меркулов дал указание сосредоточить всех поляков в одном месте и содержать в лагере. П. Сопрун[енко]. 12.9.41 г.»
2. В правом верхнем углу красным карандашом «К делу материалов для руководства. Гоб[ерман]».

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 1е. Д. 4. Л. 88—89. Подлинник.

[1] См. №№ 172, 175. К 27 сентября были освобождены уже 26297 польских военнопленных и интернированных.

[2] Имеются в виду: Казимир Жолдак, 1911 г.р., литовец, не служивший в армии, осужденный польским судом в 1935 г. на 6 лет тюремного заключения и в 1939 г. все еще отбывавший в тюрьме свой срок; Антоний Балюлис, 1906 г.р., уроженец деревни Раткунишки, Свенцанского уезда Виленского воеводства, литовец, капрал запаса авиации, в армии не служил, был осужден польским судом; Константин Жук, 1900 г.р., уроженец деревни Рудавка Несвижского уезда, белорус, рядовой, содержался в тюрьме за шпионаж.

[3] Непризванные в польскую армию лица немецкой национальности были сосредоточены в Актюбинском, позднее в Спасозаводском (Карагандинская обл.) лагерях. См. № 198.

№ 172

1941 г. октября 1, Москва. — Докладная записка Л.П. Берии И.В. Сталину и В.М. Молотову о ходе освобождения польских граждан — заключенных, ссыльных и военнопленных

№ 2680/б Сов. секретно

ЦК ВКП(б) — товарищу Сталину[1]
НКИД СССР — товарищу Молотову

На 27 сентября 1941 г. в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 12.VIII—1941 г. из 391575 польских граждан, находившихся в местах заключения, ссылке и высылке, освобождено из тюрем и лагерей 50295, военнопленных — 26297, из спецпоселков, мест ссылки и высылки — 265248.

С тем, чтобы по возможности предупредить массовое, неорганизованное переселение польских граждан из лагерей, тюрем, спецпоселков и мест ссылки и высылки до окончательной договоренности с Польским правительством о их расселении и трудоустройстве, НКВД СССР 26.VIII—1941 г. дал своим местным органам указания:

1. Предоставить возможность освобождаемым из лагерей польским гражданам устроиться временно по вольному найму на работу по специальности как на предприятиях и стройках лагерей, так и на соседних предприятиях других наркоматов, обеспечивая им, в этих случаях, необходимые жилищно-бытовые условия и заработок.

2. Освобождаемым польским гражданам из тюрем, спецпоселков, мест ссылки и высылки, желающим остаться временно на работе в районах и областях или настоящего проживания и работы, предоставить через соответствующие хозяйственные организации квартирно-бытовые условия и заработок. Лицам, используемым не по специальности (научные работники, инженеры, техники, врачи и мастера), предоставить возможность устроиться на работу по специальности в городах и области.

В связи с этим, значительная часть польских граждан из числа спецпоселенцев, ссыльных и высланных изъявила желание временно остаться на месте и ожидать указания польского посольства. Многие из них устраиваются на работу в близлежащих городах, на предприятиях местной промышленности. Бывшие польские осадники и лесники (132463 чел.), неплохо зарабатывающие на лесных разработках и горнорудной промышленности в местах их поселения, также в своем значительном большинстве остаются на месте.

Остальная часть освобожденных польских граждан, главным образом из спецпоселков Архангельской и Вологодской областей, Якутской и Коми АССР и других северных районов СССР, не дожидаясь указаний польского

правительства, в стремлении до наступления зимы найти удобное местожительство, выезжает в южные области (преимущественно в южные области Урала и республики Средней Азии), а также в пункты формирования польских частей.

Многие из этих людей, не имея возможности из-за отсутствия средств доехать до избранного пункта местожительства, в пути следования к ним задерживаются в промежуточных городах — Киров, Казань, Горький, Молотов, Челябинск и др. Не встречая в этих городах достаточной помощи со стороны местных советских органов в предоставлении им жилья и работы, они посылают телеграммы в польское посольство в Москве с требованием оказать им срочную материальную помощь.

Значительная часть освобожденных польских граждан заявила о своем желании вступить в польскую армию. Например, в Коми АССР записалось в польскую армию около 9 тыс. человек, причем 7 тыс. человек уже выехали к пунктам формирования польских частей. Желающие вступить в польскую армию едут в места расположения польских частей также из других районов СССР, в некоторых случаях группами до 100 и больше человек.

На 27.IX—1941 г. в пункты формирования польских частей (Бузулук, Тоцк и Татищево) прибыло 16647 польских граждан, в том числе 527 женщин, желающих вступить в армию, частью разыскивающих своих мужей и родственников.

По неполным сведениям дорожно-транспортных отделов НКВД на 30.IX, в пути следования к пунктам формирования польских частей находится свыше 10000 человек.

В большинстве случаев прибывшие не имеют никаких средств к существованию, плохо одеты и находятся в антисанитарном состоянии, в связи с чем среди них имеют место простудные, цынготные и желудочно-кишечные заболевания.

Прибывающих в Бузулук, Тоцк и Татищево польское командование подвергает медицинскому освидетельствованию и зачисляет в армию всех пригодных к военной службе людей.

Сформированные две польские дивизии и запасный полк полностью укомплектованы за счет призванных бывших военнопленных поляков (23851 чел.) и польских граждан, отобранных из числа прибывших в пункты формирования этих частей (3149 чел.).

В связи с продолжающимся приездом желающих служить в польской армии, количество которых на 27.IX составило уже 14647 человек сверх штатной положенности сформированных польских частей, польское командование просит разрешить ему формировать новые части, а в отношении признанных негодными к военной службе лиц (всего на 27.IX около 4000 чел.) ставит вопрос перед местными советскими органами о их трудоустройстве.

В связи с вышеизложенным, НКВД СССР считает необходимым через НКИД СССР договориться с польским посольством в Москве о нижеследующем:

1. Предложить освобожденным из лагерей, спецпоселков и мест ссылки и высылки польским гражданам временно из районов их настоящего проживания не выезжать и использовать предоставляемую им в этих районах возможность устроиться на работу.

2. Польским гражданам, освобожденным из тюрем в режимных городах и местностях, объявленных на военном положении, а также из спецпоселков северных районов СССР, желающим изменить местожительство, рекомендовать временно переселиться в Узбекскую ССР.

3. Немедленно направить из пунктов формирования польских частей в Узбекскую ССР всех негодных к военной службе поляков и оказать им срочную материальную помощь.

В случае, если главным командованием Красной Армии формирование новых польских частей будет признано нецелесообразным, — направить в Узбекскую ССР также всех польских граждан, зачисленных в польскую армию сверх штатной положенности сформированных польских частей.

4. Установить порядок регулирования переселения перечисленных выше категорий польских граждан в Узбекскую ССР с учетом возможности размещения: в Ферганской области 10000 чел., в Самаркандской — 25000 чел., Бухарской — 25000 чел., Хорезмской — 15000 чел. и Кара-Калпакской АССР — 25000 чел.

Расселение данного количества польских граждан, предоставление им жилой площади и работы в названных областях с ЦК КП(б) Узбекистана и СНК Узбекской ССР согласовано.

5. Расходы по переселению польских граждан в Узбекскую ССР возложить на польское правительство, предоставив ему на этот предмет необходимый заем.

Обязать местные партийно-советские органы оказать содействие в устройстве на работу по специальности в нережимных городах польским гражданам — научным работника, инженерам, врачам, специалистам сельского хозяйства и работникам искусств.

Прошу Ваших указаний.

Народный комиссар внутренних дел СССР — Берия
Верно: Муханов

Резолюция в левом верхнем углу 1-го листа карандашом: «Тов. Поскребышеву Л. Б[ерия]»

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 24. Лл. 21—25. Зав. копия.
«Z archiwów sowieckich. Том 1». S. 84—92.

[1] См. №№ 172, 173. На обустройство польских граждан, освобожденных по амнистии 12 августа, на новых местах и оказание помощи наиболее нуждающимся из них советское правительство выделило правительству В.Сикорского кредит в 100 млн. рублей.

№ 173

1941 г. ноября 3, Москва. — Постановление Государственного Комитета Обороны (ГКО) № 863сс «О польской армии на территории СССР»

Сов. секретно

Государственный Комитет Обороны
Постановление № ГКО-863сс
от 3 ноября 1941 г. Москва Кремль

О польской армии на территории СССР[1]

В соответствии с соглашением между Правительством Союза ССР и Правительством Польской Республики Государственной Комитет Обороны постановляет:

1. Определить для 1941 года общую численность польской армии на территории Союза ССР в тридцать тысяч человек офицерского, унтерофицерского и рядового состава.

2. Исходя из установленной численности польской армии разрешить польскому командованию сформировать на территории Союза ССР:

а) две пехотные дивизии по 11000 каждая; всего	—	22000
б) один запасной полк	—	5000
в) офицерскую школу	—	2000
г) штаб армии и штабные учреждения	—	1000
Всего:	—	30000

3. Разрешить начальнику тыла РККА (т. Хрулеву) через т. Панфилова[2] отпускать продовольствие для польской армии, впредь до выхода частей на фронт, по нормам тылового пайка № 3 за наличный расчет по установленным для РККА ценам, исходя из списочного состава людей, но не более установленной численности польской армии в 30000 человек.

Фураж, горючее, смазочные материалы отпускать за наличный расчет на фактическое наличие конского состава и автомашин, но не более штатной численности по существующим нормам НКО.

4. Разрешить начальнику Артиллерийского управления РККА (тов. Яковлеву[3]) отпускать через т. Панфилова боеприпасы для польской армии на учебные цели по установленным для РККА нормам на фактически выданное польской армии вооружение (за наличный расчет по прейскурантным ценам).

5. За представляемые польской армии казарменный фонд, штабные помещения, средства связи и транспорт, а также и коммунальные услуги взимать арендную плату по существующим для РККА нормам и тарифам.

6. Финансирование осуществляемого польской армией строительства производить через т. Панфилова за счет предоставляемого кредита в сумме пяти миллионов рублей.

7. На расходы, связанные с содержанием на территории Союза ССР польской армии по 1 января 1942 г., предоставить Польскому правительству беспроцентный кредит в сумме 65 млн. рублей.

Фактически произведенные расходы на содержание польской армии по 1 ноября 1941 г. в сумме 39,3 млн. рублей погашаются за счет предоставленного правительству Польской республики кредита.

8. Погашение предоставленной суммы кредита правительством Польской республики производится американскими долларами, золотом или товарными поставками в течение десяти лет по окончании войны.

9. Поручить НКИД оформить предоставляемый кредит и условия его погашения особым соглашением с правительством Польской республики.

Председатель Государственного
Комитета Обороны
(И. Сталин)

Выписки посланы: т.т. Молотову, Панфилову, Шапошникову — все; Хрулеву —,
Яковлеву — 4, Звереву[4] — 6, 7.
т. Вышинскому

Печать: «Государственный Комитет Обороны. Протокольная часть ГОКО»

РГАСПИ. Ф.644. Оп. 1. Д. 13. Лл. 182—183. Копия. На бланке ГКО.
«Z archiwów sowieckich. Tom 1.» S. 94—96.

[1] См. № 176, 177. 6 ноября А.П. Панфилов проинформировал генералов В. Андерса и З. Шишко-Богуша о принятом Государственным Комитетом Обороны (ГКО) решении. Отказ от сформирования дополнительных дивизий побудил польское правительство впервые поставить вопрос о выводе части польских военнослужащих из пределов СССР, где из них могли бы быть сформированы новые польские части.

[2] Панфилов А.П., 1898 г. рождения, генерал-майор танковых войск, в 1941 г. начальник ГРУ Генштаба РККА, уполномоченный Генштаба РККА и ГКО СССР по вопросам формирования польской армии на территории СССР.

[3] Яковлев Николай Дмитриевич (1898—1972) — в 1941 г. генерал-лейтенант артиллерии, в 1941—1945 гг. начальник Главного артиллерийского управления Красной Армии, с 1944 г. маршал артиллерии.

[4] Зверев Арсений Григорьевич (1900—1969), член ЦК ВКП(б), нарком финансов СССР.

№ 174

1941 г. ноября 30, Москва. — Докладная записка Л.П. Берии И.В. Сталину об антисоветских настроениях в польской армии на территории СССР

№ 2939/б Сов. секретно

Государственный комитет обороны
товарищу Сталину[1]

[a)]По состоянию на 25 ноября с.г. в рядах польской армии в СССР находится 40961 человек (1965 офицеров, 11919 унтер-офицеров и 27077 солдат). Сформированы: 5-я пехотная дивизия (14703 человека); 6-я пехотная дивизия (12480 человек);[a)] запасный полк (8764 человека); штаб армии и его команда (508 человек). Кроме того, имеется строительная часть, производящая постройку зимнего лагеря в Котлубанке (3466 чел.) и сборный пункт в Бузулуке, где сосредоточено 1040 человек.[2]

Имеющиеся в распоряжении НКВД СССР данные свидетельствуют, что верхушка командного состава польской армии: генерал-лейтенант Андерс, полковник Окулицкий[3] (начштаба армии), генерал-майоры Боруто-Спехович[4] (командир 5-й дивизии), Токаржевский (командир 6-й дивизии)[5], полковник Берлинг (начштаба 5-й дивизии)[6], полковник Галадык (командир запасного полка)[7], майор Кипияни (главный прокурор)[8] и некоторые другие настроены лояльно сотрудничать с СССР и драться с немцами.

[a)]Данными оперативной техники, личными наблюдениями и агентурными материалами устанавливается, что генерал Андерс и полковник Окулицкий неоднократно требовали от ряда офицеров лояльного отношения к совтской власти и призывали «поставить крест на том, что происходило с 1939 по 1941 г.»[a)]

Желание лояльно сотрудничать с Советским Союзом определяют также некоторые распоряжения Андерса по армии. Он, например, дал указания: привлекать к ответственности военнослужащих поляков, «нелояльно отзывающихся об СССР»; выявлять лиц, симпатизирующих немцам, и информировать о них органы НКВД; расстрелял двух польских солдат за грабежи местного населения.

[a)]Однако, за последнее время Андерс проявлял недовольство в связи с тем, что, считая возможным и желая создать большую польскую армию в СССР, не имел разрешения Верховного командования Красной Армии на формирование новых соединений.[a)] После решения Комитета Обороны от 3 ноября с.г.[9], определившего численность польской армии в СССР на 1941 год в 30000 человек, Андерс заявил, что он возбудит ходатайство, чтобы его освободили от командования армией. Андерс также проявляет недовольство тем,

---

[a-a)] Отчеркнуто на полях чернилами

что, по сведениям поляков, большое количество польских офицеров, среди которых есть лично известные Андерсу, не освобождены из мест заключения. Поляки провели списочный учет офицеров, которые содержались в лагерях и тюрьмах, и Андерс представил нам список на 239 человек.

[а)]Тяжелое финансовое положение, сложившееся к концу октября, неурегулированность вопроса с зимним расквартированием, перебои в снабжении, затруднения со строительством также вызвали недовольство у Андерса. В связи с этим, и под влиянием генерала Шишко-Богуш[10] (известный англофил), генерал Андерс начал заявлять, что «свободная Польша будет существовать только благодаря Америке и Англии».[а)] Зафиксированы заявления Андерса о том, что Советское правительство он считает единственным русским правительством, с которым поляки могут сотрудничать.

Отношение Андерса к немцам определяют следующие его заявления, сделанные в интимном кругу:

... «В Варшаву, занятую немцами, я никогда не пойду»...[б)]

... «Нужно создать возможность, чтобы Германия не могла быть Германией. Восточная Пруссия должна исчезнуть, как известная колыбель всего прусачества, а потом Германию надо будет разделить»...

... «Немцев нужно вырезать всех до единого от 7 до 40 лет»...

Однако Андерс заявляет, что он с одной дивизией в бой не пойдет и на фронт намерен выступить, когда вся польская армия будет сформирована.

Заявляя, что он не является коммунистом и бороться за коммунистическую Польшу не будет, Андерс тем не менее говорит: [а)]«но если польский народ захочет этого, то он будет честно служить польскому советскому правительству»...

Выступления т. Сталина 6 и 7 ноября встретили горячий отклик у Андерса. Оперативной техникой зафиксировано его заявление:[а)]

... «Действительно нужно быть очень сильным и уверенным в силу своего государства, чтобы сказать то, что сказал Сталин»...

[а)]В беседе с нашими офицерами для связи при командовании польской армии Андерс предупреждал о необходимости особой осторожности к англичанам и намекал на то, что в наиболее трудный для СССР момент англичане могут ввести свои войска в Баку.[а)]

[а)]Настроения начштаба польской армии полковника Окулицкого и командира 5-й пехотной дивизии генерала Боруто-Спеховича, примерно, аналогичны настроениям Андерса.[а)] Боруто-Спехович издал приказ по дивизии, в котором указал, что лиц, ведущих антисоветские разговоры, он будет предавать полевому суду. Беседуя с близкими ему лицами о будущей Польше, Боруто-Спехович заявляет, что он хочет видеть ее более демократической, чем она была, и если этого не случится, то он снимет военный мундир. В беседе с полковником Берлингом (начштаба) Боруто-Спехович заявляет, что, если бы в

[а-а)] Отчеркнуто на полях чернилами

[б)] Отточие здесь и далее — в документе. Правильнее было бы ставить их между кавычками и текстом.

СССР имели место антисоветские выступления, он считал бы своим долгом двинуть дивизию на поддержку советского правительства.
Генерал Боруто-Спехович болезненно реагирует на неустроенность ряда польских граждан после их освобождения из мест заключения.

[a]Наряду с этим, среди высшего и старшего командного состава имеется группа враждебно настроенных против СССР людей[a]: генерал Волковицкий — зам. командира 6-й пехотной дивизии; полковник Гробицкий — зам. командира 5-й пехотной дивизии; майор Домань — начштаба 6-й пехотной дивизии, подполковник Фельштейн — начштаба запасного полка; подполковник Павлик — командир 16-го пехполка; майор Лис — пом. командира 6-го артполка и др.

[a]По сведениям самих поляков, полковник Гробицкий приступил к созданию нелегальной организации в 5-й пехотной дивизии, вербуя в нее националистические и антисоветские элементы.[a]

Характерными для настроения этих лиц являются следующие заявления:

... «После разгрома Германии неизбежна война Польши с СССР»...

... «Мы хотели забыть неприятности, причиненные советской властью, но это не так просто»...

(Генерал Волковицкий).

... «Мы поляки, направим оружие на Советы, отомстим за свои страдания в лагерях. Если только нас возьмут на фронт, свое оружие направим против Красной Армии».

(Майор Гудановский).

[a]Антисоветские и реваншистские настроения распространены среди части средних и младших офицеров, которые разжигают отрицательные настроения и среди рядового состава полькой армии. Зафиксирован ряд заявлений польских офицеров следующего характера:[a]

... «Мы вместе с Америкой используем слабость Красной армии и будем господствовать на советской территории»...

(Поручик Корабельский).

... «Большевики на краю гибели, мы, поляки, только и ждем, когда нам дадут оружие, тогда мы их прикончим»...

(Капитан Рудковский).

Поручик Лавитский среди солдат 16-го полка говорил:

... «Вы, солдаты, не сердитесь пока не Советы. Когда немца разобьем, тогда мы повернем винтовки на СССР и сделаем Польшу, как раньше была»...

Поручик Вершковский заявляет:

... «С Советским Союзом против Германии мы воевать не будем. Они нам вместе всадили нож в спину и посадили в концлагеря. За это мы, придет время, отомстим. В этой войне поляки выполнят роль чешской армии в годы гражданской войны»...

[a-a] Отчеркнуто на полях чернилами

[а]Отмечены случаи, когда в столовой офицерского состава открыто бросаются реплики антисоветского содержания:[а]

...«Очень странно, что у Вас ничего нет, что же Вы делали за это время существования Советской власти»...

(Ротмистр Майзнер и поручик Вишневский).

Два офицера польской армии Яблонский и Козловский, обратившихся к нам с просьбой перебросить их в тыл к немцам для участия в партизанской борьбе, заявили, что большинство командных должностей в польской армии занято реакционно настроенными лицами, с которыми предстоит борьба в будущем.

Среди солдат польской армии из числа, главным образом, освобожденных из лагерей и тюрем, настроения антисоветской части офицерства также находят сочувственный отклик.

Полька Пеляцкая, прибывшая в Тоцкие лагеря для поступления в польскую армию, в своем заявлении на имя НКВД характеризует настроения солдат следующим образом:

...«В Тоцком лагере нет никакого стремления к борьбе. Они довольны, что получили свободу и при первом случае перейдут на ту сторону против советской власти. Их разговор полон цинизма и злобы к Советскому Союзу»...

[а]Отмечены неоднократные случаи резких антисоветских высказываний польских солдат среди нашего населения, в колхозах, расположенных около польских частей.[а]

Среди польских солдат и офицеров имеют место также и резкие проявления антисемитизма. Генерал Андерс, хотя и принимает евреев — польских граждан — в польскую армию, тем не менее открыто проявляет антисемитские настроения. Командир 6-й п.д. Токажевский затребовал из запасного полка на пополнение дивизии 1000 солдат «римско-католического вероисповедания». Имел место случай, когда в запасном полку всем солдатам — евреям было предложено выйти из строя для прохождения медосмотра, после которого значительное количество евреев было уволено из армии. Евреи систематически подвергаются оскорблениям со стороны солдат и офицеров польской армии.

[б]НКВД СССР считает целесообразным:[б]

[в]1. Поручить уполномоченному Генштаба по польским формированиям в СССР генерал-майору Панфилову и майору госбезопасности Жукову поставить в известность генерала Андерса об антисоветских настроениях ряда офицеров польской армии для принятия мер.

2. Поручить начальнику тыла Красной Армии генерал-лейтенанту Хрулеву проверить состояние зимнего строительства, расквартирования, снабже-

---

[а-а] Отчеркнуто на полях чернилами.

[б-б] Подчеркнуто карандашом.

[в] Отчеркнуто на полях карандашом до конца следующего абзаца.

ния и довольствия польских частей и принять необходимые меры к устранению существующих недостатков.

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР
Л. Берия[3]

Разослано:
т. Сталину
т. Молотову

АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 63. Лл. 75—81. Подлинник. На бланке НКВД СССР. «Z archiwów sowieckich. Tom II. Armia Polska w ZSRR. 1941—1942». Ed. by W. Materski. W-wa, 1992. S. 18—31.

1 См. № 171, 172, 178, 180, 183.

2 См. № 173.

3 Окулицкий Леопольд (1898—1946), полковник, в 1940 г. командующий силами сопротивления на территории, присоединенной к СССР, с января 1941 г. находился в советских тюрьмах, начальник штаба Польской армии на территории СССР, после поражения Варшавского восстания возглавлял Армию Крайову, весной 1945 г. был задержан советскими властями и в числе других подсудимых являлся обвиняемым на «процессе 16» в Москве.

4 Боруто-Спехович Мечислав см. № 130.

5 Токаржевский (Карашевич-Токажевский) (1883—1964) бригадный генерал, один из организаторов движения сопротивления на присоединенных в 1939 г. к СССР территориях, арестован в марте 1940 г.

6 Берлинг Зигмунд см. № 130, а также Z. Berling. Wspomnienia. Tom I. Z lagrów do Andersa. W-wa, 1990.

7 Галадык Януш, 1898 г.р., полковник, находился в лагерях военнопленных (в Козельске, затем в Грязовце). Командовал резервным центром Польской армии в СССР (Тоцк).

8 Кипияни Адам, майор, главный прокурор Польской армии на территории СССР, с октября 1943 г. начальник юридической службы Польской армии в СССР.

9 30 ноября ГКО приняло постановление, полностью повторявшие оба пункта предложений Берии (РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 15. Л. 172). 2 декабря А.П. Панфилов направил И.В. Сталину проект представления генералу В. Андерсу. В нем главнокомандующего Польской армией на территории СССР информировали о высказываниях антисоветского характера майора Гудановского, поручиков Левицкого, Вершковского, о нелояльных настроениях генерала Е. Волковицкого, майора Л. Доманя (т.е. Домоня), капитана Рудковского, поручиков Корабельского, Вишневского, ротмистра Майзнера. «Польская армия является армией суверенной, внутренняя жизнь польских частей подлежит компетенции польского командования, но, учитывая Ваши пожелания информировать Вас, господин гене-

рал, о случаях нелояльного отношения к своему союзнику со стороны отдельных офицеров и солдат вверенной Вам армии, мы сочли своим долгом поставить Вас в известность о выше изложенном», — говорилось в заключение этого представления (АП РФ. Ф.3. Оп. 66. Д. 63. Лл. 83–85).

[10] Шишко-Богуш Зигмунд, 1899 г.р., генерал бригады, с августа 1940 г. комендант центрального тренировочного лагеря 1-го корпуса Польской армии в Великобритании, в августе–декабре 1941 г. — возглавлял польскую военную миссию в СССР, затем командир 7-й польской дивизии в Армии Андерса, начальник штаба Польской армии до ее вывода из СССР.

№ 175

1941 г. декабря 3, Куйбышев. — Справка УПВИ о бывших польских военнопленных, содержавшихся в лагерях НКВД с 1939 по 1941 г. с приложением[1]

Сов. секретно

Записка по ВЧ
Тов. Федотову[2]

Справка
о быв. военнопленных польской армии, содержавшихся в лагерях НКВД[1]

1. Всего поступило быв. военнопленных, захваченных частями Красной Армии и интернированных, доставленных из Прибалтики 130242 [чел.].
2. Отпущено из лагерей и отправлено в западные области УССР и БССР в 1939 году [a)]42400 ч[ел].
3. [a)] Изъявивших согласие выехать на оккупиров[анную] территорию немцами в октябре и ноябре м[есяце] 1939 г. жителей террито[рии] Польши, отошедш[ей] к Германии [a)] 42492 ч[ел].
4. Передано немцам в 1940–1941 гг. инвалидов, жителей территории быв. Польши, отошедшей Германии, лиц немецкой национальности, а также по запросам немецкого посольства в 1940–1941 гг. 562 ч[ел].
5. Отправлено в распоряжение УНКВД в апреле-мае 1940 г. через I-й спецотдел 15131 ч[ел].
6. Отправлено в пункты формирования польской армии в IX–X 1941 г. 25115 ч[ел].
7. Освобождено не призванных в польскую армию по болезни и отказавшихся служить в ней 289 чел.
8. Содержится в Актюбинском лагере не призванных в польскую армию лиц немецкой национальности 263 чел.

[a-a)] Первоначально было написано: «Передано немцам в октябре–ноябре м-це 1939 г.»

9. Содержится в Актюбинском лагере отведенных от призыва в польскую армию по материалам особого отделения 2 чел.
10. Умерло в лагерях за все время 389 ч[ел].
11. Бежало из лагерей за все время[а)]
12. Потери при эвакуации Львовского лагеря
13. Убыло из лагерей по разным причинам за все время (освобождено по заключениям, отпущено инвалидов, освобождено по приказу НКВД СССР из лагеря и арестовано оперорганами)

Начальник Управления НКВД СССР по делам о военнопленных и интернированных
капитан госбезопасности
(Сопруненко)

[б)] Начал передаватиь в 9.15 Кончил в 9.45. Принял Макетов.[б)]
Макетов — секр[етная] час[ть]

[Приложение]

Основание к справке

Сведения по пункту 2. Сводка от 19/XI 1939 г. (дело сводок за 1939 г.). Справка от VI—1941 г. (дело № 45 сводок, стр. 250).

Сведения по пункту № 3. См. две прилагаемые справки от 24/XI 1941 г.

Сведения по пункту № 4. См. справку за № 25/10981 от 14/XI 1940 г. (дело сводок за 1940 г.) 60 карточек на отправляемых немцев с XI 1940 по V 1941 г.

Сведения по пункту № 5. См. 3 прилагаемые справки по Старобельскому, Козельскому и Осташковскому лагерям.[в)]

Сведения по пункту № 6. См. прилагаемую справку.

Сведения по пункту № 7. См. прилагаемую справку.

Сведения по пункту № 8. см. строевую записку Актюбинского лагеря (263 ч[ел]).

Сведения по пункту № 9. См. строевую записку Актюбинского лагеря (2 ч[ел].).

Сведения по пункту № 10. См. записи в тетради по учету умерших поляков.

Сведения по пункту № 11. См. картотеку бежавших военнопленных поляков.

Сведения по пункту № 12. См. докладную записку о потерях при эвакуации Львовского лагеря (см. дело Львовского лагеря № 29, листы 579—593).

Сведения по пункту № 13. См. материалы в литерных делах.

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 1е. Д. 4. Лл. 3—4. Оригинал. Рукопись.

[а)] В печатном варианте этой справки в этой графе значится: «1082 чел.», в графе «Потери при эвакуации Львовского лагеря 1834 чел., в графе «Убыло из лагерей...»: «683 чел.»

[б-б)] Вписано в нижней части листа карандашом.

[1] См. № 90, 157. К справке от 3 декабря были приложены списки польских военнопленных офицеров а)переданных германским властям (А. Глезер, Г. Стегеман, Р. Бауэр); б)бежавших (один офицер — поручик Ф. Каша); в) умерших в лагерях — 30 человек (РГВА. Ф.1/п. Оп. 1е. Д. 4. Лл. 57—61).

[2] Федотов П.В. — начальник 2-го отдела ГУГБ НКВД СССР. См. список деятелей НКВД.

№ 176

1941 г. декабря 3, Москва. — Запись беседы И.В. Сталина и В.М. Молотова с председателем Совета Министров Польши В. Сикорским и командующим польской армией на территории СССР генералом В. Андерсом

Сов. секретно

Запись беседы тов. И.В. Сталина с председателем
Совета Министров Польши Владиславом Сикорским
3 декабря 1941 г. в 18 час. 00 мин.[1]

Тов. Сталин принимает Сикорского в присутствии тов. В.М. Молотова.

После обмена взаимными приветствиями Сикорский, явившийся на прием в сопровождении польского посла Кота[2] и командующего польскими войсками на территории СССР генерала Андерса, заявляет, что он никогда не был сторонником враждебной Советскому Союзу политики некоторых кругов Польши. Это дало ему моральное право подписать 30 июля 1941 г. договор с СССР. Однако Сикорский не хотел бы, чтобы медленное выполнение договора создавало трудности для его взаимоотношений с поляками. Он рассчитывает, что тов. Сталин сможет помочь в выполнении этого договора с тем, чтобы мелкие недостатки не мешали налаживанию советско-польских отношений. Сикорскому известны те трудности, которые приходится переживать Советскому Союзу в то время, как 4/5 всех сухопутных сил Германии брошено против России. Сикорский был адвокатом Советского Союза в Лондоне и в Америке. Он уже давно составил меморандум о необходимости второго фронта, о чем тов. Сталин говорил в своем докладе 6 ноября. Однако, создание второго фронта — это дело нелегкое. Нужно, чтобы при создании второго фронта не был повторен Дакар.

К сожалению, до сего времени не все еще реализовано из тех мероприятий, которые нужно было бы провести в СССР в соответствии с советско-польским договором. Много поляков находится еще в тюрьмах и в лагерях, где они растрачивают свои силы и здоровье вместо того, чтобы служить нашему общему делу. Сикорский и польский посол не могут представить точных списков этих лиц, но такие списки имеются у начальников концентрационных лагерей.

Тов. Сталин отвечает, что все поляки, бывшие в заключении, освобождены по амнистии. Может быть, некоторые из них еще до освобождения куда-либо

сбежали, например, в Манчжурию. Я хотел бы, говорит тов. Сталин, чтобы у г-на Сикорского создалась твердая уверенность в том, что у нас нет никаких расчетов задерживать в заключении хотя бы одного поляка. Мы освободили всех, даже тех, которые прибыли в СССР с вредительскими заданиями генерала Соснковского[3].

Тов. Молотов говорит, что в заключении остались только те поляки, которые осуждены по уголовным делам.

Тов. Сталин добавляет, что в начале войны мы арестовали несколько поляков, заброшенных к нам немцами с радиостанциями для шпионажа. Ведь, не претендует же польское правительство на их освобождение.

Сикорский и Кот отвечают, что польское правительство таких лиц не защищает. Однако, указывает Кот, в заключении еще находится много поляков-патриотов.

Сикорский говорит, что большую пользу принесло бы опубликование обращения к советским чиновникам и к советскому населению о том, чтобы они лучше относились к полякам.

Тов. Сталин отвечает, что советское население к полякам относится хорошо.

Сикорский отвечает, что он был в Куйбышеве свидетелем бедственного положения одного транспорта поляков. Население к полякам относится хорошо, но представители местной администрации часто относятся к ним плохо. Польское правительство желало бы разделить поляков, находящихся в СССР на две группы. В первую группу должны войти те, которые могут и должны работать. Но эти люди должны работать по своей квалификации. Плохо, если поляк-специалист по танкам вынужден работать в качестве дровосека. Имеются случаи, когда выдающиеся химики-поляки занимаются физическим трудом. Из этих лиц многих можно было бы оставить там, где они поселены, других же следовало бы поселить в районах с более теплым климатом. Они могли бы работать на тех же условиях, что и советские граждане. Во вторую группу должны войти те, кто не может работать, т.е. дети, старики, инвалиды. Для них необходима материальная помощь. Кроме того, представители польского посольства должны иметь право бывать в местах скопления поляков и оказывать там помощь польскому населению. Польское посольство желало бы также иметь во Владивостоке своего представителя для приемки транспортов, идущих для поляков из Америки.

Тов. Сталин отвечает, что амнистия у нас была всеобщей. Возможно, что некоторые поляки, освобожденные из лагерей, не могли выехать из-за транспортных трудностей. В настоящее время ни в тюрьмах, ни в лагерях, ни в ссылке нет поляков, кроме, конечно, уголовных или связанных с немцами.

Генерал Андерс говорит, что в настоящее время в лагерях еще есть неосвобожденные поляки. К нему приезжают все время лица, освобождаемые из лагерей, которые рассказывают от том, что в лагерях еще остается много поляков.

Тов. Молотов отмечает, что если эти поляки приезжают, значит они освобождены.

Андерс говорит, что начальники лагерей постепенно освобождают поляков и много поляков еще находится в заключении. Дело в том, что освобождение поляков сорвало бы выполнение тех планов работ, которые стоят перед начальниками лагерей. Поэтому начальники лагерей предпочитают не освобождать поляков. [a)]Андерс передает тов. Сталину список поляков, которые по его сведениям, все еще находятся в лагерях[a)].

Тов. Сталин обещает еще раз проверить этот вопрос и уладить дело. Что же касается вопроса о том, чтобы дать служащим указание о лучшем отношении к полякам, и вопроса о том, чтобы польские специалисты могли работать по квалификации, то это мы сделаем. Можно также дать возможность агентам польского посла проводить определенную работу с польским населением. Тов. Сталин обращает внимание Сикорского на трудности с перевозками поляков. Немцами сейчас заняты наши районы с более развитой железнодорожной сетью. В восточных районах Советского Союза железнодорожная сеть более слабо развита и это создает трудности в переброске поляков. Сикорский должен понять, что в этих трудностях виновата не наша злая воля, а нужда. Теперь положение постепенно будет улучшаться, так как эвакуационный период закончился: закончена эвакуация 70 заводов, в том числе авиационных и машиностроительных.

Тов. Молотов добавляет, что в настоящее время вырабатывается положение о представителях польского посольства на местах. Это положение согласовывается между польским посольством и Наркоминделом.

Кот говорит, что тех поляков, которые освобождаются на Дальнем Востоке, можно было бы поселять где-нибудь в районе Алтая и не обязательно их перевозить в южные районы.

Тов. Сталин говорит, что для поселения поляков можно было бы указать район Алма-Аты, районы южного Казахстана.

Андерс высказывает пожелание о расселении поляков в районе Ферганы.

Тов. Сталин объясняет, что Фергана является районом, в который мы ввозим хлеб: земля там занята посевами хлопка. Поэтому нужно предусмотреть для поселения поляков те районы, которые являются обильными с точки зрения наличия хлеба.

Тов. Сталин показывает на карте те районы, которые могут быть использованы для расселения поляков.

Сикорский выражает согласие на расселение в этих районах поляков. Сикорский и Кот говорят, что они хотят, чтобы поляки не умирали зря на севере, а помогли бы воевать с Германией.

— Мы этого тоже хотим, — отвечает тов. Сталин. Мы за дружбу с поляками и за совместную борьбу с Германией. Довольно вражды в отношениях между поляками и русскими! История нам диктует необходимость союза славянских народов.

[a-a)] Подчеркнуто карандашом.

[a]Далее Сикорский говорит, что желательно было бы получить заем для помощи польскому населению. По мнению Сикорского, 100 млн. руб. вполне устроили бы польское правительство.

Тов. Сталин отвечает, что это можно сделать.[a]

Тов. Сталин спрашивает, есть ли у поляков еще какие-либо вопросы относительно польского гражданского населения в СССР и, получив отрицательный ответ, предлагает перейти к рассмотрению военных вопросов.

Сикорский заявляет, что поляки хотят вести войну с немцами не символическую, а практическую.

— Где, в колониях? — спрашивает тов. Сталин.

Сикорский отвечает, что польская армия хочет воевать на континенте за освобождение Польши. В настоящее время на оккупированной немцами территории поляки занимаются антигерманским саботажем. В подходящий момент в Польше произойдет восстание. Полтора миллиона поляков вывезено в Германию. Польское правительство имеет с ними постоянную связь. Эти поляки уже наделали немцам немало неприятностей, например, в металлургической промышленности Вестфалии. Кроме того, поляки содействовали возникновению в Германии эпидемий путем распространения бактерий. Эти сведения Сикорский сообщает под большим секретом. О распространении бактерий он не говорил даже Черчиллю, так как англичане весьма сентиментальны и им это будет непонятно.

Тов. Сталин замечает в шутливой форме, что если бы Сикорский попробовал рассказать об этом англичанам, то на следующий день об этом появились бы сообщения в английской печати.

Кроме того, говорит Сикорский, мы имеем корпус наших войск в Англии.

— Сколько дивизий? — спрашивает тов. Сталин.

— Одна дивизия, три бригады и одна офицерская бригада, — отвечает Сикорский. В Англии много польских офицеров, но не хватает бойцов. Кроме того, мы имеем там 19 дивизионов авиации.

Тов. Сталин спрашивает, сколько самолетов насчитывается в польском авиадивизионе.

— 27 самолетов, — отвечает Сикорский. Польские летчики хорошо дерутся с немцами и 20% всех самолетов, сбитых английской авиацией, нужно отнести на счет польских летчиков. Сикорский подчеркивает, что он говорит об этих делах как военный и не собирается делать из этого политики.

— Когда люди хорошо дерутся — это лучшая политика, — говорит тов. Сталин.

Кроме того, продолжает Сикорский, имеется одна самостоятельная польская бригада в Тобруке. После освобождения Тобрука она будет переброшена в Сирию, где будет моторизована и получит 2 батальона танков. Польское правительство имеет несколько боевых кораблей в Атлантическом океане и на Средиземном море. Польское правительство имеет также воинские части и большие

[a-a] Отчеркнуто на полях.

людские резервы в СССР. Поляки, находящиеся в СССР, — это единственный людской резерв польского правительства. Если выполнение договора с СССР будет точным, то поляки смогут сформировать в СССР 8 дивизий, кроме дополнительных корпусных и дивизионных частей. Польские войска в Англии составят авангард английского десанта в случае образования второго фронта в Европе или же будут переброшены в СССР для того, чтобы вместе с другими польскими войсками участвовать в борьбе против Германии. В этом случае Сикорский сам прибудет в СССР для руководства польскими войсками.

Сикорский выражает беспокойство в связи с тем, что польские дивизии в СССР формируются в очень трудных условиях, в которых невозможно создать хорошую армию. Война предстоит долгая. С ее развертыванием приближается момент, когда поляки смогут получить из Англии и из США большое количество военной техники. Английское правительство дало полякам заверение, что они могут получить оружие и продовольствие в Англии, лишь бы польские войска были расположены поблизости от английских баз.

Андерс говорит, что его войска, которых насчитывается около 40 тысяч человек, находятся сейчас в очень трудных условиях. Пока сформировано 2 дивизии.

— Сколько дивизионной артиллерии вы имеете? — спрашивает тов. Сталин.

Всего у меня 2 дивизиона, по одной батарее на полк.

Тов. Сталин говорит, что поляки начали войну с немцами, имея 15-тысячные дивизии, в которые входило по 2 полка артиллерии: один полк пушечный и другой гаубичный. Такая дивизия оказалась слишком тяжеловесной. Гаубицы были отставлены: у противника нет укреплений, поэтому гаубицы не так нужны. Дивизия была облегчена. Наши военные тоже считали, что дивизия должна быть облегчена, поэтому сейчас наши дивизии не имеют достаточно артиллерии. Мы усиливаем наши дивизии противотанковой артиллерией, минометами и противотанковыми ружьями. Современная дивизия, таким образом, насчитывает от 11 600 до 12 тыс. человек.

Андерс говорит, что он считает, что польские дивизии нужно формировать исходя из этого же расчета.

Сикорский говорит, что в настоящее время они имеют в СССР вооружения на одну дивизию. Вторая дивизия не вооружена. Кроме того, польские дивизии расположены в местностях с очень суровым климатом. Сейчас там морозы в 33°, а польские солдаты вынуждены жить в палатках. Сикорский опасается, что они перемрут, не принеся никакой пользы делу войны с Германией. Он говорил с Черчиллем по вопросу о перенесении лагеря в другое место, например, в Иран. Там эти дивизии могли бы быть окончательно сформированы и через 4 месяца они вернулись бы в СССР, — возможно, в сопровождении английских войск, и были бы переброшены на определенный участок германо-советского фронта, чтобы бороться бок о бок с Красной Армией.

Тов. Сталин указывает, что армия, которая пойдет в Иран, сюда больше не возвратится.

— Почему? — спрашивает Сикорский.

— У Англии на фронтах много работы, — говорит тов. Сталин.

— У нас работа здесь, — отвечает Андерс.

Тов. Сталин говорит, что англичане впоследствии скажут: мы вас снабжали, поэтому вы должны работать на нас.

Сикорский заявляет, что польское правительство самостоятельно распоряжается своей армией. Оно сможет вернуть в СССР те войска, которые будут переброшены в Иран, а может быть прибавит к ним и ту бригаду, которая сейчас находится в Тобруке.

Кот добавляет, что поляки лучше дерутся, когда они находятся ближе к Польше.

— Иран не близок к Польше, — говорит тов. Сталин.

Сикорский заявляет, что Англия теперь не та, которую он, Сикорский, видел в 1940 г. Англичане теперь сами имеют большое количество войска.

Тов. Молотов говорит, что, насколько он понял, трудности сформирования частей в СССР вызывают, по мнению польского правительства, необходимость переброски польских войск из СССР в Иран.

Андерс отвечает утвердительно и говорит, что у них нет ни одного жилого помещения, нет леса для того, чтобы строить бараки. Нет конюшен. Лошади в очень плохом состоянии. Нельзя построить школы. Продовольствие поступает в недостаточных количествах.

Сикорский заявляет, что он знает Черчилля и уверен, что с ним не возникнет никаких трудностей по вопросу о возвращении польских частей в СССР из Ирана. Можно подписать для этого договор, который подпишет и Черчилль.

Тов. Сталин указывает, что мы не можем заставить поляков драться. О договоре не может быть и речи. Если поляки не хотят, то мы обойдемся и своими дивизиями.

Тов. Молотов спрашивает, что нужно сделать практически для улучшения условий формирования польских частей.

Андерс опять ссылается на холод, на то, что ему не дают досок для строительства, не дают тракторов для перевозки строительных материалов и т.д.

— Что же мы будем торговаться! — говорит тов. Сталин. Если поляки хотят драться ближе к своей территории, то пусть остаются у нас. Не хотят — мы этого требовать не можем. В Иран, так в Иран. Пожалуйста! Мне 62 года, — продолжает тов. Сталин, — и у меня есть жизненный опыт, который мне говорит, что там, где армия формируется, там она и будет драться.

Сикорский говорит, что они смогут сформировать армию в Иране в лучших, чем в СССР условиях.

— Мы мешать не будем, — говорит тов. Сталин.

Сикорский заявляет, что он не ставит этого вопроса в ультимативной форме. Может быть, в СССР есть другой район, где в более хороших условиях можно формировать польскую армию. К сожалению, ее нельзя формировать там, где она находится.

Тов. Сталин отвечает, что у нас есть, конечно, разные климатические зоны, но главное не в этом. Поляки, ведь, тоже не из теплых стран!

Андерс отвечает, что в Польше все же никогда не бывает таких морозов, как в СССР. Кроме того, в составе польской армии есть люди из разных районов Польши, в том числе и из южных. В настоящее время польская армия просто борется за жизнь, а не готовится к тому, чтобы драться на фронтах.

Сикорский добавляет, что если польская армия не будет обучена, то ей трудно будет драться на фронте. Сикорский говорит, что его немного уколо-ло замечание тов. Сталина о том, что поляки не хотят драться.

— Я человек немного грубый, не дипломат, — говорит тов. Сталин. Я ставлю вопрос резко: хотят ли поляки воевать?

— Хотят, — отвечает Сикорский.

Тов. Сталин указывает, что в Иран уйдут, вероятно, не все поляки, часть останется.

Тов. Молотов спрашивает, как воспримут поляки, которые останутся в СССР, тот факт, что польская армия ушла в Иран.

Андерс говорит, что поляки вернутся из Ирана для того, чтобы драться с немцами. Он, Андерс, твердо убежден в том, что одни только воздушные или морские операции не смогут привести к победе над Германией. Берлин возьмет штык.

Тов. Сталин говорит, что поляки от нас смогут получить вооружение скорее, чем от англичан. Я знаю, говорит тов. Сталин, что такое морские перевозки.

Андерс говорит, что поляки могут сформировать в СССР армию в 150 тыс. человек, что составит 8 дивизий. Летчиков направят в Англию с тем, чтобы затем они опять вернулись вместе с самолетами в польскую армию в СССР. Кроме того, имеется еще 8 батальонов танкистов, которые в настоящее время рубят дрова для лагерей польской армии.

Тов. Сталин напоминает генералу, что поляки сами отказались от формирования авиационных и танковых частей в СССР.

Андерс признает, что он не ставил при заключении военного соглашения вопроса о танках и авиации. Он, Андерс, между прочим, полагал приемлемым передвинуть польские армии к югу с тем, чтобы они могли получать продовольствие автомобильным путем Мешхед–Ашхабад. В польской армии много шоферов, которые смогли бы обслуживать автоколонны.

Тов. Сталин говорит, что дивизии Красной Армии хорошо одеты и хорошо питаются. В них служит и большое количество уроженцев юга, но они не жалуются на климат так, как это делают поляки.

Андерс отвечает, что его дивизии не получают того, что получают части Красной Армии. Ему недодают того, что полагается. У него совершенно нет картошки, он не получает овощей. Большие перебои с продовольствием вообще. Солдаты живут в палатках и в землянках. Конюшни сделаны из хвороста.

— Как хотите, — говорит тов. Сталин, — в Иран, так в Иран.

Сикорский говорит, что он не хотел бы ставить вопрос так резко, а желал бы найти выход в полном согласии с тов. Сталиным.

— Я понимаю, — говорит тов. Сталин, — Англии нужны польские войска. Англия наша союзница, пожалуйста!

Сикорский говорит, что он уверен в том, что не только польские, но и английские дивизии придут вместе из Ирана в СССР. Сикорский готов поставить этот вопрос перед Черчиллем. Черчилль его заверял, что английские части готовы перейти на русский участок фронта. Польская армия в Англии находится в независимом положении. Если бы Сикорский захотел перевести польский корпус из Англии сюда, то уверен, что смог бы это сделать без каких-либо возражений со стороны англичан. В Англии остались бы только некоторые польские летчики, которые входят в состав английских частей.

Тов. Сталин говорит, что он не против того, чтобы в английских войсках дрались и польские части. Тов. Сталин спрашивает, как же будет с советско-польским договором, если польская армия уйдет в Иран. Скрыть этого не удастся. В этом случае договор падает.

Андерс говорит, что война против немцев все равно продолжается и ему непонятно, почему договор падает.

— Война платоническая, — говорит тов. Сталин и указывает, что польские дивизии, находящиеся в СССР, смогут через месяц-два драться на фронте. Сейчас имеются две польские дивизии, можно образовать третью и налицо будет польский корпус.

Андерс указывает, что у него много необученных солдат.

— Но, ведь, у Вас есть резервисты, — говорит тов. Сталин.

— Резервистов у меня 60%, — отвечает Андерс.

— У Вас 60% резервистов и Вы решили, что нельзя ничего сделать. Не дали досок и Вам кажется, что все пропало! Мы возьмем Польшу и передадим ее вам через полгода. У нас войска хватит, без вас обойдемся. Но что скажут тогда люди, которые узнают об том? А польским войскам, которые будут находиться в Иране, придется бороться там, где этого пожелают англичане.

— Где же им придется бороться? — спрашивает Андерс.

— Турцию защищать от немцев — отвечает тов. Сталин. Может быть, в Северной Африке англичанам понадобятся войска, или же через полгода выступит Япония и тогда поляков, может быть, перебросят в Сингапур.

Организуйте корпус здесь, — продолжает тов. Сталин, — чтобы люди не стали смеяться, а остальных можете перебрасывать в Иран. Хотите место и средства для 7 дивизий?

Хотите посылать свои войска в Иран — посылайте. Однако, было бы хорошо для вас и для общего дела сформировать 3 дивизии здесь. Остальных можете посылать в Иран, если Англии нужны войска. Мы ей и сами скоро поможем войсками.

Сикорский говорит, что англичане медленно действуют, но они теперь не те, что были раньше. Если тов. Сталин может найти место для сформирова-

ния польских дивизий в СССР, то можно вопрос об их переброске не ставить, кроме переброски поляков в Англию на пополнение авиационных частей.

В кабинет, где происходит беседа, входит вызванный тов. Сталиным уполномоченный Генерального штаба по формированию польской армии на территории СССР генерал-майор Панфилов.

Тов. Сталин говорит ему, что поляки жалуются, что мы не кормим их солдат, не обуваем их, не одеваем, держим в холоде.

Тов. Панфилов отвечает, что снабжение польских частей происходит нормально, что в последнее время им дали и печки.

— Наши войска лучше живут? — спрашивает тов. Сталин.

Тов. Панфилов отвечает, что наши войска живут не лучше. Если польские войска испытывают недостатки в снабжении, то в этом виноват генерал Андерс, который не сообщал тов. Панфилову об этом. До сего времени польской армии давали 30 тыс. пайков, но армия разрослась и через некоторое время ей стали давать больше, но затем опять уменьшили снабжение до 30 тыс. пайков.

Тов. Сталин говорит, что после его беседы с польским послом было восстановлено прежнее снабжение. В тот же день он дал указание о восстановлении прежней пормы снабжения.

Андерс указывает, что прежнее снабжение его войск не было восстановлено.

— Почему? — спрашивает тов. Сталин тов. Панфилова.

Тов. Панфилов отвечает, что распоряжения о восстановлении прежнего количества пайков были отданы генералом Хрулевым.

— Пайки нужны, а не распоряжение, — говорит тов. Сталин.

— Почему задержаны пайки? — спрашивает тов. Молотов.

— Ведь люди живут хлебом, а не указаниями! — добавляет тов. Сталин.

Сикорский говорит, что он не хотел ставить вопроса о выводе войск из СССР, но после того, как он увидел, что их формирование происходит в столь трудных условиях, то он этот вопрос поднял.

Тов. Сталин говорит, что он ставит вопрос еще раз честно и грубо: если польским войскам будет лучше в Иране, пусть идут в Иран. Если польские войска хотят формироваться и жить в таких же условиях, как наши, то можно сформировать 3–5 дивизий. Наша армия имеет лучшее обмундирование и лучшее питание, чем германская армия. Красная Армия живет лучше, чем германская армия. Такие же условия, как и в Красной Армии, мы можем обеспечить и польской армии.

Андерс отвечает, что если бы он получил на своих людей и лошадей то, что полагается для них в Красной Армии, то он был бы вполне доволен.

— Это вы получите, — говорит тов. Сталин.

Сикорский говорит, что нужно найти более теплое место и можно будет сформировать польскую армию. Его предложение о переброске войск в Иран было продиктовано только желанием подготовить скорее армию к бою.

Тов. Сталин говорит, что ему показалось, что тут дело в том, что англичанам нужны войска.

— Мы хотим воевать на континенте, — заявляет Андерс. Мы воткнем штык в Берлин.

Тов. Сталин говорит, что русские были в Берлине два раза, будут там и в третий раз.

Андерс отвечает, что поляки в Берлине не были, но зато были под Грюнвальденом.

Тов. Сталин напоминает, что битва под Грюнвальденом[4] была в XV веке.

Андерс подтверждает это и выражает восхищение тем, что тов. Сталин это помнит.

Далее Сикорский говорит, что в Узбекистан послано большое количество поляков, которые прибыли для формирования новых частей, но находятся в тяжелых условиях.

Тов. Сталин дает генерал-майору Панфилову указание найти казармы для польских войск. Для этого нужно закрыть несколько школ.

Андерс говорит, что поляки могут сформировать 8 дивизий плюс корпусные и дивизионные войска — всего 150 тыс. человек.

Тов. Сталин спрашивает Андерса, — не увлекается ли он. 150 тысяч — это цифра очень большая. Может быть, такое количество поляков стремится в армию, но не все из них хотят драться. Возможно, что некоторые идут в армию для того, чтобы покормиться. Они рассуждают так: война, вероятно, кончится до того, как нас перебросят на фронт, а мы тем временем будем обеспечены питанием.

Сикорский говорит, что может быть такие лица есть, но это, по всей вероятности, евреи.

Тов. Сталин говорит, что так рассуждать могут и не только евреи. Что же касается евреев, то они плохие вояки.

Андерс говорит, что у него были евреи в армии, которые хотели лишь прокормиться, но они уже разбежались. 350 человек убежало после бомбардировки Куйбышева, которой не было.

Тов. Сталин спрашивает, какое вооружение получили польские войска в СССР.

Тов. Панфилов передает тов. Сталину список, где указано, что получили и чего не получили польские войска в СССР. В основном все получено, — говорит тов. Панфилов. Минометов, снарядов и гранатометов получили больше, чем полагается по штатам. Нет у поляков противотанковой артиллерии и зенитной артиллерии, кроме 4-х пушек.

Сикорский спрашивает тов. Сталина о новых местах формирования польской армии.

Тов. Сталин спрашивает, не будут ли возражать поляки против того, что их войска будут формироваться в нескольких местах.

Получив отрицательный ответ, тов. Сталин указывает, что такими местами могут явиться Средняя Азия, Узбекистан, может быть Туркменистан и может быть Закавказье.

Сикорский спрашивает, сколько дивизий может быть сформировано.

Тов. Сталин указывает, что у нас в Красной Армии теперь нет корпусов. Мы убедились, что наличие корпусного управления только мешает и поэтому у нас дивизии объединяются теперь в армии. Тов. Сталин спрашивает, хотят ли поляки сформировать 7 дивизий. Мы можем обеспечить их так, как обеспечиваем Красную Армию. Отчасти обеспечим их мы, отчасти англичане и американцы.

Андерс говорит, что они могут формировать армию, не образуя корпусов.

Сикорский заявляет, что он примет меры к тому, чтобы получить вооружение из Америки и Англии.

Тов. Сталин отмечает, что перевозка морем весьма трудна, транспорты опаздывают. На море слишком много случайностей.

Сикорский говорит, что поляки сформируют 7 дивизий. Летчиков они перебросят в Англию. Сикорский спрашивает, нужны ли Советскому Союзу летчики.

Тов. Сталин говорит, что в отношении авиации мы сравнялись с немцами, с той авиацией, которая имеется у них на нашем фронте. Местами у нас есть преобладание. Авиация у нас неплохая. Нам не хватает танков.

Сикорский говорит, что немало авиации немцев было переброшено в Африку.

— Может быть, — отвечает тов. Сталин. Мы видим, что у немцев авиация сейчас стала слабее: летчики плохие, самолеты несколько устарели. У немцев нет истребителей, которые делали бы по 580 км в час или бомбардировщиков, которые имели бы скорость более 500 км в час. Известный самолет «Юнкерс» имеет скорость всего 460 км в час. Кроме того, у немцев мало пушечного вооружения для самолетов.

Сикорский говорит, что и по его мнению советская авиация весьма сильная. Нельзя сравнить противовоздушную оборону Москвы с защитой Лондона. Москва защищена много лучше, чем Лондон, и разрушения в ней невелики.

Тов. Сталин говорит, что англичане хорошие летчики. Они хорошо воевали под Мурманском, где были их истребители. Английские летчики — хорошие ребята, — говорит тов. Сталин.

Сикорский хвалит советских летчиков. Они славятся своим умением и храбростью.

Тов. Сталин говорит, что он считает славян самыми храбрыми среди народов Европы. Кроме того, они быстро все осваивают. Это молодые нации, которые не истрепаны городскими трущобами.

Андерс говорит, что славяне это не то, что французы.

Тов. Сталин говорит, что французы — народ хороший, но правители у них оказались плохими. Народ французы способный. Немцы добились того, что сделали славян своими врагами. Славяне съедят немцев. Гитлер не этого хотел.

Сикорский говорит, что он тоже так думает.

Далее Сикорский указывает, что он хотел бы посетить места формирования польских войск, а также места скопления поляков в СССР, а затем он хо-

чет снова прилететь в Москву для того, чтобы иметь заключительную беседу с тов. Сталиным.

— Я к вашим услугам, — отвечает тов. Сталин.

Сикорский говорит, что он хотел бы выступить завтра по радио с декларацией от имени правительств всех оккупированных стран. Текст декларации он передал в Куйбышеве тов. Вышинскому.

Тов. Сталин отвечает, что он читал эту декларацию и что будет очень хорошо, если Сикорский огласит ее по радио.

Сикорский просит оповестить о часе его выступления Лондон с тем, чтобы оттуда смогли передать его декларацию на других языках.

Тов. Сталин говорит, что его декларацию переведут в Москве на 24 языка и она будет передана по радио из Москвы.

Сикорский передает тов. Сталину в письменном виде проект советско-польской декларации[5]. Нужна ли такая декларация — пусть решит тов. Сталин. Сикорский полагает, что такая декларация произвела бы благоприятное впечатление на Америку.

Приняв проект декларации, тов. Сталин обещает его прочесть и дать ответ завтра.

В заключение тов. Сталин и Сикорский уславливаются, что генерал Андерс и генерал Панфилов встретятся завтра для того, чтобы переговорить конкретно по вопросам формирования польских частей.

Беседа происходила в кабинете тов. В.М. Молотова в СНК СССР, продолжалась 2 часа 30 минут и велась на польском языке. Переводил генерал Андерс.

Записал — Подцероб.[6]

АВПРФ. Ф. 048. Оп. 52а. Папка 458. Д. 2. Лл. 29—49. Подлинник «Международная жизнь», 1990, № 12, с. 134—140.

[1] См. 175, 177.

[2] Кот Станислав (1885—1975), политик и историк, профессор Ягелонского университета (1920—1936), один из лидеров «Стронництва Людового» (Крестьянской партии), в 1939—1941 гг. министр внутренних дел в кабинете В. Сикорского, в 1941—1942 гг. — посол ПР в СССР, в 1943—1944 г. министр пропаганды польского правительства, в 1945—1947 гг. — посол в Италии, затем в эмиграции.

[3] Соснковский Казимеж (1885—1969), генерал армии, член ППС с 1904 г., один из организаторов Союза стрельцов (1910 г.), соратник Ю. Пилсудского, начальник штаба I бригады легионов Польских (1914—1916), в Войске Польском с 1918 г., военный министр и член Совета обороны страны (1920—1925), инспектор армии (1927—1939), министр обороны в правительстве В. Сикорского, с июля 1943 г. главнокомандующий польскими вооруженными силами на Западе. В августе 1944 г. вышел в отставку в знак протеста против неоказания союзниками помощи Варшавскому восстанию.

[4] Грюнвальдская битва — решающее сражение «Великой войны» 1410—1411 гг., в котором польско-литовско-русские войска 15 июля 1411 г. разгромили войска Тевтонского ордена.

[5] Речь идет о Декларации Правительства Советского Союза и правительства Польской республики о дружбе и взаимной помощи, которую 4 декабря 1941 г. подписали И.В. Сталин и Владислав Сикорский. В ней два правительства, «исполненные духом дружеского согласия и боевого сотрудничества», заявляли о том, что «немецко-гитлеровский империализм является злейшим врагом человечества, — с ним невозможен никакой компромисс» и два государства совместно с Великобританией при поддержке США «будут вести войну до полной победы и окончательного уничтожения немецких захватчиков». Подчеркивалось, что оба правительства окажут друг другу во время войны полную военную помощь, а «войска Польской Республики, расположенные на территории Советского Союза, будут вести войну с немецкими разбойниками рука об руку с советскими войсками». В заключительном пункте документа декларировались основы обеспечения прочного и справедливого мира: после победы и наказания гитлеровских преступников должна была быть установлена новая организация международных отношений, основанная на объединении демократических наций в прочный союз (Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т 1. М., 1944. С. 168—169).

[6] Подцероб Борис Федорович (1910—1983) — в 1937—49 гг. — сотрудник центрального аппарата НКИД (МИД) СССР, в 1949—52 гг. — генеральный секретарь МИД СССР, в 1952—1953 гг. — зам. министра иностранных дел, затем посол в Турции, Австрии, посол по особым поручениям МИД СССР.

№ 177

1941 г. декабря 25, Москва. — Постановление ГКО № 1064сс «О польской армии на территории СССР»

№ ГКО-1064сс Сов. секретно

Государственный Комитет Обороны

Постановление № ГКО-1064сс
от 25 декабря 1941 г. Москва, Кремль.

О польской армии на территории СССР[1]

В соответствии с Соглашением между Правительством Союза ССР и Правительством Польской республики Государственный Комитет Обороны постановляет:

1. Определить общую численность польской армии на территории Союза ССР в 96000 человек офицерского, унтер-офицерского и рядового состава.

2. Исходя из установленной численности польской армии, разрешить польскому командованию сформировать на территории Союза ССР:

а) шесть пехотных дивизий по 11000 человек каждая
Всего ..... 66000 человек

б) штаб армии, штабные учреждения, офицерскую школу, запасные части и части усиления армии с общей численностью ..... 30000 человек

Всего ..... 96000 человек

3. Польскую армию дислоцировать:

а) Штаб армии и штабные учреждения	—Янги-Юль (Узбекская ССР)
б) офицерскую школу	— ст. Вревская (Узбекская ССР)
в) запасные части	— ст. Гузар (Узбекская ССР)
г) армейские части усиления	— ст. Отар (Казахская ССР) Кара-Балты (Киргизская ССР) ст. Кара-су (Киргизская ССР)
д) 5-ю пехотную дивизию	— [а)]Джаляль-Абад[а)] (Киргизская ССР)
е) 6-ю пехотную дивизию	— Шахрысябз (Узбекская ССР)
ж) 7-ю пехотную дивизию	— Кермине (Узбекская ССР)
з) 8-ю пехотную дивизию	— Совхоз Пахта-Арал (в районе г. Чимкент Казахской ССР)
и) 9-ю пехотную дивизию	— Маргелан (Узбекская ССР)
к) 10-ю пехотную дивизию	— ст. Луговая (Казахская ССР)

4. В связи с увеличением численности польской армии до 96000 человек, разрешить призыв в польскую армию граждан польской национальности, населявших до 1939 г. территории Западной Украины и Западной Белоруссии. Граждане других национальностей, проживавшие на этих территориях, призыву в польскую армию не подлежат.

5. Начальнику тыла Красной Армии (т.Хрулеву) обеспечить польскую армию необходимым лагерным инвентарем, посудой, кухонными принадлежностями, палатками и необходимым материалом для строительства лагерей.

6. Совнаркомам Узбекской, Казахской, Киргизской ССР, начальнику тыла Красной Армии (т.Хрулеву), командующему войсками Средне-Азиатского военного округа в пунктах дислокации польской армии для размещения штабов, школ, санитарных учреждений и общежитий офицерского состава предоставить крытые пригодные для жилья помещения. Если потребуется, разрешить использовать школьные здания Наркомпроса.

Войсковые части разместить палаточным лагерем.

7. Разрешить начальнику тыла Красной Армии (т. Хрулеву) отпускать продовольствие для польской армии, впредь до выхода частей на фронт, по нор-

---

[а-а)] Так в документе, правильно Джалал-Абад.

мам пайка № 3, исходя из списочного состава частей, но не более установленной численности польской армии в 96000 человек.

Фураж, горюче-смазочные материалы отпускать за наличный расчет на фактическое наличие конского состава и автомашин, но не более штатной численности по существующим нормам НКО.

8. Разрешить начальнику Артиллерии Красной Армии (т. Воронову[2]) в дополнение к ранее отпущенному вооружению отпустить за наличный расчет для польской армии артиллерийское и стрелково-пулеметное вооружение в количестве из расчета на одну дивизию одиннадцатитысячного состава.

9. Начальнику Главного управления связи, начальнику Главного санитарного управления, начальнику Главного химического управления, начальнику Главного инженерного управления, начальнику Ветеринарного управления отпустить для польской армии за наличный расчет инженерное, химическое, санитарное, ветеринарное и имущество связи в минимальных количествах для учебных целей. Медикаменты для людского и конского состава в необходимых количествах по списочному составу людей и конского состава.

10. Начальнику Управления тыла Красной армии (т. Хрулеву) и начальнику Главного автобронетанкового управления Красной Армии (т. Федоренко[3]) отпустить для польской армии конский состав, обозно-хозяйственное имущество и автотранспорт только для хозяйственных нужд.

Председатель Государственного
Комитета Обороны
(И. Сталин)

Выписки посланы: т.т. Молотову, Шапошникову, Хрулеву — все; командующему войсками САВО[6)] — 3,6, СНК Узбекской, Казахской, Киргизской ССР — 3,6, Микояну — 7, Воронову — 8, Пересыпкину[4], Смирнову[5], Мельникову[6], Котляру[7], Лекареву[8] — 9, Федоренко — 10.

РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 17. Лл. 172—174. Копия. На бланке постановлений ГКО.
«Z archiwów sowieckich. Tom II.» S. 40—45.

[1] См. № 176. В постановлении ГКО реализовывались договоренности, достигнутые в ходе переговоров И.В. Сталина с В. Сикорским. Однако в дальнейшем от них отказались (см. № 180).

[2] Воронов Николай Николаевич (1899—1968) — главный маршал артиллерии (1944), с июля 1941 г. начальник артиллерии Красной Армии, зам. наркома обороны СССР, с марта 1943 г. командующий артиллерией Красной Армии.

[3] Федоренко Яков Николаевич (1896—1947) — маршал бронетанковых войск (1944). В июне 1941 г. генерал-лейтенант танковых войск, начальник управления автобро-

нетанковых войск, в июле 1941 — мае 1943 гг. одновременно зам. наркома обороны, с декабря 1942 г. — командующий бронетанковыми войсками Красной Армии.

4 Пересыпкин Иван Терентьевич (1904—1978) — маршал войск связи (1944), в 1939—1944 г. нарком связи СССР и одновременно зам. наркома обороны.

5 Смирнов Ефим Иванович (1904—1989), генерал-полковник медицинской службы, в годы войны начальник Главного военно-санитарного управления Красной Армии, в 1944 г. член Специальной комиссии (т.н. «Комиссии Бурденко»).

6 Мельников — начальник Главного химического управления Красной Армии.

7 Котляр Леонтий Захарович (1901—1953), генерал-полковник инженерных войск (1943). В годы войны начальник Главного военно-инженерного управления Красной Армии, затем начальник инженерных войск Красной Армии.

8 Лекарев — начальник ветеринарного управления Красной Армии.

№ 178

1942 г. января 2, Куйбышев. — Письмо генерального секретаря Исполкома Коминтерна Г. Димитрова заместителю наркома иностранных дел СССР А.Я. Вышинскому об антисоветских настроениях в Армии Андерса

Товарищу Вышинскому[1]

Посылаю Вам приложенные материалы, относящиеся к положению в польской армии.

Материалы эти по времени имеют ввиду случаи, происходившие до приезда в СССР Сикорского, но они заслуживают внимания, так как нельзя полагать, что в рядах польской армии антисоветская и антисемитская работа в настоящий момент прекратилась. Наоборот, есть достаточно данных, которые говорят о том, что эта работа в известной части армии продолжается, хотя в более прикрытой форме, чем раньше.

С товарищеским приветом,

(Г. Димитров)[2]

[a)] Приложение: на 10 листах[a)]

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 423. Л. 23. Отпуск.
«Коминтерн и вторая мировая война. Часть II. После 22 июня 1941 г.» М., 1998. С. 173.

1 Сотрудники отдела кадров Исполкома Коминтерна (ИККИ) К. Вилков и Л. Касман направили генеральному секретарю ИККИ Георгию Димитрову выдержки

[a-a)] Не публикуется

из писем активистов распущенной Компартии Польши, которые были командированы в Армию Андерса по линии Коминтерна. Я. Фукс, Я. Розенштейн, М. Аронович, Стжалковский, А. Маркус, В. Бартошевич и другие сообщали об «антисоветских» настроениях в польской армии, о ее составе (по преимуществу бывшие военнопленные и узники советских тюрем и лагерей). Вилков и Касман информировали Димитрова о том, что в Армию Андерса ИККИ направил 81 человека, часть из них была принята (РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 423. Лл. 24–35).

[2] Димитров Георгий Михайлович (1882–1949), видный деятель болгарского и международного коммунистического движения, в 1935–1943 гг. генеральный секретарь Исполкома Коминтерна, в 1944–1945 гг. заведующий Отделом международной информации ЦК ВКП(б), в ноябре 1945 г. вернулся в Болгарию и был назначен председателем Совета министров этой страны.

№ 179

1942 г. января 28, Лондон. — Нота МИД Польской Республики, врученная послу СССР при польском правительстве в Лондоне А.Е. Богомолову, относительно освобождения польских граждан из советских лагерей и тюрем

Польская Республика.
Министерство иностранных дел
№ 49/ /42 Лондон, 28 января 1942 г.

Господин Посол,[1]

Польское Правительство сожалеет, что оно должно довести до сведения Вашего Превосходительства то, что, согласно сведениям, полученным Польским Правительством, освобождение польских граждан, находящихся на территории СССР в трудовых лагерях и в других местах заключения, не было полностью осуществлено. В ряде случаев местные административные власти СССР не применяют в полном объеме предписания Советского декрета от 12 августа 1941 г.[2]

По этому вопросу я имею честь упомянуть, в частности, прискорбный факт, что из общего количества офицеров и солдат, зарегистрированных в лагерях военнопленных в Козельске, Старобельске и Осташкове, до сего момента не были освобождены: 12 генералов, 94 полковника, 263 капитана и около 7 800 офицеров низших рангов. Имеются основания подчеркнуть, что розыски, произведенные в Польше и в рейхе, позволили установить с уверенностью, что военные, о которых идет речь, не находятся сейчас ни в оккупированной Польше, ни в лагерях военнопленных в Германии.

Согласно дошедшим до нас отрывочным сведениям, часть пленных, якобы находится в очень тяжелых жизненных условиях на островах Франца-

Иосифа, Новой Земли и на территории Якутской Республики по берегам р. Колымы.

Я считаю необходимым добавить, что вопрос о судьбе польских граждан, военных и штатских, служил объектом нескольких последовательных вмешательств польского посольства в Куйбышеве, которое вскоре сможет представить новый поименный список этих лиц Правительству СССР. С другой стороны, этот же вопрос служил объектом беседы в Москве 4 декабря 1941 г.[3] между господином Председателем Польского Совета министров и господином Председателем Совета народных комиссаров. Генерал Сикорский был счастлив, что получил в этой беседе заверения в том, что будут даны необходимые инструкции компетентным советским властям и что все пленные будут освобождены.

Ссылаясь на содержание и дух этой беседы, так же как и на условия, принятые двумя нашими Правительствами, я не сомневаюсь в том, что Ваше Превосходительство соблаговолит разделить мое убеждение, что действительное и быстрое выполнение условий Дополнительного протокола к Польско-Советскому соглашению, подписанному в Лондоне 30 июля 1941 г. по вопросу об освобождении польских граждан, заключенных в тюрьмы или находящихся в лагерях для пленных или трудовых лагерях, основано на настоятельных мотивах гуманности и справедливости. Ваше Превосходительство без сомнения соблаговолит разделить также мнение Польского Правительства, что вышеуказанное выполнение имеет существенную важность для благоприятного развития наших взаимных отношений, таких, какими желают видеть их руководители политики обеих стран, объединенных в общей борьбе против захватчика.

Прося Ваше Превосходительство соблаговолить передать содержание вышеизложенного Вашему Правительству, я пользуюсь случаем, чтобы передать заверения в моем высочайшем уважении.[a)]

Перевел с французского В. Якубовский.

АВП РФ. Ф. 048. Оп. 52а. Папка 458. Д. 2. Лл. 16—18. Подлинник перевода с французского яз.

[1] Богомолов Александр Ефремович (1900—1969), на дипломатической работе с 1939 г., в 1939—1940 гг. – генеральный секретарь НКИД СССР, заведующий 1-м Западным отделом НКИД, в 1940—1941 гг. – советник полпредства, затем полпред СССР во Франции, в 1941-1943 гг. — посол СССР при союзных правительствах в Лондоне, в 1944—1950 г. — посол СССР во Франции.

[2] Имеется в виду Указ Президиума Верховного Совета СССР (см. № 168).

[3] Имеется в виду беседа В. Сикорского и В. Андерса с И.В. Сталиным и В.М. Молотовым, проходившая не 4, а 3 декабря 1941 г. См. № 176.

[a)] Подпись отсутствует

№ 180

1942 г. марта 14, Москва. — Докладная записка Л.П. Берии И.В. Сталину о положении в польской армии на территории СССР

№ 583/б
Экз. № 1

Сов. секретно

Государственный Комитет Обороны
товарищу Сталину[1]

Во исполнение задания Правительства эвакуация в Иран некоторых контингентов военнослужащих польской армии и польских граждан закончена 3 апреля с.г.

[a)]Отправлено из Красноводска в Пехлеви 42254 чел. в том числе: польских военнослужащих — 30099 и польских граждан — 12155.

В Красноводске осталось в госпитале 147 человек больных[a)].

В ходе эвакуации перебоев с подачей вагонов, судов, а также в питании и санобслуживании не было.

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР
Л. Берия

Разослано: т. Сталину
т. Молотову

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 63. Л. 138. Подлинник. На бланке НКВД СССР. «Z archiwów sowieckich. Том II». S 48—72.

[1] 31 марта уполномоченный СНК СССР по делам польской армии на территории СССР Г.С. Жуков сообщил Л.П. Берии и через него И.В. Сталину, что генерал В. Андерс планирует осуществить призыв в армию всех польских граждан, проживающих в СССР. «Если на это пойти, то в ближайшем будущем установленный лимит 44 420 человек будет превышен и вновь возникнет вопрос о дополнительной эвакуации поляков в Иран», — писал Жуков. Он предлагал сообщить польскому командующему, что призыв будет проведен в две очереди: теперь же будет призвано то количество людей, которое необходимо для доукомплектования частей по штату, остальные — когда польские войска, сформированные в СССР, уйдут на фронт (АПРФ. Коллекция материалов)

[a-a)] Отчеркнуто на полях карандашом

№ 181

1942 г. июля 24, Москва. — Докладная записка Л.П. Берии И.В. Сталину о предстоявшем выводе Армии Андерса с территории СССР

№ 1351/б Сов. секретно

Государственный Комитет Обороны
товарищу Сталину[1]

[a)]По сообщению уполномоченного СНК СССР при штабе польской армии тов. Жукова, поляки приступили к подготовке эвакуации польских частей из СССР.[a)]

13/VII т.г. Андерс по этому вопросу провел совещание командиров польских дивизий и отдельных частей.

Решение об эвакуации широко известно в польских частях. В связи с этим снизилась боевая учеба. Командование некоторых частей дало указание солдатам, чтобы они сдавали советскую валюту, передали польскому гражданскому населению вещи советского происхождения и на складах частей обменяли бы предметы советского обмундирования на английское.

Оперативный отдел штаба польской армии развернул работу по изучению ливийского и египетского театров военных действий. Командование 5-й дивизии приступило к перестройке по штатам английской дивизии семнадцатитысячного состава. В целом, штаб польской армии занят разработкой плана эвакуации.

[a)]За обедом у Андерса командиров дивизий, на замечание генерала Токажевского, что полякам надо усилить работу против немцев в Варшаве, Андерс резко ответил: «Нет, задача поляков разбить Роммеля[2]».[a)]

Наблюдается стягивание семей военнослужащих и интересующих поляков гражданских лиц в места дислокации польских частей.

С 20 мая на довольствие польских частей дополнительно зачислено 1149 человек, при этом пригодных к военной службе из этого количества только 28 человек, а остальные женщины, старики и дети.

Жуков информировал об этом Андерса и потребовал, чтобы он прекратил самочинные действия командования польских частей, предупредив, что все самовольно двигающиеся в места дислокации польских частей польские граждане будут арестовываться.

[a)]Часть польского командования к решению об эвакуации на Ближний Восток относится отрицательно. В беседе с Жуковым командир 5-й дивизии полковник Окулицкий (бывший начальник штаба польской армии) сообщил, что лично он боится, как бы польские части не превратились в колониальные войска Англии.[a)]

[a-a)] Отчеркнуто на полях карандашом

Выступая на вечере в честь годовщины Грюнвальдской битвы, Окулицкий, в присутствии Андерса, задал вопрос: «От имени всех солдат я позволю задать вопрос господину генералу — почему мы до сих пор не на фронте?» Андерс возмутился, но ответа на вопрос Окулицкого не дал.

Начальник штаба польской армии генерал Шишко-Богуш в частной беседе с Жуковым заявил, что [a)]«в Египет желают ехать люди, верящие в разгром Красной Армии и разрыв коммуникаций между Советским Союзом и его союзниками на севере и на юге, а так как я верю в силу СССР и его Красной Армии, может быть больше, чем многие из ваших граждан, я не хотел бы уезжать из СССР».[a)]

19 июля с Жуковым связался адъютант Андерса ротмистр Климковский[3] и, попросив оставить содержание разговора в тайне от поляков, заявил следующее:

[a)]«Польская армия в СССР представляет из себя балаган, а не войско. Андерс мало сделал для того, чтобы подготовить боеспособные части. Это обстоятельство вызвало резкое недовольство со стороны молодых офицеров, которые считают единственной задачей польских войск драться как можно скорее на фронте и притом только на Восточном. Будучи в Англии, Андерс находился под большим воздействием как Сикорского, так и англичан, которые требовали от поляков согласия на эвакуацию войск на ближне-восточный театр»[a)].

Далее Климковский заявил, что он обращается к Жукову от имени группы молодых офицеров, которая намерена добиться отмены решения об эвакуации, «выгнать из армии всех баб и всякий хлам», обратиться с просьбой к Советскому правительству дать быстрее оружие и направить на фронт.

В виду этого Климковский хотел бы выяснить, как Советское правительство смотрит на эвакуацию польских частей из СССР, так как, «если оно в этом не заинтересовано и рассматривает решение об эвакуации внутренним делом самих поляков», — организация молодых офицеров намерена арестовать Андерса, Шишко-Богуша и командира 5-й польской дивизии генерала Раковского[4], собрать совещание командиров частей, радировать в Лондон, что польская армия из СССР выезжать отказывается, потребовать от Лондона назначения нового командующего и обратиться к советскому правительству с просьбой вооружить польские части и направить быстрее на Восточный фронт.

На вопрос Жукова, что из себя представляет организация молодых офицеров и кто к ней относится, Климковский с некоторой неохотой назвал полковника Окулицкого, зам. нач[альника] штаба армии подполковника Веньковского, начальника учебного центра полковник Сулик-Сорновского и начальника контрразведывательного отдела штаба армии подполковника Бонкевича. Точку зрения молодых офицеров, по словам Климковского, целиком разделяет прибывший недавно из Лондона епископ польской армии Гавлина.

[a-a)] Отчеркнуто на полях карандашом

Под влиянием названных лиц, как утверждает Климковский, находится половина офицерского корпуса.

Жуков ответил Климковскому, что все это он считает несерьезной затеей и рекомендовал ему ждать решения своего командования.

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР
Л. Берия

Разослано: т. Сталину
т. Молотову

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 63. Лл. 152—156. Подлинник. На бланке НКВД СССР. «Z archiwów sowieckich. Том II». S. 92—100.

[1] См. № 174. Записку Л.П. Берии И.В. Сталину о положении и настроениях в Армии Андреса от 14 марта 1942 г. см.: «Z archiwów sowieckich. Tom II». S. 48—72.

[2] Роммель Эрвин (1891—1944), генерал-фельдмаршал. В 1940 г. в качестве командира 7-й танковой дивизии участвовал в разгроме Франции, в 1941—1944 гг. командующий немецкими экспедиционными силами в Северной Африке, затем группами армий «Б» в Северной Италии и во Франции, был связан с участниками заговора против Гитлера и после провала покушения на фюрера совершил самоубийство.

[3] См. Klimkowski J. Byłem adiutantem gen. Andersa. W-wa, 1959.

[4] Раковский Бронислав (1895—1950) генерал бригады, в 1914—1917 гг. в Легионах Польских, с 1918 г. в Войске Польском, командир 12-го полка уланов (1931—1936), начальник военно-исторического бюро ВП (1936—1939), в сентябре 1939 г. начальник штаба обороны Львова, впоследствии находился в заключении в СССР, с сентября 1941 г. командир 5-й дивизии Польской армии на территории СССР, выехал с армией Андерса в Иран, являлся начальником штаба Польской Армии на Востоке (1942—1943), командовал 2-й танковой бригадой.

№ 183

1942 г. октября 14, Москва. — Решение Политбюро ЦК ВКП(б) № 38/224 о передаче на рассмотрение военных трибуналов дел 16 арестованных сотрудников и представителей польского посольства и о выдворении из СССР 78 сотрудников этих представительств

Протокол № 38 Политбюро ЦК ВКП(б) за 26 июля—10 ноября 1942 г.
(Особый № 38)
Решение от 14.X. 42 г.

224. — Вопрос НКИД и НКВД.

а) Передать на рассмотрение военных трибуналов по месту совершенных преступлений дела в отношении следующих 16 человек — арестованных сотрудников представительств и доверенных лиц польского посольства, проводивших шпионскую и другую враждебную работу против СССР в наиболее злостной и активной форме:

1. Мешковского — представителя польского посольства по Красноярскому краю,
2. Бахневича — сотрудника для поручений представительства по Красноярскому краю,
3. Савича — агента по снабжению представительства по Красноярскому краю,
4. Маттошко — представителя посольства по Алтайскому краю,
5. Жолтовского — доверенного посольства по Бийскому району Алтайского края,
6. Сарапецкого — представителя посольства по Семипалатинской области,
7. Кучинского — заместителя представителя посольства по Семипалатинской области,
8. Тварковского — секретаря представительства по Акмолинской области,
9. Шпайзера — сотрудника для поручений представительства по Карагандинской области,
10. Ставинского — завхоза представительства по Туркменской ССР,
11. Янчука — доверенного представительства по Чарджуйской области,
12. Бугайского — доверенного посольства по Ташкентской области,
13. Винтера — доверенного посольства по Ферганской области,
14. Беднаж — доверенного посольства по Киргизской ССР,
15. Артамонову-Пест — доверенного лица по Соль-Илецкому району Чкаловской области,
16. Зарудного — пом. доверенного посольства по Горьковской области.

б) Следующих 78 человек арестованных сотрудников представительств и доверенных лиц польского посольства по решению Особого совещания НКВД СССР выдворить за пределы СССР:

1. Ляховича — врача представительства по Красноярскому краю,
2. Терликовича — бухгалтера представительства по Красноярскому краю,
3. Судника — секретаря представительства по Красноярском краю,
4. Соберайского — зав. складом представительства по Красноярскому краю,
5. Олипра — сторожа представительства по Красноярском краю,
6. Турецкого — инженера представительства по Красноярскому краю,
7. Вайгетнера — сотрудника особых поручений представительства по Алтайскому краю,

8. Ижицкого — секретаря представительства по Алтайскому краю,
9. Бартош — завхоза представительства по Алтайскому краю,
10. Ковалевского-Доленга — юрисконсульта представительства по Алтайскому краю,
11. Седлецкого — врача представительства по Алтайскому краю,
12. Карпинского — доверенного посольства по Змеиногорскому району Алтайского края,
13. Сохань — доверенного посольства по Ойротской автономной области Алтайского края,
14. Шевчика — заместителя представителя по Челябинской области,
15. Минца — сотрудника для поручений представительства в городе Челябинске,
16. Захарьясевича — зав. санэвакопункта представительства в г. Челябинске,
17. Баламут — секретаря представительства в г.Челябинске,
18. Лещинского — зав. транспортным складом польского посольства в Новосибирске,
19. Кун — секретаря представительства в г. Семипалатинске Казахской ССР,
20. Велещука — бухгалтера представительства в г. Семипалатинске Казахской ССР,
21. Голавского — зам. представителя польского посольства в г. Павлодаре Казахской ССР,
22. Грохоцкую — зав. отделом материнской помощи в г. Павлодаре Казахской ССР,
23. Вирча — юриста представительства в г. Павлодаре Казахской ССР,
24. Цибулькина — зав. кадрами представительства в г. Павлодаре Казахской ССР,
25. Янишевского — зав. паспортным бюро представительства в г. Павлодаре Казахской ССР,
26. Новицкого — завхоза представительства в г. Павлодаре Казахской ССР,
27. Страдынь — бухгалтера представительства в г. Павлодаре Казахской ССР,
28. Турковскую — секретаря представительства в г. Павлодаре Казахской ССР,
29. Лецинского — интенданта представительства в г. Павлодаре Казахской ССР,
30. Романьского — представителя польского посольства в г. Кустанае Казахской ССР,
31. Дорош Ванду — секретаря представительства в г. Кустанае Казахской ССР,
32. Эрнста — зам. представителя польского посольства в г. Кустанае Казахской ССР,
33. Покладцкого — бухгалтера представительства в г. Кустанае Казахской ССР,

34. Домбровского — зам. представителя польского посольства по Южно-Казахстанской и Кзыл-Ордынской областям,
35. Турека — зав. паспортным столом представительства по Южно-Казахстанской обл.,
36. Бардецкого — зав. отделом регистрации представительства по Южно-Казахстанской обл.,
37. Новосада — бухгалтера представительства по Южно-Казахстанской области,
38. Дзевицкого — представителя польского посольства по Джамбульской области,
39. Ленчинского — зам. представителя польского посольства по Джамбульской области,
40. Кормана — бухгалтера представительства по Джамбульской области,
41. Эккерта — зам. доверенного польского посольства по Карагандинской области,
42. Дудчака — бухгалтера при доверенном польского посольства в г. Караганде,
43. Эккерта Леона — бухгалтера при доверенном польского посольства в г. Караганде,
44. Вольского — зам. представителя польского посольства по Алма-Атинской области,
45. Лисевича — курьера представительства по Алма-Атинской области,
46. Томашевского — зам. представителя польского посольства по Акмолинской области,
47. Пирожинского — исполняющего обязанности доверенного польского посольства по Актюбинской области,
48. Матусевича — зам. представителя польского посольства по Северо-Казахстанской и Омской областям,
49. Назаревского — завхоза представительства по Северо-Казахстанской области,
50. Лендера — курьера представительства по Северо-Казахстанской области,
51. Жеребецкого — представителя польского посольства по Чкаловской, Актюбинской областям и Башкирской АССР,
52. Коцупера — зам. представителя польского посольства в г. Чкалове,
53. Жеребецкого Чеслава — бухгалтера представительства по Чкаловской области,
54. Закса — секретаря представительства по Чкаловской области,
55. Аубера — представителя польского посольства по Марийской АССР,
56. Гохфельда — зам. доверенного польского посольства по Сталинабадской области Таджикской ССР,
57. Мрачковского — секретаря представительства в г. Ашхабаде Туркменской ССР,

58. Гостковского — зав. складом представительства в г. Ашхабаде Туркменской ССР,
59. Комарницкого — доверенного посольства по Джалал-Абадской области,
60. Марчуковского — сотрудника доверенного польского посольства по Ташкентской области,
61. Гельгун — информатора доверенного польского посольства по Ташкентской области,
62. Коваля — начальника паспортного отдела представительства в г. Самарканде Узб. ССР,
63. Ярошевского — бухгалтера представительства по Узбекской ССР,
64. Висиньского — представителя польского посольства по Кировской области,
65. Слуцкого — зам. представителя по Кировской области,
66. Финка — завхоза представительства по Кировской области,
67. Дубровского — бухгалтера представительства по Кировской области,
68. Гартмана — доверенного польского посольства по Татарской [А]ССР,
69. Гонтарского — доверенного польского посольства по Горьковской области,
70. Новаковскую — секретаря при доверенном польского посольства по Горьковской области,
71. Агафонова — сотрудника для поручений при доверенном польского посольства по Горьковской области,
72. Винярчика — представителя польского посольства по Коми АССР,
73. Гончинского — инспектора представительства по Узбекской ССР,
74. Доманского — доверенного польского посольства по Ухтинскому району Коми АССР,
75. Паепка — посыльного польской делегатуры по Коми АССР,
76. Гурщика — зам. представителя польского посольства по Вологодской области,
77. Паенка А. — представителя польского посольства по Якутской ССР,
78. Калинского — секретаря представителя польского посольства по Якутской АССР,

в) Всех остальных арестованных сотрудников представительств и доверенных лиц польского посольства (15 чел.) по решению Особого совещания НКВД СССР из-под стражи освободить, дела в отношении их прекратить:

1. Меллера — завхоза представительства по Алма-Атинской области,
2. Охник — сотрудницу представительства по Акмолинской области,
3. Малиновскую — врача представительства по Северо-Казахстанской и Омской областям,
4. Ильвичеву — переписчицу представительства по Северо-Казахстанской и Омской областям,
5. Любовицкого — зав. складом представительства по Чкаловской области,
6. Рылко — зав. ларьком представительства по Чкаловской области,

7. Рычак — доверенную посольства по Ленинабадской области,
8. Матушек — доверенную посольства по Сталинабадской области,
9. Кон — разъездного курьера по Сталинабадской области,
10. Вахтеля — регистратора при доверенном посольства по Сталинабадской области,
11. Мантела — управ[ляющего] делами представительства по Узбекской ССР,
12. Петровского — регистратора представительства по Кировской области,
13. Юшкевича — доверенного посольства по Дырносскому кирпичному з[аво]ду в г. Сыктывкаре Коми АССР,
14. Винчевскую — пом. секретаря представителя [по] Коми АССР,
15. Новосада — сотрудника представительства по Вологодской области[1].

Выписки посланы: т.т. Молотову, Берия.

Секретарь ЦК ВКП(б)

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 126. Д. 37. Л. 53, 56—60. Копия.
«Материалы «Особой папки» Политбюро ЦК РКП (б)–ВКП(б) по вопросу советско-польских отношений 1923-1944 гг.» Под ред. И.И. Костюшко. М., 1997. С. 121—127.

[1] Памятную записку НКИД СССР посольству Польши в СССР от 28.X. 1942 г. по этому вопросу см. в: Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. VIII. С. 325—330.

№ 184

1943 г., января 15. Москва. — Докладная записка Л.П. Берии И.В. Сталину относительно польских граждан на территории СССР и необходимости оформить им советское гражданство[1]

№ 77/б

Сов. секретно

Государственный комитет обороны
товарищу Сталину

[a)]На основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 12/VIII-1941 года об амнистии польским гражданам[2], освобождено из тюрем, лагерей, мест ссылки и высылки 389041 чел., состоявших до 1—2 ноября 1939 года в польском гражданстве[a)].

[a-a)] Отчеркнуто на полях крандашом

Из этого числа:

поляков	—	200828 чел.
евреев	—	90662 „
украинцев	—	31392 „
белорусов	—	27418 „
русских	—	3421 „
друг[их] национальностей	—	2291 „

Кроме того, из числа бывших польских граждан, прибывших из Западных областей Украины и Белоруссии на работу по добровольному найму во внутренние области СССР, в настоящее время осталось б)21860б) чел., из них:

поляков	—	6957 чел.
евреев	—	8830 „
украинцев	—	3893 „
белорусов	—	2180 „

В течение 1942 года эвакуировано в Иран 114732 человека польских граждан (76110 военнослужащих и 38622 гражданских лиц) в подавляющем большинстве поляки по национальности.

а)Таким образом, по состоянию на 13 января 1943 года на территории СССР осталось б)215081 челб)., состоявших до 1—2 ноября 1939 года в польском гражданстве, из коих:а)

поляков	—	92224 чел.
евреев	—	102153 „
украинцев	—	14202 „
белорусов	—	6502 „

а)До сих пор все эти лица проживают в СССР по справкам, выданным им при освобождении из тюрем, лагерей и мест ссылки и высылки, удостоверяющим, что эти лица освобождены из-под стражи на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 12/VIII-1941 года об амнистии польским гражданамa).

В связи с протестом польского посольства о призыве в Красную Армию некоторых контингентов бывших польских граждан из числа жителей западных областей Украины и Белоруссии 1 декабря 1941 г. НКИД направил польскому посольству ноту с разъяснением, что Советское правительство, проявляя добрую волю и уступчивость, готово признать польскими гражданами лиц польской национальности, проживавших к 1—2 ноября 1939 года в западных областях УССР и БССР, но не может признать польскими гражданами лиц других национальностей, проживавших к указанному сроку в этих областях.

В соответствии с этим разъяснением, в мае 1942 года НКВД СССР, по согласованию с НКИД, была разработана инструкция о порядке паспортизации польских граждан.

а-а) Отчеркнуто на полях карандашом

б-б) Подчеркнуто карандашом.

Инструкция обязывала польское посольство представить в НКИД поименный список польских граждан, коим оно намерено выдать национальные паспорта. Эти списки НКИД должен был направлять в НКВД СССР для проверки правильности определения польским посольством гражданства этих лиц. После проверки списков польскому посольству предоставлялось право выдавать национальные паспорта через его представителей и доверенных лиц на местах.

В июне 1942 года НКИД довел до сведения поляков об указанном порядке паспортизации. Польское посольство с ним не согласилось и заявило, что оно считает этот порядок «нарушением суверенных прав польского правительства».

В ноте от 9 июля 1942 года НКИД вторично предложил полякам принять разработанный порядок паспортизации польских граждан. Поляки на эту ноту не ответили, после чего ни посольство, ни НКИД к этому вопросу не возвращались.

27 декабря 1941 года НКИД СССР поставил в известность НКВД СССР о том, что посольству Польской республики разрешено иметь на территории СССР временные представительства и так называемых доверенных лиц, функции которых определены «Положением о круге компетенции представителей посольства Польской Республики».

На этом основании польское посольство в местах концентрации польских граждан имеет в настоящее время 389 доверенных лиц, выделенных из числа проживающих в этих районах польских граждан.

В обязанность доверенных лиц польского посольства на местах входит информация посольства о нуждах польских граждан и оказание им материальной помощи за счет польского посольства.

С разрешения НКИД СССР, доверенные лица на местах, по согласованию в каждом отдельном случае с местными советскими органами, имеют право организации различных благотворительных учреждений (детские дома, ясли и сады, дома призрения для престарелых и др.)

По состоянию на 13 января 1943 года доверенными лицами польского посольства на территории СССР открыто:

а) детских домов — 192 , в них детей — 12814, обслуживающего персонала — 377 чел.;

б) детских садов — 168, в них детей — 6102, обслуживающего персонала — 284 чел.;

в) школ — 51, в них учащихся — 2420, обслуживающего персонала — 93 чел.;

г) домов для инвалидов — 32 на 1673 чел, обслуживающего персонала — 80 чел.;

д) столовых — 26 на 4121 чел., обслуживающего персонала — 61 чел.;

е) врачебных стационаров — 11, в них больных 444 чел., обслуживающего персонала — 42 чел.;

ж) амбулаторий — 22, обслуживающего персонала — 60 чел.;

з) аптек — 3;
и) пошивочных мастерских — 8;
к) подсобных хозяйств — 3, рабочих в них — 70 чел.;
л) прачечных — 1, рабочих в ней — 11 чел.

Совнарком СССР 29 января 1942 года № 1541/РС обязал Наркомторг СССР выделять специальные фонды промышленных и продовольственных товаров за счет польского посольства для организуемых посольством детских приютов, домов призрения и лечебных учреждений по нормам, установленным для аналогичных советских учреждений.

В соответствии с этим, Наркомторг СССР 16 февраля 1942 года издал приказ № 2902/578, обязывающий зав. облторготделами, крайторготделами и Наркомов торговли союзных и автономных республик выделять в централизованном порядке по заявкам польских представителей необходимые фонды промышленных и продовольственных товаров и оказывать представителям польского посольства на местах содействие в организации предприятий общественного питания для обслуживания польских граждан на местах их скопления.

[а)]Несмотря на неоднократные запросы тов. Любимова со стороны НКВД СССР, Наркомторг СССР итоговых данных о количестве выделенных полякам продовольственных и промышленных товаров собрать не сумел[а)].

Кроме помощи продовольствием и промтоварами, оказываемой Наркомторгом СССР, поляки пользуются также благотворительной помощью из-за границы.

Товары из-за границы идут через Архангельск, Мурманск и через Гаудуан-Ашхабад.

Для хранения грузов, поступающих из-за границы, НКИД СССР разрешил польскому посольству открыть склады в Ашхабаде, Архангельске, Чкалове, Красноярске, Самарканде, Барнауле, Сыктывкаре и Мамлютке (Казахская ССР).

С этих складов, по указанию польского посольства, грузы направляются доверенным лицам для распределения среди польских граждан.

Вагоны для перевозки грузов предоставлялись польскому посольству Грузовым управлением НКПС по заявкам тов. Вышинского.

Благотворительные грузы из-за границы для польского посольства и польского Красного Креста начали поступать с 5 декабря 1941 года.

Всего до 1 ноября 1942 года поступило 2943917 килограммов различных грузов, из них:

продовольствия	—	1494724 кг.
одежды	—	873069 кг.
обуви	—	374092 кг.
мыла	—	182176 кг.

[а-а)] Отчеркнуто на полях

медикаментов — 19122 кг.
галантереи — 734 кг.

Исходя [б)]из вышеизложенного, НКВД СССР считает необходимым[б)]:

[а)]1. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 ноября 1938[в)] года оформить советское гражданство всех постоянных жителей западных областей УССР и БССР, к 1—2 ноября 1939 года находившихся на территории этих областей, вне зависимости от их национальной принадлежности.

2. Поручить НКВД СССР в 3-месячный срок выдать советские паспорта этой категории советских граждан.

Лиц, отказывающихся получить советские паспорта, а также всех подстрекателей к отказу, арестовывать[а)] и привлекать к ответственности по ст. 192 «а» ч. 2 УК РСФСР и соответствующим ст[атьям] УК других союзных республик.

3. Поручить СНК союзных и автономных республик, краевым и областным исполкомам принять соответственно в системы Наркомпроса, Наркомсобеса, Наркомздрава и Наркомторга сеть польских благотворительных учреждений (детские сады, детские дома, детские ясли, столовые, амбулатории, дома призрения и пр.). Заведующими этих учреждений назначить советских граждан.

Лиц, ранее пользовавшихся услугами польских благотворительных учреждений, в дальнейшем обеспечивать на общих основаниях наравне с соответствующими категориями населения СССР и аналогичных советских учреждений.

СНК СССР дать по этому вопросу на места соответствующие указания.

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР
Л. Берия

Разослано:
т. Сталину
т. Молотову.

Пометы И.В.Сталина в верхней части 1-го листа карандашом: «От Берия» и «О поляках».

АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 25. Л. 15—21. Подлинник. На бланке НКВД СССР. «Kremlin versus Poland 1939—1945. Documents from the Soviet archives». W-wa, 1996. S. 50—62.

[1] См. № 185.
[2] См. № 168.

[б-б)] Подчеркнуто карандашом.
[в)] Так в тексте. Правильно: «1939»
[а-а)] Отчеркнуто на полях карандашом.

№ 185

1943 г., января 15. Москва. — Решение Политбюро ЦК ВКП(б) № 39/155 «О советском гражданстве некоторых категорий быв. польских граждан»

Протокол № 39 Политбюро ЦК ВКП(б) за 17 ноября 1942 — 14 марта 1943 г. (Особый № 39)

Решение от 15.I.43 г.

155. — О советском гражданстве некоторых категорий быв. польских граждан

ЦК ВКП(б) постановляет:

1. Текст ноты НКИД утвердить (приложение)[1].

2. Поручить НКВД СССР в 3-месячный срок выдать, в соответствии с указанной выше нотой НКИД (п.1), советские паспорта лицам, состоявшим в польском гражданстве до 1—2 ноября 1939 г.

3. Лиц, демонстративно отказывающихся получить советские паспорта, а также всех подстрекателей к отказу, привлекать к уголовной ответственности.

4. Поручить СНК союзных и автономных республик, краевым областным исполкомам принять соответственно в системы Наркомпроса, Наркомсобеса, Наркомздрава и Наркомторга сеть польских благотворительных учреждений (детские сады, детские дома, детские ясли, столовые, амбулатории, дома призрения и проч[ее]).

Заведующими этих учреждений назначить советских граждан.

Лиц, ранее пользовавшихся услугами польских благотворительных учреждений, в дальнейшем обеспечивать на общих основаниях наравне с соответствующими категориями населения СССР и аналогичных советских учреждений.

СНК СССР дать по этому вопросу на места соответствующие указания.

Выписки посланы: т.т. Молотову, Берия, Чадаеву[2].

Секретарь ЦК И. Сталин
Печать ЦК ВКП(б)

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 126. Д. 37. Л. 69—70. Копия.
«Материалы «Особой папки» Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б)...» С. 127—128.

[1] Приложение к п. 155 (О. П.) при ПБ № 39 — заверенная копия ноты. Там же. Л. 73. Текст ноты НКИД СССР посольству Польши в СССР от 16.I.1943 г. см. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. VII. С. 342—343. В ней говорилось, что заявление, содержащееся в советской ноте от 1.XII.1941 г., «о готовности сделать изъятие в отношении некоторых категорий лиц польской национальности, надлежит считать утратившим силу и вопрос о возможности нераспространения на указанных выше лиц постановлений о советском гражданстве — отпавшим». Там же. С. 343.

[2] См. № 222.

Часть 3

ЭХО КАТЫНИ

Апрель 1943 — сентябрь 2000 г.

Введение

Часть третья — краткий вариант готовящегося в настоящее время четвертого тома российско-польского издания «Катынь. Сборник документов». В ней рассматриваются события, связанные с фальсификацией истории катынского преступления, осуществлявшейся на государственном уровне почти полвека. Хронологические рамки этой части — от 13 апреля 1943 г., дня заявления по германскому радио об обнаружении массовых захоронений польских офицеров в Катынском лесу, до открытия мемориальных военных кладбищ в Катыни, Харькове и Медном в июне—сентябре 2000 г.. В третью часть вошли: германские, польские и советские материалы относительно обнаружения вблизи Смоленска могил нескольких тысяч польских офицеров; дипломатические акты и переписка И.В. Сталина с У. Черчиллем и Ф.Д. Рузвельтом; документы о создании и работе Специальной комиссии во главе с Н.Н. Бурденко; записки Л.П. Берии И.В. Сталину о репрессированных в годы второй мировой войны поляках на территории СССР; записи заседаний советской правительственной комиссии по Нюрнбергскому процессу и ее инструкции главному обвинителю от СССР на Суде Народов; материалы, связанные со Специальной комиссией конгресса США (Комиссией Р. Мэддена); письмо А.Н. Шелепина Н.С. Хрущеву от 3 марта 1959 г., решения Политбюро ЦК КПСС, касающиеся сокрытия катынского преступления, и др.

13 апреля 1943 г. берлинское радио сообщило об обнаружении в Катынском лесу под Смоленском массовых захоронений польских офицеров (см. № 186). Впервые германским властям стало известно о расстреле поля-

ков под Смоленском из показаний военнопленного Меркулова еще 2 августа 1941 г. После захвата Смоленска и его окрестностей войсками Ф. Бока не было попыток проверить эти показания. Однако с 6 января 1942 г. в районе Козьих Гор в течение трех месяцев дислоцировался строительный батальон № 2005, в котором работали поляки. В конце своего пребывания в Гнездове польские рабочие узнали от населения окрестных деревень о месте расстрела польских офицеров. В Катынском лесу они раскопали могилы, в которых нашли тела в польской военной форме, и поставили на них березовые кресты.

Об этом были проинформированы немцы, но тогда эти захоронения их не заинтересовали. Вермахт рвался к Волге, после ожидавшегося вскоре падения Сталинграда должна была, по их расчетам, сдаться и Москва. Капитуляция армии Ф. Паулюса и последующее наступление Красной Армии изменили ситуацию в пользу антигитлеровской коалиции. Ширилось движение Сопротивления. В новой обстановке секретная полевая полиция энергично взялась за расследование гибели захороненных в Катынском лесу поляков. Проведенные 18 февраля 1943 г. частичные раскопки позволили обнаружить несколько общих могил польских офицеров. 28 февраля были допрошены местные жители, в частности Иван Андреев и Федор Куфтиков. В этот же день командование группы армии «Центр» направило Главному командованию сухопутных сил вермахта (ОКХ) соответствующее донесение начальника местной полевой полиции. Все материалы вскоре попали к начальнику оперативного отдела ОКВ А. Йодлю и были переданы им профессору Герхарду Бутцу, специалисту в области судебной медицины, который в дальнейшем возглавил работы по эксгумации. 29 марта ОКХ распорядилось вскрыть могилы, установить число жертв и обстоятельства смерти[1].

По распоряжению Гитлера было решено придать делу всемирную огласку. В Катынь были направлены журналисты из Швеции, Швейцарии, Испании и ряда стран-сателлитов Германии. 11 апреля туда же прибыла первая делегация поляков из Генерал-губернаторства. 13 апреля заявлением берлинского радио было положено начало шумной пропагандистской кампании с использованием прессы и радио, направлением в Катынь многочисленных групп поляков, журналистов из разных стран, местных жителей, союзных военнопленных и т.д.

17 апреля Й. Геббельс записал в своем дневнике: «Катынское дело становится колоссальной политической бомбой, которая в определенных условиях еще вызовет не одну взрывную волну. И мы используем ее по всем прави-

[1] Madajczyk Cz. Dramat katyński. W-wa, 1989. S. 35—36.

лам искусства. Те 10—12 тыс. польских офицеров, которые уже раз заплатили своей жизнью за истинный, быть может, грех, ибо они были поджигателями войны, еще послужат нам для того, чтобы открыть народам Европы глаза на большевизм»[2].

16 апреля Совинформбюро обвинило в убийстве польских офицеров гитлеровцев, объявив, что поляки работали под Смоленском, где и попали в германский плен (см. № 187). И в передаче Московского радио, и в статье, появившейся в «Правде» 16 апреля, деревня «Гнездовая» характеризовалась как место археологических раскопок исторического «Гнездовского могильника»[3]. В убийстве же польских офицеров обвинялись немцы, которые якобы захватили в плен польских офицеров летом 1941 г. при вступлении соединений вермахта в район Смоленска.

Правда была нежелательна не только сталинскому руководству, но и демократическим союзникам СССР по антигитлеровской коалиции. У. Черчилль и Ф. Рузвельт понимали цели Берлина и сделали все, чтобы ограничить политический резонанс катынского дела, предотвратить раскол коалиции (см. № 191, 193). Общие интересы союзников для них в то время были важнее выяснения истины. Об этом свидетельствуют и переписка У. Черчилля и Ф. Рузвельта с И.В. Сталиным (см. №№ 190, 191, 193), и переговоры британского премьера с польскими государственными деятелями.

15 апреля премьер-министр РП В. Сикорский и министр иностранных дел РП Э. Рачинский завтракали с У. Черчиллем и постоянным заместителем министра иностранных дел Великобритании А. Кадоганом. Сикорский проинформировал британского премьера о советско-польских отношениях и судьбе поляков в Советском Союзе; Рачинский передал англичанам докладную записку о пропавших без вести в СССР польских офицерах и полицейских. Британский премьер понимал, что германская пропаганда стремится внести раздор среди союзников по антигитлеровской коалиции. Он предостерег польских государственных деятелей, чтобы они не поддались на эту провокацию. В заключение У.Черчилль сказал: «Итак, к сожалению, немецкая информация может подтвердиться. Я знаю, на что способны большевики и какими они могут быть жестокими; все это мне известно... Но другая политика невозможна. Ибо наша обязанность — вести себя так, чтобы спасти поставленные нами главные цели и эффективно служить им»[4]. Премьер сказал, что британский кабинет уже принял решение по этому вопросу и еще раз под-

[2] Goebbels Tagebucher. April — August 1943.
[3] Правда, 16 апреля 1943 г.
[4] Barker E. Churchill and Eden at War. L., 1978. S. 248—249.

черкнул: «Есть вещи, которые, хотя и достоверные, не годятся, чтобы говорить о них публично. Нарушить этот принцип — значит допустить серьезную ошибку». В. Сикорский тем не менее ответил, что польское правительство будет вынуждено занять ясную и четкую позицию в отношении немецкого заявления, и она отнюдь не будет благоприятной для Советов[5].

Министр иностранных дел Великобритании А. Иден, в свою очередь, 19 апреля беседовал со своим польским коллегой о катынском деле. В тот же день он проинформировал британский кабинет о сильнейшей обеспокоенности, охватившей поляков. А. Иден подчеркнул, что хочет убедить их рассматривать катынское дело как результат германской пропаганды, что, однако, не должно означать, что все это неправда[6].

Члены британского правительства согласились с У. Черчиллем и А. Иденом в том, что катынское дело не должно отвлекать внимание поляков от усилий, направленных на получение разрешения русских на выезд оставшихся в СССР польских военнослужащих и их семей на Ближний Восток. Попытки посла Великобритании при польском правительстве Оуэна О'Малли доказать причастность НКВД к расстрелу польских офицеров вызвали лишь раздражение в английском кабинете (см. № 197). А. Иден заявил в палате общин, что британское правительство не верит немцам, будет противодействовать их циничным попыткам расколоть коалицию, что оно не может оттолкнуть такого сильного союзника, как СССР.

Правительство Великобритании координировало свою позицию в катынском вопросе с администрацией США. В телеграмме А. Идена в Вашингтон указывалось: «Польско-советские отношения недавно подверглись суровому испытанию. Существует реальная опасность возникновения серьезной обеспокоенности среди польских военнослужащих за границей, особенно среди тех, кто был вывезен на Средний Восток из СССР в прошлом году. Польское правительство полагает, что оно, возможно, даже будет вынуждено отозвать своего посла из Москвы»[7].

Американские дипломаты в Европе, в свою очередь, не питали иллюзий относительно целей катынской акции немцев. Ф. Рузвельт поддержал позицию У. Черчилля: единство коалиции являлось непременным условием разгрома стран оси; все остальное должно было отступить на задний план. Американскому полковнику Д. ВанВлиту, побывавшему в Катыни в период пре-

[5] Мадайчик Ч. Катынская драма // Катынская драма. Козельск, Старобельск, Осташков: судьба интернированных польских военнослужащих. М., 1991. С. 90–92.

[6] Мадайчик Ч. Указ. соч. С. 54.

[7] Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. (FRUS). 1943. Vol. 3. Wash., 1963. P. 383.

бывания в германском плену, было запрещено делиться своими впечатлениями и выводами, которые были явно не в пользу советских властей. Полковника Г. Шиманского, являвшегося офицером связи при Польском корпусе на Ближнем Востоке, наказали за распространение сведений о катынском преступлении. По прямому указанию Ф. Рузвельта должен был отказаться от публикации своих материалов по катынскому делу специальный представитель США на Балканах Дж. Эрл[8].

У поляков же германское сообщение вызвало буквально шок. 16 апреля министр обороны Польши генерал М. Кукель сделал заявление в связи с расстрелом офицеров ВП и потребовал проведения следствия (см. № 188). Генерал В. Андерс приказал отслужить мессы по душам военнопленных, узников тюрем, депортированных, погибших на территории СССР, и тех, кто сложил головы в боях с вермахтом. 17 апреля польское правительство обратилось в Международный Красный Крест с просьбой расследовать гибель офицеров в Катыни (см. № 188). В тот же день к МКК обратилась и германская сторона. Сталинское руководство, воспользовавшись этим одновременным обращением, обвинило правительство Сикорского в сговоре с нацистским руководством Германии.

19 апреля в «Правде» была опубликована статья «Польские сотрудники Гитлера» (см. № 189). Наряду с обвинениями в адрес польского правительства в потворстве геббельсовской провокации, орган ЦК ВКП(б) изложил советскую версию событий. Указывалось, что немцы зверски убили бывших польских военнопленных и многих советских людей, а теперь хотят замести следы своих преступлений. Авторы передовицы воспользовались допущенными немцами антисемитскими измышлениями о еврейских комиссарах, якобы участвовавших в организации расстрела, чтобы поставить под сомнение все немецкие обвинения. Действительно, комиссаров-евреев: Льва Рыбака, Авраама Борисовича, Павла Бродинского и Хаима Финберга не было ни в УНКВД по Смоленской области, ни в центральном аппарате НКВД СССР.

21 апреля ТАСС опубликовало заявление, в котором подчеркивалось, что статья «Польские сотрудники Гитлера» полностью отражает позицию руководящих советских кругов в данном вопросе. «Появившееся 18 апреля заявление правительства г. Сикорского на ту же тему не улучшает, а ухудшает дело, так как оно солидаризируется с вышеупомянутым коммюнике польского министерства национальной обороны и помогает тем самым немецким окку-

[8] Zawodny J.K. Katyń. Paris. 1989. S. 145–160.

пантам прикрывать свои преступления против русского и польского народов», — указывалось в нем[9].

В тот же день И.В. Сталин направил послания Ф. Рузвельту и У. Черчиллю с изложением своей позиции по «катынскому делу» и сообщением о намерении разорвать отношения с правительством В. Сикорского (см. № 190).

Коминтерн, со своей стороны, дал указание руководству Польской рабочей партии, действовавшему в подполье, провести самую энергичную разоблачительную кампанию по поводу «смоленской провокации» гитлеровцев и позиции правительства Сикорского (см. № 194). Выполняя это поручение, ППР 1 мая выпустила специальное обращение по поводу «гитлеровской расправы» с польскими офицерами. В то время как сражавшиеся в подконтрольной Москве Армии Людовой поляки в своем большинстве считали виновными в катынском расстреле нацистов, бойцы Армии Крайовой, руководимые из Лондона, были уверены, что это дело рук сталинских палачей[10].

24 апреля У. Черчилль в послании И.В. Сталину поставил под сомнение утверждение советского лидера о взаимодействии поляков с гитлеровцами и заверил его, что Великобритания всеми силами будет противодействовать расследованию катынского преступления Международным Красным Крестом или каким-либо другим органом на контролируемой Германией территории. Ф. Рузвельт в свою очередь заявил об ошибочности обращения к международным организациям, но и он не верил в сговор правительства Сикорского с Берлином (см. № 191, 193).

Тем не менее 25 апреля 1943 г. польский посол Т. Ромер был вызван в Наркоминдел, где В.М. Молотов зачитал ему ноту о разрыве отношений с польским правительством (см. № 192). В ней на польскую сторону была возложена ответственность за нарушение всех правил и норм во взаимоотношениях двух союзных государств, в подхватывании и распространении немецкой провокации, в контактах и сговоре с Гитлером.

Хотя И.В. Сталин пренебрег рекомендациями У. Черчилля и Ф. Рузвельта воздержаться от разрыва отношений с кабинетом В. Сикорского, лидеры США и Великобритании и в дальнейшем делали все возможное, чтобы помешать обсуждению катынской темы в польской и британской прессе. 28 апреля У. Черчилль писал А. Идену: «Не следует патологически кружить вокруг могил трехлетней давности под Смоленском» (см. № 195). Тем не менее в по-

[9] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 1. М., 1944. С. 391–394.

[10] Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 125. Д. 170. Л. 65.

слании Сталину от 30 апреля британский премьер предупредил советского лидера, что его страна и, скорее всего, США не признают организованного на русской земле польского правительства и будут продолжать поддерживать кабинет Сикорского. О том, что такие попытки предпринимались в СССР, свидетельствует письмо председателя Союза польских патриотов (СПП) В. Василевской, направленное И.В. Сталину 9 ноября 1943 г., относительно состава Национального Комитета Свободной Польши — прообраза будущего просоветского правительства (см. № 203).

Чтобы сгладить негативное впечатление от разрыва отношений с одним из активных участников антигитлеровской коалиции, И.В. Сталин 4 мая ответил положительно на вопрос корреспондента г. «Нью-Йорк Таймс» и «Таймс» Р. Паркера, желает ли Правительство СССР видеть сильную и независимую Польшу после поражения гитлеровской Германии. Отвечая на второй вопрос: на каких основах должны базироваться отношения между двумя странами после войны, советский лидер сказал: «На основе прочных добрососедских отношений и взаимного уважения, или, если этого пожелает польский народ, — на основе союза по взаимной помощи против немцев как главных врагов Советского Союза и Польши»[11].

6 мая было опубликовано пространное заявление А.Я. Вышинского представителям англо-американской печати в Москве относительно советско-польских отношений[12]. В нем зам. наркома иностранных дел остановился на проблеме формирования на территории СССР польских воинских частей. Он коснулся темы помощи польским семьям, эвакуированным на восток (в действительности депортированных в 1940-1941 гг. органами НКВД), а также осветил вопрос о разведывательной деятельности польских представительств на территории СССР. Вышинский утверждал, что «советское правительство сделало все необходимое» для «объединения усилий советского и польского народов в совместной борьбе против гитлеровских разбойников и оккупантов». Правительство же Сикорского, по его словам, пошло по другому пути, не захотело направить свои дивизии на советско-германский фронт, уклонилось от принятых на себя обязательств. Заместитель наркома напомнил, что польскому посольству было позволено создать по всей стране широкую сеть своих представительств, доверенных лиц, благотворительных учреждений для оказания помощи полякам. Он обвинил сотрудников посольства и польских представительств во враждебной СССР разведывательной де-

[11] Там же. С. 89.

[12] Там же. С. 303—312.

ятельности, напомнил о высылке из СССР главы военной миссии генерала Воликовского, первых секретарей посольства Арлета и Заленского, вторых секретарей Груя и Глоговского и т.д. Именно этой деятельностью Вышинский объяснял решение советских властей о ликвидации института польских представительств как не оправдавшего себя.

В этот же день, 6 мая, было принято постановление Государственного Комитета Обороны (ГКО) о формировании на территории СССР польской стрелковой дивизии, 10 августа — о польском корпусе (см. № 196), командиром которых назначался З. Берлинг.

В мае 1943 г., в преддверии Вашингтонской конференции, на которой Ф. Рузвельт и У. Черчилль должны были решать вопрос об открытии второго фронта, И.В. Сталин, стремясь сгладить негативную реакцию на разрыв отношений с Польским правительством, пошел на беспрецедентный шаг — роспуск Коминтерна[13].

Тем временем германские оккупационные власти продолжали начатые работы по эксгумации тел в сотрудничестве с прибывшими 14 апреля из Варшавы в Катынь представителями Технической комиссии Польского Красного Креста (см. № 199). После того как Международный Красный Крест отказался проводить расследование по этому делу, немецкие власти пригласили экспертов из 11 подконтрольных им стран и Швейцарии, чтобы подтвердить их авторитетом свой главный вывод: убийство польских офицеров было совершено в марте-апреле 1940 г. органами НКВД СССР. 28 апреля патологоанатомы прибыли в Катынь и в течение двух дней провели осмотр 9 тел, подписали заключение и разъехались. 4 мая протокол этой комиссии был опубликован в «Фолькишер беобахтер», но не произвел большого впечатления. Комиссия была распущена. Среди международных экспертов был и болгарский патологоанатом М.А. Марков, вынужденный после занятия страны советскими войсками под угрозой судебной расправы заявить, что он подписал протокол под нажимом со стороны немцев и с оговоркой в специальном протоколе. Марков, привлеченный просоветским режимом в Болгарии в качестве обвиняемого на процессе «болгарских участников катынского и виницкого дел», в поощрение за его лжесвидетельство был оправдан болгарским судом[14].

Всего же в Катынском лесу в апреле-июне 1943 г. были вскрыты 8 могил. С помощью советских военнопленных и мобилизованных местных жителей

[13] См. подробнее: Коминтерн и вторая мировая война. Ч. II. После 22 июня 1941 г. Составители, авторы вступительной статьи и комментариев Н.С. Лебедева и М.М. Наринский. М., 1998. С. 54—90, 350—488.

[14] См.: Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 7021. Оп. 114. Д. 15, 15а, 16, 16а.

были извлечены останки 4143 человек из 7 могил; 2730 из них были идентифицированы. Все они ранее содержались в Козельском лагере. В последней могиле находилось еще 180-200 тел, но ввиду наступления Красной Армии, приближавшейся к Смоленску, и из-за жары в июне все работы в Катынском лесу были прекращены. В сентябре 1943 г. Германское информационное бюро опубликовало «Белую книгу» — «Официальные материалы о массовых убийствах в Катыни»[15]. В ней содержался и список идентифицированных тел польских офицеров.

22 сентября 1943 г. за три дня до освобождения Смоленска начальник Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александров обратился к кандидату в члены Политбюро ЦК ВКП(б), начальнику Главного политического управления Красной Армии А.С. Щербакову с предложением своевременно создать комиссию в составе представителей от Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию немецко-фашистских злодеяний (ЧГК) и следственных органов и направить ее в район военных действий (см. № 202). Члены Комиссии должны были войти вслед за нашими войсками в Катынь, организовать охрану могил, собрать необходимые материалы, опросить свидетелей и т.д. Опубликование «хорошо подготовленных материалов», разоблачающих немцев, имело бы весьма большое политическое значение, считал начальник УПА.

Идея пришлась по душе сталинскому руководству. После освобождения Смоленска в Катынь сразу же выехала большая группа оперативных работников и следователей центрального аппарата НКВД и НКГБ. Совместно с сотрудниками УНКВД по Смоленской области они в обстановке строжайшей секретности приступили к подготовке фальсифицированных «доказательств» ответственности германских властей за расстрел польских офицеров и к уничтожению всех свидетельств вины НКВД СССР. Оперативники огородили место массовых захоронений, задержали многих работавших при немцах в Смоленске и близлежащих к Катынскому лесу деревнях людей. За сотрудничество с оккупантами арестованные подпадали под действие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г., который предусматривал высшую меру наказания — смерть через повешение. Естественно, на допросах они быстро давали согласие говорить все, что им было велено людьми В.Н. Меркулова в период «работы» со «свидетелями», лишь бы им простили их вину. С 5 октября 1943 г. по 10 января 1944 г. следователи допросили 95 человек, «проверили» (вернее, инспирировали) 17 заявлений в ЧГК.

[15] Amtliches Material zum Massenmord von Katyn.Berlin, 1943.

Была составлена «Справка о результатах предварительного расследования так называемого «катынского дела»»[16] и дополнения к ней, призванные служить основой для сообщения официальной комиссии. Эти документы подписали нарком госбезопасности В.Н. Меркулов и зам. наркома внутренних дел С.Н. Круглов[17].

Следователи Главной военной прокуратуры (ГВП) Российской Федерации в начале 90-х гг. самым тщательным образом изучили методы проведения предварительного расследования, предшествовавшие работе Комиссии Н.Н. Бурденко. Они доказали, что прибывшие из Москвы оперативники изготовили поддельные документы с более поздними датами, подложили их в извлеченные из могил останки, а также подготовили лжесвидетелей. Следователь ГВП А. Яблоков и ее эксперт И. Яжборовская писали в одной из своих статей: «В работе со свидетелями НКВД применялась жесткая, изощренная и избирательная практика запугивания и принуждения к даче ложных показаний, направленная на получение нужных показаний как от тех свидетелей, которые знали истинных виновников смерти поляков, так и от лиц, которые об этом ничего не слышали»[18]. Многие из людей, дававших показания в ходе этого «предварительного расследования», а затем и перед Комиссией Бурденко, будучи допрошены следователями ГВП, отказались от своих показаний, сообщив, что их принудили к ним.

Лишь после того, как дело было подготовлено работниками НКГБ и НКВД, 12 января 1944 г. ЧГК постановлением № 23 создала «Специальную комиссию по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу (близ Смоленска) военнопленных польских офицеров» (см. № 205). По свидетельству наркома просвещения В.П. Потемкина, состав Комиссии был определен правительством. Ее состав должен был дать «гарантию общественному мнению полной беспристрастности, пожалуй, полной широты»,- заявил на ее первом заседании Потемкин[19].

Председателем Комиссии был назначен член ЧГК, главный хирург Красной Армии, академик Николай Нилович Бурденко. По всей видимости, его

---

[16] См. ее текст: Бабий Яр под Катынью? Публикация А.С. Сухинина //Военно-исторический журнал. 1990. № 11. С. 27–34. Автор публикации без каких-либо оговорок и не поставив даже отточие, опустил заключительную часть документа, в том числе подписи наркома госбезопасности комиссара госбезопасности 3-го ранга В.Н. Меркулова и зам. наркома внутренних дел комиссара госбезопасности 3-го ранга С.Н. Круглова.

[17] ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 114. Д. 6. Л. 1–53; Д. 7. Л. 1–9.

[18] Яжборовская И., Яблоков А. Катынское преступление: барометр состояния права в человеческом измерении // Между прошлым и будущим. М., 1999. С. 264.

[19] ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 114. Д. 8. Л. 58.

назначение было связано с письмом, с которым выдающийся нейрохирург обратился 2 сентября 1943 г. к В.М. Молотову (см. № 201). Бурденко сообщил наркому иностранных дел, что методы расстрела советских граждан в Орле были идентичны способу казни польских офицеров. Высказывания Н.Н. Бурденко в ходе заседаний Специальной комиссии свидетельствуют о его искренней вере в то, что катынское преступление было совершено именно гитлеровцами.

В качестве членов Специальной комиссии были назначены: член ЧГК, академик, известный писатель А.Н. Толстой; член ЧГК, митрополит Киевский и Галицкий, экзарх Украины, высокопреосвященный Николай; председатель Всеславянского комитета генерал-лейтенант А.С. Гундоров; председатель Исполнительного Комитета Советских обществ Красного Креста и Красного Полумесяца (СОКК и КП) профессор С.А. Колесников; нарком просвещения академик В.П. Потемкин; начальник Главного военно-санитарного управления Красной Армии генерал-полковник медицинской службы Е.И. Смирнов; председатель Смоленского облисполкома Р.Е. Мельников.

На первом заседании Специальной комиссии, проходившем 13 января в здании Нейро-хирургического института в Москве, были утверждены начальник отдела ЧГК В.Н. Макаров — в качестве секретаря, В.И. Прозоровский, В.М. Смольянинов, П.С. Семеновский, М.Д. Швайкова, Д.Н. Выропаев — в качестве судебно-медицинских экспертов (см. № 206).

В повестке первого заседания значились и два выступления — Н.Н. Бурденко и первого заместителя наркома внутренних дел С.Н. Круглова. Председатель Специальной комиссии рассказал, что, будучи в Орле, он узнал от свидетеля, как немцы клали на землю советских граждан, стреляли им из револьвера в затылок и те мгновенно умирали. Эксгумация могил подтвердила это свидетельство, а обнаруженная немецкая газета с протоколом вскрытия тел польских офицеров показала тождество методов расстрела в Орле и Катыни. О том, что создается Специальная комиссия под его председательством, Бурденко известили лишь 12 января[20]. Предваряя выступление Круглова, нейрохирург добавил: «Это трудная работа, которая проведена ими (т.е. работниками НКВД. — Сост.) в зимних условиях и подготовка должна отличаться тщательностью и точностью». Фактически же Специальной комиссии надлежало придать убедительность и авторитетность версии, которая была сфабрикована людьми, руководившими расстрельной операцией в апреле—мае 1940 г.

[20] Там же. Лл. 38—39.

Выступая перед членами Специальной комиссии, С.Н. Круглов охарактеризовал результаты предварительного следствия, сформулированные в его и Меркулова справке[21]. Он подробно изложил и показания «свидетелей», в первую очередь тех, кого допрашивали ранее немцы и выслушивала международная комиссия экспертов — П.Г. Киселева, бывшего сторожа на даче НКВД в Катынском лесу, начальника станции в Гнездове С.В. Иванова, дежурного по этой же станции И.В. Саввотеева и др. Было допрошено и много лиц, посетивших Козьи Горы с организованными немецкой администрацией экскурсиями. Они в один голос твердили, что тела прекрасно сохранились и, следовательно, офицеры не могли быть расстреляны весной 1940 г. Не ясно, правда, как несведущие в медицине люди типа уборщицы в какой-то конторе могли судить об этом. Практически каждый из экскурсантов повторял, что веревки, которыми были связаны руки у польских военнопленных, немецкие[22]. Естественно, с далекого расстояния люди не могли рассмотреть эти веревки, да еще и определить их происхождение. Объяснение может быть одно: сами палачи знали, что они связывали руки пленных веревками, закупленными в Германии, также как и то, что расстреливали немецкими пулями калибра 7.65 из «вальтеров».

Круглов рассказал и о некоем обер-лейтенанте Арнесе, командире 537 саперного батальона, который якобы в сентябре 1941 г. руководил расстрелом польских офицеров[23]. Однако на Нюрнбергском процессе было доказано, что Аренс (а не Арнес) прибыл в Козьи Горы лишь в ноябре 1941 г. 537-м батальоном он не командовал. Сама же 537-я часть была не саперным батальоном, а полком связи при командовании группы армий «Центр».

Митрополит Николай задал Круглову вопрос: «Какое количество военнопленных польских офицеров работало на строительных участках?» Ответ Круглова: «Около 8000 во всех трех лагерях»[24]. Как мы знаем, из Козельского лагеря в УНКВД по Смоленской области были направлены 4421 человек. По всей видимости, НКВД намеревалось приписать немцам и расстрел офицеров из Старобельского лагеря.

Отвечая на вопросы, заместитель наркома внутренних дел заявил, что Комиссии будет достаточно четырех дней, чтобы «в Смоленске заслушать достаточное число свидетелей, изучить собранные материалы, несколько раз побы-

[21] Там же. Лл. 39–44.
[22] Там же. Лл. 45–53.
[23] Там же. Л. 52.
[24] Там же. Л. 54.

вать на могиле, посмотреть трупы, заслушать предварительный итог судебно-медицинских экспертов»[25].

Бурденко же в заключение сказал: «Центр тяжести работы нашей комиссии лежит в установлении сроков и методов убийств... Методы убийства тождественны со способами убийств, которые я нашел в Орле и которые были обнаружены в Смоленске. Кроме того, у меня есть данные об убийстве психических больных в Воронеже в количестве 700 человек. Психические больные были уничтожены в течение 5 часов таким же методом. Все эти способы убийств изобличают немецкие руки, я это со временем докажу»[26].

Вечером 13-го января в Смоленск выехали В.И. Прозоровский, В.М. Смольянинов, П.С. Семеновский и М.Д. Швайкова, 17 января — члены Комиссии.

Второе заседание Специальной комиссии состоялось 18 января уже в Смоленске, на нем присутствовал не только С.Н. Круглов, но и нарком государственной безопасности В.Н. Меркулов (см. № 207). Круглов и председатель Смоленского облисполкома Р.Е. Мельников рассказали о проделанной подготовительной работе: раскопки могил начались 14 января, на них работало 200 бойцов, были установлены 3 палатки для вскрытия трупов, велись поиски других могил в Катынском лесу, в Смоленск доставили всех «свидетелей». Бурденко указал, что необходимо точно определить глубину могил, уточнить число военнопленных польских офицеров, работавших на дорожном строительстве, и установить, содержались ли польские офицеры и солдаты при немцах в тех же лагерях[27].

18 января в 11 часов 50 минут Специальная комиссия в полном составе выехала в Катынский лес, где ознакомилась с порядком работы по эксгумации. Оказалось, что тела от могилы до палаток экспертов доставляли волоком на брезентах. Всего к этому времени было вскрыто 225 трупов. Посещение членами Комиссии могил в Катынском лесу было заснято на пленку кинооператором А.Ю. Левитаном.

Возвратившись в Смоленск, члены Комиссии решили увеличить число судебно-медицинских экспертов и санитаров, чтобы можно было производить 400 вскрытий в день. Переноску тел постановили производить либо на санях, либо на носилках, запретив волочить на брезенте. После этого члены Специальной комиссии ознакомились с материалами предварительного следствия: протоколами допросов «свидетелей», заявлениями и «до-

[25] Там же. Л. 55—56.
[26] Там же. Л. 58.
[27] Там же. Л. 63.

кументами», собранными работниками НКВД и НКГБ в связи с катынским делом[28].

В тот же день в помещении Горсовета члены Комиссии допросили свидетелей П.Г. Киселева, Б.В. Базилевского, И.Е. Ефимова, С.В. Иванова, И.В. Саввотеева[29]. В 23 часа 30 минут опрос был закончен и началось третье заседание, на котором происходили распределение обязанностей между членами Комиссии и отчет о работе экспертов (см. № 208). В заключение Бурденко сказал: «Мы должны собрать как можно больше материалов. Материал очень интересный, прямо убийственный для немцев». Обращаясь к В.И. Прозоровскому и П.С. Семеновскому, он подчеркнул, что поражен их работой, в ходе которой добывается «такой интересный материал», который «будет убийственным для немцев». Он предложил увеличить число рабочих и разрывать больше территории, чтобы «сделать великое политическое дело». «Нашли документ у одного офицера, где штемпель отмечен ноябрем 1940 г. Чрезвычайно ценная находка»,- сообщил председатель Комиссии[30].

В день прибытия Комиссии в Смоленск в центральной печати было опубликовано сообщение ТАСС, в котором говорилось о создании Специальной комиссии и указывалось, что она «заканчивает свою работу и в ближайшее время опубликует сообщение о результатах расследования» (см. № 210). Тем самым оказывалось определенное давление на членов Специальной комиссии, только приступивших к своей работе.

В этот же день в «Известиях» было опубликовано заявление польского правительства от 15 января 1944 г. о готовности вступить в переговоры при посредничестве США и Великобритании с Советским правительством по всем основным вопросам, разрешение которых должно привести к дружественному и прочному сотрудничеству между Польшей и СССР. Однако ТАСС было уполномочено заявить, что советское правительство не может вступать в переговоры с правительством, с которым прерваны дипломатические отношения. «Советские круги напоминали», что эти отношения были прерваны из-за якобы активного участия польского правительства «во враждебной антисоветской клеветнической кампании немецких оккупантов по поводу «убийств в Катыни»»[31].

19 января в 9.15 Н.Н. Бурденко и С.А. Колесников выехали на могилы, где ими проверялась работа экспертов. В.П. Потемкин, митрополит Николай,

[28] Там же. Дневник. С. 4—5.
[29] Там же. Лл. 65-88.
[30] Там же. Лл. 89—90.
[31] Там же.

А.С. Гундоров и Р.Е. Мельников допросили 11 «свидетелей». Вскоре из Москвы приехал А.Н. Толстой и начальник отдела ЧГК Д.И. Кудрявцев. В 16. 10 начался допрос еще 11 «свидетелей»; после его завершения Комиссия выслушала отчет В.И. Прозоровского (см. № 211). 19 января было вскрыто 96 трупов[32].

20 января члены Комиссии допросили 13 «свидетелей», после чего Н.Н. Бурденко предложил приступить к составлению плана сообщения и систематизации свидетельских показаний, осуществлению записи основных «свидетелей» на пленку, обработке вещественных доказательств, найденных на телах, и обследованию места бывших лагерей польских военнопленных. Составление акта судебно-медицинской экспертизы Бурденко взял на себя совместно с Колесниковым. Обследование места расположения лагерей поляков и систематизация документов поручались А.С. Гундорову, составление плана сообщения и систематизация свидетельских показаний для включения в сообщение — А.Н. Толстому, В.П. Потемкину и митрополиту Николаю (см. № 212).

Получив подкрепление в лице врачей Бусоедова, Субботина, Садыкова и Пушкарева, эксперты смогли исследовать за 20 января 146 тел. В разрезанном кармане одного из них обнаружили письмо со штампом на конверте 26 сентября 1940 г. Во френче другого покойного офицера В.М. Смольянинов нашел слиток золота весом в 150 г.[33]

21 января, на четвертый день пребывания Комиссии в Смоленске, Н.Н. Бурденко приступил к составлению акта судебно-медицинской экспертизы, а А.Н. Толстой, В.П. Потемкин, митрополит Николай и Д.И. Кудрявцев — к составлению плана сообщения. А.С. Гундоров работал над описью вещественных доказательств. Члены Комиссии обсудили порядок приема иностранных журналистов, которые должны были прибыть в Смоленск на следующий день.

Н.Н. Бурденко согласовывал каждый свой шаг с В.Н. Меркуловым. Накануне приезда корреспондентов он обратился к наркому госбезопасности «за указанием и советом, присутствие кого из членов Комиссии» Меркулов считает «полезным и нужным» во время посещения Катынского леса журналистами. «По обыкновению, они задают много вопросов, на которые ввиду незаконченности работ трудно отвечать. Мне кажется, из членов Комиссии наиболее удовлетворительные ответы может дать тов. Колесников, и при том он как председатель Красного Креста имеет опыт в сдержанной информации корреспондентов», — писал председатель Специальной комиссии[34].

[32] Там же. Дневник, л. 7—8.
[33] Там же. Дневник, л. 9—11.
[34] Там же. Письмо Бурденко Меркулову от 21 января.

Меркулов посчитал целесообразным присутствие самого Н.Н. Бурденко, С.А. Колесникова и Р.Е. Мельникова.

22 января по прибытии в Смоленск иностранных журналистов, в числе которых была и дочь американского посла А. Гарримана Кэтлин, повезли в Катынский лес. Там их встретили Н.Н. Бурденко, С.А. Колесников, Р.Е. Мельников и В.Н. Макаров. В.И. Прозоровский давал объяснения о результатах судебно-медицинской экспертизы. Корреспондентам были показаны могилы и процесс эксгумации, черепа с огнестрельными ранениями. В их присутствии были вскрыты три трупа. После этого журналисты прошли на места раскопа новых могил, затем к сгоревшему зданию дачи НКВД, после чего уехали в Смоленск.

В 16.30 началась пресс-конференция, на которой присутствовали А.Н. Толстой, В.П. Потемкин, митрополит Николай, А.С. Гундоров. Проведением пресс-конференции руководил Потемкин. Он постарался создать впечатление, что Комиссия начала свою работу сразу после освобождения Смоленска, что Бурденко со своими сотрудниками лично явился в Смоленск, чтобы приступить к расследованию совершенных там немецкими захватчиками злодеяний. Он не врал — ЧГК действительно начала свою работу в этой области сразу после ее освобождения и Бурденко действительно принимал в ней участие. Однако расследовалось не катынское злодеяние, а фашистские преступления против советских граждан.

Нарком просвещения сообщил собравшимся, что работа Специальной комиссии в основном закончена и есть возможность ознакомить представителей печати с ее основными выводами. Они повторяли в главном справку Меркулова — Круглова и заключались в следующем: вплоть до июля 1941 г. Катынский лес был излюбленным местом отдыха жителей Смоленска, в нем располагался пионерский лагерь, жители собирали там грибы и ягоды, пасли скот, рубили дрова; после прихода немцев лес был окружен проволочным забором, везде была поставлена немецкая охрана, в бывшем Доме отдыха разместился штаб 537 строительного батальона, офицеры и младшие командиры которого вместе с сопровождавшими машины с поляками гитлеровцами участвовали в расстрелах польских офицеров. В.П. Потемкин сказал, что польские военнопленные были присланы в западную часть Смоленской области еще в 1939 г.(!), они были заняты на земляных работах на шоссе и оставались там до начала Великой Отечественной войны. Их не смогли вовремя эвакуировать из-за отсутствия вагонов и бомбежек станций, они продолжали некоторое время работать и при немцах, но в конце августа — сентябре их расстреляли в Катынском лесу, куда их отправляли партиями пешком и на грузовиках. В 1943 г. в Катынский лес на

грузовиках якобы свозили и тела убитых в других местах людей, в апреле — июне 1943 г. устраивали экскурсии местных жителей, военнопленных, иностранцев на места массовых захоронений польских офицеров.

По окончании пресс-конференции корреспондентов познакомили с выставкой «документов» и «вещественных доказательств». В 21 час перед всеми членами Комиссии в присутствии корреспондентов давали показания свидетели: П.Г. Киселев, М.Д. Захаров, А.М. Алексеева, Б.В. Базилевский, К.П. Зубков и С.В. Иванов. Приезд иностранных корреспондентов на могилы, посещение ими выставки, пресс-конференция и вечернее заседание с допросом свидетелей были засняты на кинопленку.

23 января члены Специальной комиссии рассмотрели и приняли план сообщения. В 10 часов утра Толстой, Потемкин, митрополит Николай, Колесников, Мельников и Кудрявцев приступили к его составлению. Генерал Гундоров уехал на осмотр «лагерей военнопленных поляков», Бурденко заканчивал работу над актом судебно-медицинской экспертизы. В 18 часов в Смоленск из Катыни прибыли В.И. Прозоровский, П.С. Семеновский, В.М. Смольянинов и М.Д. Швайкова, после чего акт был окончательно отредактирован. В 20 часов члены Комиссии заслушали проект Сообщения (см. № 215). Было решено, что материал, собранный в Смоленске, достаточен и можно возвращаться в Москву. Эксперты должны были продолжить свою работу в Катыни вплоть до подписания текста Сообщения.

В ночь с 23 на 24 января члены Комиссии специальным поездом выехали в Москву. На следующий день в 10 часов утра они собрались в салон-вагоне В.Н. Меркулова для окончательного редактирования Сообщения. 24 января в 21 час, уже в Москве, они закончили работу над Сообщением и разъехались по домам. Утром секретарь Специальной комиссии В.Н. Макаров доложил об итогах работы секретарю ЧГК П.И. Богоявленскому, а затем и ее председателю Н.М. Швернику. В 24 часа 25 января Сообщение было подписано всеми его членами, а 26 числа опубликовано в печати. 30 января 1944 г. в Катынском лесу в присутствии представителей польского корпуса состоялось захоронение останков польских офицеров.

Сравнение справок НКГБ и НКВД о «предварительном расследовании» с текстом Сообщения свидетельствует о единообразии их структуры и выводов. Более того, как установили следователи ГВП, в этих документах совпадают даже ошибки в написании фамилий и инициалов свидетелей.[35]

---

[35] См. И. Яжборовская, А. Яблоков. Указ. соч. С. 265–266; I. Jazborowska, A. Jablokow, J. Zoria. Katyń. Zbrodnia chroniona tajemnica państwową. W-wa, 1998. S. 232.

Выводы Сообщения Специальной комиссии советское руководство попыталось подкрепить авторитетом Международного военного трибунала в Нюрнберге. Будучи уверенными, что статья 21-я Устава МВТ обязывает суд принимать без доказательств доклады правительственных комиссий по расследованию злодеяний гитлеровцев, советские представители настояли на включении в обвинительное заключение тезиса о германской ответственности за расстрел польских офицеров в Катыни. Причем если в обвинительном акте, подписанном на английском языке, фигурировали 925 убитых, то в русскоязычном тексте этого документа — 11 тыс. человек. Однако на этот раз судьи пошли навстречу защите. 12 марта 1946 г. МВТ удовлетворил ходатайство защитника Г. Геринга О. Штаммера о вызове свидетелей по катынскому делу, что чрезвычайно встревожило Москву. Там уже работала Правительственная комиссия по Нюрнбергскому процессу. В инструкции, направленной Правительственной комиссией главному обвинителю от СССР Р.А. Руденко, предлагалось заявить протест от имени Комитета обвинителей, в случае отказа последнего — от своего имени, по поводу решения Трибунала от 12 марта (см. № 220). При оставлении Трибуналом своего решения в силе, главный обвинитель от СССР должен был заявить, что будет настаивать на вызове свидетелей обвинения.

Поскольку обвинители от США, Великобритании и Франции уклонились от участия в протесте по катынскому вопросу, 18 марта Руденко внес его от своего имени (см. № 221). 6 апреля Трибунал повторно рассмотрел вопрос и оставил свое решение в силе. Тем временем Правительственная комиссия по Нюрнбергскому процессу начала срочно готовить «свидетелей». В Болгарию был командирован сотрудник МГБ, чтобы «поработать» с Марко Марковым, проследить за этим должен был сам В.С. Абакумов, новый министр госбезопасности. Польских свидетелей поручили готовить прокурору СССР К.П. Горшенину, документальный фильм — А.Я. Вышинскому, за отбор документальных доказательств и подготовку свидетеля-немца отвечал В.Н. Меркулов (см. № 222).

Но даже эти меры сочли недостаточными. Решением той же московской комиссии от 24 мая 1946 г. группе в составе заместителя начальника управления контрразведки МГБ Л.Ф. Райхмана, помощника Р.А. Руденко Л.Р. Шейнина и члена-корреспондента АН СССР А.Н. Трайнина поручалось в 5-дневный срок ознакомиться со всеми материалами «о немецкой провокации в Катыни и выделить те из них, которые могут быть использованы на Нюрнбергском процессе» (см. № 223). Со свидетелями, дававшими показания Комиссии Бурденко, надлежало работать Л.Ф. Райхману и одному из обвинителей

на процессе — Л.Н. Смирнову. Относящуюся к этому вопросу документацию должны были подбирать Л.Р. Шейнин и А.Н. Трайнин.

Для участия в Нюрнбергском процессе были отобраны многие из «свидетелей», дававших показания перед Комиссией Бурденко: А.М. Алексеева, Б.В. Базилевский, П.Ф. Сухачев, С.В. Иванов, И.В. Саввотеев и др. (см. № 224). В качестве свидетелей намечались и патологоанатом В.И. Прозоровский, болгарский медик М.А. Марков и немец ст. ефрейтор Людвиг Шнейдер. Последний был помощником профессора Г. Бутца и должен был «показать», что по заданию оберштурмфюрера Хильберса и Бутца фальсифицировал данные лабораторных анализов, дабы доказать виновность в расстреле поляков органов НКВД[36].

Однако МВТ решил, что заслушает лишь по три свидетеля от защиты и обвинения. 1—3 июля Трибунал выслушал показания свидетелей защиты: полковника Фридриха Аренса, лейтенанта Р. фон Эйхборна и генерала Е. Оберхойзера. От обвинения Л.Н. Смирнов допросил на процессе бывшего заместителя обербургомистра Смоленска профессора-астронома Б.В. Базилевского, болгарского эксперта М.А. Маркова и В.И. Прозоровского. Судя по репликам членов МВТ от западных стран, они не поверили ни тем ни другим. В результате в приговоре Международного военного трибунала катынский расстрел не фигурировал[37].

О жертвах катынского расстрела в СССР поспешили забыть, всякие упоминания о них изымались из исторических трудов и энциклопедий.

Как величайшая государственная тайна передавался пакет № 1 с письмом Берии Сталину и решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г. от одного генерального секретаря партии другому. Каждый из них знакомился с этими страшными актами и вновь запечатывал пакет. Дабы сведения о катынском расстреле не стали достоянием гласности в марте 1959 г. А.Н. Шелепин рекомендовал Н.С. Хрущеву уничтожить следственные дела расстрелянных в апреле—мае 1940 г. 21 857 польских офицеров, полицейских и узников тюрем, сохранив лишь небольшие по объему протоколы «тройки» (см. № 227). Хрущев же предпочел уничтожить и дела, и протоколы заседаний «тройки», утверждавшей расстрельные списки (см. № 236).

В просоветской Польше само слово «Катынь» трактовалось как антигосударственное. За свечку, поставленную под крестом с такой надписью, грозили репрессии. Семьи мучеников вынуждены были прятать реликвии, остав-

[36] И. Яжборовская, А. Яблоков. Указ соч. С. 267.

[37] См. Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в 8 т. Т. 8. М., 1999. Отв. ред. Н.С. Лебедева. С. 561—721.

шиеся от погибших. Но полувековая память об убитых, несмотря на ссылки, тюрьмы, лагеря, преследования жила и кровоточила, разъединяя польский и советский народы. Лишь правда могла помочь преодолеть возникшую между ними пропасть.

Поляки же, оказавшиеся в эмиграции, по крупицам собирали сведения о катынском преступлении. Адам Мощинский, один из 395 офицеров, избежавших расстрела и переведенных в Грязовецкий лагерь, проделал после войны титаническую работу по составлению списка расстрелянных польских офицеров и полицейских[38]. В 1948 г. в Лондоне под ред. генерала В. Андерса был издан сборник материалов «Катынское преступление в свете документов», выдержавший более 10 изданий[39]. В 1951 г. вышла в свет книга Ю. Мацкевича «Убийцы из Катынского леса»[40]. Огромный вклад в научное освоение темы внес профессор Пенсильванского университета Януш Заводный. Его труд «Смерть в лесу»[41], переведенный на многие языки, возродил интерес мировой общественности к катынской проблеме и дал мощный импульс новым исследованиям.

Наиболее известными из них стали четыре монографии английского исследователя Л. Фитцгиббона, опубликованные в 1970—1975 гг. и всколыхнувшие общественность западных стран[42]. В Англии была развернута кампания по сбору средств на строительство в Лондоне обелиска в память о погибших. Би-Би-Си подготовила обширную программу, посвященную катынской трагедии. В палате общин Великобритании выступил бывший обвинитель на Нюрнбергском процессе А. Нив, потребовавший возобновить расследование по этому делу. 17 июля 1970 г. Палата лордов провела специальное заседание по катынской проблеме. В этом же месяце конгрессмен Р. Пучиньский призвал правительство США поднять вопрос на Генеральной Ассамблее ООН. В августе с аналогичным предложением выступил депутат австралийского парламента Кейн[43]. В июле 1975 г. в здании английского парламента была проведена пресс-конференция, организаторы которой призвали Международный суд в Гааге «разобраться в этом деле».

---

[38] Moszyński A. Lista katyńska. Jeńcy obozów Kozielsk — Ostaszków — Starobielsk zaginieni w Rosji sowieckiej. Londyn, 1949.

[39] Zbrodnia katyńska w świetle dokumentów. Londyn, 1948.

[40] Mackiewicz J. The Katyn wood morders. London, 1951.

[41] Zawodny J.K. Death in the Forest. The Story of the Katyn Forest Massacre. Notre Dame — Indiana, 1962.

[42] Fitz-Gibbon L. Katyn: a Crime without Parallel. London, 1971; Op. cit. The Katyn Cover-Up. London, 1972; Op. cit. Katyn — A Triumph of Evil. London, 1975; Op. cit. Unpitied and Unknown. Katyn — Bologoye — Dergachi. London, 1975.

[43] См. подробнее Свяневич С. Указ. соч. С. 326.

В Швеции в ноябре 1975 г. на территории частного владения был открыт памятник жертвам Катыни[44].

Обсуждение катынской темы на Западе вызвало болезненную реакцию в Москве. В разгар холодной войны, в 1951 г., была создана специальная комиссия палаты представителей Конгресса США по катынскому вопросу. Ее председатель Р. Мэдден 27 февраля 1952 г. направил послу СССР в Соединенных Штатах письмо и резолюцию Комиссии. В ней правительство СССР официально приглашалось принять участие в расследовании катынского преступления и предоставить любые относящиеся к данной проблеме документы. 29 февраля правительство СССР направило ноту протеста в Вашингтон, в которой квалифицировало действия администрации США как нарушение общепризнанных норм международных отношений и как оскорбительные для Советского Союза (см. № 225). Вслед за советским правительством «решительно осудило» антисоветскую шумиху вокруг заседаний Комиссии Р. Мэддена и правительство Польской Народной Республики.

Комиссия Конгресса США, заслушав многочисленных свидетелей, исследовав относящиеся к делу документы (отчеты об эксгумации, найденные в могилах дневниковые и прочие записи и др.), пришла к выводу, что органы НКВД совершили массовые убийства польских офицеров и полицейских с целью устранения всех тех, кто мог помешать «полной коммунизации Польши» (см. № 226)[45].

В Москве продолжали следить за работой Комиссии Р. Мэддена, создав в МИДе свою комиссию по катынскому вопросу. В нее вошли заместители начальника договорно-правового управления МИД СССР, заместитель начальника следственного отдела Прокуратуры СССР, помощник Генерального прокурора СССР, а также патологоанатомы В.И. Прозоровский и В.М. Смольянинов. Членом этой комиссии являлся и представитель МГБ СССР полковник госбезопасности Д.В. Гребельский, постоянно информировавший свое начальство о ходе ее работы и следивший за тем, чтобы она не выходила за рамки официальной версии[46].

Возросший интерес общественности Запада к катынской теме побудил советское руководство проявлять большую активность в этом вопросе. 12 апреля 1971 г. министр иностранных дел СССР А.А. Громыко обратился к Полит-

---

[44] См. сов. секретную справку, направленную членам Политбюро ЦК КПСС Ю. Андроновым, В. Кузнецовым и К. Катушевым 30 марта 1976 г. в издании: Dokumenty Katynia Decyzja. W-wa. 1992. S. 70–76.

[45] The Katyn Forest Massacre. United States. House of Representatives. Select Committee on the Katyn Forest Massacre. Wash., 1952.

[46] Яжборовская И., Яблоков А. Указ. соч. С. 270.

бюро ЦК КПСС. Он предложил поручить советскому послу в Лондоне сделать представление МИД Великобритании в связи с попытками «раздуть пропагандистскую кампанию вокруг так называемого катынского дела». Высший партийный орган не замедлил принять соответствующее постановление (см. № 228). Аналогичные демарши предпринимались по решению Политбюро ЦК КПСС и в сентябре 1972 г., и в марте 1973 г., и в апреле 1976 г. (см. №№ 229, 230, 232). Некоторые из них предпринимались по инициативе «польских друзей» Кремля, встревоженных реакцией польской и мировой общественности на катынское преступление.

Но в Советском Союзе имелись и люди, не желавшие мириться с правительственной ложью о судьбе польских офицеров и полицейских. Украинский поэт и публицист А. Караванский, проведший 20 лет в советских тюрьмах, в 1969 г. обратился в ЦК КПСС и прокуратуру с требованием провести новое расследование по катынскому делу. Он ссылался при этом на имена двух охранников, участвовавших в расстрельной операции. В 1970 г. Караванский был приговорен за это к дополнительному 10-летнему сроку заключения и освободился лишь в 1989 г. О катынском преступлении писал в III томе книги «Архипелага ГУЛАГ» А.И. Солженицын.

В апреле 1980 г. в 40-летие катынского расстрела группа российских правозащитников — Л. Алексеева, А. Амальрик, В. Буковский, Б. Вайль, Т. Венцлова, А. Гинзбург, Н. Горбаневская, З. и П. Григоренко, Б. Ефимов, П. Литвинов, К. Любарский, В. Максимов, В. Некрасов и др. — опубликовали в журнале «Континент» пророческое заявление. В нем они выражали уверенность, что недалек тот день, когда наш народ воздаст должное всем участникам этой трагедии, как палачам, так и жертвам; одним — в меру их злодеяний, другим — в меру их мученичества. Подписавшиеся под документом заверили польский народ, что никто из них не забывал и не забудет «о той ответственности, которую несет наша страна за преступление, совершенное ее официальными представителями в Катыни»[46а].

В начале 80-х гг. катынская тема все настойчивее поднимается диссидентами и сторонниками «Солидарности» в Польше. В мае 1981 г. создается Комитет по сбору средств на памятник жертвам катынского расстрела, который в июле воздвигается на военном кладбище в Варшаве. Однако органы госбезопасности социалистической Польши сносят его ночью того же дня. Объявленное в декабре 1981 г. военное положение приостанавливает на время открытое выражение скорби по погибшим от рук сталинских палачей польских

[46а] Континент, 1980, № 24. См. также: Новая Польша, 2000, № 3. С. 13.

граждан. Однако во второй половине 80-х гг. катынская тема прорывается на страницы печати, экраны телевидения, кино с невиданной силой. Официальная Варшава решает, что больше невозможно противиться этому и целесообразно выступить в качестве сторонников поиска правды. Перед созданной в 1987 г. двусторонней Комиссией историков СССР и Польши по вопросам истории отношений между двумя странами в качестве одной из важнейших задач ставится поиск правды по катынскому делу.

Однако за два года своей работы члены Комиссии не приблизились к выработке единой точки зрения по данному вопросу. В мае 1988 г. польские историки Я. Мацишевский, Ч. Мадайчик, Р. Назаревич и М. Войцеховский представили аргументированную экспертизу выводов Комиссии Бурденко, доказав их несостоятельность. Советские же историки во главе с директором Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС Г.Л. Смирновым не получили от ЦК КПСС полномочий ставить под сомнение версию об ответственности гитлеровцев за катынский расстрел. Найти же сколько-нибудь убедительные документы, подкреплявшие ее обоснованность, они были не в состоянии, поскольку таковых не имелось. Курировавший работу Комиссии член Политбюро ЦК КПСС А.Н. Яковлев писал об этом так: «Началась длительная поисковая волынка. Польская часть объединенной комиссии нажимала на Г. Смирнова, он в свою очередь звонил мне и просил помочь в поиске документов. Каждый раз я обращался к Михаилу Сергеевичу, который отвечал на мои неоднократные просьбы одним словом: «Ищите!». Неоднократно спрашивал у заведующего общим отделом ЦК Валерия Болдина, хранителя архивов, где же могут быть хоть какие-то документы по Катыни. Он уверял, что таковых у него нет. Но говорил это с легкой усмешкой... Так продолжалось достаточно долго. Но однажды вся эта невнятица была взорвана. Ко мне пришел Сергей Станкевич и сказал, что историк Н.С. Лебедева, работая с документами конвойных войск, неожиданно обнаружила сведения о Катыни»[47]. По материалам конвойных войск стало ясно, что наряды на конвоирование военнопленных поступали к ним от Управления по делам военнопленных НКВД СССР, фонд которого находился в одном из самых секретных архивов страны — Особом архиве. В нем помимо фондов УПВ хранились и архивы Германии, Франции. Польши, Бельгии и др. стран, захваченные в Германии после войны в качестве трофеев. Об этом стало известно от Лебедевой и ее соавтору Ю.Н. Зоре, а также директору Института славяноведения и балканистики В.К. Волкову, добившемуся допуска к материалам ГУПВИ

[47] Катынь. Пленники необъявленной войны. М., 1997. С. 5–6.

для члена двусторонней комиссии В.С. Парсадановой. К концу 1989 г. были подготовлены и сданы в различные журналы статьи этих трех историков. Однако в дело вмешалось ЦК КПСС. Начальник его международного отдела В.М. Фалин 22 февраля 1990 г. обратился к М.С. Горбачеву с письмом. Сообщив о находках в архивах В.С. Парсадановой, Ю.Н. Зори и Н.С. Лебедевой и принятии редколлегиями ряда журналов их статей, он подчеркивал: «Появление таких публикаций создало бы в известном смысле новую ситуацию. Наш аргумент — в госархивах СССР не обнаружено материалов, раскрывающих истинную подоплеку катынской трагедии, стал бы недостоверным» (см. № 234).

Высшая партийная инстанция запретила публикацию материалов историков. Тем не менее «Московские новости» 25 марта 1990 г. опубликовали на двух разворотах своей газеты интервью с Н.С. Лебедевой, в котором был дан обзор важнейших материалов по катынской проблеме, найденных историком в двух архивах — ЦГАСА, где хранились фонды конвойных войск, и ЦГА (Особый архив с его фондами УПВ НКВД СССР). Лишь через три недели — 13 апреля 1990 г. — последовало официальное заявление ТАСС с признанием ответственности органов НКВД в расстреле польских военнопленных — офицеров и полицейских (см. № 235). По инициативе М.С. Горбачева Главная военная прокуратура в декабре 1990 г. возбудила уголовное дело по факту массового расстрела в Катыни, Харькове и Калинине, которое все еще не закрыто.

И все же руководство КПСС продолжало скрывать самые важные материалы — совершенно секретные особые папки Политбюро ЦК ВКП(б). Когда М.С. Горбачев в декабре 1991 г. передавал дела Б.Н. Ельцину, он вручил ему и конверт с катынскими документами, предупредив о необходимости особо осторожного к ним отношения. По свидетельству А.Н. Яковлева, присутствовавшего на этой передаче дел, российский президент прочел содержимое и согласился с тем, что здесь есть над чем подумать. Лишь через год копии этих материалов были предъявлены на процессе по делу КПСС. 14 октября 1992 г. специальный посланник Президента России Б.Н. Ельцина Р.Г. Пихоя вручил в Бельведере в Варшаве президенту Польши Леху Валенсе письмо Л.П. Берии И.В. Сталину, решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г. о расстреле польских военнопленных и узников тюрем, а также материалы других особых папок по катынскому делу. Начался новый этап — совместное российско-польское восстановление в мельчайших деталях истории катынского преступления и строительства мемориальных кладбищ в Катыни, Медном и Харькове. В 1995 г. в торжественной обстановке были заложены краеугольные камни в строительство польских военных кладбищ в Катыни, Мед-

ном и Харькове (см. № 237). В год 60-летия катынской трагедии, в июне — сентябре 2000 г. — состоялись открытия и освещения мемориальных кладбищ польских и советских граждан — жертв тоталитарного сталинского режима в Харькове, Катыни и Медном (см. №№ 238, 239, 240, 241). Правительственные делегации на траурных церемониях возглавили 17 июня в Харькове президенты Республики Польша А. Кваснеский и Украины Л. Кучма, 28 июля в Катыни — председатель Совета министров РП Е. Бузек и В. Христенко, 2 сентября в Медном — Е. Бузек и В. Рушайло. На открытие приехали родные расстрелянных польских военнопленных — их вдовы, дети, братья, сестры, внуки. Пришли и жители окрестных сел с цветами из собственных палисадников. А на металлических кладбищенских плитах с именами каждого расстрелянного среди цветов и свеч, зажженных родственниками, виднелись тетрадные листки со словами «Простите нас, поляки»[48].

Лейтмотивом выступлений, как поляков, так и россиян, стала идея — память о катынской трагедии, общая скорбь по погибшим полякам и россиянам, боль и слезы должны стать залогом польско-российского примирения. Осуждая бесчеловечную тоталитарную машину, исковеркавшую миллионы человеческих жизней людей разных национальностей, выступавшие подчеркивали необходимость сделать все, чтобы подобное никогда не могло повториться.

Идея о том, что русский народ не несет ответственности за катынское злодеяние, была высказана еще 9 апреля 2000 г. люблинским архиепископом Ю. Жичиньским во время мессы в Кафедральном соборе. Архиепископ указал: «Мы должны понять, что рядовой россиянин не несет ответственности за проявления братоубийственной политики коммунистической партии. Нельзя винить российский народ за трагедию в Катыни. Ибо этот народ был так же, как мы, угнетен, так же, как мы, страдал от системы насилия. И дал много замечательных личностей, которые нашли в себе силы противиться ей»[49]. Эта мысль была поддержана буквально всеми крупнейшими средствами массовой информации Польши. «О Катыни без ненависти», «Российский народ не повинен в катынской трагедии» — с такими заголовками на первых полосах выходили почти все польские газеты.

Ведущие политики страны — ее президент, премьер-министр, маршал сейма и др. выступили с аналогичными заявлениями. Е. Бузек, в частности, в теле обращении к полякам 12 апреля 2000 г. сказал: «В годовщину катынского преступления мы размышляем о вине и ответственности за прошлое, но мы

[48] Филонова С.Н. За наше и ваше достоинство // Русская мысль. 27 сентября 2000 г. С. 11.

[49] Michnik A. Nie winimy za Katyn narodu rosyjskiego // Gazeta Wyborcza. Nr. 85 z dnia 2000/04/10, str. 1.

думаем также о будущем. С омраченным воспоминаниями, но чистым сердцем я хочу сказать нашим соседям россиянам, испытавшим всю жестокость сталинизма: мы не виним за Катынь весь российский народ; мы знаем, как много его сынов и дочерей поглотила их родная земля. Катынь — символ польского мученичества, может стать символом нашей общей памяти, обязательством вместе преодолеть мрачные страницы истории и в согласии работать для будущего, стремиться к распространению и укреплению дружеских чувств между поляками и россиянами и дружеских отношений между нашими государствами»[50].

В мае конференция катынских семей с энтузиазмом встретила слова одного из ее участников: «Надо простить. Не дожидаясь покаяния. Папа — поляк — ждет от нас именно этого»[51].

Через правду к взаимопониманию — таков главный принцип, которым руководствуются все участвующие в подготовке четырехтомного издания катынских документов и данного сводного тома материалов.

[50] O Katiniu bez nienawisci. Wystapienie Przesa Rady Ministrow J.Buzka w TVP // Gazeta Wyborcza z dnia 2000/04/13, str. 1, 3.

[51] См. Филонова С.Н. Указ. соч. С. 11.

Документы

№ 186

1943 г., 13 апреля, 9. час. 15 мин. Берлин. — Сообщение берлинского радио о массовых захоронениях польских офицеров в Катынском лесу[1]

Из Смоленска сообщают, что местное население указало немецким властям место тайных массовых экзекуций, проведенных большевиками, где ГПУ уничтожило 10 000 польских офицеров. Немецкие власти отправились в Косогоры[а)] — советскую здравницу, расположенную в 16 км на запад от Смоленска, где и произошло страшное открытие. Ими обнаружена яма длиной 28 метров и шириной 16 метров, в которой находились уложенные в 12 слоев трупы польских офицеров в количестве 3000. На трупах была полная военная форма, часть из них связаны и у всех раны от револьверных выстрелов в затылок. Не составит трудности идентифицировать трупы, так как они находятся в состоянии мумификации из-за особенностей грунта и поскольку большевики оставили при телах личные документы. В настоящее время уже установлено, что среди убитых обнаружено, в частности, тело генерала Сморавинского из Люблина. Офицеры находились сначала в Козельске под Орлом, откуда в феврале и марте 1940 г. были переправлены в вагонах для скота в Смоленск, а оттуда на грузовиках перевезены в Косогоры, где большевики всех их уничтожили. Продолжаются поиски и открытие новых ям. Под уже открытыми слоями обнаружены новые слои. Общее число убитых офицеров оценивается в 10 000, что соответствует примерно полному польскому офицерскому корпусу, взятому большевиками в плен. Корреспонденты норвежских изданий, которые присутствовали на месте и могли лично воочию убедиться в истинности этого преступления, сообщили о нем в свои издания в Осло.

Печ. по: «Zbrodnia katynska w świetle dokumentów». London, 1980. S. 85.

[1] См. №№ 187, 188, 189. В тот же день Й. Геббельс высказал идею о необходимости привлечения МИДом рейха к расследованию катынского дела Международного Красного Креста. Гитлер же потребовал придать катынской теме мировую огласку, используя для этого любые доступные пропагандистские средства. 14 апреля Берлин по телеграфу обратился к Международному Красному Кресту, предлагая ему провести идент-

[а)] Косогоры или Козьи Горы, место казни в Катынском лесу. (Примечание составителей польского издания).

фикацию трупов жертв в Катыни. Через день исполняющий обязанности президента Германского Красного Креста Гравитц направил в МКК телеграмму о готовности властей третьего рейха максимально облегчить работу комиссии, которую МКК направил бы в Катынь. Представитель ГКК в Женеве повторил поданную накануне просьбу, переданную на этот раз президентом Германского Красного Креста герцогом фон Кобургом, и просил сообщить, какую помощь МКК ждет от германских властей. Президент же МКК Макс Губер ответил, что он готов предпринять соответствующие действия, но при условии согласия на них всех заинтересованных сторон. 22 апреля М. Губер вновь сообщил в Берлин, что МКК сможет направить своих экспертов лишь в случае согласия Москвы (ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 114. Д. 22. Лл. 182—183).

№ 187

1943 г. апреля 15, Москва. — Заявление Совинформбюро об обнаружении массовых захоронений польских офицеров в Катынском лесу, озаглавленное «Гнусное измышление немецко-фашистских палачей»[1]

Гнусные измышления немецко-фашистских палачей

Геббельсовские клеветники в течение последних двух-трех дней распространяют гнусные клеветнические измышления о якобы имевших место весной 1940 г. в районе Смоленска массовом расстреле советскими органами польских офицеров. Немецко-фашистские мерзавцы в этой своей новой чудовищной выдумке не останавливаются перед самой беззастенчивой и подлой ложью, которой они пытаются прикрыть неслыханные преступления, совершенные, как это теперь очевидно, ими самими.

Немецко-фашистские сообщения по этому поводу не оставляют никакого сомнения в трагической судьбе бывших польских военнопленных, находившихся в 1941 году в районах западнее Смоленска на строительных работах и попавших вместе с многими советскими людьми, жителями Смоленской области, в руки немецко-фашистских палачей летом 1941 года, после отхода советских войск из района Смоленска.

Не подлежит никакому сомнению, что геббельсовские клеветники ложью и клеветой пытаются теперь замазать кровавые преступления гитлеровских разбойников. В своей неуклюже состряпанной брехне о многочисленных могилах, якобы открытых немцами около Смоленска, геббельсовские лжецы упоминают деревню Гнездовую, но они жульнически умалчивают о том, что именно близ деревни Гнездовой находятся археологические раскопки исторического «Гнездовского могильника». Гитлеровские сих дел мастера пускаются на самую грубую подделку и подтасовку фактов, распространяя клеветнические вымыслы о каких-то советских зверствах весной 1940 г. и стараясь, таким образом, отвести от себя ответственность за совершенные гитлеровцами зверские преступления.

Патентованным немецко-фашистским убийцам, обагрившим свои руки в крови сотен тысяч невинных жертв, систематически истребляющим население оккупированных ими стран, не щадя ни детей, ни женщин, ни стариков, истребившим в самой Польше многие сотни тысяч польских граждан, никого не удастся обмануть своей подлой ложью и клеветой. Гитлеровские убийцы не уйдут от справедливого и неминуемого возмездия за свои кровавые преступления.

Совинформбюро

Печ. по: «Правда», 16 апреля 1943 г.

[1] См. №№ 186, 190, 192, 193. Первое сообщение Совинформбюро о Катыни было сделано по радио 15 апреля, то есть на третий день после немецкого сообщения. 16 апреля оно было опубликовано в центральных газетах. Заявление Совинформбюро было воспринято польским правительством и командованием вооруженных сил на Среднем Востоке как уклончивое и неубедительное. 15 апреля В. Андерс направил в Лондон телеграмму с требованием получить у советского правительства официальные разъяснения по катынскому делу. 19 апреля посол РП в Москве Т. Ромер сообщил в Лондон, что возможность письменного обращения к В.М. Молотову отпала в связи с сообщением Совинформбюро по катынскому вопросу.

№ 188

1943 г., апреля 16, Лондон. — Коммюнике министра обороны Польши М. Кукеля в связи с германским заявлением об обнаружении массовых захоронений польских офицеров в Катыни[1]

17 сентября 1940 г. официальный орган Красной Армии, «Красная Звезда», заявил, что во время боев, имевших место после 17 сентября 1939 г., советской стороной была захвачена 181 тысяча польских военнопленных. Из них 10 тысяч были офицерами регулярной армии и запаса.

Согласно информации, которой обладает польское правительство, в СССР в ноябре 1939 г. были сформированы три лагеря польских военнопленных: 1) в Козельске, восточнее Смоленска, 2) в Старобельске, около Харькова, и 3) в Осташкове, около Калинина, где концентрировались части военной полиции.

В начале 1940 г. администрация всех трех лагерей информировала заключенных, что лагеря собираются расформировать, что военнопленным позволят вернуться к семьям, и что якобы с этой целью были составлены списки мест, куда отдельные военнопленные могли вернуться после освобождения.

В это время в лагерях содержались: 1) в Козельске — около 5000, из которых 4500 были офицерами; 2) в Старобельске — около 3970, в числе которых

было 100 гражданских лиц, остальные были офицерами, причем, некоторые военно-медицинской службы; 3) в Осташкове — около 6570, из которых 380 человек были офицерами.

5 апреля 1940 г. было начато расформирование лагерей, и группы людей от 60 до 300 человек каждые несколько дней перемещались из них до середины мая. Из Козельска их отсылали в направлении Смоленска. И только 400 человек из всех трех лагерей были переведены в июне 1940 г. в Грязовец, в Вологодскую область.

Когда после заключения польско-советского договора 30 июля 1941 г. и подписания военного соглашения 14 августа того же года, польское правительство приступило к формированию в СССР польской армии, то ожидалось, что военнопленные из упомянутых выше лагерей сформируют младшие и старшие офицерские кадры в формирующейся армии. В конце августа 1941 г. группа польских офицеров из Грязовца прибыла в Бузулук, чтобы присоединиться к польским частям; однако не появился ни один офицер из депортированных в других направлениях из Козельска, Старобельска и Осташкова. В целом, следовательно, пропало около 8000 офицеров, не считая других 7000 полицейских, солдат и гражданских лиц, находившихся в этих лагерях, когда их расформировывали.

Посол Кот и генерал Андерс, обеспокоенные таким положением дел, обратились к компетентным советским органам с просьбой выяснить и сообщить о судьбе польских офицеров из вышеупомянутых лагерей.

В беседе с господином Вышинским, народным комиссаром иностранных дел[a)], посол Кот 6 октября 1941 г. спросил, что случилось с пропавшими офицерами. Господин Вышинский ответил, что все военнопленные были освобождены из лагерей и, следовательно, в настоящее время свободны.

В октябре и ноябре в беседах с премьером Сталиным, господами Молотовым и Вышинским посол время от времени возвращался к вопросу о военнопленных и настаивал на предоставлении ему списков [военнопленных], которые велись советским правительством тщательно и детально.

3 декабря 1941 г. во время своего визита в Москву премьер-министр Сикорский в беседе с премьером Сталиным также сделал акцент на необходимости освобождения всех польских военнопленных, и, не получив списки с ними от советских властей, вручил по этому поводу премьеру Сталину предварительный список из 3845 офицеров, который успели составить содержавшиеся вместе с ними военнопленные. Премьер Сталин заверил генерала Сикорского, что указ об амнистии носил всеобъемлющий характер, что он распространялся как на военных, так и на гражданских лиц, и что советское правительство освободило всех польских офицеров[2]. 18 марта 1942 г. генерал Андерс вручил премьеру Сталину дополнительный список из 800 офицеров. Тем не менее, ни один из упомянутых офицеров не вернулся в польскую армию.

[a)] Так в тексте. Правильно зам. народного комиссара иностранных дел.

Кроме посреднических переговоров в Москве и Куйбышеве, судьба польских военнопленных была предметом нескольких дискуссий между министром Рачинским и послом Богомоловым. 28 января 1942 г. министр Рачинский от имени польского правительства вручил ноту советскому послу Богомолову, привлекая его внимание к тому болезненному факту, что тысячи польских офицеров еще не найдены[3].

Посол Богомолов проинформировал министра Рачинского 13 марта 1943[1942] г., что в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 12 августа 1941 г. и в соответствии с официальными заявлениями от 8 и 19 ноября 1941 г.[4], амнистия была полностью воплощена в жизнь, и что она распространилась как на гражданских, так и на военных лиц.

19 мая 1942 г. посол Кот направил в НКИД меморандум, в котором выразил свое сожаление относительно отказа представить ему списки военнопленных, а также обеспокоенность их судьбой, подчеркивая огромную ценность, которую эти офицеры имели бы в военных операциях против Германии.

Ни польское правительство, ни польское консульство в Куйбышеве никогда не получало ответа о приблизительном местонахождении пропавших офицеров и других заключенных, которых депортировали из трех упомянутых выше лагерей.

Мы привыкли ко лжи германской пропаганды и понимаем цель ее последних разоблачений. Однако ввиду обильной и детальной германской информации касательно обнаружения тел многих тысяч польских офицеров под Смоленском и категоричного утверждения, что они были убиты советскими властями весной 1940 г., возникла необходимость расследования обнаруженных массовых захоронений компетентным международным органом, таким как Международный Красный Крест. Таким образом, польское правительство обратилось к Красному Кресту, чтобы он направил делегацию туда, где, как считается, были казнены польские военнопленные.

Печ. по: «Documents on Polish-Soviet Relations 1939—1945». London, 1961. Vol. 1. Doc. N 132.

[1] На заседании польского правительства 17 апреля было утверждено заявление, подготовленное С. Миколайчиком, С. Котом, Э. Рачинским и М. Кукелем. В нем сообщалось об обращении к Международному Красному Кресту с просьбой незамедлительно направить в Катынь делегацию для изучения дела на месте. Одновременно от имени польского народа подчеркивалось, что оно запрещает немцам использовать катынское преступление в качестве аргумента для собственной защиты. «Полное лицемерия возмущение немецкой пропаганды не скроет от мира жестоких и непрекращающихся преступлений против польского народа», — говорилось в заявлении польского правительства. См. также воспоминания министра национальной обороны генерала Мариана Кукеля: Kukiel M. General Sikorski, żołnierz i mąż stanu Polski Walszącej. Londyn, 1970.

[2] См. № 176.

[3] См. № 179, а также воспоминания Эдварда Рачинского, 1891 г.р., посла РП в Великобритании с 1934 г., министра иностранных дел в кабинете В. Сикорского: Raczyński E. W sojuszniczym Londynie. Dzienik Ambasadora 1939—1945. Londyn, 1960.

[4] См. № 168.

№ 189

1943 г., апреля 19, Москва. — Передовая статья г. «Правда», озаглавленная «Польские сотрудники Гитлера»[1]

Польские сотрудники Гитлера

Клевета распространяется быстро. Не успели высохнуть чернила на перьях немецко-фашистских писак, как гнусные измышления Геббельса и К° по поводу якобы имевшего место в 1940 году массового расстрела советскими органами польских офицеров были подхвачены не только верными гитлеровскими холопами, но, к удивлению, и министерскими кругами генерала Сикорского.

По сообщению агентства Рейтер, польское министерство национальной обороны опубликовало коммюнике по вопросу об этой гитлеровской фальшивке[2].

Казалось бы, что польскому министерству хорошо известно, какой гнусной репутацией пользуется германская пропаганда, давно уже побившая все рекорды чудовищной, провокационной лжи.

Казалось бы, польским министрам должна быть понятна и цель гитлеровских фальшивок и провокаций. Впрочем, даже само коммюнике польского министерства национальной обороны заявляет: «Мы привыкли ко лжи германской пропаганды и понимаем цель её последних разоблачений...».

И всё же, вопреки здравому смыслу, польское министерство не нашло ничего лучшего, как в своём коммюнике подхватить гнусную провокацию гитлеровцев и обратиться в Международный Красный Крест с просьбой «расследовать» то, чего не было. Вернее, то, что было сделано берлинскими заплечных дел мастерами, а затем жульнически приписано советским органам. Польские руководители непростительно поддались на удочку матёрых геббельсовских провокаторов и тем самым на деле поддержали жульнические трюки и клеветнические измышления палачей польского народа.

После этого не приходится удивляться тому, что Гитлер также обратился к Международному Красному Кресту с предложением «расследовать» подготовленную руками его уголовных дел мастеров инсценировку. Таким образом, пути германских провокаторов и их польских пособников сошлись...

Между тем польские министерские круги должны были бы знать, что гитлеровские лжецы не впервые прибегают к такому способу воздействия на общественное мнение, что они теперь действуют таким же точно образом, как они уже пробовали действовать во Львове в 1941 году, по поводу так называемых «жертв большевистского террора во Львове». В своё время Советское Информбюро опубликовало целый ряд заявлений жителей г. Львова, спасшихся из кровавых лап гитлеровцев, свидетелей, неопровержимо доказавших, что гитлеровцы истребляют население, захваченное немецко-фашистскими войсками. Учительница А. К. Ковальская, рабочий гильзовой фабрики «Аида» И. Брянцев, студент техникума В. Халецкий, рабочий кондитерской фабрики «Большевик» Г. Бармаш, Жутина, Барвинский, Годованец, Балатрик, Мрачек, десятки, сотни людей — очевидцев страшной были, свидетелей массовых казней, учинённых гитлеровскими палачами над мирным населением г. Львова, — разоблачили гитлеровскую клевету, гнусную ложь о «большевистских зверствах во Львове», пригвоздили к позорному столбу гитлеровских бандитов, пытавшихся клеветать на советские органы. Подводя итоги львовской трагедии, Совинформбюро писало 8 августа 1941 года:

«Теперь для общественного мнения всего мира совершенно ясно, каким образом фабриковались эти дикие вымыслы о «жертвах большевистского террора». Тысячи безвинных людей сгонялись на площади и стадионы, где над ними глумились пьяные фашистские офицеры и солдаты. Сотни людей, главным образом, работников общественных и профсоюзных рабочих организаций, стахановцев и стахановок, расстреливались без суда и следствия. Немецкие штурмовики беспощадно закалывали штыками каждого, кто пытался протестовать против бесчеловечного отношения гестаповцев к мирному населению. Озверелые фашистские бандиты врывались в дома, грабили имущество и насиловали девушек и женщин, после чего их приканчивали штыками и прикладами. Сотни жертв фашистского террора свозились со всего города в одно место, затем жители г. Львова под угрозой расстрела сгонялись для осмотра трупов, выдаваемых фашистами за «жертвы большевистского террора». Немецкие кинооператоры и фотографы снимали эти горы трупов и фабриковали фальшивки о «большевистских зверствах».

Фашистская пропаганда на весь мир протрезвонила о том, что немцы при занятии г. Львова нашли, якобы, доказательства «большевистских зверств». Показания жителей г. Львова — очевидцев чудовищных злодеяний, совершенных фашистами в первые же дни их хозяйничания в оккупированном городе, неопровержимо доказывают, что фантастические измышления гитлеровской пропаганды о так называемых «большевистских зверствах» были неуклюжей попыткой скрыть неслыханные зверства и надругательства над львовскими жителями, которые были учинены самими немецкими бандитами». (Сообщение Советского Информбюро 8 августа 1941 г.).

Такая же подлая гитлеровская провокация учинена и на этот раз. Как теперь стало совершенно ясным, немцы захватили бывших польских военно-

пленных, находившихся в 1941 году в районах западнее Смоленска на строительных работах и попавших вместе со многими советскими людьми, жителями Смоленской области, в руки немецко-фашистских палачей летом 1941 года, после отхода советских войск из района Смоленска.

Немцы зверски убили бывших польских военнопленных и многих советских людей, а теперь хотят замести следы своих преступлений и, надеясь, что найдутся легковерные люди, которые этому поверят, пытаются прикрыть свои чудовищные злодеяния новой очередной порцией гнусных измышлений. Гитлеровские садисты с поразительным знанием дела описывают «детали» и подробности убийства польских офицеров. Но чем больше они сообщают этих «деталей» — вплоть до визитных карточек и удостоверений личности, предусмотрительно вложенных ими самими в карманы одежды зверски замученных офицеров, тем более очевидным становится, что гитлеровские палачи, прошедшие законченную школу в застенках Гиммлера, описывают свой собственный богатый опыт. Всему миру известно, что не кто иной, как гитлеровцы, зверски замучили многие сотни тысяч рабочих, крестьян, интеллигентов, в частности офицеров, в Польше, Чехословакии, во Франции, в Бельгии, Голландии и в других оккупированных странах.

Подлые измышления гитлеровских палачей преследуют совершенно определённую цель — замести следы своих чудовищных злодеяний, замазать свои собственные кровавые преступления, за которые они должны будут понести суровую ответственность. Животный страх перед неминуемой расплатой за кровавые преступления побуждает этих патентованных палачей славянских и других свободолюбивых народов изобретать новые жульнические способы, пускаться в поисках спасения на новые провокации. Чувствуя величайший гнев всего прогрессивного человечества против расправ с беззащитным мирным населением и, в частности, с евреями, гитлеровцы изо всех сил стараются натравить легковерных и наивных людей на евреев. С этой целью гитлеровцы изобретают каких-то мифических еврейских «комиссаров», якобы участвовавших в убийстве 10 тысяч польских офицеров. Опытным мастерам провокации нетрудно придумать несколько фамилий никогда не существовавших людей. Таких «комиссаров» — Льва Рыбак, Авраама Борисовича, Павла Броднинского и Хаима Финберг, названных германским информационным бюро, немецко-фашистские жулики просто выдумали, так как таких «комиссаров» ни в «Смоленском отделении ГПУ», ни вообще и органах НКВД не было и нет. Всё это сфабриковано слишком грубо и топорно, чтобы можно было такие сказки принять хотя бы за тень действительности, и слишком чудовищно, чтобы можно было в какой бы то ни было мере и в какой бы то ни было форме солидаризироваться с этим гнусным делом.

В свете этих фактов обращение польского министерства национальной обороны к Международному Красному Кресту не может расцениваться иначе, как прямая и явная помощь гитлеровским провокаторам в деле фабрикации подлых фальшивок. У всех здравомыслящих людей и особенно у тех, кто на себе испытал кошмар гитлеровской тирании, такого рода фальшивки могут вызвать только отвращение.

Польский народ, как и другие свободолюбивые народы, не простит никогда немецко-фашистским палачам их кровавых злодеяний. Весь мир знает, во что превращена гитлеровцами Польша, как истерзан гитлеровцами польский народ, который систематически истребляется гитлеровскими палачами и уводится в рабство на германскую каторгу.

Польский народ отбросит прочь гитлеровскую клевету на братский советский народ, показавший всему миру чудеса героизма, мужества и благородства. А те из поляков, которые охотно подхватывают гитлеровскую фальшивку, поддерживают её и готовы сотрудничать с гитлеровскими палачами польского народа, войдут в историю, как помощники людоеда Гитлера. Польский народ отвернётся от них, как от людей, оказывающих содействие заклятому врагу Польши — Гитлеру.

Печ. по: «Правда», 19 апреля 1943 г.

[1] См. №№ 186, 187, 190, 193. 21 апреля 1943 г. в центральной прессе было опубликовано сообщение ТАСС, в котором подчеркивалось, что передавая статья «Правды» от 19 апреля по поводу коммюнике польского министерства обороны полностью отражает позицию руководящих советских кругов в данном вопросе. «Появившееся 18 апреля заявление правительства г. Сикорского на ту же тему не улучшает, а ухудшает дело, так как оно солидаризируется с вышеуказанным провокационным коммюнике польского министерства национальной обороны и помогает тем самым немецким оккупантам прикрывать свои преступления против русского и польского народов. Тот факт, что антисоветская кампания началась одновременно в немецкой и польской печати и проходит в одном и том же плане, — этот поразительный факт дает возможность предположить, что упомянутая антисоветская кампания проводится по предварительному сговору немецких оккупантов с прогитлеровскими элементами министерских кругов г. Сикорского. Заявление польского правительства свидетельствует о том, что прогитлеровские элементы имеют большое влияние в польском правительстве, и что они делают новые шаги к ухудшению отношений между Польшей и СССР» (Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 1. С. 392).

[2] См. № 188.

№ 190

1943 г. апреля 21, Москва. — «Личное и секретное послание премьера И.В. Сталина Президенту г. Франклину Д. Рузвельту»

Личное и секретное послание премьера И.В. Сталина
президенту Франклину Д. Рузвельту

Поведение Польского Правительства в отношении СССР в последнее время Советское Правительство считает совершенно ненормальным,

нарушающим все правила и нормы во взаимоотношениях двух союзных государств.

Враждебная Советскому Союзу клеветническая кампания, начатая немецкими фашистами по поводу ими же убитых польских офицеров в районе Смоленска, на оккупированной германскими войсками территории, была сразу же подхвачена правительством г. Сикорского и всячески разжигается польской официальной печатью. Правительство г. Сикорского не только не дало отпора подлой фашистской клевете на СССР, но даже не сочло нужным обратиться к Советскому Правительству с какими-либо вопросами или за разъяснениями по этому поводу.

Гитлеровские власти, совершив чудовищное преступление над польскими офицерами, разыгрывают следственную комедию, в инсценировке которой они использовали некоторые подобранные ими же самими польские профашистские элементы из оккупированной Польши, где все находится под пятой Гитлера и где честный поляк не может открыто сказать своего слова.

Для «расследования» привлечен как правительством г. Сикорского, так и гитлеровским правительством Международный Красный Крест, который вынужден в обстановке террористического режима с его виселицами и массовым истреблением мирного населения принять участие в этой следственной комедии, режиссером которой является Гитлер. Понятно, что такое «расследование», осуществляемое к тому же за спиной Советского Правительства, не может вызвать доверия у сколько-нибудь честных людей.

То обстоятельство, что враждебная кампания против Советского Союза начата одновременно в немецкой и польской печати и ведется в одном и том же плане, — это обстоятельство не оставляет сомнения в том, что между врагом союзников — Гитлером и правительством г. Сикорского имеется контакт и сговор в проведении этой враждебной кампании.

В то время как народы Советского Союза, обливаясь кровью в тяжелой борьбе с гитлеровской Германией, напрягают все свои силы для разгрома общего врага свободолюбивых демократических стран, правительство г. Сикорского в угоду тирании Гитлера наносит вероломный удар Советскому Союзу.

Все эти обстоятельства вынуждают Советское Правительство признать, что нынешнее правительство Польши, скатившись на путь сговора с гитлеровским правительством, прекратило на деле союзные отношения с СССР и стало на позицию враждебных отношений к Советскому Союзу.

На основании всего этого Советское Правительство пришло к выводу о необходимости прервать отношения с этим правительством.

Я считаю нужным информировать Вас об изложенном и надеюсь, что правительство США поймет необходимость этого вынужденного шага Советского Правительства.

21 апреля 1943 года[1].

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 365. Л. 77—79. На бланке шифротелеграмм 10 отдела НКИД.
«Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-Министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.» Т. 2. М., 1957. С. 59—60.

[1] См. № 191, 193, 195. Текст послания И.В. Сталина Ф.Д. Рузвельту был почти полностью повторен в послании советского лидера премьер-министру Великобритании У. Черчиллю от 21 апреля (см. «Переписка...» Т. 1. С. 119—120) и в ноте правительства СССР, врученной В.М. Молотовым послу Польши в СССР Т. Ромеру 25 апреля 1943 г. (см. № 192).

№ 191

1943 г. апреля 24. Лондон. — «Личное и секретное послание от Премьер-Министра г-на Уинстона Черчилля Маршалу И.В. Сталину»[1]

Личное и секретное послание от Премьер-Министра
г-на Уинстона Черчилля
Маршалу И.В. Сталину

1. Посол Майский[2] вчера вечером вручил мне Ваше послание. Мы, конечно, будем энергично противиться какому-либо «расследованию» Международным Красным Крестом или каким-либо другим органом на любой территории, находящейся под властью немцев. Подобное расследование было бы обманом, а его выводы были бы получены путем запугивания. Г-н Иден[3] сегодня встречается с Сикорским и будет с возможно большей настойчивостью [а)]просить его отказаться от всякой моральной поддержки какого-либо расследования[а)] под покровительством нацистов. Мы также никогда не одобрили бы каких-либо переговоров с немцами или какого-либо рода контакта с ними, и мы будем настаивать на этом перед нашими польскими союзниками.

2. Я протелеграфирую Вам о том, как Сикорский реагировал на вышеизложенные соображения. Его положение весьма трудное. Будучи далеким от прогерманских настроений или от сговора с немцами, он находится под угрозой свержения его поляками, которые считают, что он недостаточно защищал свой народ от Советов. Если он уйдет, мы [а)]получим кого-либо похуже[а)]. Поэтому я надеюсь, что Ваше решение «прервать» отношения следует понимать скорее в смысле последнего предупреждения, нежели в смысле разрыва, а также что оно не будет предано гласности во всяком случае до тех пор, пока не будут испробованы все другие планы. Публичное же сообщение о разрыве принесло бы [а)]величайший возможный вред в Соединенных Штатах[а)], где поляки многочисленны и влиятельны.

[а-а)] Подчеркнуто карандашом И.В. Сталиным.

3. Вчера я составил проект телеграммы на Ваше имя с просьбой рассмотреть вопрос о разрешении выехать в Иран дополнительному количеству поляков и их иждивенцев. Это ослабило бы растущее недовольство в польской армии, сформированной там, и дало бы мне возможность повлиять на Польское Правительство в том направлении, чтобы оно действовало в соответствии с нашими общими интересами и против общего врага. Я отложил посылку этой телеграммы вследствие получения Вашей телеграммы, в надежде, что положение может проясниться.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 261. Л. 68—70 (Перев. с англ.). Л. 72—73 (англ.). Подлинник.
«Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-Министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.» Т. 1. М., 1957. С. 120-121.

[1] Это послание английского премьер-министра было направлено И.В. Сталину в ответ на письмо советского лидера от 21 апреля, аналогичного по содержанию посланию Сталина Ф.Д. Рузвельту (см. № 190). 25 апреля, в день разрыва Советским Союзом отношений с Польским Правительством, И.В. Сталин направил У. Черчиллю очередное послание. Поблагодарив за участие, которое британский премьер принял в этом деле, он сообщил, что «дело перерыва отношений с Польским Правительством является уже делом решенным, и сегодня В.М. Молотову пришлось вручить ноту о перерыве отношений с Польским Правительством». Этого требовали якобы от Сталина все его коллеги, поскольку польская официальная печать не прекращала враждебную кампанию, усиливая ее с каждым днем. «Я был вынужден также считаться с общественным мнением Советского Союза, которое возмущено до глубины души неблагодарностью и вероломством Польского Правительства», — указывал Сталин. Он утверждал также, что никак невозможно обойтись без публикации ноты (см. № 192).

[2] Майский Иван Михайлович (1884—1975), в 1932—43 гг. посол СССР в Великобритании, в 1943-46 гг. зам. наркома иностранных дел СССР и председатель репарационной комиссии, академик АН СССР (с 1946 г.), историк.

[3] Иден Антони (1897—1977) министр иностранных дел Великобритании в 1940—1945 гг.

№ 192

1943 г., апреля 25, Москва. — Нота Советского Правительства о решении прервать отношения с Польским правительством[1]

Господин Посол[2],

По поручению Правительства Союза Советских Социалистических Республик я имею честь довести до сведения Польского Правительства нижеследующее:

Поведение Польского Правительства в отношении СССР в последнее время Советское Правительство считает совершенно ненормальным, нарушающим все правила и нормы во взаимоотношениях двух союзных государств.

Враждебная Советскому Союзу клеветническая кампания, начатая немецкими фашистами по поводу ими же убитых польских офицеров в районе Смоленска, на оккупированной германскими войсками территории, была сразу же подхвачена Польским Правительством и всячески разжигается польской официальной печатью. Польское Правительство не только не дало отпора подлой фашистской клевете на СССР, но даже не сочло нужным обратиться к Советскому Правительству с какими-либо вопросами или разъяснениями по этому поводу.

Гитлеровские власти, совершив чудовищное преступление над польскими офицерами, разыгрывают следственную комедию, в инсценировке которой они использовали некоторые подобранные ими же самими польские профашистские элементы из оккупированной Польши, где всё находится под пятой Гитлера и где честный поляк не может открыто сказать своего слова.

Для «расследования» привлечён как польским правительством, так и гитлеровским правительством Международный Красный Крест, который вынужден в обстановке террористического режима с его виселицами и массовым истреблением мирного населения принять участие в этой следственной комедии, режиссёром которой является Гитлер. Понятно, что такое «расследование», осуществляемое к тому же за спиной Советского Правительства, не может вызвать доверия у сколько-нибудь честных людей.

То обстоятельство, что враждебная кампания против Советского Союза начата одновременно в немецкой и польской печати и ведётся в одном и том же плане, — это обстоятельство не оставляет сомнения в том, что между врагом союзников — Гитлером и Польским Правительством имеется контакт и сговор в проведении этой враждебной кампании.

В то время, как народы Советского Союза, обливаясь кровью в тяжёлой борьбе с гитлеровской Германией, напрягают все свои силы для разгрома общего врага русского и польского народов и всех свободолюбивых демократических стран, Польское Правительство в угоду тирании Гитлера наносит вероломный удар Советскому Союзу.

Советскому Правительству известно, что эта враждебная кампания против Советского Союза предпринята Польским Правительством для того, чтобы путём использования гитлеровской клеветнической фальшивки произвести нажим на Советское Правительство с целью вырвать у него территориальные уступки за счёт интересов Советской Украины, Советской Белоруссии и Советской Литвы.

Все эти обстоятельства вынуждают Советское Правительство признать, что нынешнее правительство Польши, скатившись на путь сговора с гитлеровским правительством, прекратило на деле союзные отношения с СССР и стало на позицию враждебных отношений к Советскому Союзу.

На основании всего этого Советское Правительство решило прервать отношения с Польским Правительством.

Прошу Вас, господин Посол, принять уверения в моём весьма высоком уважении.

Молотов[3].

Печ. по: «Внешняя политика Советского Союза в период Великой Отечественной войны». Т. 1. М., 1944. С. 301—303.

[1] См. №№ 189, 190, 191, 193, 194. 25 апреля В.М. Молотов вызвал посла РП в СССР Т. Ромера и зачитал ему текст ноты. Посол отказался принять ноту, заявив протест против определения в ней мотивов действий его правительства (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 261. Л. 76—77).

[2] Тадеуш Ромер (1894—1978) — в 1942—1943 гг. посол в СССР. В 1943—1944 гг. министр иностранных дел Польского правительства в Лондоне.

[3] 25 апреля 1943 г. У. Черчилль направил И.В. Сталину пространное послание, в котором информировал о встрече А. Идена с В. Сикорским. Последний обещал не настаивать на просьбе о расследовании Международным Красным Крестом катынского преступления и удержать польскую прессу от полемики. Британский премьер просил советского лидера «оставить мысль о каком-либо перерыве отношений». Разрыв советско-польских отношений мог помочь лишь врагам союзников по антигитлеровской коалиции, полагал он. «Германская пропаганда сделала эту историю именно для того, чтобы вызвать трещину в рядах Объединенных Наций», — указывал У. Черчилль (Переписка... Т. 2. С. 122—123). Убедившись, что Сталин не внял призывам его и Ф.Д. Рузвельта воздержаться от разрыва отношений с польским правительством, британский премьер 30 апреля направил Сталину достаточно жесткое послание, в котором писал: «Я не могу воздержаться от выражения своего разочарования по поводу того, что Вы сочли необходимым предпринять акцию разрыва отношений с поляками, не дав мне времени сообщить Вам о результатах моего обращения к генералу Сикорскому, о котором я телеграфировал Вам 24 апреля. Я надеялся, что в духе нашего договора, подписанного в прошлом году, мы будем всегда консультироваться друг с другом по таким важным вопросам, в особенности, когда они затрагивают соединенную мощь Объединенных Наций.... Пока это дело было триумфом Геббельса. Теперь он усердно внушает мысль о том, что СССР будет организовывать польское правительство на русской земле, и что СССР будет иметь дело лишь с этим правительством. Мы, конечно, не были бы в состоянии признать такое правительство и продолжали бы наши отношения с Сикорским, который является самым полезным человеком, которого Вы или мы могли бы найти для целей нашего общего дела. Я рассчитываю, что такой же будет американская точка зрения». У. Черчилль выразил надежду, что после определенного времени отношения с правительством Сикорского будут восстановлены (Переписка... Т. 2. С. 123—124).

№ № 193

1943г., апреля 26, Вашингтон. — Личное и секретное послание президента США Ф.Д. Рузвельта И.В. Сталину

Лично и секретно от президента г-ну Сталину[1]

Я получил Вашу телеграмму во время инспекционной поездки по западной части Соединенных Штатов. Я вполне понимаю Вашу проблему, но в то же самое время я надеюсь, что Вы сможете в настоящей обстановке найти путь для того, чтобы определить свои действия как временное прекращение переговоров с Польским Правительством, находящимся в изгнании в Лондоне, нежели определить их как полный разрыв дипломатических отношений между Советским Союзом и Польшей.

Я не могу поверить, что Сикорский в какой бы то ни было степени сотрудничал с гитлеровскими гангстерами. С моей точки зрения, однако, он сделал ошибку, поставив именно этот вопрос перед Международным Красным Крестом. Кроме того, я склонен думать, что Премьер-[a)]Министр Черчилль найдет путь для того, чтобы убедить Польское Правительство в Лондоне действовать в будущем с более здравым смыслом.

Я был бы Вам благодарен, если бы Вы сообщили мне, могу ли я каким-либо образом помочь в этом вопросе и, в частности, в связи с заботой о каких-либо поляках, которых Вы, возможно, пожелаете выслать из Союза Советских Социалистических Республик.[a)]

Кроме того, у меня в Соединенных Штатах имеется несколько миллионов поляков, из которых очень большое количество служит в армии и военно-морском флоте. Я могу заверить Вас в том, что все они озлоблены против гитлеровцев. Однако общему положению нельзя помочь известием о полном дипломатическом разрыве между Советским и Польским Правительствами.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 365. Л. 82 (Перев. с англ. Посольства США в СССР от 27.IV.1943 г.). Л. 83—84 (англ.).
«Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-Министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.» Т. 2. С. 60—61. (Отредактированный в НКИД перевод.)

[1] См. № 190, 192. 29 апреля И.В. Сталин направил Ф.Д. Рузвельту послание, в котором объяснял обстоятельства разрыва отношений с Польшей. Он писал:
«Поскольку Польское Правительство в течение почти двух недель не только не прекращало, а все усиливало враждебную Советскому Союзу и выгодную только Гитлеру кампанию в своей печати и по радио, общественное мнение в СССР было край-

[a-a)] Подчеркнуто от руки И.В. Сталиным. На полях эти же фразы отчеркнуты.

не возмущено этим поведением и откладывание решения Советского Правительства стало невозможным.

Вполне возможно, что г. Сикорский лично, в самом деле, не намерен сотрудничать с гитлеровскими гангстерами. Я был бы рад, если бы это предположение подтвердилось на деле. Но я считаю, что некоторые прогитлеровские элементы, внутри ли Польского Правительства или в его окружении, повели за собой г. Сикорского, ввиду чего Польское Правительство, возможно помимо своей воли, оказалось в роли орудия в руках Гитлера в известной Вам антисоветской кампании».

Сталин заверил президента США, что органы Советского Правительства всегда обращались и будут обращаться с польскими подданными, «как с близкими людьми и товарищами», поэтому о высылке их из СССР не может быть и речи. Если же они сами захотят выехать из СССР, то им окажут в этом содействие (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 365. Л. 88—89; «Переписка...» Т. 2. С. 61—62).

№ 194

1943 г. апрель 27, Москва. — Шифрограмма Г. Димитрова секретарю ЦК ППР П. Финдеру в связи с приостановлением дипломатических отношений СССР с польским правительством в Лондоне

Финдеру[1]

1. Сообщение Совинформбюро от 16 апреля[2] констатирует, что немецкие фашисты ложью и клеветой пытаются замазать свои же собственные кровавые преступления, совершенные над польскими военнопленными, находившимися в 1941 году западнее Смоленска на строительных работах и попавшими вместе с советскими людьми в руки немцев летом 1941 года, после отхода советских войск из района Смоленска.

2. В ноте советского правительства от 25 апреля о решении прервать отношения с польским правительством[3] говорится, что польское правительство не только не дало отпора немецко-фашистской клевете на СССР (смоленская провокация), но даже не сочло нужным обратиться к советскому правительству с какими бы то ни было вопросами или разъяснениями по этому поводу и обратилось к Международному Красному Кресту.

То обстоятельство, что враждебная кампания против Советского Союза начата одновременно в немецкой и польской печати и ведется в одном и том же плане, не оставляет сомнения, что между Гитлером и польским правительством имеется контакт и сговор в проведении этой кампании. В то время как народы Советского Союза напрягают все свои силы для разгрома общего врага, польское правительство в угоду Гитлеру наносит вероломный удар Советскому Союзу. Эта враждебная кампания предпринята польским правительством для того, чтобы произвести нажим на советское правительство с целью вырвать у него территориальные уступки за счет интересов Советской Украины, Советской Белоруссии и Советской Литвы. Все эти обстоятельства вынуждают советское правительст-

во признать, что правительство Польши, скатившееся на путь сговора с Гитлером, прекратило на деле союзные отношения с СССР и стало на позицию враждебных отношений к Советскому Союзу. На основании всего этого советское правительство решило прервать отношения с польским правительством.

3. Необходимо развернуть в Польше самую энергичную разоблачительную кампанию по этому поводу и призывать всех польских патриотов, без различия политической принадлежности, решительно осудить провокаторское поведение польского правительства и выступить за укрепление боевой дружбы между польским и русским народами против немецких захватчиков и их польских пособников.

Димитров

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 184. Исходящие за 1943. Д. 9. Л. 65—66. Подлинник. «Коминтерн и вторая мировая война. Часть II». С. 348—349.

[1] Финдер Павел (1904—1944), уроженец Польши, в 1922 г. вступил в Компартию Австрии, в 1928 г. в ФКП. С 1928 по 1938 гг. активист Компартии Польши, в 1939—1941 гг. находился в СССР, 31 декабря 1941 г. вместе с М. Новотко и Б. Молоецом был заброшен в генерал-губернаторство, где участвовал в создании Польской рабочей партии (ППР). С декабря 1942 г. секретарь ЦК ППР. Арестован гестапо в ноябре 1943 г. и расстрелян. 26 апреля 1943 г. П. Финдер направил генеральному секретарю Коминтерна Г. Димитрову шифрограмму о восстании в Варшавском гетто. В ней сообщалось, что борьба в гетто продолжается, евреи вывесили на самом высоком здании советский, английский и польский флаги. «Было бы очень полезно в настоящий момент провести налет на немецкий участок Варшавы, одновременно сбросив оружие в гетто и листовки по всему городу по вопросу немецкого «открытия» под Смоленском, тем более, что заявления Совинформбюро по этому вопросу из-за плохого приема никто здесь, даже мы, не знает», — радировал он (Коминтерн и вторая мировая война. Часть П. После 22 июня 1941 г. С. 346—347).

[2] См. № 187.

[3] Пункт 2-й шифровки Г. Димитрова повторял текст ноты НКИД СССР о разрыве отношений с польским правительством от 25 апреля (см. № 192).

№ 195

1943 г., апреля 28, Лондон. — Письмо премьер-министра Великобритании У. Черчилля министру иностранных дел А. Идену в связи с катынской проблемой

Серия М 323/3

Это единственно безопасная линия для поляков и для нас[1]. Дайте мне как можно скорее знать, что Вы думаете об этом. Не стоит патологически кружить над могилами трехлетней давности под Смоленском. Если Вам удастся убедить поляков держаться этой линии, будет чрезвычайно важно, чтобы это

шло как бы от них, а не создавалось впечатление инспирированного нами. В разговорах с ними Вы можете указать на то, что они могут всегда вернуться к Смоленской истории, если все остальное окажется не действенным.

Формулировки же их документа в теперешнем виде — это провозглашение смертельной войны.

У.С.Ч.[a)]

Пересмотренное п[ремьер]-м[инистром] Коммюнике о состоянии польско-российских отношений пред[лагаю] опубликовать от имени польского правительства.

Отдел рукописей библиотеки Бирмингемского университета. Фонд лорда Эвона. [А. Идена] AP 20/10/519. Подлинник. Рукопись. Англ. язык.

[1] По всей видимости, это ответ на сообщение А. Идена относительно польско-советских отношений. 20 апреля А. Иден направил У. Черчиллю проект телеграммы в Вашингтон и приложил к нему проект инструкции послу Великобритании в Москве относительно планируемого англо-американского обращения к Сталину о положении поляков в СССР. «Я понимаю, что в Вашем недавнем разговоре с генералом Сикорским Вы сказали ему, что Вы хотели бы консультироваться с правительством США до отправки инструкций сэру А. Кларку Керру. Это определенно правильный курс и я сделал так. Весьма важен проект, который Вы собираетесь послать премьеру Сталину. Он даже более полон, чем я первоначально предлагал в моей записке от 11 апреля. С точки зрения Вашей беседы с генералом Сикорским и недавней германской пропаганды относительно польских офицеров, чьи могилы были найдены в Смоленске, я сейчас думаю, что было бы лучше, чтобы Ваше послание касалось фундаментальных вопросов в целом. Это усилит позиции Кларка Керра, когда он увидится со Сталиным», — писал А. Иден. (AP 20/10/135). См. также № 191.

№ 196

1943 г., мая 6, Москва. — Постановление ГКО о сформировании на территории СССР польской стрелковой дивизии им. Т. Костюшко

№ ГОКО—3294сс

Сов. секретно

Государственный Комитет Обороны
Постановление
от 6 мая 1943 г. Москва, Кремль[1]

Государственный Комитет Обороны постановляет:

[a)] У.С.Ч. Уинстон Спенсер Черчилль

1. Удовлетворить ходатайство «Союза польских патриотов» о сформировании на территории СССР польской стрелковой дивизии имени Тадеуша Костюшко.

2. Стрелковую дивизию сформировать по штату № 04/500-04/512 Красной Армии с дополнительными средствами усиления в составе: истребительного противотанкового дивизиона 45 мм пушек; танкового полка; дивизиона 120 мм минометов и роты противотанковых ружей.

Культотдел дивизии сформировать по особым штатам. Поручить т. Жукову принять участие в разработке вместе с «Союзом польских патриотов» штата и положения о культработе в польской стрелковой дивизии.

3. Согласиться с предложением «Союза польских патриотов» об утверждении в качестве командира польской стрелковой дивизии имени Тадеуша Костюшко полковника генерального штаба Берлинга Сигизмунда Михайловича.

4. Оказать помощь «Союзу польских патриотов» в формировании дивизии. Проведение практических мероприятий по формированию и обеспечению польской стрелковой дивизии возложить на комиссара государственной безопасности т. Жукова.

Обязать т.т. Кагановича, Щербакова[2], Хрулева, Щаденко, Голикова[3], Яковлева и Федоренко[4] выполнять все заявки т. Жукова, связанные с формированием, вооружением, снаряжением, снабжением и боевой подготовкой польских частей.

5. Для размещения частей формируемой дивизии предоставить «Союзу польских патриотов» Селецкие лагеря МВО (50 километров севернее Рязани на реке Оке).

Полное оборудование и подготовку лагеря к приему прибываемого контингента (палатки, кухни, столовые, склады, мастерские, учебные поля, городки и др.) возложить на командующего войсками Московского Военного Округа т. Артемьева[5].

Срок готовности лагеря к 15 мая с.г.

6. Удовлетворить ходатайство «Союза польских патриотов» о проведении средствами Красной Армии призыва людских контингентов для формируемой дивизии.

Обязать начальника Главупраформа т. Щаденко:

а) В период с 15 мая по 5 июня 1943 г. призвать, включая и забронированных:

— всех лиц старшего и среднего нач[альствующего]состава из числа бывших польских граждан, поляков по национальности, в возрасте до 50 лет включительно;

— младший начальствующий состав из числа бывших польских граждан, поляков по национальности, в возрасте до 45 лет включительно;

— рядовой состав из числа бывших польских граждан, поляков по национальности, в возрасте от 18 до 40 лет включительно, в количестве 10 тыс. человек.

В первую очередь призыв начать из стройбатальонов всех наркоматов, включая и НКВД.

б) Призвать для службы в вспомогательных частях дивизии (врачи, медсестры, санитарки, связисты и т.д.) — 500 человек женщин полек в возрасте от 18 до 30 лет.

в) Направлять в место формирования польской дивизии добровольцев из числа бывших польских граждан непольских национальностей, а также поляков, коренных жителей и граждан СССР.

г) Провести до 15 июня с. г. количественный и качественный учет всех поляков, проживающих на территории СССР, в возрасте с 1926 года рождения до 50 лет включительно.

7. Удовлетворить ходатайство «Союза польских патриотов» о выделении из Красной Армии необходимого количества командиров и политработников-поляков для службы в польских частях, формируемых на территории СССР.

Председатель Государственного
Комитета Обороны
(И. Сталин)

РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 113. Л. 168—169. Копия.

[1] 10 августа 1943 г. ГКО приняло еще одно постановление, удовлетворив просьбу Союза польских патриотов и командования дивизии им. Костюшко об организации в СССР польского армейского корпуса. Он должен был состоять из 2-х стрелковых дивизий, артиллерийской бригады, танковой бригады, мотострелкового батальона, авиационного полка, саперного батальона, батальона связи, моторазведывательного батальона, женского пехотного батальона, двух подвижных госпиталей и ряда технических служб.

Кроме того, предусматривалось создание офицерской школы, запасного полка и унтер-офицерского учебного батальона.

Культурно-воспитательный отдел должен был курировать комиссар госбезопасности Г.С. Жуков, командиром корпуса назначался Зигмунд Берлинг, командиром 1-й пехотной дивизии — полковник Болеслав Кеневич. Артиллерийский корпус впредь до выхода на фронт должен был дислоцироваться в Селецких лагерях МВО. С 15 августа по 1 сентября следовало привлечь 19 тыс. лиц рядового и младшего командного состава из числа бывших польских граждан в возрасте от 18 до 45 лет, в том числе 750 человек с высшим и средним образованием для укомплектования офицерской школы. Из Красной Армии следовало откомандировать необходимое количество лиц старшего и среднего комсостава для замещения офицерских должностей вновь развертываемых формирований.

[2] Щербаков Александр Сергеевич (1901—1945), в 1941—1945 гг. кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б), секретарь ЦК ВКП(б), первый секретарь МК и МГК ВКП(б). С 1942 г. начальник Главного политического управления РККА, заместитель наркома обороны, начальник Совинформбюро.

[3] Голиков Филипп Иванович (1900—1980), с июля 1940 г. зам. начальника Генштаба, начальник Главного разведывательного управления (ГРУ), с апреля 1943 г. зам. наркома обороны по кадрам.

[4] Федоренко Я.Н. См. № 177.

[5] Артемьев Павел Артемьевич (1897—1979), с 1941 г. начальник оперативных войск НКВД, в 1942—1945 гг. генерал-полковник, командующий Московским военным округом, после войны на командных должностях в Красной Армии.

№ 197

1943 г., мая 24, Лондон. — Сообщение посла Великобритании при польском правительстве О. О'Малли А. Идену относительно телеграммы из Варшавы по катынскому делу с приложением ее текста

Сов. секретно

Английское посольство при Польской Республике.
Площадь Лаундес 45, С.В.1, 24 мая 1943 г. № 52.

Сэр,

1. Ссылаясь на мою сегодняшнюю депешу № 51, имею честь препроводить при сем телеграмму, датированную пятнадцатым мая и полученную польским правительством от подпольной польской организации в Варшаве.

2. Я склонен полагать, что у меня не было санкции премьер-министра или его заместителя на получение телеграммы из этого источника, и вероятно, ее текст не был сообщен всем членам польского правительства. Утечка информации к врагу, конечно же, сразу бы подвергла опасности польскую подпольную организацию и жизни тех, чье членство в ней будет установлено.

3. По этим причинам я настаиваю, чтобы к ее тексту, самому факту ее получения и ее содержанию относились как к особо секретной информации; и если копия этой депеши будет посылаться в какие-либо правительственные департаменты, работающие в тесном контакте с тем или иным отделением польского правительства, то чиновников в этом департаменте следует предостеречь от передачи ее сотрудничающим с ними полякам.

Имею честь засвидетельствовать огромное уважение к Вам, Ваш покорный и скромный слуга, Оуэн О'Малли.

Досточтимому Антони Идену.

Приложение к депеше господина О.Ст.К.О'Малли № 52 под грифом «Совершенно секретно» от 24 мая 1943 г.

Перевод. Телеграмма из Польши, датированная 15 мая 1943 г.

1. У подножия склона холма находится массовое захоронение в форме «L», которое полностью раскопано. Его размеры: 16 х 26 х 6 метров. Тела убитых аккуратно выложены в ряды от 9 до 12 человек, один на другого, головами в

противоположных направлениях. У них хорошо сохранились [военная] форма, записки в карманах и рисунки. Кожа, волосы и сухожилия остались в таком хорошем состоянии, что при трепанации было необходимо разрезать кожу и сухожилия. Однако лица были нераспознаваемы.

2. Перпендикулярно первому захоронению находится второе массовое захоронение, которое в настоящее время раскопано лишь частично. Его размеры составляют 14 х 18 метров. Руки на всех телах в этой могиле связаны веревками: в некоторых случаях рты заткнуты платками или кусками лоскутной материи; в других случаях головы обернуты краями шинели.

3. На сегодняшний день изъято 906 тел, 76% которых идентифицированы в силу наличия при них паспортов, писем и т.д.

4. Высказывается предположение, что в двух могилах лежат тела от 2500 до 4000 офицеров: в меньшинстве случаев они являются офицерами запаса в гражданской одежде.

5. Двенадцать лиц, включая одного доктора и трех сотрудников подразделения медпомощи, присутствовали от польского отделения «Красного Креста», когда были вскрыты могилы, идентифицированы тела и собраны найденные при них документы.

6. Характерно, что ничего, кроме часов, не было изъято у убитых людей: блокноты, деньги, бумаги все еще у них в карманах: иногда на некоторых пальцах обнаруживаются кольца.

7. На затылочной части черепа всех тел имеется пулевое ранение. Представители польского отделения «Красного Креста», присутствовавшие при эксгумации, испытывали колоссальные сложности при собирании пуль, извлеченных из голов убитых людей, револьверных гильз и амуниции, находящихся в захоронениях, а также шнуров, которыми были связаны руки расстрелянных. Весь собранный материал был отослан в Варшаву, в польское отделение «Красного Креста» для доктора Горчицкого.

8. В присутствии автора этого доклада из одежды майора Сольского был изъят дневник, который велся до 21 апреля. Составитель дневника заявляет, что из Козельска заключенных в вагонах для военнопленных отправили в пункт назначения, а затем переправили в Смоленск, где они провели ночь: в 4 часа утра отзвучала утренняя побудка, после чего их погрузили в машины. На участке леса их оттуда выгрузили и в 6.30 завели в находящееся там здание, где им приказали отдать свои часы и драгоценности. На этом месте дневник обрывается[1].

9. Под надзором немецких властей представители польского отделения Красного Креста, кроме сбора бумаг, проводят эксгумацию и вскрытие. Более того, они установили контакты с местным населением. Как только тело идентифицируется, к костям немедленно прикрепляется номерная табличка «Красного Креста». После этого тела складываются в свежевырытую общую могилу. Все опознанные офицеры — из Козельска, за исключением одного из Старобельска.

10. Участок Катынского леса занимает несколько квадратных километров: он использовался для дома отдыха НКВД. Местное гражданское население заявляет, что в марте и апреле 1940 г. ежедневно прибывали транспортные колонны с польскими офицерами численностью от 200 до 300 человек[2].

Печ. по: «Despatsches of Sir Owen O'Malley to the British Government». London, 1972. P. 22—24.

[1] Дневник майора А. Сольского см.: Pamiętniki znalezione w Katyniu. Wyd. II. Paris — W-wa, 1990. S. 94—105.

[2] В этот же день О'Малли направил А. Идену пространный доклад, текст которого опубликован в том же издании, что и публикуемый в нашем томе документ (р. 8—18). Подводя итог сказанному, он задавал вопрос, не обманывают ли они не только других, но и себя, делая вид, что преступления в Катыни не было и не падет ли на них «проклятие Святого Павла, брошенное тем, кто видит жестокость и «не сгорает»». В комментарии А. Кадогана к этому докладу указывалось: "Это очень тревожно. Признаюсь, что я скорее трусливо отвернулся от катынского дела, боясь того, что мог там найти. Могут существовать доказательства, о которых мы сейчас не знаем, которые укажут другое направление. Но на основании улик, которые у нас есть, трудно не обвинить русских. Это рождает, конечно, серьезные проблемы, но никто — так я думаю — не указал на то, что с чисто моральной точки зрения они не новы. Сколько тысяч своих граждан вырезал советский режим? Не думаю, чтобы кровь поляка больше взывала к возмездию небо, чем кровь русского. Однако по необходимости мы приняли русских в качестве союзников и обязались сотрудничать с ними во время войны и мира. То, что зловеще в этом деле, так это далеко идущие политические последствия. Если вина русских будет доказана, то можем ли мы ожидать от поляков мирного сосуществования с русскими в будущем? Опасаюсь, что ответа на этот вопрос нет. Кроме того, тревожит мысль, что, в конце концов, мы можем с согласия и при участии русских поставить перед судом и, возможно, уничтожить «военных преступников» оси, оправдывая одновременно это чудовищное преступление. Признаюсь, что для меня это будет необыкновенно трудно» (Ч. Мадайчик. Катынская драма // Катынская драма. С. 89—90).

№ 198

1943 г., июня 23, Спасозаводск. — Список военнопленных поляков, содержавшихся в лагере НКВД № 99, на которых имеется компромат

Сов. секретно

Список

военнопленных бывшей польской армии, на которых имеются компрометирующие материалы[1]

№№ пп	Установочные данные	Краткая сущность имеющихся компр[ометирующих]материалов
1.	Адамус Герхард Павлович, 1915 г.р., урож[енец] с.Шлезишен-Грубен, Шленского в[оеводства]	В прошлом чл[ен] молодежной фашистской организации Польши «Юнг Дойч Гитлер Партай». Имеет родственников в Германии, к которым неоднократно выезжал до войны, подозрителен на шп[ионаж] в пользу Германии. В лагере входил в а[нти]с[оветскую] фашистскую группировку. Ярый германофил.
2.[a)]	Бартс Ян Леонович, 1913 г. рождения, урож[енец] г. Эрбельфельд, Германия.	Немец. При пл[енении] назвал себя поляком, затем, когда стал вопрос об освобождении немцев, назвался немцем. А[нти]с[оветская] личность. В лагере входил в а[нти]с[оветскую] группу спиритов.
3.	Блямка Иозеф Янович, 1905 г.р., ур[оженец] г. Мюнхена, Германия	С 1928—37 гг. член ППС. При первичном опросе назвался поляком, при последующих — немцем
4.	Беднарчик Ян Юзефович, 1911 г.р., урож[енец] г. Мысловицы, Силезия.	С 1933 г. член фашистской организации Польши «Юнг Дойч Гитлер Партай». При первичном опросе назвался поляком, при последующих — немцем.
5.	Блок Андрей Вильгельмович, 1897 г.р., ур[оженец] д. Темпатор Хамынеке, Варшавской губернии.	Ярый антисоветчик, среди в[оенно] пл[енных] проводит фашистскую агитацию. Распространял к[онтр]р[еволюционную] клевету в отношении СССР.
6.	Бугай Альфонс Альбертович, 1914 г.р., урож[енец] д. Буковина, Шленского воеводства	Среди в[оенно] пл[енных] проводил фашистскую агитацию. При первичном опросе назвался поляком, при последующих немцем, а затем опять поляком. От Германского посольства в Москве в отношении Бугай был запрос о его освобождении и направлении в Германию.

[a)] Цифра «2» обведена кружком и на полях около нее проставлена галочка. Также сделано в отношении номеров 25, 51, 59, 61, 67.

7.	Бартковский Теодор Теодорович, 1905 г. рождения, урож[енец] г. Бытгой, Познаньского в[оеводства]	Злобный антисоветчик, среди в[оенно]пл[енных] проводит к/р клеветническую агитацию. При пленении назвался поляком, впоследствии — немцем.
8.	Блондик Юзеф Павлович, 1913 г. рождения, урож[енец] г. Кениксхиты, В[ерхняя] Силезия.	А[нти]советская личность. Среди в[оенно] пл[енных] проводит а[нти]с[оветскую] агитацию. В свое время приветствовал товарищей «Хайль Гитлер». Называет себя немцем.
9.	Веллер Алексей Фердинандович, 1911 г.р., урож[енец] г. Вильно	А[нти]с[оветская] личность, среди в[оенно]пл[енных] проводил фашистскую агитацию. В лагере активный участник группы спиритов. При пленении назвался поляком, впоследствии немцем, а затем опять поляком. От Германского посольства в Москве в свое время в отношении Веллер был запрос о его освобождении и направлении в Германию.
10.	Витковский Норберт Станиславович, 1910. г.р., урож[енец] Хабингхорст, Германия.	В прошлом член ППС. В армии служил капралом полевой жандармерии. При пленении назвался поляком, затем немцем.
11.	Вандерка Бернард Алоизович, 1910 г.р., урож[енец] Малодубровка Шленского в[оеводства]	Среди военнопленных проводил фашистскую агитацию, пытался организовать саботаж. От Германского посольства в Москве в свое время был запрос об освобождении Вандерка и направлении его в Германию.
12.	Генствицкий Адам Феликсович, 1917 г.р., урож[енец] г. Берлин.	Антисоветская личность, среди в[оенно]пл[енных] проводил а[нти]с[оветскую] агитацию. При пленении назвался поляком, впоследствии немцем. В прошлом член «ЮДП»[6].
13.	Гольковский Стефан Андреевич, 1902 г.р., урож[енец] м.Тарновские Гуры, Шленского в[оеводства].	Злобный антисоветчик. В лагере входил в а[нти]с[оветскую] группировку. В прошлом состоял в фашистской партии.

[6] «ЮДП» — имеется в виду «Юнг Дойч Гитлер Партай».

14.	Гарус Степан Антонович, 1903 г.р., урож[енец] м.Пекары, Шленского в[оеводст]ва.	С 1937 г. состоял в фашисткой партии Польши «ЮДП» рядовым членом. От Германского посольства в Москве имелся запрос о его освобождении и направлении в Германию.
15.	Гановчик Францишек Янович, 1910 г.р., урож[енец] с. Высоко, Шленского в[оеводст]ва.	В лагере проводил злобную а[нти]с[оветскую] агитацию. Организатор саботажа.
16.	Дереновский Казимир Петрович, 1906 г.р., урож[енец] г. Бромберт Познаньского в-ва.	Злобный антисоветчик, имеются данные на подозрение в шпионаже в пользу Германии. При первичном опросе назвался поляком, впоследствии немцем.
17.	Зайц Иоган Максович, 1916 г.р., урож[енец] г. Штомберг, Германия.	Антисоветская личность. В свое время имел подозрительную переписку с Германией. Подозрительный в шпионаже. При пленении назвался поляком, впоследствии немцем, а затем опять поляком.
18.	Имельчик Август Королевич, 1902 г.р., урож[енец] дер. Кохановицы-Верхняя Силезия.	С 1933-39 гг. был членом немецкой партии «Фольксбунд». От Германского посольства в Москве в свое время был запрос о его освобождении и направлении в Германию.
19.	Кревт Иозеф Янович, 1900 г.р., урож[енец] г. Варшава.	В прошлом служащий польской полиции, принимал активное участие в борьбе с коммунистами. За службу в полиции награжден бронзовой медалью. При пленении назвался поляком, впоследствии немцем.
20.	Каминский Альфонс Леопович, 1902 г.р., урож[енец] г. Берлин.	Ярый германофил. В лагере проводил а[нти]с[оветскую] террористическую агитацию. При пленении назвался поляком, впоследствии — немцем.
21.	Клярнер Чеслав Казимирович, 1900 г.р., урож[енец] г. Варшавы.	А[нти]советская личность. В лагере проводил фашистскую агитацию. Активный участник группы спиритов. При пленении назвался поляком, впоследствии немцем.

22.	Кнас Иозеф Францевич, 1906 г.р., урож[енец] м. Кеникскхиты —В[ерхняя] Силезия.	В прошлом член фашисткой организации «ЮДП». В лагере проводил фашистскую агитацию и распространял провокационные слухи. При пленении назвался поляком, впоследствии немцем.
23.	Кох Павел Павлович, 1894 г.р., урож[енец] с. Камиц Шленского в[оеводст]ва.	А[нти]советская личность В лагере проводил к/р клеветническую агитацию против СССР. При пленении назвался поляком, впоследствии немцем.
24.	Куннер Ян Антонович, 1900 г.р., урож[енец] д. Тесно, Шленского в[оеводст]ва.	А[нти]советская личность. В лагере распространял а[нти]с[оветские] провокационные измышления, восхваляет Гитлера. При пленении назвался поляком, впоследствии немцем.
25.	Кеппе Эрвин-Карл Людвигович, 1901 г.р., урож[енец] г. Лодзь.	Ярый германофил. В лагерях пытался группировать вокруг себя немцев. При пленении назвался немцем, впоследствии поляком. От германского посольства в Москве в свое время был запрос о его освобождении и направлении в Германию.
26.	Клетке Эдмунд Гейнрихович, 1910, г.р., урож[енец] г. Отводск, Варшавского в[оеводст]ва.	А[нти]с[оветская] личность. В лагере проводил профашистскую агитацию. Организатор саботажа.
27.	Копец Станислав Матеушевич, 1913 г.р., урож[енец] д. Мокрое, Шленского в[оеводст]ва.	Злобный а[нти]советчик. В лагере пытался организовать саботаж и диверсионные акты на производстве.
28.	Кравец Вильгельм Петрович, 1914 г.р., урож[енец] с. Кельц—Силезия.	Злобный а[нти]советчик, в лагере проводил фашистскую агитацию. Предупреждал поляков, что в случае, если их пошлют в польскую армию, они должны быть организованы и в удобный момент перейти на сторону немцев.

29.	Лисек Ян Карлович, 1912 г.р., урож[енец] д. Бжустовая, Лодзенское в[оеводст]ва	В прошлом в течение 6 лет состоял чл[еном] ППС. При пленении назвался поляком, впоследствии немцем.
30.	Ложневский Леон Францишкович, 1899 г.р., урож[енец] с. Пешева Поморского в[оеводст]ва.	А[нти]советская личность. В лагере проводил к/р провокационную агитацию. Пытался организовать саботаж и диверсию. При пленении назвался поляком, впоследствии немцем.
31.	Люка Богумил Вильгельмович, 1891 г.р., урож[енец] с. Макраутень, Восточная Пруссия.	В прошлом старший сержант Польской полиции, принимал активное участие в подавлении революционного движения в Польше. Настроен а[нти]советски. В лагере проводил фашистскую агитацию. В свое время являлся организатором нелегального комитета в лагере по сбору средств в помощь высланным из Польши родителям в[оенно]пленных.
32.	Минних Петр Адольфович, 1897 г.р., урож[енец] пр[овинции] Мария-Хильга, Станиславского в[оеводст]ва.	В прошлом полицейский польской полиции, принимал участие в подавлении рабочего движения в Польше. Настроен а[нти]советски. Подавал заявление об освобождении его из лагеря и направлении в Германию. Имел попытку совершить побег из лагеря.
33.	Миллер Эдуард Густавович, 1912 г.р., урож[енец] г. Лодзь.	В прошлом шофер английского консульства г. Лодзь. А[нти]советская личность, участник группы спиритов. В свое время являлся участником а[нти]с[оветской] группы, подготовлявшей побеги из лагеря. При пленении назвался поляком, впоследствии немцем
34.	Михальский Юзеф Мартынович, 1914 г.р., урож[енец] Новый Бытош, Шленского в[оеводст]ва.	В прошлом член фашистской молодежной организации Польши «ЮДП». Настроен а[нти]советски. При пленении назвался поляком, впоследствии немцем. От Германского посольства в Москве в отношении Михальского был запрос о его освобождении и направлении в Германию.

35.	Михальский Фридрих-Хадриан Алоизович, 1909 г.р., урож[енец] д. Кунцендорф, Шленского в[оеводст]ва.	Настроен антисоветски, в лагере склонял в[оенно]пл[енных] к побегам. При пленении назвался поляком, впоследствии немцем. От Германского посольства был запрос о его освобождении и направлении в Германию.
36.	Михель Густав Филиппович, 1900 г.р., урож[енец] д. Одольяны, Варшавского в[оеводст]ва.	Настроен а[нти]советски, в лагере проводил фашистскую агитацию. Склонен к побегу.
37.	Млынек Генрих Матыушевич, 1912 г.р., урож[енец] г. Кениксхиты, Шленского в[оеводст]ва.	Немец, в прошлом работал в ор[гани-за]ции Красного Креста в Германии, имел паспорт на свободный проезд из Варшавы в г. Битум —Германия — и обратно. Подозрительный в германском шпионаже.
38.	Найбург Абрам Рубинович, 1905 г.р., урож[енец] г. Варшава.	Злобный антисоветчик. В лагере ведет себя исключительно нагло. Открыто проводит самую грязную фашистскую пропаганду. Открытый саботажник. Полностью разработал план побега из лагеря. Ждет удобного момента. При пленении назвался поляком, затем немцем и впоследствии опять поляком.
39.	Нахс Павел Эмильевич, 1914 г.р., урож[енец] г. Богушева, Поморское в[оеводст]во.	В прошлом член фашистской молодежной организации «ЮДП». Из Германского посольства в Москве в отношении Нахса был запрос о его освобождении и направлении в Германию.
40.	Новак Генрих Павлович, 1915 г.р., урож[енец] г. Рыбник, Шленского в[оеводст]ва.	Антисоветская личность. В лагере распространял к/р клеветнические измышления по отношению руководителей партии и Советского Правительства. При пленении назвался поляком, впоследствии немцем.
41.	Ольшевский Бронислав Францевич, 1897 г.р., урож[енец] г. Лодзь.	С 1921—28 г. состоял членом ППС.

42.	Поля Андрей Еживович, 1900 г.р., урож[енец] д. Мензижечигурис, Шленского в[оеводст]ва.	С 1937—39 г. состял членом фашиствкой партии «ЮДП» в Польше. С 1923—39 г. служил смотрителем таможени на польско-германской границе. Из Германского посольства в Москве в отношении Поля был запрос о его освобождении и направлении в Германию.
43.	Пентик Теофил Якубович, 1907 г.р., урож[енец] с. Кежно Познаньского в[воеводст]ва.	В прошлом торговец, собственник мясной лавки с прибылью 60 тыс. злотых в год. При пленении назвался поляком, впоследствии немцем.
44.	Подыбка Степан Михайлович, 1908 г.р., урож[енец] с. Ливчицы, Драгобычская об[ласть].	В прошлом активный националист, состоял членом «УНДО». В лагере проводил профашистскую агитацию.
45.	Пахолик Иосиф Петрович, 1911 г.р., урож[енец] м. Болтков, В[ерхняя] Силезия.	В прошлом член фашистской организации Польши «ЮДП». В лагере проводил фашистскую агитацию, являлся организатором саботажа.
46.	Рудницкий Петр Петрович, 1914 г.р., урож[енец] г. Хожов, В[ерхняя] Силезия.	С 1933—39 г. состоял чл[еном] фашистской организации Польши «ЮДП». При пленении назвался поляком, впоследствии немцем.
47.	Редман Лео Францевич, 1911 г.р., урож[енец] д. Ритель, Поморское в[оеводст]во.	Польский националист, насторен а[нти]с[оветски] в лагере поддерживает интимные связи с профашистским элементом.
48.	Складановский Павел Лаврентьевич, 1899 г.р. ур[оженец] г. Света, Поморского в[оеводст]ва.	Ярый антисоветчик. В Германии имеет родственника видного фашиста Крайзер в прошлом ставленник Гитлера в Данциге. Из Германского посольства имелся запрос об освобожении Складановского и направлении его в Германию.

49.	Сегед Иван Эдуардович, 1914 г.р., урож[енец] г. Катовицы, В[ерхняя] Силезия.	Злобный антисоветчик. Имеются данные о причастности Сегед к шпионажу в пользу Германии. Из Германского посольства имелся запрос в отношении Сегед о его освобождении и направлении в Германию.
50.	Стельмах Иосиф Павлович, 1906 г.р., урож[енец] дер. Красув, Шленского в[оеводст]ва.	В прошлом член фашистской партии Польши «ЮДП», настроен а[нти]с[оветски], в лагере проводил профашистскую агитацию, являлся организатором саботажа и склонял военнопленных к побегу. При пленении назвался поляком, впоследствии немцем.
51.	Спейхерт Сигизмунд Августович, 1912 г.р., урож[енец] имения Вольку, Лодзенского в[оеводст]ва.	Из Германского посольства в Москве был запрос о его освобождении и направлении в Германию.
52.	Стендель Виктор Мартынович 1906 г.р., урож[енец] г. Тарновски, Шленского в[оеводст]ва.	А[нти]советская личность. В лагере входил в фашистскую группировку.
53.	Ткач Велибальд Карлович, 1914 г.р., урож[енец] с. Буяков, Шленского в[оеводст]ва.	В прошлом член фашистской организации Польши «ЮДП». Настроен а[нти]советски, проводил фашистскую агитацию среди в[оенно] пл[енных] . Настроен к побегу из лагеря, при пленении назвался поляком, впоследствии немцем.
54.	Тутковский Виктор Леонович, 1902 г.р., урож[енец] с. Прокол, Поморского в[оеводст]ва.	Настроен а[нти]советски, проводил а[нти]с[оветскую] агитацию среди военнопленных и призывал их к саботажу. При пленении назвался поляком, впоследствии немцем.
55.	Теппер Чеслав Валентинович, 1901 г.р., урож[енец] г. Познань.	Антисоветская личность, среди в[оенно]пл[енных] проводил злобную а[нти]советскую агитацию, призывал к саботажу.

56.	Фиалкевич Фридрих Михайлович, 1899 г.р., урож[енец] м[естеч]ка Журавна, Львовского в[оеводст]ва.	С 1919—39 гг. состоял членом ППС, настроен антисоветски. При пленении назвался поляком, впоследствии немцем.
57.	Флигер Теодор Карлович, 1900 г.р., урож[енец] д[еревни] Липница, в[оеводст]во Пошонен.	Настроен антисоветски, в лагере проводил злобную а[нти]с[оветскую] агитацию. Занимается воровством.
58.	Шмидт Владислав Степанович, 1903 г.р., урож[енец] ст[анции] Каменская, Донбасс.	С 1924—27 гг. состоял членом ППС, якобы выбыл в связи с ее расколом на две фракции: левую и правую. Скрытая антисоветская личность. В лагере находится в интимных связях с профашистскими элементами. В прошлом собственник механической мастерской.
59.	Шустер Зигмунд Яковлевич, 1898 г.р., урож[енец] Журовица, Львовского в[оеводст]ва.	В прошлом верховный судья в гор. Львове по разбору политических дел. Настроен антисоветски. В лагере входил в группу спиритистов. Подавал заявление о его освобождении из лагеря и направлении его в Германию. При пленении назвался поляком, затем немцем и впоследствии опять поляком.
60.	Шведа Алоизи Александрович, 1907 г.р., урож[енец] м[естечка] Черок, Поморского в[оеводст]ва.	В прошлом купец. Владелец ресторана. Настроен антисоветски. В лагере проводил профашистскую пропаганду. Настроен к побегу. При пленении назвался поляком, впоследствии немцем. Имел пропуск через границу в Германию, подозрителен в шп[ионаже].
61.	Шведа Ян Валентинович, 1893 г.р., урож[енец] г. Катовице, В[ерхняя] Силезия.	С 1936—39 г. состоял членом ППС, ранее был членом Союза офицеров запаса. Настроен антисоветски. Среди в[оенно]пл[енных] проводил профашистскую агитацию. Подавал заявление об освобождении из лагеря и направления в Германию. При пленении назвался поляком, впоследствии немцем.

62.	Шмайдух Ромуальд Янович, 1902 г.р., урож[енец] д.Ляховиц, Шленского в[оеводст]ва.	С 1934 г. по день пленения член фашистской партии Польши «Дойч Фолькс Партай». При пленении назвался поляком, впоследствии немцем.
63.	Штрекнер Валентин Антонович, 1904 г.р., урож[енец] с. Константиновка, Тарнопольского в[оеводст]ва.	Сын крупного кулака, владельца 70 моргов земли, паровой двигатель и др[угой] сложный хозинвентарь с/х.
64.	Шрамовский Юзеф Эмануилович, 1911 г.р., урож[енец] Фридинзиты, Шленского в[оеводст]ва.	В прошлом член фашистской организации Польши «ЮДП». В лагере проводил профашистскую агитацию. При пленении назвался поляком, впоследствии немцем.Из Германского посольства в Москве в отношении Ш[рамовского] был запрос о его освобождении и направлении в Германию.
65.	Шмага Людвиг Викторович, 1909 г.р., урож[енец] д. Пиклавица, Шленского в[оеводст]ва.	Антисоветская личность. В лагере проводил а[нти]с[оветскую] агитацию и распространял к[онтр]р[еволюционные] клеветнические измышления в отношении Коммунистической партии и Сов[етской] власти. При пленении назвался поляком, впоследствии немцем. Из Германского посольства в Москве был запрос в отношении его освобождения и направления в Германию.
66.	Янковский Степан Францискович, 1905 г.р., урож[енец] с. Чайково, Познаньского в[оеводст]ва.	В прошлом торговец, владелец магазина. Настроен антисоветски. В лагере проводил профашистскую агитацию. При пленении назвался поляком, впоследствии немцем.
67.	Янус Вольфганг Томашевич, 1914 г.р., урож[енец] гор. Катовицы.	Антисоветская личность. Среди в[оенно]-пл[енных] проводил профашистскую агитацию. В Германское посольство писал письма о заслугах своего отца в Германии. Просил освобождение. Впоследствии был получен запрос Германского посольства о его освобождении и направлении в Германию.

Оперуполномоченный ОО лагеря НКВД № 99
Панасенко

Верно: ст.пом[ощник] нач[альника] 1-го отделения 2 отдела
Управления, ст. лейтенант гос. без[опасности]
Панков

РГВА. Ф.1/п. Оп. 01е. Д. 1. Лл. 72—75. Заверенная копия.

[1] В этом же деле имеется и справка от 6 декабря 1943 г. (лл. 62—63) о польских офицерах, содержащихся в лагере № 99: о подпоручиках Бартсе, Кеппе, Спейхерте, заместителе председателя окружного суда Шустере, поручике Шведе и подпоручике Янусе. В основном сведения в ней те же, что и в публикуемой справке. Указывается дополнительно их польское подданство и время взятия в плен (Бартс, Кеппе, Шустер, Янус — 18 сентября; Спейхерт — 24 сентября и Шведа — 5 октября 1939 г.).

№ 199

1943 г., июнь, Варшава. — Фрагмент отчета Технической комиссии Польского Красного Креста о ходе работ в Катыни.

Отчет Технической комиссии Польского Красного Креста о ходе работ в Катыни. Фрагмент.

17 апреля 1943 года комиссия с временным составом из 3 человек приступила к работе, распределение которой было следующим:

1) г-н Ройкевич Людвик — исследование документов в секретариате тайной полиции;

2) г-н Колодзейский Стефан и Водзиновский Ежи — розыск и сохранение документов, обнаруженных на останках в катынском лесу[1].

В этот день, однако, в работе наступил перерыв в связи с приездом польской делегации, состоящей из офицеров-военнопленных, находящихся в офицерских лагерях в Германии. Прибыли:

1) подполковник кавалерии Моссор Стефан — офлаг П Е/К № 1449

2) капитан Цыльковский Станислав — офлаг П Е/К № 1272

3) подпоручик Гостовский Станислав — офлаг IID №776/П/В

4) капитан Клебан Эугениуш — офлаг П D №[a)]

5) подпоручик авиации Ровиньский Збигнев — офлаг П С № 1205/П/В

6) капитан танковых войск Адамский Константин — офлаг П С № 902/X1/A.

Члены комиссии Польского Красного Креста имели возможность совместно осмотреть рвы, а также документы. [...]

[a)] Номер отсутствует. Офлаг — лагерь для военнопленных офицеров на контролируемых Германией территориях.

Последовательность работ была следующей:

а) откапывание и извлечение на поверхность останков,

б) изъятие документов,

в) осмотр врачом неидентифицированных останков,

г) захоронение останков.

Время работы было установлено с 8 до 18 часов с полуторачасовым перерывом на обед.

Комиссия отмечает, что извлечение останков было сопряжено с большими трудностями, так как они были сильно спрессованы, хаотически сброшены в рвы, частью с руками, связанными за спиной, частью со снятыми и наброшенными на голову шинелями, причем шинели были на шее стянуты шнурами, руки же связаны за спиной и также подвязаны шнуром, который был прикреплен к шнуру, стягивающему шинель на шее. Так связанные трупы находились главным образом в специальном рве, залитом грунтовыми водами, из которого извлечено только членами комиссии ПКК 46 жертв. Немецкие военные власти в связи с тяжелыми условиями при эксгумации такого рода хотели вообще этот ров засыпать. Только в одном из рвов найдено около 600 трупов, уложенных ровными рядами лицом к земле.

Большую трудность представляло отсутствие достаточного количества резиновых перчаток. Извлечение трупов производилось окрестными жителями, которые были мобилизованы германскими властями.

Вынесенные на носилках из рвов трупы укладывали в ряд и приступали к поиску документов таким образом, что каждый труп отдельно обыскивали двое рабочих в присутствии одного члена комиссии ПКК. Рабочие разрезали все карманы, извлекали содержимое, вручая все найденные предметы члену комиссии ПКК. Как документы, так и найденные предметы вкладывались в конверты, носящие очередной номер, причем тот же номер, выбитый на металлической пластинке, прикреплялся к трупу. С целью более тщательного и детального поиска документов распарывали даже белье и обувь. В случае необнаружения каких-либо документов или памятных предметов вырезались монограммы (если таковые имелись) с одежды или же белья.

Члены комиссии, занятые поиском документов, не имели права их просмотра и сортировки. Они обязаны были только упаковывать следующие предметы:

а) бумажники со всем их содержимым;

б) всевозможные бумаги, найденные россыпью;

в) награды и памятные предметы;

г) медальоны, крестики и пр.;

д) погоны;

е) кошельки;

ж) всевозможные ценные предметы.

При этом они могли убирать: отдельные банкноты, газеты, мелкие монеты, мешочки с табаком, бумагу для свертывания сигарет, портсигары деревянные и жестяные. Такое распоряжение было дано немецкими властями с тем, чтобы не перегружать содержимого конвертов. Наполненные таким образом конверты, перевязанные проволокой или бечевкой, в порядке номеров укладывали на подвижном столе, специально предназначенном для этой цели, затем их принимали немецкие власти и отправляли мотоциклом два раза в день, то есть в полдень и вечером, в бюро секретариата тайной полиции. Если документы не умещались в одном конверте, их помещали во второй, имеющий тот же номер.

В бюро секретариата тайной полиции документы, доставленные военным мотоциклистом, вручали германским властям. Предварительное изучение документов и установление фамилий проводилось при участии трех немцев и представителей Технической комиссии ПКК. Вскрытие конвертов проводилось в присутствии поляков и немцев. Документы, в том состоянии, в котором они находились при останках, тщательно деревянными палочками очищались от грязи, жира и гнили. В первую очередь делался упор на поиск тех документов, которые дали бы неопровержимую возможность установить фамилию и имя жертвы. Эти данные получались из документов, удостоверяющих личность, или из паспортов, служебных удостоверений, мобилизационных карточек либо свидетельств о прививках в Козельске. При отсутствии такого рода документов исследовались другие, такие, как: корреспонденция, визитные карточки, записные книжки, листки с записями и т. п. Бумажники и кошельки с банкнотами эмиссии Польского Банка сжигались, банкноты в иностранной валюте, кроме русской, так же как все монеты и золотые предметы, складывались в конверты. Установленные фамилии, так же как и содержимое конверта, записывал на отдельном листе бумаги немец на немецком языке под тем же номером. Комиссия разъясняет, почему первоначально списки составлялись только на немецком языке. Немецкие власти заявили, что списки с фамилиями будут немедленно отсылаться в Польский Красный Крест, как и документы после их использования. В связи с вышеизложенным у комиссии не было повода составлять второй список, тем более что в начальной фазе работы персонал Технической комиссии ПКК был очень малочисленным. Если возникали трудности с расшифровкой анкетных данных, то под очередным номером записывалось «личность не установлена», однако найденные документы перечислялись. Такие документы пересылались немецкими властями в специальную химическую лабораторию для более детального исследования. В случае получения положительного результата фамилия жертвы вносилась под тем же номером, но в дополнительный список. Следует также отметить, что среди убитых были и останки без всяких документов либо памятных знаков. Однако и они снабжа-

лись порядковым номером и примечанием в списке «личность не установлена».

После записи на листе бумаги о содержимом конверта документы либо предметы вкладывались в новый конверт, снабженный тем же номером, на конверте также перечислялось его содержимое. Эту операцию выполняли немцы. Таким образом, просмотренные, рассортированные и пронумерованные конверты складывались в порядке нумерации в ящики. Они оставались в исключительном распоряжении германских властей. Списки, напечатанные немцами на машинке на немецком языке, не могли быть сверены комиссией с черновиком, так как она уже не имела к ним доступа. По такой системе работы производились от № 0421 [до] № 794 в присутствии г-на Людвика Ройкевича. При установлении личности №№ 795—3900 присутствовали члены Комиссии Цупрыяк Стефан, Яворовский Грациан и Миколайчик Ян. Способ работы вышеназванных лиц был практически такой же, с той лишь разницей, что списки они составляли уже на польском языке и по мере возможности пересылали их в Гл[авное] управление ПКК. От № 3900 до № 4243 присутствовал г. Водзиновский Ежи, сохраняя ту же самую методику работы. Идентификация тел №№ 1—112 и 1—420 до прибытия Комиссии ПКК производилась исключительно немцами. Одновременно комиссия подчеркивает, что при изучении документов дневники, воинские приказы, некоторые письма и т. п. забирались германскими властями для перевода на немецкий язык. Все ли они были возвращены и вложены в соответствующие конверты, комиссия утверждать не может.

Во время работы Технической комиссии ПКК в Катынском лесу в период с 15 апреля по 7 июня 1943 года эксгумировано всего 4243 трупа[2], из которых 4233 изъято из семи могил, находящихся на небольших расстояниях одна от другой и раскопанных в марте 1943 года германскими военными властями. Из упомянутых семи могил извлечены все останки.

Восьмая могила, находящаяся на расстоянии примерно 200 метров на юг от первой группы могил, была обнаружена 28 июня 1943 года и из нее извлечено только 10 трупов. Они были захоронены в открытой тогда еще шестой братской могиле. Принимая во внимание летнее время, германские власти отдали распоряжение о перерыве в работах по эксгумации до сентября 1943 года, в связи с чем восьмая могила после извлечения упомянутых выше останков была засыпана.

Очень тщательно и на всей территории проведенное немцами зондирование в связи с тем, чтобы объявленная пропагандой цифра в 12 тысяч трупов не слишком расходилась с действительностью, позволяет предполагать, что больше могил уже не будет. В восьмой могиле, судя по ее установленным размерам, число трупов не должно превышать нескольких сотен. Это зондирование территории обнаружило ряд массовых захоронений русских в различной степени разложения трупов вплоть до скелетов.

Общее число эксгумированных трупов в количестве 4241 было захоронено в шести новых братских могилах, выкопанных вблизи от рвов, где производились расстрелы. Останки двух генералов захоронены в отдельных одиночных могилах[3]. Могилы расположены на высоком сухом месте с песчаным грунтом. Территория по обеим сторонам братских могил низкая и сырая. Величина и глубина отдельных могил неодинакова в связи с условиями местности и техническими трудностями, возникающими в процессе работы. Дно всех могил совершенно сухое, и каждая могила в зависимости от длины, ширины и глубины заключает по нескольку рядов трупов, а каждый ряд — по нескольку слоев. Верхние слои укладывались по меньшей мере на глубине одного метра ниже окружающей местности так, что после засыпания могил до уровня одного метра выше окружающей местности верхние слои останков будут присыпаны двухметровым слоем земли. Все могилы имеют плоскую форму, одинаковую высоту, а их боковые откосы укреплены дерном.

Над каждой братской могилой установлен деревянный струганный крест высотой в два с половиной метра, а под крестом посажено немного полевых цветов. На поверхности братской могилы выложен большой крест из дерна. Могилы пронумерованы в порядке их создания для сохранения порядковых номеров учета извлеченных останков. Останки укладывались по порядку номеров головами к востоку один возле других, голова — несколько выше, а руки — сложены на груди. Каждый слой останков присыпан землей в 20—30 см. В могилах I, II, III и IV тела были уложены вместе, начиная с правой стороны, поскольку в могилы их вносили с левой стороны. Номера тел записывались в том порядке, в каком их укладывали. Список номеров тел, погребенных в каждой могиле, прилагается к данному отчету [список не найден — прим. изд.], как и план расположения кладбища, занимающего пространство 60 х 36, т.е. 2160 кв. м.

В день отъезда из Катыни последних членов Технической комиссии ПКК (то есть 9 июня 1943 года) ими был повешен на самом большом кресте IV могилы большой металлический венок, выполненный из жести и проволоки одним из членов комиссии. Этот венок, несмотря на то, что он был изготовлен вручную и в полевых условиях, выглядел эстетично. Он покрашен в черный цвет, в центре находится терновый венец из колючей проволоки, а в центре венца к деревянному кресту прибит крупный металлический польский орел с офицерской фуражки. Возложив на могилу венок, члены Комиссии почтили память расстрелянных минутой молчания и молитвой. Они простились с ними от имени Родины, семей и своего собственного. Покидая кладбище, Комиссия выразила благодарность за сотрудничество пор. Словенжику, подпор. Воссу, немецким унтер-офицерам и солдатам, русским рабочим за крайне тяжелый двухмесячный труд при эксгумации останков.

Резюмируя вышеизложенное, комиссия констатирует, что:

1) извлеченные из рвов останки находились в стадии разложения, поэтому их опознание было просто невозможно. В то же время мундиры сохранились довольно хорошо, особенно все металлические части, такие, как знаки различия, награды, орлы, пуговицы и т. п.;

2) причиной смерти был выстрел, направленный в область основания черепа;

3) из документов, найденных на трупах, следует, что убийство имело место в период с конца марта до начала мая 1940 года;

4) работа в Катыни проходила под постоянным контролем германских властей, которые установили пост при каждой группе работающих членов комиссии;

5) вся работа была выполнена членами Технической комиссии ПКК, германскими властями и жителями окрестных деревень, число которых в среднем составляло 20—30 человек в день. Присылаемые также большевистские пленные в количестве по 50 человек в день использовались исключительно при выкапывании и засыпке могил и планировке территории;

6) общие условия работы были очень тяжелыми и нервно изматывающими. Кроме драматичности самого факта, разложение тел и отравленный в результате этого воздух создавали тяжелую и нервную атмосферу работы;

7) частые приезды различных делегаций, ежедневное посещение территории значительным количеством военных, вскрытие трупов, проводимое военными врачами-немцами и членами прибывающих делегаций, осложняли и так трудную саму по себе работу.

Поскольку председатель Технической комиссии г-н Хугон Кассур после отъезда 12.V.1943 года не смог возвратиться в Катынь, функции председателя Технической комиссии ПКК до окончания работ исполнял г-н Ежи Водзиновский.

Несколько слов пояснений к приведенному выше отчету: требования немецкой пропаганды очень затрудняли работу Технической комиссии. Уже за два дня до выезда какой-либо важной делегации работы фактически прерывались, поскольку для их выполнения прибывало всего 7—10 рабочих. Объясняли это тем, что жители окрестных деревень не явились на работы, несмотря на полученный приказ.

Когда в Катынь съехались профессора медицины из Германии и государств, сотрудничающих с «осью», им для осмотра и вскрытия были предоставлены тела либо офицеров высших рангов, либо тех, кто кроме смертельного огнестрельного ранения получили также колотые штыковые раны или были связаны. На неоднократные настойчивые просьбы председателя Комиссии по этому вопросу внимания не обращали. Именно потому, что с важностью работы Комиссии недостаточно считались, при погребении останков во второй братской могиле появились пробелы в порядковой нумерации. Вскрытия, производимые иностранными профессорами, про-

ходили без согласования с комиссией, что неоднократно затрудняло идентификацию. Комиссия избежала большей путаницы в работе благодаря тому, что часто самовольно забирала и хоронила останки, которые откладывали немцы.[4]

Немецкие части, занимающие центральный участок фронта, получили приказ посетить Катынь. Ежедневно сотни людей осматривали место преступления. Вмешательство комиссии привело к тому, что эти посещения были ограничены определенными часами и были выделены поддерживающие порядок жандармы. О контроле немцев при поиске документов и их прочтении в целях идентификации я уже упоминал. Был случай, когда от члена Комиссии г-на Цупрыяка потребовали показать записи, которые он делал в своем блокноте при расшифровке документов.

Нельзя умолчать и о том инциденте, который произошел между г-ном Кассуром и поручиком Словенжиком. Этот последний явился однажды в начале эксгумационных работ и заявил, что до немецких властей дошли сведения, что некоторые польские офицеры были немецкой национальности, так называемые «фольксдойче», и потребовал для них отдельной могилы, или по крайней мере — особого места в братских могилах. Ему ответили, что все убитые были офицерами польской армии, что определить их национальность невозможно, и что г-н Кассур может дать согласие только на общие могилы, без всяких исключений. Поручик Словенжик согласился с этими аргументами.

По пулям, извлеченным из трупов офицеров, а также по гильзам, найденным в песке, можно констатировать, что выстрелы производились из пистолетов калибра 7,65 мм. Представляется, что они могут быть немецкого происхождения. Опасаясь, как бы большевики не использовали этого обстоятельства, германские власти бдительно следили за тем, чтобы ни одна пуля или гильза не была спрятана членами комиссии ПКК. Это распоряжение было наивным, а контроль невыполнимым: впрочем, доверенные сотрудники НКВД, проводившие катынский расстрел, могли иметь пистолеты любого происхождения.

До сего времени Главное правление Польского Красного Креста не получило результатов исследования останков в Катыни, проведенного доктором Водзиньским. Из его доклада после извлечения первых 1700 трупов следует, что, несмотря на гнилостный распад трупов из верхних слоев, благодаря песчано-глинистой почве, частичной мумификации и произошедшие в трупах более глубоких слоев так называемые жировосковые изменения, удалось в 98 процентах случаев констатировать огнестрельное ранение черепа с входом в области затылка и выходом в лобной части, темени или на лице, в 0,4 процента — двойное огнестрельное ранение черепа сзади, в 1,5 процента случаев — огнестрельное ранение шеи.

По всей вероятности, цифры окончательных результатов не будут далеко расходиться с приведенными выше. Будут заслуживать внимания данные о

количестве трупов со связанными шнуром руками и шеей, а также числе заколотых штыками.

Отчет Технической комиссии только вскользь упоминает о том, что члены комиссии собственноручно эксгумировали 46 трупов из рва, заполненного водой. Речь идет о рве, который я сам видел, будучи в Катыни. Он находился у нижнего края одной из семи больших могил, которая террасами спускалась вплоть до низинной местности. Его заполняли подпочвенные воды, на поверхности торчали части трупов. Для эксгумации немцы обещали дать насос, и ров оставался заполненным до последних дней работы. Однажды г-н Водзинский увидел, что русские рабочие засыпают этот ров. Он тут же остановил их работу. Поручик Словенжик сказал ему, что по причине постоянных советских налетов и связанных с ними повышенных требований противопожарной готовности, насос армия предоставить не может; а требовать от рабочих проведения эксгумации в таких условиях невозможно. Тогда пятеро членов Технической Комиссии ПКК во главе с г-ном Водзиновским спустились в ров и собственноручно в течение 17-ти часов работы извлекли из воды 46 тел польских офицеров.

Чувствуя себя обязанным подчеркнуть этот благородный поступок членов нашей Технической комиссии, приведу в заключение отчета об участии Польского Красного Креста в работах по эксгумации в Катыни цитату из речи председателя Главного правления Польского Красного Креста на собрании представителей польской общественности в Варшаве:

«Могилами отмечена история Польши..., такой могилы еще не было...»

Казимеж Скаржиньский
Варшава, июнь 1943 года

Печ. по: Cz. Madajczyk. Dramat katyński. W-wa, 1989, S. 150—159. Полный текст отчета см.: «Odrodzenie». 1989. № 7.

[1] 29 апреля 1943 г. в Катынь прибыли еще 12 польских экспертов, направленных ПКК, во главе с Марионом Водзиньским. Ежи Водзиновский осуществлял руководство всеми польскими экспертами.

[2] В отчете М. Водзиньского и в немецких материалах фигурирует цифра 4143.

[3] Имеются в виду тела генералов Мечислава Сморавинского и Бронислава Богатыревича.

[4] Имеется в виду Международная комиссия, организованная немецкими властями из экпертов судебной медицины и криминалистики из 11 подконтрольных нацистской Германии стран и Швейцарии, которые прибыли в Катынь 28 апреля и уже 30 апреля подписали свое заключение. Текст этого заключения был опубликован в «Völkischer Beobachter» 4.05.1943 и в «Amtliches Material zum Massenmord von Katyn». Berlin, 1943.

№ 200

1943 г., августа 30, Свердловск. — Акт о передаче 21365 «польских дел 1940» из 1-го спецотдела НКВД СССР в отдел «А» НКГБ СССР

Сов. секретно

«Утверждаю»
Пом[ощник] нач[альника] 1-го спецотдела НКВД СССР
Подполковник госбезопасности (Титов)
30 августа 1943 г.

Акт[1]

1943 г. 30 августа гор. Свердловск

На основании распоряжения нач[альника] отдела «А» НКГБ СССР, комиссара госбезопасности тов. Герцовского и начальника 1-го спецотдела НКВД СССР, подполковника госбезопасности тов. Кузнецова, мы нижеподписавшиеся нач[альник] 5 отд[еле]ния отдела «А» НКГБ СССР, майор госбезопасности — Шевелев и нач. 10 отд[еле]ния 1-го спецотдела НКВД СССР, капитан госбезопасности — Михалев составили настоящий акт в том, что первый принял, а второй сдал нижеследующее:

Польские дела 1940 года — 21365
Принял: Шевелев
Сдал: Михалев

ЦА ФСБ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 799. Л. 125. Подлинник.

[1] См. № 229. В деле имеется и справка 1-го спецотдела НКВД СССР от 4 августа 1943 г., подписанная начальником этого отдела подполковником госбезопасности А.С. Кузнецовым, в которой лишь одна фраза: «Хранить архивы на поляков — 21353» (ЦА ФСБ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 929б. Л. 62). По всей видимости, при переводе дел их количество было уточнено. Передача дел была связана с очередным разделением НКВД на два наркомата — НКГБ и НКВД.

№ 201

1943 г., сентября 22, Москва. — Письмо академика Н.Н. Бурденко В.М. Молотову относительно совпадения методов расстрела польских офицеров в Катынском лесу и советских граждан в Орле

Народному комиссару иностранных дел
товарищу Молотову В.М.

Глубокоуважаемый Вячеслав Михайлович!

Обращаюсь к Вам по следующему обстоятельству: в апреле месяце Вы, как Народный комиссар иностранных дел, опубликовали ноту Советского правительства о разрыве дипломатических отношений с Польским правительством. В ноте Вы указали на ложное и провокационно возводимое на наши государственные органы обвинение в расстреле нескольких тысяч польских офицеров.

Читая сообщения немецкого правительства о расстреле в Катынском лесу польских офицеров и заключение «международной комиссии», — я тщательно изучил текст. Несмотря на широковещательное заглавие сообщения — «Виновники, изобличенные судебно-медицинскими экспертами», немцы приводят довольно своеобразную аргументацию о виновности советских органов —это, главным образом, способ расстрела.

Я, в бытность мою в Орле как член правительственной комиссии раскопал почти 1000 трупов и нашел, что 200 расстрелянных советских граждан имеют те же самые ранения, что и польские офицеры.

Достаточно тщательно сопоставить описания немецких протоколов и протоколы наших вскрытий, чтобы убедиться в тождестве способа и обнаружить «умелую руку».

Текст немецких сообщений	Текст наших актов
Причиной смерти всех польских офицеров, извлеченных до сих пор из могил, является без исключения выстрел в голову. Все были убиты выстрелом в затылок, причем это были одиночные выстрелы. Только в редких случаях установлены двойные выстрелы и только в одном случае тройной. Выстрел проходит глубоко в затылок и идет в затылочную кость. Выход по большей части находится близко от линии волос над лбом. Это, по большей части, револьверные пули калибра ниже 8 миллиметров.	Основной тип поражения черепа — ход пули имеет продольное направление, почти геометрически правильное, заднее переднее, с основания черепа на область лобной кости сквозное, пулевое ранение.
Трещины на черепе и следы пороха на затылочной кости вблизи входа пули, а также неизменно повторяющаяся локализация выстрела указы-	Входное отверстие, в виде круглого с ровными гладкими краями отверстия, с диаметром 0,5-0,6 см, находится вблизи наружного затылочного бугра, чаще несколько ниже его, между ним и большим затылочным отверстием.
	Выходное отверстие находится в лобной области, как правило, несколько отклонившись от средней линии в ту или в другую сторону, а иногда и точно на средней линии. Он, как правило, в виде более или менее

вает на то, что он производился в упор или в непосредственной близости, причем направление пути выстрела повсюду одинаково и представляет только немногие небольшие отклонения. Удивительное однообразие ранений и локализация выстрела в очень ограниченной части затылочной кости позволяют заключить, что выстрел производился умелой рукой.

Наличие пули, рикошетом ударившей в голову уже убитого выстрелом в затылок польского офицера и только поверхностно вдавившей черепную коробку, дает основание заключить, что этим выстрелом был раньше убит другой офицер и что пуля при выходе из его тела проникла в труп другого, уже расстрелянного и лежащего в могиле. Это факт позволяет предположить, что расстрелы, по-видимому, происходили уже в могилах, чтобы избежать переноски тел.

крупного костного дефекта, с тем или другим числом отходящих трещин и следами краевого многооскольчатого перелома.

Это — основной тип поражения. Все осмотренные черепа представляют этот тип, с небольшими и малосущественными вариациями. Из этих последних могут быть отмечены:

1. В большинстве налицо одна пара этих отверстий. В нескольких случаях — две пары, а в одном случае — три пары. Характер всех отверстий и их локализация соответствуют типу.

2. Вариации входных отверстий незначительны. В двух случаях грубые разрушения затылочной кости и дна задней черепной ямы, с разрушением чешуи и тела затылочной кости в одном черепе, а в другой и пирамидки височной кости.

3. Вариации выходного отверстия более значительны. Они могут касаться и локализации, и формы отверстия, и числа трещин и объема разрушенных костей. Выходные отверстия располагаются очень часто в задней стенке глазницы, могут отклоняться к лобному бугру или в полость носа.

Лишь редко выходное отверстие в виде правильной круглой дыры с ровными краями. Чаще же эти более крупные дыры, неправильных очертаний, с неровными краями и тем или другим числом отходящих от краев отверстия трещин. В нескольких случаях это — грубые и обширные костные разрушения.

Расстрелянные, по-видимому, были умерщвлены во рвах, так как у трупов найдены портфели под мышкой.

Трупы лежат почти все ничком, тесно друг к другу и один на другом. С боков ряды ясно различаются, в середине трупы лежат более беспорядочно. Ноги почти у всех вытянуты. По-видимому, имеется налицо определенный способ складывания трупов.

Трупы лежали в беспорядке, часто ничком, иногда лицом вверх. Во всех общих могилах это наблюдалось, как правило.

Осмотр черепов расстрелянных немцами показывает тождество методов убийств в Орле и в Катынском лесу. Говоря словами протокола немецких «специалистов», исследовавших трупы в Катынском лесу, — орловские жертвы убиты «выстрелом в затылок...[а)] выстрел проходит глубоко в затылок и идет в затылочную кость,...[а)]пуля калибра ниже 8 мм...[а)] при неизменно повторяющейся локализации выстрела, при чем направление пути выстрела повсюду одинаково и представляет лишь небольшие отклонения».

Слова и термины немецких экспертов вполне приложимы в отношении немецких орловских жертв — «удивительное однообразие ранений и локализация выстрела в очень ограниченной части затылочной кости позволяют заключить, что выстрел производился умелой рукой».

Таким образом, установленное тождество «метода» убийств в Орле и убийств в Катынском лесу является знаменательным и дает несомненное доказательство, что «умелая рука» было одна и та же и обличает немцев как виновников Катынской трагедии.

В надежде скоро иметь возможность поехать в окрестности Смоленска и иметь возможность вновь вырыть трупы польских офицеров, я составил коллекцию из 25 черепов казненных немцами русских граждан для установления несомненного тождества ран и, в случае нужды, предварительно предъявить их представителям наших союзников.

Черепа в настоящее время тщательно изучаются мною и проф. Смирновым — патолого-анатомом Нейрохирургического института, а на месте были изучены главным судебным экспертом фронта доцентом Огарковым и главным патолого-анатомом фронта Д.Н. Выропаевым — профессором 1-го ММИ[б)] совместно с их бригадами.

Член Чрезвычайной Государственной Комиссии
по установлению и расследованию злодеяний
немецко-фашистких захватчиков
(Акад[емик] Н.Н. Бурденко)[1]

ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 114. Д. 8. Л. 18—24. Копия.

[а)] Отточия в тексте письма.

[б)] 1-й ММИ — Первый Московский медицинский институт. См. примечание 6 к № 206.

[1] Бурденко Николай Нилович (1876—1946), хирург, один из основоположников нейрохирургии в СССР, действительный член АН СССР (1939), первый президент Академии медицинских наук (1944), генерал-полковник медицинской службы (1944), Герой Социалистического Труда (1943), член ЧГК. Накануне войны участвовал в разработке научно-организационных основ военно-полевой хирургии, в годы войны — главный хирург Красной Армии.

№ 202

1943 г., сентября 22, Москва. — Докладная записка начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александрова секретарю ЦК ВКП(б) А.С. Щербакову относительно создания Комиссии по расследованию «немецко-фашистских злодеяний» в Катыни. См. примечание 6 к № 206

Секретарю ЦК ВКП(б)
тов. Щербакову А.С.

Советские войска приближаются к Катынским лесам, к месту, где весной 1943 года немцы в провокационных целях организовали раскопку могил польских офицеров.

В связи с тем, что наши войска находятся уже в 30—35 километрах от Катыни и возможно в скором времени освободят этот район, целесообразно сейчас принять подготовительные меры для разоблачения немецкой провокации. Было бы своевременным создать комиссию в составе представителей от Государственной Чрезвычайной Комиссии и следственных органов и направить ее в район военных действий. Комиссия должна вслед за нашими передовыми частями прибыть в Катынь. На месте комиссия немедленно организует охрану могил, сбор необходимых материалов, опрос свидетелей и прочее. Опубликование хорошо подготовленных материалов о Катынском деле, разоблачающих провокацию немцев, могло бы иметь весьма большое политическое значение.

Г. Александров[1]

Помета в верхнем левом углу: «т. Щербаков ознакомлен. Красненко [?] 22.IX».
На полях:«В архив. 24.IX. 43 г. Г. Дьяков».

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 170. Л. 103. Подлинник.

[1] Александров Георгий Федорович (1908—1960), член ВКП(б) с 1928 г. Кандидат в члены ЦК ВКП(б) в 1941—1946 гг., в 1940—47 гг. — начальник Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б).

№ 203

1943 г., ноябрь 9, Москва. — Письмо В.Л. Василевской И.В. Сталину относительно состава Национального Комитета Свободной Польши с сопроводительным письмом Г.С. Жукова

№ 338/с

Государственный Комитет Обороны
товарищу Сталину[1]

[a)]При этом представляю письмо Ванды Василевской[2] о предполагаемом составе Национального Комитета Свободной Польши[a)].

Ванда Василевская просила выяснить, можно ли объявить о создании Комитета во время празднеств 11 ноября, а также можно ли об этом опубликовать в советской прессе.

Комиссар государственной безопасности
Жуков

[Приложение]

Дорогой Иосиф Виссарионович.

Посылаю Вам предполагаемый нами список состава Национального комитета Свободной Польши.

Зигмунд Берлинг — генерал.

Свирчевски[б)] Кароль — генерал[3].

Сокорский Владимир — полковник, писатель[4].

Метковский Михаил — общественный деятель, участник боев в Испании[5].

Витос Андрей — крупный деятель крестьянской партии «Строництво Людове»[6].

Сталь Владимир — деятель партии «Строництво Народове».

Дробнер Болеслав — деятель партии ППС.[7]

Соммерштайн — еврейский общественный деятель с мировой известностью.

Купш Франциишек — ксендз, капелан Польского Корпуса.

Хвистек Леон — профессор, известный польский ученый.

Парнас Якуб — академик, известный польский ученый.

Грубецкий Станислав — известный инженер.

Ендриховский Стефан — журналист, юрист.

Скотницкий Мечеслав — крупный инженер.

Чеховский Болеслав — рабочий деятель.

Василевская Ванда —

[a-a)] Отчеркнуто карандашом на полях.

[б)] Так в тексте. Правильно: Сверчевский.

Кроме вышеуказанных лиц желательно ввести в состав Национального Комитета находящихся в Америке профессора Ланге[8] и поэта Юлиана Тувима, которым надо было бы организовать приезд в СССР.

Ванда Василевская

АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 26. Л. 24—37. Подлинник.

[1] 25 декабря 1943 г. был создан Организационный комитет Национального польского комитета, который действовал до 4 января 1944 г. Польский комитет национального освобождения был создан лишь 22 июля 1944 г.

[2] Василевская Ванда Львовна (1905—1964), писательница, в годы войны в звании полкового комиссара являлась агитаторам ГлавПура РККА на Юго-Западном фронте. Председатель Союза Польских Патриотов (СПП) в СССР, в 1943—1945 гг. главный редактор органа СПП «Свободная Польша».

[3] Сверчевский Кароль (1897—1947), в 1936—1937 гг. командир 14-й Интернациональной бригады и 35-й Интернациональной дивизии в Испании, с 1944 г. командующий II армией Войска Польского, затем заместитель Министра национальной обороны ПНР.

[4] Сокорский Влодзимеж, 1908 г. рождения, член ППС-левицы, КПП, в годы второй мировой войны один из организаторов СПП, член его главного правления. В 1943—1945 гг. в I Польской армии, в 1945—1948 гг. секретарь Центрального Комитета профессиональных союзов, с 1948 г. кандидат в члены ЦК ПОРП.

[5] Метковский Мечислав (1903—1990), член Компартии Западной Белоруссии и КПП с 1922 г. С 1929 г. в СССР, участник Гражданской войны в Испании, начальник политико-воспитательного отдела 1-го корпуса Польских вооруженных сил в СССР. В 1945—1956 гг. сотрудник МГБ, затем МВД Польши.

[6] Витос Анджей (1878—1973), депутат польского сейма в 1922—1927 гг., в 1939—1944 гг. в СССР, заместитель председателя главного правления СПП в СССР, в 1944 г. руководитель ведомства земледелия и аграрных реформ ПКНО. В 1947—1952 гг. депутат сейма.

[7] Дробнер Болеслав (1883—1968), член ППС, в годы второй мировой войны находился в СССР, член главного правления СПП в СССР. В 1944 г. руководитель ведомства труда и социального обеспечения ПКНО, активист ППС

[8] Ланге Оскар (1904—1965), польский экономист и общественный деятель, член ППС с 1928 г. В 1938 г. преподаватель университета в Чикаго, один из организаторов Американо-польского совета труда. В 1944—1948 гг. посол Польши в США, постоянный представитель Польши в Совете Безопасности ООН. С 1948 г. член ЦК ПОРП.

№ 204

1943 г. декабря 5, [Москва]. — «Справка о военнопленных поляках, содержащихся в лагерях НКВД в 1939—1941 гг.», составленная начальником 2-го отдела УПВИ майором И.С. Денисовым[1]

Сов. секретно

Управление НКВД СССР по делам о военнопленных и интернированных

СПРАВКА

о военнопленных поляках, содержащихся в лагерях НКВД в 1939—41 гг.

I. Всего поступило военнопленных поляков, захваченных частями Красной Армии, а также интернированных военнослужащих польскої армии, доставленных из Прибалтики, куда они бежали во время войны — 130242

Из них:

а) В 1939 году было освобождено из лагерей НКВД и отправлено в западные области УССР и БССР уроженцев этих областей — 42400

б) В соответствии с постановлением СНК Союза ССР № 1691-415 от 14 октября 1939 года — передано в октябре и ноябре 1939 года немцам военнопленных уроженцев территории Польши, отошедшей к Германии — 42492

в) Передано немцам в 1940-41 гг. военнопленных инвалидов—уроженцев территории Польши, отошедшей к Германии, а также лиц немецкой национальности по запросам немецкого посольства — 562

В том числе передано [а)]три офицера[а)]: капитан Бауэр Рудольф Маркович, 1881 года рождения, поручик Глезер Артур Мартынович, 1892 года рождения и подпоручик Стергеман[б)] Георгий Хугонович, 1907 года рождения.

г) Передано в сентябре и октябре 1941 года на формирование польской армии на территории СССР (в Бузулуке Чкаловской области и в Татищеве и Тоцком, Саратовской области) — 25115

Из них офицеров

армии

полковников	— 5
подполковников	— 18
майоров	— 39
капитанов	— 134
ротмистров	— 12
поручиков	— 185
подпоручиков	— 487
подхорунжих	— 80
	960

Жандармерии

капитанов	— 1

[а-а)] Первоначально эти слова стояли после слов «1881 года рождения».

[б)] Так в тексте. Правильно: Стегеман

поручиков	—	1
		2

Чины КОП (корпус погранохраны)

подполковников	—	2
майоров	—	2
капитанов	—	24
поручиков	—	10
подпоручиков	—	27
		65

Полиции

полковников	—	2
подполковников	—	2
майоров	—	8
капитанов	—	9
комиссаров	—	3
подкомиссаров	—	2
поручиков	—	3
подпоручиков	—	7
аспирантов	—	6
		42

Всего передано офицеров — 1 069

Примечание: Все военнопленные польские офицеры, до передачи их в формируемую на территории СССР польскую армию, были сосредоточены в одном лагере — Грязовецком, откуда и была произведена отправка их в пункты формирования.

д) Передано через 1-й спецотдел НКВД в распоряжение УНКВД областей, на территории которых были расположены лагеря— 15131

Из них офицеров:

Генералов	—	13[2]
полковников	—	77
подполковников	—	197

майоров	—	541
капитанов	—	1441
духовников	—	18
прочих офицеров	—	6061
		8348

Примечание: Передача офицеров производилась из Старобельского, Козельского и Осташковского лагерей.

е) умерло в лагерях НКВД за все время — 389
Из них офицеров 30, согласно прилагаемому списку.
ж) Бежало из лагерей за все время — 1082
Из них один офицер — подпоручик КАША Франц Войцехович
з) Потери при эвакуации Львовского лагеря — 1834
и) Прочия убытия (освобождено по заключениям, а также инвалидов и не принятых в польскую армию по болезням и др.) — 1063
к) Содержится в настоящее время в Спасозаводском лагере № 99 — 174
Из них офицеров — 6

Всего: — 130242

II. На строительство дороги Ровно-Львов было занято военнопленных поляков — 14135
25-го июня 1941 года все они были вывезены в Старобельский лагерь (за исключением указанных выше потерь при эвакуации Львовского лагеря — 1834 чел.), откуда они затем были переданы на формирование польской армии.
Приложение: список умерших офицеров[а].

Начальник 2 отдела Управления НКВД СССР
по делам о военнопленных и интернированных
майор интендантск[ой] службы
И. Денисов

РГВА. Ф. 1/п. Оп. 01. Д. 1. Л. 50—53. Подлинник

[1] См. №№ 90, 157, 174. В деле имеется и краткий вариант этой справки. В ней указывалось, что общее количество военнопленных польских офицеров в 1939-41 гг. составляло 9 457 человек, из них 30 умерло, 1 бежал, 3 были переданы немцам по запросам посольства, в Спасозаводском лагере содержалось 6 человек. В апреле—мае 1940 г. было передано УНКВД с оформлением через 1-й спецотдел НКВД —

[а] Список не публикуется. См. дело. Л. 54—55.

8348 чел. В 1941 г. оставшиеся офицеры в количестве 1069 чел. были сосредоточены в Грязовецком лагере и оттуда переданы на формирование польской армии. Отмечалось, что во Львовском лагере накануне войны находились 14135 чел, потери при эвакуации составили 1834 чел. (РГВА. Ф. 1/п. Оп. 01. Д. 1. Лл. 48–49)

[2] 13 генералов — возможно опечатка. Известно о расстреле 11 генералов и одного адмирала — Ксаверия Черницкого.

№ 205

1944 г., января 12[а)], Москва. — «Протокол № 23 заседания Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозах, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР»[1]

Протокол № 23
Заседания Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозах, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР

Чрезвычайная Государственная Комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков постановляет:

1. Создать Специальную комиссию по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу (близ Смоленска) военнопленных польских офицеров.

2. Определить следующий состав Специальной комиссии:

Член Чрезвычайной Государственной Комиссии академик — Бурденко Н.Н. председатель

Член Чрезвычайной Государственной Комиссии А. Толстой[2]

Член Чрезвычайной Государственной Комиссии Николай — Митрополит Киевский и Галицкий.

Председатель Всеславянскго комитета генерал-лейтенант Гундоров А.С.[3]

Председатель Исполкома Совета обществ Красного Креста и Полумесяца Колесников С.А.[4]

Народный комиссар просвещения РСФСР академик Потемкин В.П.[5]

Начальник Главного военно-санитарного управления Красной Армии генерал-полковник Смирнов Е.И.

Председатель Смоленского облисполкома Мельников Р.Е.

[а)] Датируется на основании «Дневника Специальной комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу (близ Смоленска) военнопленных польских офицеров (ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 114. Д. 8. Л. 1–17).

Председатель Чрезвычайной
Государственной Комиссии
(Н. Шверник)[6].

Ответственный Секретарь
Чрезвычайной Государственной
Комиссии
(П. Богоявленский)

ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 114. Д. 8. Л. 39. Копия.

[1] ЧГК была создана Указом Президиума Верховного Совета СССР 2 ноября 1942 г. Ее председателем был назначен Н.М. Шверник, членами А.А. Жданов, А.Н. Толстой, Е.В. Тарле, Н.Н. Бурденко, Б.Е. Веденеев, И.П. Трайнин, В.С. Гризодубова, митрополит Киевский и Галицкий Николай. В ее аппарате работало 116 человек. К концу 1944 г. отделения Комиссии действовали в 19 областях и республиках. В работе по составлению актов о преступлениях гитлеровцев приняло участие свыше 7 млн. человек. ЧГК изучила 54 тыс. актов и свыше 250 тыс. протоколов опросов свидетелей и заявлений о злодеяниях оккупантов и 4 млн. актов о причиненном материальном ущербе, составила 27 сообщений о злодеяниях гитлеровцев. Подробнее см.: Лебедева Н.С. Подготовка Нюрнбергского процесса. М., 1975. С. 26–30.

[2] Толстой Алексей Николаевич (1883–1945), писатель, автор романов «Хождение по мукам», «Петр I» и др., член ЧГК, в годы войны им были написано около 80 статей, очерков, рассказов, печатавшихся в ведущих газетах и отдельных сборниках.

[3] Гундоров Александр Семенович (1895–1973), генерал-лейтенант инженерных войск (1940), с 1937 г. начальник Военно-инженерной академии им. В.В. Куйбышева, с 1942 г. председатель Всеславянского комитета СССР, после войны член Советского комитета защиты мира, заместитель председателя Международной федерации борцов Сопротивления.

[4] Колесников Сергей Алексеевич (1901–1985), с 1937 г. зам. наркома здравоохранения, с января 1941 г. по 1947 г. председатель Исполкома СОКК и КП, в 1947–1954 гг. заключенный ГУЛАГа, с 1960 г. директор Института сосудистой хирургии.

[5] Потемкин Владимир Петрович (1874–1946), см.: «Катынь...» С. 396.

[6] Шверник Николай Михайлович (1888–1970), в 1939–52 гг. кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б), в 1930–46 гг. член Оргбюро ЦК ВКП(б), в 1930–1944 гг. первый секретарь ВЦСПС, в 1942–1945 гг. председатель ЧГК.

№ 206

1944 г., 13 января, Москва. – Протокол № 1 заседания Специальной комиссии под председательством Н.Н. Бурденко

Протокол № 1
заседания Специальной комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу (близ Смоленска) военнопленных польских офицеров

В г. Москве 13 января 1944 г. присутствовали: члены Чрезвычайной Государственной Комиссии, Бурденко Н.Н., Толстой А.Н., Николай Митрополит Киевский и Галицкий, нарком просвещения Потемкин В.П., председатель Совета обществ Красного Креста и Полумесяца Колесников С.А., председатель Всеславянского Комитета генерал-лейтенант Гундоров[1].

Повестка дня:

1. Доклад председателя Комиссии академика Бурденко Н.Н. о задачах Комиссии.
2. Информационный доклад заместителя народного комиссара товарища Круглова С.Н. о подготовке к работам Комиссии.
3. Утверждение секретаря комиссии.
4. Утверждение судебно-медицинских экспертов.

Докладчик секретарь комиссии тов. Макаров В.Н.[2]

Стенограммы докладов председателя Комиссии академика Бурденко Н.Н. и зам.наркома товарища Круглова С.Н. прилагаются[a)].

По вопросу утверждения секретаря Комиссии по предложению председателя Комиссии академика Бурденко Н.Н. Комиссия постановляет утвердить секретарем Комиссии начальника отдела Чрезвычайной Государственной Комиссии тов. Макарова В.Н.

По вопросу утверждения судебно-медицинских экспертов Комиссия постановляет:

Для производства судебно-медицинского исследования трупов расстрелянных немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу (близ Смоленска) военнопленных офицеров утвердить следующих судебно-медицинских экспертов:

Главного судебно-медицинского эксперта Наркомздрава СССР, директора Научно-исследовательского института судебной медицины Прозоровского В.И.[3];

Заведующего кафедрой судебной медицины 2-го Московского медицинского института, доктора медицинских наук Смольянинова В.М.[4];

Старшего научного сотрудника Государственного научно-исследовательского института судебной медицины Наркомздрава СССР Семеновского П.С.;

Старшего научного сотрудника Государственного научно-исследовательского института судебной медицины Наркомздрава СССР доцента Швайкову М.Д.[5];

[a)] Стенограммы докладов не публикуются. См. дело, лл. 37—59.

Главного патолога фронта, майора медицинской службы профессора Выропаева Д.Н.[6]

Председатель Комиссии:
(Бурденко Н.Н.)

Секретарь Комиссии:
Макаров В.Н.

ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 114. Д. 8. Лл. 35—36. Подлинник.

[1] См. № 207—215. Первое заседание Специальной комиссии открылось в 13 часов в здании Нейро-хирургического института (Ульяновская ул, д. 13). После заседания Комиссии Н.Н. Бурденко предложил ее членам ознакомиться с коллекцией черепов, собранных им при эксгумации могил расстрелянных советских граждан в Орле и Смоленске. Вечером в Смоленск выехали судебно-медицинские эксперты В.И. Прозоровский, В.М. Смольянинов, П.С. Семеновский, М.Д. Швайкова.

[2] Макаров Владимир Николаевич, начальник отдела ЧГК, секретарь Специальной комиссии.

[3] Прозоровский Виктор Ильич, профессор судебной медицины, доктор медицинских наук, директор НИИ судебной медицины, главный судебно-медицинский эксперт Наркомата (министерства) здравоохранения СССР, выступал свидетелем обвинения на Нюрнбергском процессе при обсуждении Катынского дела.

[4] Смольянинов В.М., профессор судебной медицины 2-го Московского государственного мединститута, доктор медицинских наук.

[5] Швайкова М.Д., професор судебной химии, была приглашена в качестве эксперта для судебно-химических консультаций и судебно-медицинских исследований.

[6] Выропаев Дмитрий Николаевич, профессор патологической анатомии, доктор медицинских наук, майор медицинской службы.

№ 207

1944 г., января 18, Смоленск. — Протокол № 2 заседания Специальной комиссии под председательством Н.Н. Бурденко[1]

Протокол № 2
заседания Специальной комиссии по установлению и расследованию
обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками
в Катынском лесу (близ Смоленска)
военнопленных [польских] офицеров

г. Смоленск 18-го января 1944 г. 11 часов в Клинике уха, горла, носа.

Присутствовали: председатель Комиссии академик Бурденко Н.Н., члены Комиссии академик Потемкин В.П., митрополит Николай, генерал-лейтенант Гундоров А.С., председатель Исполкома Красного Креста и Полумесяца Колесников С.А., председатель Смоленского Облисполкома Мельников Р.Е., секретарь Комиссии Макаров В.Н., народный комиссар Меркулов В.Н., заместитель народного комиссара Круглов С.Н.

Повестка дня:

Информационные сообщения члена Комиссии председателя Смоленского Облисполкома Мельникова Р.Е. и заместителя народного комиссара Круглова С.Н. о подготовительных мероприятиях, проведенных на месте до приезда Комиссии.

Член Комиссии Мельников Р.Е. и заместитель народного комиссара Круглов С.Н. доложили комиссии:

Раскопки могил начались 14-го января 1944 г. в присутствии члена комиссии Мельникова Р.Е. На раскопках работает 200 чел. бойцов. Установлены 3 палатки, где производится вскрытие трупов. Ведутся поиски других могил в Катынском лесу. Для работ Комиссии в Горсовете приготовлен специальный зал заседаний. Свидетели, могущие дать показания, все находятся в Смоленске. Комиссии следует только наметить порядок и время их вызова.

Весь следственный материал подготовлен для ознакомления.

Председатель Комиссии академик Бурденко Н.Н. считает необходимым:

а) точно изучить глубину могил;

б) уточнить число военнопленных польских офицеров и солдат, работавших на дорожных работах в районе Смоленска;

в) помещались ли польские офицеры и солдаты при немцах в тех же лагерях.

После обмена мнений Комиссия постановила:

1. Всем составом немедленно выехать на место раскопок для осмотра могил и для установления, как проведена подготовка к эксгумации и исследованию трупов.

2. Всему составу Комиссии тщательно ознакомиться с материалами по Катынскому делу, имеющемуся в распоряжении Комиссии.

3. Вечером всем составом Комиссии произвести опрос основных свидетелей.

4. Заслушать отчет судебно-медицинских экспертов о их работе по вскрытию и исследованию трупов.

Председатель Комиссии
академик
(Бурденко Н.Н.)

Секретарь Комиссии
Макаров В.Н.

ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 114. Д. 8. Лл. 63–64. Подлинник.

[1] Стенограмму 2-го заседания Специальной комиссии см. в этом же деле, лл. 65—90. 18 января в 10 час. 15 мин. в Смоленск поездом прибыли Н.Н. Бурденко, митрополит Николай, В.П. Потемкин, С.А. Колесников, А.С. Гундоров, В.Н. Макаров, Д.Н. Выропаев, а также кинооператор А.Ю. Левитан и его помощники. На втором заседании Комиссии в соответствии с ее «Дневником» присутствовал и нарком госбезопасности В.Н. Меркулов. В 11 час. 50 мин. все выехали в Катынский лес для осмотра могил. На месте раскопок работало около 200 бойцов саперного подразделения. В это время вскрытие тел производили 7 судмедэкспертов (кроме утвержденных Комиссией — Никольский, Оглоблин и Зубков). К этому времени было вскрыто 225 трупов. По возвращении в Клинику члены Комиссии ознакомились с материалами «предварительного следствия» — протоколами допросов свидетелей, заявлениями и «документами».

18 января Специальная комиссия допросила П.Г. Киселева, 72-х лет, сторожа дачи НКВД, дававшего ранее немецким властям показания о доставке на станцию Гнездово партий польских военнопленных весной 1940 г. и их отправке в Катынский лес. В ходе допросов его оперативниками и Комиссией Бурденко он вынужден был заявить, что давал свои показания «под силой оружия». П.Г. Киселев также сообщил, что после прихода немцев вход в «Козьи Горы» был запрещен, и «туда стали гонять партии поляков» по ночам, в течение двух недель в сентябре, и оттуда были слышны выстрелы. Бурденко в заключение допроса заявил: «Я настаиваю на экспертизе психики и слуха Киселева. Он не знает, какой врач его лечил, а это усложняет дело. Никто не сомневается в правильности его показаний, но нужно уточнить...» (Л. 69).

Следующим был допрошен заместитель обербургомистра Смоленска профессор астрономии Б.В. Базилевский, впоследствии дававший свои показания и на Нюрнбергском процессе. Он якобы слышал от бургомистра города, Б.Г. Меньшагина, что немецкий командующий фон Швец сообщил ему о директиве из Берлина ликвидировать польских военнопленных. Он поделился своими впечатлениями с проф. И.Е. Ефимовым, который также в это день был допрошен и подтвердил свои показания. И Базилевский, и Ефимов были арестованы советскими властями осенью 1943 г., но после дачи нужных НКВД показаний и получения от них подписки о неразглашении тайны следствия, в начале января освобождены.

Именно Ефимов, который сам не посещал Катынский лес в апреле-июне 1943 г., якобы со слов его знакомых и сослуживцев рассказал, что те были поражены тем, что трупы хорошо сохранились, обращали внимание на веревки, которыми были связаны руки у некоторых пленных. «Веревки эти были немецкого происхождения», — заявил Ефимов.

Далее был допрошен начальник станции Гнездово С.В. Иванов, который в ходе немецкого расследования дал показания о прибытии на станцию эшелонов с поляками и их отправке на воронках в «Козьи Горы». В показаниях же работникам НКГБ и Комиссии Бурденко он сообщил, что по прибытии на станцию весной 1940 г. польских военнопленных отправляли далее в лагеря на строительство шоссе. Он

уточнил, что к нему в июле 1941 г. обращался начальник лагеря с просьбой предоставить вагоны для эвакуации поляков, но он не смог это сделать из-за их отсутствия. Иванов не смог уточнить, где были расположены эти лагеря, сказал лишь, что где-то на трассе Гусиново, что в 40 км от Гнездово. Созвучными его показаниям были и «свидетельства» И.В. Савватеева. Он, как и Ефимов, упомянул о веревках «немецкого образца» (Л. 88).

№ 208

1944 г., января 18, Смоленск. — Протокол № 3 заседания Специальной комиссии под председательством Н.Н. Бурденко[1]

Протокол № 3
заседания Специальной комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу (близ Смоленска) военнопленных польских офицеров

г. Смоленск 18-го января 1944 г. 23 ч. 50 м. Клиника уха, горла, носа.

Присутствовали: председатель Комиссии академик Бурденко Н.Н., члены Комиссии академик Потемкин В.П., митрополит Николай, генерал-лейтенант Гундоров А.С., председатель Исполкома Красного Креста и Полумесяца Колесников С.А., председатель Смоленского Облисполкома Мельников Р.Е., секретарь Комиссии Макаров В.Н., судебно-медицинские эксперты Прозоровский В.И. и Семеновский В.И.[а)]

Повестка дня:

1. Установление распорядка дня работы Комиссии.
2. Распределение обязанностей между членами Комиссии.
3. Отчеты о работе судебно-медицинских экспертов.

По предложению председателя Комиссии академика Бурденко Н.Н. принят следующий распорядок дня работы Комиссии:

с 9 до 14 часов

с 16 до 23 часов

По второму вопросу Комиссия постановила распределить обязанности между членами Комиссии следующим образом:

Работа на раскопках могил и с судебно-медицинскими экспертами: Бурденко Н.Н., Колесников С.А., Смирнов Е.И., Макаров В.Н.

Допрос свидетелей и систематизация свидетельских показаний: Толстой А.Н., Потемкин В.П., Митрополит Николай, Мельников Р.Е., Гундоров А.С.

Одновременно возложив на Мельникова Р.Е. урегулирование административно-хозяйственных вопросов, возникающих в процессе работы Комиссии,

---

[а)] Так в тексте. Правильно: Семеновский П.С.

и на Гундорова А.С. контроль и обработка документов и вещественных доказательств, найденных при вскрытии.

По третьему вопросу Комиссия постановила ежедневно заслушивать отчеты о работе судебно-медицинских экспертов.

Председатель Комиссии
академик
(Бурденко Н.Н.)

Секретарь Комиссии
Макаров В.Н.

ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 114. Д. 8. Лл. 96—97. Подлинник.

[1] Стенограмма 3-го заседания Специальной комиссии см. в этом же деле. См. также Дневник Комиссии (ГАРФ. Ф. 7021. оп. 114. Д. 8. лл. 6—7).

№ 209

1944 г., января 18, Москва. — Письмо Н.М. Шверника Н.Н. Бурденко о направлении ему документа «Германская фальшивка о "катынских убийствах"»[1]

Николаю Ниловичу Бурденко — академику

Николай Нилович! Посылаю Вам для ознакомления документ «Германская фальшивка о "Катынских убийствах"».

При составлении акта полемизировать по поводу этого документа не надо.

Мой привет Вам и лучшие пожелания.

Н. Шверник

ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 114. Д. 1. Л. 1. Подлиник.

[1] В этот же день Б.З. Кобулов передал по ВЧ в Смоленск В.Н. Меркулову и С.Н. Круглову «по поручению товарища Берия» текст информации ТАСС «Германская фальшивка о "катынских убийствах"» от 17 января 1944 г. В этой «информации ТАСС» излагалось содержание изданного в 1943 г. в Германии по поручению МИД Германии издания «Официальный материал, касающийся массовых убийств в Катыни» (Amtliches Material zum Massenmord von Katyn, Berlin, 1943). В германском издании содержалась вступительная статья, в которой сообщалось о причинах убийства, о том, как были обнаружены катынские могилы, о реакции

СССР на германские "разоблачения", о позиции Англии и США. За вступительной частью следовали документы, разделенные на 5 частей. Последние 107 стр. содержали перечень фамилий извлеченных из могил тел, еще 58 страниц — фотоснимки (ГАРФ. Ф. 7021, Оп. 114. Д. 1. Л. 2—10).

№ 210

1944 г., января 18, Москва. — Сообщение ТАСС о расследовании злодеяний в Катыни»

Сообщение ТАСС
о расследовании злодеяний
немецких захватчиков в Катыни

В связи с освобождением города Смоленска от немецких захватчиков постановлением Чрезвычайной Государственной Комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков была образована специальная комиссия по расследованию и установлению обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками военнопленных польских офицеров в Катынском лесу близ Смоленска[1].

Председателем комиссии назначен академик Н.Н. Бурденко, членами: академик А.Н. Толстой, митрополит Николай, генерал-лейтенант А.С. Гундоров, председатель Исполкома Союза Обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР С.А. Колесников, народный комиссар просвещения РСФСР академик В.П. Потемкин, начальник Главного военно-санитарного управления Красной Армии генерал-полковник Е.И. Смирнов и председатель Смоленского облисполкома Р.Е. Мельников.

Комиссия заканчивает свою работу и в ближайшее время опубликует сообщение о результатах расследования[2].

(ТАСС)

Печ. по: «Известия» 18 января 1944 г.

[1] См. № 205, 206.

[2] См. № 215. Сообщение Специальной комиссии было опубликовано в «Правде» 26 января 1944 г.

№ 211

1944 г., января 19, Смоленск. — Протокол № 4 заседания Специальной комиссии под председательством Н.Н. Бурденко[1]

Протокол № 4
заседания Специальной комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу (близ Смоленска) военнопленных польских офицеров

г. Смоленск 19-го января 1944 г., 22 ч. 10 мин., Клиника уха, горла, носа.

Присутствовали: председатель Комиссии академик Бурденко Н.Н., члены Комиссии митрополит Николай, академик Потемкин В.П., генерал-лейтенант Гундоров А.С., председатель Исполкома Красного Креста и Полумесяца Колесников С.А., секретарь Комиссии Макаров В.Н. и судебно-медицинские эксперты Прозоровский В.И. и Семеновский П.С.

Повестка дня:
Отчет о работе судебно-медицинских экспертов.

Эксперт Прозоровский В.И. доложил комиссии:

На вскрытии трупов работает врачей 75 чел.

санитаров — 5

пом[ощников] санитаров 6 — из бойцов, которые каждый день меняются.

Вскрыто 225 трупов до 19.1, сегодня, 19.1, — 96 трупов. Всего 321 труп.

Большинство вскрытых трупов имеют возраст 25—30—35—40 лет и лишь в отдельных случаях встречаются 50—55 лет.

Карманы одежды у всех трупов разрезаны и вывернуты — носят следы обыска.

На одежде иногда находятся знаки различия, но мало; попадаются вещественные доказательства: газеты, брошюры, записные книжки, трубки, деньги, мундштуки и проч[ее].

Сегодня найден молитвенник с датой — записи 4 апреля 1941 года и брошюра «Социалистическое земледелие в Смоленской области». Ценностей, колец, портсигаров, часов не найдено. Есть золотые зубы.

Огнестрельные ранения в большинстве случаев имеют входные и выходные отверстия. В 5-ти случаях имеются ранения слепые. Найденые при слепых ранениях сохранившие свою форму пули имеют диаметр 7,65. Найдены в черепах деформированные пули. На черепах входные отверстия имеют диаметр 8 мм и друг[ой]. У входных отверстий диаметром 9 мм имеются трещины, а у выходных кость разбита на куски.

В 2-х случаях помимо огнестрельного ранения имеются ранения тупым оружием овальной формы.

Сохранность трупов одинакова — мягкие ткани лица и шеи гнилостно изменились заметно: кожные покровы груди и живота иногда мумифицированы с белесоватым оттенком, на некоторых трупах имеются темно-зеленые

пятна. Встречаются образования слоя жировоска. Чаще подвержены образованию жировоска — сердце, печень.

Форменная одежда хорошо сохранилась. Сапоги на трупах в большинстве польские.

Документы, снятые с трупов, разбираются на месте, а часть отправляется в местную лабораторию, где изучается подробно.

Фотографирование трупов, процесса вскрытия и документов производим недостаточно и качество снимков пока не проверено.

Недостает грамотных писарей для ведения протоколов.

Эксперт Семеновский П.С.

Считает необходимым отметить, что калибр оружия определяется по входному отверстию на костях.

До нашего исследования трупов польских офицеров в Катыни немцы кости черепа не обнажали для определения диаметра, поэтому нам приходится проделать всю эту работу, отделять мягкий покров от кости, чтобы определить диаметр входного отверстия.

Каждый эксперт при такого рода работе может исследовать максимум 20 трупов в день, затрачивая 35 мин. на труп.

Председатель Комиссии Бурденко Н.Н.

Из докладов экспертов можно сделать следующее заключение:

1. Немцы трупы не вскрывали, судя по одежде и коже, которые целы.
2. Размер входного отверстия определялся по наружному осмотру.
3. Оружие, применявшееся при расстреле, разнотипное.

Каковы недостатки работы?

а) недостаточные темпы вскрытия;

б) трупы возятся волоком или носят на носилках по 4 чел., отчего на этой работе занято много бойцов.

Качество работы экспертов удовлетворительно. Надо точно фиксировать диаметры входных отверстий, собрать экспонаты для музея.

Комиссия постановила отчеты о работе судебно-медицинских экспертов принять к сведению

Председатель Комиссии
академик
(Бурденко Н.Н.)

Секретарь Комиссии
Макаров В.Н.

ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 114. Д. 8. Л. 146—148. Подлинник.

[1] См. стенограмму заседаний Специальной комиссии за 19 января в этом же деле (Лл. 162—181). В ней приведены допросы свидетелей Грибоедова Л.А., Молоден-

кова Н.К., Купцева И.З., Королевича И.М., Каверзнева С., Ковалева В.Г., Гусарова Н.С., Алексеевой Л.М., Киселева В.П., Кесарева П.Н., Алексеева П.М и Алексеева М.А. В 11 час. в Смоленск на автомашине из Москвы прибыли А.Н. Толстой и начальник отдела ЧГК Д.И. Кудрявцев. Во второй половине дня были допрошены еще 11 свидетелей, в том числе А.М. Московская, А.М. Алексеева и О.А. Михайлова.

№ 212

1944 г., января 20, Смоленск. — Протокол № 5 заседания Специальной комиссии под председательством Н.Н. Бурденко[1]

Протокол № 5
заседания Специальной комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу (близ Смоленска) военнопленных польских офицеров

г. Смоленск 20 января 1944 г. 21 ч. 50 м. зал заседаний в здании горсовета.

Присутствовали: председатель Комиссии академик Бурденко Н.Н., члены Комиссии: академик Толстой А.Н., академик Потемкин В.П., митрополит Николай, генерал-лейтенант Гундоров А.С., председатель Исполкома Красного Креста и Полумесяца Колесников С.А., председатель Смоленского облисполкома Мельников Р.Е., секретарь Комиссии Макаров В.Н. и начальник отдела Кудрявцев Д.И.

Повестка дня:

1. Дальнейший порядок работы Комиссии.

По предложению председателя Комиссии академика Бурденко Н.Н. Комиссия принимает следующий порядок работы:

1. Поручить составление плана сообщения и систематизацию свидетельских показаний членам комиссии Толстому А.Н., Потемкину В.П. и митрополиту Николаю.

2. Поручить организацию звукозаписи свидетельских показаний члену Комиссии Мельникову Р.Е. и секретарю Комиссии Макарову В.Н.

3. Поручить систематизировать и подготовить для сообщения опись документов и предметов, найденных при вскрытии трупов члену Комиссии Гундорову А.С.

4. Поручить обследование бывших лагерей польских военнопленных члену Комиссии Гундорову А.С.

5. Поручить составление акта судебно-медицинской экспертизы Председателю Комиссии Бурденко Н.Н. и члену Комиссии Колесникову С.А., совме-

стно с судебно-медицинскими экспертами Прозоровским В.И., Смольяниновым В.М. и Семеновским П.С.

Председатель Комиссии
академик
(Бурденко Н.Н.)

Секретарь Комиссии
Макаров В.Н.

ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 114. Д. 8. Л. 179–180. Подлинник.

[1] См. № 215. 20 января Специальная комиссия под председательством Н.Н. Бурденко допросила патологоанатома К.П. Зубкова, жителей Гнездово и других деревень М.Д. Захарова, И.М. Картошкина, В.И. Солдатенкова, Н.В. Даниленкова, священника А.П. Оглоблина, бывшего военнопленного Пушкарева, смоленчан А.И. Тимофееву, Т.А. Сидорук, Королева и др. Показания этих людей зафиксированы в стенограммах заседаний Комиссии Бурденко (ГАРФ, ф.7021. Оп. 14. Д.8. Л. 149–177). Не всегда их показания состыковывались друг с другом. К.П. Зубков сообщил, что могилы были огорожены проволокой, Т.А. Сидорук отмечала, что во время экскурсий нельзя было уклоняться от строго определенного маршрута. Королев в свою очередь подчеркивал: «Близко смотреть не допускали». В Сообщении указывалось, что из 925 человек лишь у 20 из 925 извлеченных из могил трупов руки были связаны (см. № 215). Тем не менее на настойчивые вопросы членов Комиссии все побывавшие с экскурсиями на могилы польских офицеров в Катынском лесу отвечали, что они обратили внимание на веревки, которыми были связаны руки расстрелянных, и что это были немецкие веревки из сплетенной бумаги. Одна из свидетельниц даже утверждала, что ее знакомая нагнулась и оторвала кусок шпагата и что шпагат был немецким.

№ 213

1944 г., января 23, Смоленск. — Протокол № 6 заседания Специальной комиссии под председательством Н.Н. Бурденко

Протокол № 6
заседания Специальной комиссии по установлению
и расследованию обстоятельств расстрела
немецко-фашистскими захватчиками
в Катынском лесу (близ Смоленска)
военнопленных польских офицеров

г. Смоленск 23-го января 1944 г. 23 часа в здании Клиники уха, горла, носа.

Присутствовали: председатель комиссии академик Бурденко Н.Н., члены комиссии академик Толстой А.Н., академик Потемкин В.П., митрополит Николай, генерал-лейтенант Гундоров А.С., председатель Исполкома Совета[а] обществ Красного Креста и Полумесяца Колесников С.А., председатель Смоленского облисполкома Мельников Р.Е., секретарь Комиссии Макаров В.Н., начальник отдела Чрезвычайной Государственной Комиссии Кудрявцев Д.И.

Повестка дня:

1. О пребывании Комиссии в Смоленске.
2. О работе судебно-медицинских экспертов.

По первому вопросу председатель Комиссии академик Бурденко Н.Н. докладывает, что исследовано свыше 800 трупов, состояние исследованных трупов однообразное.

Найденные документы вполне убедительны и позволяют утверждать, что время расстрела относится к осени 1941 г. Допрошены все свидетели, которые могли дать интересующие Комиссию показания. Все показания обобщены. Материал судебно-медицинской экспертизы в основном обработан, вчерне подготовлен и требует лишь литературной обработки, поэтому не считают ли члены комиссии собранный материал достаточным и потому возможным ограничить пребывание в Смоленске сегодняшним днем.

Академик Толстой А.Н. считает возможным закончить работу.

Академик Потемкин В.П. считает возможным закончить работу, если:

а) имеющиеся в распоряжении председателя Комиссии данные экспертизы достаточны;

б) будет вчерне закончено составление сообщения Комиссии.

Председатель Комиссии академик Бурденко Н.Н. отвечает, что данные экспертизы вполне достаточны для сообщения, а проект сообщения вчерне готов.

Комиссия постановляет закончить работу в Смоленске, допросив еще одного свидетеля — начальника лагеря военнопленных поляков.

Председатель Комиссии академик Бурденко Н.Н. докладывает, что хотя вскрытия трупов показали, что состояние их однообразное, но в то же время осмотр их дает каждый день ценные материалы, поэтому он предлагает продолжать работы по вскрытию и осмотру трупов.

Качество работы экспертов вполне удовлетворительное, но требует еще микроскопического исследования, а поскольку в Смоленске соответствующей лаборатории нет, академик Бурденко предлагает микроскопическое исследование провести в Москве.

Академик Толстой А.Н. предлагает продолжать работы по осмотру и вскрытию трупов до дня подписания сообщения.

[а] Так в тексте. Правильно: Союза.

Академик Потемкин В.П. предлагает раскопки производить до тех пор, пока будет извлечен последний труп и считает [нужным] оставить кого-либо из членов комиссии для руководства работой экспертов.

Председатель Исполкома Совета Обществ Красного Креста и Полумесяца Колесников С.А. считает, что Комиссия должна ответить еще на один вопрос — это сколько здесь захоронено трупов, и предлагает установить срок работ экспертов 27 января 1944 г., но при том условии, если будет выявлено, сколько трупов здесь похоронено.

Академик Толстой А.Н. поддерживает предложение Колесникова С.А. закончить раскопки не позже 27 января 1944 г., но установив общее количество трупов.

Комиссия постановляет:

Работу судебно-медицинских экспертов продолжить, поставив задачи:

а) установить общее количество трупов, похороненных в Катынской могиле;

б) собрать наибольшее количество документов;

в) закончить все работы 27-го января 1944 г.

Председатель Комиссии
академик
(Бурденко Н.Н.)

Секретарь Комиссии
Макаров В.Н.

ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 114. Д. 8. Л. 267—268. Подлинник.

№ 214

1944 г., января 24, Москва. — Письмо Н.Н. Бурденко В.Н. Меркулову в связи с высказываниями С.А. Колесникова

Всеволоду Николаевичу
товарищу Меркулову

[от] Бурденко Н.Н.

Глубокоуважаемый
Всеволод Николаевич!

Позвольте Вам сообщить следующее по поводу Вашего разговора с тов. Колесниковым. В разговоре о найденных документах тов. Колесников сказал: «Уже найденными документами от конца 1940 года полностью опровергнута версия немцев о том, что поляки убиты русскими весной 1940 года. Но надо иметь ввиду, что они могут выдвинуть новую версию о том, что

массовый расстрел поляков мог быть произведен позже, скажем в начале 1941 года».

Поэтому он и сказал, что очень важно, если мы найдем документы более позднего периода. Таковые к счастию и нашлись.

Ни у одного из членов Комиссии не получилось ложного впечатления.

Уважающий Вас
Бурденко.

ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 114. Д. 8. Л. 202—204. Подлинник. Рукопись.

№ 215

1944 г., января 24, Москва. — Проект «Сообщения Специальной комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу военнопленных польских офицеров»[1]

Постановлением Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников была создана Специальная комиссия по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу (близ Смоленска) военнопленных польских офицеров.

В состав Комиссии вошли: член Чрезвычайной Государственной Комиссии академик Н.Н. Бурденко (председатель Комиссии), член Чрезвычайной Государственной Комиссии академик Алексей Толстой, член Чрезвычайной Государственной Комиссии Митрополит Николай, председатель Всеславянского Комитета генерал-лейтенант Гундоров А.С., председатель Исполкома [а)]Совета[а)] обществ Красного Креста и Красного Полумесяца Колесников С.А., народный комиссар просвещения РСФСР академик Потемкин В.П., начальник Главного военно-санитарного управления Красной Армии генерал-полковник Смирнов Е.И., председатель Смоленского облисполкома Мельников Р.Е. Для выполнения поставленной перед нею задачи Комиссия привлекла для участия в своей работе следующих судебно-медицинских экспертов: главного судебно-медицинского эксперта Наркомздрава СССР, директора Научно-исследовательского института судебной медицины Прозоровского В. И.; заведующего кафедрой судебной медицины 2-го Московского медицинского института, доктора медицинских наук Смольянинова В.М., ст. научного сотрудника Государственного научно-исследовательского института судебной медицины Наркомздрава СССР Семеновского П.С., ст. научного сотрудника Государственного научно-

[а)] В окончательном тексте, утвержденном Специальной Комиссией под председательством Н.Н. Бурденко: «Союза».

исследовательского института судебной медицины Наркомздрава СССР доцента Швайкову М.Д., гл[авного] патолога фронта майора медицинской службы профессора Выропаева Д.Н.

В распоряжении Специальной комиссии находился обширный материал, [б]подготовленный Чрезвычайной Государственной Комиссией в лице академика Бурденко и его сотрудников, которые немедленно по освобождении гор. Смоленска прибыли в Смоленск и приступили к предварительному изучению и расследованию обстоятельств всех учиненных немцами злодеяний[б].

[в]Прибыв с этими материалами и в полном составе вместе с судебно-медицинскими экспертами в Смоленск, Специальная Комиссия установила, что на 15 км от гор. Смоленска по Витебскому шоссе в районе Катынского леса, именуемом «Козьи Горы» [в], в 200 метрах от шоссе на юго-запад по направлению к Днепру, находятся могилы, в которых зарыты военнопленные поляки, расстрелянные немецкими оккупантами.

[г]По распоряжению и в присутствии всех членов Специальной комиссии могилы были вскрыты судебно-медицинскими экспертами. В могилах было[г] обнаружено большое количество трупов в польском военном обмундировании. Общее количество трупов по подсчету судебно-медицинских экспертов достигает [д]_____[д].

Судебно-медицинские эксперты произвели подробное исследование извлеченных трупов и тех документов и вещественных доказательств, которые были обнаружены на трупах и в могилах. Одновременно со вскрытием могил и исследованием трупов, Специальная Комиссия произвела опрос многочисленных свидетелей из местного населения, показаниями которых точно устанавливаются время и обстоятельства преступлений, совершенных немецкими оккупантами.

Из показаний свидетелей выясняется следующее:

Катынский лес

Издавна Катынский лес был излюбленным местом, где население Смоленска [е]проживало на дачах и[е] обычно проводило праздничный отдых. Окрестное население пасло скот в Катынском лесу и заготовляло для себя топливо. Никаких запретов и ограничений доступа в Катынский лес не существовало. Такое положение в Катынском лесу существовало до самой войны. Еще летом

[б-б] В окончательном тексте: «представленный членом Чрезвычайной Государственной Комиссии академиком Н.Н. Бурденко, его сотрудниками и судебно-медицинскими экспертами, которые прибыли в гор. Смоленск 26 сентября 1943 года, немедленно после его освобождения и провели предварительное изучение и расследование».

[в-в] В окончательном тексте: «Специальная Комиссия проверила и установила на месте, что на 15-ом километре от гор. Смоленска по Витебскому шоссе в районе Катынского леса, именуемого "Козьи Горы"».

[г-г] В окончательном тексте: «По распоряжению Специальной Комиссии и в присутствии всех членов Специальной Комиссии и судебно-медицинских экспертов могилы были вскрыты. В могилах».

[д-д] В окончательном тексте вместо прочерка вставлено: «11 000».

[е-е] В окончательном тексте эти слова сокращены.

1941 г. в этом лесу находился пионерский лагерь Промстрахкассы, который был свернут лишь в июле 1941 г.

С захватом Смоленска немецкими оккупантами в Катынском лесу был установлен совершенно иной режим. Лес стал охраняться усиленными патрулями; во многих местах появились надписи, предупреждавшие, что лица, входящие в лес без особого пропуска, подлежат расстрелу на месте. Особенно строго охранялась та часть Катынского леса, которая именовалась «Козьи Горы», а также и территория на берегу Днепра, где на расстоянии 700 м от обнаруженных могил польских военнопленных находилась дача — дом отдыха Смоленского Управления НКВД. По приходе немцев в этой даче расположилось немецкое учреждение, именовавшееся: «Штаб 537-го строительного батальона».

Военнопленные поляки в районе Смоленска

Специальной комиссией установлено, что до захвата немецкими оккупантами Смоленска, в западных районах области на строительстве и ремонте шоссейных дорог работали польские военнопленные офицеры и солдаты. Размещались эти военнопленные поляки в трех лагерях особого назначения, именовавшихся: лагерь № 1 — ОН, № 2 — ОН, и № 3 — ОН, на расстоянии от 25 до 45 км на запад от Смоленска.

Показаниями свидетелей и документальными материалами установлено, что после начала военных действий, в силу сложившейся обстановки, лагери не могли быть своевременно эвакуированы и все военнопленные поляки, а также часть охраны и сотрудников лагерей попали в плен к немцам.

Допрошенный Специальной комиссией быв. нач. лагеря № 1 — ОН майор государственной безопасности Ветошников В.М. показал:

«...[в]Я ожидал приказа о ликвидации лагеря, но связь со Смоленском прервалась. Тогда я сам с несколькими сотрудниками выехал в Смоленск для выяснения обстановки. В Смоленске я застал напряженное положение. Я обратился к нач. движения Смоленского участка Западной ж.д. т. Иванову с просьбой обеспечить лагерь вагонами для вывоза военнопленных поляков. Но т. Иванов ответил, что рассчитывать на получение вагонов я не могу. Я пытался связаться также с Москвой для получения разрешения двинуться пешим порядком, но мне это не удалось.

К этому времени Смоленск уже был отрезан немцами от лагеря и, что стало с военнопленными поляками и оставшейся в лагере охраной, я не знаю».

Замещавший в июле 1941 г. нач. движения Смоленского участка Западной ж.д. [а)]т. Иванов С.В. показал[а)]:

«Ко мне в отделение обращалась администрация лагерей для польских военнопленных, чтобы получить вагоны для отправки поляков, но свободных вагонов у нас не было. Помимо того, подать вагоны на трассу Гусино, где было больше

[в)] Здесь и далее отточия в документе.

[а-а)] В окончательном тексте: «Инженер Иванов С.В. показал Специальной Комиссии».

всего военнопленных поляков, мы не могли, так как эта дорога уже находилась под обстрелом, поэтому мы не могли выполнить просьбу [б]лагерной администрации[б]. Таким образом военнопленные поляки остались в Смоленской области».

Нахождение польских военнопленных в лагерях Смоленской обл. подтверждается показаниями многочисленных свидетелей, которые видели этих поляков близ Смоленска в первые месяцы оккупации до сентября м-ца 1941 г. включительно.

Свидетельница [а]Сошнева[а] Мария Александровна, учительница начальной школы дер. Зиньково,[б] рассказала Специальной комиссии о том, что в августе м-це 1941 г. она приютила у себя в доме в дер. Зиньково,[б] бежавшего из лагеря военнопленного поляка.

«...Поляк был в польской военной форме, которую я сразу узнала, так как в течение 1940—41 гг. видела на шоссе группы военнопленных поляков, которые под конвоем вели какие-то работы на шоссе... Поляк меня заинтересовал потому, что, как выяснилось, он до призыва на военную службу был в Польше учителем начальной школы. Так как я сама окончила педтехникум и готовилась быть учительницей, то потому и завела с ним разговор. Он рассказал мне, что окончил в Польше учительскую семинарию, а затем учился в какой-то военной школе и был подпоручиком запаса. С начала военных действий Польши с Германией он был призван на действительную службу, находился в Брест-Литовске, где и попал в плен к частям Красной Армии... Больше года он находился в лагере под Смоленском.

Когда пришли немцы, они захватили польский лагерь, установили в нем жесткий режим, немцы не считали поляков за людей, всячески притесняли и издевались над ними. Были случаи расстрела поляков ни за что, тогда он решил бежать. Рассказывая о себе, он сказал, что жена его также учительница, что у него есть два брата и две сестры...[в]Назвал он также свою фамилию[в]...».

Уходя на другой день, поляк назвал свою фамилию, которую [а]Сошнева[а] записала в книге. В предъявленной [а]Сошневой[а] Специальной комиссии книге [г]на последней странице имеется запись: "Лоек Юзеф и Софья, гор. Замостье, ул. Огородная, д. № 25».

В опубликованных немцами списках под № 3796 значится, как расстрелянный на «Козьих Горах» в Катынском лесу весной 1940 г., Лоек Юзеф, лейтенант. Таким образом, из немецкого сообщения выясняется, что Лоек Юзеф был расстрелян большевиками за год до того, как его видела свидетельница [а]Сошнева[а].

Свидетель Даниленков Н.В., крестьянин к[олхо]за «Красная Заря» Катынского сельсовета, показал:

«В 1941 г. в августе-сентябре м[еся]це, когда пришли немцы, я встречал поляков, работающих на шоссе группами по 15—20 чел.».

[б-б] В окончательном тексте: «администрации лагерей».

[а-а] В окончательном тексте: «Сашнева».

[б] В окончательном тексте: «Зеньково».

[в-в] В окончательном тексте опущено.

[г] В окончательном тексте добавлено: «"Практические занятия по естествознанию" Ягодовского».

Такие же показания дали свидетели: Солдатенков — быв. староста дер. Борок, Колачев А.С. — врач Смоленска, Оглоблин А.П. — священник, Сергеев Т.И. — дорожный мастер, Смирягин П.А. инженер, Московская А.Н. жительница Смоленска, Алексеев А.М. — председатель к[олхо]за дер. Борок, Куцев И.В. водопроводный техник, Городецкий В.П. — священник [6)]Ольшевской церкви Смоленского р-на[6)], Базекина А.Т. — бухгалтер, Ветрова Е.Н. — учительница, Савватеев И.В. — дежурный по ст. Гнездово и др.

Облавы на польских военнопленных

Наличие военнопленных поляков осенью 1941 г. в р[айо]нах Смоленска подтверждается также фактами проведения немцами многочисленных облав на этих военнопленных, бежавших из лагерей.

Свидетель Картошкин И.М., плотник, показал:

«Военнопленных поляков осенью 1941 г. немцы искали не только в лесах, но и привлекалась полиция для ночных обысков в деревнях».

Быв[ший] староста дер. Новые Батеки Захаров М.Д. показал, что осенью 1941 г. немцы усиленно «прочесывали» деревни и леса в поисках польских военнопленных.

Свидетель Даниленков Н.В., крестьянин к[олхо]за «Красная Заря», показал:

«У нас производились специальные облавы по розыску бежавших из-под стражи военнопленных поляков. Такие обыски два или три раза были в моем доме. После одного обыска я спросил старосту Сергеева Константина — кого ищут в нашей деревне. Сергеев сказал, что прибыл приказ из немецкой комендатуры, по которому во всех без исключения домах должен быть произведен обыск, так как в нашей деревне скрываются военнопленные поляки, бежавшие из лагеря, через некоторое время обыски прекратились».

Свидетель Фатьков Т.Е., колхозник, показал:

«Облавы по розыску пленных поляков производились несколько раз. Это было в августе-сентябре 1941 г. После сентября 1941 г. такие облавы прекратились и больше никто польских военнопленных не видел».

Расстрелы военнопленных поляков

Упомянутый выше «Штаб 537-го строительного батальона», помещавшийся на даче в «Козьих Горах», не производил никаких строительных работ. Деятельность его была тщательно законспирирована.

Чем на самом деле занимался этот «штаб», показали многие свидетели и в том числе свидетельницы: Алексеева А.М., Михайлова О.А. и Конаховская З.П. — жительницы дер. Борок Катынского с/с[а)]. По распоряжению немецкого коменданта поселка Катынь, они были направлены старостой дерев-

---

[6-6)] В окончательном тексте опущено.

[а)] с/с — сельсовета.

ни Борок Солдатенковым В.И. для работы по обслуживанию личного состава «штаба» на упомянутой даче.[б)]

[в)]Свидетельница Алексеева А.М. показала:

«На даче в «Козьих Горах» постоянно находилось около 30 немцев: оберст-лейтенант Арнес, его адъютант — обер-лейтенант Рекст, лейтенант Хотт, вахмистр Люммерт, унтер-офицер Розе, его помощник Изике, обер-фельдфебель Гриневский, фотограф обер-ефрейтор — фамилию которого не помню, переводчик Иоган из немцев Поволжья, мы его называли Иваном, повар Густав и другие военные, имен их не помню. Переводчик Иоган от имени Арнеса нас несколько раз предупреждал, что мы должны «держать язык за зубами» и не болтать о том, что видим и слышим на даче.

В конце августа и большую часть сентября 1941 г. на дачу в «Козьи Горы» почти ежедневно приезжало несколько закрытых грузовых машин.

Я заметила, что всякий раз, когда приезжали эти машины, они на полчаса, а то и на целый час, останавливались на лесной дороге, ведущей от шоссе к даче. Шум машин через некоторое время после их захода в лес утихал. Потом начиналась стрельба. Выстрелы слышались через короткий, но примерно одинаковый промежуток времени. Затем стрельба стихала и машины подъезжали к самой даче.

Из машин выходили немецкие солдаты и унтер-офицеры, шумно разговаривая между собой, шли мыться в баню. В эти дни на кухне готовилось большое количество обедов и к столу подавалось большое количество вина.[в)]

[б)] Далее в окончательном тексте вставлено: «По прибытии в «Козьи Горы» им через переводчика был поставлен ряд ограничений: было запрещено вовсе удаляться от дачи и ходить в лес, заходить без вызова и без сопровождения немецких солдат в комнаты дачи, оставаться в расположении дачи в ночное время. Приходить и уходить на работу разрешалось по строго определенному пути и только в сопровождении солдат.

Это предупреждение было сделано Алексеевой, Михайловой и Конаховской через переводчика непосредственно самим начальником немецкого учреждения, оберст-лейтенантом Арнесом, который для этой цели по-одиночке вызывал их к себе».

[в-в)] В окончательном тексте: «По вопросу о личном составе "штаба" Алексеева А.М. показала:

«На даче в "Козьих Горах" постоянно находилось около 30 немцев, старшим у них был оберст-лейтенант Арнес, его адъютантом обер-лейтенант Рекст. Там находились также лейтенант Хотт, вахмистр Люммерт, унтер-офицер по хозяйственным делам Розе, его помощник Изике, обер-фельдфебель Гриневский, ведавший электростанцией, фотограф обер-ефрейтор, фамилию которого я не помню, переводчик из немцев Поволжья, имя его кажется Иоган, но мы его называли Иваном, повар немец Густав и ряд других, фамилии и имена которых мне неизвестны».

Вскоре после своего поступления на работу Алексеева, Михайлова и Конаховская стали замечать, что на даче совершаются "какие-то темные дела".

Алексеева А.М. показала:

«...Переводчик Иоган, от имени Арнеса, нас несколько раз предупреждал о том, что мы должны "держать язык за зубами" и не болтать о том, что видим и слышим на даче.

Кроме того, я по целому ряду моментов догадывалась, что на этой даче немцы творят какие-то темные дела...

В конце августа и большую часть сентября месяца 1941 года на дачу в "Козьи Горы" почти ежедневно приезжало несколько грузовых машин.

Сначала я не обратила на это внимания, но потом заметила, что всякий раз, когда на территорию дачи заезжали эти машины, они предварительно на полчаса, а то и на целый час, останавливались где-то на проселочной дороге, ведущей от шоссе к даче.

Я сделала такой вывод потому, что шум машин через некоторое время после заезда их на территорию дачи утихал. Одновременно с прекращением шума машин начиналась одиночная

г)Обыкновенно, когда машины останавливались в лесу, солдаты с нашей дачи уходили туда, вооруженные револьверами.

Всякий раз, когда приезжали на дачу машины, нас, трех девушек, загоняли на кухню и не выпускали, пока все не кончится.

Несколько раз я замечала следы свежей крови на одежде двух ефрейторов.

Из всего этого я поняла, что немцы на машинах привозили в лес людей и их расстреливали. Я даже догадывалась, где это происходило, так как приходя и уходя с дачи я замечала недалеко от дороги, в нескольких местах свежеразрытую землю, насыпь которой все время увеличивалась в длину».г)

На вопрос Специальной комиссии, что за люди расстреливались в лесу близ дачи, Алексеева ответила, что расстреливались военнопленные поляки и в подтверждение своих слов рассказала следующее:

д)«...Однажды я задержалась на работе на даче. Пришел немецкий солдат и сказал, чтобы я шла домой. Я еще работу не закончила, а он говорит, что это по распоряжению Розе. Я бросила работу и солдат довел меня до Витебского шоссе. Я пошла своей дорогой, а он вернулся. Идя по шоссе, увидела, что из под Смоленска гонят группу военнопленных поляков. Было их, примерно, 30 человек. Я их пропустила, они свернули с шоссе на лесную дорогу, ведущую к нашей даче. Я из любопытства вернулась и спряталась в кусты, минут через 30 я услышала такие же одиночные выстрелы».д)

стрельба. Выстрелы следовали один за другим через короткие, но, примерно, одинаковые промежутки времени. Затем стрельба стихала, и машины подъезжали к самой даче.

Из машин выходили немецкие солдаты и унтер-офицеры. Шумно разговаривая между собой, они шли мыться в баню, после чего пьянствовали. Баня в эти дни всегда топилась.

В дни приезда машин на дачу прибывали дополнительно солдаты из какой-то немецкой воинской части. Для них специально ставились койки в помещении солдатского казино, организованного в одной из зал дачи. В эти дни на кухне готовилось большое количество обедов, а к столу подавалась удвоенная порция спиртных напитков».

г-г) В окончательном тексте: «Незадолго до прибытия машин на дачу эти солдаты с оружием уходили в лес, очевидно к месту остановки машин, так как через полчаса или через час возвращались на этих машинах вместе с солдатами, постоянно жившими на даче. Я, вероятно, не стала бы наблюдать и не заметила бы, как затихает и возобновляется шум прибывающих на дачу машин, если бы каждый раз, когда приезжали машины, нас (меня, Конаховскую и Михайлову) не загоняли на кухню, если мы находились в это время на дворе у дачи, или же не выпускали из кухни, если мы находились на кухне. Это обстоятельство, а также то, что я несколько раз замечала следы свежей крови на одежде двух ефрейторов, заставило меня внимательно присмотреться за тем, что происходило на даче. Тогда я и заметила странные перерывы в движении машин, их остановки в лесу. Я заметила также, что следы крови были на одежде одних и тех же людей — двух ефрейторов. Один из них высокий, рыжий, другой — среднего роста, блондин. Из всего этого я заключила, что немцы на машине привозили на дачу людей и их расстреливали. Я даже приблизительно догадывалась, где это происходило, так как, приходя и уходя с дачи, я замечала недалеко от дороги в нескольких местах свеженабросанную землю. Площадь, занятая этой свеженабросанной землей, ежедневно увеличивалась в длину. С течением времени земля в этих местах приняла свой обычный вид.»

д-д) В окончательном тексте: «Были дни, когда машины на дачу не прибывали, а тем не менее солдаты уходили с дачи в лес, оттуда слышалась частая одиночная стрельба. По возвращении солдаты обязательно шли в баню и затем пьянствовали. И вот был еще такой случай. Я как-то задержалась на даче несколько позже обычного времени. Михайлова и Конаховская уже ушли. Я еще не успела закончить своей работы, ради которой осталась, как неожиданно пришел солдат и сказал, что я могу уходить. Он при этом сослался на распоряжение Розе. Он же проводил меня до шоссе.

[e)]Показания свидетельницы Алексеевой подтвердили две другие девушки, работавшие вместе с ней на даче — Михайлова и Конаховская. Кроме того, свидетельница Михайлова О.А. рассказала случай расстрела двух поляков.

«Однажды мы услышали недалеко от кухни шум и увидели двух военнопленных поляков. Их окружили немецкие солдаты, которым что-то разъяснял унтер-офицер Розе, затем к нему подошел оберст-лейтенант Арнес и что-то сказал Розе. Мы спрятались, но нас заметили и загнали на кухню, а поляков повели в сторону от дачи. Через несколько минут мы услышали выстрелы».[e)].

Когда я отошла по шоссе от поворота на дачу метров 150—200, я увидела, как по шоссе шла группа военнопленных поляков человек 30 под усиленным конвоем немцев. То, что это были поляки, я знала потому, что еще до начала войны, а также и некоторое время после прихода немцев, я встречала на шоссе военнопленных поляков, одетых в такую же форму, с характерными для них четырехугольными фуражками. Я остановилась у края дороги, желая посмотреть, куда их ведут, и увидела, как они свернули у поворота к нам на дачу в «Козьи Горы». Так как к этому времени я уже внимательно наблюдала за всем происходящим на даче, я заинтересовалась этим обстоятельством, вернулась по шоссе несколько назад и, укрывшись в кустах у обочины дороги, стала ждать. Примерно через минут 20 или 30 я услышала характерные, мне уже знакомые, одиночные выстрелы. Тогда мне стало все ясно, и я быстро пошла домой. Из этого факта я также заключила, что немцы расстреливали поляков, очевидно, не только днем, когда мы работали на даче, но и ночью в наше отсутствие. Мне это тогда стало понятно еще и потому, что я вспомнила случай, когда весь живший на даче состав офицеров и солдат, за исключением часовых, просыпался поздно, часам к 12 дня. Несколько раз о прибытии поляков в «Козьи Горы» мы догадывались по напряженной обстановке, которая царила в это время на даче... Весь офицерский состав уходил из дачи, в здании оставалось только несколько караульных, а вахмистр беспрерывно проверял посты по телефону...»

[e-e)] В окончательном тексте: «Михайлова О.А. показала:

«В сентябре месяце 1941 года в лесу «Козьи Горы» очень часто раздавалась стрельба. Сначала я не обращала внимания на подъезжавшие к нашей даче грузовые автомашины, крытые с боков и сверху, окрашенные в зеленый цвет, всегда сопровождавшиеся унтер-офицерами. Затем я заметила, что эти машины никогда не заходят в наш гараж и в то же время не разгружаются. Эти грузовые автомашины приезжали очень часто, особенно в сентябре 1941 года. Среди унтер-офицеров, которые всегда ездили в кабинах рядом с шоферами, я стала замечать одного высокого с бледным лицом и рыжими волосами. Когда эти машины подъезжали к даче, то все унтер-офицеры, как по команде, шли в баню и долго в ней мылись, после чего сильно пьянствовали на даче. Однажды этот высокий, рыжий немец, выйдя из машины, направился в кухню и попросил воды. Когда он пил из стакана воду, я увидела кровь на обшлаге правого рукава его мундира».

Михайлова О.А. и Конаховская З.П. один раз лично видели, как были расстреляны два военнопленных поляка, очевидно бежавшие от немцев и затем пойманные.

Михайлова об этом показала:

«Однажды, как обычно, я и Конаховская работали на кухне и услышали недалеко от дачи шум. Выйдя за дверь, мы увидели двух военнопленных поляков, окруженных немецкими солдатами, что-то разъяснявшими унтер-офицеру Розе, затем к ним подошел оберст-лейтенант Арнес и что-то сказал Розе. Мы спрятались в сторону, так как боялись, что за проявленное любопытство Розе нас изобьет. Но нас все-таки заметили, и механик Глишевский, по знаку Розе, загнал нас на кухню, а поляков повел в сторону от дачи. Через несколько минут мы услышали выстрелы. Вернувшиеся вскоре немецкие солдаты и унтер-офицер Розе оживленно разговаривали. Я и Конаховская, желая выяснить, как поступили немцы с задержанными поляками, снова вышли на улицу. Одновременно с нами вышедший через главный вход дачи адъютант Арнеса по-немецки что-то спросил Розе, на что последний также по-немецки ответил: «Все в порядке». Эти слова я поняла, так как их немцы часто употребляли в разговорах между собой. Из всего происшедшего я заключила, что эти два поляка расстреляны».

Аналогичные показания по этому вопросу дала также Конаховская З.П.

Напуганные тем, что происходило на даче, Алексеева, Михайлова и Конаховская решили под каким-нибудь удобным предлогом оставить работу на даче. Воспользовавшись снижением

Показания о приводе на «Козьи Горы» военнопленных поляков небольшими группами в 20—30 человек, под охраной 5—7 немецких солдат дали и другие свидетели, допрошенные Специальной комиссией: Киселев П.Г. — крестьянин хутора «Козьи Горы», Кривозерцев М.Г. — плотник станции Красный Бор в Катынском лесу, Иванов С.В. — быв.нач. ст. Гнездово в районе Катынского леса, Савватеев И.В. — дежурный по той же ст[анции], Алексеев М.А. — председатель к[олхо]за дер. Борок и Оглоблин А.П. — священник Купринской церкви и др.

Эти свидетели слышали и выстрелы, раздававшиеся из леса на «Козьих Горах».

Особо важное значение для выяснения того, что происходило на даче в «Козьих Горах» осенью 1941 г., имеют показания профессора астрономии, директора обсерватории в Смоленске — Базилевского Б.В. Профессор Базилевский в первые дни оккупации немцами Смоленска был насильно назначен ими зам. нач[альника] города (бургомистра), а нач[альником] города был назначен немцами адвокат Меньшагин Б.Г., впоследствии ушедший вместе с ними, предатель, пользовавшийся особым доверием у немецкого командования и, в частности у коменданта гор. Смоленска фон Швеца.

В начале [а)]зимы[а)] 1941 г. Базилевский обратился с просьбой к Меньшагину ходатайствовать перед комендантом фон Швецем об освобождении из лагеря военнопленных № 126 педагога Жиглинского. Выполняя эту просьбу, Мень-

---

им «зарплаты» с 9 марок до 3-х марок в месяц в начале января 1942 г., по предложению Михайловой, они не вышли на работу. За ними в тот же день вечером приехали на машине, привезли на дачу и в наказание посадили в холодную — Михайлову на 8 суток, а Алексееву и Конаховскую на 3-е суток. После того, как они отсидели этот срок, их всех уволили. За время своей работы на даче Алексеева, Михайлова и Конаховская боялись делиться друг с другом своими наблюдениями обо всем том, что на даче происходило. Лишь будучи арестованными, сидя в холодной, почью они поделились об этом.

Михайлова на допросе от 24 декабря 1943 года показала:

«Здесь мы впервые поговорили откровенно о том, что делается на даче. Я рассказала все, что знала, но оказалось, что и Конаховская и Алексеева также знали все эти факты, но тоже, как и я, боялись говорить мне об этом. Тут же я узнала о том, что немцы в «Козьих Горах» расстреливали именно польских военнопленных, так как Алексеева рассказала, что она однажды осенью 1941 года шла с работы и лично видела, как немцы загоняли в лес «Козьи Горы» большую группу военнопленных поляков, а затем слышала в этом месте стрельбу».

Аналогичные показания об этом дали также Алексеева и Конаховская. Сопоставив свои наблюдения, Алексеева, Михайлова и Конаховская пришли к твердому убеждению, что в августе и сентябре месяце 1941 года на даче в «Козьих Горах» немцами производились массовые расстрелы военнопленных поляков.

Показания Алексеевой подтверждаются показаниями ее отца — Алексеева Михаила, которому она еще в период своей работы на даче осенью 1941 года рассказывала о своих наблюдениях по поводу творимых немцами на даче дел.

«Она мне долго ничего не говорила, показал Алексеев Михаил, только приходя домой жаловалась, что на даче работать страшно и она не знает, как ей оттуда вырваться. Когда я ее спрашивал, почему ей страшно, она говорила, что в лесу очень часто слышится стрельба. Однажды, придя домой, она сказала мне по секрету, что в лесу «Козьи Горы» немцы расстреливают поляков. Выслушав дочь, я ее очень строго предупредил, чтобы она больше некому об этом не рассказывала, иначе узнают немцы и пострадает вся наша семья».

[а-а)] В окончательном тексте: «сентября».

шагин обратился к коменданту Смоленска фон Швецу и затем передал Базилевскому, что его просьба не может быть удовлетворена, так как по словам фон Швеца «получена директива из Берлина, предписывающая неукоснительно проводить самый жесткий режим в отношении военнопленных, не допуская никаких послаблений в этом вопросе».

«Я невольно возразил, — показал свидетель Базилевский: что же может быть жестче существующего в лагере режима». Меньшагин странно посмотрел на меня и, наклонившись ко мне, ответил: «Может быть! Русские, по крайней мере, сами будут умирать, а вот военнопленных поляков предложено просто уничтожить».

«Как так? Как это понимать?» — воскликнул я.

«Понимать надо в буквальном смысле. Есть такая директива из Берлина», — ответил Меньшагин и тут же попросил меня «ради всего святого» никому об этом не говорить..."

«Недели через две после описанного выше разговора с Меньшагиным, я, будучи снова у него на приеме, не удержался и спросил: "Что слышно о поляках?". Меньшагин помедлил, а потом все же ответил: «С ними уже покончено. Фон Швец сказал мне, что они расстреляны где-то недалеко от Смоленска».

«Видя мою растерянность, Меньшагин снова предупредил меня о необходимости держать это дело в строжайшем секрете и затем стал объяснять мне линию поведения немцев в этом вопросе. Он сказал, что расстрел поляков является звеном в общей цепи проводимой Германией антипольской политики, особенно обострившейся в связи с заключением русско-польского договора».

Базилевский также рассказал Специальной комиссии о своей беседе с зондерфюрером 7-го отдела немецкой комендатуры Гиршфельдом — прибалтийским немцем, хорошо говорящим по-русски.

«Гиршфельд с циничной откровенностью заявил мне, «что исторически доказана вредность поляков и их неполноценность, а потому уменьшение населения Польши послужит удобрением почвы и создаст возможность для расширения жизненного пространства Германии». В этой связи Гиршфельд с бахвальством рассказал, «что в Польше интеллигенции не осталось совершенно, так как она повешена, расстреляна и заключена в лагери».

Показания Базилевского подтверждены опрошенным Специальной комиссией свидетелем — профессором физики Ефимовым И.Е., которому Базилевский тогда же осенью 1941 г. рассказал о своем разговоре с Меньшагиным.

[б)]Объективным документом, подтверждающим показания Базилевского и Ефимова является находящаяся в материалах Специальной комиссии собственноручная запись Меньшагина, сделанная им в своем блокноте. В этот блокнот он заносил указания и распоряжения, получаемые им от немецкого командования.[б)]

[б-б)] В окончательном тексте: «Документальным подтверждением показаний Базилевского и Ефимова являются собственноручные записи Меньшагина, сделанные им в своем блокноте. Этот блокнот, содержащий в себе 17 неполных страниц, был обнаружен в делах Городского управления Смоленска после его освобождения Красной Армией».

Принадлежность указанного блокнота Меньшагину и его почерк удостоверены показаниями Базилевского, хорошо знающего почерк Меньшагина, а также и графологической экспертизой. [в)]Записи Меньшагина относятся к осени (август—ноябрь 1941 г.). На странице блокнота, помеченной 15 августа 1941 г., значится: «Всех бежавших поляков военнопленных задерживать и доставлять в комендатуру».

На одной из следующих страниц блокнота записано:

«Ходят ли среди населения слухи о расстреле польских военнопленных в Коз[ьих] гор[ах] (Умнову)».

Из первой записи явствует, во-первых, что 15 августа 1941 г. военнопленные поляки еще находились в районе Смоленска и, во-вторых, что они арестовывались немецкими властями.

Вторая запись свидетельствует о том, что немецкое командование, обеспокоенное возможностью проникновения слухов о совершенном им преступлении в среду гражданского населения, специально дало указание о проверке этого своего предположения. Умнов, который упоминается в записи, являлся начальником русской полиции Смоленска.[в)]

Возникновение немецкой провокации

Зимой в 1942—43 г.г. военная обстановка резко изменилась не в пользу немцев. Военная мощь Советского Союза все усиливалась, единение СССР с союзниками крепло. Немцы решили пойти на провокацию, использовав для этой цели злодеяния, совершенные ими в Катынском лесу, и приписав их органам Советской власти. Этим они рассчитывали [г)]вбить клин между СССР и союзниками,[г)] поссорить русских с поляками и замести следы своего преступления.

Священник села Куприно Смоленского р-на, А.П. Оглоблин показал:

[в-в)] В окончательном тексте: «Судя по имеющимся в блокноте датам, его содержание относится к периоду от первых дней августа 1941 года до ноября того же года. В числе различных заметок по хозяйственным вопросам (о дровах, об электроэнергии, торговле и проч.) имеется ряд записей, сделанных Меньшагиным, очевидно, для памяти, как указания немецкой комендатуры Смоленска. Из этих записей достаточно четко вырисовывается круг вопросов, которыми занималось Управление города, как орган, выполнявший все указания немецкого командования. На первых трех страницах блокнота подробно изложены порядок организации еврейского «гетто» и система репрессий, которые должны к евреям применяться. На странице 10-й, помеченной 15 августа 1941 года, значится: «Всех бежавших поляков военнопленных задерживать и доставлять в комендатуру». На странице 15-ой (без даты) записано: «Ходят ли среди населения слухи о расстреле польских военнопленных в Коз[ьих] гор[ах] (Умнову)».

Из первой записи явствует, во-первых, что 15 августа 1941 года военнопленные поляки еще находились в районе Смоленска и, во-вторых, что они арестовывались немецкими властями. Вторая запись свидетельствует о том, что немецкое командование, обеспокоенное возможностью проникновения слухов о совершенном им преступлении в среду гражданского населения, специально давало указания о проверке этого своего предположения.

Умнов, который упоминается в записи, был начальником русской полиции Смоленска в первые месяцы его оккупации».

[г-г)] В окончательном тексте опущено.

«...После Сталинградских событий, когда немцы почувствовали неуверенность, они подняли это дело. Среди населения пошли разговоры, что "немцы свои дела поправляют"».

д)Организуя провокацию, немцы начали подыскивать нужных им свидетелей.

Свидетель Киселев П.Г., 73-х лет, крестьянин хутора «Козьи Горы» показал, что он два раза вызывался немцами, а затем был арестован гестапо. В гестапо он просидел полтора месяца, подвергался истязаниям. Германский офицер в гестапо требовал от Киселева дать ложные показания о том, что весной 1940 г. в Катынском лесу НКВД расстреляло военнопленных польских офицеров. Киселев показал:

«Я ответил немецкому офицеру, что вообще никогда не слыхал, чтобы НКВД производил расстрелы в "Козьих Горах", да и вряд ли это возможно, так как "Козьи Горы" совершенно открытое многолюдное место и если бы там расстреливали, то об этом бы знало все население близлежащих деревень...

Несмотря на это офицер упорно настаивал, чтобы я дал ложные показания... Я решительно отказался сделать это, заявив: «ищите себе для этого дела другого человека». Тогда офицер сказал, что именно я должен дать такие показания, так как долго живу в этом районе и поэтому моим показаниям верят...д)

д-д) В окончательном тексте: «Приступив к подготовке катынской провокации, немцы, в первую очередь, занялись поисками «свидетелей», которые могли бы под воздействием уговоров, подкупа или угроз дать нужные немцам показания. Внимание немцев привлек проживавший на своем хуторе ближе всех к даче в «Козьих Горах» крестьянин Киселев Парфен Гаврилович, 1870 года рождения. Киселева вызвали в гестапо еще в конце 1942 года и, угрожая репрессиями, требовали от него дать вымышленные показания о том, что ему, якобы, известно, как весной 1940 года большевики на даче УНКВД в «Козьих Горах» расстреляли военнопленных поляков.

Об этом Киселев показал:

«Осенью 1942 года ко мне домой пришли два полицейских и предложили явиться в гестапо на станцию Гнездово. В тот же день я пошел в гестапо, которое помещалось в двухэтажном доме рядом с железнодорожной станцией. В комнате, куда я зашел, находились немецкий офицер и переводчик. Немецкий офицер, через переводчика, стал расспрашивать меня — давно ли я проживаю в этом районе, чем занимаюсь и каково мое материальное положение. Я рассказал ему, что проживаю на хуторе в районе «Козьих Гор» с 1907 года и работаю в своем хозяйстве. О своем материальном положении я сказал, что приходится испытывать трудности, так как сам я в преклонном возрасте, а сыновья на войне. После непродолжительного разговора на эту тему офицер заявил, что, по имеющимся в гестапо сведениям, сотрудники НКВД в 1940 года в Катынском лесу на участке «Козьих Гор» расстреляли польских офицеров, и спросил меня — какие я могу дать по этому вопросу показания. Я ответил, что вообще никогда не слыхал, чтобы НКВД производило расстрелы в «Козьих Горах», да и вряд ли это возможно, объяснил я офицеру, так как «Козьи Горы» совершенно открытое многолюдное место и, если бы там расстреливали, то об этом бы знало все население близлежащих деревень. Офицер ответил мне, что я все же должен дать такие показания, так как это, якобы имело место. За эти показания мне было обещано большое вознаграждение. Я снова заявил офицеру, что ничего о расстрелах не знаю и что этого вообще не могло быть до войны в нашей местности. Несмотря на это, офицер упорно настаивал, чтобы я дал ложные показания. После первого разговора, о котором я уже показал, я был вторично вызван в гестапо лишь в феврале 1943 года. К этому времени мне было известно

После моего ареста я много раз вызывался на допросы, но меня больше били, чем допрашивали...

Таких допросов, сопровождавшихся побоями было несколько, в результате я совершенно обессилил, стал плохо слышать и не мог двигать правой рукой. [a)]Не выдержав побоев и истязаний, я подписал протокол, который был написан на немецком языке, и дал согласие выступать публично с рассказом о расстреле поляков большевиками».[a)]

о том, что в гестапо вызывались и другие жители окрестных деревень и что от них также требовали такие показания, как и от меня. В гестапо тот же офицер и переводчик, у которых я был на первом допросе, опять требовали от меня, чтобы я дал показания о том, что являлся очевидцем расстрела польских офицеров, произведенного, якобы, НКВД в 1940 г. Я снова заявил офицеру гестапо, что это ложь, так как до войны ни о каких расстрелах ничего не слышал и что ложных показаний давать не стану. Но переводчик не стал меня слушать, взял со стола написанный от руки документ и прочитал его. В нем было сказано, что я, Киселев, проживая на хуторе в районе «Козьих Гор», сам видел, как в 1940 году сотрудники НКВД расстреливали польских офицеров. Прочитав этот документ, переводчик предложил мне его подписать. Я отказался это сделать. Тогда переводчик стал понуждать меня к этому бранью и угрозами. Под конец он заявил: «Или вы сейчас же подпишите, или мы вас уничтожим. Выбирайте!» Испугавшись угрозы, я подписал этот документ, решив, что на этом дело кончится».

В дальнейшем, после того как немцы организовали посещение катынских могил различными «делегациями», Киселева заставили выступить перед прибывшей «польской делегацией». Киселев, забыв содержание подписанного в гестапо протокола, спутался и под конец отказался говорить. Тогда гестапо арестовало Киселева и, нещадно избивая его в течение полутора месяцев, вновь добилось от него согласия на «публичные выступления».

Об этом Киселев показал: «В действительности получилось не так. Весной 1943 года немцы оповестили о том, что ими в Катынском лесу в районе «Козьих Гор» обнаружены могилы польских офицеров, якобы расстрелянных органами НКВД в 1940 году. Вскоре после этого ко мне в дом пришел переводчик гестапо и повел меня в лес в район «Козьих Гор». Когда мы вышли из дома и остались вдвоем, переводчик предупредил меня, что я должен сейчас рассказать присутствующим в лесу людям все в точности, как было изложено в подписанном мною в гестапо документе. Придя в лес, я увидел разрытые могилы и группу неизвестных мне лиц. Переводчик сказал мне, что это «польские делегаты», прибывшие для осмотра могил. Когда мы подошли к могилам, «делегаты» на русском языке стали задавать мне различные вопросы по поводу расстрела поляков. Но так как со времени моего вызова в гестапо прошло более месяца, я забыл все, что было в подписанном мною документе, и стал путаться, а под конец сказал, что ничего о расстреле польских офицеров не знаю. Немецкий офицер очень разозлился, а переводчик грубо оттащил меня от «делегации» и прогнал. На следующий день, утром, к моему двору подъехала машина, в которой был офицер гестапо. Разыскав меня во дворе, он объявил, что я арестован, посадил в машину и увез в Смоленскую тюрьму... После моего ареста я много раз вызывался на допросы, но меня больше били, чем допрашивали. Первый раз вызвали, сильно избили и обругали, заявляя, что я их подвел, и потом отправили в камеру. При следующем вызове мне сказали, что я должен публично заявлять о том, что являюсь очевидцем расстрела польских офицеров большевиками и что до тех пор, пока гестапо не убедится, что я это буду добросовестно делать, я не буду освобожден из тюрьмы. Я заявил офицеру, что лучше буду сидеть в тюрьме, чем говорить людям в глаза ложь. После этого меня сильно избили».

[a-a)] В окончательном тексте: «Примерно через месяц после моего ареста немецкий офицер вызвал меня и сказал: «Вот видите, Киселев, к чему привело ваше упрямство. Мы решили казнить вас. Утром повезем в Катынский лес и повесим». Я просил офицера не делать этого, стал убеждать его, что я не подходу для роли «очевидца» расстрела, так как вообще врать не умею и поэтому снова что-нибудь напутаю. Офицер настаивал на своем. Через несколько минут в кабинет вошли солдаты и начали избивать меня резиновыми дубинками. Не выдержав побоев и истязаний, я дал согласие выступать публично с вымышленным рассказом о расстреле поляков

[6)]Свидетель Захаров М.Д., быв[ший] староста дер[евни] Н[овые] Батеки Смоленского района дал следующие показания:

«...Меня вызывали в гестапо на ст. Гнездово. Там находился офицер и переводчик. Они потребовали, чтобы я показал, что при большевиках на «Козьи Горы» отправлялись военнопленные польские офицеры и что там их расстреливали. Я отказался. Они взяли резиновую палку, потом положили на скамейку и начали бить. Избили сильно. Потом, после этого, они опять требовали подписать. Я опять отказался. Тогда офицер вынул пистолет. В силу необходимости мне пришлось дать ложные показания и я подписал какой-то документ на немецком языке».

Уговорами, обещаниями о вознаграждении, угрозами и истязаниями немцы пытались получить нужные им показания от целого ряда свидетелей. Такие показания они хотели получить от быв. нач. станции Гнездово Иванова С.В., дежурного по той же станции Савватеева И.В., Каверзнева Н.С. — быв. помощника нач. Смоленской тюрьмы, Ковалева В. Г. — быв. работника той же тюрьмы, Игнатюка Е.А., сапожника.[6)]

большевиками. После этого я был освобожден из тюрьмы с условием — по первому требованию немцев выступать перед «делегациями» в Катынском лесу... В каждом случае перед тем, как вести меня в лес к раскопкам могил, переводчик приходил ко мне домой, вызывал во двор, отводил в сторону, чтобы никто не слышал, и в течение получаса заставлял заучивать наизусть все, что мне нужно будет говорить о якобы имевшем место расстреле НКВД польских офицеров в 1940 году. Я вспоминаю, что переводчик говорил мне примерно следующее: «Я живу на хуторе в районе "Козьих Гор" недалеко от дачи НКВД. Весной 1940 г. я видел, как свозили в лес поляков и по ночам их там расстреливали». И обязательно нужно было дословно заявить, что «это дело рук НКВД». После того, как я заучивал то, что мне говорил переводчик, он отводил меня в лес к разрытым могилам и заставлял повторять все это в присутствии прибывших «делегаций». Мои рассказы строго контролировались и направлялись переводчиком гестапо. Однажды я выступал перед какой-то «делегацией» и мне задали вопрос: «Видел ли я лично этих поляков до расстрела их большевиками». Я не был подготовлен к такому вопросу и ответил, как было в действительности, т.е. что видел польских военнопленных до начала войны, так как они работали на дорогах. Тогда переводчик грубо оттащил меня в сторону и прогнал домой. Прошу мне верить, что меня все время мучила совесть, так как я знал, что в действительности расстрел польских офицеров производился немцами в 1941 году, но у меня другого выхода не было, так как я постоянно находился под страхом повторного ареста и попыток».

Показания Киселева П.Г. о его вызове в гестапо, последующем аресте и избиениях подтверждается проживающими вместе с ним его женой Киселевой Аксиньей, 1870 года рождения, его сыном Киселевым Василием, 1911 года рождения, и невесткой Киселевой Марией, 1918 года рождения, а также занимающим у Киселева на хуторе комнату дорожным мастером Сергеевым Тимофеем Ивановичем, 1901 года рождения.

Увечья, причиненные Киселеву в гестапо (повреждение плеча, значительная потеря слуха), подтверждены актом врачебно-медицинского обследования.

[6-6)] В окончательном тексте: «В поисках «свидетелей» немцы в дальнейшем заинтересовались работниками железнодорожной станции Гнездово, находящейся в двух с половиной километрах от «Козьих Гор». На эту станцию весной 1940 года прибывали военнопленные поляки, и немцам, очевидно, хотелось получить соответствующие показания железнодорожников. В этих целях весной 1943 года немцами были вызваны в гестапо бывший начальник станции Гнездово — Иванов С.В., дежурный по станции Савватеев И.В. и другие. Об обстоятельствах своего вызова в гестапо Иванов С.В., 1882 года рождения, показал: «...Это было в марте 1943 года. Меня допрашивал немецкий офицер в присутствии переводчика. Расспросив меня через переводчика о том, кто я такой и какую должность занимал на станции Гнездово до оккупации района немцами, офицер

Так как поиски нужного количества свидетелей не увенчались успехом, немцы расклеили в г. Смоленске и окрестных деревнях следующую листовку, подлинный экземпляр которой имеется в материалах Специальной комиссии:

«Обращение к населению

Кто может дать данные про массовое убийство, совершенное большевиками в 1940 году, пленных польских офицеров и священников в лесу «Козьих гор» около шоссе Гнездово—Катынь.

спросил меня, известно ли мне о том, что весной 1940 года на станции Гнездово в нескольких поездах, большими партиями, прибыли военнопленные польские офицеры. Я сказал, что об этом я знаю. Тогда офицер спросил меня, известно ли мне, что большевики той же весной 1940 года, вскоре после прибытия польских офицеров, всех их расстреляли в Катынском лесу. Я ответил, что об этом мне ничего неизвестно и что этого не может быть потому, что прибывших весной 1940 года на станцию Гнездово военнопленных польских офицеров я встречал на протяжении 1940—1941 гг., вплоть до занятия немцами Смоленска, на дорожно-строительных работах. Офицер тогда заявил мне, что если германский офицер утверждает, что поляки были расстреляны большевиками, то значит так было на самом деле. «Поэтому, — продолжал офицер, — вам нечего бояться, и вы можете со спокойной совестью подписать протокол, что военнопленные польские офицеры были расстреляны большевиками и что вы являлись очевидцем этого». Я ответил ему, что я старик, мне уже 61 год и на старости лет я не хочу брать греха на душу. Я могу только показать, что военнопленные поляки действительно прибыли на станцию Гнездово весной 1940 года. Тогда германский офицер стал уговаривать меня дать требуемые показания, обещая в положительном случае перевести меня с должности сторожа на переезде и назначить на должность начальника станции Гнездово, которую я занимал при советской власти, и обеспечить меня материально. Переводчик подчеркнул, что мои показания, как бывшего железнодорожного служащего станции Гнездово, расположенной ближе всего к Катынскому лесу, чрезвычайно важны для германского командования и что я жалеть не буду, если дам такие показания. Я понял, что попал в чрезвычайно тяжелое положение и что меня ожидает печальная участь, но тем не менее я вновь отказался дать германскому офицеру вымышленные показания. После этого офицер стал на меня кричать, угрожать избиением и расстрелом, заявляя, что я не понимаю собственной выгоды, Однако, я твердо стоял на своем. Тогда переводчик составил короткий протокол на немецком языке на одной странице и рассказал своими словами его содержание. В этом протоколе был записан, как мне рассказал переводчик, только факт прибытия польских военнопленных на станцию Гнездово. Когда я стал просить, чтобы мои показания были записаны не только на немецком, но и на русском языке, то офицер окончательно вышел из себя, избил меня резиновой палкой и выгнал из помещения...»

Савватеев И.В., 1880 года рождения, показал:

«...В гестапо я показал, что действительно весной 1940 года на ст. Гнездово в нескольких поездах прибывали военнопленные поляки и что они на машинах проследовали дальше, а куда — мне неизвестно. Я также добавил, что этих поляков я позднее встречал неоднократно на шоссе Москва—Минск, производивших небольшими партиями ремонтные работы. Офицер заявил мне, что я путаю, что я не мог встречать поляков на шоссе, так как они расстреляны большевиками, и требовал, чтобы я именно об этом и показал. Я отказался. После длительных угроз и уговаривания офицер посоветовался о чем-то с переводчиком на немецком языке, и переводчик тогда написал короткий протокол и дал мне его на подпись, объяснив, что здесь изложено содержание моих показаний. Я попросил переводчика дать мне возможность самому прочесть протокол, но тот оборвал меня бранью и приказал немедленно же подписать его и убираться вон. Я помедлил минуту, переводчик схватил висевшую на стене резиновую дубинку и замахнулся на меня. После этого я подписал подсунутый мне протокол. Переводчик сказал, чтобы я убирался домой и никому не болтал, иначе меня расстреляют...» Поиски «свидетелей» не ограничились названными лицами. Немцы настойчиво старались разыскать бывших сотрудников НКВД и заставить из дать нужные для них ложные показания. Случайно арестовав бывшего рабочего гаража УНКВД Смоленской области Игнатюка Е.Л., немцы упорно, путем угроз и избиений, добивались от него дать показания о том, что он, якобы, являлся не рабочим гаража, а шофером и лично возил на расстрел военнопленных поляков.

По этому вопросу Игнатюк Е.Л., 1903 года рождения, показал:

Кто наблюдал автотранспорты от Гнездова в «Козьи Горы» или кто видел или кто слышал расстрел. Кто знает жителей, которые могут рассказать об этом.

«Когда я был в первый раз на допросе у начальника полиции Алферчика, он, обвиняя меня в агитации против немецких властей, спросил, кем я работал в НКВД. Я ему ответил, что я работал в гараже Управления НКВД Смоленской области в качестве рабочего. Алферчик на этом же допросе стал от меня добиваться, чтобы я ему дал показания о том, что я работал в Управлении НКВД не рабочим гаража, а шофером. Алферчик, не получив от меня нужных показаний, был сильно раздражен и вместе со своим адъютантом, которого он называл Жорж, завязали мне голову и рот какой-то тряпкой, сняли с меня брюки, положили на стол и начали бить резиновыми палками. После этого меня опять вызвали на допрос, и Алферчик требовал от меня, чтобы я дал ему ложные показания о том, что польских офицеров в Катынском лесу расстреляли органы НКВД в 1940 году, о чем мне, якобы, как шоферу, участвовавшему в перевозке польских офицеров в Катынский лес и присутствовавшему при их расстреле, известно. При моем согласии дать такие показания Алферчик обещал освободить меня из тюрьмы и устроить на работу в полицию, где мне будут созданы хорошие условия жизни, в противном же случае они меня расстреляют... Последний раз меня в полиции допрашивал следователь Александров, который требовал от меня таких же ложных показаний о расстреле польских офицеров, как и Алферчик, но и у него на допросе я отказался давать вымышленные показания. После этого допроса меня опять избили и отправили в гестапо... В гестапо от меня требовали так же, как и в полиции, ложных показаний о расстреле польских офицеров в Катынском лесу в 1940 году советскими властями, о чем мне, как шоферу, якобы, известно».

В изданной германским Министерством иностранных дел книге, в которой были помещены сфабрикованные немцами материалы по «Катынскому делу», кроме упомянутого выше Киселева П.Г., были названы в качестве «свидетелей» Годезов (он же Годунов), 1877 года рождения, Сильверстов Григорий, 1891 года рождения, Андреев Иван, 1917 года рождения, Жигулев Михаил, 1915 года рождения, Кривозерцев Иван, 1915 года рождения, и Захаров Матвей, 1893 года рождения.

Проверкой установлено, что первые двое из перечисленных выше (Годезов и Сильверстов) умерли в 1943 г. до освобождения Смоленской области Красной Армией; следующие трое (Андреев, Жигулев и Кривозерцев) ушли с немцами, а может быть, были ими увезены насильно, а последний — Захаров Матвей — бывший сцепщик на станции Смоленск, работавший при немцах старостой в дер. Новые Батеки, был разыскан и допрошен Специальной Комиссией. Захаров рассказал, каким способом немцы получили у него нужные им ложные показания по «Катынскому делу»:

«В начале марта 1943 года, показал Захаров, ко мне на квартиру пришел сотрудник Гнездовского гестапо, фамилии его я не знаю, и сказал, что меня вызывает офицер. Когда я пришел в гестапо, немецкий офицер через переводчика заявил мне: «Нам известно, что вы работали сцепщиком на ст. Смоленск-центральная и должны показать, что в 1940 года через Смоленск направлялись вагоны с военнопленными поляками на станцию Гнездово, после чего поляки были расстреляны в лесу у «Козьих Гор». В ответ на это я заявил, что вагоны с поляками в 1940 года действительно проходили через Смоленск по направлению на запад, но где была станция назначения — я не знаю... Офицер сказал мне, что если я по-хорошему не желаю дать показания, то он заставит сделать это по принуждению. После этих слов он взял резиновую дубинку и начал меня избивать. Затем меня положили на скамейку, и офицер вместе с переводчиком били меня. Сколько было нанесено ударов, я не помню, т.к. вскоре потерял сознание. Когда я пришел в себя, офицер потребовал от меня подписать протокол допроса, и я, смалодушничав под воздействием побоев и угроз расстрела, дал ложные показания и подписал протокол. После подписания протокола я был из гестапо отпущен... Через несколько дней после моего вызова в гестапо, примерно в середине марта 1943 года, ко мне на квартиру пришел переводчик и сказал, что я должен пойти к немецкому генералу и подтвердить там свои показания. Когда мы пришли к генералу, он спросил у меня — подтверждаю ли я свои показания. Я сказал, что подтверждаю, т.к. еще в пути был предупрежден переводчиком, что если я откажусь подтвердить показания, то испытаю еще гораздо худшее, чем испытал в первый раз в гестапо. Боясь повторения пыток, я ответил, что свои показания подтверждаю. Потом переводчик приказал мне поднять вверх правую руку и сказал мне, что я принял присягу и могу идти домой».

Установлено, что немцы пытались получить нужные им показания, применяя уговоры, угрозы и истязания, и от других лиц, в частности от бывшего помощника начальника Смоленской тюрьмы Каверзнева Н.С., бывшего работника той же тюрьмы Ковалева В.Г. и других.

Каждое сообщение вознаграждается.

Сообщение направлять в Смоленск в немецкую полицию, Музейная улица д. 6, в Гнездовскую немецкую полицию дом № 105 у вокзала.

Фосс

лейтенант полевой полиции

3 май 1943 г.»

Такое же объявление было помещено также в издаваемой немцами в Смоленске газете «Новый путь» (№ 35157 от 6 мая 1943 г.).

О том, что немцы сулили награду за дачу нужных им показаний по «катынскому делу», заявили опрошенные Специальной комиссией свидетели — жители г. Смоленска: Соколова О.Е., Пущина Е.А., Бычков И.И., Бондарев Г.Т., Устинов Е.П. и многие др. [6)]Свидетелю Иванову, который при немцах служил сторожем на переезде, они обещали должность нач. ст. Гнездово и улучшение его материальных условий.[6)]

Обработка катынских могил

Наряду с показаниями свидетелей, немцы приступили к соответствующий подготовке могил в Катынском лесу, к изъятию из одежды убитых ими польских военнопленных всех документов, помеченных датами позднее апреля 1940 г., т.е. времени, когда согласно немецкой провокационной версии, поляки были расстреляны большевиками: к удалению всех вещественных доказательств, могущих опровергнуть ту же провокационную версию.

Расследованием Специальной Комиссии установлено, что для этой цели немцами были использованы русские военнопленные числом до 500 чел[овек], специально отобранные из [в)]концлагеря[в)] № 126. Специальная комиссия располагает многочисленными свидетельскими показаниями по этому вопросу. Из них заслуживают особого внимания показания врачебного персонала упомянутого лагеря.

Врач Чижов А.Т., работавший в лагере № 126 в дни оккупации немцами Смоленска, показал:

«...Примерно в начале марта м-ца 1943 г. из Смоленского лагеря военнопленных № 126, из числа более физически крепких пленных, отобрано было несколько партий общим количеством до 500 чел., для направления, якобы на окопные работы. Впоследствии никто из этих пленных в лагерь не вернулся».

Врач Хмыров В. А., также работавший при немцах в том же лагере, показал:

«Мне известно, что примерно во второй половине февраля м-ца или начале марта 1943 г. из нашего лагеря было отправлено в неизвестном мне направлении около 500 чел. военнопленных красноармейцев. Отправка этих плен-

[6-6)] В окончательном тексте эта фраза опущена.

[в-в)] В окончательном тексте: «лагеря военнопленных».

ных производилась на, якобы, окопные работы, почему и отбирались физически полноценные люди...»

Тождественные показания дали: медсестра Леньковская О.Г., медсестра Тимофеева А.И., свидетельницы Орлова П.М., Добросердова Е.Г. и свидетель Кочетков В. С.

Куда на самом деле были направлены 500 советских военнопленных из лагеря № 126 явствует из показания свидетельницы Московской А.М. [а]Она показала Специальной комиссии, что в марте м-це 1943 г. перед уходом на работу, зайдя за дровами в сарай, она нашла в нем неизвестного человека, который оказался русским военнопленным. Из разговора с ним она узнала, что его зовут Егоров Николай, что он из Ленинграда. С конца 1941 г. он содержался в Смоленске в немецком лагере для военнопленных № 126. В начале марта Егоров вместе с военнопленными в числе 500 человек был направлен в Катынский лес. Там их заставили раскапывать могилы, в которых были трупы в форме польских офицеров. Они вытаскивали эти трупы из ям и вынимали из их карманов документы, письма, фотокарточки и другие вещи. Немцы приказали, чтобы в карманах одежды трупов ничего не оставлять. Два военнопленных были расстреляны за то, что они небрежно обыскивали трупы.[а]

[б]Документы, вещи и письма, извлеченные из карманов одежды трупов, просматривались немецкими офицерами. Часть бумаг вкладывалась обратно в карманы обысканных трупов, остальные бросались в кучу и сжигались. Кроме того, заставляли вкладывать в карманы трупов какие-то бумаги, привезенные немцами.[б]

[а-а] В окончательном тексте: «Гр-ка Московская Александра Михайловна, проживавшая на окраине гор. Смоленска и работавшая в период оккупации на кухне в одной из немецких воинских частей, подала 5 октября 1943 г. заявление в Чрезвычайную Комиссию по расследованию зверств немецких оккупантов с просьбой вызвать ее для дачи важных показаний. Будучи вызвана, она рассказала Специальной Комиссии, что в марте месяце 1943 года перед уходом на работу, зайдя за дровами в свой сарай, находившийся во дворе у берега Днепра, она нашла в нем неизвестного человека, который оказался русским военнопленным. Московская А.М., 1922 года рождения, показала: «...Из разговора с ним я узнала следующее: Его фамилия Егоров, зовут Николай, ленинградец. С конца 1941 года он все время содержался в немецком лагере для военнопленных № 126 в городе Смоленске. В начале марта 1943 года он с колонной военнопленных в несколько сот человек был направлен из лагеря в Катынский лес. Там их, в том числе и Егорова, заставляли раскапывать могилы, в которых были трупы в форме польских офицеров, вытаскивать эти трупы из ям и выбирать из их карманов документы, письма, фотокарточки и все другие вещи. Со стороны немцев был строжайший приказ, чтобы в карманах трупов ничего не оставлять. Два военнопленных были расстреляны за то, что после того, как они обыскали трупы, немецкий офицер у этих трупов обнаружил какие-то бумаги».

[б-б] В окончательном тексте: «Извлекаемые из одежды, в которую были одеты трупы, вещи, документы и письма просматривали немецкие офицеры, затем заставляли пленных часть бумаг класть обратно в карманы трупов, остальные бросали в кучу изъятых таким образом вещей и документов, которые потом сжигались. Кроме того, в карманы трупов польских офицеров немцы заставляли вкладывать какие-то бумаги, которые они доставали из привезенных с собой ящиков или чемоданов (точно не помню). Все военнопленные жили на территории Катынского леса в ужасных условиях, под открытым небом и усиленно охранялись».

в)По словам Егорова, вся работа на могилах была закончена. Три дня никто из военнопленных не работал.

Московская со слов Егорова показала далее:

«Вдруг ночью их всех без исключения подняли и куда-то повели. Охрана была усиленная... Шли они часа три-четыре в неизвестном направлении. Остановились в лесу на какой-то полянке у ямы. Он увидел, как группу военнопленных отделили от общей массы, погнали к яме и затем стали расстреливать. Создалась крайне напряженная обстановка. Военнопленные зашумели, задвигались. Недалеко от Егорова несколько человек военнопленных набросились на охрану. Другая охрана прибежала к этому месту, Егоров воспользовался этим моментом замешательства и бросился бежать».

Егоров добрался до Смоленска и спрятался в дровяном сарае у Московской, где он был найден немцами во время облавы и арестован.в)

Тот же Егоров рассказал Московской, что часть военнопленных, работавших в Катынском лесу помимо выкапывания трупов, занимались привозом в Катынский лес трупов из других мест. Привезенные трупы сваливались в ямы вместе с выкопанными ранее трупами.

Факт доставки в Катынские могилы большого количества трупов из других мест подтверждается показаниями свидетеля — инженера-механика Сухачева П.Ф.

в-в) В окончательном тексте: «В начале апреля месяца 1943 года все работы, намеченные немцами, видимо, были закончены, так как 3 дня никого из военнопленных не заставляли работать... Вдруг ночью их всех без исключения подняли и куда-то повели. Охрана была усилена. Егоров заподозрил что-то неладное и стал с особым вниманием следить за всем тем, что происходило. Шли они часа 3—4 в неизвестном направлении. Остановились в лесу на какой-то полянке у ямы. Он увидел, как группу военнопленных отделили от общей массы, погнали к яме, а затем стали расстреливать. Военнопленные заволновались, зашумели, задвигались. Недалеко от Егорова несколько человек военнопленных набросились на охрану, другие охранники побежали к этому месту. Егоров воспользовался этим моментом замешательства и бросился бежать в темноту леса, слыша за собой крики и выстрелы. После этого страшного рассказа, который врезался в мою память на всю жизнь, мне Егорова стало очень жаль, и я просила его зайти ко мне в комнату отогреться и скрываться у меня до тех пор, пока он не наберется сил. Но Егоров не согласился... Он сказал, что во что бы то ни стало сегодня ночью уйдет и постарается пробраться через линию фронта к частям Красной Армии. Но в этот вечер Егоров не ушел. Наутро, когда я пошла проверить, он оказался в сарае. Как выяснилось, ночью он пытался уйти, но после того, как прошел шагов пятьдесят, почувствовал такую слабость, что вынужден был возвратиться. Видимо, сказалось длительное истощение в лагере и голод последних дней. Мы решили, что он еще день—два побудет у меня с тем, чтобы окрепнуть. Накормив Егорова, я ушла на работу. Когда вечером я возвратилась домой, мои соседки — Баранова Мария Ивановна и Кабановская Екатерина Викторовна сообщили мне, что днем во время облавы немецкими полицейскими в моем сарае был обнаружен пленный красноармеец, которого они увели с собой».

В связи с обнаружением в сарае Московской военнопленного Егорова она вызывалась в гестапо, где ее обвиняли в укрывательстве военнопленного. Московская на допросах в гестапо упорно отрицала какое-либо отношение к этому военнопленному, утверждая, что о нахождении его в сарае, принадлежавшем ей, она ничего не знает. Не добившись признания от Московской, а также и потому, что военнопленный Егоров, видимо, Московскую не выдал, она была выпущена из гестапо».

г)Ночью, во второй половине марта 1943 г., Сухачев, служивший механиком на мельнице городского управления, вместе с немцем-шофером, ехал на грузовой машине по Витебскому шоссе в направлении на запад.

«...Примерно на 23 км от Смоленска, — показал Сухачев Специальной комиссии, — был объезд с довольно крутым спуском. Когда мы стали спускаться с шоссе на объезд, навстречу нам из тумана показалась грузовая машина. По неопытности шофера мы не смогли затормозить нашу машину и столкнулись с шедшей навстречу грузовой машиной. Столкновение было не сильным, так как шофер встречной машины успел взять в сторону, однако, встречная машина, попав правым колесом в канаву, свалилась боком на косогор. Я и шофер выскочили из кабинки и подошли к свалившейся машине. Меня поразил сильный трупный запах, шедший от грузовой машины. Подойдя ближе, я увидел, что машина заполнена грузом, затянутым сверху брезентом. От удара веревки лопнули и часть груза вывалилась на косогор. Около машины находилось, насколько я помню, человек 6-7, из них один немец-шофер, двое вооруженных автоматами немцев, остальные были русскими военнопленными. Общими усилиями все стали поднимать машину...

Я тихо спросил одного из русских военнопленных: «Что это такое», тот также тихо ответил: «Которую уже ночь возим трупы в Катынский лес».

Показания Сухачева о привозе немцами трупов по ночам в закрытых грузовиках в Катынский лес подтверждаются свидетельствами быв. полицейского Егорова В.А., быв. нач. немецкой полиции катынского участка Яковлева-Соколова Ф.М. и другими.г)

г-г) В окончательном тексте: «Сухачев П.Ф., 1912 года рождения, инженер-механик системы «Росглавхлеб», работавший при немцах машинистом на Смоленской городской мельнице, подал 8 октября 1943 года заявление с просьбой о вызове. Будучи вызван Специальной Комиссией, он показал:

«...Как-то раз на мельнице во второй половине марта месяца 1943 года я заговорил с немецким офицером, немного владевшим русским языком. Выяснив у него, что он везет муку в деревню Савенки для воинской части и на другой день возвращается в Смоленск, я попросил его захватить меня с собой, дабы иметь возможность купить в деревне жировые продукты. При этом я учитывал, что проезд на немецкой машине для меня исключал риск быть задержанным на пропускном пункте. Немецкий шофер согласился за плату. В тот же день, в десятом часу вечера, мы выехали на шоссе Смоленск—Витебск. Нас в машине было двое — я и немец-шофер. Ночь была светлая, лунная, однако устилавший дорогу туман несколько снижал видимость. Примерно на 22—23 километре от Смоленска, у разрушенного мостика на шоссе, был устроен объезд с довольно крутым спуском. Мы стали уже спускаться с шоссе на объезд, как нам навстречу из тумана внезапно показалась грузовая машина. То ли от того, что тормоза у нашей машины были не в порядке, то ли от неопытности шофера, но мы не сумели затормозить нашу машину и вследствие того, что объезд был довольно узкий, столкнулись в шедшей навстречу машиной. Столкновение было не сильным, так как шофер встречной машины успел взять в сторону, вследствие чего произошел скользящий удар боковых сторон машин. Однако, встречная машина, попав правым колесом в канаву, свалилась одним боком на косогор. Наша машина осталась на колесах. Я и шофер немедленно выскочили из кабинки и подошли к свалившейся машине. Меня поразил сильный трупный запах, очевидно шедший от машины. Подойдя ближе, я увидел, что машина была заполнена грузом, покрытым сверху брезентом, затянутым веревками. От удара веревки лопнули, и часть груза вывалилась на косогор. Это был страшный груз. Это были трупы людей, одетых в военную форму. Около машины находилось, насколько я помню, человек 6—7, из них один

Из приведенных свидетельских показаний со всей ясностью можно заключить, что немцы расстреливали поляков и в других местах. Свозя их трупы в Катынский лес, они преследовали троякую цель: во-первых, уничтожить следы своих собственных злодеяний; во-вторых, свалить свои преступления на советскую власть; в-третьих, увеличить количество «большевистских жертв» в могилах Катынского леса.

«Экскурсии» на катынские могилы

В апреле м-це 1943 г., закончив все подготовительные работы на могилах в Катынском лесу, немецкие оккупанты приступили к широкой агитации в печати и по радио, пытаясь приписать советской власти зверства, совершенные ими самими над военнопленными поляками. В качестве одного из методов этой провокационной агитации, немцы организовали посещения катынских могил жителями Смоленска и его окрестностей, а также и «делегациями» из стран, оккупированных немецкими захватчиками или находящихся в вассальной зависимости от них.

Специальная комиссия опросила ряд свидетелей, участвовавших в «экскурсиях» на катынские могилы.

Свидетель Зубков К.П., врач патологоанатом, работавший в качестве судебно-медицинского эксперта в Смоленске Специальной комиссии, показал:

немец-шофер, два вооруженных автоматами немца, а остальные были русскими военнопленными, так как говорили по-русски и одеты были соответствующим образом. Немцы с руганью набросились на моего шофера, затем предприняли попытки поставить машину на колеса. Минуты через две к месту аварии подъехали еще две грузовых машины и остановились. С этих машин к нам подошла группа немцев и русских военнопленных, всего человек 10. Общими усилиями все стали поднимать машину. Воспользовавшись удобным моментом, я тихо спросил одного из русских военнопленных: «Что это такое?» Тот так же тихо мне ответил: «Которую уж ночь возим трупы в Катынский лес». Свалившаяся машина еще не была поднята, как ко мне и моему шоферу подошел немецкий унтер-офицер и отдал приказание нам немедленно ехать дальше. Так как на нашей машине никаких серьезных повреждений не было, то шофер, отведя ее немного в сторону, выбрался на шоссе, и мы поехали дальше. Проезжая мимо подошедших позднее двух машин, крытых брезентом, я также почувствовал страшный трупный запах».

Показания Сухачева подтверждаются показаниями Егорова Владимира Афанасьевича, состоявшего в период оккупации на службе в полиции в качестве полицейского.

Егоров показал, что, неся по роду своей службы охрану моста на перекрестке шоссейных дорог Москва—Минск и Смоленск—Витебск, он несколько раз ночью в конце марта и в первые дни апреля 1943 года наблюдал, как по направлению к Смоленску проезжали большие грузовые машины, крытые брезентом, от которых шел сильный трупный запах. В кабинках машин и сзади поверх брезента сидело по несколько человек, из которых некоторые были вооружены и, несомненно, являлись немцами. О своих наблюдениях Егоров доложил начальнику полицейского участка в деревне Архиповка Головневу Кузьме Демьяновичу, который посоветовал ему «держать язык за зубами» и добавил: «Это нас не касается, нечего нам путаться в немецкие дела».

О том, что немцы перевозили трупы на грузовых машинах в Катынский лес, дал также показания Яковлев-Соколов Флор Максимович, 1896 года рождения, бывш. агент по снабжению столовых Смоленского треста столовых, а при немцах — начальник полиции Катынского участка. Он показал, что лично видел один раз в начале апреля 1943 года, как с шоссе в Катынский лес прошли четыре крытых брезентом грузовых автомашины, в которых сидело несколько человек, вооруженных автоматами и винтовками. От этих машин шел резкий трупный запах».

«...Одежда трупов, особенно шинели, сапоги и ремни, была довольно хорошо сохранившейся. Металлические части одежды — пряжки ремней, пуговицы, крючки, шипы на ботинках и прочее имели не резко выраженную ржавчину и в некоторых случаях местами сохраняли блеск металла. Ткани тела трупов, доступные осмотру, лица, шеи, рук имели преимущественно грязный зеленоватый цвет, в отдельных случаях грязно-коричневый, но полного разрушения тканей, гниения не было. В отдельных случаях были видны обнаженные сухожилия белесоватого цвета и часть мышц. Во время моего пребывания на раскопках на дне большой ямы работали люди по разборке и извлечению трупов. Для этого они применяли лопаты и другие инструменты, а также брали трупы руками, перетаскивали их за руки, за ноги и одежду с места на место. Ни в одном случае не приходилось наблюдать, чтобы трупы распадались, или чтобы отрывались их отдельные части.

Учитывая все вышеизложенное, я пришел к выводу, что давность пребывания трупов в земле — не три года, как утверждали немцы, а значительно меньше. Зная, что в массовых могилах гниение трупов протекает быстрее, чем в одиночных и тем более без гробов, я пришел к выводу, что массовый расстрел поляков был произведен около полутора лет тому назад и может относиться к осени 1941 г. или весне 1942 г. В результате посещения раскопок, я твердо убедился, что совершенное чудовищное злодеяние — дело рук немцев».

Показания о том, что одежда трупов, ее металлические части, а также сами трупы хорошо сохранились дали допрошенные Специальной комиссией многочисленные свидетели, участвовавшие в «экскурсиях» на катынские могилы, в том числе заведующий смоленской водопроводной сетью Куцев И.З., учительница катынской школы Ветрова Е.Н., телефонистка Смоленского отделения связи Щедрова Н.Г., житель дер. Борок Алексеев М.А., житель дер. Новые Батеки Кривозерцев М.Г., дежурный по ст. Гнездово Савватеев И.В., гражданка Смоленска Пущина Е.А., врач 2-й Смоленской больницы Сидорук Т.А., врач той же больницы Кесарев П.М.

Попытки немцев замести следы своих злодеяний

Организованные немцами «экскурсии» не достигали своей цели. Все побывавшие на могилах убеждались в том, что перед ними налицо самая грубая и явная немецко-фашистская провокация. Поэтому со стороны немецких властей принимались меры к тому, чтобы заставить сомневающихся молчать.

Специальная комиссия располагает показаниями целого ряда свидетелей, которые рассказали о том, как преследовали немецкие власти сомневавшихся. Их увольняли со службы, арестовывали, угрожали расстрелом. Комиссия установила два случая расстрела за неумение «держать язык на привязи». Такая расправа была учинена над бывшим немецким полицейским Загайновым и Егоровым А.М., работавшим на раскопках могил в Катынском лесу.

Показания о преследовании немцами людей, выражавших свои сомнения после посещения могил в Катынском лесу, дали: уборщица аптеки № 1 Смоленска Зубарева М.С., помощник санитарного врача Сталинского райздравотдела Смоленска Козлова В.Ф. и другие.

Быв. нач. полиции катынского участка Яковлев-Соколов Ф.М. показал:

«Создалась обстановка, вызывавшая серьезную тревогу в немецкой комендатуре, и на места полицейским аппаратом срочно были даны указания, во что бы то ни стало пресечь все вредные разговоры и арестовать всех лиц, высказывающих неверие в «катынское дело».

Мне лично, как нач. участковой полиции такие указания дали: в конце мая 1943 г. немецкий комендант с. Катынь обер-лейтенант Браунг и в начале июня — нач. Смоленской районной полиции Каменецкий.

Я созвал инструктивное совещание полицейских своего участка, на котором предложил задерживать и доставлять в полицию каждого высказывающего неверие... и сомневающегося в правдоподобии сообщений немцев о расстреле большевиками польских военнопленных.

Выполняя эти указания немецких властей, я явно кривил душой, так как сам был уверен, что «катынское дело» — немецкая провокация. Полностью я убедился в этом, когда лично побывал на «экскурсии» в Катынском лесу».

Видя, что «экскурсии» местного населения на катынские могилы не достигают цели, немецкие оккупационные власти летом 1943 г. распорядились зарыть эти могилы.

Перед своим отступлением из Смоленска немецкие оккупационные власти стали наспех заметать следы своих злодеяний. Дача, которую занимал «штаб 537-го строительного батальона», была сожжена до тла. Трех девушек — Алексееву, Михайлову и Конаховскую немцы разыскивали в дер. Борок, чтобы увезти их с собой , а может быть и уничтожить. Разыскивали немцы и своего главного свидетеля — Киселева П.Г., но тот вместе со своей семьей успел скрыться. Немцы сожгли его дом. Немцы старались схватить и других свидетелей — начальника ст. Гнездово Иванова С.В. и дежурного по этой станции Савватеева И.В.[а)]

В самые последние дни перед отступлением из Смоленска немецко-фашистские оккупанты искали профессоров Базилевского и Ефимова. Обоим удалось избегнуть увода или смерти лишь потому, что они заблаговременно скрылись.

Однако, замести следы и скрыть свои преступления немецко-фашистским захватчикам не удалось. Произведенная судебно-медицинская экспертиза с неопровержимой ясностью доказывает, что расстрел военнопленных поляков был произведен самими немцами. Ниже приводится акт судебно-медицинской экспертизы.

а) Далее в окончательном тексте: «а также б[ывшего] сцепщика ст. Смоленск Захарова М.Д.».

Акт судебно-медицинский экспертизы

По указанию Специальной комиссия по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу (близ гор. Смоленска) военнопленных польских офицеров, судебно-медицинская экспертная комиссия в составе:

Главного судебно-медицинского эксперта Наркомздрава СССР, директора Государственного научно-исследовательского института судебной медицины Наркомздрава СССР В.И. Прозоровского;

Профессора судебной медицины 2-го Московского государственного медицинского института, доктора медицинских наук В.М. Смольянинова;

Профессора патологической анатомии, доктора медицинских наук Д.Н. Выропаева;

Старшего научного сотрудника танатологического отделения Государственного научно-исследовательского института судебной медицины Наркомздрава СССР, доктора П.С. Семеновского;

Старшего научного сотрудника судебно-химического отделения Государственного научно-исследовательского института судебной медицины Наркомздрава СССР, доцента М.Д. Швайковой;

при участии:

Главного судебно-медицинского эксперта Западного фронта, майора медицинской службы Никольского;

Судебно-медицинского эксперта Н... армии, капитана медицинской службы Бусоедова;

Начальника [в)]ПАЛ 92[в)], майора медицинской службы — Субботина;

Майора медицинской службы Оглоблина;

Врача-специалиста, старшего лейтенанта медицинской службы Садыкова;

Старшего лейтенанта медицинской службы Пушкаревой;

в период с 16 по 23 января 1944 г. произвела эксгумацию и судебно-медицинское исследование трупов польских военнопленных, погребенных в могилах на территории «Козьи Горы» в Катынском лесу, в 15 километрах от гор. Смоленска. Трупы польских военнопленных были погребены в общей могиле размером около 60 х 60 х 3 метра и, кроме того, в отдельной могиле размером около7 х 6 х 3,5 метра. Из могил эксгумировано и исследовано 925 трупов.

Эксгумация и судебно-медицинское исследование трупов произведены для установления:

а) личности покойных;

б) причины смерти;

в) давности погребения.

Обстоятельства дела: см. материалы Специальной комиссии.

Объективные данные: см. протоколы судебно-медицинских исследований трупов.

[в-в)] В окончательном тексте: «патолого-анатомической лаборатории 92».

Заключение

Судебно-медицинская экспертная комиссия, основываясь на результатах судебно-медицинских исследований трупов, приходит к следующему заключению:

По раскрытии могил и извлечении трупов из них, установлено:

а) среди массы трупов польских военнопленных находятся трупы в гражданской одежде, количество их по отношению к общему числу исследованных трупов незначительно (всего 2 на 925 извлеченных трупов); на трупах были одеты ботинки военного образца;

б) одежда на трупах военнопленных свидетельствует об их принадлежности к офицерскому и частично к рядовому составу польской армии;

в) обнаруженные при осмотре одежды разрезы карманов и сапог, [а)]разрывы и выворачивание карманов[а)] показывают, что вся одежда на каждом трупе (шинель, брюки и др. как правило, носят на себе следы обыска, произведенного на трупах;

г) в некоторых случаях при осмотре одежды отмечена целость карманов. В этих карманах, а также в разрезанных и разорванных карманах, под подкладкой мундиров, в поясах брюк, в портянках и носках найдены обрывки газет, брошюры, молитвенники, почтовые марки, открытые и закрытые письма, квитанции, записки и другие документы, а также ценности (слиток золота, золотые доллары), трубки, перочинные ножи, курительная бумага, носовые платки и др.;

д) на части документов (даже без специальных исследований) при осмотре их констатированы даты, относящиеся к периоду от 12 [б)]сентября[б)] 1940 г. до 20 июня 1941 г.;

е) ткань одежды, особенно шинелей, мундиров, брюк и верхних рубашек, хорошо сохранилась — с очень большим трудом поддается разрыву руками;

ж) у очень небольшой части трупов (20 из 925) руки оказались связанными позади туловища с помощью белых плетеных шнуров.

Состояние одежды на трупах, именно тот факт, что мундиры, рубашки, поясные ремни, брюки и кальсоны застегнуты; сапоги или ботинки надеты; шарфы и галстуки повязаны вокруг шеи, помочи пристегнуты, рубашки заправлены в брюки — свидетельствует, что наружного осмотра туловища и конечностей трупов не производилось.

Сохранность кожных покровов на голове и отсутствие на них, а также на покровах груди и живота (кроме трех случаев из 925), каких бы то ни было надрезов, разрезов и других признаков экспертной деятельности указывает, что судебно-медицинского исследования трупов не производилось, судя по эксгумированным судебно-медицинской экспертной комиссией трупам.

[а-а)] В окончательном тексте: «вывороченные карманы и разрывы их».

[б-б)] В окончательном тексте: «ноября».

Наружный и внутренний осмотры 925 трупов дают основания утверждать наличие огнестрельных ранений головы и шеи, [в]в нескольких[в] случаях сочетавшихся с повреждением костей свода черепа тупым, твердым, тяжелым предметом, [г]что установлено в 4 случаях[г]. Кроме того в незначительном количестве случаев обнаружено повреждение живота при одновременном ранении головы.

Входные отверстия огнестрельных ранений, как правило, единичные, реже — двойные, расположены в затылочной области головы вблизи от затылочного бугра, большого затылочного отверстия или на его краю. В небольшом числе случаев входные огнестрельные отверстия найдены на задней поверхности шеи, соответственно 1, 2, 3 шейным позвонкам.

Выходные отверстия обнаружены чаще всего в лобной области, реже — в теменных и височных областях, а также на лице и шее. В 27 случаях огнестрельные ранения оказались слепыми (без выходных отверстий) и в конце пулевых каналов под мягкими покровами черепа, в его костях, в оболочках и веществе мозга найдены деформированные, слабодеформированные и вовсе недеформированные оболочечные пули, применяемые при стрельбе из автоматических пистолетов, преимущественно калибра 7,65 мм.

Размеры входных отверстий на затылочной кости допускает вывод, что при расстрелах было употреблено огнестрельное оружие двух калибров: в подавляющем большинстве случаев — менее 8 мм, т.е. в 7,65 мм и менее; в меньшем числе — более 8 мм, т.е. 9 мм.

Характер трещин костей черепа и обнаружение в некоторых случаях пороховых остатков у входного отверстия говорит о том, что выстрелы были произведены в упор или почти в упор.

Взаиморасположение входных и выходных отверстий показывает, что выстрелы производились сзади, при наклоненной вперед голове. При этом пулевой канал проходил через жизненно важные отделы головного мозга или вблизи от них и разрушение ткани мозга являлось причиной смерти.

Обнаруженные на костях свода черепа повреждения тупым твердым тяжелым предметом сопутствовали огнестрельным ранениям головы и сами по себе причиной смерти не служили.

Судебно-медицинские исследования трупов, произведенные в период с 16 по 23 января 1944 г., свидетельствуют о том, что совершенно не имеется трупов в состоянии гнилостного распада или разрушения и что все 925 трупов находятся в сохранности в начальной стадии потери трупом влаги (что наиболее часто и резко было выражено в области груди и живота, иногда и на конечностях; в начальной стадии жировоска; в резкой степени жировоска у трупов, извлеченных со дна могил); в сочетании обезвоживания тканей трупа и образования жировоска.

[в-в] В окончательном тексте: «в четырех».

[г-г] В окончательном тексте опущено.

Заслуживает особого внимания то обстоятельство, что мышцы туловища и конечностей совершенно сохранили свою макроскопическую структуру и свой почти обычный цвет; внутренние органы грудной и брюшной полости сохранили свою конфигурацию в целом ряде случаев, мышца сердца на разрезах имела ясно различимое строение и присущую ей окраску, а головной мозг представлял характерные структурные особенности с отчетливо выраженной границей серого и белого вещества. Кроме макроскопического исследования тканей и органов трупа судебно-медицинской экспертизой изъят соответствующий материал для последующих микроскопических и химических исследований в лабораторных условиях.

В сохранении тканей и органов трупов имели известное значение свойства почвы на месте обнаружения.

По раскрытии могил и изъятии трупов и пребывании их на воздухе, они подвергались действию тепла и влаги в весенне-летнее время 1943 г., это могло оказать влияние на резкое развитие процесса разложения трупов.

Однако степени обезвоживания трупов и образования в них жировоска, особо хорошая сохранность мышц и внутренних органов, а также и одежды дают основания утверждать, что трупы находились в почве недолгое время.

Сопоставляя же состояние трупов в могилах на территории «Козьи Горы» с состоянием трупов в других местах захоронения в г. Смоленске и его ближайших окрестностях — в Гедеоновке, Магеленщине, Реадовке, лагере № 126, Красном бору и т.д. (см. акт суд. мед. экспертизы от 22 октября 1943 г.), надлежит признать, что погребение трупов польских военнопленных на территории «Козьи Горы» произведено около 2-х лет тому назад. Это находит свое полное подтверждение в обнаружении в одежде на трупах документов, исключающих более давние сроки погребения (см. пункт «д» [а)]стр._____[а)] и опись документов).

Судебно-медицинская экспертная комиссия на основе данных и результатов исследований —

считает установленным акт умерщвления путем расстрела военнопленных офицерского и частично рядового состава польской армии; утверждает, что этот расстрел относится к периоду около 2-х лет тому назад, т.е. между сентябрем—декабрем 1941 г.;

усматривает в факте обнаружения судебно-медицинской экспертной комиссией в одежде трупов ценностей и документов, имеющих дату 1941 г., — доказательство того, что немецко-фашистские власти, предпринявшие в весенне-летнее время 1943 г. обыск трупов, произвели его не тщательно, а обнаруженные документы свидетельствуют о том, что расстрел произведен после июня 1941 г.;

[а-а)] В окончательном тексте: «ст. 36».

констатирует, что в 1943 г. немцами произведено крайне ничтожное число вскрытий трупов расстрелянных польских военнопленных;

отмечает полную идентичность метода расстрела польских военнопленных со способом расстрелов мирных советских граждан и советских военнопленных, широко практиковавшимся немецко-фашистскими властями на временно оккупированной территории СССР, в том числе в городах Смоленске, Орле, Харькове, Краснодаре, Воронеже.

Главный судебно-медицинский эксперт Наркомздрава СССР,
директор Государственного научно-исследовательского
института судебной медицины Наркомздрава СССР —

В.И. Прозоровский

Профессор судебной медицины 2-го Московского государственного медицинского института, доктор медицинских наук —

В.М. Смольянинов

Профессор паталогической анатомии, доктор медицинских наук—

Д.Н. Выропаев

Старший научный сотрудник танатологического отделения Государственного научно-исследовательского института судебной медицины НКЗ СССР, доктор —

П.С. Семеновский

Старший научный сотрудник судебно-химического отделения Государственного научно-исследовательского института судебной медицины НКЗ СССР доцент —

М.Д. Швайкова[6)]

[6)] В окончательном тексте далее:

«Смоленск, 24 января 1944 г.

Документы, найденные на трупах

Кроме данных, зафиксированных в акте судебно-медицинской экспертизы, время расстрела немцами военнопленных польских офицеров (осень 1941 г., а не весна 1940 г., как утверждают немцы) устанавливается также и обнаруженными при вскрытии могил документами, относящимися не только ко второй половине 1940 г., но и к весне и лету (март—июнь) 1941 г.

Из обнаруженных судебно-медицинскими экспертами документов заслуживают особого внимания следующие:

1. На трупе № 92:

Письмо из Варшавы, адресованное Красному Кресту в Центральное Бюро военнопленных — Москва, ул. Куйбышева, 12. Письмо написано на русском языке. В этом Письме Софья Зигонь просит сообщить местопребывание ее мужа Томаша Зигоня. Письмо датировано 12 сент. 40 г. На конверте имеется немецкий почтовый штамп — «Варшава, сент.—40» и штамп — «Москва, почтамт 9 экспедиция, 28 сент. 40 года» и резолюция красными чернилами на русском языке: «Уч. установить лагерь и направить для вручения. 15 нояб. — 40 г.» (подпись неразборчива).

2. На трупе № 4:

Почтовая открытка, заказная № 0112 из Тарнополя с почтовым штемпелем «Тарнополь 12 нояб.—40 г.» Рукописный текст и адрес обесцвечены.

3. На трупе № 101:

Квитанция № 10293 от 19 дек. — 1939 г., выданная Козельским лагерем о приеме от Левандовского Эдуарда Адамовича золотых часов. На обороте квитанции имеется запись от 14 марта 1941 г. о продаже этих часов Ювелирторгу.

Общие выводы

Из всех материалов, находящихся в распоряжении Специальной комиссии, а именно — показаний свыше 100 опрошенных ею свидетелей, данных судебно-медицинской экспертизы, документов и вещественных доказательств, извлеченных из могил Катынского леса, с неопровержимой ясностью вытекают нижеследующие выводы:

[в]1) что военнопленные поляки, находившиеся в лагерях западнее Смоленска и занятые на дорожно-строительных работах до начала войны, оставались там и после вторжения немецких оккупантов в Смоленск до сентября 1941 г. включительно;

2) что в Катынском лесу осенью 1941 года производились немецкими оккупационными властями массовые расстрелы польских военнопленных;

3) что указанные массовые расстрелы польских военнопленных в Катынском лесу производило немецкое военное учреждение, скрывавшееся под условным наименованием «штаб 537-го строительного батальона», во главе которого стояли — оберст-лейтенант Арнес и его сотрудники — обер-лейтенант Рекст, лейтенант Хотт;

4) что расстрел польских военнопленных в Катынском лесу производился по директиве германского верховного командования;

5) что расстреливая польских военнопленных в Катынском лесу, немецко-фашистские захватчики последовательно осуществляли свою политику физического уничтожения славянских народов;[в]

---

4. На трупе № 46:

Квитанция (№ неразборчив), выданная 16 дек. 1939 г. Старобельским лагерем о приеме от Арашкевича Владимира Рудольфовича золотых часов. На обороте квитанции имеется отметка от 25 марта 1941 г. о том, что часы проданы Ювелирторгу.

5. На трупе № 71:

Бумажная иконка с изображением Христа, обнаруженная между 144 и 145 страницами католического молитвенника. На обороте иконки имеется надпись, из которой разборчива подпись — «Ядвися» и дата «4 апреля 1941 г.»

6. На трупе № 46:

Квитанция от 6 апреля 1941 г., выданная лагерем № 1-ОН о приеме от Арашкевича денег в сумме 225 рублей.

7. На том же трупе № 46:

Квитанция от 5 мая 1941 г., выданная лагерем № 1-ОН о приеме от Арашкевича денег в сумме 102 рублей.

8. На трупе № 101:

Квитанция от 18 мая 1941 г., выданная лагерем № 1-ОН о приеме от Левандовского Э. денег в сумме 175 рублей.

9. На трупе № 53:

Неотправленная почтовая открытка на польском языке в адрес: Варшава, Багателя 15 кв. 47 Ирене Кучинской. Датирована 20 июня 1941 г. Отправитель Станислав Кучинский».

[в-в] В окончательном тексте:

«1. Военнопленные поляки, находившиеся в трех лагерях западнее Смоленска и занятые на дорожно-строительных работах до начала войны, оставались там и после вторжения немецких оккупантов в Смоленск до сентября 1941 г. включительно;

2. В Катынском лесу осенью 1941 г. производились немецкими оккупационными властями массовые расстрелы польских военнопленных из вышеуказанных лагерей;

[a])6) что в связи с ухудшением для Германии общей военно-политической обстановки к началу 1943 г. немецкие оккупационные власти в провокационных целях предприняли ряд мер к тому, чтобы приписать свои собственные злодеяния органам советской власти в расчете вбить клин между СССР и союзниками и поссорить русских с поляками;

7) что в этих целях:

а) немецко-фашистские захватчики, путем уговоров, попыток подкупа, угроз и варварских истязаний, старались найти «свидетелей» из числа советских граждан, от которых добивались ложных показаний о том, что военнопленные поляки якобы были расстреляны органами советской власти весной 1940 г.;

б) весной 1943 г. немецкие оккупационные власти свозили из других мест трупы расстрелянных ими военнопленных поляков и складывали их в разрытые могилы Катынского леса с явным расчетом, во-первых, скрыть следы своих собственных злодеяний и увеличить число «жертв большевистских зверств» в Катынском лесу;

в) готовясь к своей провокации, немецкие оккупационные власти использовали для работ по разрытию могил в Катынском лесу, извлечению оттуда изобличающих их документов и вещественных доказательств до 500 русских военнопленных, которые по выполнении этой работы немцами были расстреляны.

8) что убедившись в том, что местное население не верит немецкой провокации, немецко-фашистские оккупанты предприняли ряд репрессивных мер в отношении людей, высказывавших свои сомнения. Когда же немцам пришлось отступать из Смоленска под натиском Красной Армии, они пытались изъять, увезти с собой или уничтожить всех свидетелей, которые могли бы разоблачить их злодеяния и провокацию.[a])

---

3. Массовые расстрелы польских военнопленных в Катынском лесу производило немецкое военное учреждение, скрывавшееся под условным наименованием «штаб 537 строительного батальона», во главе которого стояли оберст-лейтенант Арнес и его сотрудники — обер-лейтенант Рекст, лейтенант Хотт»;

[a-a]) В окончательном тексте: «4. В связи с ухудшением для Германии общей военно-политической обстановки к началу 1943 г. немецкие оккупационные власти в провокационных целях предприняли ряд мер к тому, чтобы приписать свои собственные злодеяния органам советской власти в расчете поссорить русских с поляками;

5. В этих целях:

а) немецко-фашистские захватчики, путем уговоров, попыток подкупа, угроз и варварских истязаний, старались найти «свидетелей» из числа советских граждан, от которых добивались ложных показаний о том, что военнопленные поляки якобы были расстреляны органами Советской власти весной 1940 г.;

б) немецкие оккупационные власти весной 1943 г. свозили из других мест трупы расстрелянных ими военнопленных поляков и складывали их в разрытые могилы Катынского леса с расчетом скрыть следы своих собственных злодеяний и увеличить число «жертв большевистских зверств» в Катынском лесу.

в) готовясь к своей провокации, немецкие оккупационные власти для работ по разрытию могил в Катынском лесу, извлечению оттуда изобличающих их документов и вещественных доказательств использовали до 500 русских военнопленных, которые по выполнении этой работы были немцами расстреляны».

г)9) что данными судебно-медицинской экспертизы с несомненностью устанавливаются:

а) время расстрела, т.е. осень 1941 г.;

б) применение немецкими палачами при расстреле польских военнопленных тех же методов выстрела в затылок, которые практиковались ими и в других городах, в частности Орле, Воронеже, Краснодаре и в том же Смоленске.г)

д)10) что выводы из свидетельских показаний и судебно-медицинской экспертизы полностью подтверждаются вещественными доказательствами и документами, извлеченными из катынских могил.д)

Председатель Специальной комиссии, член Чрезвычайной Государственной Комиссии, академик (Н.Н. Бурденко)

Члены: Член Чрезвычайной Государственной Комиссии, академик (Алексей Толстой)

Член Чрезвычайной Комиссии — Митрополит (Николай)

Председатель Всеславянского Комитета, генерал-лейтенант (А.С. Гундоров)

Председатель Исполкома Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца (С.А. Колесников)

Народный комиссар просвещения РСФСР, академик (В.П. Потемкин)

Начальник Главного военно-санитарного управления Красной Армии, генерал-полковник (Е.И. Смирнов)

Председатель Смоленского облисполкома (Р.Е. Мельников)е)

ГАРФ. Ф. 7445. Оп. 114. Д. 8. Лл. 317—348. Окончательный текст, утвержденный Специальной комиссией под председательством Н.Н. Бурденко см. «Правда», 26 января 1944 г.

[1] Экспертизу этого Сообщения, составленную польскими историками — членами советско-польской комиссии по белым пятнам в апреле 1988 г. и переданную в мае 1988 г. советским членам этой комиссии см.: Катынская драма. С. 179—198.

г-г) В окончательном тексте:

«6. Данными судебно-медицинской экспертизы с несомненностью устанавливается:

а) время расстрела — осень 1941 г.;

б) применение немецкими палачами при расстреле польских военнопленных того же способа пистолетного выстрела в затылок, который применялся ими при массовых убийствах советских граждан в других городах, в частности, в Орле, Воронеже, Краснодаре и в том же Смоленске.

7. Выводы из свидетельских показаний и судебно-медицинской экспертизы о расстреле немцами военнопленных поляков осенью 1941 г. полностью подтверждаются вещественными доказательствами и документами, извлеченными из катынских могил;»

д-д) В окончательном тексте:

«8. Расстреливая польских военнопленных в Катынском лесу, немецко-фашистские захватчики последовательно осуществляли свою политику физического уничтожения славянских народов.»

(Далее следуют подписи членов Спец. Комиссии)

е) В окончательном тексте далее: «Гор. Смоленск. 24 января 1944 года.»

№ 216

1944 г., февраля 3, Москва. — Письмо А.Н. Толстого Н.М. Швернику относительно кинохроники «Катынского дела»[1]

Глубокоуважаемый Николай Михайлович

Я смотрел кинохронику Катынского дела и нахожу, что в таком виде она не только совершенно не годится для показа, но может даже произвести отрицательный эффект.

Сцена допроса свидетелей озвучена так, что похоже на то, что свидетели повторяют какой-то заученный урок. Их речь получается неживой и вследствие этого неправдоподобной.

К менее существенным недостаткам фильма можно отнести очень большую растянутость кадров, особенно пейзажей в начале.

Я считаю, что в сцене допроса надо, чтобы текст читал диктор, а не участники допроса.

[a)]Крепко жму Вашу руку

Алексей Толстой. 3/II 1944[a)]

ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 114. Д. 8. Л. 349. Подлинник.

[1] На заседании Специальной комиссии 20 января Н.Н. Бурденко указал: «Наша работа подходит к концу. Нам нужно торопиться со звукозаписью. Надо провести репетицию, так как звукозапись это сложная техника...» А.Н. Толстой, со своей стороны заметил: «По поводу звукозаписи. Это очень сложная и кропотливая работа. Надо написать выступление, потом прорепетировать, иначе из этого ничего не получится. Надо отобрать тех свидетелей, которые могли бы просто и убедительно сказать. Я предлагаю завтра заняться отбором этих свидетелей и подготовкой материала» (ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 114. Д. 8. Л. 176—177).

№ 217

1944 г., февраля 16, Москва. — Докладная записка Г.С. Жукова И.В. Сталину относительно положения арестованных в армии Андерса польских офицеров

№ 104/с

Сов. секретно
экз. № 1

[a-a)] Вписано в строку чернилами от руки А.Н. Толстым

Государственный Комитет Обороны
тов. Сталину

Генерал-майор Берлинг просил меня передать советскому правительству его личное ходатайство принять, если это возможно, через англичан соответствующие меры к облегчению положения арестованных генералом Андерсом в Палестине польских офицеров[1], в частности тех, о которых сообщалось в советской прессе:

1. Розен-Завадского (а не Завадовского, как указано в сообщении ТАСС) Казимира Павловича, 1898 года рождения, уроженца гор. Варшавы, капитана танковых войск польской армии.

2. Имаха (а не Иноша) Романа Ульяновича, 1905 года рождения, уроженца гор. Сосновец, Келецкого воеводства, капитана польской армии.

По мнению Берлинга, в числе арестованных генералом Андерсом польских офицеров должны находиться известные ему следующие лица:

1. Горчинский Евстафий, 1893 года рождения, поляк, б.офицер царской армии, полковник-сапер польской армии.

2. Тышинский Леон Казимирович, 1896 года рождения, из дворян, подполковник-сапер польской армии.

3. Дудзинский Казимир Адольфович, 1890 года рождения, уроженец Тарнопольской области, подполковник польской армии.

4. Северский Януш Леопольдович, 1912 года рождения, уроженец гор. Злочев, Львовской области, поручик пехоты польской армии.

5. Томалл Михаил Андреевич, 1909 года рождения, уроженец Львовской области, поручик пехоты польской армии.

6. Щиперский Станислав Янович, 1903 года рождения, уроженец Келецкого воеводства, подпоручик польской армии.

7. Шумигальский Владимир Станиславович, 1910 года рождения, уроженец Тарнопольской области, поручик польской армии.

8. Кукулинский Франтишек Станиславович, 1915 года рождения, уроженец Краковского воеводства, подхорунжий польской армии.

9. Гадомский Роман, 1904 года рождения, уроженец Познанского воеводства, член компартии Польши с 1927 года, неоднократно сидел в польской тюрьме за революционную деятельность, подхорунжий польской армии.

По утверждению генерал-майора Берлинга, все эти лица во время пребывания в лагерях военнопленных и в армии Андерса занимали активную просоветскую линию.

Данные Берлинга о просоветском настроении этих лиц подтверждаются также имеющимися в НКГБ СССР материалами[2].

Гадомский был направлен в армию Андерса по линии быв. Коминтерна[3].

Сообщаю на Ваше распоряжение.

Комиссар государственной безопасности Г. Жуков

Разослано:
т. Сталину
т. Молотову
т. Берия

Помета в верхней части 1-го листа: «От Жукова».

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 65. Л. 79—80. Подлинник.

[1] Все офицеры, упоминающиеся в этом документе, кроме Гадомского, ранее находились в трех спец. лагерях для военнопленных и были переведены в Юхновский, затем в Грязовецкий лагеря. В октябре—ноябре 1940 г. они были доставлены в Москву, где вместе с З. Берлингом их поместили на «вилле роскоши» в Малаховке.

[2] 26 июня 1944 г. начальник I (разведывательного) управления НКГБ СССР П.М. Фитин направил в ЦК ВКП(б) докладную записку о польской армии на Среднем Востоке, в которой сообщал об аресте до 700 человек — солдат и офицеров, в армии Андерса за просоветскую агитацию. Среди арестованных числились К. Дудзинский, К. [Розен-]Завадский, Ф. Кукулинский, С. Щиперский, Р. Имах, поручики Гадомский, Вильк, Р. Чистогорский, Мельникер, офицеры Хмель и Нелепа, унтер-офицеры Здановичи, сержант Дашкевич, ст. сержант Л. Стшалковский (Русский архив. Т. 14. Великая Отечественная война. СССР и Польша. 1941—1945. К истории великого союза. Документы и материалы. М., 1994. С. 101—102).

[3] Коминтерн был распущен по указанию И.В. Сталина в июне 1943 г. См. подробнее: «Коминтерн и вторая мировая война. Часть II.» С. 57—90, 352—488. Его преемником стал Отдел международной информации ЦК ВКП(б).

№ 218

1944 г., мая 3, Москва. — Докладная записка Л.П. Берии И.В. Сталину с приложением «Справки по учету бывших польских граждан», подписанной В.Н. Меркуловым 1 мая 1944 г.

№ 386/б

Товарищу Сталину И.В.

[а)]В соответствии с Вашим указанием, представляю справку о бывших польских гражданах[а)].

[а-а)] Абзац отчеркнут на полях. Подчеркнуты слова «о бывших польских гражданах».
[б-б)] Подчеркнуто карандашом.

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР [б]Л. Берия[б]

[Приложение]

Сов. секретно

Справка
по учету бывших польских граждан

1. На сентябрь месяц 1941 года было учтено ранее арестованных и высланных в тыловые районы СССР из Западных областей Украины и Белоруссии (с территории бывшей Польши) 389382 чел.

Из этого числа:

Находилось в тюрьмах, лагерях и местах ссылки	—	120962
в спецпоселках (осадников и др.)	—	243106
в лагерях военнопленных	—	25314

2. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 12 августа 1941 г. об амнистии бывших польских граждан было освобождено из мест заключения, ссылки, спецпоселков и лагерей для военнопленных 389041 чел.

Не было амнистировано и по состоянию на 1.IX—1942 г. оставалось в заключении. 341 [чел.]

3. В 1942 году было эвакуировано в Иран из числа амнистированных 119865 чел.

В том числе:

военнослужащих армии Андерса	—	76110
членов их семей	—	43755

4. В 1943 году передано в польскую армию Берлинга — 36510 чел.

5. За время с 1941 по конец 1943 г. умерло 11516 чел.

6. Проживают в настоящее время в СССР, (не считая армии Берлинга) примерно 221000 чел.

7. На основании постановления Совнаркома СССР от 15.1—1943 г.[1] была произведена паспортизация лиц ранее состоявших в польском гражданстве.

Причем, за период паспортизации было заполнено анкет на 190942 чел.
учтено детей до 16 лет 66718 "

8. Из числа паспортизированных оказалось:

Советских граждан (без детей) 166791 чел.
польских граждан (без детей) 24151 "

9. Среди бывших польских граждан, зарегистрированных евреев и их детей 81217 "

10. В период паспортизации [а](1943 г.)[а] бывших польских граждан проживали:

В Казахской ССР	—	76942 чел.
в Узбекской ССР	—	25416 "
в Алтайском крае	—	15893 "

[а-а] Вписано от руки чернилами над строкой.

в Красноярском крае	—	14199	"
в Свердловской области	—	12593	"
в Киргизской ССР	—	11029	"
в Челябинской области	—	10257	"
в Коми АССР	—	9186	"
в Новосибирской области	—	8957	"
в Омской области	—	8695	"
в Молотовской области	—	7700	"
в Иркутской области	—	7392	"
в Архангельской области	—	6620	"
в Чкаловской области	—	6064	"
в Кировской области	—	3493	"
в Кемеровской области	—	2977	"
в Вологодской области	—	2904	"
в Башкирской АССР	—	2252	"
в Таджикской АССР	—	2121	"
в Куйбышевской области	—	2108	"
в Горьковской области	—	1942	"
в Марийской АССР	—	1861	"
в Ульяновской области	—	1768	"
в Удмуртской АССР	—	1719	"
в Якутской АССР	—	1523	"
в Татарской АССР	—	1271	"
в Саратовской области	—	1238	"
в Курганской области	—	1217	"
в Грузинской ССР	—	1065	"
в Чувашской АССР	—	948	"
в Ивановской области	—	782	"
в Туркменской ССР	—	572	"
в Ярославской области	—	487	"
в Азербайджанской ССР	—	387	"
в Тамбовской области	—	307	"
в Сталинградской области	—	306	"
в Мордовской АССР	—	254	"
в Калининской области	—	197	"
в Армянской ССР	—	189	"
в Рязанской области	—	150	"
в Читинской области	—	139	"
в Хабаровском крае	—	86	"
в Ставропольском крае	—	23	"
в Северо-Осетинской АССР	—	20	"
в Воронежской области	—	12	"
в Дагестанской АССР	—	5	"

в Грозненской области	—	5	"
в Мурманской области	—	1	"
		256077	чел.

ПРИМЕЧАНИЕ: Бывшие польские граждане имеют право свободного проживания на всей территории СССР в соответствии с существующими положениями для советских граждан.

11. К моменту паспортизации (1943 г.) бывшие польские граждане работали в мелких предприятиях промышленности, сельском хозяйстве, кустарями. Некоторое количество из них, главным образом, членов семей находилось без определенных занятий.

По данным учета на тот период было занято:

а) в промышленности	—	69340	чел.
б) в сельском хозяйстве	—	44852	"
в) служащих	—	7831	"
г) кустари	—	20725	"
д) без определенных занятий	—	46611	"

12. За период после амнистии 1941 года было арестовано за различные преступления бывших польских граждан — 3029 чел.

В том числе:

за отказ от получения советских паспортов — 1583 чел.

13. Постановлением Совнаркома СССР № 359—105с от 5 апреля 1944 года намечено произвести переселение бывших польских граждан из районов Коми АССР, Архангельской области, Молотовской области, Нарымского округа, Новосибирской области, Якутской АССР и Бодайбинского района Иркутской области в южные районы СССР, совхозы Краснодарского и Ставропольского краев, Ростовской, Воронежской и Саратовской областей — 26885 чел.

14. Специально проведенной через местные органы НКВД проверкой учтено, что в перечисленных выше северных районах проживает в настоящее время — 23248 чел.

Переселение будет произведено в начале мая-июня м[еся]цев т.г.

15. На территории СССР имеются следующие учреждения для бывших польских граждан:

детских домов	—	40	(в них 3523 ребенка)
детских садов	—	54	(в них 2587 детей)
школ	—	32	(в них учатся 2782 ребенка)
домов для инвалидов	—	24	(в них 1822 чел.)
амбулаторий	—	7	
больниц стационарных	—	9	

В. Меркулов

АПРФ Ф. 3. Подлинник. На бланке НКВД СССР.
«Kremlin versus Poland 1939—1945. Documents from soviet archives». Selected and edited W. Materski. W-wa, 1996. P. 70—78.

[1] Постановление СНК СССР от 15 января 1943 г. о паспортизации было аналогично постановлению Политбюро ВКП(б) от 15 января 1943 г. (см. № 185).

[2] О положении поляков, выселенных в Казахстан см.: «Из истории поляков в Казахстане (1936—1956 гг.)». Сб. документов. Алматы, 2000. С. 97—252.

№ 219

1945 г., октября 21, Москва. — Записка Л.П. Берии И.В. Сталину относительно участи более 27 тыс. заключенных поляков

№ 1204/б

Сов. секретно
экз. № 1.

Товарищу Сталину И.В.[1]

[а)]В местах заключения НКВД СССР содержится 27 010 польских граждан, поляков по национальности, арестованных и интернированных в 1944—45 гг. на территории Польши в порядке очистки тыла действующей Красной Армии[а)].

НКВД СССР считает возможным из указанного выше количества польских граждан:

[а)]освободить и возвратить в Польшу 12289 человек, арестованных и осужденных за маловажные уголовные преступления, дезертирство из армии и рядовой состав «Армии Крайовой»[а)];

оставить в лагерях НКВД для дальнейшего содержания 14721 человек польских граждан, арестованных за шпионаж в пользу противника, участие в диверсионно-террористических группах, участие в фашистских организациях, а также командный и начальствующий состав «Армии Крайовой».

Прошу Вашего указания.

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР
[б)]Л. Берия[б)]

АПРФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 501. Л. 175а, 175б. Подлинник. На бланке НКВД СССР.
«Kremlin versus Poland 1939—1945». P. 104.

[а-а)] Отчеркнуто на полях.
[б-б)] Подчеркнуто.

[1] В этом же деле имеется аннотация этого документа с резолюцией помощника И.В. Сталина А.Н. Поскребышева: «Тов. Берия. Тов. Сталин согласен. (А.П.)». В нижнем правом углу аннотации помета: «Решено: приказ НКВД № 001301 29/X.45. Директива № 189 от 30/X.45.».

№ 220

1946 г., марта 15, Москва. — Инструкция Правительственной комиссии по Нюрнбергскому процессу главному обвинителю от СССР на Нюрнбергском процессе Р.А. Руденко по «катынскому делу»[1]

В связи с решением Трибунала от 12 марта[2] Трибуналу следует направить от имени обвинения письмо следующего содержания:

«12 марта Трибунал удовлетворил ходатайство защитника подсудимого Геринга д-ра Штаммера[3] о вызове свидетелей в опровержение обвинения в совершенных немцами массовых убийствах польских пленных офицеров в Катынском лесу близ Смоленска в сентябре 1941 г.

Указанное обвинение было подтверждено советским обвинителем путем представления сообщения Спец[иальной] правительственной комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу военнопленных польских офицеров.

Согласно ст. 21 Устава Международного военного трибунала «Трибунал также будет принимать без доказательств официальные правительственные документы и доклады Объединенных Наций, включая акты и документы комитетов, созданных в различных союзных странах для расследования военных преступлений»[4].

Упомянутое выше решение Трибунала является прямым нарушением этой статьи Устава.

Допуская оспаривание доказательства, считающегося согласно ст. 21 бесспорным, Трибунал превышает свои полномочия, так как Устав является для Трибунала законом, обязательным к исполнению.

Только четыре правительства, по соглашению между которыми был принят Устав Трибунала, компетентны вносить в него изменения.

Допущение возможности для зашиты представлять доказательства в опровержение бесспорных доказательств, предусмотренных ст. 21, лишает эту статью всякого значения. Очевидно, что в таком случае обвинение будет вынуждено предоставлять другие доказательства в подтверждение доказательств, упомянутых в ст. 21, тогда как весь смысл этой статьи в том, что указанные в ней документы правительственных органов Объединенных Наций принимаются Трибуналом без доказательств.

Этот вопрос имеет большое принципиальное значение для всего процесса, а решение Трибунала от 12 марта составляет крайне опасный прецедент,

так как оно дает защите возможность бесконечно затягивать процесс путем попыток опровергнуть доказательства, считающиеся согласно ст. 21 бесспорными.

Независимо от изложенных принципиальных соображений, имеющих для данного вопроса основное и решающее значение, нельзя обойти молчанием и тот факт, что Трибунал счел возможным вызвать в качестве свидетелей таких лиц, как Арнсс, Рекст, Хотт и др., которые, как видно из представленного Трибуналу сообщения, являются непосредственными исполнителями злодеяний, совершенных немцами в Катыни и, согласно декларации глав трех правительств от 1 ноября 1943 г.[5], должны быть судимы за свои преступления судом той страны, на территории которой эти преступления были совершены.

Вследствие изложенного, я считаю необходимым настаивать на пересмотре упомянутого выше решения Трибунала, как прямо нарушающего Устав Международного военного трибунала».

Руденко[6] необходимо предварительно переговорить с другими обвинителями, делая при этом упор на принципиальное значение допущенного Трибуналом процессуального нарушения и на возможность использования защитой решения Трибунала от 12 марта в качестве прецедента, который может серьезно повлиять на весь дальнейший ход процесса. Всего лучше было бы, если бы удалось добиться того, чтобы приведенное выше письмо было направлено Трибуналу от имени комитета обвинителей. Если этого добиться не удастся, желательно заручиться поддержкой хотя бы некоторых из обвинителей.

Если Трибунал все же оставит в силе прежнее решение, Руденко должен будет заявить Трибуналу, что Советское обвинение ограничилось оглашением одних только выводов из сообщения Специальной комиссии, так как это доказательство, в соответствии со ст. 21 Устава, является бесспорным.

Поскольку Трибунал стал на другую точку зрения, Советское обвинение будет вынуждено на основании ст. 24, п[ункт] «е» Устава[7]:

1. Просить Трибунал приобщить к делу все постановление Специальной комиссии и

2. Предоставить Трибуналу со своей стороны дополнительные списки свидетелей и экспертов, допрос которых будет являться необходимым при тех условиях, которые создались в результате принятого Трибуналом решения.

Если Лоуренс[8] спросит, кого Советское обвинение намеренно вызвать и когда оно представит списки своих свидетелей и экспертов, Руденко должен ответить, что он наводит справки о местонахождении лиц, подлежащих допросу и по получении таких справок немедленно представит список Трибуналу.

Выясните подробно и сообщите, какое отношение к делу имеют указанные в заявлении Штаммера генерал-майор Оберхаузер[9] и старший лейтенант Берг[10].

Получение подтвердите.

Помета в левом верхнем углу 1-го листа: «Отправлена телеграмма».

ГАРФ. Ф. 7445. Оп. 2. Д. 391. Л. 61–63. Копия.

[1] См. также №№ 221, 222. Правительственная комиссия по Нюрнбергскому процессу, или как она официально именовалась «Комиссия по руководству подготовкой обвинительных материалов и деятельности советских представителей в Международном военном трибунале (МВТ) в Нюрнберге», была создана постановлением СНК СССР от 5 сентября 1945 г., подтвержденному решением Политбюро ЦК ВКП(б) 27 сентября 1945 г. Ее председателем стал А.Я. Вышинский; членами: нарком госбезопасности В.Н. Меркулов, [генеральный] прокурор СССР К.П. Горшенин, начальник главного управления контрразведки НКГБ СССР («СМЕРШ») В.С. Абакумов, председатель Верховного суда И.Г. Голяков, нарком юстиции СССР Н.М. Рычков.

[2] Заместитель главного обвинителя от СССР Ю.В. Покровский, выступая 14 февраля 1946 г. по разделу «Преступное попрание законов и обычаев войны об обращении с военнопленными», внес в качестве доказательства СССР–54 основные выводы из «Сообщения Специальной комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу военнопленных польских офицеров» (см. № 215). Однако адвокат Геринга О. Штаммер 3 марта внес ходатайство о вызове нескольких свидетелей в опровержении этого «Сообщения». 12 марта МВТ счел возможным удовлетворить это ходатайство.

[3] Штаммер Отто, немецкий адвокат, вступил в адвокатуру в 1907 г. В 1939–1945 гг. юрисконсульт германского флота, в 1945 г. — председатель палаты адвокатов провинций Шлезвиг-Гольштейн, на Нюрнбергском процессе, будучи защитником Геринга, являлся негласным лидером защитников всех подсудимых.

[4] Текст Устава см.: Нюрнбергский процесс. Сб. материалов в 8 томах. Т. 1., М., 1981. С. 146–153.

[5] Имеется в виду «Декларация об ответственности гитлеровцев» от 30 октября 1943 г., подписанная Ф.Д. Рузвельтом, У. Черчиллем и И.В. Сталиным. См. подробнее: Н.С. Лебедева. Подготовка Нюрнбергского процесса. М., 1975. С. 22–24.

[6] Руденко Роман Андреевич (1907–1981) — в годы войны в органах Прокуратуры СССР, с 1944 г. — прокурор УССР, в 1945–46 гг. главный обвинитель от СССР на Нюрнбергском процессе, в 1953–81 гг. генеральный прокурор СССР.

[7] Пункт «е» ст. 24 предусматривал: «Допрашиваются свидетели обвинения, а затем свидетели защиты, после чего обвинитель или защитник представляют такие доказательства в опровержении доказательств, представленных другой стороной, какие Трибунал признает допустимыми».

[8] Лоуренс Джеффри (1880–1947) — лорд-судья Великобритании, на судейских должностях с 1906 г., в сентябре 1945 г. был назначен членом Международного военного трибунала от Великобритании и затем избран председателем МВТ.

[9] Оберхойзер Евгений, генерал-лейтенант вермахта, начальник отдела связи группы армий «Центр», в непосредственном подчинении которого находился штаб 537-го батальона. Вызывался Трибуналом в качестве свидетеля защиты.

[10] Берг — один из офицеров 537-го батальона.

№ 221

1946 г., марта 18, Нюрнберг. — Представление главного обвинителя от СССР Р.А. Руденко Международному военному трибуналу в связи с решением удовлетворить ходатайство О. Штаммера о вызове свидетелей по катынскому вопросу

Уважаемому Трибуналу

12 марта 1946 г. Трибунал удовлетворил ходатайство защитника подсудимого Геринга — доктора Штаммера о вызове свидетелей в опровержение обвинения в совершенном немцами массовом уничтожения польских пленных офицеров в Катынском лесу близ Смоленска в сентябре 1941 г.

Указанное обвинение было подтверждено советским обвинителем путем представления Сообщения Специальной правительственной комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу военнопленных польских офицеров.

Согласно ст. 21 Устава Международного военного трибунала, «Трибунал также будет принимать без доказательств официальные правительственные документы и доклады Объединенных Наций, включая акты и документы комитетов, созданных в различных союзных странах для расследования военных преступлений».

Упомянутое выше решение Трибунала является прямым нарушением этой статьи Устава.

Допуская оспаривание доказательств, считавшихся согласно ст. 21 бесспорными, Трибунал превышает свои полномочия, т.к. Устав является для Трибунала законом. Только четыре правительства, по соглашению между которыми был принят Устав Трибунала, компетентны вносить в него изменения.

Допущение возможности для защиты представлять доказательства в опровержение бесспорных доказательств, предусмотренных ст. 21, лишает эту статью всякого значения.

Очевидно, что в таком случае обвинение будет вынуждено представлять другие доказательства в подтверждение доказательств, упомянутых в ст. 21, тогда как весь смысл этой статьи в том, что указанные в ней документы правительственных органов Объединенных Наций принимаются Трибуналом без доказательств.

Этот вопрос имеет большое принципиальное значение для всего процесса, а решение Трибунала от 12 марта 1946 года составляет крайне опасный прецедент, т.к. оно дает защите возможность бесконечно затягивать процесс путем попыток опровергнуть доказательства, считающиеся согласно ст. 21 бесспорными.

Независимо от изложенного принципиального соображения, имеющего для данного вопроса основное и решающее значение, нельзя обойти молчанием и тот факт, что Трибунал считал возможным вызвать в качестве свидетелей таких лиц, как Арнс, Рекст, Хотт и др., которые, как видно из представленного Трибуналу сообщения, являются непосредственными исполнителями злодеяний, совершенных немцами в Катыне, и, согласно декларации глав трех правительств от 1.11.1943 г., должны быть судимы за свои преступления судом той страны, на территории которой эти преступления были совершены.

Вследствие изложенного я считаю необходимым настаивать на пересмотре упомянутого выше решения Трибунала, как прямо нарушающего Устав Международного военного трибунала[1].

Главный обвинитель от СССР
генерал-лейтенант
(Р. Руденко)

ГАРФ. Ф. 7445, Оп. 2. Д. 6. Л. 256–257. Копия.

[1] См. №№ 215, 220, 222, 223. Главные обвинители от США, Великобритании и Франции уклонились от участия в демарше по катынскому вопросу. Вопреки представлению Р.А. Руденко, МВТ оставил в силе свое решение от 12 марта 1946 г.

№ 222

1946 г., марта 21, Москва. — «Запись заседания Правительственной комиссии по Нюрнбергскому процессу»[1]

Запись заседания Правительственной комиссии
по Нюрнбергскому процессу 21.III.1946 года.

Присутствовали:

Тов. Вышинский,
Тов. Меркулов,
Тов. Горшенин,
Тов. Абакумов,
Тов. Рычков,
Тов. Голяков,
Тов. Лавров.[2]

После информации тов. Вышинского о ходе процесса Комиссия решила подготовить материалы по катынскому вопросу.

1. Подготовить болгарских свидетелей, для чего командировать в Болгарию нашего представителя. Исполняет т. Абакумов.

2. Подготовить три-пять наших свидетелей и двух медицинских экспертов (Прозоровский, Семеновский и Смольянинов). Исполняет тов. Меркулов.

3[а]. Подготовить польских свидетелей и их показания. Исполняет тов. Горшенин (через т. Сафонова с т. Савицким[3]).[а]

4. Приготовить подлинные документы, найденные при трупах, а также протоколы медицинского обследования этих трупов. Исполняет тов. Меркулов.

5. Подготовить документальный фильм о Катыне. Исполняет тов. Вышинский.

6. Тов. Меркулов подготовит свидетеля-немца, который был участником немецкой провокации в Катыне.

Записал: И. Лавров
22.III.

верно: Васильева[4]

Разослано:
т.т. Меркулову, [б]Горшенину[б] , т.т. Голякову, Абакумову, Лаврову, Рычкову в дело (2) евс-7; 22.III.46. исх. № [в]109-В[в]

ГАРФ. Ф. 7445. Оп. 2. Д. 391. Л. 49. Заверенная копия.

[1] См. № 224, 226.
[2] И. Лавров — секретарь Правительственной комиссии по Нюрнбергскому процессу.
[3] Сафонов Григорий Николаевич (1904—1972), с мая 1939 г. начальник отдела Прокуратуры СССР, с декабря 1939 г. — заместитель Прокурора (с марта 1946 г. — генерального прокурора); Савицкий — ответственный сотрудник Прокуратуры СССР.
[4] Васильева — делопроизводитель Комиссии.

№ 223

1946 г., мая 24. Москва. — Протокол заседания Комиссии по руководству Нюрнбергским процессом[1]

2625в

Секретно

Протокол №[г]
заседание Комиссии по руководству
Нюрнбергским процессом 24 мая 1946 года

[а-а] Отчеркнуто карандашом на полях двумя чертами.
[б-б] Подчеркнуто чернилами.
[в-в] Номер вписан от руки чернилами и подчеркнут.
[г] Номер протокола не проставлен.

Присутствуют: тт. Вышинский А.Я., Круглов С.Н., Голяков И.Г., Рычков Н.М., [б]Сафонов Г.Н.[б], Смирнов Л.Н., Богоявленский П.И., Шейнин Л.Р. и Трайнин А.Н.[2]

I. Слушали:

О подготовке и отборе материалов по делу немецкой провокации в Катыни.

Решили: 1. Поручить комиссии в составе т.т. Райхмана (созыв), Шейнина и Трайнина А.Н. в 5-дневный срок ознакомиться со всеми имеющимися материалами о немецкой провокации в Катыни и выделить те из документов, которые могут быть использованы на Нюрнбергском процессе для разоблачения немецкой провокации в Катыни.

2. Считать целесообразным наметить в качестве свидетелей по катынскому делу следующих лиц:

а) митрополит Николай,

б) Базилевский,

в) Колесников [в](РОКК)[в]

Поручить Комиссии (п. 1) наметить дополнительно двух свидетелей.

Одновременно поручить этой же комиссии обеспечить вызов всех свидетелей в Москву и договориться с т. Горшениным и т. Руденко относительно возможного срока прибытия свидетелей в Нюрнберг.

II. Слушали:

Проект письма т.Никитченко[3] членам Международного военного трибунала об ускорении проведения Нюрнбергского процесса.

Решили: 1. Считать целесообразным рассылку письма т. Никитченко членам Международного военного трибунала.

2. Согласиться с текстом письма с поправками в п.п. 3 и 5.

Председатель совещания
А. Вышинский
Секретарь
М. Грибанов[4]

11 эк[з.]

Помета: В левом верхнем углу 1-го листа виза, идентифицировать которую не удалось. Возможно, это виза Сафонова.

ГАРФ. Ф. 7445. Оп. 2. Д. 391. Лл. 50—51. Подлинник.

[б-б] Подчеркнуто от руки.

[в-в] Видимо: Российское общество Красного Креста (С.А. Колесников являлся председателем Исполкома СОКК и КП).

[1] См. №№ 220, 221.

[2] С.Н. Круглов с 29 декабря 1945 г. являлся наркомом, затем министром внутренних дел СССР, П.И. Богоявленский — ответственным секретарем Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию немецко-фашистских злодеяний, Л.Н. Смирнов и Л.Р. Шейнин — обвинителями в составе советской делегации на Нюрнбергском процессе, А.Н. Трайнин — ее научным консультантом.

[3] Никитченко Иона Тимофеевич (1895—1968) — генерал-майор юстиции, член РСДРП(б) с 1916 г., занимал руководящие посты в судебных органах СССР. Будучи зам. председателя Верховного суда СССР, в июне 1945 г. был командирован в Лондон для участия в переговорах о создании Международного военного трибунала для суда над главными военными преступниками, участвовал в выработке соглашения СССР, США, Великобритании и Франции по этому вопросу и Устава МВТ, подписанных 8 августа 1945 г. На Нюрнбергском процессе являлся членом МВТ от СССР.

[4] Грибанов Михаил Григорьевич (1906—1987), в 1941—46 гг. сотрудник центрального аппарата НКИД (МИД) СССР, в 1946—47 гг. советник миссии СССР в Швейцарии, впоследствии посол в Норвегии и ответственный работник центрального аппарата МИД СССР.

№ 224

1946 г. июня 11, Москва. — «Протокол № 7 заседания комиссии по руководству Нюрнбергским процессом»

Сов. секретно

Протокол № 7
заседания Комиссии по руководству Нюрнбергским процессом
11 июня 1946 г.

Присутствуют: тт. Вышинский, Круглов, Рычков, Голяков, [a)]Сафонов[a)], Трайнин, Богоявленский.

I. Обсуждали вопрос о вызове свидетелей в Нюрнберг по катынскому делу[1].

Решено: В качестве свидетелей по катынскому делу вызвать следующих лиц:

1. Алексеева Анна Михайловна, 1916 г. рождения, колхозница колхоза им. Сталина Катынского сельсовета, с августа—сентября [1941 г.] по февраль 1942 г. работала в качестве обслуживающей в «штабе 537 батальона»[2].

2. Базилевский Борис Васильевич, 1905 г. рождения, профессор астроном, в период оккупации Смоленска немцами был силой принужден занять пост заместителя бургомистра[3].

[a)] Подчеркнуто от руки.

3. Иванов Сергей Васильевич, 1882 г. рождения, бывший железнодорожник, пенсионер. До оккупации дороги исполнял обязанности начальника отделения движения смоленского участка. В период оккупации был переездным сторожем на станции Гнездово[4].

4. Савватеев Иван Васильевич, 1880 г. рождения, бывший железнодорожник, пенсионер. До оккупации — дежурный по станции Гнездово. В период оккупации — сторож той же станции[5].

5. Шнейдер Людвиг, 1923 г. рождения, уроженец Саарбрюкена, немец. В немецкой армии служил с 1942 г., обер-ефрейтор, военнопленный[6].

6. Марков Марко, болгарин, доктор, профессор судебной медицины Софийского университета. В 1943 г. был привлечен немцами к участию в работах «международной комиссии» по катынскому делу. Подписал немецкий протокол экспертизы. Однако, впоследствии разоблачал катынскую провокацию[7].

7. Прозоровский Виктор Ильич, 1901 г. рождения, профессор, директор Научно-исследовательского института судебной медицины, эксперт Министерства здравоохранения СССР. Возглавлял судебно-медицинскую экспертную комиссию, расследовавшую факт расстрела немцами военнопленных поляков в Катынском лесу.

8. Сухачев Павел Федорович, 1912 г. рождения, русский, беспартийный, инженер московского завода министерства пищевой промышленности СССР. В 1941 г. был в плену у немцев и находился в Смоленском лагере для военнопленных № 126. С декабря 1942 г. работал на смоленской городской мельнице.

II. Поручить т. Райхману и т. Шейнину обеспечить отправку свидетелей, в сопровождении сотрудников Министерства государственной безопасности, в Нюрнберг 12 июня.

III. О подборе дополнительных документов по разоблачению немецкой провокации в Катыне.

Решено: Запросить т. Горшенина, какие по ходу дела процесса необходимы дополнительные документы, разоблачающие провокацию немцев в Катыни, в частности, показания Базилевского о его беседах с бывшим бургомистром Смоленска адвокатом Меньшагиным[8].

IV. О руководстве Комиссией на время отъезда в Париж т. Вышинского.

Договорились, что на время отъезда т. Вышинского на сессию Совета Министров в Париж, руководство Комиссией и контроль за ходом процесса в Нюрнберге будет осуществлять министр юстиции СССР т. Рычков.

Председатель (Вышинский)
Секретарь (Грибанов)
С п[одлинным] верно: М. Грибанов

4 эк[з.]

В верхнем левом углу 1-го листа та же виза, что и на протоколе от 24 мая (см. № 223) и резолюция:«Королеву».

ГАРФ. Ф. 7445. Оп. 2. Д. 391. Л. 52—53. Заверенная копия.

[1] См. №№ 220, 221, 222, 223.

[2] А.М. Алексеева была допрошена работниками НКВД СССР осенью 1943 г. В качестве сотрудничавшей с немцами гражданки она подпадала под действие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г., предусматривавшего суровое наказание, вплоть до смертной казни через повешение. Соответственно она подписала все, что ей было сказано, и затем повторила это перед Комиссией Бурденко и во время встречи с иностранными журналистами в Смоленске 22 января 1944 г. Будучи вызвана в военную прокуратуру, она 31 января 1991 г. отказалась от своих показаний. Алексеева заявила, что не видела и не знала ни о каких расстрелах. (См. I. Jazborowska, A. Jablokow, J. Zoria. Katyń. Zbrodnia chroniona tajemnica państwową. W-wa, 1998. S. 251—252.

[3] Б.В. Базилевский вместе с М. Марковым и В.И. Прозоровским был вызван в суд в качестве свидетеля обвинения на Нюрнбергском процессе. Он как заместитель бургомистра Смоленска во время немецко-фашистской оккупации также подпадал по действие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. Вместе с другими коллаборационистами Базилевский был арестован органами НКВД-НКГБ после освобождения Смоленска, но, дав нужные следствию показания, был освобожден. Давал показания и перед Комиссией Бурденко, и в ходе пресс-конференции в Смоленске 22 января 1944 г.

[4] Иванов С.В. — дал показания немецким властям о выгрузке на станции Гнездово весной 1940 г. польских военнопленных и их транспортировке на «воронках» вглубь леса. Будучи арестованным в октябре 1943 г. органами НКВД-НКГБ, дал нужные им показания, которые повторил и перед Комиссией Бурденко, и в ходе пресс-конференции в Смоленске 22 января 1944 г.

[5] Савватеев И.В. на допросах в НКВД и перед Комиссией Бурденко подтвердил показания С.В. Иванова.

[6] О показаниях Л. Шнейдера см. I. Jazborowska, A. Jablokow, J. Zoria, Op. cit. S. 238, 256.

[7] Марко Марков, болгарский судмедэксперт, подписал заключение Комиссии судмедэкспертов, созванной немецкими властями, которая констатировала время расстрела — весна 1940 г. Будучи привлечен в качестве подсудимого на процессе «болгарских участников винницкого и катынского дел», он вынужден был изменить свое мнение и согласился дать показания на Нюрнбергском процессе. В результате он был оправдан болгарским судом.

[8] Б.Г. Меньшагин был арестован органами НКВД-НКГБ 28 мая 1945 г. и содержался в тюрьме, в одиночной камере многие годы. См. о нем: Катынская драма. С. 161—164.

№ 225

1952 г., февраля 29, Москва. — Нота Посольства СССР в США Госдепартаменту США в связи с работой Комитета Конгресса США по «катынскому делу»[1]

При этом Посольство возвращает препровожденное Госдепартаментом сьмо Мэддена с приложенным к нему текстом резолюции палаты предстателей [Конгресса] от 18 сентября 1951 г., как нарушающее общепринятые рмы международных отношений и оскорбительное для Советского Союза.
Посольство напоминает, что:
1. Вопрос о катынском преступлении еще в 1944 г. был расследован офиальной Комиссией и было установлено, что катынское дело является дем гитлеровских преступников, о чем было опубликовано в печати 26 янва- 1944 г.;
2. Против такого заключения Комиссии правительство США не заявляло каких возражений в течение восьми лет, вплоть до последнего времени.
Посольство считает, ввиду этого, необходимым заявить, что возбуждение проса о катынском преступлении через восемь лет после заключения офиальной Комиссии может преследовать лишь цели оклеветать Советский юз и реабилитировать таким образом общепризнанных гитлеровских пре-упников.
При сем прилагается вышеупомянутое сообщение официальной Комиссии атынском преступлении.

ч. по: Правда, 3 марта 1952 г.

!5 февраля 1952 г. Государственный департамент США прислал на имя советско-о посла в США А.С. Панюшкина письмо Р. Мэддена (вместе с приложенной к нему резолюцией палаты представителей Конгресса от 18 сентября 1951 г.), являвшегося председателем Комитета палаты представителей Конгресса США по асследованию «Катынского дела». В своем письме Мэдден выразил желание получить от советского правительства сведения относительно убийства военнолленных польских офицеров. 29 февраля посольство СССР направило Госдепар-аменту США данную ноту и сообщение Специальной комиссии, опубликованное в советской печати 26 января 1944 г. (см. № 215).

226

52, декабрь, Вашингтон. — Выдержка из заключения Специального Котета по проведению расследования злодеяния в Катынском лесу, учрежнного палатой представителей Конгресса США

Комитет, не допуская и тени сомнения, единогласно пришел к выводу, что КВД СССР (Народный комиссариат внутренних дел) совершил массовые ийства польских офицеров и представителей интеллигенции в Катынском су, в России, близ Смоленска.
Со всей ясностью установлено, что примерно пятнадцать тысяч польских еннопленных были интернированы зимой 1939—1940 гг. в трех советских

лагерях — в Козельске, Старобельске и Осташкове. С весны 1940 г. этих людей, за исключением четырехсот военнопленных, никто не видел, и о них ничего не слышали. В 1943 г., когда немцы оккупировали эту территорию, то они объявили, что в Катыни захоронено одиннадцать тысяч поляков. Русские освободили от немцев эту территорию в сентябре 1943 г. и также заявили, что в массовых могилах покоятся 11 тыс. поляков.

Показания, выслушанные Комитетом, многократно фиксировали факт, что в Катынском лесу были казнены только интернированные в Козельске военнопленные. Данные официальных лиц польского отделения Красного Креста со всей определенностью установили, что в действительности были эксгумированы тела 4143 человек из семи массовых могил. Основываясь на других показаниях, мы пришли также к убеждению, что остальные из пятнадцати тысяч польских заключенных — то есть те, кто был интернирован в Старобельск и Осташков, были казнены таким же жестоким образом. От находившихся в Старобельске избавились под Харьковом, и подобная участь ждала тех, кто содержался в Осташкове. Некоторыми свидетелями были представлены показания о том, что заключенные Осташкова были погружены на баржи и затоплены в Белом море[1]. Таким образом, комитет полагает, что в России есть по меньшей мере две других «Катыни»[...][2]

Комитет единогласно рекомендует палате представителей одобрить его выводы и принять специальную резолюцию[...]

3. Просить, чтобы были приняты соответственные шаги Генеральной Ассамблеи [ООН] с целью получить возможность выступить в Международном всемирном Суде по обвинению Союза Советских Социалистических Республик в совершении катынского преступления, которое нарушило основополагающие принципы, признаваемые цивилизованными нациями.

4. Запросить, чтобы президент Соединенных Штатов дал указание американской делегации добиваться создания международной комиссии, которая расследовала бы другие массовые убийства и преступления против человечности.

Рэй Мэдден, председатель; Даниэль Дж. Флуд, Тадеуш М. Махрович, Джордж А. Дондеро, Альвин Э. О'Конский, Тимоти П. Шихан.

Печ. по: House of Representatives. Select Committee. Hearings on the Katyn Massacre. 82nd, Congress. Washington, 1952, House Report, no. 2505, Conclusions of the Select Committee. Wash., 1952. P. 8864.

[1] Эти свидетельства оказались не достоверными. Военнопленные из Осташковского лагеря были расстреляны в Калинине в здании УНКВД и захоронены в окрестностях селения Медное.

[2] Места захоронений польских офицеров из Старобельского (в лесопарковой зоне, близ Харькова) и полицейских из Осташковского лагеря (близ селения Медное) удалось обнаружить лишь после обнародования в 1990 г. найденных

Н.С. Лебедевой, В.С. Парсадановой и Ю.Н. Зорей документов о судьбе польских военнопленных в СССР.

№ 227

1959 г., марта 3, Москва. — Записка председателя Комитета государственной безопасности при Совете министров СССР А.Н.Шелепина[1] первому секретарю ЦК КПСС Н.С. Хрущеву с проектом постановления Президиума ЦК КПСС об уничтожении дел по операции, санкционированной решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г.

№ 632-щ

Особая папка
Сов. секретно

Товарищу Хрущеву Н.С.

В Комитете государственной безопасности при Совете Министров СССР с 1940 года хранятся учетные дела и другие материалы на расстрелянных в том же году пленных и интернированных офицеров, жандармов, полицейских, осадников, помещиков и т.п. лиц бывшей буржуазной Польши. Всего по решениям специальной тройки НКВД СССР было расстреляно 21857 человек, из них: в Катынском лесу (Смоленская область) 4421 человек, в Старобельском лагере близ Харькова 3820 человек, в Осташковском лагере (Калининская область) 6311 человек и 7305 человек были расстреляны в других лагерях и тюрьмах Западной Украины и Западной Белоруссии.

Вся операция по ликвидации указанных лиц проводилась на основании Постановления ЦК КПСС от 5 марта 1940 года. Все они были осуждены к высшей мере наказания по учетным делам, заведенным на них как на военнопленных и интернированных в 1939 году.

С момента проведения названной операции, т.е. с 1940 года никаких справок по этим делам никому не выдавалось и все дела в количестве 21857 хранятся в опечатанном помещении.

Для Советских органов все эти дела не представляют ни оперативного интереса, ни исторической ценности. Вряд ли они могут представлять действительный интерес для наших польских друзей. Наоборот, какая-либо непредвиденная случайность сможет привести к расконспирации проведенной операции, со всеми нежелательными для нашего государства последствиями. Тем более, что в отношении расстрелянных в Катынском лесу существует официальная версия, подтвержденная произведенным по инициативе Советских органов власти в 1944 году расследованием Комиссии, именовавшейся: «Специальная комиссия по установлению и расследованию расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу военнопленных польских офицеров».

Согласно выводам этой комиссии все ликвидированные там поляки считаются уничтоженными немецкими оккупантами. Материалы расследования в тот период широко освещались в советской и зарубежной печати. Выводы комиссии прочно укрепились в международном общественном мнении.

Исходя из изложенного, представляется целесообразным уничтожить все учетные дела на лиц, расстрелянных в 1940 году по названной выше операции.

Для исполнения могущих быть запросов по линии ЦК КПСС или Советского правительства можно оставить протоколы заседаний тройки НКВД СССР, которая осудила указанных лиц к расстрелу и акты о приведении в исполнение решений троек[2]. По объему эти документы незначительны и хранить их можно в особой папке.

Проект постановления ЦК КПСС прилагается.

Председатель Комитета Государственной
безопасности при Совете министров СССР
А. Шелепин

3 марта 1959 года

[Приложение]

Проект
Сов. секретно

Постановление Президиума ЦК КПСС

от _____ 1959 года

Разрешить Комитету Государственной Безопасности при Совете Министров СССР ликвидировать все дела по операции проведенной в соответствии с Постановлением ЦК [а)]КПСС[а)] от 5 марта 1940 года, кроме протоколов заседаний тройки НКВД СССР[2].

АПРФ. Ф. 3. Закрытый пакет № 1. Подлинник. Рукопись. «Катынь...» С. 601—603.

[1] Шелепин Александр Николаевич (1918—1994), член ЦК ВКП(б) (КПСС) с 1952 г., в 1952—58 гг. 1-й секретарь ЦК ВЛКСМ, в 1958—61 гг. председатель КГБ при СМ СССР, в 1962—65 гг. зам. председателя Совмина СССР и председатель Комитета партийно-государственного контроля.

[а-а)] Так в тексте. Правильно ВКП(б).

[2] По данным одного из ветеранов органов госбезопасности, Н.С. Хрущев распорядился уничтожить не только учетные дела, но и протоколы «тройки», а также акты о приведении приговоров в исполнение. См. также № 237.

№ 228

1971 г., апреля 15, Москва. — Выписка из протокола № 1 заседания Политбюро ЦК КПСС «О представлении МИД Англии в связи с антисоветской кампанией вокруг так называемого «Катынского дела»[1]

Сов. секретно

№ П1/35

Т.т. Брежневу, Косыгину, Суслову, Андропову, Катушеву, Пономареву, Громыко, Русакову[2]

Выписка из протокола № 1 заседания Политбюро ЦК КПСС от 15 апреля 1971 года

О представлении МИД Англии в связи с антисоветской кампанией вокруг так наз[ываемого] «Катынского дела»

Утвердить проект указаний совпослам в Лондоне и Варшаве (прилагается)

Секретарь ЦК

[Приложение]
К пункту 35 прот[окола] № 1
Секретно

Лондон — Совпосол
Копия: Варшава — Совпосол

Посетите МИД Англии и заявите следующее:

«По имеющимся у посольства сведениям, телевизионная компания Би-Би-Си намеревается показать подготовленный ею враждебный Советскому Союзу фильм о так называемом «Катынском деле». К этому же времени приурочено опубликование в Англии клеветнической книги о Катынской трагедии.

Английской стороне хорошо известно, что виновность гитлеровцев за это преступление неопровержимо доказана авторитетной Специальной комиссией, которая провела на месте расследование этого преступления тотчас же после изгнания из района Смоленска немецких оккупантов[3].

В 1945—46 г.г. Международный военный трибунал в Нюрнберге признал главных немецких военных преступников виновными в проведении политики истребления польского народа и в частности, в расстреле польских военнопленных в Катынском лесу[4].

В этой связи не может не вызвать удивления и возмущения стремление некоторых кругов в Англии вновь вытащить на свет инсинуации геббельсовской пропаганды с тем, чтобы очернить Советский Союз, народ которого своей пролитой кровью спас Европу от фашистского порабощения.

Посольство ожидает, что Министерство иностранных дел и по делам Содружества примет надлежащие меры к недопущению распространения в Англии упомянутых выше клеветнических материалов, рассчитанных, по замыслу их авторов, на то, чтобы вызвать ухудшение отношений между нашими странами».

Текст представления можете оставить собеседнику.

Исполнение телеграфируйте.

(Только для Варшавы: Информируйте МИД ПНР о данных указаниях совпослу в Лондоне).

АПРФ. Ф. 3. Оп. 78. Д. 1617. Л. 51—53. Копия. На бланке для выписки из протоколов Политбюро ЦК КПСС.
«Dokumenty Katynia Decyzja». W-wa, 1992. S. 50—52.

[1] 12 апреля 1971 г. министр иностранных дел СССР А.А. Громыко направил в Политбюро ЦК КПСС письмо, в котором говорилось, что в Англии раздувается антисоветская пропагандистская кампания вокруг «Катынского дела». Министр констатировал, что в прессе публикуются различного рода «воспоминания очевидцев». 19 апреля ожидался выход в свет книги «Катынь—беспрецедентное преступление» (имелась в виду монография Л. Фитцгиббона). Телекомпания Би-Би-Си намеревалась в этот же день показать подготовленный ею документальный фильм. А.А. Громыко предлагал поручить Совпосольству в Лондоне сделать представление МИД Англии в связи с этой кампанией и информировать об этом «польских друзей». Предлагался и проект этого представления.

[2] Брежнев Леонид Ильич (1906—1982), в 1956—60 — секретарь ЦК КПСС, в 1960—64 — председатель Президиума Верховного Совета СССР, в 1964—66 — 1-й секретарь ЦК КПСС, затем генеральный секретарь ЦК КПСС, с 1977 одновременно председатель Президиума Верховного Совета СССР.

Косыгин Алексей Николаевич (1904—1980), в 1940—53 зам. председателя СНК (Совмина) СССР, в 1964—1979 председатель Совмина СССР.

Суслов Михаил Андреевич (1902—1982) с 1947 — секретарь ЦК ВКП(б), с 1948 зав. отделом внешних сношений ЦК ВКП(б) (КПСС), в конце 60-х — начале 80-х главный идеолог партии.

Андропов Юрий Владимирович (1914—1984), в 1962—67 — секретарь ЦК КПСС, в 1967—82 — председатель КГБ при Совете Министров СССР, с ноября 1982 гене-

ральный секретарь ЦК КПСС, с июля 1983 — одновременно председатель Верховного Совета СССР.

Катушев Константин Федорович (р. 1927), в 1968—77 — секретарь ЦК КПСС, в 1977—82 — заместитель председателя Верховного Совета СССР.

Пономарев Борис Николаевич (1905—1999), с 1947 — зав. отделом внешней политики ЦК ВКП(б), затем международным отделом ЦК ВКП(б) (КПСС).

Громыко Андрей Андреевич (1909—1989), в 1943—46 —посол СССР в США, затем представитель СССР при ООН, зам. министра иностранных дел. В 1957—85 — министр иностранных дел СССР, в 1961—1986 — секретарь ЦК КПСС, в 1973—88 — член Политбюро ЦК КПСС, с 1985 — председатель Президиума Верховного Совета СССР.

Русаков Константин Викторович (1909—1993), в 1968—72 — зав. отделом ЦК КПСС, в 1972—77 — помощник генерального секретаря ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС.

[3] Имеется виду Комиссия Бурденко. См. №№ 206—215.

[4] См. №№ 220—224. В Приговоре Международного военного трибунала о Катынском расстреле польских офицеров вообще не упоминалось. Судя по репликам членов МВТ в ходе допросов свидетелей защиты и обвинения, они не поверили показаниям ни тех, ни других. Фактически в Нюрнберге, «катынское дело» не было сколько-нибудь прояснено.

№ 229

1972 г., сентября 8, Москва. — Выписка из протокола № 60 заседания Политбюро ЦК КПСС о представлении английскому посольству в Москве в связи с катынской проблемой[1]

Сов. секретно

№ П60/46

Т.т Брежневу, Косыгину, Суслову, Андропову, Пономареву, Катушеву, Громыко, Смиртюкову[2]

Выписка из протокола № 60 заседания Политбюро ЦК КПСС от 8 сентября 1972 года

О представлении английскому посольству в Москве в связи с антисоветской кампанией в Англии вокруг предполагаемого строительства в Лондоне памятника жертвам Катыни»[1]

1. Утвердить проект устного представления[3] английскому посольству в Москве по этому вопросу (прилагается).

2. Поручить МИД СССР информировать польских друзей о нашем представлении англичанам, а также поинтересоваться их намерениями в этой связи.

Секретарь ЦК

[Приложение]
К пункту 46 прот[окола] № 60

Текст устного заявления
английскому посольству в
Москве

В последнее время в Англии вновь предпринимаются попытки во враждебных Советскому Союзу целях раздуть клеветническую выдумку геббельсовской пропаганды о так называемом катынском деле. Для этого определенными реакционными кругами инсценирована кампания по сбору средств на строительство в Лондоне «памятника жертвам Катыни». По данным английской прессы, инициаторы кампании уже получили согласие местных властей установить такой «памятник-обелиск» в лондонском районе Кенсингтон-Челси.

Как хорошо известно английскому правительству, ответственность гитлеровцев за преступление, совершенное ими в Катынском лесу в отношении польских военнопленных, была неопровержимо доказана авторитетной Специальной комиссией, которая на месте расследовала это преступление сразу после изгнания немецких захватчиков из района Смоленска. Это нашло свое отражение и в соответствующих материалах Международного военного трибунала в Нюрнберге, который признал главных немецких военных преступников виновными в проведении политики планомерного истребления польского народа в годы второй мировой войны.

В свете этого упомянутая выше антисоветская кампания вокруг затеи с «памятником» не может не вызвать законных чувств глубокого возмущения в Советском Союзе, народы которого принесли огромные жертвы ради спасения Европы от фашистского порабощения.

Министерство выражает надежду, что английское правительство примет все надлежащие меры со своей стороны для противодействия этой провокационной акции, которая может лишь причинить ущерб советско-английским отношениям.

Помета в нижней части 1-го листа: «см. П80/12 от 2/III.», то есть Протокол 80, пункт 12 от 2 марта [1973 г.]

АПРФ. Ф. 3. Оп. 78. Д. 1617. Л. 92—94. Копия. На бланке для выписок из протоколов Политбюро ЦК КПСС.

«Dokumenty Katynia Decyzja». S. 54 (без текста приложения).

[1] 7 сентября 1972 г. первый заместитель министра иностранных дел СССР В.В. Кузнецов обратился в ЦК КПСС от имени МИД СССР с предложением сделать представление английскому правительству в связи с кампанией по сбору средств на строительство в Лондоне «памятника жертвам Катыни». Его записка была разослана членам Политбюро ЦК КПСС и уже на следующий день по ней принято публикуемое решение.

[2] Смиртюков Михаил Сергеевич, 1909 г.р., с 1941 г. уполномоченный ГКО по снабжению Красной Армии, с 1953 г. зам. управляющего делами Совета министров СССР, в 1964—1989 гг. — управляющий делами Совета министров.

[3] Данное представление было сделано посольству Великобритании в Москве 13 сентября 1972 г. (См. № 230).

№ 230

1973 г., марта 2, Москва. — Выписка из протокола № 80 Политбюро ЦК КПСС пункт 12 «О представлении английскому правительству в связи с антисоветской кампанией вокруг сооружения в Лондоне так называемого «памятника жертвам Катыни»

Сов. секретно

№ П80/12

Т.т. Брежневу, Косыгину, Кириленко, Андропову, Пономареву
Катушеву, Громыко

Выписка из протокола № 80 заседания Политбюро ЦК КПСС
от 2 марта 1973 года[1]

О представлении английскому правительству в связи
с антисоветской кампанией вокруг сооружения
в Лондоне так называемого
«памятника жертвам Катыни»

1. Утвердить проект указаний совпослу в Лондоне по этому вопросу (прилагается).
2. Поручить МИД СССР информировать о нашем представлении английскому правительству польских друзей.

Секретарь ЦК

[Приложение]
К пункту 12 прот[окола] № 80

Секретно

Лондон
Совпосол

Посетите министра иностранных дел и, сославшись на поручение, заявите следующее.

Внимание правительства Великобритании уже обращалось на то, что в Англии имеют место попытки раздуть во враждебных Советскому Союзу целях кампанию вокруг давно разоблаченных выдумок геббельсовской пропаганды о так называемом «катынском деле». В представлении, сделанном МИД СССР 13 сентября 1972 г. посольству Великобритании в Москве для передачи английскому правительству, подчеркивалось, что инспирированная определенными кругами затея с сооружением в Лондоне «памятника» жертвам Катыни не может не вызвать законного возмущения в Советском Союзе.

Судя, однако, по материалам, публикуемым в английской прессе, эта провокация с «памятником» отнюдь не прекращена. Сообщается, в частности, будто власти лондонского района Кенсингтон-Челси дали согласие установить такой «памятник» на территории своего района у церкви Св. Луки и уже одобрили его проект. Особо возмутительным является характер надписей, которые, согласно сообщениям, санкционированы на указанном «памятнике». В них грубейшим образом извращаются исторические факты об истинных виновниках Катынской трагедии и по сути дела воспроизводятся гнусные измышления, пущенные в ход нацистами еще во время второй мировой войны, чтобы скрыть известные всему миру кровавые злодеяния гестаповских палачей.

Занятая английским правительством позиция в этом вопросе находится в явном противоречии с его заверениями о стремлении улучшать отношения с Советским Союзом. В Москве ожидают, что со стороны английского правительства будут приняты надлежащие меры, чтобы положить конец этой враждебной Советскому Союзу кампании, развернутой вокруг сооружения в Лондоне так называемого «памятника» жертвам Катыни.

Исполнение телеграфируйте.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 78. Д. 1617. Л. 100—102. Копия. На бланке выписок из протоколов Политбюро ЦК КПСС.
«Dokumenty Katynia Decyzja». S. 60—62.

[1] См. №№ 228, 229, 231. 27 февраля 1973 г. В.В. Кузнецов направил в ЦК КПСС записку, в которой сообщал, что по данным советского посольства в Лондоне «воз-

ня вокруг возведения «памятника жертвам Катыни» продолжается. Одобрен проект такого памятника с враждебной клеветнической в отношении СССР надписью, возлагающей на Советский Союз ответственность за гибель 14 500 польских военнопленных в Катыни и в других лагерях». Он указывал, что МИД СССР считал бы целесообразным сделать представление английскому правительству через советского посла в Лондоне, информировав об этом демарше «польских друзей». К записке был приложен проект постановления Политбюро ЦК КПСС, который и был утвержден 2 марта 1973 г. вместе с текстом представления.

№ 231

1976 г., апреля 5, Москва. — Выписка из протокола № 3 заседания Политбюро ЦК КПСС «О мерах противодействия западной пропаганде по так называемому «Катынскому делу»[1]

№ П3/75

Сов. секретно

Смоленскому обкому КПСС;
Т.т. Брежневу, Косыгину, Андропову, Громыко, Кириленко[2],
Пономареву, Катушеву, Смиртюкову.

Выписка из протокола № 3 заседания Политбюро ЦК КПСС
от 5 апреля 1976 года

О мерах противодействия западной пропаганде
по так называемому «Катынскому делу»[3]

1. Дать согласие польским друзьям на консультации с целью обсуждения возможных совместных мер противодействия западной пропаганде по так называемому «Катынскому делу», поручив проведение консультаций Отделу ЦК КПСС и МИД СССР.

При этом исходить из необходимости тесной координации шагов СССР и ПНР по противодействию и нейтрализации антисоциалистических и антисоветских акций и кампаний на Западе в связи с «Катынским делом».

Считать нецелесообразными выступления с какими-либо официальными заявлениями с нашей стороны, чтобы не дать повода враждебным силам воспользоваться полемикой по этому вопросу в антисоветских целях.

2. Поручить Отделу ЦК КПСС и МИД СССР изучить соображения польских друзей, высказанные в ходе консультаций, и в случав необходимости внести соответствующие предложения в ЦК КПСС.

3. МИД СССР в тесном контакте с дипломатическими представителями ПНР дать решительный отпор провокационным попыткам использовать так называемое «Катынское дело» для нанесения ущерба советско-польской дружбе, руководствуясь при этом постановлением ЦК КПСС от 2 марта 1973 г. (№ П80/12)[4].

4. КГБ СССР по неофициальным каналам дать понять лицам из правительственных кругов соответствующих западных стран, что новое использование различного рода антисоветских фальшивок рассматривается Советским правительством как специально задуманная провокация, направленная на ухудшение международной обстановки.

5. Поручить Смоленскому обкому КПСС и облисполкому принять дополнительные меры по обеспечению содержания в надлежащем порядке памятника польским офицерам и территории вокруг него.

Секретарь ЦК

АПРФ. Ф. 3. Оп. 78. Д. 1618. Л. 63—68. Копия. На бланке выписок из протоколов Политбюро ЦК КПСС.
«Dokumenty Katynia Decyzja». S. 66—68.

[1] 30 марта 1976 г. в ЦК КПСС направили свою записку Ю.В. Андропов, В.В. Кузнецов и К.Ф. Катушев. Они сообщили, что в последнее время крупные западные радиостанции и другие «империалистические центры идеологической диверсии» весьма часто возвращаются к «катынскому делу» в его «геббельсовской интерпретации». Не прекращается попытка создания памятника «жертвам Катыни». Сообщалось, что в связи с этим «польские друзья» обратились к СССР с предложением провести консультации по этому вопросу. «Отдел ЦК КПСС, МИД СССР и Комитет госбезопасности при Совете Министров СССР полагают целесообразным положительно отнестись к пожеланию польских друзей, а также предпринять соответствующие меры с советской стороны», — говорилось в записке. Прилагался и проект решения Политбюро ЦК КПСС.

[2] Кириленко Андрей Павлович, 1906 г.р., в 1947—62 гг. первый секретарь Николаевского, Днепропетровского и Свердловского обкомов ВКП(б) (КПСС), с 1966 г. — секретарь ЦК КПСС.

[3] См . № 230.

[4] См. № 232.

№ 232

1988 г., мая 5, Москва. — Выписка из протокола № 119 заседания Политбюро ЦК КПСС «О мерах по обустройству места захоронения польских офицеров в Катыни (Смоленская область) и расширению доступа граждан ПНР и других стран»

Сов. секретно

№ П119/VIII

Смоленскому обкому КПСС;

т.т. Горбачеву[1], Громыко, Рыжкову[2], Воротникову[3], Лигачеву[4], Чебрикову[5], Шеварнадзе[6], Яковлеву[7], Разумовскому, Язову[8], Добрынину[9], Лукьянову[10], Медведеву[11], Власову[12], Захарову, Павлову[13], Мелентьеву, Вениктову, Терешковой[14], Воронову[15], Склярову, Смиртюкову.

Выписка из протокола № 119
заседания Политбюро ЦК КПСС
от 5 мая 1988 года

О мерах по обустройству места захоронения
польских офицеров в Катыни (Смоленская область)
и расширению доступа граждан ПНР и других стран

1. Согласиться с соображениями, изложенными в записке т.т. Шеварнадзе Э.А., Чебрикова В.М., Яковлева А.Н., Медведева В.А. от 26 апреля 1988 г. (прилагается)[16].

2. Поручить Министерству культуры СССР и Министерству культуры РСФСР внести предложения о сооружении в следующей пятилетке мемориального комплекса польским офицерам в Катыни с участием Польской Стороны (в случае ее согласия), а также памятника советским военнопленным, уничтоженным гитлеровцами в Катыни.

3. МВД СССР, МИД СССР, Госкоминтуристу СССР, Смоленскому обкому КПСС, Исполкому Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР и Союзу советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами к 1 июля 1988 г. внести предложения об упрощении порядка посещения памятника в Катыни родственниками погибших польских офицеров.

4. Смоленскому обкому КПСС разработать меры по приведению в порядок территории леса-заказника, согласовав их при необходимости с соответствующими органами Министерства обороны СССР и КГБ СССР.

5. Отделу пропаганды ЦК КПСС, Отделу ЦК КПСС и МИД СССР предусмотреть пропагандистское обеспечение комплекса мероприятий проводимых в рамках данного постановления.

Секретарь ЦК

В нижней части 2-го листа пометы: «См. зап[ис]ку т.Власова[17] от 23.VI.88 г. (вх[одящий] 01619–29.IX.88 г.) в деле В.17.1. — Порядок въезда в СССР и выезда из СССР З[апис]ка т. Павлова В.Я. (Госкомитет по иностр[анному] туризму)[18] от 5.VII.88 гг. в деле Т.П.6.6.1. ПНР —Приезд отд[ельных] делегац[ий] и лиц».

АПРФ. Ф. 3. Оп. 118. Д. 365. Л. 29—32. Копия. На бланке выписок из протоколов Политбюро ЦК КПСС.
«Dokumenty Katynia Decyzja». S. 78—89.

1 Горбачев Михаил Сергеевич, 1931 г.р., с 1955 г. на комсомольской и партийной работе, с 1966 г. — первый секретарь Ставропольского горкома партии. С 1970 г. — первый секретарь Ставропольского крайкома партии, с 1978 г. — секретарь ЦК КПСС, в 1985—1991 г. — генеральный секретарь ЦК КПСС, с марта 1990 г. по ноябрь 1991 г. президент СССР.

2 Рыжков Николай Иванович, 1929 г.р., с 1975 г. — заместитель министра тяжелого и транспортного машиностроения, с 1979 г. — первый зам. председателя Госплана СССР, секретарь ЦК КПСС, в 1985—1991 гг. — председатель Совета министров СССР, в настоящее время депутат Государственной Думы РФ.

3 Воротников Виталий Иванович, 1926 г.р., в 1971—75 гг. — первый секретарь Воронежского обкома КПСС, в 1979—82 гг. — посол СССР в Кубинской республике, с 1983 г. — председатель Совмина РСФСР, с 1988 г. — председатель Верховного Совета РСФСР, с июля 1990 г. — на пенсии.

4 Лигачев Егор Кузьмич, 1920 г.р., в 1965—83 гг. — первый секретарь Томского обкома КПСС, с 1983 г. секретарь ЦК КПСС, с 1985 г. одновременно зав. отделом организационно-партийной работы ЦК КПСС, с 1990 г. — на пенсии.

5 Чебриков Виктор Михайлович (1923—1999), генерал армии (1983), с 1951 г. — на партийной и государственной работе, в 1968—82 гг. — зам. председателя КГБ СССР, с 1982 г. — председатель КГБ СССР, с 1971 г. кандидат в члены ЦК КПСС, с 1981 г., член ЦК КПСС, в 1983—88 гг. — кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС.

6 Шеварднадзе Эдуард Амбросиевич, 1928 г.р., в 1965—72 гг. министр охраны общественного порядка, затем министр внутренних дел Грузии, в 1972—85 гг. — первый секретарь ЦК Компартии Грузии, в 1985-1991 гг. — министр иностранных дел СССР, с ноября 1992 г. глава государства Республика Грузия.

7 Яковлев Александр Николаевич, 1923 г.р., с 1946 г. на партийной работе, с 1953 г. — в аппарате ЦК КПСС, в 1973—83 гг. — посол СССР в Канаде, в 1985—1990 г. — зав. отделом пропаганды ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС. В настоящее время председатель комиссии по реабилитации жертв репрессий, председатель международного фонда «Демократия».

8 Язов Дмитрий Тимофеевич (род. в 1923 г.) — маршал Советского Союза, участник Великой Отечественной войны, в 1945—1973 гг. — на командных постах в ряде военных округов, в 1973—74 гг. командующий армией Закавказского округа, затем на руководящих должностях в Министерстве обороны. В 1987—1991 гг. — министр обороны СССР, в 1991 г. арестован по делу ГКЧП, амнистирован в 1992 г.

9 Добрынин Анатолий Федорович, 1919 г.р., на дипломатической работе с 1946 г., в 1957—59 гг. — зам. генерального секретаря ООН, с 1961 г. посол СССР в США.

10 Лукьянов Анатолий Иванович, 1930 г.р., с 1956 г. на государственной и партийной работе, в 1988—89 гг. — первый зам. председателя Президиума Верховного Совета СССР, в 1989—90 гг. — первый зам. председателя Верховного Совета

СССР, в 1990—91 гг. — председатель Верховного Совета СССР. В 1991 г. арестован по делу ГКЧП, амнистирован в 1992 г. В настоящее время депутат Государственной Думы РФ.

11 Медведев Вадим Андреевич, 1929 г.р., в 1978—83 гг. — ректор Академии общественных наук при ЦК КПСС, в 1983—86 гг. — зав. отделом науки и высших учебных заведений ЦК КПСС, в 1988—1990 — член Политбюро ЦК КПСС, председатель идеологической комиссии при ЦК КПСС.

12 Власов Александр Владимирович, 1932 г.р., в 1975-1984 гг. — первый секретарь Чечено-Ингушского обкома КПСС, с 1984 г. — первый секретарь Ростовского обкома КПСС, в 1986—1988 гг. — министр внутренних дел СССР, в 1988—1990 гг. — председатель Совета Министров РСФСР, в 1990-августе 1991 г. — зав. социально-экономическим отделом ЦК КПСС.

13 Павлов Валентин Сергеевич, 1937 г.р., в 1986 г. первый зам. министра финансов СССР, в 1986—1989 гг. председатель Государственного комитета по ценам СССР, в 1989—91 гг. — министр финансов СССР, в 1991 г. премьер-министр СССР, в сентябре 1991 г. арестован по делу ГКЧП, амнистирован в 1992 г.

14 Терешкова Валентина Владимировна, 1937 г.р., в 1963 г. — первая женщина, совершившая космический полет на корабле «Восток — 6», в 1968—1987 гг. председатель комитета советских женщин, в 1987—1992 гг. — председатель президиума Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами, с 1992 г. — председатель Российской ассоциации международного сотрудничества.

15 Воронов Геннадий Иванович (1910—1994), в 1962—71 гг. — председатель Совмина РСФСР, с 1971 г. — председатель Комитета народного контроля СССР, в 1961—1973 гг. — член Политбюро ЦК КПСС.

16 26 апреля 1988 г. Э.А. Шеварнадзе, В.М. Чебриков, член Политбюро ЦК КПСС А.Н. Яковлев и зав. отделом ЦК КПСС В.А. Медведев направили в ЦК КПСС записку, в которой, ссылаясь на постановление Политбюро ЦК КПСС от 11 февраля 1988 г., представили свои соображения об обустройстве места захоронения польских офицеров в Катыни. Они одобрили первоочередные меры, предложенные Смоленским обкомом КПСС, и одновременно рекомендовали, учитывая пожелания В. Ярузельского и других членов польского руководства, создать в Катыни мемориальный комплекс на месте захоронения польских офицеров. Кроме того, предлагалось воздвигнуть там памятник советским военнопленным, расстрелянным гитлеровцами в Катыни по завершению эксгумации в 1943 г., а также дополнительно проработать вопрос об упрощенном порядке посещения мемориала в Катыни родственниками погибших польских офицеров.

17 23 июля 1988 г. министр внутренних дел А.В. Власов направил в ЦК КПСС записку № 1/2920, выполняя поручения ЦК КПСС от 5 мая 1988 г. об упрощении порядка посещения памятника Катыни родственниками погибших польских офицеров. Предлагалось организовать это посещение по каналам туризма. Кроме Катыни, в маршрут включалось посещение Брестской крепости, Ленино и белорусской деревни, сожженной гитлеровцами — Хатыни. Советскому посольству и генконсульствам СССР в ПНР, в порядке исключения, предоставлялось право самостоя-

тельно выдавать по индивидуальным просьбам польских граждан разрешение на поездки в СССР для посещения памятника в Катыни.

[18] 5 июля 1988 г. председатель Госкомитета СССР по иностранному туризму В.А. Павлов направил свои предложения в ЦК КПСС относительно посещения мемориала в Катыни, в том числе о проведении соответствующих переговоров с польскими туристическими фирмами «Орбис» и «Каменка».

№ 233

1989 г., марта 22, Москва. — Записка министра иностранных дел СССР Э.А. Шеварднадзе, зав. международным отделом ЦК КПСС В.М. Фалина и председателя КГБ СССР В.А. Крючкова[1] в ЦК КПСС «К вопросу о Катыни»

Секретно

№ 17-204

ЦК КПСС

К вопросу о Катыни

По мере приближения критических дат 1939 года все большую остроту принимают в Польше дискуссии вокруг так называемых «белых пятен» отношений с СССР (и Россией). В последние недели центр внимания приковывается к Катыни. В серии публикаций, авторами которых выступают как деятели, известные своими оппозиционными взглядами, так и ученые и публицисты, близкие к польскому руководству, открыто утверждается, что в гибели польских офицеров повинен Советский Союз, а сам расстрел имел место весной 1940 года.

В заявлении уполномоченного польского правительства по печати Е. Урбана эта точка зрения де-факто легализована как официальная позиция властей. Правда, вина за катынское преступление возложена на «сталинское НКВД», а не на Советское государство.

Тактика правительства объяснима — оно пытается как-то ослабить давление, которое создалось из-за невыполненного обещания внести ясность в катынский вопрос. В определенной мере это нажим также на нас, поскольку данная тема уже два года как не двигается с места в Комиссии советских и польских ученых, созданной для нахождения развязок по «белым пятнам».

Советская часть Комиссии не располагает никакими дополнительными материалами в доказательство «версии Бурденко», выдвинутой в 1944 году. Вместе с тем нашим представителям не дано полномочий рассматривать по существу веские аргументы польской стороны.

Помимо заявления Е. Урбана в Варшаве взвешиваются некоторые другие шаги, призванные дать какое-то удовлетворение собственной общественности. В частности, есть намерение перенести символический прах (урна с землей) из Катыни на центральное кладбище в Варшаве и изме-

нить одновременно соответствующим образом надпись на установленном там памятнике.

Анализ ситуации показывает, что чем дальше затягивается это дело, тем явственнее катынский вопрос превращается в камень преткновения уже не для прошлых, а для нынешних советско-польских отношений. В брошюре «Катынь», выпущенной в 1988 году под эгидой костела, заявляется, что Катынь — одно из самых жестоких преступлений в истории человечества. В других публикациях проводится мысль, что пока трагедия Катыни не будет до конца освещена, не может быть нормальных отношений между Польшей и СССР.

Темой Катыни сейчас искусственно отодвигаются на второй план даже вопросы, связанные с возникновением второй мировой войны и нападением Германии на Польшу. Подтекст кампании очевиден — поляку внушают, что Советский Союз ничем не лучше, а, может быть, и хуже тогдашней Германии, что он несет не меньшую ответственность за возникновение войны и даже за военный разгром тогдашнего Польского государства.

Катынское дело может — и чем дальше, тем опасность актуальней —резко обострить интерес в ПНР к прояснению судьбы еще тысяч интернированных польских офицеров, следы которых теряются в районе Харькова и Бологое. Пока на обращения польской стороны по этим дополнительным вопросам мы вразумительных ответов не давали.

Видимо, нам не избежать объяснения с руководством ПНР и польской общественностью по трагическим делам прошлого. Время в данном случае не выступает нашим союзником. Возможно, целесообразнее сказать, как реально было и кто конкретно виновен в случившемся, и на этом закрыть вопрос. Издержки такого образа действий в конечном счете были бы меньшими в сравнении с ущербом от нынешнего бездействия.

Проект постановления ЦК КПСС прилагается[1].

(Э. Шеварднадзе) (В. Фалин) (В. Крючков)

Помета в середине 3-го листа: «№ ЦК 06772».

АПРФ. Ф 3. Копия.
«Dokumenty Katynia Decyzja». S. 100—104.

[1] Крючков Владимир Александрович (род. в 1924 г.), в 1946—1949 гг. следователь прокуратуры, после окончания Высшей дипломатической школы работал в аппарате МИД, в посольстве в Венгрии, в 1959—1963 гг. — в аппарате ЦК КПСС, с 1967 г. — в аппарате КГБ, в 1988—1991 гг. — председатель КГБ СССР. 19—21 августа 1991 г. входил в «ГКЧП», арестован, амнистирован в 1992 г.

[2] 31 марта 1989 г. Политбюро ЦК КПСС утвердило решение «К вопросу о Катыни» (протокол № 152, пункт 15). В нем Прокуратуре СССР, КГБ СССР, МИДу, Государственно-правовому, Международному и Идеологическому отделам ЦК КПСС пору-

чалось в месячный срок представить на рассмотрение ЦК КПСС предложения о дальнейшей советской линии по катынскому делу. «В связи с обращением Польской стороны с просьбой перенести в Варшаву символический прах с места захоронения польских офицеров в Катыни дать на это согласие,» — говорилось в этом решении. О намерении перенести символический прах с места захоронения польских офицеров писал в Политбюро 6 марта 1989 г. В.М.Фалин. Он тоже обращал внимание на нерешенность катынской проблемы и безрезультатность работы Комиссии ученых СССР и ПНР по вопросам советско-польских отношений и остроте этой проблемы в ПНР.

№ 234

1990 г. февраля 23, Москва. — Докладная записка В.М. Фалина М.С. Горбачеву «Дополнительные сведения о трагедии в Катыни»

Секретно

Дополнительные сведения
о трагедии в Катыни

Уважаемый Михаил Сергеевич!

Рядом советских историков (Зоря Ю.Н., Парсаданова В.С., Лебедева Н.С.) допущенных к фондам [a)]Особого архива и Центрального Государственного архива[a)] Главного архивного управления при Совете Министров СССР, а также Центрального Государственного архива Октябрьской революции, выявлены ранее неизвестные материалы Главного управления НКВД СССР по делам военнопленных и интернированных и Управления конвойных войск НКВД за 1939—1940 годы, имеющие отношение к т.н. катынскому делу.

Согласно этим материалам, на начало января 1940 года в лагерях Главного управления НКВД по делам военнопленных и интернированных в Осташкове Калининской области, Козельске Смоленской области, Старобельске Ворошиловградской области находилось около 14 тыс. бывших польских граждан из числа офицеров армии и флота, сотрудников полиции и жандармерии, военных и гражданских чиновников, различного вида агентуры, а также военного духовенства.

Все эти лица (приказ НКВД № 00117 от 1939 года)[1] не подлежали освобождению и отправке на родину. Вопрос об их судьбе рассматривался в несколько приемов. Имеются документы с резолюциями Берии и Меркулова ускорить следствие, подготовить материалы на бывших работников карательных органов и разведки к рассмотрению на Особом совещании при НКВД СССР.

[a-a)] Так в тексте. Особый архив и ЦГА ГАУ — названия одного и того же архива, в котором хранились фонды УПВ (УПВИ). Ныне: РГВА.

В апреле—мае 1940 года содержавшиеся во всех трех лагерях лица были этапированы в распоряжение различных областных управлений НКВД. Списки составлялись централизованно и имели общую систему нумерации, каждый из них включал в среднем 100 человек, поступали регулярно, иногда по 4-5 списка в день. Об отправке ежедневно докладывалось в Москву. Из числа этапируемых предписывалось исключать агентов-осведомителей и лиц, представляющих оперативный интерес. В отличие от практики обычного перемещения заключенных начальникам лагерей давалось указание в карточках на убывающих делать отметки лишь в лагерной картотеке («убыл по списку №... такого-то числа и месяца») без высылки учетных карточек в центр.

Перед началом акции было дано распоряжение о введении почтового контроля и об изъятии всей входящей и исходящей корреспонденции. Запрещалось давать какие-либо ответы на запросы о содержащихся в лагерях. Все лагерные сотрудники были предупреждены о «хранении в строгом секрете места отправки» контингента.

После завершения акции все «дела» на выбывших из лагерей интернированных были «закончены, надлежаще оформлены и сданы в архив I спецотдела НКВД». На новые контингенты, прибывающие в лагеря, предписывалось завести «по линии учета и режима абсолютно новые дела». Позднее материалы Козельского и Осташковского лагерей были высланы для хранения в Главное управление, а материалы Старобельского лагеря уничтожены. Лица, содержавшиеся во всех трех лагерях до апреля-мая 1940 года, в статистических отчетах в дальнейшем не фигурировали.

Козельский и Старобельский лагерь впоследствии использовались для содержания лиц польской национальности, вывезенных из западных областей Украины, Белоруссии и Прибалтики. Причем сведения о прежнем контингенте этих лагерей от них тщательно скрывались. Здания Осташковского лагеря в августе 1940 года были переданы краеведческому музею.

Таким образом, документы из советских архивов позволяют даже в отсутствие приказов об их расстреле и захоронении проследить судьбу интернированных польских офицеров, содержавшихся в лагерях НКВД в Козельске, Старобельске и Осташкове. Выборочное пофамильное сопоставление списков на отправку из Козельского лагеря и списков опознания, составленных немцами весной 1943 года во время эксгумации, показало наличие прямых совпадений, что является доказательством взаимосвязи наступивших событий.

На базе новых документальных фактов советскими историками подготовлены материалы для публикации. Некоторые из них уже утверждены редколлегиями и приняты в производство. Выход в свет планируется на июнь—июль.

Появление таких публикаций создавало бы в известном смысле новую ситуацию. Наш аргумент — в госархивах СССР не обнаружено материалов, раскрывающих истинную подоплеку катынской трагедии, стал бы недостоверным. Выявленные учеными материалы, а ими, несомненно, вскрыта лишь часть тайников, в сочетании с данными, на которые опирается в своих оцен-

ках польская сторона, вряд ли позволит нам дальше придерживаться прежних версий и уклоняться от подведения черты. С учетом предстоящего 50-летия Катыни надо было бы так или иначе определяться в нашей позиции.

Видимо, с наименьшими издержками сопряжен следующий вариант:

Сообщить В. Ярузельскому, что в результате тщательной проверки соответствующих архивохранилищ, нами не найдено прямых свидетельств (приказов, распоряжений и т.д.), позволяющих назвать точное время и конкретных виновников катынской трагедии. Вместе с тем в архивном наследии Главного управления НКВД по делам военнопленных и интернированных, а также Управления конвойных войск НКВД за 1940 год обнаружены индиции, которые подвергают сомнению достоверность «доклада Н. Бурденко». На основании означенных индиций можно сделать вывод о том, что гибель польских офицеров в районе Катыни — дело рук НКВД и персонально Берия и Меркулова.

Встает вопрос, в какой форме и когда довести до сведения польской и советской общественности этот вывод. Здесь нужен совет президента РП, имея в виду необходимость политически закрыть проблему и одновременно избежать взрыва эмоций.

Прошу рассмотреть.

Ваш Фалин

Резолюция в правом верхнем углу 1-го листа: «т.т. Яковлеву, Шеварднадзе, Крючкову, Болдину. Прошу доложить свои соображения М. Горба[чев]».

АПРФ. Ф. 3. Оп. 113. Д. 260. Л. 187—190. Подлинник.
«Dokumenty Katynia Decyzja». S. 116—122.

[1] См. «Катынь...» С. 120—121. Рассмотрев эту справку, члены Политбюро ЦК КПСС запретили публикацию статей В.С. Парсадановой, Ю.Н. Зори и Н.С. Лебедевой. Однако публикаций пространного интервью Г.Н. Жаворонкова с Н.С. Лебедевой в «Московских новостях» вынудила их пересмотреть это решение.

№ 235

1990, апреля 13[а)], Москва. — Заявление ТАСС о катынской трагедии

Заявление ТАСС

На встречах между представителями советского и польского руководства, в широких кругах общественности длительное время поднимается вопрос о выяснении обстоятельств гибели польских офицеров, интернированных

[а)] Дата публикации в г. «Известия».

в сентябре 1939 года. Историками двух стран были проведены тщательные исследования катынской трагедии, включая и поиск документов.

В самое последнее время советскими архивистами и историками обнаружены некоторые документы о польских военнослужащих, которые содержались в Козельском, Старобельском, Осташковском лагерях НКВД СССР. Из них вытекает, что в апреле — мае 1940 года на примерно 15 тысяч польских офицеров, содержавшихся в этих трех лагерях, 394 человека была переведены в Грязовецкий лагерь. Основная же часть «передана в распоряжение» управлений НКВД соответственно по Смоленской, Ворошиловградской и Калининской областям и нигде больше в статистических отчетах НКВД не упоминается.

Выявленные архивные материалы в своей совокупности позволяют сделать вывод о непосредственной ответственности за злодеяния в катынском лесу Берии, Меркулова и их подручных.

Советская сторона, выражая глубокое сожаление в связи с катынской трагедией, заявляет, что она представляет одно из тяжких преступлений сталинизма.

Копии найденных документов переданы польской стороне. Поиск архивных материалов продолжается.

Печ. по.: «Известия», 13 апреля 1990 г.

№ 236

1995г. мая 22, Москва. — Послание Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина Президенту Республики Польша Л.Валенсе[1] в связи с 55-й годовщиной катынской трагедии

№ пр-696

Его превосходительству
господину Л.Валенсе
Президенту Республики Польша

Уважаемый господин Президент,

Мне хорошо известно, какое значение в Польше придается мероприятиям, связанным с 55-й годовщиной катынской трагедии. Полностью разделяю Ваше мнение о том, что эта трагическая страница нашей общей истории должна быть окончательно закрыта, память же о ней призвана служить делу лучшего взаимопонимания между народами наших стран, устранению из российско-польских отношений элементов недоверия и предубежденности.

Не могу вместе с тем не отметить, что решению этой непростой, как показывает практика, задачи явно не способствует нагнетание некоторыми политическими кругами и средствами массовой информации Польши эмоций во-

круг катынской темы, эскалация предъявляемых к российской стороне требований — от принесения извинений до организации судебного процесса и выплаты компенсаций. Позиция демократической России в отношении преступлений сталинского режима, включая Катынь, хорошо известна. Она неоднократно излагалась в последние годы, в том числе в ходе моего визита в Польшу в 1993 году.

Нам хорошо понятны чувства поляков. Ведь тоталитарный террор коснулся не только их соотечественников. В одном катынском лесу помимо останков польских офицеров захоронено, по неполным данным, около девяти тысяч жертв политических репрессий, людей разных национальностей. Имеются достоверные сведения о расстреле гитлеровцами в этом месте более пятисот военнопленных, использовавшихся в годы войны на строительстве секретных военных объектов. Поэтому мы рассматриваем катынский лес как место памяти жертв тоталитаризма и нацизма, где должен быть создан мемориал всем безвинно пострадавшим[2]. Естественно, в рамках этого мемориала должна быть достойно увековечена память о погибших польских офицерах. Российская сторона намерена объявить конкурс на лучший проект мемориала и была бы признательна за участие в нем польских архитекторов.

Большое внимание мы уделяем подготовке и проведению в начале июня с.г. в Катыни и Медном церемонии закладки памятных знаков в местах, отводимых под польские военные кладбища. Властям Смоленской и Тверской области даны соответствующие поручения[3].

Что касается документов, о которых идет речь в Вашем послании, то предпринятые всесторонние меры по их поиску подтвердили отсутствие таковых в российских архивах, в том числе архивах спецслужб[4]. Как следует из проведенного в апреле с.г. опроса бывших сотрудников архивных служб НКВД, упомянутые материалы были уничтожены в 1959 году. Эта акция производилась в течение двух недель двумя сотрудниками, которых в настоящее время нет в живых. Какие-либо акты, предусмотренные в подобных случаях, не составлялись.

Хотел бы заверить Вас, господин Президент, что никто в России не ставит своей целью скрывать от польской стороны любую касающуюся катынской трагедии информацию. В Главную военную прокуратуру, ведущую следствие по катынскому делу, архивом Федеральной Службы Безопасности передано около двухсот дел и документов, а также 35 томов документации относительно работы комиссии Бурденко. Военные прокуроры имели возможность непосредственно ознакомиться со всеми архивными фондами, хранящимися в Центральном архиве ФСБ и его филиалах, лично осмотреть необходимые дела и документы, отобрать из них те, которые представляют интерес для следствия.

Главная военная прокуратура Российской Федерации продолжает расследование уголовного дела о расстреле в 1940 году польских граждан[5]. Материалы этого дела в части, касающейся расследования обстоятельств гибели польских офицеров в 1940 году в тюрьмах Западной Украины и Белоруссии, выделены и направлены в генеральные прокуратуры суверенных в на-

стоящее время государств — Украины и Белоруссии для принятия соответствующего решения.

Глубоко убежден в том, что предпринимаемые нами совместно шаги будут способствовать окончательному завершению катынского дела во всех его аспектах и, тем самым, дальнейшему успешному развитию отношений между нашими странами и народами.

С уважением
Б. Ельцин

АПРФ. Ф. 92. Оп. 4. Д. А 1-1-61-1995. Л. 211—213. Копия, подписанная Б.Н. Ельциным, на бланке Президента РФ

[1] Валенса, Лех (род. в 1943 г.), один из основателей и лидеров движения «Солидарность» (1980-1991 гг.), лауреат Нобелевской премии мира (1983г.), президент Республики Польша (1991—1995 гг.).

[2] Мемориальное кладбище в Катыни было открыто 28 июля 2000г. См. №№ 238, 239.

[3] Закладка краеугольного камня под строительство катынского мемориального комплекса состоялось 4 июня 1995 г. См. № 237.

[4] В письме Л.Валенсы шла речь о поиске в российских архивохранилищах протоколов тройки, принимавшей решения о расстреле польских офицеров, полицейских и заключенных, и актов о приведении ее решений о расстреле в исполнение. В письме председателя КГБ А.Н. Шелепина Н.С. Хрущеву от 3 марта 1959 г. эти документы предлагалось сохранить, поместив в особые папки (см. № 227). Однако по устному распоряжению Н.С. Хрущева они были также уничтожены.

[5] Главная военная прокуратура продолжает расследование уголовного дела по факту расстрела в 1940 г. польских военнопленных.

№ 237

1995 г., июня 4, Катынь. — Выступление председателя Комитета Катынских семей г. Щецина Е. Грунер-Жарнох на церемонии закладки краеугольного камня под строительство польского военного кладбища

Уважаемый Господин Президент Республики Польша!
Уважаемые Господа, Представители Президента России!
Уважаемые Господа, Представители Правительства Польши!
Достойные гости!
Дорогие члены Катынских семей, от имени которых имею честь выступать.

В апреле и мае миновала пятьдесят пятая годовщина Катынского Злодеяния, уже пятьдесят пятая, но всего лишь пятая, которую можем совместно, открыто чествовать.

Считаю своим долгом поблагодарить присутствующих представителей Российской Федерации.

— за смелость в раскрытии правды о преступлении, что несомненно было нелегким решением,

— за помощь в выявлении и обнародовании большинства документов, связанных с этой трагедией,

— за предоставленную возможность подписания Соглашения между нашими государствами, 22 февраля 1994 года «О могилах и памятных местах жертв войны и репрессий»[1]. Благодаря Соглашению будут открыты польские военные кладбища в Катыни и Медном, а также в Харькове на Украине[2].

У нас, в Польше, свыше шестисот кладбищ советских солдат. В День Усопших, который отмечаем первого ноября, на их могилах зажигают свечи, а в День Победы возлагают цветы.

Четыре недели тому назад, совместно с Генеральным Консулом Российской Федерации в городе Щецине, я возложила цветы на мемориальном кладбище советских солдат. Очень бы хотелось, чтобы в такой же торжественной церемонии в будущем году принял участие и господин губернатор Смоленской Земли, чтобы мы совместно могли возложить цветы и зажечь свечи на кладбище 4421 польских офицеров, погибших в Катыни. Это наш совместный долг памяти о трагическом прошлом.

Говорят, что мы, поляки, народ открытый, сердечный и романтический. Мы ценим отвагу и честь, а также соблюдение данных обещаний. Мы способны прощать причиненное нам зло. Но ненавидим насилие, с которым не сможем смириться. Укрепляет оно только нашу твердость духа. Подтверждением этому и является более чем полувековая память об убитых, которая сохранилась несмотря на ссылки, тюремные заключения, лагеря и преследования — и все еще она в нас болезненна и жива.

Мы глубоко убеждены, что невозможно установить стабильные крепкие узы взаимного уважения или дружбы на фундаменте фальши и нелояльности, так как приходит день, когда все здание, построенное на таком фундаменте, рушится как домик из карт. В то время самая болезненная, мучительная правда может стать солидным залогом будущих связей между нашими народами.

Ничто уже не сможет вернуть жизни нашим родным и близким, но пусть кровь 21 857 польских офицеров и полицейских не будет пролита напрасно. Пусть будет предостережением для будущих поколений, что никакое преступление не может быть безнаказанным, так как наказанием может быть сама жизнь с тяжестью постоянного осознания раскрытия содеянного.

Возможно, это поможет в будущем удержать желающих следовать преступникам.

Возможно, осознание этого убережет грядущие поколения от подобной судьбы.

Тогда никто не будет вынужден лишаться своей жизни, ни оплакивать в течение полувека своих близких, как это выпало на нашу долю, долю Катыньских семей.

Так, помолимся же совместно за тех, которые никогда не сдались.
ПОГИБЛИ НЕПОБЕЖДЕННЫМИ.

[a)]Председатель Комитета Катыньских Семей Ева Грунер-Жарнох
ул. Пшибишевского 23, Щецин[a)]

Печ. по машинописной копии, хранящейся в архиве Н.С. Лебедевой.

[1] В соответствии с этим Соглашением было решено создать мемориальный комплекс «Катынь», который делится на две части — польское военное кладбище на месте, где были расстреляны и похоронены польские офицеры, и российскую на территории массовых захоронений советских граждан. Проект польского военного кладбища был разработан группой гданьских специалистов во главе с архитектором В. Таргов-ским и скульптором З. Пидеком. Проект российской части мемориала (авторский коллектив во главе с М. Хазановым, архитектор Н. Шангин) победил в конкурсе, проводившемся Министерством культуры РФ, однако из-за нехватки средств был воплощен лишь частично.

[2] См. №№ 238, 239, 240, 241. В Харькове открытие военного кладбища состоялось 17 июня 2000 г. в присутствии Президента Республики Польша А. Квасневского и Президента Украины Л. Кучмы.

№ 238

2000 г. сентября 2, Катынь. — Выступление председателя Совета Министров Республики Польша Ежи Бузека во время торжественного открытия и освещения польского военного кладбища в Катыни

Господин Вице-Премьер Российской Федерации[1],
Ваше преосвященство кардинал, примас Польши,
госпожа и господин председатель Сейма
господа офицеры и солдаты Войска Польского, собравшиеся здесь,
в Катыни уважаемые, дорогие и близкие нам
члены катынских семей, уважаемые господа.

Есть такой образ Божьей Матери, который покоряет своей простотой. Грустный Лик Матери Спасителя, прижимающий к груди голову польского военнопленного с простреленным затылком[б)].

Это — символ победы любви над ненавистью. Ненавистью, которая отняла жизнь у лучших сыновей нашего народа; и любви, которая всегда сильнее ненависти.

[a-a)] Написано по-польски.

[б)] Имеется в виду образ «Матерь Божья Катынская».

«Любовь требует жертв» — эти слова были девизом польских солдат, 60 лет назад сражавшихся за независимость Польши, которую они любили.

В Катыни на алтарь любви к Родине было брошено четыре с половиной тысячи солдатских жизней. Трудно нам их оплакивать сегодня, ибо у нас уже нет слез, а сжатые пальцы одеревенели.

Уважаемые господа,

Многие из нас, собравшиеся здесь, вероятно, родились в 1940 году. Видя надпись «Катынь 1940», я тоже вспоминаю год своего рождения — в это время в этом лесу, в этом месте бросали во рвы наших соотечественников. Мы из поколения сыновей и дочерей этих солдат. Волею судьбы ко многим из нас, и ко мне в том числе, не пришла злая весть об отце, который не вернется домой. Однако у всех нас поляков, вне зависимости от того, лежат или нет на этом кладбище наши близкие, нет более глубокой раны, которая не заживала бы так долго.

Ведь Катынь это не только страшное преступление, совершенное силой советского закона; это еще и ложь. Ложь, которую повторяли тысячи раз, но которая от этого не перестала быть ложью. Слово «Катынь» для целого поколения в Польше и во всем мире останется знаком геноцида и военного преступления.

Уважаемые господа,

Мы здесь сегодня за тем, чтобы сказать: помним и будем помнить. Ибо, как сказал поэт: «Если мы забудем о вас, то Ты, Боже, забудь о нас.» Отсюда, с этого места, я хочу сказать от имени польского народа, что мы не успокоимся, пока не узнаем всех имен граждан Республики Польша, убитых советскими властями, и пока не найдем мест их погребения. Нами движет не ненависть, но чувство справедливости.

Такова традиция: в жизни, которая имеет свое начало и свой конец, мы радуемся рождению каждого человека, и мы должны каждого похоронить достойно. Частью этой традиции является также понятие наказания за преступление. Катынское преступление надо раскрыть до конца и до конца рассчитаться с прошлым.

Я хотел бы в этом месте отдать честь всем людям, убитым и замученным в Катыни и на всей территории Советского Союза. Наша боль равна вашей.

Я обращаюсь к россиянам, которые принимают нас на своей земле. Я благодарю вас и все другие народы, пережившие коммунизм, за то, что вы сделали, чтобы увековечить память о прошлом и рассчитаться с ним. Если бы ни ваша помощь, ни ваша добрая воля, нас не было бы сегодня здесь; нас не было бы ни в Медном, ни в Харькове.

Уважаемые господа,

Я очень хочу поблагодарить также все тех, кто в течение многих лет содействовали раскрытию правды о преступлении, совершенном в Катыни, и благодаря кому мы сегодня, наконец, открываем польское военное кладбище. Особую благодарность следует выразить российскому Мемориалу, Координационному комитету увековечения памяти жертв тоталитаризма в Катыни и в Медном, властям Смоленской области, и особенно губернатору; а также российским журна-

листам и ученым, которые раскрывали правду, часто — вопреки превратностям судьбы. Я благодарю проектантов и строителей польского военного кладбища в Катыни, а также — Совет охраны памяти борьбы и мученичества.

Я обращаюсь еще раз к офицерам и солдатам Войска Польского. Вы — наследники тех, кто был убит. Поляки всегда относились к своей армии с величайшим уважением и почтением. И я убежден, что наследие, переданное вам погибшими здесь офицерами, для вас не утратило своего значения и вы всегда будете хранить его.

Я обращаюсь к Катынским семьям. Среди вас есть вдовы убитых 60 лет назад, есть их ближайшие родственники. Я хорошо знаю, что никто из нас не поймет до конца, как огромны были ваши страдания и как глубоко несчастье, с которым вы жили в течение 60 лет. Но хотя погибшие и не наши родственники, они — наши близкие. Ибо это есть фрагмент нашей драматичной, трагичной истории XX века.

Я хочу поблагодарить всех членов Катынских семей за то, что вы сохранили память о том преступлении, эта память нас многому может научить.

Уважаемые господа,

Сегодня перед нами открывается великий шанс создания истории без ненависти и лжи. Наш общий учитель, Иисус Христос, когда Его спросили, сколько раз человек должен прощать, ответил — 77 раз. Здесь, в Катыни, стоит вспомнить эти слова и учиться трудному искусству прощения.

Я верю, что Польское военное кладбище в Катыни станет для нас, поляков, и для людей других национальностей местом посещаемым, особенно молодым поколением. Сюда будут приезжать, чтобы увидеть, запомнить и... простить. Катынь, Медное, Харьков. А рядом — Монте-Касино, Повонзки, Нарвик, Тобрук — наши национальные кладбища — часть нашего национального самосознания. Национального самосознания поляков.

Мы оставляем здесь часть души нашего народа и трагическую народную память. И будем черпать отсюда веру, надежду и любовь.

Печ. по: «Przeszłość i pamięć» 2000. N 3. S. 34—36.

№ 239

2000, июль 28, Катынь. — Выступление заместителя председателя Правительства Российской Федерации В.Б. Христенко на открытии мемориального комплекса

Уважаемый господин Председатель Совета Министров Республики Польша,
Уважаемые польские гости, дорогие соотечественники!

Сегодня все мы становимся свидетелями и участниками исторического события — открытия мемориального комплекса в Катыни, посвященного памяти

советских и польских граждан, ставших жертвами тоталитарных репрессий. Убежден, что оно имеет особое значение для будущего российско-польских отношений, и, прежде всего, их гуманитарного, межчеловеческого измерения. Сегодняшняя церемония подтверждает качественно новый характер взаимодействия между нашими государствами, возросший уровень понимания истории, связывающий российский и польский народы, общественностью обеих стран.

Нам, россиянам, хорошо понятны чувства поляков, связанные с Катынью, мотивы побудившие президентов России и Польши в 1992 г. осудить преступления тоталитаризма, принесшего столько страданий народам наших стран. Ведь именно народы бывшего Советского Союза стали первой и главной жертвой бесчеловечной машины сталинизма, переломавшей и исковеркавшей миллионы человеческих жизней.

Ведь здесь, в этой земле, покоятся рядом четыре тысячи польских офицеров и десятки тысяч наших соотечественников. И в народной памяти Катынский лес останется навсегда символом страшной трагедии, постигшей наше общество, коснувшейся также представителей других государств. Вечная им память!

Полностью разделяю слова Председателя Совета Министров Республики Польша, сказанные им недавно на церемонии в Варшаве по случаю 60-й годовщины катынской трагедии, о том, что само понятие Катынь должно стать «символом общей памяти, обязательством для нас совместно преодолеть трудную часть истории ради общего будущего, ради упрочения дружеских чувств между поляками и русскими, ради строительства дружественных отношений между Россией и Польшей».[1]

Сегодня мы собрались здесь не только для того, чтобы почтить память репрессированных российских граждан и польских военнослужащих, но и со всей ответственностью заявить, что подобное не должно никогда повториться. Русские названия мест Катынь и Медное обязаны утратить свое негативное, нарицательное значение в российско-польских отношениях, стать символами общей скорби и примирения. Тень прошлого ни в коей мере не должна омрачать сегодняшний, а тем более завтрашний день двусторонних связей и сотрудничества между Россией и Польшей.

Эту трагическую страницу нашей общей истории мы обязаны перевернуть вместе, добиться устранения из российско-польских отношений доставшихся от прошлого элементов недоверия и предубежденности. Память о катынской трагедии, общая скорбь о погибших должны не разъединять, а объединять наши народы.

Уверен, что так оно и будет!

Публикуется по стенограмме видеозаписи выступления В.Б. Христенко в Катыни 28 июля 2000 г.

[1] В.Б. Христенко процитировал отрывок из телеобращения Е. Бузека к согражданам по случаю 60-летия катынского преступления. См. также № 240.

№ 240

2000 г. сентябрь 2, Варшава. — Послание Президента Республики Польша А. Квасневского[1] к участникам торжественного открытия польского кладбища жертв катынского преступления в Медном[a)]

Уважаемые господа!

Катынское преступление и память о его жертвах запечатлены в массовом сознании поляков, как великий символ. Символ польской мартирологии, Голгофы Востока. Символ непоколебимой верности Родине. Символ противостояния лжи и борьбы за правду. Трагедия жертв Медного, Катыни и Харькова — это как страшный крик. Так много говорит он о польской исторической судьбе. Однако прежде всего это была трагедия живых, конкретных людей, наполненная их страданием и страхом, их верой и надеждой, их солидарностью, их борьбой с отчаянием, их усилиями защитить и до конца сохранить свое человеческое достоинство.

Открытие польского кладбища в Медном, так же как и перед этим и открытие кладбища в Катыни, является великим событием в современной истории Польши. Это — акт исторической справедливости. И вместе с тем — то, что живые должны мертвым, что так красноречиво зовут последним долгом.

Те, кто покоятся на этом кладбище, по замыслу сталинских преступников, должны были навсегда остаться безымянными, вычеркнутыми из человеческой памяти. У польских военнопленных — полицейских, офицеров, солдат Корпуса охраны пограничья, разведчиков намеривались отнять все, на что каждый человек имеет неотъемлемое право. Убитых без суда и следствия только за то, что они носили польские мундиры и преданно служили Речи Посполитой, бросили в общие, безымянные рвы смерти. Земля должна была навсегда скрыть преступление. Близкие ничего не должны были знать о них и не должны были никогда прийти к этим могилам. Здесь никогда не должно было быть ни креста, ни другого знака веры и человеческой памяти.

Но так не случилось, хотя минуло много времени, прежде чем правда о преступлении была раскрыта и здесь было построено польское кладбище. Многострадальный прах этих жертв отныне обретет достойное погребение. Это место, эти могилы будут сосредоточением памяти семей, которых коснулась катынская трагедия. Эта национальная святыня станет сосредоточением и нашей, польской памяти и местом, в котором мы воздаем почести героям.

Они здесь, они с нами, даже погибшие.

Это кладбище всегда будет местом боли и глубоких размышлений.

Здесь мы, поляки, можем поделиться своей болью с россиянами, можем рассказать им о том, что мы пережили, но в тоже время — и о нашем сочувствии страданиям миллионов жертв, которых поглотил страшный Архипелаг

[a)] Текст послания А. Квасневского был зачитан в Медном начальником канцелярии Президента РП министром Иолантой Шимашек-Дереш.

ГУЛАГ. Мы сумеем достойно оценить раскрытие правды о Катыни. И очень хотим ныне, хоть это и не легко, выйдя из тьмы тоталитарной ночи, вместе искать пути примирения.[2]

Я низко склоняю голову перед теми, кто покоится на кладбище в Медном.

Я присоединяюсь к вам, участники нынешних торжеств, в ваших размышлениях и раздумьях.

Мы вместе свидетельствуем, что Польша никогда не забудет своих верных сыновей, жертв катынского преступления.

Да покоятся они в мире!
Вечная им память!

Александр Квасневский
Президент Республики Польша

Печ. по: «Przeszłość i pamięć» 2000. N 3. S. 38.

[1] Квасневский Александр (род. в 1954 г.), член ПОРП до 1990 г., председатель Комитета по делам спорта при Совете Министров в Польши в 1985—1989 гг., в 1990—1995 гг. — лидер Социал-демократической партии РП, с 1995г. — Президент Республики Польша.

[2] Эта же мысль была высказана Е. Бузеком в его выступлении в Медном 2 сентября 2000 г. Председатель Совета Министров РП заявил: «Никто не измерит боли, отчаяния, горечи и слез... Из вашей боли и ваших страданий может родиться польско-российское примирение. Да вознаградит вас Бог за все те годы, в течение которых вы хранили то, что для нашей отчизны свято... Российские друзья, ваша земля усеяна миллионами родных вам могил. Пусть же эти могилы, пусть же пережитые обиды станут для нас общей памятью и уберегут грядущие поколения от предательств и преступлений... Харьков, Катынь, Медное — польский триптих боли и страдания. Мы бы очень хотели, чтобы он был триптихом памяти наших народов и примирения на Востоке» («Przeszłość i pamięć» 2000. № 3. S. 36—37).

№ 241

2000 г. сентябрь 2, Медное. — Выступление министра внутренних дел Российской Федерации В.Б. Рушайло на церемонии открытия мемориального комплекса в Медном[1]

Уважаемый господин Председатель Совета Министров Республики Польша,
Уважаемые польские гости, дорогие соотечественники!

Сегодня мы собрались, чтобы почтить память репрессированных российских граждан и польских военнослужащих, которые более полувека погребены в одной общей Тверской земле. Здесь покоятся рядом шесть тысяч польских полицейских и девять тысяч наших соотечественников.

Вечная им память!

Одновременно все мы становимся участниками исторического события — открытия совместного российско-польского мемориала всем жертвам тоталитарных репрессий независимо от политических взглядов, национальности и вероисповедания. Убежден, что страшный лес, некогда скрывавший тайны расстрелов, станет символом общей памяти, скорби и примирения, местом паломничества наших детей. Мы собрались сегодня, чтобы со всей ответственностью заявить — подобное никогда не должно повториться, прошлое не должно омрачать день сегодняшний, а тем более, будущие дружественные связи наших двух стран. Мы должны устранить из российско-польских отношений оставшиеся от прошлого элементы недоверия и предубежденности.

Сегодняшнее событие подтверждает качественно новый уровень понимая общественностью обеих стран исторических событий, связывающих российский и польские народы. Убежден, что такое событие, как открытие мемориала в Катыни[2] и Медном имеет особое значение для взаимодействия между нашими государствами, для будущего развития российско-польских отношений в духе гуманитарного, межчеловеческого взаимопонимания.

Начало отношениям, осуждающим преступления тоталитаризма, принесшим столько страдания российскому и польскому народам, было положено в 1992 году. Тогда президенты обеих стран осудили преступления бесчеловечной машины сталинизма, исковеркавшей миллионы человеческих жизней. Уверен, что и в дальнейшем, память о трагедии в Медном и Катыни, общая скорбь о погибших должны только объединять наши народы.

Печ. по стенограмме видеозаписи выступления В. Рушайло в Медном 2 сентября 2000 г.

[1] В церемонии в открытия мемориала в Медном с российской стороны приняли также участие заместитель председателя Госдумы В.П. Лукин, министр культуры М.Е. Швыдкой, руководители Тверской области, представители общественности, жители Твери и окрестных селений. Польская делегация, возглавляемая председателем Совета Министров Е. Бузеком, включала маршала Сейма М. Плажиньского, многих членов правительства РП, других видных государственных деятелей этой страны, церковных иерархов, более 400 человек — родных и близких расстрелянных в 1940 г. польских военнопленных.

[2] См. №№ 238, 239.

ПЕРЕЧЕНЬ ПУБЛИКУЕМЫХ ДОКУМЕНТОВ

1. 1940 г. марта 5, Москва. Выписка из протокола № 13 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) о расстреле польских военнопленных (офицеров и полицейских) и арестованных, находившихся в тюрьмах западных областей УССР и БССР.
2. 1940 г. марта 7, Москва. Директива наркома внутренних дел комиссара госбезопасности I ранга Л.П. Берии наркому внутренних дел УССР комиссару госбезопасности III ранга И.А. Серову и наркому внутренних дел БССР ст. майору госбезопасности Л.Ф. Цанаве о выселении в район Казахстана членов семей польских военнопленных (офицеров и полицейских) и заключенных тюрем западных областей УССР и БССР.
3. 1940 г. марта 7, Москва. Директива Л.П. Берии начальнику УПВ НКВД СССР майору П.К. Сопруненко об организации работы по составлению списков военнопленных (офицеров и полицейских) с указанием местожительства членов их семей.
4. 1940 г. марта 7, Москва. Распоряжение УПВ НКВД СССР начальникам и комиссарам Старобельского, Козельского и Осташковского лагерей о составлении списков военнопленных с указанием местожительства их семей.
5. 1940 г. марта 13, Москва. Распоряжение П.К. Сопруненко начальнику Осташковского лагеря майору П.Ф. Борисовцу незамедлительно прибыть в Москву.
6. 1940 г. марта 13, Москва. Распоряжение П.К. Сопруненко начальнику Козельского лагеря капитану В.Н. Королеву и начальнику особого отделения этого лагеря мл. лейтенанту госбезопасности Г.А. Эйльману о направлении списков военнопленных, семьи которых находились на отошедшей к Германии территории, наркомам внутренних дел УССР и БССР.
7. 1940 г. марта 16, Осташков. Докладная записка начальника учетно-регистрационного отделения УПВ НКВД СССР ст. лейтенанта госбезопасности И.Б. Маклярского П.К. Сопруненко о составлении аппаратом Осташковского лагеря списков военнопленных с указанием местожительства их семей.

8. 1940 г. марта 16, Москва. Форма справки на польских военнопленных, утвержденная заместителем наркома внутренних дел СССР комиссаром госбезопасности III ранга Б.З. Кобуловым в связи с предстоявшим рассмотрением их дел «тройкой».
9. 1940 г. марта 16, Москва. Телеграмма П.К. Сопруненко И.Б. Маклярскому с предписанием немедленно закончить составление списков с членами семей польских военнопленных и возвратиться в Москву.
10. 1940 г. марта 17, Старобельск. Сведения комиссара Старобельского лагеря батальонного комиссара М.М. Киршина о количестве военнопленных в Старобельском лагере с разбивкой их по чинам.
11. 1940 г. марта 20, Москва. Директива Л.П. Берии наркому внутренних дел Казахской ССР ст. майору госбезопасности С.Н. Бурдакову о подготовке к расселению семей польских военнопленных и заключенных, депортируемых из западных областей Украины и Белоруссии в Казахстан.
12. 1940 г. марта 21, Москва. Отношение Л.П. Берии наркому путей сообщения СССР Л.М. Кагановичу о предоставлении вагонов для перевозки заключенных поляков.
13. 1940 г. марта 22, Москва. Приказ № 00350 Л.П. Берии «О разгрузке тюрем НКВД УССР и БССР».
14. 1940 г. марта 25, Москва. Изложение текста сообщения начальника отдела Главного экономического управления НКВД СССР капитана госбезопасности И.Д. Безрукова Б.З. Кобулову о состоянии дел с подготовкой к отправке польских офицеров из Старобельского лагеря.
15. 1940 г. марта 25, Москва. Распоряжение П.К. Сопруненко начальнику Старобельского лагеря капитану госбезопасности А.Г. Бережкову немедленно прекратить печатать форму справок на военнопленных в типографии.
16. 1940 г. марта 27, Москва. Распоряжение П.К. Сопруненко начальнику Ровенского лагеря о направлении военнопленных офицеров и полицейских в Козельский и Осташковский лагеря.
17. 1940 г. марта 29, Старобельск. Списки военнопленных, содержавшихся в Старобельском, Козельском и Осташковском лагерях, направленные 5-м отделом ГУГБ НКВД СССР в УПВ НКВД СССР.
18. 1940 г. марта 30, Москва. Распоряжение П.К. Сопруненко А.Г. Бережкову об очередности направления справок на польских военнопленных в УПВ НКВД СССР.
19. 1940 г. апреля 1, Москва. Предписание П.К. Сопруненко П.Ф. Борисовцу о направлении 100 военнопленных в распоряжение начальника УНКВД по Калининской области.

20. 1940 г. апреля 2, Москва. Предписание П.К. Сопруненко В.Н. Королеву о направлении 78 военнопленных в распоряжение начальника УНКВД по Смоленской области.
21. 1940 г. апреля 2, Москва. Служебная записка П.К. Сопруненко начальнику 1-го спецотдела НКВД СССР майору госбезопасности Л.Ф. Баштакову относительно разыскиваемых германским посольством в Москве польских военнопленных.
22. 1940 г. апреля 4, Москва. Приказание Л.П. Берии наркомам внутренних дел УССР и БССР об аресте унтер-офицеров бывшей польской армии, проводивших контрреволюционную работу.
23. 1940 г. апреля 4, Москва. Распоряжение П.К. Сопруненко начальникам Старобельского, Козельского и Осташковского лагерей о направлении учетных дел на лагерную агентуру в УПВ НКВД СССР.
24. 1940 г. апреля 4, Калинин. Путевая ведомость по сопровождению 343 польских военнопленных по маршруту Осташков-Калинин.
25. 1940 г. апреля 5, Калинин. Расписка помощника начальника УНКВД по Калининской области Т.Ф. Качина о приеме 343 польских военнопленных от начальника конвоя.
26. 1940 г. апреля 5, Калинин. Донесение начальника УНКВД по Калининской области капитана госбезопасности Д.С. Токарева заместителю наркома внутренних дел комиссару госбезопасности 3-го ранга В.Н. Меркулову об исполнении первого наряда в отношении 343 военнопленных.
27. 1940 г. апреля 5, Москва. Сводка начальника главного тюремного управления НКВД СССР комиссара госбезопасности III ранга С.Р. Мильштейна «о движении тюремных вагонов на железнодорожном транспорте» за 4 апреля, направленная В.Н. Меркулову.
28. 1940 г. апреля 5, Москва. Отношение П.К. Сопруненко Л.Ф. Баштакову о направлении дел на военнопленных Козельского, Осташковского и Старобельского лагерей, фигурировавших в списке 5-го отдела ГУГБ, в 1-й спецотдел.
29. 1940 г. апреля 6, Москва. Распоряжение В.Н. Меркулова И.А. Серову воздержаться от проведения оперативных мероприятий в отношении ряда семей польских военнопленных, находившихся в Старобельском и Козельском лагерях.
30. 1940 г. апреля 7, Москва. Служебная записка зам. начальника 5-го отдела ГУГБ майора госбезопасности П.А. Судоплатова заместителю начальника 1-го спецотдела капитану госбезопасности А.Я. Герцовскому о

задержании четырех польских военнопленных в Козельском лагере для проведения оперативных мероприятий.

31. 1940 г. апреля 7, Москва. Отношение П.К. Сопруненко А.Я. Герцовскому о направлении в 1-й спецотдел учетных дел на группу польских военнопленных, содержащихся в Старобельском и Осташковском лагерях.
32. 1940 г. апреля 7, Москва. Распоряжение П.К. Сопруненко начальникам Старобельского, Козельского и Осташковского лагерей об оставлении в лагерях военнопленных — агентов и осведомителей.
33. 1940 г. апреля 8, Смоленск. Приказание командования 15 бригады конвойных войск командиру 136-го батальона конвойных войск майору Т.И. Межову об отконвоировании И.Ф. Краковяка из полоцкой тюрьмы в Минск.
34. 1940 г. не ранее апреля 8, Москва. Сводка УПВ НКВД СССР о количестве польских военнопленных в лагерях НКВД СССР и Наркомчермета СССР с разбивкой по чинам.
35. 1940 г. апреля 9, Москва. Распоряжение П.К. Сопруненко начальникам Старобельского, Козельского и Осташковского лагерей сообщать в УПВ НКВД СССР о количестве и датах отправки военнопленных из лагерей.
36. 1940 г. апреля 10, Москва. Постановление СНК СССР по вопросу о выселении из западных областей Украины и Белоруссии лиц, указанных в постановлении СНК СССР от 2 марта 1940 г., с приложениями.
37. 1940 г. апреля 11, Козельск. Донесение В.Н. Королева П.К. Сопруненко о количестве военнопленных, отправленных из Козельского лагеря.
38. 1940 г. апреля 11, Москва. Распоряжение П.К. Сопруненко начальнику УНКВД по Сумской области капитану госбезопасности М.Ф. Вещникину о направлении военнопленного Л. Гельбарда в Старобельский лагерь и оформлении на него учетных документов.
39. 1940 г. апреля 12, Москва. Распоряжение П.К. Сопруненко П.Ф. Борисовцу о необходимости проверки списков польских военнопленных, отправляемых из Осташковского лагеря.
40. 1940 г. апреля 14, Москва. Политдонесение УПВ НКВД СССР В.Н. Меркулову о настроениях польских военнопленных перед отправкой из лагерей.
41. 1940 г. апреля 14, Москва. Распоряжение зам. начальника УПВ лейтенанта госбезопасности И.И. Хохлова начальнику Запорожского лагеря лейтенанту госбезопасности Л.П. Лебедеву о выявлении среди военнопленных служащих полиции и офицеров.

42. 1940 г. апреля 14, Старобельск. Донесение начальника особого отделения Старобельского лагеря младшего лейтенанта госбезопасности М.И. Лебедева о направлении учетных дел на группу военнопленных, проходящих по агентурным делам.
43. 1940 г. апреля 15, Калинин. Донесение Д.С. Токарева В.Н. Меркулову об исполнении «восьмого наряда».
44. 1940 г. апреля 15, Москва. Служебная записка А.Я. Герцовского И.И. Хохлову о снятии с контроля дел на военнопленных А. Бонка, Р. Корнеля, Т. Мажеца и М. Осовского.
45. 1940 г. апреля 15, Москва. Распоряжение И.И. Хохлова А.Г. Бережкову и В.Н. Королеву о высылке с нарочным в УПВ НКВД СССР оставшихся учетных дел польских военнопленных со справками.
46. 1940 г. апреля 15, Осташков. Донесение П.Ф. Борисовца П.К. Сопруненко о военнопленном Ф. Мастоляше и его восьмилетнем сыне, помещенном в Осташковский детский дом.
47. 1940 г. апреля 15, Козельск. Донесение В.Н. Королева П.К. Сопруненко о наличии ошибок в списках на отправку польских военнопленных, полученных от УПВ.
48. 1940 г. апреля 16, Москва. Распоряжение И.И. Хохлова начальнику Криворожского лагеря М.А. Второву и руководителю бригады НКВД СССР Г.И. Антонову о направлении осадников в Осташковский лагерь.
49. 1940 г. апреля 19, Калинин. Расписка Т.Ф. Качина о приеме этапа в составе 345 польских военнопленных от ст. лейтенанта П.Ф. Дулебова.
50. 1940 г. апреля 20, Калинин. Донесение Д.С. Токарева В.Н. Меркулову об «исполнении 345».
51. 1940 г. апреля 22, Москва. Распоряжение И.И. Хохлова начальникам Старобельского, Козельского и Осташковского лагерей об отправке польских военнопленных в Юхновский лагерь.
52. 1940 г. апреля 22, Москва. Распоряжение И.И. Хохлова начальникам лагерей о направлении в УПВ НКВД СССР учетных дел на польских военнопленных, находящихся в больницах.
53. 1940 г. апреля 22, Москва. Политдонесение УПВ НКВД СССР В.Н. Меркулову о настроениях польских военнопленных, отправляемых из Старобельского, Козельского и Осташковского лагерей.
54. 1940 г. не ранее апреля 22, Калинин. Сводная путевая ведомость по сопровождению польских военнопленных по маршруту Осташков — Калинин в период с 6 по 22 апреля.

55. 1940 г. апреля 22, Калинин. Расписка Т.Ф. Качина о приеме этапа из 296 польских военнопленных от П.Ф. Дулебова.
56. 1940 г. апреля 23, Калинин. Донесение Д.С. Токарева В.Н. Меркулову об «исполнении 296».
57. 1940 г. апреля 24, Калинин. Донесение Д.С. Токарева В.Н. Меркулову об «исполнении 292».
58. 1940 г. апреля 25, Калинин. Донесение Д.С. Токарева В.Н. Меркулову об «исполнении 195».
59. 1940 г. апреля 25, Москва. Служебная записка А.Я. Герцовского И.И. Хохлову о снятии с контроля и направлении на рассмотрение дел польских военнопленных по прилагаемому списку.
60. 1940 г. апреля 26, Калинин. Донесение Д.С. Токарева В.Н. Меркулову об «исполнении 294».
61. 1940 г. апреля 26, Козельск. Донесение В.Н. Королева И.И. Хохлову об отправке в Юхновский лагерь 107 военнопленных.
62. 1940 г. апреля 26, Осташков. Политдонесение комиссара Осташковского лагеря И.А. Юрасова комиссару УПВ НКВД СССР С.В. Нехорошеву о настроениях польских военнопленных перед отправкой из лагеря.
63. 1940 г. апреля 27, Москва. Директива В.Н. Меркулова Д.С. Токареву о внесении исправлений в предписания на польских военнопленных.
64. 1940 г. апреля 27, Москва. Служебная записка А.Я. Герцовского И.И. Хохлову о задержке этапирования из лагеря военнопленных С. Свяневича и М. Ромма.
65. 1940 г. апреля 28, Москва. Отношение А.Я. Герцовского И.И. Хохлову о направлении в распоряжение НКВД СССР С.Свяневича.
66. 1940 г. позднее апреля 29, Осташков. Сводка об отправке польских военнопленных из Осташковского лагеря с 6 по 29 апреля.
67. 1940 г. апреля 30, Калинин. Донесение заместителя начальника УНКВД по Калининской области Табачникова В.Н. Меркулову об «исполнении 294».
68. 1940 г. мая 3, Москва. Справка П.К. Сопруненко о прохождении дел на польских военнопленных в аппарате НКВД СССР.
69. 1940 г. мая 3, Козельск. Донесение В.Н. Королева И.И. Хохлову о количестве польских военнопленных, отправленных из лагеря в апреле 1940 г. и оставшихся в лагере.
70. 1940 г. мая 4, Москва. Распоряжение по прямому проводу П.К. Сопруненко начальникам Старобельского, Козельского и Осташковского ла-

герей о срочном направлении в УПВ сведений о количестве польских военнопленных в лагере.

71. 1940 г. не ранее мая 5, Москва. Сводка П.К. Сопруненко о наличии польских военнопленных в спецлагерях НКВД СССР на 5 мая.
72. 1940 г. мая 9, Москва. Распоряжение по прямому проводу П.К. Сопруненко Г.И. Антонову об этапировании 2000 польских военнопленных, находящихся на работах в Криворожском бассейне, на Строительство № 1 НКВД СССР.
73. 1940 г. мая 10, Москва. Распоряжение по прямому проводу зам. наркома внутренних дел комдива В.В. Чернышова Г.И. Антонову об этапировании 8000 военнопленных в Северный железнодорожный лагерь (СЖДЛ).
74. 1940 г. мая 10, Москва. Предписание П.К. Сопруненко А.Г. Бережкову о направлении А.М. Рунца в распоряжение УНКВД по Харьковской области.
75. 1940 г. мая 11, Осташков. Донесение П.Ф. Борисовца Д.С. Токареву об «исполнении 208».
76. 1940 г. мая 11, Калинин. Расписка Т.Ф. Качина о приеме этапа из 208 польских военнопленных от мл. лейтенанта Шавлова.
77. 1940 г. мая 11, Осташков. Акт приема в Осташковский лагерь 18 военнопленных, прибывших из Криворожского лагеря.
78. 1940 г. мая 13, Калинин. Сводная путевая ведомость по сопровождению польских военнопленных по маршруту Осташков — Калинин за период с 24 апреля по 13 мая.
79. 1940 г. мая 14, Козельск. Справка В.Н. Королева о количестве поступивших из УПВ нарядов на отправку и отправленных из лагеря польских военнопленных по спискам НКВД СССР.
80. 1940 г. мая 17, Осташков. Справка П.Ф. Борисовца об отправке в УНКВД по Калининской области польских военнопленных и количестве оставшихся в лагере с приложениями.
81. 1940 г. мая 18, Старобельск. Донесение А.Г. Бережкова П.К. Сопруненко о количестве полученных от УПВ НКВД СССР предписаний и отправленных по ним польских военнопленных с 5 апреля по 12 мая 1940 г. с приложениями.
82. 1940 г. мая 19, Козельск. «Список польских военнопленных, содержащихся в Козельском лагере».
83. 1940 г. мая 19, Москва. Служебная записка П.К. Сопруненко А.Я. Герцовскому о направлении польского военнопленного Б. Пжемшы в черниговскую тюрьму.

84. 1940 г. мая 19, Москва. Распоряжение П.К. Сопруненко П.Ф. Борисовцу о направлении 8 польских военнопленных из Осташковского лагеря в распоряжение УНКВД по Калининской области.
85. 1940 г. мая 20, поселок Розовка. Прошение детей военнопленных И.В. Сталину об освобождении своих отцов из Осташковского лагеря.
86. 1940 г. мая 21, Москва. Приказ № 00626 НКВД СССР «Об увеличении штата особого отделения Юхновского лагеря НКВД СССР для военнопленных».
87. 1940 г. мая 21, Смоленск. Приказ № 119/а по 136 отдельному конвойному батальону об успешном выполнении задачи по «разгрузке» Козельского лагеря.
88. 1940 г. мая 22, Калинин. Донесение Д.С. Токарева В.Н. Меркулову «об исполнении 64».
89. 1940 г. мая 23, Москва. Отношение П.К. Сопруненко начальнику Главного управления конвойных войск (ГУКВ) НКВД СССР комбригу В.М. Шарапову о снятии охраны Козельского, Осташковского и Старобельского лагерей в связи с отправкой из них всех военнопленных.
90. 1940 г. ранее 25 мая, Москва. Справка УПВ НКВД СССР о количестве польских военнопленных, отправленных из спецлагерей в распоряжение УНКВД трех областей и в Юхновский лагерь.
91. 1940 г. мая 25, Осташков. Докладная записка П.Ф. Борисовца П.К. Сопруненко о контингенте, режиме, условиях охраны польских военнопленных за весь период пребывания их в Осташковском лагере.
92. 1940 г. мая не ранее 26, Москва. Справка П.К. Сопруненко о количестве польских военнопленных, отправленных в Юхновский лагерь из трех спецлагерей с разбивкой по основаниям для их отправки.
93. 1940 г. мая 28, Имантов, Арык-Балыкского района, Акмолинской области. Прошение ученицы 3-го класса К. Микуцкой и ее брата С. Микуцкого И.В. Сталину об освобождении из плена их отца.
94. 1940 г. июня 8, Старобельск. Сведения начальника особого отделения Старобельского лагеря сержанта госбезопасности М.М. Гайдидея о количестве оставшейся входящей и исходящей корреспонденции польских военнопленных.
95. 1940 г. июня 9, Москва. Справка В.В. Чернышова о готовности лагерей к приему нового контингента.
96. 1940 г. июня 10, Москва. Политдонесение С.В. Нехорошева и Н.А. Воробьева В.Н. Меркулову «о политико-моральном состоянии военнопленных Юхновского лагеря».

97. 1940 г. июня 13, Москва. Распоряжение П.К. Сопруненко и И.Б. Маклярского А.Г. Бережкову о проведении расследования в связи с отправкой корреспонденции польских военнопленных.
98. 1940 г. ранее 14 июня, Москва. Справка УПВ НКВД СССР о возможности дополнительного приема в лагеря военнопленных.
99. 1940 г. июня 15, Москва. Распоряжение П.К. Сопруненко и И.Б. Маклярского А.Г. Бережкову об уничтожении корреспонденции и фотографий, оставшихся от военнопленных.
100. 1940 г. июня 17, Корнеевка, Казахская ССР. Заявление польской гражданки И. Томяк начальнику Осташковского лагеря с просьбой указать местонахождение ее мужа — военнопленного И.И. Томяка.
101. 1940 г. июня 19, Москва. Служебная записка начальника 5-го отдела ГУГБ ст. майора госбезопасности П.М. Фитина П.К. Сопруненко об отправке интернированных легионеров бывшего чешского легиона Войска польского из Суздальского лагеря в Одессу.
102. 1940 г. июнь, Москва. Справка И.Б. Маклярского о составе военнопленных, содержавшихся в Севжелдорлаге.
103. 1940 г. июля 1, Москва. Сводка УПВ НКВД СССР о количестве польских военнопленных, содержавшихся в Грязовецком лагере на 1 июля 1940 г.
104. 1940 г. июля 6, Москва. Приказ № 00806 Л.П. Берии «О перевозке интернированных в Литве военнослужащих и полицейских бывшего польского государства в лагеря НКВД СССР для военнопленных».
105. 1940 г. июля 11, Москва. Распоряжение В.В. Чернышова начальнику Главного управления лагерей железнодорожного строительства НКВД СССР Н.А. Френкелю и П.К. Сопруненко относительно содержания и использования военнопленных в СЖДЛ.
106. 1940 г. июля 22, Москва. Сводка о составе интернированных в Козельском и Юхновском лагерях с сопроводительным письмом к ней, адресованным В.В. Чернышову.
107. 1940 г. августа 7, Грязовец. Спецсообщение начальника особого отделения Грязовецкого лагеря Г.А. Эйльмана П.К. Сопруненко о массовом отказе военнопленных от приема пищи.
108. 1940 г. августа 12, Грязовец. Справка особого отделения Грязовецкого лагеря о Ю. Чапском.
109. 1940 г. августа 15, Москва. Приказ НКВД СССР № 001011 «О переводе интернированных в Латвии военнослужащих и полицейских бывшего польского государства в лагеря для военнопленных».

110. 1940 г. августа 17, Москва. Служебная записка П.К. Сопруненко заместителю наркома внутренних дел УССР ст. майору госбезопасности Н.Д. Горлинскому относительно оперативного использования корреспонденции, адресованной «убывшим» из Старобельского, Козельского и Осташковского лагерей военнопленным.
111. 1940 г. августа 21, Гоща, Ровенская область. Письмо Славы Билевич ее сыну Витольду Билевичу, ранее содержавшемуся в Козельском лагере, о депортации его жены и сына.
112. 1940 г. августа 21, Грязовец. Докладная записка Г.А. Эйльмана начальнику УНКВД по Вологодской области майору госбезопасности П.П. Кондакову о расследовании причин драки между военнопленными.
113. 1940 г. августа 21, Рига. Распоряжение врид. заместителя начальника Управления госбезопасности МВД Латвийской ССР Силиньша начальникам районных отделений УГБ о проведении перерегистрации всех интернированных военнослужащих бывшего польского государства.
114. 1940 г. августа 26, Москва. Отношение начальника Центрального справочного бюро по военнопленным при Исполкоме Союза обществ Красного Креста и Красного полумесяца СССР С.Г. Большакова П.К. Сопруненко с приложением запроса Венгерского Красного Креста о Я. Збиевском.
115. 1940 г. сентября 3, Москва. Политдонесение С.В. Нехорошева и Н.А. Воробьева «о политико-моральном состоянии интернированных в Козельском и Юхновском лагерях».
116. 1940 г. сентября 4, Москва. Выписка из протокола № 103. Особого совещания при НКВД СССР об осуждении на 3 года Ф.Е. Чубока.
117. 1940 г. сентября 5, Грязовец. Спецсообщение Г.А. Эйльмана П.К. Сопруненко и П.П. Кондакову о подготовке военнопленных к голодовке в связи с запрещением переписки с родными.
118. 1940 г. сентября 6, Грязовец. Заявление генерала Е. Волковицкого в УПВ НКВД СССР с требованием разрешить переписку военнопленных со своими семьями.
119. 1940 г. сентября 9, Грязовец. Докладная записка Г.А. Эйльмана П.К. Сопруненко о результатах следствия, проведенного особым отделением Грязовецкого лагеря.
120. 1940 г. сентября 9, Грязовец. Служебная записка П.К. Сопруненко начальнику особого отдела ГУГБ НКВД СССР майору госбезопасности А.Н. Михееву об оперативном обслуживании военнопленных и интернированных.

121. 1940 г. сентября 10, Москва. Распоряжение П.К. Сопруненко руководству Старобельского лагеря об уничтожении учетных дел военнопленных.
122. 1940 г. сентября 26, Грязовец. Заявление Е. Волковицкого в УПВ НКВД СССР с требованием улучшить материальное содержание военнопленных.
123. 1940 г. ранее 28 сентября, Москва. Докладная записка П.К. Сопруненко В.Н. Меркулову относительно ситуации, связанной с запрещением переписки военнопленных со своими семьями.
124. 1940 г. сентября 29, Вологда. Спецсообщение П.П.Кондакова Л.П. Берии «о контрреволюционной деятельности группы польских военнопленных Грязовецкого лагеря».
125. 1940 г. октября 2, Москва. Проект докладной записки В.В. Чернышова Л.П. Берии о дальнейшем использовании военнопленных Ровенского лагеря.
126. 1940 г. октября 4, Минск. Служебная записка Л.Ф. Цанавы П.К. Сопруненко о передаче в распоряжение 3-го отдела УГБ НКВД БССР 25 интернированных, вывезенных из Латвии.
127. 1940 г. октября 15, Москва. Письмо начальника иностранного отдела ИК СОКК и КП Т.А. Синицыной П.К. Сопруненко с приложением письма президента Международного Комитета Красного Креста М. Губера об организации работы по розыску польских военнопленных.
128. 1940 г. октября 26, Москва. Приказ наркома внутренних дел СССР Л.П. Берии № 001365 «О награждении работников НКВД»
129. 1940 г. октября 26, Москва. Сообщение П.К. Сопруненко В.Н. Меркулову о самоубийстве интернированного Ю. Василевского в Козельском лагере.
130 1940 г. ноября 2, Москва. Докладная записка Л.П. Берии И.В. Сталину относительно плана создания на территории СССР воинского соединения из польских военнопленных.
131. 1940 г. ноября 13, Москва. Распоряжение начальника 2-го отдела Главного тюремного управления НКВД СССР И.Я. Ильина начальнику тюремного управления НКВД УССР А.Ф. Филиппову о вывозе из Старобельского лагеря осужденных Особым совещанием перебежчиков.
132. 1940 г. декабря 7, Грязовец. Политдонесение начальника и замполита Грязовецкого лагеря П.К. Сопруненко о настроениях военнопленных.
133. 1940 г. декабря 7, Москва. Приказ НКВД СССР № 001522 «С объявлением положения о Львовском строительном лагере НКВД для военнопленных».
134. 1940 г. декабря 11, Москва. Справка УПВ НКВД СССР о военнопленных Р. Буховском и В. Мущинском, расстрелянных весной 1940 г.

135. 1941 г. января 10, Москва. Справка старшего инспектора учетно-регистрационного отдела УПВ НКВД СССР мл. лейтенанта госбезопасности М.Е. Гобермана о количестве умерших военнопленных в СЖДЛ.
136. 1941 г. января 24, Москва. Распоряжение П.К. Сопруненко начальнику особого отделения Козельского лагеря мл. лейтенанту госбезопасности М.М. Стариковичу в связи с направлением ему 31 учетного дела на содержащихся в Юхновском лагере военнопленных, связанных до войны с польскими спецслужбами.
137. 1941 г. январь, Москва. Предложения П.К.Сопруненко относительно трудового использования военнопленных и интернированных.
138. 1941 г. февраля 27, Москва. Служебная записка П.К. Сопруненко А.Я. Герцовскому о передаче дел пытавшихся бежать военнопленных на Особое совещание.
139. 1941 г. марта 5, Козельск. Спецсообщение М.М. Стариковича и оперуполномоченного особого отделения Козельского лагеря В.П. Тютенкова о самоубийстве интернированного Ю. Ткача.
140. 1941 г. не ранее марта 8, Москва. Справка УПВИ о политико-моральном состоянии военнопленных и интернированных за январь и февраль 1941 г.
141. 1941 г. марта 15, Москва. Справка УПВИ о количестве военнопленных, принятых и убывших из лагерей НКВД СССР с октября 1940 г. по март 1941 г.
142. 1941 г. марта 27, Москва. Докладная записка П.К. Сопруненко Л.П. Берии о рассмотрении на Особом совещании дел интернированных — бывших полицейских, жандармов, служащих других карательных органов, содержащихся в Козельском лагере.
143. 1941 г. апреля 6, село Богданки Заблудовского района Белостокской области. Заявление Брониславы Шолленберг наркому иностранных дел СССР В.М. Молотову относительно судьбы ее мужа Артура Шолленберга, ранее содержавшегося в Козельском лагере.
144. 1941 г. апреля 17, поселок Большая Буконь, Кокпектыньского района Семипалатинской области. Письмо Марии Бэм начальнику Старобельского лагеря с просьбой переслать ее записку мужу Эдварду Бэму.
145. 1941 г. апреля 22, Москва. Сопроводительное письмо П.К. Сопруненко В.Н. Меркулову о направлении ему писем Е. Волковицкого В.М. Молотову и послу Югославии в СССР с приложениями.
146. 1941 г. апреля 22, Москва. Докладная записка П.К. Сопруненко В.В. Чернышову об условиях содержания военнопленных в СЖДЛ.

147. 1941 г. апреля 24, Москва. «Инструкция НКВД СССР и НКГБ СССР о порядке ссылки в отдаленные северные районы Союза ССР членов семей лиц, находящихся на нелегальном положении и осужденных участников контрреволюционных организаций украинских, белорусских и польских националистов».
148. 1941 г. мая 6, Москва. Рапорт помощника начальника 4-го отдела УПВИ Г.Ю. Кальмановича П.К. Сопруненко о медицинском освидетельствовании интернированных в Козельском и Юхновском лагерях.
149. 1941 г. мая 10, Грязовец. Заявление военнопленного П. Стурлиса Л.П. Берии о тяжелом положении его семьи, депортированной в Казахстан.
150. 1941 г. мая 15, Москва. Приказ НКВД СССР № 00586сс «Об организации временного лагеря НКВД для военнопленных на пункте «Поной» Мурманской области».
151. 1941 г. мая 22, Москва. Справка Н.А. Воробьева «О местонахождении польских военнопленных и интернированных и их трудоиспользовании».
152. 1941 г. июня 3, поселок Теткино, Путивльская область. Записка военнопленного М. Моравского «Международная обстановка и будущее Польши», направленная П.К. Сопруненко Л.П. Берии.
153. 1941 г. июня 4, Москва. Выписка из сов. секретного протокола (особой папки) Политбюро ЦК ВКП(б) № 33 относительно утверждения решения СНК СССР о создании стрелковой дивизии, укомплектованной лицами польской национальности.
154. 1941 г., 22 июня 1941 г., Москва. Докладная записка В.В. Чернышова Л.П. Берии о направлении 23 тысяч арестованных в лагеря ГУЛАГа.
155. 1941 г. июня 22, Москва. Докладная записка В.В. Чернышова и П.К. Сопруненко Л.П. Берии о наличии военнопленных и интернированных в лагерях НКВД.
156. 1941 г. июня 22, Москва. Записка по прямому проводу В.В. Чернышова наркому внутренних дел УССР В.Т. Сергиенко об эвакуации военнопленных Львовского лагеря.
157. 1941 г. июнь, Москва. «Справка о военнопленных и интернированных военнослужащих быв. польской армии».
158. 1941 г. июля 3, Москва. Сводка № 22 Управления конвойных войск об эвакуации лагерей и тюрем.
159. 1941 г. начало июля, Москва. Докладная записка В.В. Чернышова Л.П. Берии об эвакуации военнопленных и интернированных и сосредоточении их в Южском, Старобельском, Суздальском и Грязовецком лагерях.

160. 1941 г. июля 5, Грязовец. Внеочередное донесение начальника Грязовецкого лагеря ст. батальонного комиссара Н.В. Ходаса П.К. Сопруненко о прибытии и размещении интернированных из Козельского лагеря.
161. 1941 г. июля 10, Смоленск. Приказ № 162 по 252 полку конвойных войск о конвоировании заключенных по маршруту Смоленск — Катынь.
162. 1941 г. июля 11, Москва. Справка Н.А. Воробьева о количестве и категориях интернированных, отправленных из Козельского и Юхновского лагерей в лагерь «Поной».
163. 1941 г. июля 29, Москва. Заявления Е. Волковицкого И.В. Сталину и послу Великобритании в СССР с ходатайством об отправке польских военнопленных в английские владения.
164. 1941 г. июля 28, Москва. Сопроводительное письмо П.К. Сопруненко к заявлению генерала В. Пшездецкого, направленное вместе с заявлением В.М. Меркулову.
165. 1941 г. июля 30, Лондон. Соглашение между Правительством СССР и Польским Правительством.
166. 1941 г. ранее августа 6, Старобельск. Справка и.о. начальника особого отделения Старобельского лагеря об итогах эвакуации Львовского лагеря.
167. 1941 г. августа 11, Грязовец. Внеочередное донесение Н.В. Ходаса П.К. Сопруненко об активизации деятельности Е. Волковицкого и В. Пшездецкого в Грязовецком лагере, направленное И.А. Серову.
168. 1941 г. августа 12, Москва. Указ Президиума Верховного Совета СССР «О предоставлении амнистии польским гражданам, содержащимся в заключении на территории СССР».
169. 1941 г. августа 12, Москва. Выписка из сов. секретного протокола (особой папки) Политбюро ЦК ВКП(б) № 34, пункт 333 «о порядке освобождения и направления польских граждан, амнистируемых согласно Указа Президиума Верховного Совета СССР (Постановление СНК СССР и ЦК ВКП/б/)».
170. 1941 г. августа 30, Москва. Спецсообщение начальника оперативного отдела ГУЛАГа НКВД СССР Я.А. Иорша «О настроениях содержащихся в лагерях НКВД бывших польских граждан в связи с Соглашением между СССР и Польским правительством».
171. 1941 г. сентября 12, Москва. Докладная записка П.К. Сопруненко В.Н. Меркулову о направлении польских военнопленных и интернированных в пункты формирования польской армии на территории СССР.

172. 1941 г. октября 1, Москва. Докладная записка Л.П. Берии И.В. Сталину и В.М. Молотову о ходе освобождения польских граждан – заключенных, ссыльных и военнопленных.
173. 1941 г. ноября 3, Москва. Постановление Государственного Комитета Обороны (ГКО) № 863сс «О польской армии на территории СССР».
174. 1941 г. ноября 30, Москва. Докладная записка Л.П. Берии И.В. Сталину об антисоветских настроениях в польской армии на территории СССР.
175. 1941 г. декабря 3, Куйбышев. Справка УПВИ о бывших польских военнопленных, содержавшихся в лагерях НКВД с 1939 по 1941 г. с приложением.
176. 1941 г. декабря 3, Москва. Запись беседы И.В. Сталина и В.М. Молотова с председателем Совета Министров Польши В. Сикорским и командующим польской армией на территории СССР генералом В. Андерсом.
177. 1941 г. декабря 25. Постановление ГКО № 1064сс «О польской армии на территории СССР».
178. 1942 г. января 2, Куйбышев. Письмо генерального секретаря Исполкома Коминтерна Г. Димитрова заместителю наркома иностранных дел СССР А.Я. Вышинскому об антисоветских настроениях в польской армии на территории СССР.
179. 1942 г. января 28, Лондон. Нота МИД Республики Польша, врученная послу СССР при польском правительстве в Лондоне А.Е. Богомолову, относительно освобождения польских граждан из советских лагерей и тюрем.
180. 1942 г. марта 14, Москва. Докладная записка Л.П. Берии И.В. Сталину о положении в польской армии на территории СССР.
181. 1942 г. апреля 4, Москва. Докладная записка Л.П. Берии И.В. Сталину о предстоявшем выводе Армии Андерса с территории СССР.
182. 1942 г. июля 24, Москва. Докладная записка Л.П. Берии И.В. Сталину о положении и настроениях в польской армии на территории СССР.
183. 1942 г. октября 14, Москва. Выписка из сов. секретного протокола (особой папки) заседаний Политбюро ЦК ВКП/б/ № 38 пункт 224 «Вопрос НКИД и НКВД» о передаче на рассмотрение военных трибуналов дел 16 арестованных сотрудников представительств и доверенных лиц польского посольства и выдворении 78 лиц этих категорий за пределы СССР.
184. 1943 г. января 15, Москва. Докладная записка Л.П. Берии И.В. Сталину о бывших польских гражданах на территории СССР и порядке выдачи им советских паспортов.
185. 1943 г. января 15, Москва. Выписка из сов. секретного протокола (особой папки) заседаний Политбюро ЦК ВКП/б/ № 39 пункт 155 «О советском гражданстве некоторых категорий быв. польских граждан».

186. 1943 г. апреля 13, 9 часов 15 минут, Берлин. Сообщение берлинского радио о массовых захоронениях польских офицеров в Катынском лесу.
187. 1943 г. апрель 16, Москва. Заявление Совинформбюро об обнаружении массовых захоронений польских офицеров в Катынском лесу, озаглавленное «Гнусное измышление немецко-фашистских палачей».
188. 1943 г. апреля 16, Лондон. Коммюнике министра обороны Республики Польша М. Кукеля в связи с германским заявлением об обнаружении массовых захоронений польских офицеров в Катыни.
189. 1943 г. апреля 19, Москва. Передовая статья в г. «Правда» «Польские сотрудники Гитлера».
190. 1943 г. апреля 21, Москва. «Личное и секретное послание премьера И.В. Сталина Президенту г. Франклину Д. Рузвельту».
191. 1943 г. апреля 24, Лондон. «Личное и секретное послание от Премьер-министра г-на Уинстона Черчилля Маршалу И.В. Сталину».
192. 1943 г. апреля 25, Москва. Нота Советского Правительства о решении прервать отношения с Польским правительством.
193. 1943 г. апреля 26, Вашингтон. Личное и секретное послание президента США Ф. Рузвельта И.В. Сталину.
194. 1943 г. апреля 27, Москва. Шифрограмма Г. Димитрова секретарю ЦК ППР П. Финдеру в связи с приостановлением дипломатических отношений СССР с польским правительством.
195. 1943 г. апреля 28, Лондон. Письмо премьер-министра Великобритании У. Черчилля министру иностранных дел Великобритании А. Идену в связи с катынской проблемой.
196. 1943 г. мая 6, Москва. Постановление ГКО о формировании на территории СССР польской стрелковой дивизии им. Т. Костюшко.
197. 1943 г. май 24, Лондон. Сообщение посла Великобритании при польском правительстве в Лондоне О. О'Малли А. Идену относительно телеграммы из Варшавы по катынскому делу с приложением ее текста.
198. 1943 г. июня 23, Спасозаводск. Список польских военнопленных, содержавшихся в лагере НКВД № 99, на которых имелся компрометирующий материал.
199. 1943 г. июнь, Варшава. Фрагмент «отчета Технической комиссии Польского Красного Креста о ходе работ в Катыни».
200. 1943 г. августа 30, Свердловск. Акт о передаче 21365 «польских дел 1940 г.» из 1-го спецотдела НКВД СССР в отдел «А» НКГБ СССР.

201. 1943 г. сентября 2, Москва. Письмо академика Н.Н. Бурденко В.М. Молотову относительно совпадения методов расстрела польских офицеров в Катынском лесу и советских граждан в Орле.
202. 1943 г. сентября 22, Москва. Докладная записка начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александрова секретарю ЦК ВКП(б) А.С. Щербакову о необходимости создания комиссии для расследования «немецких» злодеяний в Катынском лесу.
203. 1943 г. ноября 9, Москва. Письмо В. Василевской И.В. Сталину относительно состава Национального Комитета Свободной Польши с сопроводительным письмом Г.С. Жукова.
204. 1943 г. декабря 3, Москва. Справка «О военнопленных поляках, содержавшихся в лагерях НКВД в 1939—41 гг.», составленная начальником 2-го отдела УПВИ майором И.С. Денисовым.
205. 1944 г. января 12, Москва. «Протокол № 23 заседания Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР».
206. 1944 г. января 13, Москва. Протокол № 1 заседания Специальной комиссии под председательством Н.Н. Бурденко.
207. 1944 г. января 18, Смоленск. Протокол № 2 заседания Специальной комиссии под председательством Н.Н. Бурденко.
208. 1944 г. января 18, Смоленск. Протокол № 3 заседания Специальной комиссии под председательством Н.Н. Бурденко.
209. 1944 г. января 18, Москва. Письмо председателя ЧГК Н.М. Шверника Н.Н. Бурденко о направлении ему документа «Германская фальшивка о «катынских убийствах».
210. 1944 г. января 18, Москва. Сообщение ТАСС о расследовании злодеяний в Катыни.
211. 1944 г. января 19, Смоленск. Протокол № 4 заседания Специальной комиссии под председательством Н.Н. Бурденко.
212. 1944 г. января 20, Смоленск. Протокол № 5 заседания Специальной комиссии под председательством Н.Н. Бурденко.
213. 1944 г. января 23, Смоленск. Протокол № 6 заседания Специальной комиссии под председательством Н.Н. Бурденко.
214. 1944 г. января 24, Смоленск. Письмо Н.Н. Бурденко В.Н. Меркулову в связи с высказываниями председателя Исполкома СОКК и КП С.А. Колесникова.

215. 1944 г. января 24, Москва. Проект «Сообщения Специальной комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу военнопленных польских офицеров».
216. 1944 г. февраля 3, Москва. Письмо А.Н. Толстого Н.М. Швернику относительно кинохроники «Катынского дела».
217. 1944 г. февраля 16, Москва. Докладная записка Г.С. Жукова И.В. Сталину относительно арестованных в Армии Андерса польских офицеров.
218. 1944 г. мая 3, Москва. Докладная записка Л.П. Берии И.В. Сталину с приложением «Справки по учету бывших польских граждан», подписанной В.Н. Меркуловым 1 мая 1944 г.
219. 1945 г. октября 21, Москва. Докладная записка Л.П. Берии И.В. Сталину относительно участи 27 тысяч заключенных поляков.
220. 1946 г. марта 16, Москва. Инструкция Правительственной комиссии по Нюрнбергскому процессу главному обвинителю от СССР на процессе главных немецких военных преступников Р.А. Руденко по «катынскому делу».
221. 1946 г. марта 18, Нюрнберг. Представление Р.А. Руденко Международному военному трибуналу в связи с решением МВТ удовлетворить ходатайство защитника Г. Геринга О. Штаммера о вызове свидетелей по «катынскому делу».
222. 1946 г. марта 21, Москва. «Запись заседания Правительственной комиссии по Нюрнбергскому процессу».
223. 1946 г. мая 24, Москва. «Протокол заседания Комиссии по руководству Нюрнбергским процессом».
224. 1946 г. июня 11, Москва. «Протокол № 7 заседания Комиссии по руководству Нюрнбергским процессом».
225. 1951 г. февраля 29, Москва. Нота Посольства СССР в США Госдепартаменту США в связи с работой комиссии Конгресса США по катынскому вопросу.
226. 1952 г., декабрь, Вашингтон. Выдержки из заключения Специального комитета по проведению расследования злодеяний в Катынском лесу, учрежденного палатой представителей Конгресса США.
227. 1959 г. марта 3, Москва. Записка председателя Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР А.Н. Шелепина первому секретарю ЦК КПСС Н.С. Хрущеву с проектом постановления Президиума ЦК КПСС об уничтожении дел по операции, санкционированной решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г.

228. 1971 г. апреля 15. Москва. Выписка из протокола № 1 (особой папки) заседания Политбюро ЦК КПСС «О представлении МИД Англии в связи с антисоветской кампанией вокруг так называемого «Катынского дела»».
229. 1972 г. сентября 8, Москва. Выписка из протокола № 60 (особой папки) заседания Политбюро ЦК КПСС «О представлении английскому посольству в Москве в связи с антисоветской кампанией в Англии вокруг предполагаемого строительства в Лондоне «памятника жертвам Катыни».
230. 1973 г. марта 2, Москва. Выписка из протокола № 80 (особой папки) зседания Политбюро ЦК КПСС «О представлении английскому правительству в связи с антисоветской кампанией вокруг сооружения в Лондоне так называемого «памятника жертвам Катыни»».
231. 1976 г. апреля 5, Москва. Выписка из протокола № 3 (особой папки) заседания Политбюро ЦК КПСС «О мерах противодействия западной пропаганде по так называемому «Катынскому делу»».
232. 1988 г. мая 5, Москва. Выписка из протокола № 119 (особой папки) заседания Политбюро ЦК КПСС «О мерах по обустройству места захоронения польских офицеров в Катыни (Смоленская область) и расширении доступа граждан ПНР и других стран».
233. 1989 г. марта 22, Москва. Записка министра иностранных дел СССР Э.А. Шеварднадзе, зав. международным отделом ЦК КПСС В.М. Фалина и председателя КГБ СССР В.А. Крючкова в ЦК КПСС «К вопросу о Катыни».
234. 1990 г. февраля 22, Москва. Записка В.М. Фалина М.С. Горбачеву «Дополнительные сведения о трагедии в Катыни»
235. 1990 г. апреля 13, Москва. Заявление ТАСС по катынскому вопросу.
236. 1995г. мая 22, Москва. Послание Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина Президенту Республики Польша Л. Валенсе в связи с 55-й годовщиной катынской трагедии.
237. 1995 г., июня 4, Катынь. Выступление председателя Комитета Катынских семей г. Щецина Е. Грунер-Жарнох на церемонии закладки краеугольного камня под строительство польского военного кладбища.
238. 2000 г. июля 28, Катынь. Выступление председателя Совета Министров Республики Польша Е. Бузека во время открытия и освещения польского военного кладбища.
239. 2000 г. июля 28, Катынь. Выступление заместителя председателя Правительства Российской Федерации В.Б. Христенко на церемонии открытия мемориального комплекса, посвященного памяти советских и польских жертв тоталитарных репрессий.

240. 2000 г. сентября 2, Варшава. Послание Президента Республики Польша А.Квасневского участникам торжественного открытия польского кладбища жертв катынского преступления в Медном.

241. 2000 г. сентября 2, Медное. Выступление министра внутренних дел Российской Федерации В.Б. Рушайло на церемонии открытия мемориального комплекса в Медном, посвященного памяти советских и польских жертв тоталитарных репрессий.

СПИСОК
работников центрального и местного аппарата НКВД и НКГБ СССР, фигурирующих в документах тома[1]

Абакумов Виктор Семенович (1908—1954), в органах НКВД с 1932 г., в 1933—38 гг. — уполномоченный отдела охраны ГУЛАГа НКВД СССР, с 1938 по февраль 1941 г. — начальник УНКВД по Ростовской области, с февраля 1941 г. по август 1944 г. — заместитель наркома внутренних дел СССР, с ноября 1943 по май 1946 г. — начальник Главного управления контрразведки («Смерша»), зам. наркома обороны, с мая 1946 г. по май 1951 г. — министр госбезопасности. Арестован в июле 1951 г., приговорен к высшей мере наказания 19 декабря 1954 г.

Адамович — в 1940 г. капитан госбезопасности, ст. оперуполномоченный 1-го отделения 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР, в мае—июне 1940 г. проводил отбор военнопленных-чехов, которым был разрешен выезд за границу.

Азарх Лев Захарович (род. в 1905 г.), член ВКП(б) с 1939 г., стаж работы в органах НКВД 16 лет, в 1939—1940 гг. — лейтенант милиции, начальник особого отделения Юхновского лагеря, 20 мая 1940 г. заменен Г.А. Эйльманом.

Александров А.С. — один из участников операции по расстрелу военнопленных и узников тюрем, награжден денежной премией «за выполнение специального задания» по приказу Л.П. Берии от 26.X.1940 г.

Антонов Иван Ильич — с 1940 г. лейтенант госбезопасности, старший инспектор отдела автомобильного транспорта Административно-хозяйственного управления НКВД СССР, награжден денежной премией в размере месячного оклада за участие в операции по расстрелу военнопленных поляков по приказу Берии от 26.X.1940 г.

Антонов Петр Антонович (род. в 1899 г.) — член ВКП(б) с 1924 г., в органах госбезопасности с 1924 г., в 1940 г. — старший лейтенант госбезопасности, начальник Следственной части УНКВД по Смоленской области, принимал участие в операции по расстрелу польских офицеров из Козельского лагеря.

---

[1] См. также: Катынь. Пленники необъявленной войны. М., 1997. С. 440—453.

Антропов — в 1940 г. красноармеец 136 отдельного конвойного батальона, за отличное выполнение заданий по «разгрузке» Козельского лагеря поощрен 10-дневным отпуском на родину.

Бабаян Т.Х. — одна из участниц операции по расстрелу военнопленных и узников тюрем, награждена денежной премией по приказу Берии от 26.X.1940 г.

Баранов П.М. — один из участников операции по расстрелу польских офицеров, полицейских и узников тюрем западных областей УССР и БССР, награжден денежной премией (800 р.) приказом Берии от 26.X.1940 г.

Баранов М.А. — один из участников операции по расстрелу польских офицеров, полицейских и узников тюрем, награжден денежной премией (800 р.) приказом Берии от 26.X.1940 г.

Баринов И.С. — в 1940 г. мл. лейтенант госбезопасности, ст. оперуполномоченный 1-го спецотдела НКВД СССР, за активное участие в подготовке и проведении операции по расстрелу польских офицеров, полицейских и узников тюрем награжден денежной премией в размере месячного оклада приказом Берии от 26.X.1940 г.

Безмозгий — в 1940 г. мл. лейтенант, командир взвода 136 отдельного конвойного батальона, в апреле—мае начальник конвоев при «разгрузке» Козельского лагеря, награжден приказом командира батальона денежной премией в размере 70 руб. за «отличное выполнение заданий».

Безруков Иван Дмитриевич (род. в 1900 г.), в органах госбезопасности с 1931 г., беспартийный, в 1940 г. — капитан госбезопасности, заместитель начальника 3-го, с марта — 6-го отдела ГЭУ, один из руководителей подготовки и проведения операции по расстрелу польских офицеров, содержавшихся в Старобельском лагере, награжден денежной премией в размере оклада приказом Берии от 26.X.1940 г., переведен в запас ГУГБ НКВД СССР с ноября 1940 г. в связи с переводом на другую работу.

Белов И.И. — в 1940 г. один из участников операции по расстрелу польских офицеров, полицейских и узников тюрем, награжден денежной премией (800 р.) приказом Берии от 26.X.1940 г.

Белогорлов В.А. — в 1940 г. один из участников операции по расстрелу польских офицеров, полицейских и узников тюрем, награжден премией в 800 р. приказом Л.П. Берии от 26.X.1940 г.

Бланк К.Е. — в 1940 г. сержант госбезопасности, сотрудник аппарата 1-го спецотдела НКВД СССР, принимал участие в подготовке и проведении операции по

расстрелу польских офицеров, полицейских и узников тюрем, награжден денежной премией в размере месячного оклада приказом Л.П. Берии от 26.X.1940 г.

Блохин В.М. — в 1940 г. майор госбезопасности, начальник комендантского отдела Административно-хозяйственного управления НКВД СССР, руководил и принимал непосредственное участие в расстреле военнопленных из Осташковского лагеря, за что был премирован денежной премией в размере месячного оклада приказом Берии от 26.X.1940 г.

Богданов Н.Ф. — в 1940 г. один из участников операции по расстрелу польских офицеров, полицейских и узников тюрем, награжден денежной премией (800 р.) приказом Берии от 26.10.1940 г.

Богданов П.А. — в 1940 г. один из участников операции по расстрелу польских офицеров, полицейских и узников тюрем, награжден денежной премией в размере 800 р. приказом Берии от 26.X.1940 г.

Бондарев Павел Васильевич (род. в 1904 г.) — член ВКП(б) с 1927 г., в 1940 г. зам. начальника политического отделения Юхновского лагеря, в мае этого года временно исполнял обязанности комиссара лагеря.

Борисов Тимофей Борисович (род. в 1904 г.) — в 1940 г. сержант госбезопасности, дежурный комендант Осташковского лагеря, принимал участие в «операции по разгрузке» этого лагеря в апреле—мае 1940 г.

Бурда Т.Д. — в 1940 г. один из участников операции по расстрелу польских офицеров, полицейских и узников тюрем, награжден денежной премией в размере 800 р. приказом Берии от 26.X.1940 г.

Бурдаков Семен Николаевич (род. в 1901 г.) — член ВКП(б) с 1924 г., в 1934—1939 гг. — член Специальной коллегии Верховного суда Казахской ССР, в 1939—1940 гг. — ст. майор госбезопасности, нарком внутренних дел Казахской ССР, отвечал за расселение в Казахстане и содержание там спецпереселенцев — членов семей расстреливаемых поляков — офицеров, полицейских и узников тюрем. В октябре 1940 г. назначен начальником Управления топливной промышленности ГУЛАГа, в 1941—1942 гг. — начальник Ухто-Ижемского ИТЛ Коми АССР, генерал-лейтенант.

Васильев — в 1940 г. бригадный комиссар, начальник Еленовского лагеря, принимал участие в отправке военнопленных из своего лагеря в Северный железнодорожный лагерь.

Вещеникин Михаил Филиппович (1903—1941), капитан госбезопасности, в 1939—1941 гг. начальник УНКВД по Сумской области.

Второв Михаил Алексеевич (род. в 1900 г.) — член ВКП(б) с 1919 г., в органах госбезопасности с 1919 г., в 1940 г. ст. лейтенант госбезопасности, начальник лагеря «Дзержинскруда», в апреле-мае руководил выявлением и отправкой в спецлагеря офицеров и полицейских, в конце мая — отправкой всех военнопленных в Ровенский и Северный железнодорожный лагеря.

Гавриленков Т.К. — в 1940 г. участник операции по расстрелу польских военнопленных и узников тюрем, награжден премией в 800 р. приказом Берии от 26.X.1940 г.

Гайдидей Михаил Михайлович (род. в 1898 г.) — член ВКП(б) с 1925 г., в органах госбезопасности с 1931 г., в 1940 г. сержант госбезопасности, с конца апреля 1940 г. и.о. начальника особого отделения Старобельского лагеря, затем начальник ОО, принимал участие в «операции по разгрузке» Старобельского лагеря.

Галицын Н.А. — в 1940 г. один из участников операции по расстрелу польских офицеров, полицейских и узников тюрем, награжден денежной премией в размере 800 р. приказом Берии от 26.X.1940 г.

Галкин Григорий Михайлович (род. в 1912 г.) — в 1940 г. член ВКП(б), без звания, инспектор УРО Осташковского лагеря, принимал участие в «операции по разгрузке» лагеря.

Гвоздовский Н.А. — в 1940 г. непосредственный участник расстрела польских офицеров из Козельского лагеря, награжден денежной премией в размере месячного оклада приказом Берии от 26.X.1940 г.

Герцовский Аркадий Яковлевич (род. в 1904 г.) — член ВКП(б) с 1939 г., в органах госбезопасности с 1920 г., в 1940 г. капитан госбезопасности, зам. начальника 1-го спецотдела НКВД СССР, отвечал за оформление дел польских военнопленных и составление списков-предписаний на отправку к месту расстрела польских офицеров, полицейских и узников тюрем, позднее — за хранение материалов, связанных с этой операцией. С 1942 г. — начальник 1-го спецотдела НКВД СССР, в 1943 г. — начальник отдела «А» НКГБ СССР, в 1953 г. арестован, в 1954 г. осужден по делу Л.П. Берии.

Гецелевич Р.С. — в 1940 г. сержант госбезопасности, зав. бюро и секретариата 1-го спецотдела НКВД СССР, принимал участие в подготовке и проведении операции по расстрелу польских офицеров, полицейских и узников тюрем, награжден денежной премией в размере месячного оклада приказом Берии от 26.X.1940 г.

Головенко — в 1940 г. начальник санитарного отделения Юхновского лагеря.

Головинкин Н.И. — в 1940 г. один из участников операции по расстрелу польских офицеров, полицейских и узников тюрем, награжден денежной премией в размере 800 р. приказом Берии от 26.X.1940 г.

Гольман Яков Нисонович (род. в 1910 г.) — в 1940 г. политрук, начальник политотделения Осташковского лагеря, принимал участие в «операции по разгрузке» этого лагеря.

Горячев М.Д. — в 1940 г. мл. лейтенант госбезопасности, начальник отдела автомобильного транспорта АХУ УНКВД по Калининской области, принимал участие в операции по расстрелу военнопленных из Осташковского лагеря, награжден денежной премией в размере месячного оклада приказом Берии от 26.X.1940 г.

Горячко — в 1940 г. диспетчер 136 отдельного конвойного батальона. Принимал участие в «операции по разгрузке» Козельского лагеря, за что получил благодарность в приказе командира батальона.

Гречанинов Михаил Григорьевич (род. в 1897 г.) — в 1940 г. лейтенант госбезопасности, в апреле—июле 1940 г. помощник начальника лагеря «Дзержинскруда», в июле 1940 — марте 1941 г. — помощник начальника Суздальского лагеря, затем помощник начальника лагеря «Поной».

Грибов Иосиф Иванович — в 1940 г. ст. лейтенант госбезопасности, комендант внутренней тюрьмы УНКВД по Смоленской области, принимал непосредственное участие в расстреле польских офицеров из Козельского лагеря, награжден денежной премией в размере месячного оклада приказом Берии от 26.X.1940 г.

Григорьев М.П. — в 1940 г. один из участников операции по расстрелу польских офицеров, полицейских и узников тюрем, награжден денежной премией в размере 800 р. приказом Берии от 26.X.1940 г.

Гудович Иосиф — в 1940 г. техник-интендант 2-го ранга, переводчик и политконтролер в Осташковском лагере, в мае 1940 г. откомандирован в Юхновский лагерь.

Гумотудинов И.А. — в 1940 г. один из участников операции по расстрелу польских офицеров, полицейских, узников тюрем, награжден денежной премией в 800 р. приказом Берии от 26.X.1940 г.

Давыдов М.Е. — в 1940 г. один из участников операции по расстрелу польских офицеров, полицейских и узников тюрем, награжден денежной премией в 800 р. приказом Берии от 26.X.1940 г.

Девятилов А.Г. — в 1940 г. один из участников операции по расстрелу польских офицеров, полицейских и узников тюрем, награжден денежной премией в 800 р. приказом Берии от 26.X.1940 г.

Дедов Кузьма Иванович (род. в 1907 г.) — в конвойных войсках с 1938 г., в 1939 — 1940 гг. старший политрук, военком 136 отдельного конвойного батальона, впоследствии зам. командира батальона по политической части, в 1941 г. — замполит 252 конвойного полка.

Демидович Антон Яковлевич (род. в 1901 г.) — член ВКП(б), в 1940 г. — лейтенант, начальник УРО Козельского лагеря, принимал участие в операции по «разгрузке» лагеря.

Денисов Иван Степанович (род. в 1899 г.) — в 1943 г. полковник интендантской службы, в НКВД с 1938 г., с июля 1943 г. — начальник 2-го отдела УПВИ НКВД СССР, в 1954 г. зам. начальника тюремного управления МВД СССР.

Дмитриев Александр Дмитриевич — в 1940 г. сержант госбезопасности, с конца марта — лейтенант госбезопасности, один из руководителей 1-й автобазы АХУ НКВД СССР, отвечал за обеспечение автотранспортом операции по расстрелу польских офицеров, полицейских и узников тюрем, награжден денежной премией в размере месячного оклада приказом Л.П. Берии от 26.X.1940 г.

Дорогинин Ф.М. — в 1940 г. один из участников операции по расстрелу польских офицеров, полицейских и узников тюрем, награжден денежной премией в 800 р. приказом Л.П. Берии от 26.X.1940 г.

Доронин Ф.И. — в 1940 г. один из участников операции по расстрелу польских офицеров, полицейских и узников тюрем, награжден премией в 800 р. приказом Берии от 26.X.1940 г.

Дроздов — в 1940 г. ст. лейтенант госбезопасности, начальник 1-го отдела Тюремного управления НКВД УССР, принимал активное участие в операции по расстрелу узников тюрем западных областей УССР.

Дубовиков — в 1940 г. командир 128 батальона конвойных войск, охранявшего Грязовецкий лагерь.

Дубров — в 1940 г. красноармеец 136 отдельного конвойного батальона, за отличное выполнение своих обязанностей при «разгрузке» Козельского лагеря поощрен премией в 25 р.

Дулебов Павел Федорович (род. в 1909 г.) — с 1931 г. в погранвойсках, с 1934 г. — в войсках НКВД, в 1937—1940 гг. командир роты 236 конвойного полка в звании ст. лейтенант, с 1940 г. начальник штаба батальона полка. В апреле—мае 1940 г. был начальником конвоев при перевозке военнопленных из Осташковского лагеря в Калинин. В 1942 г. уволен в запас.

Духович С.Г. — в 1940 г. майор госбезопасности, зам. наркома внутренних дел БССР.

Дьяконов Г. — в 1943 г. работник секретариата НКГБ.

Егоров А.В. — в 1940 г. один из участников операции по расстрелу польских офицеров, полицейских и узников тюрем, награжден премией в 800 р. приказом Берии от 26.X.1940 г.

Елогов — в 1940 г. ст. лейтенант госбезопасности, начальник 2-го отдела Главного тюремного управления, отвечал за отправку осужденных перебежчиков из Старобельского лагеря в лагеря ГУЛАГа.

Емельянов А.М. — в 1940 г. лейтенант госбезопасности, работник Комендантского отдела АХУ НКВД СССР, принимал непосредственное участие в расстреле польских офицеров, награжден денежной премией в размере месячного оклада приказом Берии от 26.X.1940 г.

Есиков — в 1941 г. начальник следственного отдела УНКВД по Вологодской области, вел следствие по делам арестованных в июле 1941 г. бригадой Линникова—Лалиашвили 10 военнопленных из Грязовецкого лагеря.

Есипов — в 1940 г. ст. лейтенант, исполнял обязанности начальника отделения Службы штаба 15-й бригады конвойных войск. Принимал участие в организации конвоирования узников тюрем западных областей БССР в апреле—мае 1940 г.

Жила М.А. — в 1940 г. один из участников операции по расстрелу польских офицеров, полицейских и узников тюрем, награжден премией в 800 р. приказом Берии от 26.X.1940 г.

Жильцов В.И. — в 1940 г. один из участников операции по расстрелу польских офицеров, полицейских и узников тюрем, награжден премией в 800 р. приказом Берии от 26.X.1940 г.

Жуков Георгий Сергеевич (1896—1974) — в 1940 г. майор госбезопасности. С февраля 1941 г. — заместитель начальника 1-го отдела Второго управления НКГБ СССР, с сентября 1941 г. — начальник 4-го отдела Второго управления НКВД

СССР и представитель НКВД СССР для связи с командованием Польской армии на территории СССР, затем уполномоченный СНК СССР по иностранным военным формированиям на территории СССР, комиссар госбезопасности 3-го ранга.

Журавлев М.М. — в 1940 г. один из участников операции по расстрелу польских офицеров, полицейских и узников тюрем, награжден премией в 800 р. приказом Берии от 26.X.1940 г.

Журавлев Н.Т. — в 1940 г. один из участников операции по расстрелу польских офицеров, полицейских и узников тюрем, награжден премией в 800 р. приказом Берии от 26.X.1940 г.

Завьялов Александр Иванович (род. в 1890 г.) — участник Гражданской войны, с 1922 г. в войсках НКВД, в 1939—1940 гг. полковник, командир 13-й дивизии конвойных войск, принимал участие в «операции по разгрузке» тюрем западных областей УССР. Уволен в запас в 1943 г.

Зайцев А.Г. — в 1940 г. один из участников операции по расстрелу польских офицеров, полицейских и узников тюрем, награжден премией в 800 р. приказом Берии от 26.X.1940 г.

Захаров А.Е. — в 1940 г. один из участников операции по расстрелу польских офицеров, полицейских и узников тюрем, награжден премией в 800 р. приказом Берии от 26.X.1940 г.

Захаров В.Л. — в 1940 г. красноармеец 2-й роты 136 отдельного конвойного батальона, за отличное выполнение своих обязанностей при «разгрузке» Козельского лагеря поощрен 10-дневным отпуском на родину.

Зильберман К.С. — в 1940 г. майор госбезопасности, заместитель начальника Главного транспортного управления НКВД СССР, принимал участие в операции по расстрелу польских офицеров, полицейских и узников тюрем, награжден денежной премией в размере месячного оклада приказом Берии от 26.X.1940 г.

Зиновьев Н.П. — в 1940 г. один из участников операции по расстрелу польских офицеров, полицейских и узников тюрем, награжден премией в 800 р. приказом Берии от 26.X.1940 г.

Зинченко — в 1940 г. сотрудник 1-го отделения 3-го отдела ГУГБ НКВД СССР.

Зорин П.М. — в 1940 г. один из участников операции по расстрелу польских офицеров, полицейских и узников тюрем, награжден премией в 800 р. приказом Берии от 26.X.1940 г.

Зуб Даниил Григорьевич (род. в 1908 г.) — член ВКП(б), в войсках НКВД с 1935 по 1941 г., с января 1938 г. по август 1941 г. — политрук 136 отдельного конвойного батальона. 9 июля 1941 г. откомандирован в действующую армию.

Зубов Н.А. — в 1940 г. сержант госбезопасности, за участие в операции по расстрелу польских офицеров, полицейских и узников тюрем награжден месячным окладом по приказу Берии от 26.X.1940 г.

Зубцов В.П. — в 1940 г. лейтенант госбезопасности, зам. начальника УНКВД по Смоленской области, за активное участие в операции по расстрелу польских офицеров из Козельского лагеря награжден месячным окладом приказом Берии от 26.X.1940 г.

Зуев Павел Никитович (род. в 1901 г.), — член ВКП(б) с 1921 г., в органах госбезопасности с 1931 г., в 1940 г. — майор госбезопасности, начальник Главного тюремного управления НКВД СССР, принимал активное участие в операции по расстрелу узников тюрем западных областей УССР и БССР, в 1941—1942 гг. — зам. начальника отделения УНКВД по Московской области.

Зюскин Г.П. — в 1940 г. один из участников операции по расстрелу польских офицеров, полицейских и узников тюрем, награжден премией в 800 р. приказом Берии от 26.X.1940 г.

Иванов Алексей Михайлович (род. в 1916 г.) — с 1937 г. в 226-м конвойном полку, в 1938—1940 г. командир роты 136 отдельного конвойного батальона, младший лейтенант, начальник конвоев в апреле—мае 1940 г., доставлявших польских офицеров из Козельского лагеря в Смоленск и Гнездово.

Иванов В.Г. — в 1940 г. один из участников операции по расстрелу польских офицеров, полицейских и узников тюрем, награжден премией в 800 р. приказом Берии от 26.X.1940 г.

Иванов И.М. — в 1940 г. один из участников операции по расстрелу польских офицеров, полицейских и узников тюрем, награжден премией в 800 р. приказом Берии от 26.X.1940 г.

Иванов Павел Алексеевич (род. в 1897 г.) — член ВКП(б) с 1917 г. В органах НКВД с 1933 г. С 23 сентября 1939 г. по май 1943 г. — ст. инспектор 3-го отдела УПВ НКВД СССР. С мая по октябрь 1943 г. — помощник начальника Секретариата УПВ. С 13 декабря 1946 г. по 15 августа 1952 г. — ст. инспектор 5-го отделения строительного отдела ХОЗУ МГБ СССР. С 15 августа 1952 г. уволен из органов госбезопасности. С 1936 г. — младший лейтенант ГБ, с 1942 г. — лейтенант ГБ.

Игнатьев М.Ф. — в 1940 г. один из участников операции по расстрелу польских офицеров, полицейских и узников тюрем, награжден премией в 800 р. приказом Л.П. Берии от 26.X.1940 г.

Ильин Илья Яковлевич (род. в 1902 г.) — член ВКП(б) с 1919 г. В органах НКВД с 1 ноября 1920 г. С 3 марта 1939 г. — зам. начальника Тюремного отдела УНКВД по Московской области. С 11 октября 1939 г. по 25 мая 1940 г. — зам. начальника 1-го отдела Главного тюремного управления НКВД СССР. С 31 декабря 1940 г. по 5 апреля 1941 г. — начальник 1-го отдела Главного тюремного управления СССР. С 5 апреля 1941 г. по 1 декабря 1954 г. — начальник оперативного отдела Главного тюремного управления НКВД СССР. С 29 декабря 1954 г. уволен из органов госбезопасности в звании полковника ГБ.

Калинин Анатолий Максимович — в 1940 г. ст. лейтенант госбезопасности, с марта — капитан ГБ, помощник начальника 1-го спецотдела, принимал активное участие в проведении операции по расстрелу польских офицеров, полицейских и узников тюрем, награжден денежной премией в размере месячного оклада приказом Берии от 26.X.1940 г.

Кальманович Григорий Юлианович (1903—1958) — член ВКП(б) с 1944 г. В органах НКВД с 1933 г. В 1937—1939 гг. — помощник госсанинспектора по местам заключения, начальник санитарно-эпидемического отделения санотдела ГУЛАГа НКВД СССР. С 1939 г. старший инспектор-врач 4-го отдела УПВ. С 1940 г. — помощник начальника 4-го отдела УПВ. С 1944 г. — подполковник медслужбы.

Караваев В.Н. — в 1940 г. начальник 1-го спецотдела УНКВД по Смоленской области, за активное участие в операции по расстрелу польских офицеров из Козельского лагеря награжден премией в размере месячного оклада приказом Берии от 26.X.1940 г.

Карманов А.А. — в 1940 г. сотрудник комендатуры УНКВД по Харьковской области, принимал непосредственное участие в операции по расстрелу польских офицеров, полицейских и узников тюрем, премирован месячным окладом приказом Берии от 26.X.1940 г.

Карпов Г.Ф. — в 1940 г. один из участников операции по расстрелу польских офицеров, полицейских и узников тюрем, награжден премией в 800 р. приказом Берии от 26.X.1940 г.

Карцев П.М. — в 1940 г. один из участников операции по расстрелу польских офицеров, полицейских и узников тюрем, награжден премией в 800 р. приказом Берии от 26.X.1940 г.

Качин Тимофей Федотович (род. в 1900 г.) — член ВКП(б) с 1928 г., в 1940 г. лейтенант госбезопасности, помощник начальника УНКВД по Калининской области, принимал от конвоев, прибывавших из Осташковского лагеря в Калинин, военнопленных, премирован месячным окладом приказом Берии от 26.X.1940 г., впоследствии работал в НКВД УССР, в УНКВД по Курской обл., уволен в запас в звании подполковника в 1951 г. по состоянию здоровья.

Киселев Иосиф Карлович (род. в 1894 г.) — член ВКП(б), в органах НКВД с 1939 г., в 1939—1940 гг. политрук, начальник политотделения Козельского лагеря, ранее преподавал историю партии в Минске, принимал участие в «операции по разгрузке» Козельского лагеря.

Киселев Н.А. — в 1940 г. мл. лейтенант госбезопасности, начальник 12-го отделения 1-го спецотдела НКВД СССР, принимал активное участие в оформлении дел подлежавших расстрелу поляков и составлении списков-предписаний на отправку из лагерей и тюрем на расстрел, премирован месячным окладом приказом Берии от 26.X.1940 г.

Клок — в 1940 г. политконтролер и переводчик Старобельского лагеря, принимал участие в «операции по разгрузке» этого лагеря.

Ковалев А.С. — в 1940 г. один из участников операции по расстрелу польских офицеров, полицейских и узников тюрем, награжден премией в 800 р. приказом Берии от 26.X.1940 г.

Козохотский Михаил Андреевич (род. в 1901 г.) — в 1940 г. лейтенант госбезопасности, начальник 1-го спецотдела УНКВД по Калининской области, за активное участие в операции по расстрелу военнопленных из Осташковского лагеря премирован месячным окладом приказом Берии от 26.X.1940 г., уволен из органов в 1946 г. по состоянию здоровья.

Комаровский И.И. — в 1940 г. один из участников операции по расстрелу польских офицеров, полицейских и узников тюрем, награжден премией в 800 р. приказом Берии от 26.X.1940 г.

Кондаков Петр Павлович (1902—1970) — в 1940 г. майор госбезопасности, в органах НКВД с сентября 1923 г. В сентябре 1939 — феврале 1941 г. — начальник УНКВД по Вологодской области, с 31 июля по 26 сентября 1941 г. — начальник УНКВД Смоленской области. В период с мая 1943 по август 1961 г. занимал должности начальника УНКГБ Смоленской области, начальника УНКГБ-УМГБ Новосибирской области, начальника Инспекции МГБ СССР, зам. министра юстиции СССР, министра госбезопасности Литовской ССР и др.

Коптев Константин Григорьевич (род. в 1911 г.) — в войсках НКВД с 1933 г., в 1939—1940 г. — мл. лейтенант, командир взвода 136 отдельного конвойного батальона, начальник конвоев при доставке в апреле—мае 1940 г. польских офицеров из Козельского лагеря в Смоленск и Гнездово, награжден за это денежной премией в 70 р., в июне 1943 г. осужден и направлен в штрафной батальон.

Кораблев — в 1940 г. командир отделения 2-й роты 136 отдельного конвойного батальона, за образцовое выполнение заданий по охране и конвоированию военнопленных Козельского лагеря в апреле—мае 1940 г. награжден денежной премией в 50 р. приказом командира батальона.

Корнеев Н.В. — в 1940 г. лейтенант госбезопасности, ответственный работник 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР, проводил работу среди военнопленных чехов. В 1944 г. руководил военной миссией СССР при Национальном комитете освобождения Югославии, генерал-лейтенант.

Кравец — в 1941 г. лейтенант госбезопасности, исполнял обязанности начальника особого отделения Старобельского лагеря в первые месяцы войны.

Кривобоков Сергей Иванович (род. в 1908 г.) — член ВКП(б) с 1931 г., в 1940 г. — лейтенант госбезопасности, врио начальника 4-го отделения особого отдела Калининского военного округа, затем начальник 5-го отделения особого отдела Прибалтийского особого военного округа, в 1942 г. — начальник 3-го отделения 4-го отдела 3-го управления НКВД СССР.

Кричевская Я.И. — в 1939—1943 гг. переводчица УПВ (УПВИ), переведена в УПВ в сентябре 1939 г. из ГУЛАГа.

Кубаткин Петр Николаевич (1907—1950) — член ВКП(б) с 1930 г., в органах госбезопасности с 1932 г. В 1939—1941 гг. — комиссар госбезопасности III ранга, начальник УНКВД по Московской области, с августа 1941 г. — начальник УНКВД по Ленинградской области, в 1950 г. приговорен к высшей мере наказания, в 1954 г. реабилитирован посмертно.

Кузнецов А.С. (род. в 1899 г.) — в 1943 г. подполковник ГБ, в 1953 г. — полковник госбезопасности, начальник 1-го отдела НКВД СССР в 1943—53 гг., отвечал до 1943 г. за хранение дел поляков, расстреляных в апреле—мае 1940 г.

Кузнецов С.С. — в 1940 г. сержант госбезопасности, за участие в операции по расстрелу польских офицеров, полицейских и узников тюрем награжден месячным окладом приказом Л.П. Берии от 26.X.1940 г.

Кузьмин — в 1940 г. начальник санитарного отдела Строительства НКВД № 204 (Ликовский лагерь), в июне 1940 г. направлен в Темниковский лагерь для обеспечения приема военнопленных из прибалтийских стран.

Кульков Александр Афанасьевич — в 1940 г. — красноармеец 136 отдельного конвойного батальона, участвовал в конвоировании военнопленных, включая психических больных, в лагеря для военнопленных.

Куприй Тимофей Федорович — в 1940 г. — мл. лейтенант госбезопасности, с марта — ст. лейтенант госбезопасности, комендант АХУ УНКВД по Харьковской области, принимал непосредственное участие в расстреле польских офицеров из Старобельского лагеря, награжден месячным окладом приказом Берии от 26.X.1940 г.

Кучумов — красноармеец 136 отдельного конвойного батальона, за отличное выполнение своих обязанностей при «разгрузке» Козельского лагеря поощрен 10-дневным отпуском на родину.

Лаврентьев Геннадий Васильевич (род. в 1904 г.) — член ВКП(б) с 1930 г., в 1939 г. политрук 28 погранотряда НКВД СССР, в 1939 — 1940 гг. старший политрук, комиссар Юхновского лагеря.

Лазаренков С.М. — в 1940 г. один из участников операции по расстрелу польских офицеров, полицейских и узников тюрем, награжден премией в 800 р. приказом Берии от 26.X.1940 г.

Лебедев Л.П. (род. в 1903 г.) — член ВКП(б) с 1926 г., в органах госбезопасности с 1926 г., в 1939 г. начальник отделения XI отдела УГБ УНКВД по Московской области, в 1940 г. лейтенант госбезопасности, начальник Запорожского лагеря. В мае 1940 г. руководил переводом военнопленных из своего лагеря в Северный железнодорожный лагерь ГУЛАГа.

Лебедев М.Д. — в 1940 г. один из участников операции по расстрелу польских офицеров, полицейских и узников тюрем, награжден премией в 800 р. приказом Берии от 26.X.1940 г.

Леванчюков Г.К. — в 1940 г. один из участников операции по расстрелу польских офицеров, полицейских и узников тюрем, награжден премией в 800 р. приказом Берии от 26.X.1940 г.

Летова И. — в мае 1940 г. сержант госбезопасности, помощник оперуполномоченного отдела кодификации Секретариата НКВД СССР.

Логинов Н.В. — в 1940 г. один из участников операции по расстрелу польских офицеров, полицейских и узников тюрем, награжден премией в 800 р. приказом Берии от 26.X.1940 г.

Лугинин М.И. — в 1940 г. мл. лейтенант госбезопасности, начальник 1-го спецотдела УНКВД по Калининской области, за активное участие в операции по расстрелу военнопленных из Осташковского лагеря награжден приказом Берии от 26.X.1940 г. месячным окладом.

Луговенко Георгий Иванович (род. в 1898 г.) — участник Первой мировой и Гражданской войн, в 1921 г. в войсках ВЧК, в 1939 — 1940 гг. майор, командир 236 полка конвойных войск, принимал участие в организации конвоирования военнопленных из Осташковского лагеря к месту расстрела.

Луферов Сергей Васильевич (род. в 1904 г.) — с 1932 г. в войсках НКВД, в 1937—1940 гг. лейтенант, диспетчер по перевозкам заключенных в 236 конвойном полку, принимал участие в операции по «разгрузке» Осташковского лагеря.

Макаренков Г.И. — в 1940 г. один из участников операции по расстрелу польских офицеров, полицейских и узников тюрем, награжден премией в 800 р. приказом Берии от 26.X.1940 г.

Макетов — сотрудник 2-го отдела ГУГБ НКВД СССР, в феврале—июне 1941 г. — 2-го Управления НКГБ СССР.

Мальцев — в 1941 г. капитан, ст. помощник 4-го отделения отдела службы Управления конвойных войск.

Мамулов Степан Соломонович (1902—1976) — в 1940 г. ст. майор госбезопасности, начальник Секретариата НКВД СССР в 1939—1946 гг., зам. министра внутренних дел СССР в 1946—1953 гг., приближенный Берии. В 1953 г. приговорен к длительному тюремному заключению.

Масальский — в 1941 г. полковник, работник Отдела службы Управления конвойных войск, отвечал за составление сводок УКВ НКВД СССР об эвакуации военнопленных и заключенных.

Межов Терентий Игнатьевич (1895—1941) — участник Первой мировой и Гражданской войн, с 1920 г. в войсках ВЧК, в 1937—1940 гг. майор, командир 136 отдельного конвойного батальона, в марте—мае 1940 г. находился в Козельском лагере для руководства охраной и конвоированием военнопленных

к местам расстрела. В 1940—1941 гг. — помощник начальника штаба 15 бригады. Погиб в августе 1941 г.

Мельник А.Т. — в 1940 г. один из участников операции по расстрелу польских офицеров, полицейских и узников тюрем, награжден премией в 800 р. приказом Берии от 26.X.1940 г.

Мельник Н.В. — в 1940 г. один из участников операции по расстрелу польских офицеров, полицейских и узников тюрем, награжден премией в 800 р. приказом Берии от 26.X.1940 г.

Мильштейн Соломон Рафаилович (1899—1955) — в 1940 г. комиссар госбезопасности 3-го ранга, начальник Главного транспортного управления НКВД СССР, близкий друг и соратник Берии, принимал активное участие в «операции по разгрузке» трех спецлагерей для военнопленных и тюрем западных областей УССР и БССР, в 1954 г. осужден по делу Берии.

Миронов Василий Дмитриевич, работник 5-го отдела ГУГБ. Осенью 1939 г. выполнял в Старобельском лагере те же функции, что и В.М. Зарубин в Козельском лагере, в том числе отвечал за вербовку агентуры, в апреле—мае 1940 г. принимал участие в операции по расстрелу польских офицеров, в 1941—1944 гг. работал вместе с В.М. Зарубиным в США. В 1944 г. отозван в СССР, арестован и 28 июля 1945 г. расстрелян.

Михалев — в 1943 г. капитан госбезопасности, начальник 10-го отделения 1-го спецотдела НКВД СССР, отвечал до августа 1943 г. за хранение учетных дел расстрелянных в апреле—мае 1940 г. поляков.

Мищенков Н.А. — в 1940 г. один из участников операции по расстрелу польских офицеров, полицейских и узников тюрем, награжден премией в 800 р. приказом Берии от 26.X.1940 г.

Моисеенков А.А. — в 1940 г. один из участников операции по расстрелу польских офицеров, полицейских и узников тюрем, награжден премией в 800 р. приказом Берии от 26.X.1940 г.

Моисеенков В.П. — один из участников операции по расстрелу польских офицеров, полицейских и узников тюрем, награжден премией в 800 р. приказом Берии от 26.X.1940 г.

Мокридин И.П. — в 1940 г. один из участников операции по расстрелу польских офицеров, полицейских и узников тюрем, награжден премией в 800 р. приказом Берии от 26.X.1940 г.

Мурашов Николай Матвеевич (1907—1942) — с 1929 г. в войсках ОГПУ, окончил пограншколу ОГПУ, в 1940 г. ст. лейтенант, начальник штаба батальона 236 конвойного полка, принимал в качестве начальника конвоев непосредственное участие в доставке военнопленных из Осташковского лагеря к месту расстрела. В мае 1942 г. пропал без вести.

Муханов — работник Секретариата НКВД СССР.

Новоселов И.И. — в 1940 г. сержант госбезопасности, сотрудник 1-го спецотдела НКВД СССР, за участие в операции по расстрелу польских офицеров, полицейских и узников тюрем награжден месячным окладом приказом Берии от 26.X.1940 г.

Окунев А.В. — в 1940 г. майор госбезопасности, зам. начальника 1-го отдела Технической базы 1-го Главного управления НКВД СССР, один из руководителей расстрела польских офицеров в апреле—мае 1940 г., награжден месячным окладом приказом Берии от 26.X.1940 г.

Оловянов Владимир Феофанович — в 1941 г. капитан, начальник штаба 252 полка конвойных войск.

Орлов Д.И. — участник операции по расстрелу польских офицеров, полицейских и узников тюрем, награжден премией в 800 р. приказом Берии от 26.X.1940 г.

Осипов В.А. — участник операции по расстрелу польских офицеров, полицейских и узников тюрем, награжден премией в 800 р. приказом Берии от 26.X.1940 г.

Офицеров А.Н. — в 1940 г. мл. лейтенант госбезопасности, сотрудник 1-го Спецотдела НКВД СССР, за участие в операции по расстрелу польских офицеров, полицейских и узников тюрем награжден месячным окладом приказом Берии от 26.X.1940 г.

Павленко — в 1940 г. красноармеец 2-й роты 136 отдельного конвойного батальона, за участие в «разгрузке» Козельского лагеря награжден премией в 50 р. приказом командира батальона.

Панасенко — в 1943 г. оперуполномоченный особого отделения Спасозаводского лагеря (Лагеря № 99) НКВД СССР, отвечал за учет военнопленных поляков.

Панков — в 1943 г. старший лейтенант госбезопасности, старший помощник начальника первого отделения 2-го отдела УПВИ.

Пеньковский — в 1940 г. зам. начальника агентурного отдела УГБ МВД Латвийской ССР, отвечал за розыск и задержание интернированных в Латвии поляков перед их отправкой в глубь СССР.

Петухов — в 1940 г. работник хозяйственного отделения Старобельского лагеря, принимал участие в уничтожении корреспонденции, оставшейся от военнопленных.

Плеханов Александр Андреевич (1899—1941) — участник Гражданской войны, с 1921 г. в войсках ВЧК, с октября 1939 г. командир 15 бригады, с весны 1940 г. полковник, нач. штаба 16 бригады, с июля 1942 г. командир 42 бригады конвойных войск, погиб в июле 1942 г. во время налета люфтваффе.

Польский Семен Юриевич (род. в 1917 г.) — член ВКП(б) с 1939 г., работник особого отдела Калининского военного округа.

Попов П.С. — в 1940 г. полковник, командир 15 бригады конвойных войск, принимал участие в операции по разгрузке Козельского лагеря, тюрем западных областей БССР и депортации семей расстреливаемых.

Потапова К.Д. — в 1940—41 гг. делопроизводитель УПВ, переведена из Отдела кадров НКВД СССР.

Прокофьев — красноармеец 136 отдельного конвойного батальона, за участие в «разгрузке» Козельского лагеря получил благодарность и премию в 25 р.

Разоренов А.И. — один из участников операции по расстрелу польских офицеров, полицейских и узников тюрем, награжден премией в 800 р. приказом Берии от 26.X.1940 г.

Райхман Леонид Федорович — в 1939—1941 гг. — майор госбезопасности, зам. начальника 2-го (контрразведывательного) отдела ГУГБ НКВД СССР, в феврале–июне 1941 г. — 2-го (КРО) Управления НКГБ СССР. Проводил осенью 1939 — весной 1940 г. «зачистку» в западных областях УССР, во второй половине 1940 г. отвечал за работу с группой офицеров, содержавшихся на «вилле роскоши» в Малаховке, был привлечен к подготовке материалов по «Катынскому делу» во время Нюрнбергского процесса.

Репринцев Порфирий Антонович — в 1941 г. майор, командир 252 полка конвойных войск с февраля 1941 г.

Рубанов Андрей Максимович — в 1940 г. младший, с марта 1940 г. старший лейтенант госбезопасности, комендант АХУ УНКВД по Калининской облас-

ти, принимал непосредственное участие в расстреле военнопленных из Осташковского лагеря, награжден месячным окладом по приказу Берии от 26.X.1940 г.

Рыбаков Алексей Александрович (род. в 1901 г.) — участник Гражданской войны, в войсках НКВД с 1921 г., в 1937—1939 гг. — командир полка конвойных войск, в апреле 1939 г. — марте 1940 г. — нач. штаба 15 бригады конвойных войск, в марте 1940 г. — ноябре 1941 г. — полковник, начальник оперативного отдела ГУКВ, отвечал за охрану и конвоирование военнопленных из Старобельского лагеря к месту расстрела, в 1942—1945 гг. — начальник отдела НКВД Узбекской ССР, с 1946 г. в отставке.

Свиридов — в 1941 г. зам. начальника УНКВД по Вологодской области, санкционировал арест 10 военнопленных и интернированных из Грязовецкого лагеря в июле 1941 г.

Семенихин Д.Э. — в 1940 г. ст. лейтенант госбезопасности, работник Комендантского отдела АХУ НКВД СССР, один из руководителей и непосредственных участников расстрела польских офицеров, за что был награжден месячным окладом приказом Берии от 26.X.1940 г.

Сенюшкин Н.М. — один из участников операции по расстрелу польских офицеров, полицейских и узников тюрем, награжден премией в 800 р. приказом Берии от 26.X.1940 г.

Сергеев — в 1941 г. мл. лейтенант, начальник конвоя, конвоировавшего заключенных Смоленской тюрьмы в Катынский лес 10 июля 1941 г.

Сергиенко Василий Тимофеевич (1903—1982) — в 1940 — 1941 гг. старший майор ГБ, в органах ОГПУ-НКВД с 1928 г., с сентября 1939 г. по февраль 1940 г. —начальник следственной части ГУГБ НКВД ССР, в феврале 1940 г. — феврале 1941 г. — зам. наркома внутренних дел УССР, одновременно начальник УНКВД Львовской области, в феврале 1941 г. — июле 1943 г. нарком внутренних дел УССР, в июне 1942 г. — августе 1943 г. зам. начальника Центрального штаба партизанского движения. В мае 1954 г. уволен из МВД СССР.

Силиньш — в 1940 г. временно исполнял обязанности начальника УГБ МВД Латвийской СССР, отвечал за розыск и задержание интернированных в Латвии поляков перед их отправкой в глубь СССР.

Синегубов Н.И. — в 1939 — 1940 гг. ст. майор госбезопасности, в сентябре 1939 г. решением Политбюро ЦК ВКП(б) утвержден начальником следствен-

ной части Главного транспортного управления и зам. начальника ГТУ, в 1940 г. один из руководителей операции по расстрелу военнопленных из Осташковского лагеря в Калинине, награжден месячным окладом приказом Берии от 26.X.1940 г.

Славин — в 1941 г. мл. лейтенант госбезопасности, сотрудник Грязовецкого лагеря.

Смирнов Сергей Петрович (род. в 1898 г.), член ВКП(б) с 1919 г., в органах госбезопасности с 1920 г., работал в Средней Азии, Воронежской области, в 1937—1940 гг. — на Украине, с 1938 г. по 1940 г. — зам. начальника 1-го спецотдела НКВД УССР, занимался оформлением справок-заключений на узников тюрем и составлением списков-предписаний, по которым расстреливались узники тюрем.

Смыгин Федор Иванович (1901—1957) — с 1922 г. в войсках ОГПУ, в июле 1939 г. окончил Военную академию им. Фрунзе, начальник штаба 15 бригады конвойных войск, затем командир бригады конвойных войск в звании полковника, принимал участие в операции по «разгрузке» тюрем западных областей УССР и в депортации семей расстреливаемых.

Смыкалов И.П. — в 1940 г. один из участников операции по расстрелу польских офицеров, полицейских и узников тюрем, награжден месячным окладом по приказу Берии от 26.X.1940 г.

Снытко Мамах Федорович (род. в 1901 г.) — с 1930 г. в войсках ОГПУ, в 1938—1940 гг. — старший политрук, комиссар, затем военком 136 отдельного конвойного батальона, задействованного в операции по «разгрузке» Козельского лагеря и депортации семей расстреливаемых. С июля 1940 г. — инструктор пропаганды 237 конвойного полка, с декабря 1942 г. в отставке.

Старикович Михаил Михайлович (род. в 1906 г.) — в 1940—1941 гг. младший лейтенант госбезопасности, начальник особого отделения Козельского лагеря, в 1942—1943 гг. подполковник милиции, начальник Басьяновского лагеря для военнопленных.

Стекольщиков И.А. — в 1940 г. сержант госбезопасности, за участие в операции по расстрелу польских офицеров, полицейских и узников тюрем награжден денежной премией в размере месячного оклада по приказу Берии от 26.X.1940 г.

Стельмах И.И. — в 1940 г. лейтенант госбезопасности, комендант внутренней тюрьмы УНКВД по Смоленской области, принимал непосредственное участие

в расстреле польских офицеров из Козельского лагеря, награжден премией в 800 р. приказом Берии от 26.X.1940 г.

Судаков Григорий Григорьевич (род. в 1911 г.) — член ВКП(б), в органах госбезопасности с 1934 г., в 1940 г. ст. лейтенант госбезопасности, начальник Тюремного управления НКВД УССР, принимал активное участие в операции по расстрелу польских офицеров, полицейских и узников тюрем западных областей УССР, снят с должности за допущение побегов узников тюрем.

Судоплатов Павел Анатольевич (1907—1996), в 1939—1940 г. заместитель начальника 5-го (разведывательного) управления ГУГБ НКВД СССР, участвовал в отборе польских офицеров, интересовавших советские спецслужбы, для перевода их в Юхновский лагерь в марте—мае 1940 г., в 1954 г. осужден на длительный срок тюремного заключения.

Сухарев Н.И. — в 1940 г. оперуполномоченный особого отделения Осташковского лагеря, принимал участие в операции «по разгрузке» лагеря, награжден премией в 800 р. приказом Берии от 26.X.1940 г.

Сыромятников Митрофан Васильевич (род. в 1908 г.) — в органах внутренних дел с 1933 г., с 1936 г. — начальник охраны УНКВД по Харьковской области, в 1940 г. — лейтенант милиции, принимал участие в расстреле польских офицеров из Старобельского лагеря, награжден премией в 800 р. приказом Берии от 26.X.1940 г.

Сысоев Василий Никонорович (род. в 1908 г.) — в органах внутренних дел с 1932 г., зимой 1939—1940 гг. — ст. инспектор УРО Юхновского лагеря, сержант милиции, с марта 1940 г. исполнял обязанности начальника 2-го отделения (УРО) Старобельского лагеря, принимал участие в операции «по разгрузке» лагеря.

Табачников — в 1940 г. зам. начальника УНКВД по Калининской области, принимал участие в операции по расстрелу военнопленных из Осташковского лагеря.

Татаренко — в 1940 г. командир отделения 2-й роты 136 отдельного конвойного батальона, за образцовое выполнение заданий в качестве начальника оперативной группы при «разгрузке» Козельского лагеря награжден премией в 70 р. приказом командира батальона от 21.V.1940 г.

Тимошко Ф.С. — в 1940 г. инспектор 1-го отдела УПВ, участник операции по разгрузке спецлагерей для военнопленных, неоднократно доставлял списки-предписания в Осташковский лагерь, переведен в УПВ из ГУЛАГа.

Титов — в 1943 г. подполковник госбезопасности, помощник начальника 1-го спецотдела НКВД СССР.

Тихонов П.Н. — в 1940 г. капитан госбезопасности, заместитель начальника УНКВД по Харьковской области, принимал участие в операции по расстрелу польских офицеров из Старобельского лагеря, награжден месячным окладом по приказу Берии от 26.X.1940 г.

Углов Иван Михайлович — в 1940 г. лейтенант, помощник начальника штаба 136 отдельного конвойного батальона, принимал участие в «разгрузке» Козельского лагеря и депортации семей расстреливаемых, с июля 1941 г. помощник начальника штаба 226 конвойного полка.

Уральский А.Ф. — в 1939—1941 гг. инспектор 3-го отдела УПВ НКВД СССР, переведен в УПВ в сентябре 1939 г. из Управления шоссейных дорог НКВД СССР.

Урбанович Владислав Клементьевич (род. в 1896 г.) — член ВКП(б) с 1930 г. помощник начальника Козельского лагеря, он же начальник хозяйственного отделения лагеря, принимал активное участие в «разгрузке» лагеря.

Федоров Дмитрий Иосифович (род. в 1908 г.), в войсках ОГПУ с 1930 г., в 1931—1933 гг. закончил пограншколу, в 1934—1938 гг. командир взвода в конвойных войсках, помощник начальника штаба отдельного батальона (с января 1939 г.), с января 1941 г. командир роты 226 полка 42 бригады в звании капитана. В апреле 1940 г. участвовал в конвоировании военнопленных офицеров из Козельского лагеря в Смоленск и Гнездово.

Федотов Петр Васильевич (1898—1963) — член ВКП(б) с 1937 г., в органах госбезопасности с 1921 г., в 1939 г. ст. майор госбезопасности, зам. начальника 2-го (контрразведка) отдела ГУГБ НКВД СССР, 2 сентября 1939 г. решением Политбюро ЦК ВКП(б) назначен начальником 2-го отдела ГУГБ, с февраля 1941 г. — начальник 2-го управления НКГБ, принимал участие в операции по расстрелу польских офицеров, полицейских и узников тюрем, уволен из КГБ при СМ СССР в 1959 г.

Фельдман Иван Иванович, в 1940 г. лейтенант госбезопасности, с конца марта — старший лейтенант госбезопасности, зав. 1-й автобазой АХУ НКВД СССР, принимал участие в операции по расстрелу польских офицеров, полицейских и узников тюрем, награжден месячным окладом по приказу Берии от 26.X.1940 г.

Ферадович — в 1940—1941 гг. помощник начальника Юхновского лагеря.

Филиппов А.Ф. — в 1940—1941 гг. капитан госбезопасности, начальник тюремного управления НКВД УССР.

Фитин Павел Михайлович (1907—1971) — в 1939—1940 гг. ст. майор госбезопасности, с мая 1939 г. — начальник 5-го (разведывательного) отдела ГУГБ НКВД СССР, затем 1-го управления НКГБ СССР, с декабря 1946 г. — зам. уполномоченного МГБ СССР в Германии, в начале 50-х гг. — министр госбезопасности Казахской СССР, начальник УНКВД по Свердловской области, в 1953 г. снят с должности и уволен в запас по служебному несоответствию.

Фомичев Василий Иванович (род. в 1904 г.) — член ВКП(б) с 1930 г. С 13 декабря 1938 г. по 9 июля 1939 г. — зам. начальника 1-го отделения Секретариата НКВД СССР. С 9 июля 1939 г. по 6 декабря 1941 г. — начальник отделения кодификации Секретариата НКВД СССР. С 26 марта 1959 г. уволен в запас. В 1939 г. ст. лейтенант ГБ.

Френкель Нафталий Аронович (1883—1960) — в органах ОГПУ-НКВД с 1927 г., в 1927—1929 гг. начальник производственного отдела УСЛОН ОГПУ, в 1929—1938 гг. занимал должности начальника производственного отдела ГУЛАГ ОГПУ СССР, начальника работ Беломорстроя, начальника строительства Байкало-Амурской ж.д., в 1938—1940 гг. начальник Главного управления лагерей ж-д строительства, зам. начальника ГУЛАГ НКВД СССР. Уволен из МВД СССР в 1947 г.

Храмцов — красноармеец 136 отдельного конвойного батальона, за отличное выполнение обязанностей при «разгрузке» Козельского лагеря поощрен 10 днями отпуска на родину.

Ходас Николай Васильевич — в 1940—1941 гг. старший батальонный комиссар, комиссар Осташковского лагеря в сентябре 1940 г., в мае— августе 1941 г. начальник Грязовецкого лагеря, в марте—сентябре 1943 г. — начальник управления лагеря военнопленных № 75 в Удмуртии.

Цуканов А.И. — один из участников операции по расстрелу польских офицеров, полицейских и узников тюрем, награжден окладом по приказу Берии от 26.X.1940 г.

Черепанов Николай Васильевич (род. в 1895 г.) — член ВКП(б) с 1931 г. В марте—июне 1940 г. — ст. инспектор хозяйственного отделения Грязовецкого лагеря, в декабре 1940 г. — помощник начальника лагеря по хозяйственной части.

Чехольский Даниил Лаврентьевич (род. в 1904 г.) — в органах госбезопасности с 1938 г., в 1939 г. — политрук, работал в политуправлении Белорусского

фронта, затем в Козельском лагере, в 1940 г. политконтролер Старобельского лагеря. Из-за нарушения запрета на переписку военнопленных с родными и сообщения некоторым их родственникам о выезде военнопленных из лагеря был уволен с работы в июне 1940 г.

Чечев Александр Александрович (род. в 1899 г.) — член ВКП(б) с 1919 г., в органах госбезопасности с 1925 г., в 1939—1941 гг. капитан госбезопасности, начальник 2-го отдела Главного тюремного управления НКВД СССР, отвечал за перевод узников-поляков западнобелорусских тюрем в Минскую тюрьму, место их расстрела. В 1941 г. — начальник Томской спецтюрьмы УНКВД, впоследствии начальник тюрем и лагерей в Таджикской, Литовской и Казахской ССР, полковник.

Шавлов — в 1940 г. мл. лейтенант, начальник конвоя 236 полка, в апреле-мае 1940 г. принимал участие в конвоировании военнопленных из Осташковского лагеря в Калинин.

Шарин — красноармеец 136 отдельного конвойного батальона, за участие в «разгрузке» Козельского лагеря был поощрен 10-дневным отпуском на родину.

Шевелев А.М. — в 1940 г. лейтенант госбезопасности, участник операции по расстрелу польских офицеров, полицейских и узников тюрем, награжден месячным окладом по приказу Берии от 26.X.1940 г.

Шевелев Василий Дмитриевич — в 1940 г. лейтенант госбезопасности, начальник XI отделения 1-го спецотдела, принимал участие в оформлении списков-предписаний на отправку военнопленных в распоряжение УНКВД, то есть на расстрел.

Шевелев Иван Григорьевич (род. в 1904 г.) — в 1940 г. капитан госбезопасности, с ноября 1938 г. работник 3-го отдела ГУГБ, с февраля 1940 г. зам. начальника 2-го отдела ГУГБ НКВД СССР, с февраля по июнь 1940 г. — зам. начальника 3-го управления НКВД СССР, с июня 1941 г. — начальник 5-го спецотдела НКВД СССР, с мая 1943 г. — начальник 5-го управления НКГБ, с конца 1949 г. — в ЦК ВКП(б), с июля 1954 г. в отставке.

Шигалев Иван Иванович — в 1940 г. лейтенант госбезопасности, затем старший лейтенант госбезопасности, и.о. начальника автомобильного транспорта АХУ НКВД СССР, принимал участие в операции по расстрелу польских офицеров, полицейских и узников тюрем, награжден месячным окладом по приказу Берии от 26.X.1940 г.

Шигалев Василий Федорович — в 1940 г. ст. лейтенант госбезопасности, с марта капитан госбезопасности, работник комендантского отдела АХУ

НКВД СССР, один из руководителей расстрела польских офицеров, награжден месячным окладом по приказу Берии от 26.X.1940 г.

Шифрин Борис Львович (род. в 1904 г.), член ВКП(б) с 1930 г., в органах госбезопасности с 1924 г., в 1940 г. — капитан ГБ, зам. начальника следственной части УНКВД по Калининской области, принимал участие в операции по расстрелу военнопленных из Осташковского лагеря, с августа 1940 г. — начальник Следственной части УНКВД по Калининской области, затем зам. начальника Калининского УНКВД.

Шульженков — в 1940 г. мл. лейтенант госбезопасности, начальник УРО Юхновского лагеря.

Шуренков Михаил Александрович (род. в 1899 г.) — член ВКП(б), в войсках НКВД с 1923 по 1941 г., с мая 1939 г. по февраль 1941 г. майор, начальник отделения штаба 15-й бригады конвойных войск НКВД. Принимал участие в операции по разгрузке тюрем Западной Белоруссии в апреле—июне 1940 г.

Щукин — красноармеец 136 отдельного конвойного батальона, за отличное выполнение обязанностей при «разгрузке» Козельского лагеря премирован 10-дневным отпуском на родину.

Юдин Г.А. — в 1941 г. лейтенант госбезопасности, 16 мая 1941 г. назначен зам. начальника лагеря «Поной» (Мурманская область) по политической части.

Яворский Николай Викентьевич (род. в 1905 г.) — в конвойных войсках с 1931 г., в 1939 г. капитан, начальник штаба 136 отдельного конвойного батальона, в апреле 1940 г. отвечал за действия батальона по депортации семей расстреливаемых в Казахстан.

Яковлев П.А. — в 1940 г. капитан госбезопасности, зам. начальника отдела автомобильного транспорта АХУ НКВД СССР, принимал участие в операции по расстрелу польских офицеров, полицейских и узников тюрем, награжден месячным окладом по приказу Берии от 26.X.1940 г.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абакумов В.С. 438, 553, 555—556, 613
Абрамович А.А. 115,136—137, 147
Абрамович Х. 313
Августин Ф.К. 74
Агафонов 411
Агеев 248
Адамович (сотрудник 5-го отдела ГУГБ) 184, 613
Адамович (чиновник из Люблина) 158
Адамский К. 480
Адамус Г.П. 470
Адонов Е.Ф. 349
Азарх Л.З. 164, 613
Аксамитовский С.М. 77
Александров 365
Александров А.С. 277, 613
Александров Г.Ф. 429, 492, 609
Александрович 33
Алексеев М.А. 509, 517, 521, 534
Алексеев М.М. 52, 280
Алексеев П.М. 509
Алексеева А.М. 437, 439, 509, 517—521, 535, 558, 560
Алексеева Л. 442
Алексеева Л.М. 509
Алесич 249
Алферчик 528
Альтман Г.С. 116, 121
Амальрик А. 442
Анасевич Я.В. 76
Андерс В. 8, 26, 131, 189, 209—215, 230, 284, 319, 336, 351, 378—380, 382—384, 386—388, 390—392, 394—397, 401—407, 425, 440, 449—450, 544—547, 607
Андреев И. 422, 528
Андржеевский Б.Ч. 77
Андриянов 349
Андропов Ю.В 441, 565—566, 569, 571—572
Антонов 198
Антонов Г.И. 111—112, 138—140, 597, 599
Антонов И.И. 276, 613
Антонов П.А. 613
Антропов 165, 614
Ануфриев Г.С. 77
Анцелович Н.М. 97, 100
Арашкевич В.Р. 541
Аренс (Арнс) (Арнес) 432, 439, 518, 520, 540—542, 552, 555
Арлет 428
Аронович М. 402
Артамонов-Пест 408
Артемьев П.А. 465, 467
Аубер 410

Бабаян Т.Х. 277, 614
Бабель И.Э. 35
Баженский Я.В. 74
Базекина А.Т. 517
Базилевский Б.В. 434, 437, 439, 503, 521—523, 535, 557—560
Байер В.В. 150
Байзерт М.Я. 73
Баламут 409
Балатрик 453
Бальцер И.Т. 74
Балюлис А. 373
Баньковский З.Л. 238—239, 241, 287, 292, 361
Баранов М.А. 278, 614
Баранов П.М. 278, 614
Баранова М.И. 531
Барановский Ю.Б. 76, 371
Бараньски 299
Барбюлек М.Я. (Барвелюк) 153, 156
Барвинский 453
Бардецкий 410
Баринов И.С. 69—71, 276, 614
Баркер Э. 423

Барковский В.Х. 240, 242
Бармаш Г. 453
Бартечко И.А. 74
Бартковский Т.Т. 471
Бартош 409
Бартошевич В. 402
Бартс Я.Л. 470, 480
Бауэр Р.М. 193, 386, 495
Бахневич 408
Бачиньский С.Ф. 73
Башлыков И.М. 52, 139, 176, 316–317, 331, 336, 363
Баштаков Л.Ф. 28, 44, 78, 84, 109, 595
Беднаж 408
Беднарович И.А. 73
Беднарчик Я.Ю. 470
Безмозгий 165, 614
Безруков И.Д. 23, 64–65, 276, 594, 614
Бейнар Я. 300
Белинский Л.Л. 77
Беличинский М.В. 77
Белов И.И. 278, 614
Белогорлов В.А. 277, 614
Беляк Э.Ф. 73
Белян 258
Бемер К. 260
Бенеш Э. 283
Берг 307, 552, 554
Бережков А.Г. 22, 24, 30, 33, 52–53, 65–66, 71, 80, 89, 95, 101, 109, 114, 137, 141, 152–155, 179, 182, 200, 262–263, 593–594, 597, 599, 601
Берия Л.П. 7, 21, 23–24, 29–30, 39–40, 43–44, 47, 49–50, 53, 59–62, 64, 79–80, 99, 102, 132, 185–186, 194–199, 201–202, 205–206, 210, 212–213, 219–220, 231–234, 265, 269–270, 275, 279–280, 283, 310, 312, 325, 330, 336, 338–339, 344–345, 365, 374, 376, 379, 383, 404–405, 407, 412, 416–417, 421, 439, 444, 546, 550–551, 578, 581, 593–595, 601, 603–605, 607, 610
Берлинг З.М. 70, 194–195, 215, 282, 284, 293, 336, 379, 383, 428, 465–466, 493, 545–547
Берх М.М. 70, 87
Бизанц О.Я. 252, 307
Бийотт П. 330, 348
Билевич В. 235, 602
Билевич С. 235, 602
Биненншток А. 313
Бирнбаум М. 118, 121
Бланк К.Е. 277, 614
Блок А.В. 470
Блондик Ю.П. 471
Блохин В.М. 35–36, 276, 615
Блямка И.Я. 470
Бобер И.М. 67–68
Бобер (Бобэр) Я.А. 70, 85, 191, 253, 266–268
Бобрек 300
Богатыревич Б. 487
Богданов Н.Ф. 278, 615
Богданов П.А. 277, 615
Боговец 305
Богомолов А.Е. 213, 402–403, 451, 607
Богоявленский П.И. 437, 499, 557–558
Богуш С.А. 369
Бок Ф. фон 422
Боксер Э. 153, 156
Болдин В.И. 443, 580
Болейко 299
Болеславич М.З. 69, 84
Большаков С.Г. 243–245, 602
Бонашевский Ю.Ф. 76
Бондарев Г.Т. 529
Бондарев П.В. 615
Бондзинский Т.С. 77
Бонк А.Т. 70, 108–109, 597
Бонкевич 406

Бончук П.Н. 370
Борисов Т.Б. 143, 615
Борисовец П.Ф. 22, 30, 52, 66, 72, 80, 89, 95, 102, 109—110, 114, 130—131, 137, 142, 147—148, 150—151, 160—161, 168, 171—172, 183, 204, 593—594, 596—597, 599—600
Борисович А. 425, 454
Борковский В.Х. 159, 239
Боруто-Спехович М.Л. 282—283, 379—381, 383
Бочков В.М. 365, 367
Бояковский 299
Братек Ю.Ф. 73
Браунг 535
Брежнев Л.И. 565—567, 569, 571
Бржозовский Т.В. 76
Бродинский П. 425, 454
Бросс Ю.Э. 114, 126, 149, 160—161
Брунер Ч.Н. 272—273
Брянцев И. 453
Бугай А.А. 470
Бугайский 408
Будзинский Ф.И. 150
Бузек Е. 445, 585, 588, 590—591, 611
Буковский В. 442
Букоемская М. 86
Букоемский Л.А. 69, 85, 87, 282, 284
Булгак А. 132
Булганин Н.А. 97
Бурда Т.Д. 278, 615
Бурдаков С.Н. 21, 59, 594, 615
Бурденко Н.Н. 8, 206, 401, 421, 430—431, 433—439, 443, 488, 491—492, 498—514, 543—544, 560, 567, 576, 580, 609
Бурдзинский Е. 147
Бурковский В.Х. 157
Бурчак К.А. 70, 85, 114
Бурчинский 136
Бусоедов 435, 536
Бутц Г. 422, 439
Буховская К. 297
Буховский Р.С. 297, 603
Буяльский 290
Бырский 259
Бычков И.И. 529
Бэм М. 314, 604
Бэм Э.Э. 314, 604
Бярдзкий Ф.М. 73

Вайгетнер 408
Вайда В. 32
Вайль Б. 442
Валенса Л. 444, 581, 583, 611
Валицкий В.А. 70—71, 114, 125
Ван Влит Д. 424
Вандерка Б.А. 471
Варабида С.В. 73
Василевская В.Л. 152, 427, 493—494, 609
Василевский 292
Василевский А.М. 357
Василевский Р.К. 148
Василевский Ю.М. 279, 280, 603
Васильев 67, 615
Васильева 556
Вахтель 412
Веденеев Б.Е. 499
Вейган М. 118
Векслер 307
Велещук 409
Велих С.А. 77
Веллер А.Ф. 471
Велюнский З.М. 76
Венде 364
Венедиктов 573
Венцлов Т. 442
Вершковский 381, 383
Ветошников В.М. 515
Ветрова Е.Н. 517, 534
Вещеникин М.Ф. 101—102, 596, 615
Вжесневский Э.И. 70, 85
Виговский Е.А. 278
Вилков К. 401—402

Вильк 546
Вильчинский Л.В. 74
Вильчинский С.В. 72
Вильчинский Ю.Ю. 74
Винтер 408
Винярчик 411
Вирч 409
Висиньский 411
Висневский К. 88—89
Висницкий В.Ю. 150
Витковский А. 198
Витковский В.Ю. 272
Витковский Н.С. 471
Витос А. 493—494
Вихеркевич Т. 193—194, 284
Вишневский 382—383
Вишневский К.Т. 149
Власов А.В. 573, 575
Воватинский С.О. 77
Воверис А.А. 258
Водзиновский Е. 480, 483
Водзиньский М. 486—487
Вознесенский Н.А. 97, 100
Возняк П. 364
Войцехович 247
Войцеховский Е.В. 33, 272
Войцеховский М. 443
Войцеховский Э. 247
Воликовский 428
Волков В.К. 3, 443
Волков В.Я. 191, 228—229, 260, 265, 268, 292
Волковицкая С. 86
Волковицкий Е. (Ю.Ф.) 31, 39, 69, 84, 135, 137, 146, 178—179, 191—192, 210, 239—240, 242, 253—254, 263—265, 267—268, 287—288, 315—317, 347, 352—354, 359—361, 363, 381, 383, 602—604, 606
Волчацкий П.В. 273
Вольский Ю.В. 258
Вольский 410
Вонсович Я. 300
Вонсовский Ю. 147
Воробьев Н.А. 104—105, 120, 128, 177—178, 245, 250, 292, 325, 328—329, 349, 351, 358, 600, 602, 605—606
Вороно К.К. 272
Воронов Г.И. 573, 575
Воронов Н.Н. 400
Воротников В.И. 573—574
Восс 484
Вощинский Б. 3, 19, 189
Врона В.Л. 72
Врубель 248, 300
Врублевский 248, 286
Врублевский Ф.С. 73
Врублевский Я.Б. 72
Врублевский Я.И. 77
Второв М.А. 111—112, 597, 616
Вуйчиковский М.Я. 74
Выропаев Д.Н. 431, 491, 501, 503, 514, 536, 540
Вышинский А.Я. 97, 208, 210, 212—214, 365, 378, 397, 401, 415, 427—428, 438, 450, 553, 555, 557—559, 607

Габчинский С.М. 150
Гавлина 406
Гавриленков Т.К. 278, 616
Гаврилов 165
Гадомский Р. 545—546
Гайдезов (Годунов) 528
Гайдидей М.М. 174—175, 184, 262, 600, 616
Гайовничек З. 7, 24
Гайслер Г.Ю. 148
Галадык Я. 379, 383
Галицын Н.А. 277, 616
Галкин Г.М. 143, 210, 616
Галонска Е.А. 76
Ганин А.С. 349
Гановский З.В. 70

Гановчик Ф.Я. 472
Гарриман А. 436
Гарриман К. 436
Гартман 411
Гарус С.А. 472
Гацковский Я.Р. 106—107
Гвоздовский Н.А. 38, 277, 616
Геббельс Й. 422, 447
Гедрович Е. 230
Гедройц С. 249
Гельбардт Л.А. 101—102, 596
Гейштор А. 5
Гельгун 411
Генствицкий А.Ф. 471
Генц Ф.Ф. 73
Геринг Г. 438, 553, 610
Герцовский А.Я. 28—29, 85, 87—89, 108, 114, 125—126, 130—132, 159, 204, 279, 302, 488, 595—599, 604, 616
Гецелевич Р.С. 277, 616
Гимпель Л.М. 76
Гинзбург А. 442
Гинсберт (Гинзберт) Ю.Г. 69, 191, 266, 268, 287—288, 362
Гиршфельд 522
Гитлер А. 27, 192, 287, 292, 333, 422, 425—426, 447, 452, 455—456, 459, 461—462, 470—471, 473, 476, 608
Глашек А.М. 72
Глезер А.М. 191, 193, 386, 495
Гливинский Я.С. 77
Глина И.И. 327
Гловацкий А. 197
Гловня К.И. 73
Глоговский 428
Гоберман М.Е. 57, 85, 89, 100—101, 107, 111, 114, 126, 133, 155, 223, 244, 253, 260, 298, 303, 358, 373, 604
Годзишевский В.Я. 77
Годлевский З.Я. 191, 227—229
Годованец 453
Гоздевская С. 86
Гоздевский В.С. (Гоздзевский) 70, 85—86
Голавский 409
Голиков 292
Голиков Ф.И. 465—466
Голль Ш. де 330, 348
Головенко 325, 616
Головинкин Н.И. 278, 617
Головнев К.Д. 533
Голошны (Голишны) Л.Ф. 79
Голышкина Т.П. 10
Гольдберг А.-П.Х. 193, 239, 242, 306, 309
Гольковский С.А. 471
Гольман Я.Н. 617
Голяков И.Т. 365, 553, 555—558
Гомер 291
Гонтарский 411
Гончинский 411
Гоняк 203
Горбаневская Н. 442
Горбачев М.С. 443—444, 573—574, 578, 580, 611
Горкин А.Ф. 364—365
Горлинский Н.Д. 20, 160, 234
Горлухович М.В. 302
Городецкий В.П. 517
Городневский Г.Г. 349
Горчинский Е.Б. 69, 85, 282, 284, 545
Горчицкий 468
Горшенин К.П. 438, 555—557, 559
Горшков 118
Горячев М.Д. 276, 617
Горячко 165, 617
Гостковский 411
Гостковский К.Г. 369
Гостовский С. 480
Готвальд К. 223
Гохфельд 410
Грабицкий Е.А. (Г.А.) (Гробицкий) 69, 84, 191, 228—229, 239—240, 253, 265, 268, 287, 347, 381

Грабовский 299
Грабовский В.И. 114, 126
Грабовский Г.Ф. 76
Грабовский К.Б. 77
Гравитц 448
Грала А.Ю. 72
Граничный Ю.Ф. 77—78, 136—137, 147
Гранос Я.С. 150
Гребельский Д.В. 441
Гречанинов М.Г. 327, 617
Гржибовский З. 229
Гржибовский С.Э. 69
Грибанов М.Г. 557—559
Грибоедов Л.А. 508
Грибов И.И. 20, 38, 276, 617
Григоренко З. 442
Григоренко П. 442
Григорьев М.П. 277, 617
Гризодубова В.С. 499
Гриневский 518
Гробицкий Е., см. Грабицкий Е.А.
Громыко А.А. 441, 565—567, 569, 571, 573
Грохоцкая 409
Грубецкий С. 493
Грудневский С.Л. 150
Груй 428
Грунер—Жарнох Е. 583, 585, 611
Губер М. 274—275, 448, 603
Гудановский 381, 383
Гудович И. 54, 617
Гузачев М.Г. 349
Гульба Я.П. 73
Гумотудинов И.А. 278, 617
Гундоров А.С. 431, 435—437, 498—500, 502—507, 509, 511, 513, 543
Гураль 299
Гурвич С.С. 237—241
Гурский К. 364
Гурщик 411
Гурьянов А.Э. 49, 201—202
Гусарин 291
Гусаров Н.С. 509
Гут С.Я. 273
Гышка Г.Б. 238—239, 241

Давидовский Г.М. 70, 85, 114,
Давыдов М.Е. 279, 617
Даганский А.Ю. 66—67, 203, 295—296
Данек А. 192, 260
Данилевич Я. 248
Даниленков Н.В. 510, 516—517
Данилюк Н.Б. 77
Дашкевич 546
Дворак П.П. 72
Двораковский В.М. 77
Двораковский Е.Т. 77
Девятилов А.Г. 278, 618
Дедов К.И. 618
Деканозов В.Г. 220
Делингер З. 364
Дембинский 107
Демидович А.Я. 127, 618
Денисов И.С. 494, 609, 618
Денисова Н.А. 10
Денышин И. 162—163
Деренговский К.П. 472
Дерн (Дэрн) В.В. 147, 156, 159
Дзевицкий 410
Дзенисевич С.А. 68, 84
Дзержек К.В. 271
Дивеный Р. 244
Димитров Г.М. 401—402, 462—463, 607—608
Дмитриев А.Д. 276, 618
Добинский Ф.Л. 76
Добросердова Е.Г. 530
Добростаньский К.А. 76
Добрынин А.Ф. 573—574
Долятовский А.А. 151
Доляцинский Я.Ф. 129—130
Домагала Т.С. 77
Доманский 411

Домб-Бернацкий 284
Домбровский 410
Домонь Г.А. 86
Домонь Л.Я. 70, 87, 191, 239—240, 242, 253, 265, 267—268, 287, 306, 309, 347, 360, 362, 381, 383
Донбур-Мушницкий Ю. 209
Дондеро Дж.А. 562
Донченко И.Т. 349
Дорогинин Ф.М. 278, 618
Доронин Ф.И. 277, 618
Дорош В. 409
Дочинский Б.Ф. 77
Драпов Э.А. 77
Древич М.А. 74
Дрецкий Э.Ф. 76
Дробнер Б. 493—494
Дроздов 618
Дубовиков 347, 618
Дубров 165, 618
Дубровский 411
Дудзинский К.А. 193—194, 284, 545—546
Дудинский С.А. 70
Дудчак 410
Дулебов П.Ф. 81, 112, 123, 597—598, 619
Дурачинский Е. 10, 357
Духович С.Г. 273, 619
Дьяков Г. 492
Дюнан А. 275
Дягилев 347

Евстегнеева 290
Егоров 348
Егоров А.В. 278, 619
Егоров А.М. 534
Егоров В.А. 532—533
Егоров Н. 530—531
Ежевский Л., см. Лоек Е.
Екатов В.Е. 158
Екатов Л.Е. 153, 156, 158—159
Елин Л. 20, 35
Елогов 619
Ельман, см. Эйльман Г.А.
Ельцин Б.Н. 444, 581, 583, 611
Емельянов 251
Емельянов А.М. 276, 619
Енджейчик А. 163
Енджейчик З. 162—163
Ендриховский С. 493
Есиков 362, 619
Есипов 90, 619
Ефимов Б. 442
Ефимов И.Е. 434, 503, 522, 535
Ефимов М.Е. 23, 198

Жаворонков Г.Н. 580
Жданов А.А. 499
Жейма В.Т. 69, 85
Желяшкевич В. 249
Жеребецкий З. 410
Жеребецкий Ч. 410
Жибовский 362
Живчик М. 258
Жиглинский 521
Жигулев М. 528
Жила М.А. 277, 619
Жильцов В.И. 278, 619
Жим Е. 161
Жихарев 299
Жицкий Я.П. 73
Жичиньский Ю. 445
Жолдак К. 373
Жолтовский 408
Жук К.О. 146, 373
Жуков Г.С. 197, 209—210, 382, 404—407, 465—466, 493, 544—546, 609—610, 619
Жулковский 107
Жултковский А. 300
Журавлев М.М. 278, 620
Журавлев Н.Т. 277, 620
Журовский И.И. 148, 152, 157, 159
Жутина 453

Забельский В.Ф. 369
Забочев Н.В. 349
Завадски З. 163
Завадски Ф. 162—163
Заводный Ю. 425, 440
Завьялов А.И. 63, 340, 620
Загайнов 534
Заграй Т.Я. 76
Заенц А.М. 74
Заенц А.П. 72
Зажицкий В.И. 72
Зайдлер С. 159
Зайц И.М. 472
Зайцев А.Г. 277, 620
Зайцева О.А. 10
Закс 410
Заленский 428
Замойский Ф.П. 129—130
Зарембский 299
Зарихта Я. 247
Зарубин В.М. 23, 27, 31, 80—81, 89, 135, 198
Зарудный 408
Зафтаев 91
Захаров А.Е. 278, 620
Захаров В.Г. 573
Захаров В.Л. 165, 620
Захаров М.Д. 437, 510, 517, 526, 528, 535
Захарьясевич 409
Збигнев Я., см. Збиевский Я.
Збиевская М. 244
Збиевский П. 244
Збиевский Я.Р. 243—245, 602
Зверев А.Г. 97, 100, 378
Зволинский Б.И. 74
Здановский 546
Зданчук Я. 300
Зеленский 120
Зелинский М. 258, 362
Землер Г.А. 271
Зигонь С. 540
Зигонь Т. 540
Зикеев С.И. 206, 339
Зильберман К.С. 276, 620
Зингер Л. 183
Зингер П. 183
Зимин 291
Зиновьев Н.П. 277, 620
Зинченко 620
Золотарев В.А. 3
Зоненшайн И.П. 238—239, 241
Зорин П.М. 278, 620
Зоря Ю.Н. 443—444, 560, 563, 578, 580
Зуб Д.Г. 621
Зубарева М.С. 535
Зубков К.П. 437, 503, 510, 533
Зубов Н.А. 277, 621
Зубцов В.П. 276, 621
Зуев П.Н. 24, 63, 621
Зюскин Г.П. 279, 621

Ибаррури Д. 223
Иванов А.М. 127, 621
Иванов В.Г. 278, 621
Иванов И.М. 279, 621
Иванов П. 97—98
Иванов П.А. 621
Иванов С.В. 432, 434, 437, 439, 503—504, 515, 521, 526—527, 529, 535, 559—560
Игнатьев М.Ф. 277, 622
Игнатюк Е.Л. 526—527
Иден А. 424, 426, 457—458, 460, 463—464, 467, 469, 608
Ижицкий 409
Изике 518
Ильвичева 411
Ильин И.Я. 284—285, 603, 622
Ильин Ф.К. 276
Имах Р.У. 158—159, 193—194, 284, 545—546
Имельчик А.П. 472
Иодль А. 422

Иорш Я.А. 368, 371—372, 606
Иссертинген-Тупай А.Ю. 69

Кабанов Б.Т. 10
Кабанов Д.М. 67, 223
Кабановская Е.В. 531
Каверзнев Н.С. 509, 526, 528
Кавка Я.С. 74
Каганович Л.М. 24, 61—62, 64, 97, 465, 594
Кадоган А. 423, 469
Кадышев Ф.И. 200, 325, 327
Казлесинская Ю. 313
Казлесинский П.А. 313
Казмирчак К.В. 87—88
Калинин А.М. 276, 622
Калинин М.И. 170, 190, 364—365
Калинский 411
Кальманович Г.Ю. 220, 312, 322, 325, 605, 622
Каменецкий 535
Каминский А.Л. 472
Каминский Т.М. 77
Каминский Я.И. 76
Канос Я.К. 72
Капалинский (Капелянский) Т.А. 106—107
Каплан 234
Каптуркевич З.В. 238—239, 241
Караваев В.Н. 276, 622
Караванский А. 442
Кардащевич 136
Карманов А.А. 277, 622
Карнатовский 248
Карпинский 290, 409
Карпинский Ф.Ю. 73
Карпов Г.Ф. 279, 622
Карпович 300
Картошкин И.М. 510, 517
Карцев П.М. 277, 622
Касман Л. 401—402
Кассур Х.Х. 485—486
Кастель де 26
Катушев К.Ф. 441, 565, 567, 569, 571—572
Качин Т.Ф. 28, 75, 82, 108, 112, 123, 125, 127, 133, 142—143, 166, 276, 595, 597—599, 623
Каша Ф.В. 366, 386, 491, 497
Квасневский А. 445, 585, 589—590, 611
Квецень И.И. 67—68
Квятковский В. 364
Кейн 440
Кендзерский М.А. 115
Кеневич Б. 466
Кепке (Кеппе) Э.-К.Л. 473, 480
Керковский К.А. 68, 84
Керр Кларк А. 214, 464
Кесарев П.М. 509, 534
Кинель О. 260
Кипияни А. 379, 383
Кириленко А.П. 571—572
Киршин М.М. 24, 33, 52, 57—59, 594
Киршон, см.Киршин М.М.
Киселев А.А. 526
Киселев В.П. 509
Киселев И.К. 623
Киселев Н.А. 111, 251, 276, 623
Киселев П.Г. 432, 434, 437, 503, 521, 524—526, 528, 535
Киселева А. 526
Киселева М. 526
Киселева Н.К. 251
Киселева О.С. 10
Клебан Э. 480
Клейман 286
Клейны А.И. 73
Клетке Э.Г. 473
Клецан В.Л. 73
Климан П.Т. 158—159, 362
Климентьев С.В. 349
Климкевич А.Ф. 67—68
Климковский 406—407
Климов П. 38—39
Климчак А.Ю. 72

Климчик А.А. 77
Клок 623
Клярнер Ч.К. 472
Кнас И.Ф. 473
Князева 336
Коборовский В.П. 148, 152
Кобулов Б.З. 20, 22, 28, 44, 56, 64—65, 109, 196, 371, 505, 594
Кобург фон 448
Ковалев А.С. 279, 623
Ковалев В.Г. 248, 509, 526, 528
Ковалевска Б. 162—163
Ковалевский Ф.О. 72
Ковалевский-Доленга 409
Ковалец Э.И. 150
Ковалик С.М. 73
Коваль 411
Ковальская А.К. 453
Ковальский А.Ю. 76
Ковальский В.В. 77
Ковальчик Я.Я. 74
Ковецкий В.С. 77
Ковнацкий Ю.Я. 272
Ковцун С.М. 370
Кодиков И.Ф. 349
Козак 299
Козик Г.Ф. 74
Козлов Вал. П. 10
Козлов В.П. 3
Козлова В.Ф. 535
Козлов М.И. 349
Козловский 382
Козляковский 286
Козохотский М.А. 276, 623
Козьмерчак А.Н. 67—68
Кокурин А.И. 10, 261
Колаго И.К. 67—68
Колачев А.С. 517
Колесников С.А. 431, 434—437, 498—500, 502—504, 506—507, 509, 511—513, 543, 557, 609
Колодзей А.А. 73
Колодзейский С. 480
Колпяков П.Г. 349
Кольцов М.Е. 35
Колятор А. 211, 250
Комарницкий 411
Комарницкий В. 26
Комаров П.Т. 210, 362—364
Комаровский И.И. 278, 623
Кон 412
Конаховская З.П. 517—521, 535
Кондаков П.П. 192, 237, 251, 253, 265, 268—269, 364, 602-603, 623
Кондыевский Ю.В. 239, 241
Кондратьев 349
Копец С.М. 230, 473
Конобродский Ч.С. 239, 241
Кончковский 230
Коптев К.Г. 165, 624
Корабельский 381, 383
Кораблев 292, 624
Кордасевич Б.В. 76
Корженевский 248
Корман 410
Корнеев Н.В. 184, 624
Корнеля Р.М. 70, 108—109, 597
Коровченко 248
Королев 510, 559
Королев В.Н. 20, 25, 30—31, 52—53, 66, 71, 75, 78, 80, 89, 95, 100, 109—111, 114, 120, 127, 135—137, 145, 159, 165, 273, 593, 595—599
Королевич И.М. 509
Королевский Ф.С. 178—179
Корона Ф.И. 77
Коршунов Ю.М. 10
Корытов 349
Корытов Г.В. 20, 54—55, 150—151
Косинский Г. 300
Косиорек М.Ф. 73
Космальский З.В. 76
Коссецкий Ю.Ю. 76
Косткевич В. 115, 136—137, 147
Костржев С.М. 74
Костюченко В.К. 278

Костюченко Н.К. 277
Костюшко Т. 284, 464—465, 608
Косыгин А.Н. 565—566, 569, 571
Косыгин М.Г. 57, 223
Кот С. 8, 208—209, 212—214, 386—387, 391, 397, 450—451
Котляр Л.З. 400—401
Кох П.П. 473
Коцупер 410
Кочетков В.С. 530
Кочинский В.М. 105—106
Кравец 358, 624
Кравец В.П. 473
Кравец Ф.Ф. 78—79, 207
Краевска Б. 233
Краевский Я.Ю. 76
Краковчик Ф. 79
Краковяк И.Ф. 90—91, 598
Краковяк К.Я. 90
Красненко 492
Красновидов И.И. 277
Кревт И.Я. 472
Крживоблоцкий В.Б. 297
Кржижановский Э.С. 153, 156
Кривенко М.С. 23, 35—36, 66, 219—221, 276
Кривко Р.В. 70, 307
Кривобоков С.И. 624
Кривозерцев И. 528
Кривозерцев М.Г. 521, 534
Криппс С. 210
Кричевская Я.И. 236, 624
Кровчик С.Н. 370
Круглов С.Н. 200, 206, 312, 327—328, 336, 430—433, 436, 500, 502, 505, 557—558
Крук В.М. 37
Крук К.А. 72
Круль П. 229
Крючков В.А. 576—577, 580, 611
Кубаткин П.Н. 235, 624
Кудрявцев Д.И. 435, 437, 509
Кудрявцев И.И. 10
Кузнецов А.С. 488, 624
Кузнецов В.В. 441, 569—570, 572
Кузнецов Н.А. 349
Кузнецов С.С. 277, 624
Кузьмин 625
Кукель М. 425, 449, 451, 608
Кукулинский Ф.С. 193—194, 284, 545—546
Кулай М.Н. 73
Кулаков И. 256
Кулеш 234
Куликовский Ч. 198
Кульков А.А. 625
Кульчицкий З.В. 77
Кульчицкий К.Я. 237—238, 241
Кун 409
Куннер Я.А. 473
Куприй Т.Ф. 20, 36, 276, 625
Куприянов Е.И. 25, 198, 220—221, 232, 260
Купщев И.З. 509
Купш Ф. 493
Курек М.Ю. 76
Курковский А.Ф. 72
Кутиба Й. 37
Куфтиков Ф. 422
Кухарский 299
Кухарский П.В. 76
Куцев И.В. 517, 534
Куча И.С. 77
Кучинская И. 541
Кучинский 248, 408
Кучинский С. 541
Кучма Л. 445, 585
Кучумов 165, 625
Куявиньский Л.Р. 67—68
Кюнстлер С.Я. 69, 85, 284

Лавитский 381
Лаврентьев Г.В. 179, 625
Лавров И. 555—556
Лагут 299
Лазаренков С.М. 278, 625

Лалиашвили 211, 364
Ланджеевский Г.С. 77
Ланге О. 494
Ласманис У. 233
Лацинский В.В. 69, 84
Лашевский Т.А. 74
Лебеда В.А. 73
Лебедев Л.П. 105—106, 596, 625
Лебедев М.Д. 278, 625
Лебедев М.И. 20, 107, 597
Лебедева Н.С. 3, 5, 10, 19, 21, 44, 164, 179, 189, 193, 198, 202, 236, 330, 428, 439, 443—444, 499, 553, 563, 578, 580, 585
Левандовский 299
Левандовский Б.В. 73
Левандовский Э.А. 540—541
Леванчюков Г.К. 278, 625
Левашов 118
Левин М.М. 239, 242
Левитан А.Ю. 433, 503
Левицкий С.В. 77, 383
Лекарев 400—401
Лендер 410
Ленин В.И. 240, 292
Лента А.Я. 72
Ленчинский 410
Ленчовский 288
Леньковская О.Г. 530
Лепехин Н.М. 349
Летова И. 164, 625
Лех З.В. 73
Лехман П.Б. 72
Лещинский 409
Лигачев Е.К. 573—574
Лижец 340
Лимановский И.И. 67—68
Линников 211, 364
Линовский В.С. 77
Липский М. 31, 135, 137
Лис 299
Лис И. 178
Лис Ю.С. 69, 85, 253, 265, 267—268, 284, 381
Лисах 371
Лисек Я.К. 474
Лисовский Д.И. 340
Литвинов П. 442
Логинов Н.В. 278, 625
Лоек Б. 3
Лоек Е. (псевдоним Ежевский Е.) 26
Лоек С. 516
Лоек Ю. 516
Ложких С.А. 349
Ложневский Л.Ф. 474
Лозовский С.А. 353
Лопатто Э.И. 76
Лопацинский (Лопатинский) И.А. 70, 85, 87, 286
Лопушко А.П. 315
Лоуренс Дж. 552—553
Лугинин М.И. 276, 626
Луговенко Г.И. 626
Лукин В.П. 591
Лукьянов А.И. 573—574
Луферов С.В. 626
Луч Я.-С.А. 74
Лущинский З.З. 71
Лысековский Б.И. 74
Лэмпицкий Ю.Р. 76
Любарский В.Г. 370
Любарский К. 442
Любимов А.В. 415
Любинецкий М.И. 74
Любовицкий 411
Любомирский Я.Г. 87—88
Любуська Т.С. 239, 242
Люка Б.В. 474
Люммерт 518
Люранц Ф.Я. 76
Лютомский С.В. 72
Лютостанский Л.А. 271, 273
Лядов 349
Лянгнер В. 317
Ляхович 408

Ляхович Е. 86
Ляхович Я.П. 69, 85, 87
Ляшенко К.Г. 10

Мадай Т.И. 146
Мадайчик Ч. 3, 26, 422, 424, 443, 469, 487
Маевский П.П. 271
Маевский Ч.Л. 76
Маевский Я.А. 67—68
Мажец Т.П. 70, 108—109
Мажец Э. 153, 156, 597
Мазур 307
Мазур М.Я. 76
Мазур С.М. 76
Мазур С.Я. 77
Мазуркевич В.М. 73
Майзнер 382—383
Майский И.М. 357, 458
Майхжак Ю.А. 73
Макаренков Г.И. 278, 626
Макаров В.Н. 431, 436—437, 500—502, 504—505, 507—512
Макарчинский Я.И. 110—111, 136—137, 147
Макетов 385, 626
Маклярский И.Б. 53, 55—57, 106—107, 111, 114, 128—132, 136, 143, 146, 151, 155, 159, 167, 172—173, 179—180, 182—183, 185—186, 196—197, 204, 218, 220, 231, 234, 243, 253, 259, 262—263, 296, 593—594, 601
Максимов В. 442
Макутынович 299
Малашенко Л.И. 10
Малиновская 411
Малиновский Р.М. 69, 85
Маловейский Л. 102
Малышев 343
Малюкевич С.Б. 76
Маляж С.Ю. 129—130
Маляцевич Я.С. 72
Мамулов С.С. 64, 626
Манн А. 31, 136—137
Мантел 412
Маньковская Я. 86
Маньковский С.М. 270, 273
Маньковский Я.М. 70, 85, 87
Мара-Мейер И.Ф. 39, 69, 84, 177, 179
Мардас-Жилинский Т.М., см. Мордас-Жилинский Т.М.
Марецкий Ф.Б. 77
Марков М.А. 428, 439
Марков М. 438, 559—560
Маркус А. 402
Мартин П.-Б.В. 76
Марусев А.Е. 278
Марчевский Т.-Э.Л. 77
Марчуковский 411
Масленников И.И. 64, 104, 220, 232—233, 342
Масальский 343, 626
Мастоляш (Мастоляж) Ф.Я. 30, 109—110, 597
Матейчик Я.Я. 76
Матерский В. 3, 5, 10, 19, 21, 189, 383, 550
Маттошко В. 408
Матусевич 410
Матушек 412
Мацишевский Я. 443
Махрович Т.М. 562
Мацкевич Ю. 440
Мащев (Мощев) П.П. 110, 143
Медведев В.А. 573, 575
Медведев И.Б. 279
Межвинский Л. 305
Межов Т.И. 90, 165, 596, 626
Мейерхольд В.Э. 35
Мелентьев 573
Меллер 411
Мельник А.Т. 277, 627
Мельник Н.В. 277, 627
Мельникер 546
Мельников 400—401

Мельников Р.Е. 431, 433, 435—437, 498, 502, 504, 506, 509, 511, 543
Мельчарек С.П. 151
Мельчарек Ф.И. 67
Мельчин С.А. 10
Менликел 305
Менцель В.Я. 77
Меньшагин Б.Г. 503, 521—523, 559—560
Мерецков К.А. 194
Меркулов 442
Меркулов В.Н. 7, 23, 25, 27—30, 39, 44, 75, 81—83, 85—86, 89, 103—104, 107, 109, 112—113, 115—116, 118—120, 123—124, 126, 129—131, 133, 141, 147, 152, 164, 166, 172—173, 176—179, 190, 192, 194, 196, 202, 204, 206, 209, 211, 241, 245—246, 249—250, 253, 260, 264—266, 268, 273, 279, 284, 315, 321, 329, 352, 354—355, 364, 371—373, 429—430, 432—433, 435—438, 503, 505, 512, 549, 553, 555—556, 581, 595—598, 600, 603—604, 606, 609—610
Мерник О.А. 76, 129—130
Метковский М. 493—494
Мешик П.Я. 201
Мешковский 408
Миколайчик С. 451
Миколайчик Я. 483
Микоян А.М. 97, 100, 400
Микуцкая К. 173—174, 600
Микуцкая С. 174
Микуцкий Е. 174
Микуцкий Стась 173—174, 600
Миллер Э.Г. 474
Мильштейн С.Р. 23, 38, 82—84, 595, 627
Милярский Ю.Я. 272
Минкевич Х.К. 119, 121
Минних П.А. 474
Минтов-Чиж Я.Я. 69, 348, 362
Минц 409
Миронов В.Д. 23, 27, 80, 89, 627
Миронова К.К. 10
Мирошниченко 329
Миссюро В.И. 69
Митерев Г.А. 96, 100
Михайлова О.А. 509, 517—521, 535
Михайлович Т. 153
Михалев 468, 627
Михалева В.М. 10
Михалик 299
Михальский Ф.-Х.А. 475
Михальский Ю.М. 474
Михеев А.Н. 260, 602
Михель Г.Ф. 475
Михневский 229
Михник А. 445
Михулка С.Я. 70
Мицкевич И.В. 273
Мищенко 359
Мищенков Н.А. 278, 627
Млинарский Б. 26, 88—89, 193
Млынарчик Б.Э. 230, 360
Млынек Г.М. 475
Могорин 291
Модзеляк Э. 105—106
Моисеенков А.А. 279, 627
Моисеенков В.П. 278, 627
Мокридин И.П. 278, 627
Мокршанская 234
Молоденков Н.К. 508
Молоец Б. 463
Молотов В.М. 7, 96—100, 102, 170, 190, 192, 209, 214, 247, 250, 287, 292, 312—313, 315—317, 374, 378, 383, 386—388, 391—392, 394, 397, 400,403—404, 407, 412, 416—417, 426, 431, 449—450, 457—458, 460, 488—489, 546, 607, 609
Мондри В.Я. 73
Мончинский С.В. 76
Моравская П.О. 86
Моравский М.В. 70, 87, 193, 284, 330—331, 336—337, 605

Моравский С.М. 72
Мордас-Жилинский Т.М. 153, 156
Моркович И.Н. 369
Московская А.Н. 509, 517, 530—531
Моссаковский А.-Ф.А. 76
Моссор С. 480
Мосьцицкий И. 91, 94
Мосяк Щ.Я. 73
Мошков Н.П. 349
Мощинский А. 197—198, 440
Мощинский С.-Р.Я. 77
Мрачек 453
Мрачковский 410
Мрувчинский Б.Ю. 76
Мрус К.К. 76
Музычак 289
Мунк А.О. 136—137, 147
Мурашов Н.М. 112, 123, 127, 134, 143, 166, 628
Мусял Б.В. 73
Муха Б.Л. 76
Муханов 376, 628
Мушинский В.В. 297, 603
Мушиньский 32
Мэдден Р. 421, 441, 561—562
Мюкке Е.С. 370

Наврат 299
Назаревич 443
Назаревский 410
Найбург А.Ф. 475
Наленч Д. 3
Наринский М.М. 428
Нахс П.Э. 475
Некрасов В. 442
Нелепа 546
Нестерович 299
Нехорошев С.В. 31—32, 34, 51—52, 55, 104, 107, 120, 128, 177—178, 196, 223, 229, 238, 245, 250, 286, 292, 598, 600, 602
Нив А. 440
Никитченко И.Т. 557—558
Николай, митрополит 431—432, 434—437, 498—500, 502—504, 506—507, 509, 511, 543
Никольский 503, 536
Новак Г.П. 299, 475
Новаковская 411
Новаковский В.Э. 114, 126, 149, 160—161
Новик С. 118, 121
Новиков-Прибой А.С. 264
Новицкий 409
Новицкий Г.Ю. 73
Новицкий Ф.М. 76
Новобратский Л.И. 230
Новорит Ф.Ф. 74
Новосад 410
Новосад 412
Новоселов И.И. 276, 628
Новотко М. 463
Нодзинский М.М. 76
Носырева Л.Л. 10

О'Конский А.Э. 562
О'Малли О. 424, 467, 469, 608
Оберхойзер Е. 439, 552—553
Огарков 491
Оглоблин 503
Оглоблин А.П. 510, 517, 521, 523, 536
Окулицкий Л. 213, 379—380, 383, 405—406
Окунев А.В. 276, 628
Олендзки Ю.А. 271, 273
Олизар А.Я. 88—89, 230
Олипр 408
Оловянов В.Ф. 349, 628
Ольшевский Б.Ф. 475
Орлов Д.И. 278, 628
Орлова П.М. 530
Орловский 305
Осипов В.А. 277, 628
Осовский М.А. 70, 108—109, 597
Офицеров А.Н. 276, 628
Охник 411

Павинский Я.Ю. 73
Павленко 165, 628
Павлик 381
Павлик Я. 364
Павлов 349
Павлов В.П. 54, 56, 276
Павлов В.С. 573, 575—576
Павлова Т.Ф. 3, 10
Павловский Ф.Ф. 74
Павляк Л.В. 74
Павлята П.И. 67—68
Паенк А. 411
Пайдовский И. 193
Палецкая 26
Панасенко 480, 628
Панасюк М.И. 161
Панков 480, 628
Панов 165
Панфилов А.П. 210, 377—378, 382—383, 394—395, 397
Панюшкин А.С. 561
Паркер Р. 427
Парнас Я. 493
Парсаданова В.С. 444, 563, 578, 580
Паруль 305
Пархимович С.М. 238—239, 241
Паулюс Ф. 422
Пахолик И.П. 476
Пекарус Ф.С. 74
Пеляцкая 382
Пенихин Д.В. 349
Пенловский 120
Пентик Т.Я. 476
Пенцак А.К. 151
Пеньковский 243, 629
Пеотрович, см. Петрович Е.И.
Пеотровский Е. 147
Пересыпкин И.Т. 400—401
Песик А.М. 74
Петицкий К. 265
Петкун Д. 307
Петраш Ф.И. 248
Петрашкевич Я.Ф. 270, 273
Петров Н.В. 261
Петрович (Пеотрович) Е.И. 77—78, 136—137, 147
Петровский 136
Петровский 412
Петросова Н.А. 3, 5, 10, 19, 189
Петрушка Ю.Г. 150
Петухов 182, 629
Печинский 305
Пешоконис Я.К. 273
Пжемша Б.Ш. 149, 152, 159—160, 599
Пигульский Б.А. 73
Пидек З. 585
Пико В.Я. 271, 273
Пилсудский Ю. 39, 65, 177, 331—332, 397
Пионтковский В.А. 26, 230
Пирожинский 410
Пискунович 239, 242, 289
Питнер Ю. 364
Пихоя Р.Г. 5, 444
Плажиньский М. 591
Плеханов А.А. 629
Плотинский Е.Я. 271
Погоний Я.Ф. 3
Подковик Б.И. 371
Подцероб Б.Ф. 397—398
Подыбка С.М. 476
Поздняков Н.Г. 220
Пойгин Н.И. 349
Покладцкий 409
Покора 300
Покофьев Г.Ф. 349
Покровский Ю.В. 553
Полкор 300
Полухин И.М. 52, 205, 261, 275, 285, 313, 345
Польский С.Ю. 629
Поля А.Е. 476
Поляков 39
Пономарев 165
Пономарев Б.Н. 565, 567, 569, 571

Пономарев Н.К. 349
Попов П.С. 63, 629
Поскребышев А.Н. 365, 376, 551
Поспех 299
Поспещаловский 362
Потапова К.Д. 261, 264, 275, 629
Потемкин В.П. 430—431, 433—434, 436—437, 498—500, 502—504, 506—507, 509, 511—513, 543
Почтовский В.Т. 251
Пржездецкий, см. Пшездецкий В.
Прилепский М.В. 349
Прозоровский В.И. 431, 433—437, 439, 441, 500—501, 504, 507, 510, 513, 536, 540, 556, 559—560
Прокоп И.И. 69, 84
Прокоп Ф.М. 114, 126, 149, 160—161, 306
Прокопович В.С. 272—273
Прокофьев 165, 629
Прудников П.Г. 278
Пружанский Б.М. 157, 159
Птак 305
Пустулка 300
Пучиньский Р. 440
Пушкарев 435, 510
Пушкарева 536
Пущина Е.А. 529, 534
Пшевожник А. 3, 10
Пшездецкий В. 198, 210, 226, 282, 284, 354—356, 359—361, 606

Рабошевский Ф. 260
Равский Ю.М. 148, 152
Радецкий Л.Я. 129—130
Радзишевский Л.Ю. 77—78, 136, 147
Радомский З.К. 73
Радомский К.А. 272—273
Разняк С.С. 151
Разоренов А.И. 277, 629
Разумовский 573
Райперт В.В. 148, 152
Райхман Л.Ф. 213, 438, 557, 559, 629
Раковский Б. 406—407
Раковский Г.В. 68, 84
Раксимович Л.Р. 177, 179
Ранкович В. 106
Ранковский 105
Раношек Г.Ф. 79
Расинский 252, 362
Рачинский А. 193
Рачинский Э. 214, 230, 423, 451—452
Ревякин 144
Редман Л.Ф. 476
Рейнсон К. 38
Рекст 518, 532, 541—542, 552, 555
Ренкавич З.А. 272—273
Репринцев П.А. 349, 629
Ретингер Ю.И. 209—210
Риббентроп И. 292
Ригер А. 32
Ровиньский З. 480
Рогозкин 292
Родзишкевич Р.С. 74
Родина А.Ф. 57, 94—95, 128, 298
Родионов 107
Родионов А.С. 349
Розе 518—520
Розен-Завадский К.П. 69, 193—194, 284, 545—546
Розенштейн Я. 402
Розкрес (Розкрез) В. 54—55
Ройкевич Л. 480, 483
Романов Н.И. 52—53, 166, 253, 285
Романов Ф.Д. 349
Романьский М. 409
Ромер Т. 215, 426, 449, 457, 460
Ромм М.А. 130—131, 149, 598
Роммель Э. 405, 407
Росовска Э. 3
Рубанов А.М. 20, 276, 343, 629
Руденко Р.А. 438, 551—555, 557, 610
Рудковский 381, 383
Рудницкий П.П. 476
Ружанский В. 118, 121
Ружанский К. 118, 121

Рузвельт Ф.Д. 421, 423—426, 428, 455, 457, 460—461, 553, 608
Румянцева Н.И. 10
Рунц А.М. 141—142, 599
Русаков К.В. 565, 567
Рушайло В.Б. 445, 590—591, 611
Рыбак Л. 425, 454
Рыбаков А.А. 23, 197, 220, 231, 233, 276, 630
Рыдз-Смиглы Э. 65, 209, 332, 337
Рылко 411
Рысак Я. 105—106
Рычак 412
Рычков П.М. 365, 553, 555—559
Савватеев И.В. 432, 434, 439, 504, 517, 521, 526—527, 534—535, 559—560
Савицкий 556
Савицкий Н.А. 74
Савицкий Я.Ю. 72
Савич 408
Садовский 286
Садыков 435, 536
Сазонов Т.Ф. 229, 292
Салацинский З.Т. 114, 126, 149, 161—162
Самохвалов А.И. 97, 100
Саранецкий А. 408
Сафар Р. 198
Сафонов Г.Н. 556—558
Сафонов П.С. 20, 25, 36, 49—51
Сахаров И.А. 349
Сашнева (Сошнева) М.А. 516
Свентковский Р.С. 238—239, 241
Сверчевский К. 493—494
Свиридов 362, 630
Свобода Л. 283—284
Свобода Я.Э. 114, 126, 149, 160—161
Свяневич С.С. 26, 29, 32, 38, 130—13?, 440, 598
Северский Я.Л. 545
Сегаль Г.С. 239, 242, 306, 309
Сегед И.Э. 477
Седлецкий 409
Секунда В.М. 272—273
Сельский Б.М. 73
Семенихин Д.Е. 276, 630
Семенов Г.Г. 349
Семеновский П.С. 431, 433—434, 437, 500—501, 508, 510, 513, 536, 540, 556
Сементка А.М. 116, 121
Сененков 36
Семенюк 300
Сеницкий С.С. 87—88, 137, 146
Сенюшкин Н.М. 277, 630
Сервинский М.Т. 74
Сергеев 206, 349
Сергеев Т.И. 517, 526, 630
Сергиенко В.Т. 339—340, 605, 630
Сердечный И.К. 65
Серкучевская М.М. 235
Серкучевский М.М. 235
Серов И.А. 21, 24, 44, 49, 62, 64, 79, 85—86, 201, 359, 363, 593, 595, 606
Сидельницкий Ш.И. 371
Сидорук Т.А. 510, 534
Сикорский Б.С. 114, 126, 149, 160, 162
Сикорский В. 8, 26, 31, 195, 209, 212—214, 281—282, 357, 369, 376, 386—393, 395—398, 400, 403, 406, 423—427, 450, 452, 455—456, 461—462, 607
Силиньш 243, 602, 630
Сильвестров Г. 528
Сильченков И.М. 279
Синегубов Н.И. 35—36, 276, 630
Синица И.О. 306
Синицкий С. 31, 135
Синицына Т.А. 274, 603
Синкевич 360
Ситковский Л.Ю. 73
Скальский Я.Ю. 149, 152
Скаржиньский К. 487
Скворцов 292

Скончены 299
Скотлевский 306
Складановский П.Л. 476
Скородумов В.Е. 277
Скотницкий С. 493
Скрабский А.Ф. 74
Скрентовский В.И. 271
Славин 361, 631
Славинский К. 105—106
Слизень (Слизиен) О. 26, 88—89, 193, 230
Словенжик 484, 486—487
Слоневский В.Г. 186, 204
Слупский В.Э. 157, 159, 289
Слуцкий М.А. 411
Сметанин И.Ф. 186
Смирнов Г.Л. 443
Смирнов Е.И. 400—401, 431, 498, 506, 543
Смирнов Л.Н. 439, 557—558
Смирнов Н.Н. 102, 114, 336
Смирнов (патологоанатом) 491
Смирнов С.П. 28, 631
Смирнягин П.А. 517
Смиртюков М.С. 567, 569
Смиховский М.Я. 74
Смольянинов В.М. 431, 433, 435, 437, 441, 500—501, 510, 513, 536, 540, 556
Сморавинский М. 119, 121, 487
Смыгин Ф.И. 631
Смыкалов И.П. 277, 631
Снегоцкий С.С. 77
Снежко С. 3
Снытко М.Ф. 90, 165, 631
Соберайский 408
Соколов А.А. 54—55, 204
Соколов Ф.В. 312
Соколова О.Е. 529
Сокорский В. 493—494
Солдатенков В.И. 510, 517—518
Солецкий 305
Солженицын А.И. 442
Соловьев В.А. 278
Соловьев М.М. 277
Соломатин А.Г. 155
Солыгин 292
Сольский А. 37, 468—469
Соммерштайн 493
Сопруненко П.К. 20—25, 27—28, 30, 52—57, 65—67, 69—72, 74—75, 77—81, 83—85, 88-89, 94—95, 100—102, 109—112, 115, 126, 129, 134—139, 141—143, 146, 151—152, 155, 159—161, 166—168, 172—173, 176, 179—182, 184—185, 190, 192, 196, 198—199, 203—205, 218—219, 221, 223—224, 226—227, 229—230, 232, 234, 237—238, 241, 243—244, 251, 253—255, 258—266, 268, 270, 273—275, 279—280, 284—286, 295—304, 308—310, 312—313, 315, 318, 322, 325, 327, 330, 336, 338—339, 341, 345, 348, 352, 354—355, 358—359, 363, 365, 371—373, 385, 593—606
Сорокин В.К. 277
Сорочинский Л.С. 273
Сосна В.Я. 78, 149, 289
Сосновский К. 397
Сосновский С.В. 74
Сохань 409
Сошка Л.Ю. 74
Спадло А.Н. 151
Спейхерт С.А. 477, 480
Спицевич Я. 300
Сроковский М.К. 69, 87—88
Ставинский 408
Сталин И.В. 6—8, 20, 31, 44, 162—163, 170, 173, 190, 193—195, 197, 210, 212—215, 280, 292, 315, 352, 354, 374, 378—380, 383, 386—398, 400, 403—405, 407, 412, 416—417, 421, 423, 426—428, 439, 444, 450, 455, 457—458, 460—461,

464, 466, 493, 544—546, 550—551, 553, 600, 603, 607—610
Сталь В. 493
Станио Ф.С. 271, 273
Станкевич С. 443
Станкевич Э. 300
Старикович М.М. 226, 299, 303—304, 604, 631
Стаськовяк Ф.Ю. 74
Сташак Я. 248
Сташальский (Стешальский) 247—248
Стегеман Г.Х. 193, 386, 495
Стекольщиков И.А. 277, 631
Стельмах И.И. 38, 277, 631
Стельмах И.П. 477
Стендель В.М. 477
Степанов И.А. 23, 78, 83—84, 119, 165, 276
Стергеман Г.Х., см. Стегеман Г.Х.
Стжалковский 402
Стокляс В.Р. 106—107
Столярек М. 105—106
Стормовский Я.Я. 74
Стояновский К.Ф. 76
Страдынь 409
Стржелецкий Т.Ф. 76
Строкач Т.А. 340
Стрыкер 360
Сталковский Л. 546
Стурлис А.И. 325
Стурлис В.К. 325
Стурлис К.П. 325
Стурлис М.И. 325
Стурлис П.К. 325—327, 605
Стурлис Я.П. 325
Стучинский 246
Субботин 435, 536
Субоч В. 229
Судаков Г.Г. 28, 632
Судник 408
Судоплатов П.А. 26, 69—70, 87, 595, 632
Сулик-Сорновский 406
Сусицкий М.Т. 373
Суслов М.А. 565—567
Сухарев Н.И. 277, 632
Сухачев П.Ф. 439, 531—533, 559
Сухинин А.С. 430
Сцибур С. 102
Сыромятников М.В. 35, 278, 632
Сысоев В.Н. 58, 182, 638
Сытин В.М. 277
Сюда В. 247
Сюрин А.Б. 278

Табачинский А. 118, 121, 632
Табачников 133, 598
Танасейчук В.И. 74
Таненбаум Я.В. 116, 121
Тарасевич П. 307
Тарасов Г.Н. 277
Тарговский В. 585
Тарле Е.В. 499
Тарновский К.Т. 76
Тарчинский М. 3
Татаренко И.М. 165, 349, 632
Тварковский 408
Тендорф Т.М. 273
Теодорович А.А. 114, 126
Теппер Ч.В. 477
Терешкова В.В. 573, 575
Тецляф Л.В. 106—107
Тиваненко Л.А. 277
Тикунов И.Е. 277
Тимофеева А.И. 510, 530
Тимошенко Г.И. 278
Тимошенко С.К. 183, 190, 194, 297, 317, 337
Тимошко Ф.С. 632
Титов 488, 633
Тихонов Д.Ф. 279
Тихонов П.Н. 36, 633
Тихонов П.П. 276
Тишков А.В. 223
Ткач В.К. 477

Ткач В.Ш. 371
Ткач Н. 304
Ткач Ю. 303, 307, 604
Токарев Д.С. 7, 20, 25, 28, 35—36, 75, 82, 107, 112—113, 123—127, 129—130, 133, 142, 166, 595, 597—600
Токаржевский (Токажевский) 379, 382—383, 405
Толстой А.Н. 431, 435—437, 498—500, 504, 506, 509, 511—513, 543—544, 610
Тольятти П. 223
Томалл М.А. 545
Томашевский 410
Томяк И.И. 183, 601
Томяк Изабелла 183, 601
Тонкаль 151
Торвинский И.М. 70, 85
Тормаз Л.Ю. 150
Торножек А.Т. 72
Точенов А.М. 279
Трайнин А.Н. 438—439, 557—558
Трайнин И.П. 499
Трандин В.И. 349
Тувим Ю. 494
Турек 410
Турецкий 408
Туркевич З.Ю. 273
Турковская 409
Турский Е. 229, 287
Тутковский В.Л. 477
Тухольский Е. 3, 7, 29, 75, 78
Тушевский М.М. 79
Тычковский Ф. 191, 265, 268, 288, 292
Тышинский Л.К. 68, 84, 282, 284, 545
Тышковский В.Ю. 238—239, 241, 287, 290
Тшецяк 289
Тютенков В.П. 303—304, 604

Углов И.М. 165, 633
Ульрих В.В. 365
Умнов 523
Уральский А.Ф. 220, 633
Урбан Е. 576
Урбанович В.К. 633
Урбанович Х. 198
Урбанский Я.Э. 129—130
Устинов Е.П. 529
Ухерек П.У. 73

Фадеев А.М. 278
Фалин В.М. 444, 576—578, 580, 611
Фатьков Т.Е. 517
Федин И.И. 370
Федоренко Я.Н. 400, 465, 467
Федоров Д.И. 119, 285, 633
Федорышко С.М. 278
Федотов П.В. 386, 633
Федюков И.И. 67, 203—204, 329
Фельдман И.И. 276, 633
Фельценлабен Ф.Ф. 150
Фельштин (Фельштейн) Т.В. 69, 84, 253, 381
Ферадович 325, 633
Ферстер Э. 260
Фиалкевич Ф.М. 478
Фигель Б.И. 73
Филиппов А.Ф. 284, 603, 634
Филонова С.Н. 10, 445—446
Финберг Х. 425, 454
Финдер П. 462—463, 608
Финк 411
Фитин П.М. 184, 196, 230, 233, 261, 546, 601, 634
Фитцгиббон Л. 440, 566
Фишер-Драунегг Ю. 192, 260
Флигер Т.К. 478
Флуд Д.Д. 562
Фомичев В.И. 634
Фосс 529
Френкель Н.А. 40, 221, 318, 601, 634
Фроленков И.Л. 277
Фролов А.М. 57, 155
Фроник 120

Фукс Я. 402
Фулавка С.Б. 74
Фуртек В.О. 306, 362

Хабик 299
Хазанов М. 585
Хакель 287, 290
Халецкий В. 453
Харкевич Т. 248
Хвистек Л. 493
Хельман 370
Хильберс 439
Химштедт М. 364
Хломов М.Д. 97
Хмелевский З.З. 273
Хмель 546
Хмыров В.А. 529
Ходас Н.В. 210, 345, 348, 354, 359, 363, 606, 634
Холичев Д.К. 23, 27, 80—81, 89, 102, 108
Хопко М.З. 239, 242
Хотт 518, 541—542, 552, 555
Хофф З.Е. 239, 242
Хохлов И.И. 25, 30—31, 95, 99—100, 104—106, 108—109, 111, 113—115, 120, 125, 127—132, 135, 140, 229, 259, 596—598
Храмцов 165, 634
Христенко В.Б. 445, 587—588, 611
Хрулев А.В. 365, 367, 377—378, 382, 394, 399—400, 465
Хрущев Н.С. 155, 172, 201, 421, 439, 563, 565, 583, 610
Худякова Т.Н. 55, 67, 128, 136—137, 142—143, 146, 151, 159, 173, 260, 265, 280
Хуменский Б.И. 73
Хыля И.М. 67—68

Цанава Л.Ф. 21, 24, 44, 49, 63—64, 79, 87, 270, 273, 593, 603
Целинский 300
Цесаж Т.А. 73
Цесликовский Г.В. 271, 273
Цибулькин 299, 409
Цибульский 136
Цибульский В.Ю. 299
Цикулин М.В. 278
Цуканов А.И. 276, 634
Цумфт Я.Я. 273
Цупрыяк С. 483, 486
Цыльковский С. 480
Цын Г. 192, 260

Чадаев Я.Я. 337, 365, 417
Чаевский Ф.Ф. 302
Чайковская В. 86
Чайковский Б.Я. 70, 87
Чайковский С.В. 73
Чапский Ю. 26, 33, 193, 212—213, 299—230, 288, 293, 306, 309, 601
Чебриков В.М. 573—575
Чекулаев В.К. 278
Челинский 247
Червецкий 105—106
Череватенко М.И. 182
Череватый Г.С. 65
Черепанов Н.В. 238, 632
Черепков А.П. 10
Черневский А.И. 67—68
Черницкий К.Э. 69, 71, 114, 126, 498
Черны Т.Ю. 237—238, 241
Чернышов В.В. 40—41, 50, 63—64, 104, 140—141, 175, 181, 203—205, 220—221, 223—224, 226, 232, 250, 269—270, 293, 295—296, 318, 338—340, 344—345, 367, 371, 599—601, 603—605
Черчилль У.С. 214, 389, 391, 393, 421, 423—424, 426, 428, 457—458, 460—461, 463—464, 553, 608
Чехович В.А. 152
Чехович С.В. 147—148, 152
Чеховский Б. 493
Чехольский Д.Л. 35, 175, 180, 182, 634

Чечев А.А. 24, 63, 635
Чечот Н. 193
Чиж 306
Чиж Г.Э. 69, 84, 87, 135, 137, 309
Чиж Ч. 362
Чиж Х. 31
Чижов А.Т. 529
Чистогорский Р. 546
Чичаев И.А. 233
Чмут Ю. 196, 221
Чубарьян А.О. 3
Чубок Ф.Е. 250—251, 620
Чужайкин И.М. 278
Чульринский Я. 230

Шавлов 142—143, 599, 635
Шангин Н. 585
Шапошников Б.М. 357, 365, 367, 378, 400
Шарапов В.М. 64, 155, 166, 186, 206, 220, 232, 339, 343, 347
Шарецкий Б.Г. 68, 84
Шарин М.Ф. 165, 635
Шаров М. 349
Шафарановский С. 364
Швайкова М.Д. 431, 433, 437, 500—501, 514, 536, 540
Шведа А.А. 478, 480
Шведа Я.В. 478
Шверник Н.М. 437, 499, 505, 544, 609—610
Швец фон 521—522
Швыдкой М.Е. 591
Шеварднадзе Э.А. 573—577, 580, 611
Шевелев А.М. 276, 635
Шевелев В.Д. 87, 488, 635
Шевелев И.Г. 197, 635
Шевчик 409
Шейнин Л.Р. 438—439, 557—559
Шелепин А.Н. 31, 155, 172, 421, 439, 563—564, 583, 610
Шемена 40
Шепацкин 299
Шешко Ю.С. 72
Шигалев В.И. 276
Шигалев В.Ф. 635
Шигалев И.И. 276, 635
Шиманек-Дереш И. 589
Шиманская Е.А. 10
Шиманский Г. 425
Шифрин Б.Л. 636
Шифтер П. 38
Шихан Т.П. 562
Шишко-Богуш З. 210—211, 357, 378, 380, 384, 406
Шмага Л.В. 479
Шмайдух Р.Я. 479
Шмидт А. 88—89, 198, 362, 364
Шмидт В.С. 478
Шмидт Э.А. 69, 85, 114
Шмидт Ю.Т. 67—68
Шнейдер Л. 439, 559
Шокал А.И. 77
Шолековский 287
Шолленберг А. 312—313, 604
Шолленберг Б. 312—313, 604
Шпайзер 408
Шрамовский Ю.Э. 479
Шреттер М.И. 74
Штаммер О. 438, 551—554, 610
Штрекнер В.А. 479
Штур О. 286
Штырцбехер А. 260
Шульженков 636
Шульц З.В. 110—111, 136—137, 147
Шульц Я. 305—306
Шумигальский В.С. 545
Шуренков М.А. 90, 636
Шуркита Л.Ю. 73
Шустер З.Я. 88—89, 478, 480

Щаденко Е.А. 365, 367, 465
Щедрова Н.Г. 534
Щепка Т.С. 278
Щербак 251
Щербаков А.С. 429, 465—466, 492, 609

Щербаль М.В. 74
Щиперский С.Я. 193—194, 239, 242, 284, 545—546
Щукин 165, 636

Эверт М.Ш. 230
Эвон лорд, см. Иден А.
Эйльман Г.А. 20, 39, 53, 120, 164, 190, 211, 227—230, 237, 241, 251—254, 259, 593, 601—602
Эйхборн фон Р. 439
Эккерт 410
Эрисман Ф.Ф. 100
Эрл Дж. 425
Эрлих 288, 292, 362
Эрнст 409

Юдин Г.А. 327, 636
Южиньский В. 33
Юрасов И.А. 52, 54—55, 120, 128, 171, 598
Юревич Г. 299
Юркович Д.Л. 67—68
Юшкевич 412

Яблоков А. 430, 437, 439, 441, 560
Яблонский 382
Яворовский В.И. 70
Яворовский Г. 483
Яворский Н.В. 636
Ярчик В.И. 313
Ядчик Я. 313
Яжборовская И.А. 430, 437, 439, 441, 560
Язов Д.Т. 573—574
Яковлев А.М. 278
Яковлев А.Н. 443—444, 573—575, 580
Яковлев Н.Д. 377—378, 465
Яковлев П.А. 276, 636
Яковлев-Соколов Ф.М. 532—533, 535
Якубович Б. 34
Якубович Д. 33—34
Якубович М. 33—34
Якубовский В. 403
Якубяк 305
Якушев Т.П. 277
Якштас 362
Яниц Я.М. 73
Яниш А.Я. 114, 126, 149, 161—162
Янишевский 409
Янковский С.Ф. 289, 479
Яносик (Янасик) Ф.И. 114, 126, 149, 161—162
Янус В.Т. 479—480
Янущайтис М.Ю. 281—283
Янчук 408
Ярошевский 411
Ярошинский К.Ф. 74
Ярузельский В. 575, 580
Ясинский 305
Ясита А.П. 72
Яскевич Б.А. 73
Яшембский 120
Ящук 248
Ящуковский Л.Я. 271, 273

Фотокопии документов

Выписка из протокола № 13 заседания Политбюро ЦК от _____ 193__ г.

Решения от 5.III.40 г.

144.- Вопрос НКВД СССР.

1. Предложить НКВД СССР:

1)Дела о находящихся в лагерях для военнопленных 14.700 человек бывших польских офицеров, чиновников, помещиков, полицейских, разведчиков, жандармов, осадников и тюремщиков;

2)а также дела об арестованных и находящихся в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии в количестве 11.000 человек членов различных к-р шпионских и диверсионных организаций, бывших помещиков, фабрикантов, бывших польских офицеров, чиновников и перебежчиков - рассмотреть в особом порядке, с применением к ним высшей меры наказания - расстрела.

II. Рассмотрение дел провести без вызова арестованных, и без пред"явления обвинения, постановления об окончании следствия и обвинительного заключения - в следующем порядке:

а)на лиц, находящихся в лагерях военно-пленных - по справкам, предоставляемым Управлением по делам военнопленных НКВД СССР,

б)на лиц, арестованных - по справкам из дел, предоставляемым НКВД УССР и НКВД БССР.

III. Рассмотрение дел и вынесение решения возложить на тройку, в составе т.т.Меркулова, Кабулова и Баштакова (начальник 1-го Спецотдела НКВД СССР).

СЕКРЕТАРЬ ЦК

4нк

Док. № 1. — Выписка из протокола № 13 заседания Политбюро ЦК ВКП(б). Фотокопия.

Форма № 3

237

Получена об. Гов. Кобулова

Доставлена 6.3. из Ухто в Старобельск

Совершенно секретно

С П Р А В К А

По личному делу №_____

на военнопленного (фамилия, имя, отчество)

Фамилия, имя, отчество	Установочные данные	Последние должность и чин в б. польской армии или в полицейских, разведывательных и карательных органах.	Заключение
	Указать год, место рождения, имущественное, семейное и общественное положение, где содержится, когда взят в плен.		

"_____"_____1940г.

НАЧАЛЬНИК УПРАВЛЕНИЯ ПО ДЕЛАМ ВОЕННОПЛЕННЫХ:

Капитан

Док. № 8. — Форма справки на польского военнопленного. Фотокопия.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО 382

ТОЛЬКО ЛИЧНО.

НАЧАЛЬНИКУ КОЗЕЛЬСКОГО ЛАГЕРЯ ВОЕННОПЛЕННЫХ
СТ.ЛЕЙТЕНАНТУ ГОС.БЕЗОПАСНОСТИ-

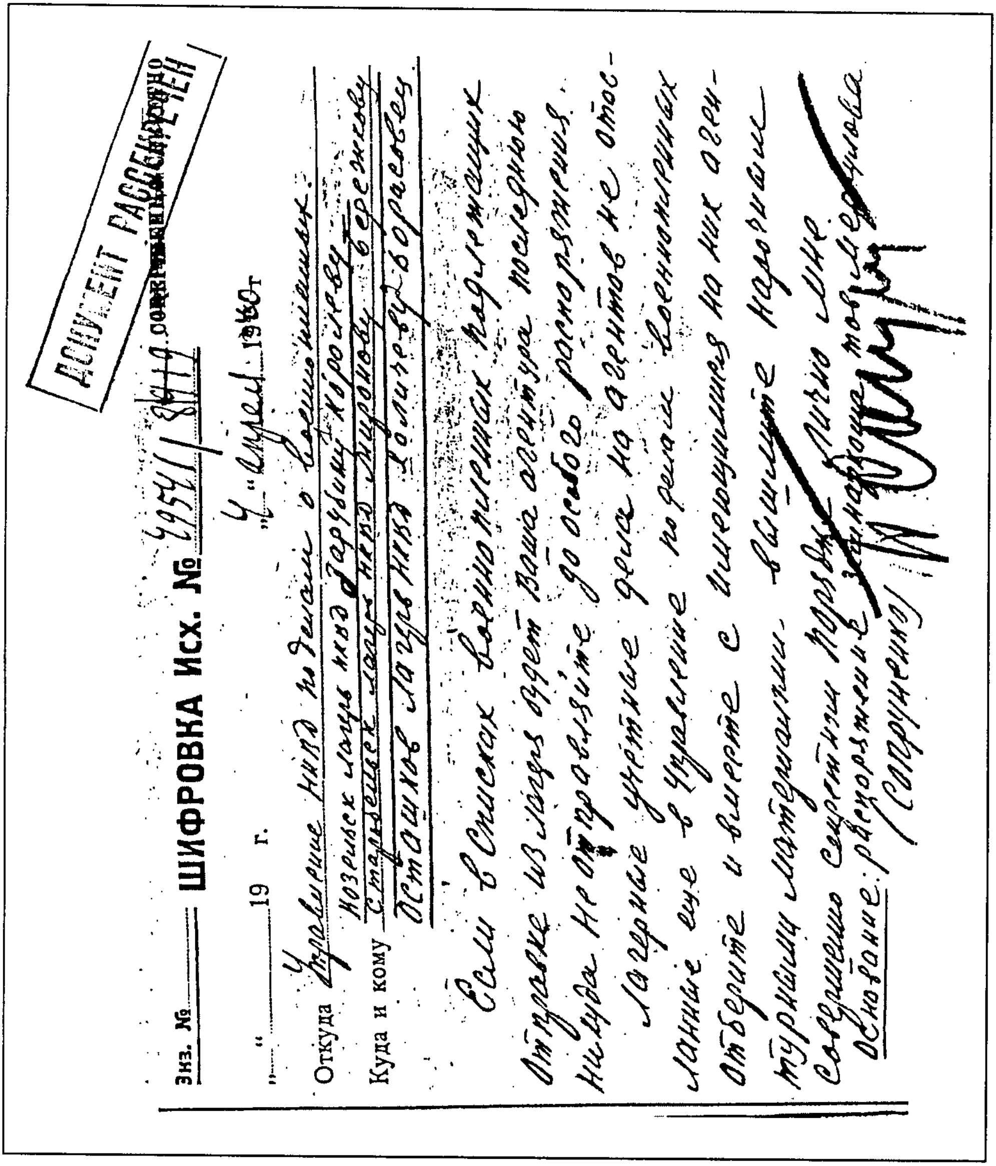
тов.КОРОЛЕВУ.

Гор.Козельск,Смоленск.обл.

С получением сего немедленно направьте в гор. Смоленск в распоряжение начальника УНКВД по Смоленской области нижеперечисленных военнопленных,содержащихся в Козельском лагере:

1. НОВИЦКОГО Франциска Михайловича - 1895 г.р.
2. ДРЕЦКОГО Эдмунда Францевича - 1897 г.р.
3. МЕРНИК Осипа Антоновича - 1907 г.р.
4. КОСМАЛЬСКОГО Здислава Владиславовича - 1907 г.р.
5. ЛОБИНСКОГО Флорентина Леоновича - 1897 г.р.
6. ГРАБОВСКОГО Генраха Францевича - 1892 г.р.
7. КУРЕК Марьяна Юзефовича - 1901 г.р.
8. БАРАНОВСКОГО Юзефа Броиславовича - 1910 г.р.
9. ЛОПАТТО Эдварда Ивановича - 1891 г.р.
10. ГАЛОНСКА Ежи Антоновича - 1912 г.р.
11. М У Х А Бронислава Людвиговича - 1911 г.р.
12. ВЕЛЮНСКОГО Зигмунда Михайловича - 19[illegible] г.р.
13. МОССАКОВСКОГО Альфреда-Тадея Альфредовича - 1912 г.р.
14. МОНЧИНСКОГО Станислава Вацлавовича - 1913 г.р.
15. КРАЕВСКОГО Яна Юзефовича - 1895 г.р.
16. ЧАРТИН Петра-Хориса Вильгельмовича - 1893 г.р.

Док. № 20. — 1-й лист предписания П.К. Сопруненко В.Н. Королеву о направлении 78 военнопленных в распоряжение начальника УНКВД по Смоленской области. Фотокопия.



ДОКУМЕНТ РАССЕКРЕЧЕН

ШИФРОВКА Исх. № 4954/1/8444

Энз. №

"4" апреля 1940 г.

Откуда Управление НКВД по делам о военнопленных

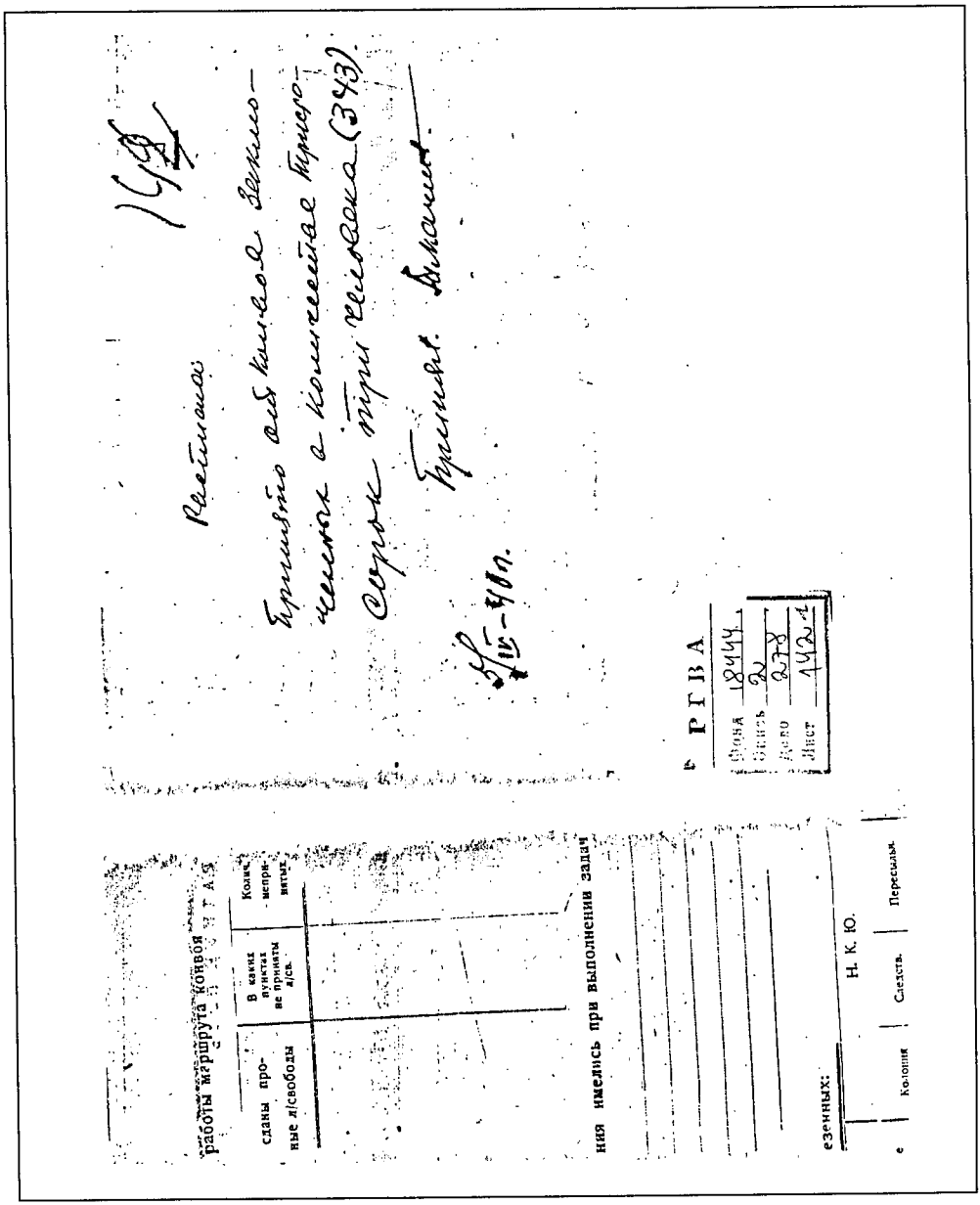
Куда и кому Козельск лагерь НКВД Королеву, Старобельск лагерь НКВД Миронову Бережкову, Осташков лагерь НКВД Борисовцу

Если в списках военнопленных подлежащих отправке из лагеря будет ваша агентура последнюю никуда не отправляйте до особого распоряжения. Лагерные учетные дела на агентов не отосланные еще в Управление по делам военнопленных отберите и вместе с имеющимися на них агентурными материалами вышлите нарочным совершенно секретным порядком лично мне.

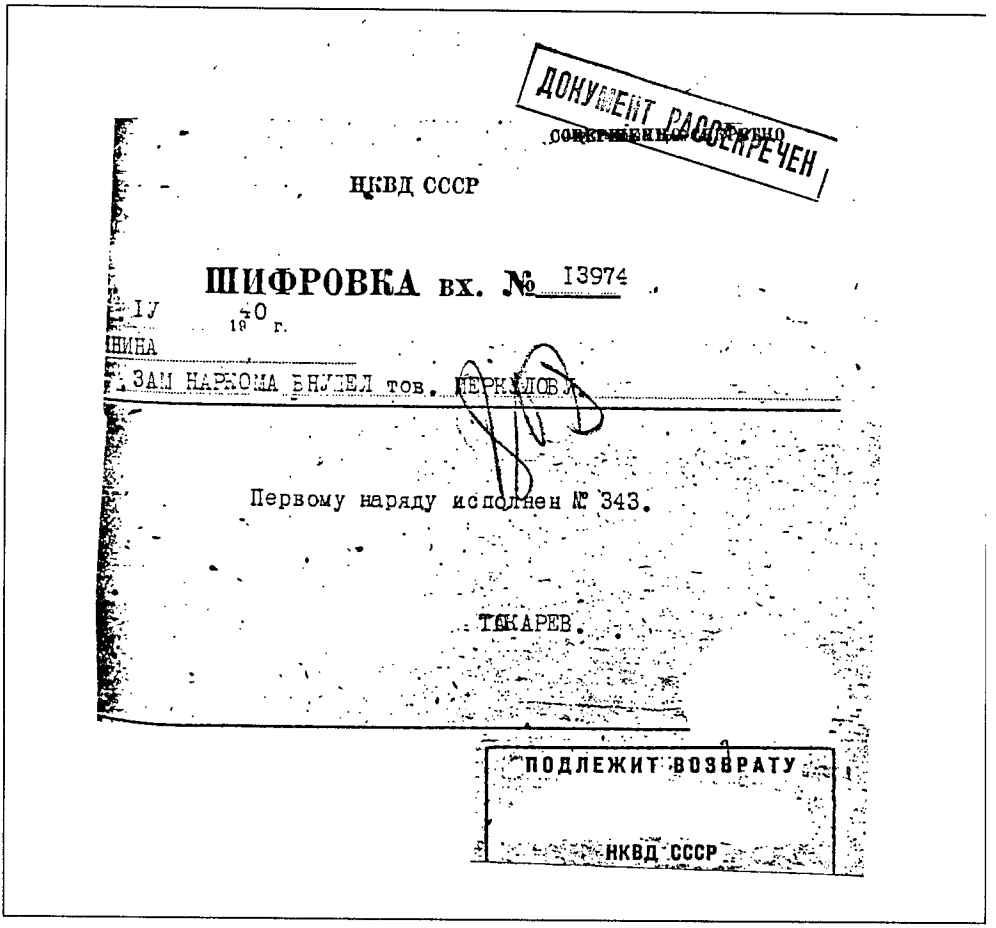
Основание: распоряжение тов. Меркулова

(Сопруненко)

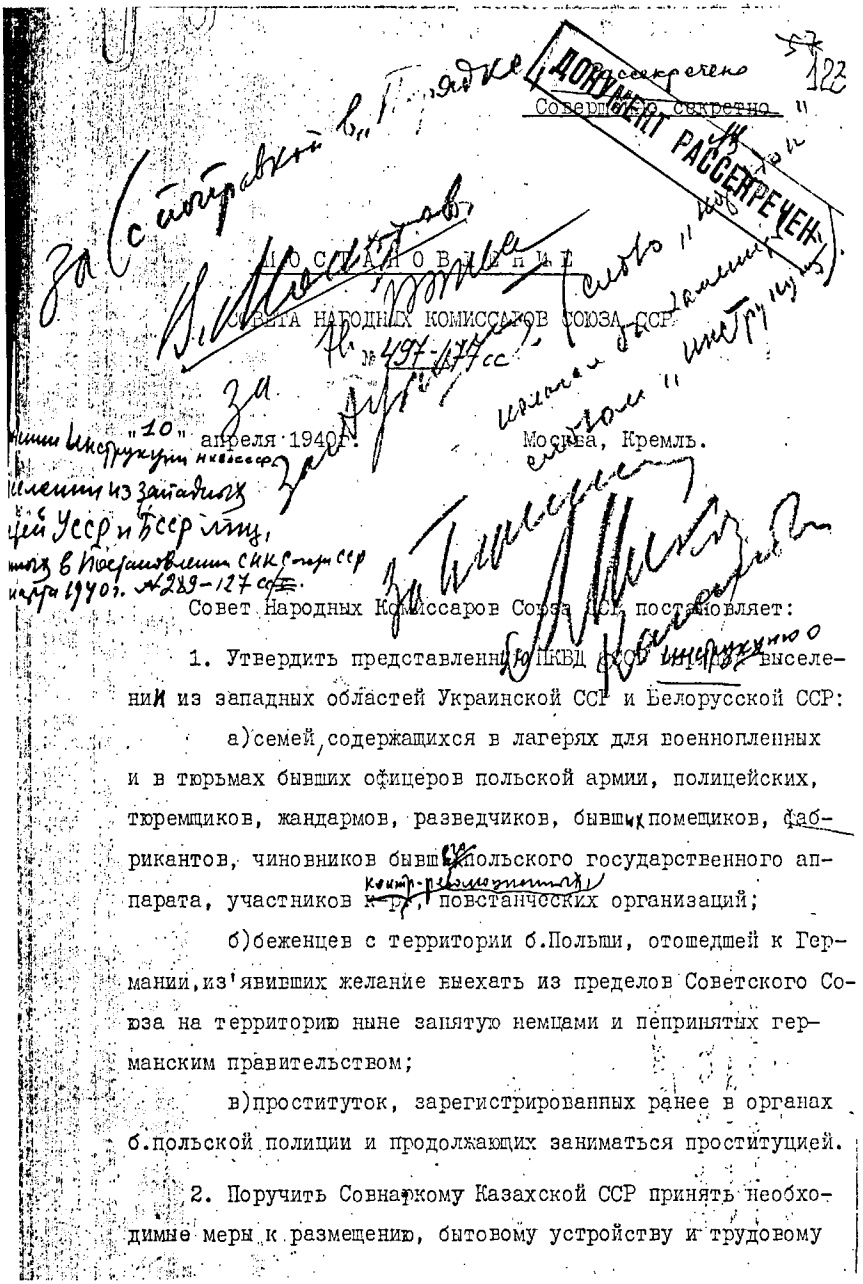
Док. № 23. – Распоряжение П.К. Сопруненко начальникам трех спецлагерей о направлении учетных дел на лагерную агентуру в УПВ НКВД СССР. Фотокопия



Док. № 25. — Расписка Т.Ф. Качина о приеме 343 заключенных от конвоя. Фотокопия.



Док. № 26. — Донесение Д.С. Токарева В.Н. Меркулову об исполнении первого наряда. Фотокопия.



Совершенно секретно

ДОКУМЕНТ РАССЕКРЕЧЕН

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СОЮЗА ССР

№ 497-174сс

"10" апреля 1940 г. Москва, Кремль.

Совет Народных Комиссаров Союза ССР постановляет:

1. Утвердить представленные НКВД СССР предложения о выселении из западных областей Украинской ССР и Белорусской ССР:

а) семей, содержащихся в лагерях для военнопленных и в тюрьмах бывших офицеров польской армии, полицейских, тюремщиков, жандармов, разведчиков, бывших помещиков, фабрикантов, чиновников бывш. польского государственного аппарата, участников к-р повстанческих организаций;

б) беженцев с территории б. Польши, отошедшей к Германии, из'явивших желание выехать из пределов Советского Союза на территорию ныне занятую немцами и непринятых германским правительством;

в) проституток, зарегистрированных ранее в органах б. польской полиции и продолжающих заниматься проституцией.

2. Поручить Совнаркому Казахской ССР принять необходимые меры к размещению, бытовому устройству и трудовому

Док. № 36. — Постановление СНК СССР о депортации семей военнопленных офицеров, полицейских и заключенных тюрем западных областей УССР и БССР. Фотокопия.

использованию в северных областях Казахской ССР семей перечисленных в пункте 1-а, ~~категорий~~ в количестве 22-25 тысяч семейств.

3. Обязать НКПС ~~СССР~~ для перевозки выселяемых лиц обеспечить подачу 81 эшелона по 55 вагонов каждый на станции железных дорог западных областей УССР и БССР в сроки по заявке НКВД СССР.

4. Наркомздраву СССР /тов. МИТЕРЕВУ/ обеспечить эшелоны выселяемых в пути следования медперсоналом, необходимыми медикаментами и инвентарем по заявкам НКВД СССР.

5. Обязать Наркомторг СССР организовать питание выселяемых в пути их следования в пунктах, определяемых НКВД СССР.

6. Обязать Наркомлес СССР /тов. АНЦЕЛОВИЧА/ и Наркомцветмет /тов. САМОХВАЛОВА/ тщательно подготовить прием, размещение, бытовое устройство и трудовое использование выселяемых семей беженцев, указанных в пункте 1-б, направляемых на работу в предприятия ~~Наркомлеса~~ Наркомлеса СССР и Наркомцветмета СССР.

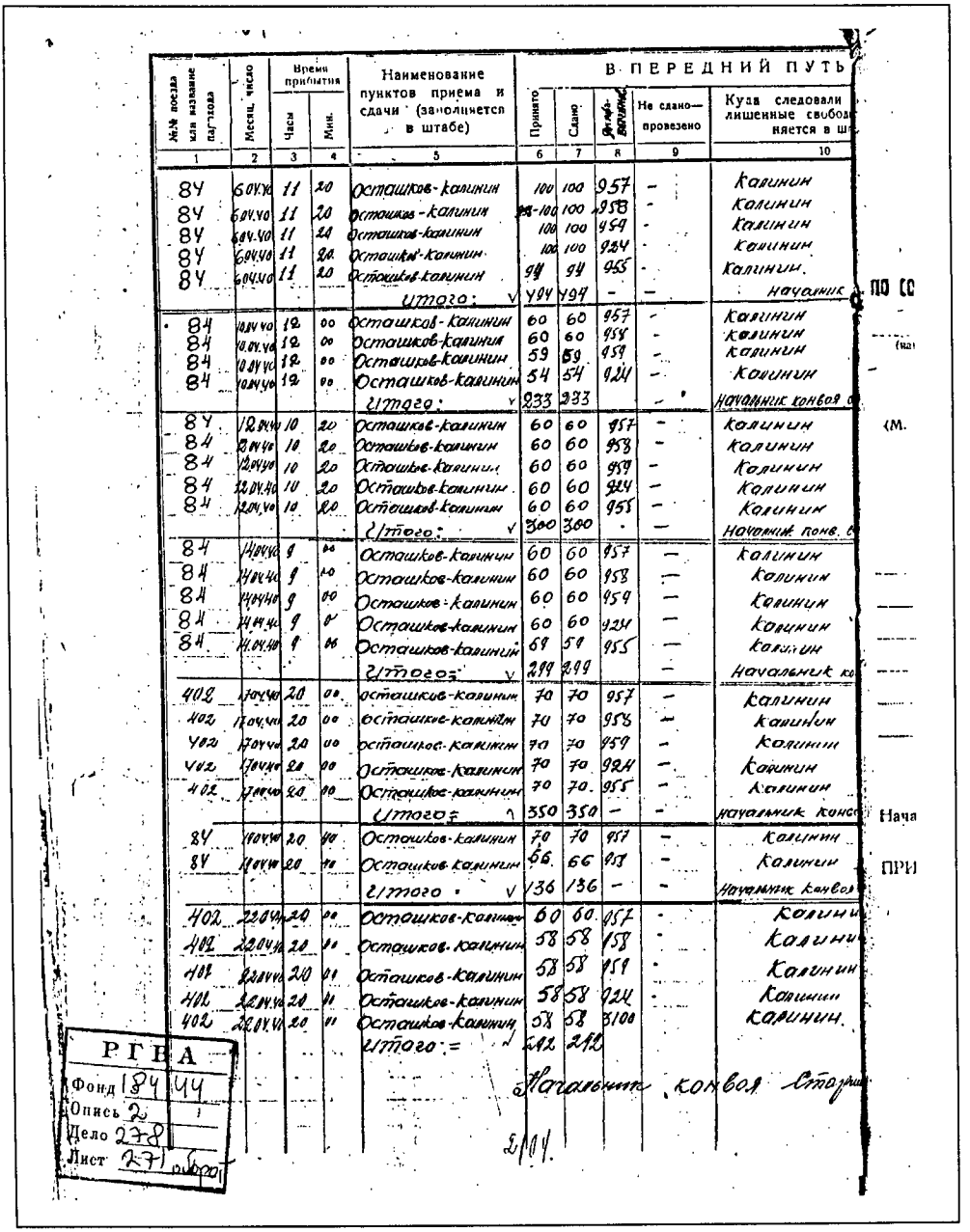
7. Обязать ~~крайисполкомы~~ исполкомы ~~краев и областей~~, куда будут выселяться беженцы, оказать НКВД СССР, Наркомлесу СССР и Наркомцветмету СССР ~~СССР~~ необходимое содействие в деле перевозки и размещения выселяемых семей беженцев.

8. Наркомфину СССР /тов. ЗВЕРЕВУ/ предусмотреть по смете НКВД СССР на 1940 год дополнительные ассигнования в сумме 30.250 ~~тыс.~~ руб. на расходы по выселению лиц, указанных в пункте 1 настоящего Постановления.

Председатель СНК Союза ССР /подпись/ В. Молотов

Управляющий Делами СНК Союза ССР /подпись/ Н. Чегодаев

Док. № 36 *(продолжение).*



№ № поезда или название пароход	Месяц, число	Время прибытия: Часы	Время прибытия: Мин.	Наименование пунктов приема и сдачи (заполняется в штабе)	В ПЕРЕДНИЙ ПУТЬ: Принято	Сдано	Дислокация вагонов	Не сдано — провезено	Куда следовали лишенные свободы (заполняется в штабе)
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
84	6.04.40	11	20	Осташков-Калинин	100	100	957	–	Калинин
84	6.04.40	11	20	Осташков-Калинин	99-100	100	958	–	Калинин
84	6.04.40	11	20	Осташков-Калинин	100	100	959	–	Калинин
84	6.04.40	11	20	Осташков-Калинин	100	100	924	–	Калинин
84	6.04.40	11	20	Осташков-Калинин	99	99	955	–	Калинин.
				Итого:	499	499	–	–	Начальник
84	10.04.40	12	00	Осташков-Калинин	60	60	957	–	Калинин
84	10.04.40	12	00	Осташков-Калинин	60	60	958	–	Калинин
84	10.04.40	12	00	Осташков-Калинин	59	59	959	–	Калинин
84	10.04.40	12	00	Осташков-Калинин	54	54	924	–	Калинин
				Итого:	233	233		–	Начальник конвоя
84	12.04.40	10	20	Осташков-Калинин	60	60	957	–	Калинин
84	12.04.40	10	20	Осташков-Калинин	60	60	958	–	Калинин
84	12.04.40	10	20	Осташков-Калинин	60	60	959	–	Калинин
84	12.04.40	10	20	Осташков-Калинин	60	60	924	–	Калинин
84	12.04.40	10	20	Осташков-Калинин	60	60	955	–	Калинин
				Итого:	300	300	–	–	Начальник конв.
84	11.04.40	9	00	Осташков-Калинин	60	60	957	–	Калинин
84	11.04.40	9	00	Осташков-Калинин	60	60	958	–	Калинин
84	11.04.40	9	00	Осташков-Калинин	60	60	959	–	Калинин
84	11.04.40	9	00	Осташков-Калинин	60	60	924	–	Калинин
84	11.04.40	9	00	Осташков-Калинин	59	59	955	–	Калинин
				Итого:	299	299		–	Начальник ко
402	7.04.40	20	00	Осташков-Калинин	70	70	957	–	Калинин
402	7.04.40	20	00	Осташков-Калинин	70	70	958	–	Калинин
402	7.04.40	20	00	Осташков-Калинин	70	70	959	–	Калинин
402	7.04.40	20	00	Осташков-Калинин	70	70	924	–	Калинин
402	7.04.40	20	00	Осташков-Калинин	70	70	955	–	Калинин
				Итого:	350	350	–	–	Начальник конв
84	10.04.40	20	40	Осташков-Калинин	70	70	957	–	Калинин
84	10.04.40	20	40	Осташков-Калинин	66	66	958	–	Калинин
				Итого:	136	136	–	–	Начальник конвоя
402	22.04.40	20	00	Осташков-Калинин	60	60	957	–	Калинин
402	22.04.40	20	00	Осташков-Калинин	58	58	958	–	Калинин
402	22.04.40	20	00	Осташков-Калинин	58	58	959	–	Калинин
402	22.04.40	20	00	Осташков-Калинин	58	58	924	–	Калинин
402	22.04.40	20	00	Осташков-Калинин	58	58	3100	–	Калинин.
				Итого:	292	292			

Начальник конвоя Старш

2/04.

РГВА
Фонд 184 44
Опись 2
Дело 278
Лист 271 об.

Док. № 54. — Сводная путевая ведомость по сопровождению военнопленных по маршруту Осташков — Калинин. Фотокопия.

Совершенно Секретно.

СПРАВКА

ОБ ОТПРАВКАХ ВОЕННОПЛЕННЫХ.

I. ОСТАШКОВСКИЙ ЛАГЕРЬ.

Отправлено:	1/ В УНКВД по Калининской области	6287 чел.
	2/ В Юхновский лагерь	112 "
	И т о г о:	6399 чел.

II. КОЗЕЛЬСКИЙ ЛАГЕРЬ.

Отправлено:	1/ В УНКВД по Смоленской области	4404 чел.
	2/ В Юхновский лагерь	205 "
	И т о г о:	4609 чел.

III. СТАРОБЕЛЬСКИЙ ЛАГЕРЬ.

Отправлено:	1/ В УНКВД по Харьковской области	3896 чел.
	2/ В Юхновский лагерь	78 "
	И т о г о:	3974 чел.
ВСЕГО ОТПРАВЛЕНО:	1/ В УНКВД	14587 чел.
	2/ В Юхновский лагерь	395 чел.

НАЧАЛЬНИК УПРАВЛЕНИЯ НКВД СССР
ПО ДЕЛАМ О ВОЕННОПЛЕННЫХ
КАПИТАН ГОСБЕЗОПАСНОСТИ /СОПРУНЕНКО/

НАЧАЛЬНИК 2-го ОТДЕЛА УПРАВЛЕНИЯ
НКВД СССР ПО ДЕЛАМ О ВОЕННОПЛЕННЫХ
ЛЕЙТЕНАНТ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ /МАКЛЯРСКИЙ/

Док. № 90. — Справка УПВ НКВД СССР о количестве военнопленных, отправленных из трех спецлагерей в распоряжение УНКВД и в Юхновский лагерь. Фотокопия.

195

428

Совершенно Секретно.

Г. Кудрявова

СПРАВКА

О военнопленных, содержащихся в Юхновском лагере НКВД.

Всего отправлено в Юхновский лагерь - 395 чел.

Из них: а/ По заданию 5-го Отдела ГУГБ - 47 чел.

б/ По запросу Германского посольства - 47 чел.

в/ По запросу Литовской миссии - 19 чел.

г/ Немцев - 24 чел.

д/ По распоряжению Зам. Народного Комиссара Внутренних Дел Союза ССР тов. МЕРКУЛОВА - 91 чел.

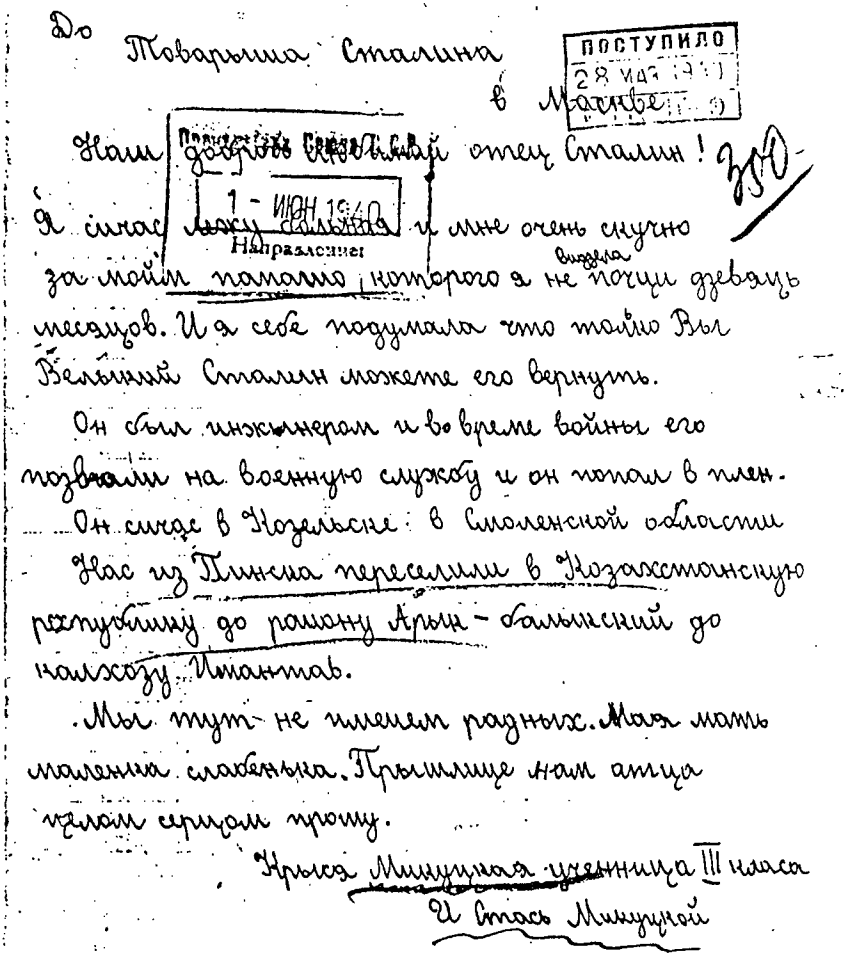
е/ Прочих - 167 чел.

258

395 ч.

НАЧАЛЬНИК УПРАВЛЕНИЯ НКВД СССР ПО ДЕЛАМ О ВОЕННОПЛЕННЫХ КАПИТАН ГОСБЕЗОПАСНОСТИ /СОПРУНЕНКО/

Док. № 92. — Справка УПВ НКВД СССР о количестве военнопленных, направленных в Юхновский лагерь. Фотокопия.



До Товарыша Сталина в Москве

ПОСТУПИЛО 28 ИЮЛ 1940

Президиума Совета Н.К.В.Д.

1 - ИЮН 1940

Направление

Наш добрый любимый отец Сталин!

Я сичас лежу больная и мне очень скучно за моим папалио, которого я не видела почци дзевяць месяцов. И я себе подумала что только Вы Великий Сталин можете его вернуть.

Он был инжынером и во време войны его позвали на военную службу и он попал в плен.

Он сичас в Козельске в Смоленской области

Нас из Пинска переселили в Козахстанскую республику до району Арык-балыкский до калхозу Имантав.

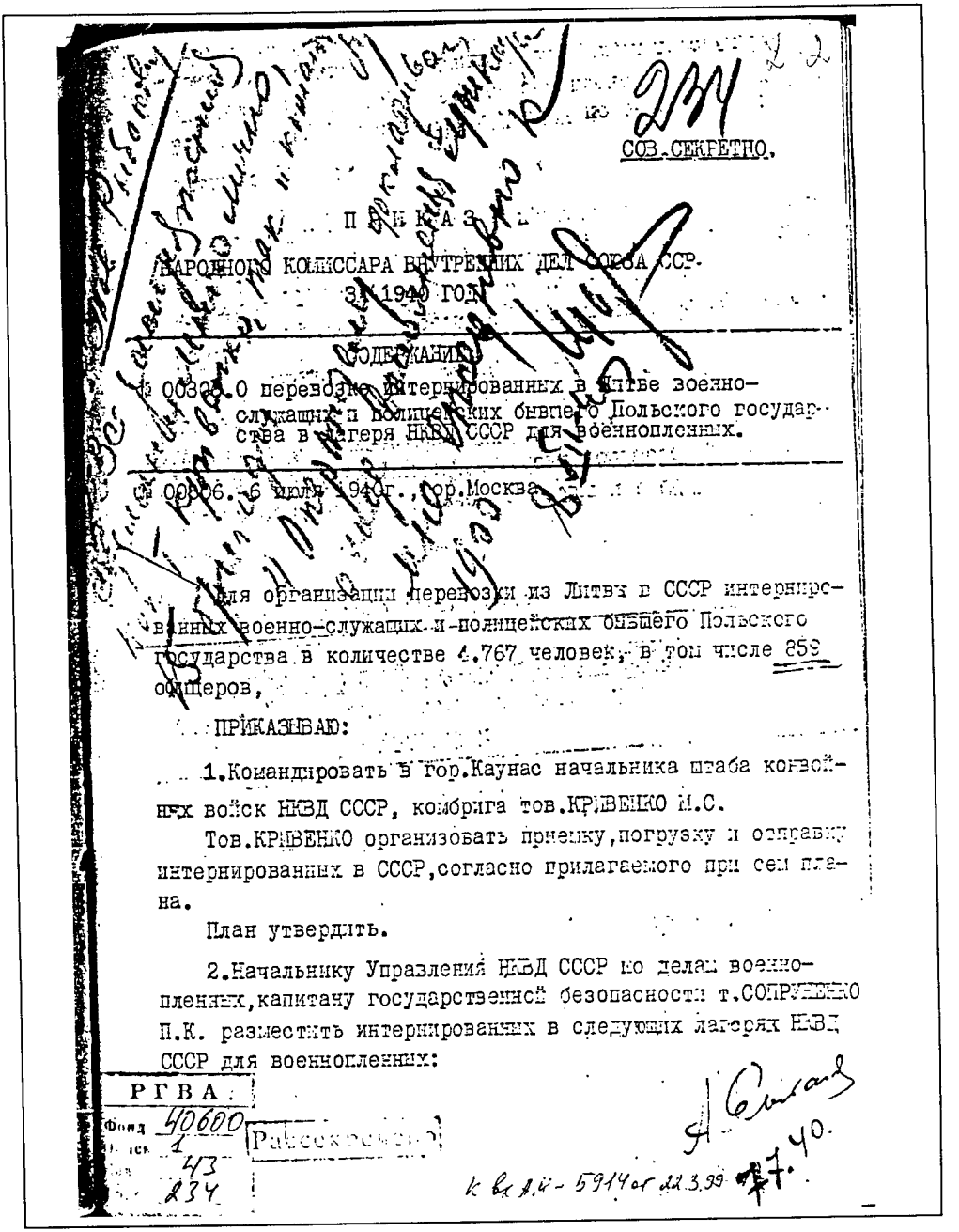
Мы тут не имеем радных. Мая мать маленька слабенька. Прышлице нам отца целом серцом прошу.

Крыся Микуцкая ученница III класа

И Стась Микуцкой

Док. № 93. — Прошение детей военнопленного Е. Микуцкого — Крыси и Стаса И.В. Сталину об освобождении из плена их отца. Фотокопия.

234



СОВ.СЕКРЕТНО.

ПРИКАЗ

НАРОДНОГО КОМИССАРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР

ЗА 1940 ГОД

СОДЕРЖАНИЕ:

№ 00305. О перевозке интернированных в Литве военнослужащих и полицейских бывшего Польского государства в лагеря НКВД СССР для военнопленных.

№ 00806. 6 июля 1940г., гор.Москва.

Для организации перевозки из Литвы в СССР интернированных военно-служащих и полицейских бывшего Польского государства в количестве 4.767 человек, в том числе 859 офицеров,

ПРИКАЗЫВАЮ:

1.Командировать в гор.Каунас начальника штаба конвойных войск НКВД СССР, комбрига тов.КРИВЕНКО М.С.

Тов.КРИВЕНКО организовать приемку,погрузку и отправку интернированных в СССР,согласно прилагаемого при сем плана.

План утвердить.

2.Начальнику Управления НКВД СССР по делам военнопленных,капитану государственной безопасности т.СОПРУНЕНКО П.К. разместить интернированных в следующих лагерях НКВД СССР для военнопленных:

РГВА
Фонд 40600
Опись 1
43
234
Рассекречено

К вх.А.И.-5914 от 22.3.99 7.40.

Док. № 104. — 1-й лист приказа Л.П. Берии о перевозке интернированных в Литве польских военнослужащих и полицейских в лагеря НКВД СССР для военнопленных. Фотокопия.

СОВ. СЕКРЕТНО
(Особая папка)
РАССЕКРЕЧЕНО

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Центрального Комитета ВКП(б) и Совета Народных Комиссаров Союза ССР

№ 1299-536сс 14 мая 1941 г. Москва, Кремль

Об из'ятии контрреволюционных организаций в западных областях УССР

В связи с усилением активности контрреволюционных "организаций украинских националистов (ОУН)" в западных областях УССР, выразившейся в вооруженных налётах оуновцев на сельсоветы, колхозы, убийствах сельских активистов, в целях решительного пресечения преступной деятельности оуновцев, нарушающих мирный труд колхозников западных областей УССР, Центральный Комитет ВКП(б) и Совет Народных Комиссаров Союза ССР ПОСТАНОВЛЯЮТ:

1. Обязать органы НКГБ и НКВД Украины продолжить из'ятие участников контрреволюционных оуновских организаций.

2. Арестовать и направить в ссылку на поселение в отдалённые районы Советского Союза сроком на 20 лет с конфискацией имущества:

а) членов семей участников контрреволюционных украинских и польских националистических организаций, главы которых перешли на нелегальное положение и скрываются от органов власти;

б) членов семей участников указанных контрреволюционных националистических организаций, главы которых осуждены в ВМН.

3. Органам НКГБ и НКВД усилить агентурно-оперативную работу обеспечив хорошую организацию и проведение оперативных мероприятий.

НКГБ и НКВД Украины направить в помощь своим местным органам в западных областях оперативных работников для быстрого выявления, преследования и из'ятия участников банд-групп.

Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР об аресте членов антисоветских организаций и депортации их семей. Фотокопия (АПРФ. Ф.93. Коллекция постановлений).

4. Войска НКВД Украины расквартировать отдельными подразделе ниями в наиболее поражённых бендитизмом районах западных областей УССР для использования их в борьбе с банд-группами.

5. ЦК КП(б)Украины и Совнаркому Украины укрепить партийно-советские кадры районов западных областей УССР, поражённых бандитизмом.

6. Со всей строгостью применять приказ НКВД СССР о запрещении, без специального разрешения, хранения и ношения огнестрельного оружия, арестовывая и привлекая к уголовной ответственности лиц, у коих будет обнаружено оружие без разрешения.

7. Для организации борьбы с банд-группами в западных областях Украины на основе настоящего Постановления командировать Заместителя НКГБ СССР тов.Серова.

8. Поручить НКВД и НКГБ СССР и Секретарю ЦК Белоруссии т.Пономаренко обсудить вопрос о проведении аналогичных мер по западной Белоруссии.

Секретарь ЦК ВКП(б) и
Председатель Совнаркома СССР И.Сталин

Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР об аресте членов антисоветских организаций и депортации их семей *(продолжение)*.

32

George Wolkowicki
Brigade-General of the Polish Army

Griazovietz, 14th July 19

To His Excellency the British Ambassador
Moscow, U.S.S.R.

In connection with the international situation that has arisen since the 22nd of June 1941, that is - from the begining of the Soviet-German war, I have the honour to beg Your Excellency to take the necessary steps to despatch the Polish Army men, being at present in the U.S.S.R., to one of the British countries in order to enable us to start as soon as possible the fight against Germany for the right of which we are struggling without any results since the very first days of our imprisonment.

Simultaneously I beg to inform Your Excellency that on the 24th June 1941 I have sent to Your Excellency a petition on the same subject to which I have not yet received any reply.

Yours respectfully

Jerzy Wołkowicki.

/ George Wolkowicki
Brigade-General of the Polish Army /

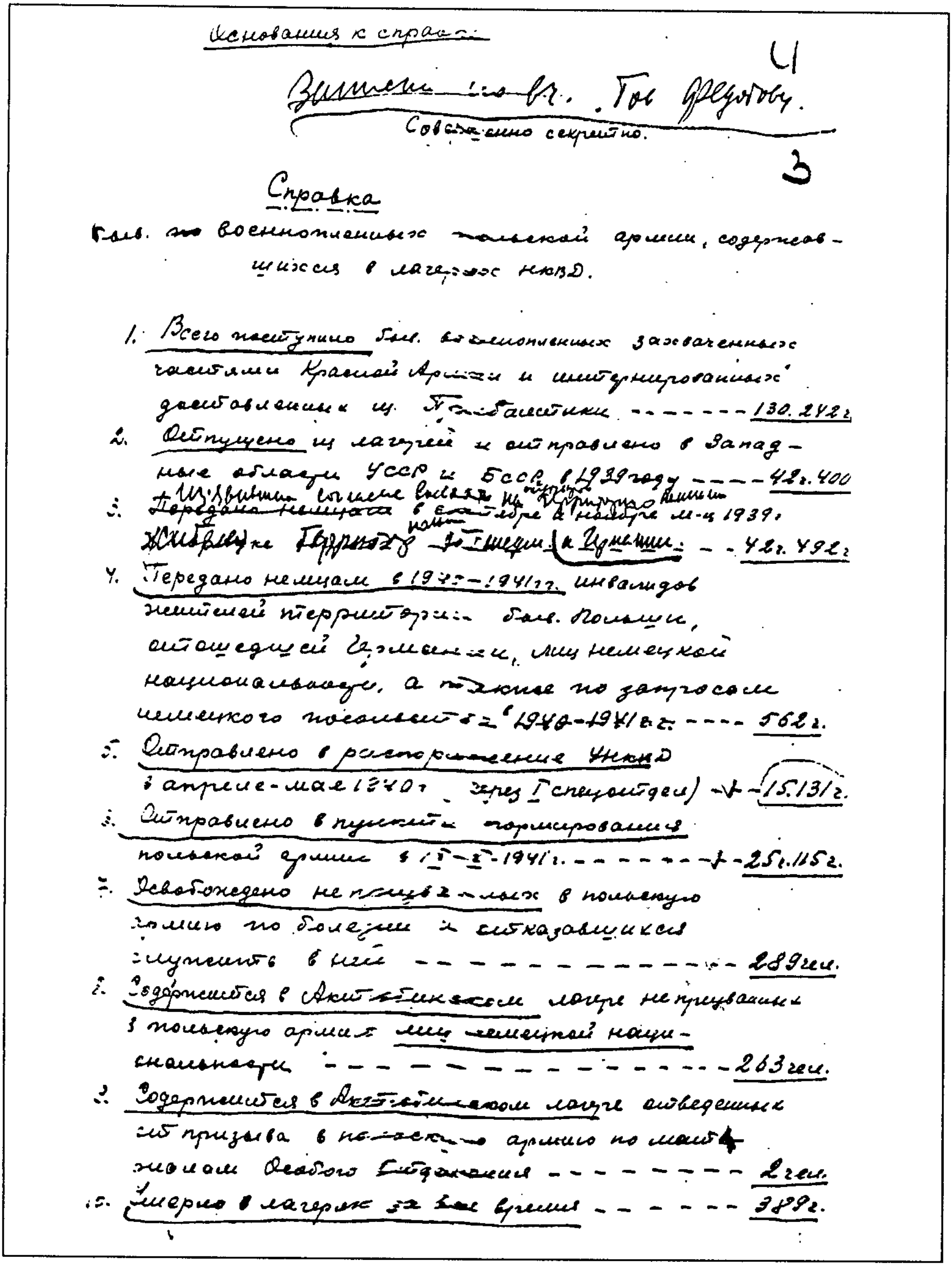
Док. № 163. — Заявление генерала Е. Волковицкого послу Великобритании в СССР с ходатайством содействовать отправке польских военнопленных в английские владения. Фотокопия.

СПРАВКА

Числилось военнопленных Львовского лагеря	–	14.123 чел.
Имеется наличие в Старобельске	–	12.155 чел.
П о т е р и	–	1.968 чел.
Осталось Яновой долине	–	488 чел.
–"– Суске	–	174 чел.
–"– Вирочке	–	114 чел.
–"– Зимней воде	–	146 чел.
		922 чел.
Раненые, убитые в Сквире		300 чел.
		1.222 чел.
Бежали, расстреляны, ранены		746 чел.
		1.966 чел.

И.О. НАЧ.ОО СТАРОБЕЛЬСКОГО ЛАГЕРЯ
ЛЕЙТЕНАНТ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ КРАВЕЦ .–

Док. № 166. – Справка Кравеца об итогах эвакуации Львовского лагеря. Фотокопия.


Основания к справке

Зам… Гос Федотову.

4

Совершенно секретно.

3

Справка

быв. по военнопленным польской армии, содержав-шихся в лагерях НКВД.

1. Всего поступило быв. военнопленных захваченных частями Красной Армии и интернированных доставленных из Прибалтики ------- 130.242 ч.
2. Отпущено из лагерей и отправлено в Западные области УССР и БССР в 1939 году ---- 42.400
3. Из бывших [illegible] ~~Передано немцам~~ в октябре и ноябре м-ц 1939 г. жителям [illegible] отошедших к Германии. -- 42.492 ч.
4. Передано немцам в 1940-1941 гг. инвалидов жителей территории быв. Польши, отошедшей Германии, лиц немецкой национальности, а также по запросам немецкого посольства в 1940-1941 г.г. ---- 562 ч.
5. Отправлено в распоряжение УНКВД в апреле-мае 1940 г. (через I спецотдел) -- 15.131 ч.
6. Отправлено в пункты формирования польской армии в VIII-IX-1941 г. -------- 25.115 ч.
7. Освобождено не призванных в польскую армию по болезни и отказавшихся вступить в нее ------ 289 чел.
8. Содержится в Актюбинском лагере не призванных в польскую армию лиц немецкой национальности ------ 263 чел.
9. Содержится в Актюбинском лагере отведенных от призыва в польскую армию по мотивам Особого Отделения ------ 2 чел.
10. Умерло в лагерях за все время ------ 389 ч.

Док. № 175. — 1-й лист справки УПВИ о пребывании польских военнопленных в лагерях НКВД в 1939-1941 гг. Фотокопия.

ПРОТОКОЛ № 1

Заседания специальной комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу /близ Смоленска/ военнопленных польских офицеров.

В г. Москве 13 января 1944 г. присутствовали: члены Чрезвычайной Государственной Комиссии БУРДЕНКО Н.Н., ТОЛСТОЙ А.Н., Николай Митрополит Киевский и Галицкий, Нарком Просвещения ПОТЕМКИН В.П., председатель Совета обществ Красного Креста и Полумесяца КОЛЕСНИКОВ С.В., председатель Всеславянского Комитета генерал-лейтенант ГУНДОРОВ.

ПОВЕСТКА ДНЯ:

1. Доклад Председателя Комиссии академика БУРДЕНКО Н.Н. о задачах Комиссии.
2. Информационный доклад Заместителя Народного Комиссара товарища КРУГЛОВА С.Н. о подготовке к работам Комиссии.
3. Утверждение секретаря комиссии.
4. Утверждение судебно-медицинских экспертов.

Докладчик секретарь комиссии
тов. МАКАРОВ В.Н.

Стенограммы докладов председателя комиссии академика БУРДЕНКО Н.Н. и Зам.Наркома товарища КРУГЛОВА С.Н. прилагаются.

По вопросу утверждения секретаря Комиссии по предложению Председателя Комиссии академика БУРДЕНКО Н.Н. Комиссия ПОСТАНОВЛЯЕТ утвердить секретарем Комиссии начальника отдела Чрезвычайной Государственной Комиссии тов. МАКАРОВА В.Н.

По вопросу утверждения судебно-медицинских экспертов Комиссия ПОСТАНОВЛЯЕТ:

Для производства судебно-медицинского исследования трупов расстрелянных немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу /близ Смоленска/ военнопленных офицеров утвердить следующих судебно-медицинских экспертов:

Док. № 206. — Протокол № 1 заседания Специальной комиссии под председательством Н.Н. Бурденко. Фотокопия.

Главного судебно-медицинского эксперта Наркомздрава СССР, директора Научно-Исследовательского института судебной медицины ПРОСОРОВСКОГО В.И.;

Заведующего кафедрой судебной медицины 2-го Московского Медицинского Института, доктора медицинских наук СМОЛЬЯНИНОВА В.М.;

Старшего научного сотрудника Государственного Научно-Исследовательского института судебной медицины Наркомздрава СССР СЕМЕНОВСКОГО П.С.;

Старшего научного сотрудника Государственного Научно-Исследовательского Института судебной медицины Наркомздрава СССР доцента ШВАЛЬБЕ М.Д.;

Главного патолога фронта, майора медицинской службы профессора ЕФРЕМОВА Д.Н.

Председатель Комиссии:

/БУРДЕНКО Н.Н./.

Секретарь Комиссии: /ЛАКАРОВ В.Н./.

Док. № 206 *(продолжение).*

т. Большакову.
нач. т. Большаков
учесть замечания
членов.

Глубокоуважаемый Николай Михайлович

я смотрел кино-хронику Катынского дела и нахожу, что в таком виде она не только совершенно не годится для показа, но может даже произвести отрицательный эффект.

Сцена допроса свидетелей озвучена так, что похоже на то, что свидетели повторяют какой-то заученный урок. Их речь получается неживой и вследствие этого неправдоподобной.

К менее существенным недостаткам фильма можно отнести очень большую растянутость кадров, особенно пейзажей в начале.

Я считаю, что в сцене допроса надо чтобы текст читал диктор, а не участники допроса.

Крепко жму Вашу руку

А. Толстой

3/II 44г

Док. № 216. — Письмо А.Н. Толстого Н.М. Швернику относительно кинохроники «Катынского дела». Фотокопия.

Особая папка

Совершенно секретно

ПОДЛЕЖИТ ВОЗВРАТУ
0680
-9 МАР 1965
6-А СЕКТОР
в ЦК КПСС (Общий отдел)

Товарищу Хрущеву Н.С.

В Комитете государственной безопасности при Совете Министров СССР с 1940 года хранятся учетные дела и другие материалы на расстрелянных в том же году пленных и интернированных офицеров, жандармов, полицейских, осадников, помещиков и т.п. лиц бывшей буржуазной Польши. Всего по решениям специальной тройки НКВД СССР было расстреляно 21.857 человек из них: в Катынском лесу (Смоленская область) 4.421 человек, в Старобельском лагере близ Харькова 3.820 человек, в Осташковском лагере (Калининская область) 6.311 человек и 7.305 человек были расстреляны в других лагерях и тюрьмах Западной Украины и Западной Белоруссии.

Вся операция по ликвидации указанных лиц проводилась на основании Постановления ЦК КПСС от 5-го марта 1940 года. Все они были осуждены к высшей мере наказания по учетным делам заведенным на них как на военнопленных и интернированных в 1939 году.

С момента проведения названной операции, т.е. с 1940 года никаких справок по этим делам никому не выдавалось и все дело в количестве 21.857 хранятся в опечатанном помещении.

Для Советских органов все эти дела не представляют ни оперативного интереса, ни исторической ценности. Вряд ли они могут представлять действительный интерес для наших польских друзей. Наоборот

Док. № 227. — Записка А.Н. Шелепина Н.С. Хрущеву о расстрелянных в апреле—мае 1940 г. военнопленных польских офицерах, полицейских и заключенных тюрем. Фотокопия.

№ 30

к расконспирации проведенной операции, со всеми нежелательными для нашего государства последствиями. Тем более, что в отношении расстрелянных в Катынском лесу существует официальная версия, подтвержденная произведенным по инициативе Советских органов власти в 1944 году расследованием Комиссии именовавшейся: „Специальная комиссия по установлению и расследованию расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу военнопленных польских офицеров."

Согласно выводам этой комиссии все ликвидированные там поляки считаются уничтоженными немецкими оккупантами. Материаль расследования в тот период широко освещались в Советской и зарубежной печати. Выводы комиссии прочно укрепились в международном общественном мнении.

Исходя из изложенного представляется целесообразным уничтожить все учетные дела на лиц расстрелянных в 1940 году по названной выше операции.

Для исполнения могущих быть запросов по линии ЦК КПСС или Советского правительства можно оставить протоколы заседаний тройки НКВД СССР, которая осудила указанных лиц к расстрелу и акты о приведении в исполнение решений троек. По объему эти документы незначительны и хранить их можно в особой папке.

Проект постановления ЦК КПСС прилагается.

Председатель Комитета Государственной безопасности при Совете Министров СССР А. Шелепин

„3" марта 1959 года

20 9485 -59 65

Док. № 227 *(продолжение)*.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От составителей 5
Список сокращений 11

Часть I. Расстрел. Май — июнь 1940 г. 17
Введение 19
Документы 43

Часть II. Судьба живых. Июль 1940 — апрель 1943 г. 187
Введение 189
Документы 217

Часть III. Эхо Катыни. Апрель 1943 — сентябрь 2000 г. 419
Введение 421
Документы 447

Перечень публикуемых документов 593
Список работников центрального и местного аппарата НКВД и НКГБ СССР, фигурирующих в документах тома 613
Указатель имен 637
Фотокопии 663

Катынь
Март 1940 г. – сентябрь 2000 г.
Расстрел. Судьбы живых. Эхо Катыни.
Документы

Ответственный составитель *Н.С. Лебедева*
Технический редактор *О.Н. Сергеева*
Операторы *Е.А. Поташевская, А.Н. Позднякова*
Корректор *Герман Г.И.*

ИД № 03510 от 15.12.2000. Формат 70x100 $^{1}/_{16}$.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Печ. л. 43,0. Тираж 2000 экз.
Изд. № 06/01-з.
Заказ № 944.

ООО Издательство «Весь Мир»
Юридический адрес: 127214, Москва, ул. Софьи Ковалевской, д. 1, стр. 52
Почтовый адрес: 101831, Москва-Центр, Колпачный пер., 9а
Тел.: (095) 917-87-49, 917-80-46. Факс: (095) 917-92-59
E-mail: vesmirorder@vesmirbooks.ru; http://www.vesmirbooks.ru

Отпечатано в Московской типографии № 6 Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
109088, Москва, Южнопортовая ул., 24

Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов

ISBN 577770160-4

9 785777 701602